

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

УЗНИК МАРСА

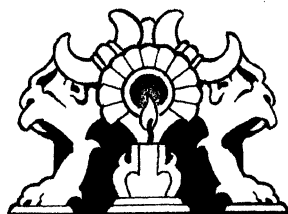

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН

УЗНИК МАРСА

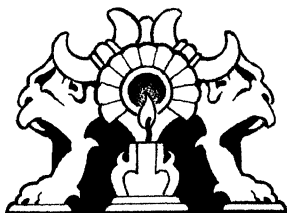
МАРОДЁРЫ ВСЕЛЕННОЙ
УЗНИК МАРСА
ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ
ЛЕТАЮЩИЕ ГОРОДА
ЗАХВАТЧИК ИЗ БЕЗДНЫ ВРЕМЕНИ
ОЗЕРО ЖИЗНИ
КОЛДОВСКОЙ РОД

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН

УЗНИК МАРСА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

ББК 84 (7 Сое)-44
Г18

Составитель А. Лидин

Г18

Эдмонд Гамильтон
Узник Марса. — СПб.: «Издательство
«Северо-Запад», 2017. — 832 с. — (Жел-
тая серия). Тираж 30 экз.

ISBN 978-5-93835-637-5

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

ISBN 978-5-93835-637-5

© Перевод: А.Федотов, В.Федоров,
Н.Рубаи, С.Соловьева 2017

© Оформление

ООО «Издательство
«Северо-Запад», 2015

МАРОДЁРЫ ВСЕЛЕННОЙ

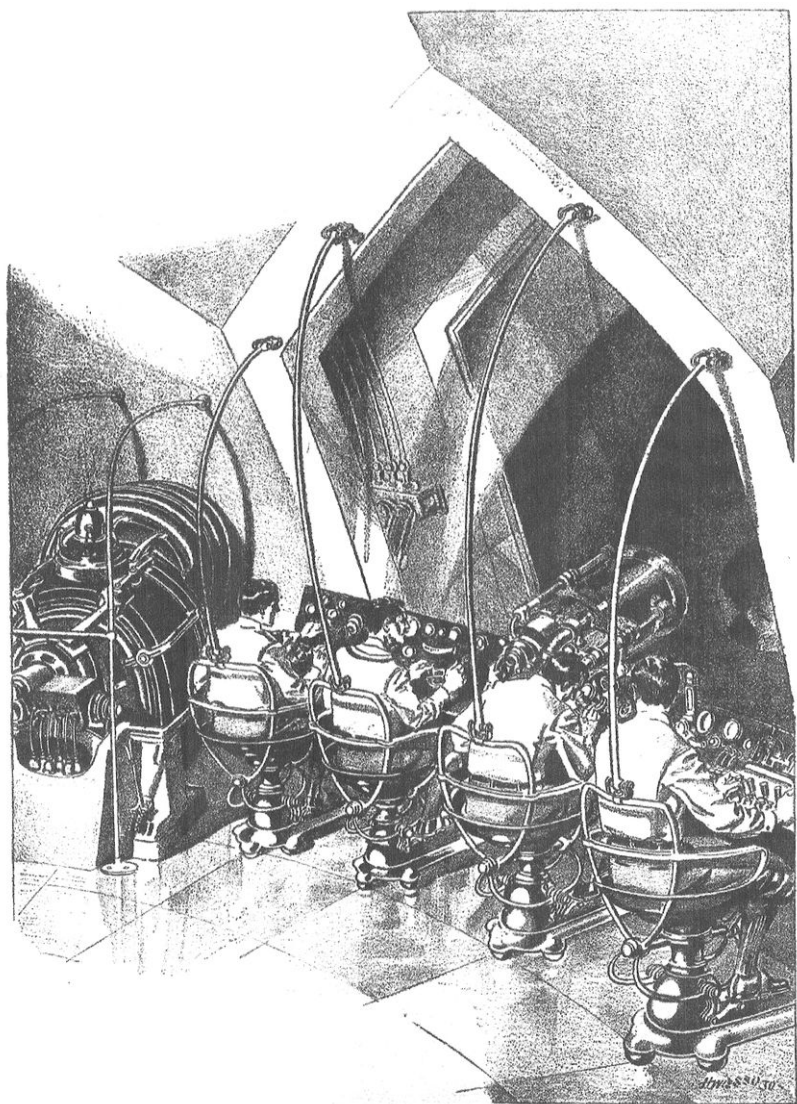
(Сказание о Нептуне)

The Universe Wreckers

журнал «Amazing Stories», № 5-7, 1930

ГЛАВА I. Предупреждение о гибели

Это случилось третьего мая 1994 года — мир получил первые сведения о странностях в поведении Солнца. Первая новость содержалась в кратком сообщении, отправленном из Северо-Американской обсерватории, в Хайде, Нью-Йорк, и подписанном доктором Гербертом Марлином, директором обсерватории. Сообщение гласило, что в течение последних двадцати четырех часов было обнаружено ускорение вращения дневного светила вокруг своей оси под действием неизвестной и, возможно, внешней силы и что вопрос требует дальнейшего тщательного изучения. Несколько часов спустя это сообщение стало достоянием общественности, попав в выпуск новостей Всемирной Информационной Службы Правительства Земли, редакция которой располагалась в Нью-Йорке. Я, Уолтер Хант, руководил вещанием в тот день, и сообщение, я помню, показалось мне настолько малоинтересным, что я решил разместить этот материал в новостях науки, не став помещать его в главные новости.

Но буквально на следующий день Северо-Американская обсерватория разразилась новым отчетом. Доктор Марлин заявил, что он и его первый помощник, астроном-студент Рэндалл, проверили свои наблюдения, и было установлено, что в действительности увеличилась скорость вращения Солнца, причем несколько большее, чем предполагалось вначале. Доктор Марлин добавил, что все средства обсерватории использовались при попытке определить точные параметры этого явления, происхождение которого, как представляется на первый взгляд, довольно непонятно. Все доступные данные, касающиеся его, будут собираться для дальнейшего анализа. И в тот же час пришли подтверждающие отчеты из Парижа и Гонолулу. Обсерватории заявили, что первые наблюдения доктора Марлина уже подтверждены их независимыми

наблюдениями. Без сомнения, Солнце вращалось с каждым мигом все быстрее и быстрее!

Астрономы были первыми, кто оценил важность открытия доктора Марлина, и мы были засыпаны запросами от обсерваторий относительно этого явления. Мы могли только повторить заявление, уже разосланное нами всем ведущим агентствам новостей мира. Это удовлетворило ученых, а широкие круги общественности пока не проявляли к ускорению вращения Солнца никакого интереса. Я, каюсь, тоже. Впрочем, меня зацепила знакомая фамилия ученого, связанная с моими личными воспоминаниями.

— Марлин! Доктор Герберт Марлин — профессор астрономии в Северо-Американском университете. А ведь прошло два года! — воскликнул я, когда начальник отдела передал мне текст первого доклада для вещания

— Вы знаете его? Это хорошо! Предположим, что заявление о том, что увеличилась скорость вращения Солнца, является истинным?

— Без малейшей тени сомнения, если доктор Марлин утверждает, что это так. Он — один из трёх величайших астрономов в мире. Мы с ним были хорошими друзьями в университете, но с тех пор я его, увы, не видел, — ответил я.

Таким образом, на ближайшие несколько дней я стал ответственным за вызвавшие неожиданный интерес начальства новости астрономии. Доклады сыпались из всех обсерваторий Земли, от Женевы и Эвереста до Токио и Мехикосити. Почти все астрономы мира занялись теперь таинственным ускорением вращения нашего светила. В то же время, если само ускорение уже не вызывало сомнений, установить его точные масштабы было не слишком легко. Дело даже не в том, что Солнце вращается довольно медленно. В отличие от твердых тел, оно на экваторе и у полюсов вращается с разной скоростью. Доктор Марлин после тщательных наблюдений заявил, что Солнце — этот гигантский огненный шар, который вращался ранее на экваторе со скоростью один оборот примерно за каждые 25 дней, — теперь имело скорость вращения в районе экватора — один оборот за каждые 24 дня и 12 часов.

Это означало, что период обращения Солнца вокруг своей оси уменьшился на 12 часов за три земных дня, и

это беспрецедентное явление создало шум волнения среди астрономов. Для них, как и для всех, кто придерживался концепции неизменной точности и сверхчеловеческого совершенства движений небесных тел Солнечной системы, происходящее стало невероятным и навязчивым кошмаром. И когда на четвертый день доктор Марлин и целый ряд других наблюдателей сообщили, что период обращения Солнца сократился еще на 4 часа, волнение астрономов было беспрецедентным. Некоторые, пытаясь отрицать очевидное, ставили под сомнение результаты наблюдений. Скорость вращения Солнца, как они утверждали, может быть измерена только посредством наблюдения солнечных пятен, но было хорошо известно, что эти солнечные пятна сами часто меняли позицию, так что это резкое увеличение скорости могло быть только иллюзией.

Эти утверждения, однако, обнаружили несостоятельность перед лицом неоспоримых доказательств. Доктор Марлин и его собраты астрономы предъявили многочисленные гелиофотографии и записи наблюдений с точной привязкой ко времени. Солнце вращалось быстрее, что было несомненным для большей части астрономов — но что заставляло его это делать? Было ли это вызвано прохождением вблизи Солнечной системы загадочного массивного темного тела? Или что-то непостижимое происходило в недрах самого светила? Вторая теория представлялась большинству астрономов более вероятной, нежели первая. Массивное тело из внешнего Космоса должно было бы изменить орбиты планет. А вот некие процессы внутри самого дневного светила, некие колоссальные перемещения масс внутри Солнца, казалось, могли породить загадочное явление. Доктор Марлин, когда его спросили, заявил, что увеличение скорости вращения само по себе уже не вызывает сомнения, но теории, правдоподобно объясняющей причины явления, пока нет.

Пока астрономы бились над этой загадкой, интерес к ней вышел за узкие рамки научных кругов. Больше и больше запросов, касающихся ее, приходило к нам в те странные, тревожные дни. Эти запросы, становившиеся все более и более многочисленными, заставили нас переместить тему из «новостей науки» в «главные новости», так что теперь Солнце

царило не только в небе, но и на всех экранах и во всех лентах новостей старушки Земли. Миру не хватало сенсаций, общество изголодалось по острым ощущениям. Последняя Великая Воздушная война 1972 года закончилась полной отменой всех национальных границ и созданием Всемирного Правительства в новой мировой столице — Нью-Йорке, принесла мир всему миру, но вместе с миром пришла скука. Так что даже сообщение об изменении скорости вращения Солнца скорее возбудило, чем напугало утомленное благополучием человечество.

А феномен из «просто необычного» вскоре превратился в удивительный и даже поразительный. По прошествии пяти дней доктор Марлин и другие астрономы сообщили, что ускорение вращения Солнца продолжается. За день период вращения светила уменьшался на четыре часа. Точность явления опровергала теорию внутренних солнечных катаклизмов. Такие катаклизмы могли вызвать ускорение вращения, но не могли работать с точностью швейцарских часов. Но что могло стать причиной подобного явления? Не изменились же в одночасье сами законы природы?

Пока доктор Марлин и прочие астрономы мудрили над своими теориями, пытаясь объяснить причину происходящего, последствия привлекли к себе внимание по всему миру. Солнечные пертурбации напрямую затронули Землю. Великие бури бушевали на Солнце. Обычно мы называем подобные явления «пятнами». Следствие этих бурь — пучки заряженных частиц, чудовищные потоки электричества, которые, обрушиваясь на Землю, вызывают полярные сияния, перебои со связью, капризы погоды и головную боль. И теперь все это с огромной интенсивностью свалилось на нас. На третий день, 6 мая, над Центральной Атлантикой произошел электрический шторм такой потрясающей силы, что сделал почти невозможными межконтинентальные авиарейсы. Пассажирский лайнер Константинополь — Нью-Йорк и зерновоз Одесса — Балтимор были вынуждены снизиться почти к поверхности воды, чтобы избежать разрушения воздушными электрическими токами из-за грозы, которая обрушилась на них посреди ясного неба. Северное сияние блистало южнее, чем когда-либо прежде. Погода по всему

миру словно сошла с ума. А доктор Роберт Уайтли, коллега доктора Марлина, физик из Северо-Американского университета, открыл новый, неизвестный доселе тип вибраций, по-видимому, как-то связанный с Солнцем и его странным поведением.

Доктор Уайтли сделал доклад, в котором увязал ускорение вращения Солнца и открытое им неизвестное излучение, предположив, что это излучение либо вызывает таинственные процессы на Солнце, либо вызывается ими. Излучение, открытое Уайтли, лежало в области спектра между инфракрасным и радиодиапазонами. Доктор Уайтли давно предполагал существование подобного излучения, но до тех пор, пока Солнце не начало раскручиваться, все его поиски были тщетны. Зато теперь его приборы уверенно регистрировали мощное излучение в искомом диапазоне. «Возможно, что источником излучения являются таинственные силы в солнечных недрах, раскручивающие звезду», — заявил физик.

Хотя открытие доктора Уайтли было интересно, оно, казалось, лежало в стороне от вопроса о реальной причине ускорения вращения Солнца. Прошел шестой день, но не было никаких дальнейших сообщений от Марлина и его собратьев астрономов. Седьмой и восьмой день тоже не принесли новостей. На все наши запросы Марлин отвечал отговорками. Наша служба обрывала ему видеофон, мы закидывали его посланиями. А в ответ звучало одно и то же: «Вопрос изучается, ведутся исследования, подробности будут изложены в официальном сообщении». Похоже, что астрономы всего мира сговорились, решив поиграть в молчанку. Причин этого мы на тот момент не понимали. А над планетой гремели аномальные грозы, небо полыхало полярными сияниями в широтах, где их прежде не видели, температура совершала невероятные прыжки, и никто не знал, чего ждать дальше.

— Можно подумать, что доктор Марлин и другие наши звездочеты накопили что-то, а теперь боятся сообщить об этом, — заметил Маркхэм, начальник службы научной информации, покачав головой.

— Они сделали из этого тайну, отмалчиваются, словно не понимают, что это уже давно главная тема всех новостей.

Почему они перестали сообщать даже просто данные о поведении Солнца? — добавил он недоуменно.

Этот вопрос повторялся очень часто в те дни многими людьми. Публику безумно раздражало молчание доктора Марлина и его коллег ученых. Что, черт возьми, они узнали, и почему они скрывали это от Международной Службы Новостей? Ползли слухи о том, что все это — грандиозная мистификация, либо наоборот, тайный заговор ученых во главе с доктором Марлином. Горячие головы требовали от президента Соединенных Штатов Земли и от Всемирного Конгресса принятия мер, для того чтобы заставить астрономов выдать их обычные отчеты. А потом доктор Марлин выступил со своим докладом, и возмущение сменилось паникой. Мир замер в ужасе. Над планетой нависла угроза гибели, и гибель эта казалась неминуемой!

Это случилось 13 мая. Десять дней прошло после первого сообщения доктора Марлина. И вот наша Служба Новостей озвучила миру эпохальное заявление ученых. Сначала Марлин объяснил молчание свое и коллег астрономов, в несколько предыдущих дней.

— В эти дни все обсерватории в мире занимались интенсивными исследованиями ускорения вращения Солнца, которое я обнаружил. Каждый день скорость вращения нашего светила продолжала увеличиваться, абсолютно равномерно! Каждый день период обращения светила становился короче на четыре часа. Итого — 40 часов. Другими словами, десять дней назад Солнце, как это было всегда, делало один оборот каждые 25 дней, на экваторе. Теперь — один оборот каждые 23 дней, 8 часов, — объявил Марлин, затем продолжил. — И увеличение скорости вращения продолжается! С каждым прошедшим днем Солнце вращается все быстрее, с каждым днем оно уменьшает период обращения на 4 часа. И если это будет продолжаться, то можно утверждать, что мы знаем день гибели Солнца! Всем известно, что при вращении любого тела возникает центробежная сила, которая при определенной скорости разрывает тело на куски. К счастью для нас, скорость вращения Солнца слишком мала, а масса слишком велика, чтобы бояться разрыва Солнца даже в теории. Мы знаем, однако, что под действием гравитационного сжатия Солнце будет вращаться

все быстрее и быстрее, пока центробежная сила не преодолеет силу гравитации, и тогда Солнце распадется на несколько фрагментов, став двойной или тройной звездой. Тысячи, десятки тысяч звезд нашей галактики и во Вселенной двойные или множественные звезды, сформировавшиеся таким путем деления одного светила, скорость вращения которого стала слишком большой... Но, как я уже говорил, наше собственное Солнце, казалось, в ближайшие десятки миллиардов лет избежит такой судьбы. Прирост скорости его вращения был столь медленным, что оно должно было угаснуть раньше, чем центробежная сила сможет разорвать его. У нас были впереди миллиарды и миллиарды лет. Наше Солнце делало один оборот за 25 дней на экваторе, и точные расчеты показывали, что ему ничто не будет угрожать, пока период его обращения не станет равен одному часу. При известных нам параметрах Солнца от рокового момента нас отделяла, по сути, целая вечность. Но теперь все изменилось! Неизвестная сила вмешалась в небесную динамику, раскручивая Солнце, точно волчок! Быстрее и быстрее, сокращая период обращения Солнца на 4 часа в день, каждый день! Понимаете, что это значит? Это значит, что если текущая тенденция сохранится, наше светило всего через 140 дней начнет делать один оборот вокруг своей оси за час! Таким образом, 140 дней отделяют нас от того неотвратимого момента, когда наше Солнце разорвется на две части, и вместо Солнца появится двойная звезда! Что означает смерть для Земли и почти всех ее сестер планет! Чудовищный пожар вселенского катаклизма — разделение звезд — сметет планеты с орбит и обрушит их в пылающие недра звезды! Меркурий, Венера, Земля и Марс, несомненно, погибнут в адском пламени первыми. Юпитер и Сатурн, и весьма вероятно Уран постигнет та же участь, но, возможно, на несколько дней или часов позже. Только Нептун, самая далекая от Солнца из больших планет, находится достаточно далеко, чтобы уцелеть и стать планетой новой двойной звезды. Если Солнце продолжит ускорять свое вращение, как это происходит сейчас, катаклизм произойдет неизбежно, и неизбежная гибель в огне ожидает Землю, планеты Солнечной системы и весь наш уголок Вселенной!

ГЛАВА II. Враг на Нептуне!

— Гибель нависла над нами. Нам угрожает вселенский пожар из-за распада Солнца, который уничтожит Землю и почти все планеты! Паника уже сейчас охватила все народы Земли, такая паника, какой никогда не было раньше, и дальше будет хуже! Однако, даже перед лицом неизбежной катастрофы, мы — депутаты Всемирного Правительства, мы, кто представляем все народы Земли, должны стремиться найти выход из сложившейся ситуации!

Президент Всемирного государства на мгновение умолк, взгляд его мудрых карих глаз был устремлен на зал, словно он пытался донести смысл сказанного до каждого. Перед трибуной амфитеатром возвышались ряды кресел, на которых в напряженном ожидании застыли одетые в разноцветные современные короткие одеяния без рукавов мужчины и женщины, конгрессмены, 1200 человек, которым народы Земли доверили свою судьбу. Маркхэм — мой шеф и я находились непосредственно у трибуны, обеспечивая прямую трансляцию выступления президента по всему миру. Сидя там, я мог, взглянув вверх, увидеть рядом с президентом двух ученых, хорошо известных мне: доктора Марлина, с гривой пепельных волос и непринужденно развалившуюся в кресле фигуру великого физика доктора Роберта Уайтли, с его темными волосами, насмешливой улыбкой и холодным взглядом, который с большим интересом разглядывал президента. И когда тот начал говорить снова, мой собственный взгляд тоже невольно устремился к нему.

— Всего лишь три дня назад доктор Герберт Марлин и его собраты астрономы предупредили мир о гибели, что нависла над нами, — о том, что менее чем через пять месяцев, если Солнце продолжит ускорять свое вращение вокруг оси, нас всех, саму Землю и соседние планеты ожидает смерть в пламени рождения двойной звезды. Уже три дня человечество охвачено ужасом, три дня мир рискует скатиться в хаос насилия и полной неразберихи. Достаточно сказать, что первые беспорядки, вызванные массовым ужасом в Европе и Северной Азии, были подавлены полицейскими и что во всем мире в настоящее время поддерживается порядок, и большинство

областей нашего мира продолжают вести обычную жизнь. Тем не менее всем ясно, что паника, которую вызвало это явление, не уменьшилась, а набирает новую силу с каждым днем по мере приближения роковой даты. С каждым днем наша Земля ближе к смерти!.. Каждый день на протяжении этих трех дней, скорость вращения Солнца продолжает увеличиваться на ту же точную величину! Каждый день его период обращения уменьшался на 4 часа! Нет причин сомневаться, что причина странного ускорения будет действовать на наше светило и дальше, пока через 137 дней от настоящего момента период обращения Солнца не составит один час. Когда это произойдет, наше Солнце будет, как доктор Марлин и предупредил, разорвано центробежной силой и станет двойной звездой! Ничто во Вселенной не сможет спасти нашу Землю или соседние планеты тогда. Наша единственная надежда, таким образом, наш единственный способ сохранить себя заключается в том, чтобы устранить причину явления, чтобы остановить то, что ускоряет вращение Солнца, прежде чем оно достигнет своей критической точки! Только остановив ускорение вращения Солнца, мы сможем спастись! Но можем ли мы остановить это ускорение вращения Солнца, когда ни один из наших астрономов не смог выяснить его причину? Это тот вопрос, который вы имеете полное право задать, и в ответ на это я говорю несколько часов назад двое из наших ученых сделали грандиозное открытие. Причина бедствия установлена. То, что они установили, кажется невероятным и почти невозможным, но это правда. Эти ученые хорошо известны всем вам, ибо это доктор Герберт Марлин, который первым обнаружил факт ускорения вращения Солнца, и доктор Роберта Уайтли, его коллега физик, который занимается изучением нового диапазона излучений, диапазона, который был обнаружен им как раз тогда, когда загадочная сила начала свою работу по разрушению Солнечной системы. Эти ученые обнаружили, наконец, в чем причина страшного и странного поведения нашего Солнца, и это причина того, что я собрал это экстренное заседание Всемирного Правительства. Теперь я предоставляю слово доктору Марлину. Он лучше меня расскажет о сути открытия и о том, какие последствия это открытие будет иметь для всех нас.

Президент Земли покинул трибуну, и его место занял доктор Марлин. Ученый спокойно и твердо смотрел в глаза собравшимся представителям народов планеты. Ученый мгновенно овладел вниманием аудитории, создав атмосферу напряженного ожидания. Казалось, сам воздух в зале пропитался электричеством. Через огромные окна в зал вливался шум озаренного солнцем города, но в самом зале повисла тишина, которую можно было бы назвать оглушительной. А потом эту тишину разбил спокойный голос Марлина.

— Тринадцать дней назад было впервые обнаружено ускорение вращения Солнца, тринадцать дней назад оно началось, и одновременно начались наши поиски его причины. Все эти дни обсерватории мира вели пристальные наблюдения за светилом, обсчитывали модели процесса, и, наконец, несколько дней назад нам стали ясны катастрофические перспективы гибели Солнечной системы. С самого начала вызывала недоумение удивительная точность, регулярность и правильность процесса. Настолько точное увеличение скорости вращения — ровно на 4 часа в день — невозможно объяснить известными нам внутренними солнечными процессами. Оно не может быть результатом влияния некоторого темного тела, приблизившегося к Солнечной системе из внешнего Космоса, такое тело исказило бы, прежде всего, орбиты планет. Что же может быть причиной этого явления? Вот что я и все астрономы пытались понять в последние дни. Это большая загадка наконец была решена не астрономом, а физиком, доктором Робертом Уайтли, моим другом, профессором в университете Северной Америки... Следует напомнить, что когда первые очевидные эффекты ускорения вращения Солнца — магнитные бури и аномальные грозы — взволновали общественность, доктор Уайтли обнаружил новый тип электромагнитных волн, новый диапазон излучения. Эти волны лежат в промежутке между инфракрасным и радиодиапазонами, представляя собой неизвестный доселе диапазон частот. Импульсы этих волн, как выяснил Уайтли, оказывали значительное влияние на материю, их давление многократно превышает давно известное световое давление. Поначалу казалось разумным предположить, что это

излучение — продукт неизвестных процессов, происходящих в недрах Солнца. Однако в следующие дни выяснилось, что это не так. Используя чувствительные детекторы, Уайтли пытался запеленговать направление на источник таинственных волн, исследуя разные части неба. С помощью этих инструментов он был в состоянии проследить, откуда исходит таинственный луч и куда он направлен. Так вот доктор Уайтли обнаружил, что источник неизвестного излучения находится совсем не там, где можно ожидать. Таинственный луч не исходил от Солнца! Напротив, он был направлен на Солнце с далекой, холодной окраины Солнечной системы! И, отследив его путь по всей Солнечной системе, доктор Уайтли обнаружил, что сверхмощный силовой луч был направлен на Солнце от планеты Нептун, что чудовищный поток энергии связал окраинную планету с сердцем системы!.. Как вскоре выяснилось, именно этот луч раскручивает Солнце! Этот луч, с его потрясающей силой, способный своим давлением перемещать материальные тела, — и есть причина грядущей катастрофы! Вы знаете, что даже световые лучи могут оказать определенное давление на материальные тела. Но световое давление слишком слабо. Иное дело новые лучи — их давление в миллиарды раз мощнее. С помощью этих лучей, сквозь безмерную пустоту Космоса, некто или нечто на Нептуне стремятся разрушить наш мир! Этот чудовищный луч, направленный на Солнце, заставляет светило вращаться все быстрее, словно рука вращающееся колесо... Силовой луч с Нептуна направлен по касательной к Солнцу, как бы ударяя в край видимого с Нептуна солнечного диска, этот луч давит на Солнце в районе экватора! Давление этого луча ускоряет вращение звезды равномерно и точно, сокращая период обращения светила на 4 часа каждые земные сутки. И через 137 дней этот луч разрушит Солнечную систему!.. Для Нептуна же катаклизм станет благом. В обновленной системе двойной звезды Нептун получит свет и тепло, которого ему не хватает. У меня нет ни малейших сомнений в том, что силовой луч — дело рук разумных существ, обитающих на Нептуне! Никогда и никто из астрономов в ходе дискуссий о жизни и разуме во Вселенной не рассматривал Нептун как обитаемую планету даже гипотетически. Ввиду

удаленности от Солнца Нептун представлялся нам ледяным адом, миром холода и мрака. Но теперь, когда направленный с Нептуна луч разрушает Солнечную систему, мы не можем более сомневаться в том, что нептунские существа существуют!.. Они существуют... и хотят уничтожить нас, сделав Солнце двойной звездой! Об их мотивах и целях мы можем только догадываться. Мы знаем, что Нептун — единственная планета, которая уцелеет в катаклизме. Возможно, нептунские существа видят в этом выгоду. Или же ими движет желание получить побольше тепла и света. Или что-нибудь еще. Они явно преследуют некую грандиозную цель. Но попытка понять их мотивацию сейчас не так важна. Сейчас важен только один вопрос: как их остановить?! И у нас есть только одно средство! Мы должны уничтожить генератор чудовищного силового луча, которым нептунские существа пытаются разрушить Солнце, а для этого должны полететь к Нептуну! И только разрушив генератор, мы сможем спасти Землю и другие планеты! Наше предложение, план полета к Нептуну может показаться кому-то из вас невозможным. При всех наших знаниях, при всем прогрессе, достигнутом за последние десятилетия, мы не сумели добраться даже до ближайших планет. Правда, нам удалось отправить автоматические ракеты на Луну, но мы не сумели добраться ни до Марса, ни до Венеры. И таким образом, идея полета к дальнему рубежу Солнечной системы, к её последнему форпосту, может казаться абсурдной. Но это не так! Теперь наконец у нас есть средство, для того чтобы сквозь бездны Космоса прорваться к планетам! И это средство — тот самый силовой луч, которым нас уничтожают неведомые враги с Нептуна!.. Доктор Уайтли не только открыл данный тип излучения, после тщательных исследований он научился генерировать это излучение! Он смог разработать небольшие генераторы силового луча, и теперь мы можем построить генератор силового луча огромной мощности. Такой генератор — прекрасный двигатель для космолета! Направив силовой луч вниз, мы умчимся вверх — по принципу ракеты. Оттолкнувшись от Земли, корабль сможет развить чудовищную скорость, Земля же, ввиду ее огромной массы, совершенно не пострадает. Нужно только направить космолет в точку, где в расчетный момент будет находиться

планета, и включить луч. И — вперед на любой скорости, в пределах скорости света! Ускорение можно регулировать, изменяя мощность луча. Чтобы избежать притяжения других планет, мимо которых может быть проложен маршрут, хватит небольшого импульса луча в сторону планеты. Когда космолет приблизится к планете, являющейся целью полета, тот же луч позволит плавно погасить скорость и совершить мягкую посадку!.. На таком космолете, основанном на применении силового луча нептуниан, мы можем сами достичь Нептуна! Космолеты такого типа легко доберутся до Нептуна примерно за десяток дней. У нас есть возможность построить такой корабль, даже целый флот таких кораблей, и у нас есть необходимость сделать это! И я предлагаю начать строительство космолетов с лучевым двигателем немедленно, дабы как можно скорее послать экспедицию к Нептуну, чтобы найти и, если возможно, уничтожить нептунианский генератор силового луча, этот источник наших проблем, эту причину нашей почти неизбежной гибели!.. Маленький космолет-разведчик, способный нести экипаж из трех или четырех человек и всю необходимую аппаратуру, приборы и припасы, может быть построен за месяц или чуть больше, если удастся завершить работу над силовой установкой и большим генератором лучей Уайтли. Мы должны послать на Нептун в первый раз именно такой маленький корабль-разведчик! До катастрофы, которая разрушит Солнце, остается около четырех месяцев. Экипаж разведчика сумеет подобраться к Нептуну и обнаружить генератор луча, и если даже не сможет разрушить эту машину смерти самостоятельно, то, по крайней мере, сможет доставить на Землю данные о её точном местоположении. Земля же, за время, отведенное на первую экспедицию, должна построить мощный боевой флот, готовый вылететь к Нептуну, чтобы нанести по противнику сокрушительный удар. Все зависит, однако, от того, успеем ли мы построить и послать наши корабли вовремя, пока у нас еще есть время!.. Боевой флот из космических дредноутов, разумеется, невозможно построить за месяц. Однако маленький четырехместный разведчик, за месяц построить можно, если сосредоточить на этой задаче усилия и средства. И я сам стану одним из четверых, кто отправятся в эту экспедицию!.. Когда я ознакомил

президента с нашим планом, он попросил меня назвать кандидатуру командира корабля, я вызвался добровольцем! Другим из четырех должен стать доктор Уайтли, чье открытие силового луча обитателей Нептуна открыло нам глаза на причину грядущей катастрофы, а также сделало возможным дальние космические полеты. Третьим членом экипажа я назначаю, с вашего позволения, моего ассистента, Алана Рэндалла. Четвертым же членом экипажа для этой рискованной миссии считаю целесообразным назначить кого-нибудь из молодых сотрудников Всемирной Службы Новостей. Он сможет грамотно составить полный отчет о результатах экспедиции, о самом генераторе разрушительного силового луча и доставить этот отчет на Землю как основу для действий флота, в случае если мы не сможем уничтожить генератор луча сами... Это последний шанс для Земли и Человечества: только отправившись к Нептуну, мы сможем остановить нептуниан. Постройка космического флота — вопрос выживания нашего вида. Если мы построим флот космолетов вовремя, если доберемся до Нептуна, если сумеем разрушить адскую машину врага, если мы успеем все это за 137 дней — выживем. Но если мы не сможем сделать этого, если мы окажемся не в состоянии за короткое время, оставшееся у нас, выполнить задачу уничтожения вражеского силового луча, то существа с Нептуна реализуют свой план, испепелив все планеты нашей системы, кроме Нептуна!

Решительный и твердый голос доктора Марлина смолк: на несколько минут в зале повисла тишина, а затем голоса тысячи двухсот конгрессменов слились в оглушительный рев! Мое сердце было готово выпрыгнуть из груди от того, что я услышал.

Повернувшись, я бросил пару слов Маркхэму, а затем одним прыжком взлетел к трибуне! Зал гудел от оглушительных аплодисментов и криков одобрения, на возвышении возле трибуны стояли вместе Марлин и Президент, и я оказался рядом с ними. Я кинулся к ним, пытаюсь перекричать тысячу двести человек.

— Четвертый человек я, сэр! — умолял я — Четвертый член экипажа! Возьмите меня четвертым!

Президент Земли, узнав меня, повернулся к доктору Марлину, вопросительно взглянув на него. Ученый кивнул, положив руку мне на плечо.

— Хант из «Новостей». Он молод и имеет хорошую научную подготовку. Он был одним из моих студентов. Мы не могли бы найти лучшего четвертого члена экипажа, — задумчиво сказал он.

Мое сердце едва не разорвалось от восторга при этих словах. Потом Президент Земли кивнул мне.

— Вы зачислены в состав экспедиции, господин Хант, — сказал он, пожимая мою руку. Мы — Марлин, Уайтли и я — стояли там, перед лицом Конгресса, перед лицом всего мира. Президент вновь повернулся лицом к Конгрессу, поднял руку, призывая к тишине и вниманию. Аплодисменты звучали еще пару минут, овация возродившейся надежде, торжество веры в Человека, но затем шум утих, и взгляды собрания вновь обратились к Президенту.

— Вы, члены Всемирного Правительства, слышали то, что доктор Марлин сообщил нам... — объявил он. — Последняя и единственная надежда для нас — сосредоточить все силы и средства мира на постройке космолетов и, прежде всего, первого разведчика. Этот безумно отважный прыжок в бездну Космоса, навстречу неведомым опасностям и неведомому врагу с Нептуна, это безумное предприятие — единственный шанс для Земли и Человечества. Но я верю в вас, верю в людей. Я не сомневаюсь, что через месяц космолет-разведчик будет готов к старту. Я уверен, что через месяц доктор Марлин и его бесстрашная команда отправятся в неизвестность, ринутся в бездну Космоса, и я уверен — они сделают все возможное и невозможное, чтобы достигнуть Нептуна!

ГЛАВА III. Космолёт стартует

— Еще максимум три дня — и космолёт будет готов!

В голосе Марлина звучало волнение и торжество. Уайтли, стоявший рядом с ним, кивнул. — Еще три дня — и мы стартуем.

Мы вчетвером — Марлин и Уайтли, Рэндалл и я — стояли на плоской крыше гигантского здания — резиденции Всемирного Правительства, этого громадного цилиндрического белого небоскреба, который возвышается на две тысячи футов в центре столицы мира, Нью-Йорка. Вокруг нас простиралась величественная панорама всемирной столицы с ее зелеными парками и сияющими авеню, с могучими цилиндрическими небоскребами, некоторые из которых вырастали прямо из вод залива. Послеполуденное небо наполняли облака летательных аппаратов, многие из которых были конвертопланами и для взлета и посадки разворачивали вертолетные винты. Воздух наполняло шуршание этих винтов, а вдали заходил на посадку громадный лайнер из Сингапура, плавно снижаясь по направлению к гигантскому плоскому зданию аэропорта.

Но ни суматоха в воздухе, ни миллионные толпы людей, сновавших по своим делам внизу, не могли отвлечь внимание от огромного металлического объекта, к которому были прикованы все взгляды и который стоял на крыше перед нами.

Это был большой блестящий металлический многогранник, который возвышался над вспомогательными конструкциями рядом с ним, огромный граненый кристалл металла примерно тридцати футов в диаметре. На его поверхности, сверкающей как зеркало, тут и там блестели огромные шестиугольные иллюминаторы из толстого прочного прозрачного материала, которые, впрочем, могли быть надежно закрыты прочными металлическими диафрагмами. В шести гранях — на верхнем и нижем «полюсах» и в четырех диаметрально противоположных точках «экватора» зияли темные круглые отверстия. В одной из боковых граней, кроме того, имелся люк, диаметром несколько футов; этот люк был открыт, демонстрируя небольшую шлюзовую камеру, внутренний люк которой был тоже открыт, так что можно было созерцать интерьер внутри многогранника. Интерьер этот выглядел как причудливое хитросплетение разнообразных приборов и механизмов.

Это и был космолет — детище доктора Марлина.

— Завершим в три дня, — повторил он. — Все готово, осталось смонтировать последний генератор.

— Это будет сделано в течение двух дней, — объявил Рэндалл, стоявший рядом со мной. — Все остальные работы правительственных лабораторий были приостановлены, для того чтобы сделать эти генераторы для нас.

— Они работали быстро, три генератора уже готовы. Хорошо, что Уайтли сам руководил работой. Совместная работа с ними позволила ему быстро пройти путь от сырого лабораторного образца до действующей машины, — признал Марлин.

— Мы удачно уложились в месяц. Но если бы весь мир не работал над нашим проектом, вряд ли мы смогли бы сделать хоть что-то. Тем больше наша ответственность, — подытожил я.

Этот месяц, действительно, был периодом напряженной и разнообразной деятельности для Марлина и Уайтли, для Рэндалла и меня; эти безумные четыре недели, прошедшие с того дня, когда Марлин предложил великий план Всемирному Правительству. Весь этот месяц мы и весь мир бились над постройкой корабля, который должен был унести нашу четверку в глубины Ккосмоса в попытке уничтожить чудовищный луч, раскручивавший Солнце, обрекая человечество на гибель. И каждый день период обращения Солнца вокруг оси сокращался еще на 4 часа. Инструменты доктора Уайтли фиксировали невидимую разрушительную работу чужого разума. Луч с Нептуна упирался в Солнце, раскручивая его, как волчок. Период обращения Солнца составлял уже всего 18 дней и 4 часа, часики тикали, отсчитывая последние дни Солнечной системы, волна времени несла нас на гребне неизбежности к погребальному костру рождения двойной звезды.

Весь мир знал об этом, и все стремились помочь нам. Доктор Марлин возглавил строительство, опираясь на своего помощника, Рэндалла, которого я встретил тут в первый раз и обнаружил, что это веселый рыжий парень моих лет. После консультаций с лучшими инженерами мира Марлин и Рэндалл избрали для нашего корабля форму многогранника. Такая форма, как было установлено, может противостоять перегрузкам при ускорении намного лучше, чем сферическая. Наш корабль был рассчитан на маневры как в свободном пространстве, так и в

гравитационном поле планет, на любые мыслимые ускорения и их перепады.

Одновременно с работой над формой корабля началась работа над его внутренним устройством. Президент внес предложение, и мы согласились монтировать корабль на громадной плоской крыше здания Правительства Земли. Лучшие ученые и инженеры Земли прибыли для участия в строительстве космолета. Мы ни в чем не знали отказа — народы Земли были готовы на все, чтобы спастись от нависшей над всеми нами гибели, и как утопающий хватается за соломинку, схватились за наш рискованный проект. С тех пор как общая картина космической катастрофы и ее причина стали достоянием гласности, человечество стало единым как никогда ранее перед лицом неведомых врагов из космической бездны. Работа шла круглые сутки, посменно. Одна бригада сменяла другую. Марлин, Уайтли и Рэндалл постоянно направляли, консультировали, контролировали. И граненая оболочка корабля росла не по дням, а по часам.

Оболочка, спроектированная Марлином, была двойной. Вакуум между стенками служил великолепной термоизоляцией, предохраняя экипаж от чудовищного жара солнечных лучей, не смягченных атмосферой, от холода космической бездны — от всех тех чудовищных перепадов температуры, которые неизбежны в космическом полете. Ведь перепад температур между теневой и освещенной частью корабля мог достигать сотен градусов! Стенки обеих оболочек — наружной и внутренней — состояли из чередующихся слоев великолепной стали и асбеста, спрессованных в тонкие листы с использованием новой, невиданной технологии. Сами листы были сварены при помощи новой технологии бесшовной сварки на основе молекулярной диффузии, так что граненый корпус был, в сущности, монолитным.

Лишь в одной из граней имелся люк, за которым скрывалась шлюзовая камера, через которую можно было попасть внутрь корабля. Внутри приборы и оборудование покрывали всю поверхность стен, за исключением огромных шестиугольных иллюминаторов из сверхпрочного прозрачного материала. Под одним из этих иллюминаторов — в условном «носу» корабля — размещался главный пульт управления.

На этом пульте блистали хромом шесть небольших рычагов, служивших для управления генераторами лучей Уайтли. Эти лучи были нашим двигателем и нашим оружием. Их силы было достаточно, чтобы нести нас сквозь космос или чтобы смести с нашего пути небольшой астероид. Перед пультом имелось вращающееся кресло, снабженное системой пневматических амортизаторов и ремнями безопасности. В этом кресле должен был сидеть пилот, он же, при необходимости, стрелок.

Слева от пульта управления размещалась панель циферблатов и переключателей четырех генераторов. Сами генераторы — сверкающие металлические кубы — размещались в противоположной части внутреннего пространства космолета и в качестве источника энергии использовали супербатареи Ньюсона-Конетти. Работая от этих батарей, каждая из которых мощностью превосходила крупную электростанцию, эти кубы генерировали могучий силовой луч, по сравнению с давлением которого обычное световое давление — ничто. Излучение по толстым черным волноводам, скрытым между двойными стенками корабля, подавалось к шести дюзам — черным отверстиям в шести точках сверкающего корпуса. При помощи этих лучей мы могли разогнаться почти до скорости света!

Перед пультом генераторов с его многочисленными шкалами и циферблатами размещалось кресло инженера, той же конструкции, что и кресло пилота. А между ними — кресло второго пилота, перед которым возвышался усеянный приборами пульт. Приборы для измерения скорости и определения положения корабля в пространстве относительно небесных тел, датчики забортной и внутренней температуры и сотни других приборов располагались здесь. На этом же пульте располагались приборы системы жизнеобеспечения корабля — отсюда можно было отслеживать состав воздуха и регулировать удаление углекислоты и других вредных газов, которые затем в специальных установках разлагались на атомы, и подачу дополнительного кислорода из резервуаров, в которых живительный газ хранился в жидкой форме. Отсюда же контролировалась и система терморегуляции корабля, по трубам которой бежал газ нагревавшийся на

солнечной стороне корабля и охлаждавшийся на теневой, обеспечивая комфортную температуру внутри. С этого же пульта осуществлялось управление множеством других механизмов, таких как диафрагмы иллюминаторов, люки шлюза и прочее.

Справа размещалось четвертое кресло, перед которым была смонтирована целая батарея компактных, но сверхмощных астрономических инструментов. Присутствовал десятидюймовый рефрактор, его объектив смотрел непосредственно в большой гексагональный иллюминатор, а трубаблагодаря новому принципу «переотражения» не превышала в длину диаметра объектива. Там был также небольшой, но эффективный спектроскоп, устроенный аналогично, микрометрический аппарат для точного измерения угловой величины небесных объектов и экранированный болометр для измерения температуры небесных тел.

Эти четыре металлических кресла были снабжены надежной системой пневматических амортизаторов, которые позволяли нам выдержать чудовищные перегрузки при взлете, маневрах и посадке. Сидя в них, мы имели возможность смотреть вперед в пустоту, а ремни позволяли нам надежно фиксировать себя в креслах в условиях невесомости. На стенках кабины, среди приборов, тут и там размещались скобы, хватаясь за которые, в невесомости мы могли быстро передвигаться по кораблю, а специальные металлические рамы, к которым можно было пристегнуться, должны были служить койками для сна.

Здесь же, между приборами на стенках, притаились шкафы с запасами воды и пищи в банках-термосах, избавлявших нас от необходимости готовить. В других шкафах хранились баллоны с кислородом и прочие припасы. На специальных кронштейнах на стенах крепились «космоходы» — индивидуальные капсулы для выхода в открытый космос, более надежные, нежели скафандр. Это были цилиндры из металла семи с небольшим футов в высоту и три в диаметре, увенчанные металлическими куполами, снабженными прозрачным иллюминатором. Каждый «космоход» был снабжен собственным приводом Уайтли и системой регенерации воздуха. Полые металлические рукава с шарнирными сочленениями заканчивались металлическими клешнями, которыми можно было хватать предметы,

управляя клешней изнутри рукава. Словом, это был небольшой одноместный корабль с собственным двигателем и, по совместительству, скафандр.

Все это многообразное хозяйство было надежно закреплено на своих местах внутри космолета. Лучшие лаборатории и заводы мира поработали на славу, ценой невероятных усилий это чудо инженерной мысли удалось построить всего за месяц! И теперь мы смотрели на наш корабль с замиранием сердца. В течение трех дней, как сказал Рэндалл, закончится монтаж последнего генератора. И настанет момент нашего старта, когда этот сверкающий многогранник умчит нас в Великую Пустоту навстречу Неведомому! Глядя на сверкающий в лучах предзакатного солнца корабль, я вдруг почувствовал всю невероятную, выходящую за рамки здравого смысла грандиозность и сложность нашего предприятия.

— Лететь к Нептуну... к Нептуну! Это кажется невозможным! — прошептал я.

Марлин кивнул, его рука легла мне на плечо.

— Кажется невероятным, но на Нептун мы улетаем через три дня. Это единственный шанс спасти Землю от гибели.

— Но сможем ли мы? — воскликнул я. — Вчетвером мы собираемся бросить вызов цивилизации, раскручивающей звезды, как детские волчки! Неужели у нас есть шанс? — я не мог сдержать накатывающий приступ слабости.

Марлин серьезно посмотрел на меня, Уайтли и Рэндалла, стоявших рядом.

— Мы обязаны найти этот шанс, — торжественно сказал он. — Несмотря на то, что у нас остается мало времени, мы — последняя и единственная надежда Земли, и не допустим, чтобы эта надежда оказалась напрасной!..

Эти слова Марлина, я думаю, вдохнули в нас силы, позволившие пережить последние три дня перед стартом. В течение этих трех дней мы непрерывно тренировались, готовясь к исполнению своих полетных обязанностей. Уайтли, как разработчик, отвечал за генераторы, и все четыре дня возился с ними, тестируя, настраивая и перенастраивая. Рэндалл и я осваивали пульт управления: нам по очереди предстояло быть пилотами, ведя космолет к цели сквозь пустоту. Марлин, который взял на себя функции не только командира, но

и навигатора, с группой ведущих астрономов погрузился в расчеты, прокладывая оптимальный курс корабля. Так что 16 июня, в день, на закате которого мы должны были стартовать, рассвет застал нас все еще за работой.

Всё это время мир кипел в возбужденном ожидании. Днем здание Всемирного Правительства, с крыши которого наш корабль должен был стартовать, осаждали неисчислимые толпы народа. Все знали, что от исхода нашей миссии зависит судьба каждого, судьба самой Земли. Солнце в небесах продолжало набирать обороты, каждый час приближал его к роковому мигу космической катастрофы. Последние часы перед стартом были мучительно, невыносимо долгими.

Наконец настала ночь 16-го — ночь нашего старта. Космолет был готов к прыжку в глубины Вселенной. Последняя работа Марлина и Уайтли на Земле заключалась в том, чтобы проверить документацию и чертежи космолета, которые должны были остаться на Земле для срочного строительства боевого космофлота. Мы должны были вернуться с Нептуна с данными об источнике непунианского луча, чтобы флот мог предпринять попытку атаки. А для этого мы должны были вернуться. Мы не могли передать данные по радио из-за слоя Хевисайда¹, окружающего нашу планету, который радиоволны нашего передатчика могли не пробить... Наконец в районе полуночи все было готово к старту.

Мы должны были стартовать в час ночи, поэтому в начале первого наша четверка покинула свои апартаменты в здании Правительства и вышла на крышу. Там мы невольно остановились. Белый свет могучих прожекторов заливал все вокруг, здание окружало людское море. Наверное, сотни тысяч мужчин и

¹ Ионосфера — слой атмосферы планеты, сильно ионизированный вследствие облучения космическими лучами. У планеты Земля — это верхняя часть атмосферы, состоящая из мезосферы, мезопаузы и термосферы, главным образом ионизированная облучением Солнца. Ионосфера Земли состоит из смеси газа нейтральных атомов и молекул (в основном азота N_2 и кислорода O_2) и квазинейтральной плазмы. Степень ионизации становится существенной уже на высоте 60 км. В зависимости от плотности заряженных частиц в ионосфере выделяются слои D, E и F. Слой E, расположенный на высоте 90-120 км от поверхности Земли, иногда называют слесом Хевисайда. Слой E в силу относительно высокой концентрации свободных носителей заряда играет важную роль в распространении средних и коротких волн. В 1930 году, когда повесть была написана, слой Хевисайда считался непреодолимым препятствием для межпланетной радиосвязи. (Здесь и далее — прим. перевод.).

женщин замерли в напряженном ожидании. На самой крыше тысяча двести членов Всемирного Конгресса также собрались проводить нас. Они стояли вокруг площадки, огражденной канатами, в центре которой стоял космолет. Внутри ограждения людей почти не было — только Президент и несколько высших государственных чиновников.

Эта сцена навеки отпечаталась в моей памяти — суровый Марлин, хладнокровный Уайтли, мы с Рэндаллом, пытающиеся скрыть безумное волнение. Яркий свет прожекторов, бескрайнее людское море вокруг белой громады здания правительства, блеск обшивки корабля, приковавшего к себе внимание всего человечества — все это было величественно и торжественно. Но наши взгляды невольно устремились в небо. Там, невысоко над горизонтом, сияли экваториальные созвездия — Скорпион, Стрелец и Козерог, со спокойным белым сиянием Юпитера в Скорпионе и яркой красной точкой Марса и желтой искрой Сатурна в Козероге. Но наши взгляды привлек Стрелец, где притаился Нептун, невидимый невооруженным глазом... Но в тот вечер нам казалось, что мы видим его.

Затем мы вчетвером пересекли крышу, подошли к техническим фермам, которые поддерживали космолет, но перед этим ненадолго остановились перед Президентом. Это был важный эпизод в космической драме: Земля и Человечество вручали свою судьбу в руки четырех безумцев, собравшихся броситься в бездну ради последнего шанса на спасение мира, шанса призрачного, но единственного. Президент, стоявший перед нами, не говоря ни слова, словно боясь разрушить торжественное безмолвие, шагнул нам навстречу. Он крепко пожал каждому из нас руку, пристально глядя в глаза, а затем отступил. И тогда мы во главе с Марлином друг за другом, пригнувшись вошли в шлюзовую камеру и задраили за собой люк. Затем открыли внутренний люк — вошли в корабль и задраили люк за собой. Мы были еще на Земле, но уже попрощались с ней.

Затем мы заняли наши места: Марлин — в кресле навигатора с его астрономическими инструментами, я — в кресле первого пилота с пультом с шестью рычагами двигателей, Рэндалл — в кресле второго пилота — с кучей приборов,

управляющих внутренними системами корабля, и Уайтли — в кресле инженера, чтобы контролировать работу генераторов. Фермы, поддерживающие корабль, развернули его носом к Стрельцу. И теперь Марлин, вглядываясь в окуляр телескопа, осторожно подкручивал верньеры, наводя прибор в глубины пространства. Наконец, он обратился ко мне.

— Нептун, — сказал он спокойно. — Мы стартуем, когда он окажется в поле зрения.

— Но мы можем маневрировать, меняя траекторию в ходе полета, — заметил Рэндалл, и Марлин кивнул.

— Можем, но я рассчитал самый экономичный курс...

В то время, пока он говорил, я смотрел в телескоп, и хотя видел Нептун много раз прежде, раньше я никогда не смотрел на него с такими чувствами, как те, что охватили меня сейчас. Бледно-зеленая планета спокойно сияла в глубинах пустоты. Её одинокая луна² не была видна даже через наш мощный телескоп. Я передал телескоп Марлину, который должен был дать команду на взлет в тот момент, когда планета окажется в центре поля зрения. Мы собирались рвануться к Нептуну на максимальной скорости, используя не только реактивную силу луча, но и оттолкнувшись лучом от Земли. Нам предстояло корректировать курс, чтобы учесть движение Нептуна по его орбите, но мы выигрывали в расходе энергии, стартуя прямо в направлении текущего положения планеты.

Мы напряженно замерли в своих креслах. Я кивнул Уайтли, и он включил генераторы. Их могучая пульсация наполнила корабль, теперь одного нажатия рычага было достаточно, чтобы сила луча швырнула нас к звездам. По мере того как Уайтли щелкал переключателями, гудение генераторов становилось все выше и тише, пока не превратилось в тонкий, едва различимый свист. И Марлин, наблюдая за ползущим через поле зрения телескопа Нептуном, начал обратный отсчет.

— 45... 40... 35... 30...

Завороженный его голосом, я застыл, словно статуя; моя рука повисла над рычагами, готовая высвободить чудовищную силу луча, силу, которая должна была унести нас туда, куда не ступала нога человека.

² На момент написания повести у Нептуна был открыт только один спутник — Тритон.

— 25... 20... 15...

Голос Марлина заставлял мое сердце отчаянно колотиться, Рэндалл и даже Уайтли рядом с мной тоже сжались от напряжения по мере приближения решающего момента. Я бросил прощальный взгляд в иллюминатор, залитый сиянием прожекторов Нью-Йорка.

— 10... 5... 0!

Я рванул рычажок, активирующий нижние дюзы.

Старт!

Наши уши оглушил чудовищный рев, титаническая тяжесть вдавила нас в кресла. Нью-Йорк с его толпами и огнями исчез с быстротой молнии — как только хвостовая дюза извергла могучий несущий луч! Через несколько секунд рев раздираемого воздуха затих, иллюминаторы заполнила бархатная тьма, прорезанная ослепительным сиянием звезд. Мы были за пределами атмосферы Земли! В иллюминаторах сияли немигающие звезды, позади нас, уменьшаясь в размерах, плыл серо-голубой шар в белых разводах облаков. Земля отступала и уменьшалась, оставшись позади нас, а мы, набирая немыслимую скорость, мчались к Нептуну, чтобы спасти эту Землю от почти неминуемой гибели!

ГЛАВА IV. Опасности межпланетного путешествия

— Марс впереди и слева. Мы должны проскочить его орбиту через три часа!

На мои слова Марлин кивнул.

— Мы минуем Марс, но он не сильно беспокоит нас своим притяжением, — заявил доктор Марлин.

Мы сидели в наших креслах перед пультами, Уайтли — слева, глядя через большой иллюминатор перед нами. Впереди и выше и всюду вокруг нас раскинулась величественная панорама, потрясающая в своей яркости, подавляющая панорама звездного неба, каким оно предстает в межзвездной пустоте. Плавающие в своих истинных цветах бриллиантовым блеском со всех сторон вокруг нас звезды были подобны

драгоценностям, раскиданным Творцом по черному бархату небес. И поскольку наш космолет мчался с чудовищной скоростью, все еще продолжая набирать её, небольшая перегрузка вдавливала нас в кресла. Теперь прямо по курсу, среди холодного блеска звезд, мы могли видеть невооруженным глазом нашу цель — призрачный зеленоватый огонек — Нептун. Ближе к нам, Юпитер сиял, как небольшой блестящий диск белого света. Отчетливо четыре точки белого света, его самые крупные луны, сверкали возле него. Слева, гораздо раньше светил желтый Сатурн, светил гораздо ярче, а ближе к нам, тоже слева, почти рядом с нами, тусклым красным маленьким щитом висел Марс, увенчанный белыми полярными шапками.

Крошечный голубой диск Земли остался за кормой, рядом с яркой белой точкой Луны. Едва заметная Земля терялась в ослепительном блеске яростно горящего Солнца, что польхало сзади. Его большая корона и могучие протуберанцы были ужасны в своей роскоши, но было видно, что мы умчались в пустоту уже далеко. За сорок восемь часов наш могучий космолет набрал скорость более миллиона миль в час и продолжал набирать ее под воздействием нашего силового луча, бледного луча, видимого лишь возле самого своего источника, луча создававшего чудовищную тягу, разгонявшего нас с постоянным ускорением до скорости, которую пару месяцев назад я считал бы невозможной. Мы мчались сквозь бездну эфира, я и Рэндалл сменяли друг друга каждые четыре часа в кресле первого пилота. Мы уже почти достигли орбиты Марса, проделав путь более чем в пятьдесят миллионов миль. Теперь Марлин, Уайтли и я смотрели в сторону красного диска Марса, который был в нескольких миллионах миль от нас впереди и слева.

Глядя на него, мы ясно видели ледяные шапки полюсов Марса, блестящие и белые на фоне тусклого красного шара, и могли разглядеть длинные прямые линии знаменитых каналов, служившие яблоком раздора для нескольких поколений земных астрономов. Красная планета приковала к себе наше внимание, заворожила, и даже Рэндалл присоединился к нам. Он подполз к иллюминатору, с большим трудом преодолевая перегрузку. Марлин повернул телескоп к диску загадочной Красной планеты и пристально изучал ее. Минуту спустя он покачал головой и торжественно изрек:

— Теперь уже нет сомнений, что эти каналы — творения разумных существ. Там большие геометрические формы. Скорее всего, это здания, но наш космолет движется на такой огромной скорости, что невозможно удержать планету в фокусе телескопа.

Мы посмотрели в сторону красного диска и его таинственных каналов.

— Если мы могли бы остановиться и высадиться здесь, кто знает, какие чудеса Марса открылись бы науке! — пробормотал задумчиво Уайтли.

Марлин задумчиво кивнул.

— Нептун — наша цель, и мы не можем высадиться на Марс теперь. Но если мы добьемся успеха в нашей великой миссии, если Земля будет спасена от гибели, которую обитатели Нептуна готовят Солнечной системе, мы непременно полетим на Марс и на все остальные планеты.

— А между тем мы значительно отклонились от курса. Не пора ли использовать луч и откорректировать траекторию? — спросил я.

Даже сейчас, когда мы сосредоточили все свое внимание на Красной планете, я не терял из виду показания гравитометра. Показания прибора свидетельствовали, что притяжение Марса довольно сильно искривило нашу траекторию, и пора было врубать двигатели, чтобы не сойти с курса на Нептун. Хотя отклонение было не велико, нам следовало избегать даже такой неточности. И не только ради экономии энергии, но прежде всего, чтобы ненароком не влететь в луч нептунуиан, которым они раскручивали Солнце. Этот луч, невидимый для нас, в сторону которого мы сейчас отклонились, был для нас абсолютно смертелен. Попав в него, наш космолет был бы отброшен с титанической силой прямо в горнило Солнца!

Так что теперь, когда наш корабль начал отклоняться в сторону Марса, все дальше и дальше от рассчитанной траектории к Нептуну, я начал быстро манипулировать направлением несущего луча, а затем быстро включил еще один луч, активировав дюзы левого борта. Бледный луч вырвался наружу и потянулся к Марсу, постепенно становясь невидимым. Мы почувствовали, как мягкая лапа ускорения наваливается на нас

космолет вернулся на прежний курс. Мы вновь нацелились на Нептун, и как только Марлин сказал, что траектория соответствует расчетной, зеленая точка враждебной планеты вновь засияла прямо по курсу. Я отключил маневровый луч, который больше не требовался для противодействия гравитации Марса, и мы сосредоточили наше внимание на панораме, раскинувшейся перед нами. Далекий Нептун все еще был лишь зеленоватой точкой, а на фоне немигающих созвездий красовались во славе своей Юпитер и Сатурн. Сатурн ослепительно блистал слева. Его таинственное кольцо уже стало видимым для наших глаз. Но пока в небесах царил Юпитер, его могучая сфера, с причудливыми поясами облаков, отчетливо видимыми невооруженным глазом, и хороводом лун.

Он не лежал у нас прямо по курсу, оставаясь в стороне, и не он занимал нас более всего, когда Марс и его орбита остались позади.

— Астероиды! Мы почти в их главном поясе. Скоро будем среди них! — воскликнул я.

— Они — одна из величайших опасностей на нашем пути. Будь наготове, Хант! Наша гибель — конец Земли! — воскликнул Марлин.

Мне не нужно было его предостережение, мои руки и так застыли на рычажках пульта, а глаза напряженно созерцали тьму по курсу. Я знал, что мы вошли в один из самых опасных районов Солнечной системы — Большой Пояс астероидов, лежащий между орбитами Марса и Юпитера. Тысячи астероидов, начиная с огромной и шарообразной Цереры в 480 миль в диаметре, вплоть до мельчайших астероидов только в несколько миль в поперечнике, кружились вокруг Солнца между четырьмя внутренними и четырьмя внешними планетами; их орбиты представляли собой лабиринт переплетающихся кругов и эллипсов. Большая часть этих малых планет была каменюками, которые были опасны тем, что мы не могли обнаружить и отследить их заранее. Мы могли обнаружить опасную глыбу буквально за мгновение до столкновения. И в это мгновение мы должны были среагировать, отклонив опасный камень или увернувшись от опасной скалы. При этом гравитационные поля астероидов искажали наш курс, и это тоже надо было учитывать.

Мы постоянно дежурили у приборов час за часом, пока наш космолет на скорости два миллиона миль в час преодолевал это минное поле. Пульсация генераторов была ровной и устойчивой, перегрузка вдавливала нас в кресла, но она была не велика, и мы к ней уже привыкли. Так что, пока я с Марлином наблюдал за тем, что происходит

впереди, Рэндалл дежурил у иллюминатора справа, а Уайтли нес аналогичную вахту слева. Несколько часов спустя Рэндалл увидел первый из астероидов. Он издал короткое восклицание, указывая вправо и вперед, и когда мы посмотрели туда, то увидели небольшую яркую точку в черноте пространства, точку, с в быстротой молнии превратившуюся в несущуюся нам навстречу тусклую сферу! Бесплодная, лишенная атмосферы и воды, каменная масса стремительно приближалась, грозя нам гибелью! В тот момент моя рука рванула один из шести рычагов, и могучий силовой луч ударил в сторону астероида. В следующий миг громада астероида, казалось, отскочила от нас и стремительно унеслась вдаль! Но, на самом деле, это мы успели «отскочить» с ее пути. Я тут же занялся коррекцией курса, компенсируя отклонение и вновь нацеливая корабль на ту точку, где он должен был встретиться с Нептуном. А пока я занимался этим, Марлин изучал при помощи своих приборов астероид, столкновения с которым мы только что едва избежали. Астероид был крупный — миль сто в диаметре.

— Это Веста, один из крупнейших астероидов. Других крупных астероидов вблизи нашей траектории быть не должно, — задумчиво промолвил Марлин.

— Большие или малые, я не хочу видеть их больше! — воскликнул я. — Особенно когда...

— Хант!.. Мать твою!.. Слева!

Уайтли был тем, кто своим криком вернул меня к действительности, и, взглянув в иллюминатор, я с ужасом обнаружил летящую нам навстречу угловатую массу камня, еще одну блуждающую в глубинах беспредельности смертоносную скалу! Не столь большая в размере, как первый астероид, эта глыба приближалась к нам с потрясающей скоростью, и даже когда я рванул один из рычагов, направив импульс силового луча на астероид, казалось, что тот рушится на нас. Его чудовищная скалистая поверхность полностью закрыла обзор — сокрушительная твердыня на нашем пути! Мой луч в самый последний момент отбросил нас от губительной громады, мы проскочили мимо астероида, и тот, кувыряясь, растаял в бездне. Но почти одновременно с ним мимо нашего космолета промчалось еще два мелких астероида, так что расслабиться было невозможно.

Мы мчались вперед сквозь пояс астероидов, пронизанный смертоносными потоками камня и железа, уворачиваясь от смертоносных глыб и обломков, иногда находясь на волосок от гибели. Час за часом неся бессменную вахту у иллюминаторов и приборов, мы шли на самом большом ускорении, какое только способны были выдержать. Земля за кормой превратилась в белую звезду, яркую, но одну из многих, и даже Солнце уже уменьшилось примерно на треть. Но не то, что осталось позади, занимало наше внимание и мысли — мы неотрывно смотрели вперед. Все наши силы уходили на то, чтобы уклониться от встречных астероидов, вовремя обнаружив их. Мы видели один или два раза рои или группы таких астероидов, движущихся вместе, иногда десятки штук разом, и стремились уклониться от них. Огибая эти смертоносные рифы космоса, мы приближались к краю астероидного пояса и к Юпитеру, неуклонно растущему, постепенно превращающемуся в гигантский диск справа перед нами. И как раз у самого края астероидного пояса нас поджидала самая большая опасность! Ибо, когда я рванул наш космолет в сторону, чтобы избежать стремительного небольшого астероида, и с облегчением увидел, как он, кувыркаясь, канул в бездну, именно в этот момент я влетел в самый центр роя скалистых малых планет!

Мы мчались в центр этого дьявольского роя, и казалось, ничто не сможет нас спасти! Я слышал хриплые крики Марлина и Рэндалла рядом со мной, рев Уайтли, и я понимал, что только чудо может позволить нам проскочить. Две глыбы неслись на нас справа, а слева приближались еще две, кувыркаясь и сталкиваясь между собой. Не было времени ни для размышлений, ни для молитв. Я принял молниеносное решение рефлекторно, бросив корабль прямо в центр. Мы проскочили между космическими Сциллой и Харибдой, одновременно включив на максимум отталкивающие лучи!

Было мгновение, когда космолет, казалось, будет либо смят в лепешку, либо развалится. Корпус корабля сдавило, когда врубались лучи одновременно с правого и левого борта, расталкивая астероиды, каркас космолета затрещал. Мы невольно сжались, ощущая тень крыла смерти. Но через миг

мы выскочили из смертоносного роя! Мы вырвались! Мы проскочили! Мы выжили! Госпожа удача улыбнулась нам и лично мне, как пилоту.

— Повезло! — выдохнул я, когда мы вновь помчались сквозь чистый эфир. — Но если мы опять нарвемся на нечто подобное, то на тот свет попадем раньше, чем на Нептун!

Марлин покачал головой.

— Проскочили чудом, — признал он. — Но, я думаю, мы почти вышли из астероидного пояса. Мы должны пересечь орбиту Юпитера через двадцать четыре часа.

— Космолет делает четыре миллиона миль в час, — сказал я, посмотрев показания приборов — Мы начинаем подвергаться воздействию гравитации Юпитера.

Действительно, мы уже отклонились немного вправо от прямого курса под действием тяготения огромной массы Юпитера, надвигающейся спереди и справа. Мы должны были пройти мимо гигантской планеты на расстоянии пятнадцать миллионов миль. Это более чем в два раза больше, чем то расстояние, на котором мы проскочили мимо Марса. Но колоссальная планета, большая, чем все другие планеты Солнечной системы вместе взятые, уже притягивала нас весьма сильно, несмотря на наши потрясающие скорость и импульс. До сих пор мы не уделяли царственному гиганту достаточного внимания. Нас слишком сильно помотало в поясе астероидов, все свои силы мы потратили на то, чтобы не налететь на эти «риффы» космоса. Сонливость и усталость одолевали нас после адских часов, проведенных среди блуждающих в пустоте глыб и скал. Но мы не смели расслабиться — и все так же Марлин и Рэндалл непрерывно вели наблюдения за окружающей нас со всех сторон смертоносной бездной, Уайтли дежурил у генераторов, а я ни на миг не отходил от пульта управления. Осторожно, но неуклонно мы наращивали скорость. Невозможно было использовать полную мощность генераторов — ускорение размазало бы нас по стенкам. Но даже с небольшим постоянным ускорением мы уже набрали колоссальную скорость.

И в эти часы наш рассудок начинал играть в странные игры. Мне все время мерещилось какое-то мелькание в пустоте. Даже там, где ничего не было. Впрочем, еще несколько

астероидов действительно пересекло наш курс — к счастью, они пролетели довольно далеко. Этот полет на невообразимой скорости среди опасностей и блуждающей каменной смерти напоминал дурной сон. Мы несли бессменную вахту на своих постах под заунывное гудение генератора внутри крошечной металлической скорлупки, которая мчалась в пустоте со скоростью все ближе и ближе к световой. Позади нас Земля, яркая белая звезда, неуклонно становилась все меньше и меньше. Могучий силовой луч гнал нас все быстрее и быстрее вперед. Но наш старт с Земли, дни и часы, что были прожиты до великой миссии к Нептуну, — все это я почти забыл, охваченный трансом нашего полета.

Когда мы приблизились к могучей сфере Юпитера, становившейся все больше и больше справа от нас по курсу, я очнулся. К этому времени мы вышли из опасного астероидного региона и необходимость в непрерывных наблюдениях отпала. Уайтли и Рэндалл, закончив готовить горячую еду, перебрались на койки для столь необходимого сна. Марлин сидел рядом со мной, прилипнув к своим астрономическим приборам, продолжая созерцать гигантскую планету. Он и я смертельно устали за те сорок часов, которые ушли на пересечение пояса астероидов. Больше четырех дней, больше сотни часов мы мчались сквозь эфир, но великолепие Юпитера заставило нас забыть о сне.

Это было зрелище великолепия, невероятное и незабываемое. Сияя ровным и мягким белым светом в черноте пространства, Юпитер неторопливо вращался в окружении четырех больших спутников. Меньшие спутники были слишком малы, чтобы увидеть их невооруженным глазом даже на таком малом расстоянии. Поверхность планеты гиганта разглядеть было тем более невозможно. Плотная атмосфера с разноцветными лентами густых облаков надежно прятала от наблюдателей то, что было скрыто под ней. И, хотя Марлин с помощью телескопа стремился найти в облаках разрыв, чтобы приоткрыть тайны величайшей из планет, он потерпел неудачу.

Наконец Марлин сосредоточил свое внимание на Великом Красном пятне — загадочном образовании на Юпитере, уже несколько веков не дающем спокойно спать астрономам.

Несколько секунд ученый изучал его при помощи спектроскопа, затем в недоумении покачал головой. Потом Марлин нацелил на таинственное пятно болометр, который позволял точно измерить тепловое излучение избранного объекта. Но показания этого прибора не внесли ясности — Марлин пребывал в очевидном недоумении.

— Это странно, Хант, — сказал он, обращаясь ко мне. — Всегда считалось, что Большое Красное пятно является частью поверхности Юпитера, расплавленной и пылающей, но спектроскоп и болометр показывают, что это не так!

— Если бы мы могли остановиться возле Юпитера, то могли бы исследовать планету как следует. Но мы должны торопиться к Нептуну, — признался я, глядя в сторону сияющей розовой области на теле могучей планеты.

— Мы должны держать курс, но однажды, если мы сможем спасти Солнечную систему, я вернусь сюда к Юпитеру, чтобы высадиться на его поверхность, — подытожил Марлин.

К этому времени большая планета проплывала справа от нас. Казалось, её гигантская облачно-белая сфера заполняет все пространство, несмотря на тот факт, что Юпитер был более чем в пятнадцати миллионах миль, и четыре больших спутника, вращающихся вокруг планеты, были отчетливо видны. Несколько часов назад я уже использовал луч, чтобы скорректировать курс, но теперь мне пришлось вновь использовать его, чтобы избежать гравитационного плена — объятий величайшей из планет. Пройдя близко от Юпитера, мы вдоволь налюбовались колоссальной сферой, опоясанной облаками, приводящей в трепет разум, ибо великая планета, превосходя Землю по объему более чем в тысячу раз, вращалась вокруг своей оси с бешеной скоростью, почти в три раза быстрее нашей планеты, делая один оборот примерно за десять часов. Прямо под нами пронеслось и загадочное Красное Пятно — сияющий розовый овал, многократно превосходящий Землю своими размерами — тридцать тысяч миль в длину. Его загадка осталась нерешенной.

Мы все — Рэндалла и Уайтли разбудили ради такого случая — с благоговением наблюдали, как царственная планета уплывает вдаль. Я начал уменьшать мощность несущего луча, действуя осторожно и постепенно. Но теперь, при скорости

более четырех миллионов миль в час, за пределами орбиты Юпитера, перед нами спереди и слева сверкал желтый диск Сатурна. Это была последняя планета на нашем пути к Нептуну. Уран сейчас находился на другой стороне Солнечной системы. И когда Рэндалл заступил на вахту вместо меня, я указал ему на желтую сферу, опоясанную кольцами.

— Держите космолет, направляя прямо на Нептун, Рэндалл, — сказал я ему. — Мы собираемся пройти в рискованной близости от Сатурна, но не стоит рисковать слишком сильно.

Рэндалл кивнул, его взгляд, переместился от зеленой искры Нептуна далеко впереди на растущий желтый диск Сатурна.

— Я постараюсь держать корабль точно на курсе, — заверил он, улыбаясь. — Хотя мне хотелось бы вернуться на Марс или Юпитер.

Я улыбнулся, отошел от пульта и направился к своей койке, перебираясь вдоль стены, держась за поручень. Мы ни на секунду не отключали луч, шли с ускорением, так что невесомости не было — ускорение прекрасно заменяло силу тяжести. Рухнув на койку, я моментально заснул, но и во сне я вновь сидел за пультом, направляя корабль к далекому и грозному Нептуну. Последующие три дня показались мне затянувшимся безысходным кошмаром. Это казалось невозможным, но то, что мы делали, никогда раньше не делал ни один человек; мы бросились в Великую Пустоту, к границе Солнечной системы, ее последнему форпосту — без подготовки, учитывая, что до нас никто не летал даже на Луну... Мы ели и спали словно во сне, так странно при этом на огромной скорости проносясь сквозь эфир мирового пространства.

Но хотя мы спали, ели и наблюдали, действуя словно во сне, наступил момент, когда мы вновь остро и резко осознали, зачем мы здесь и что поставлено на карту. Это произошло, когда Марлин, используя свои инструменты, проводил наблюдения за Солнцем, которое казалось уже маленьким и далеким. И результаты наблюдений были неутешительными. Солнце, вращаясь, продолжало набирать скорость — каждые земные сутки период вращения светила продолжал сокращаться на четыре часа. А приборы Уайтли продолжали фиксировать губительный луч, протянувшийся от Нептуна к

Солнцу. Этот чудовищный луч оказался сейчас между нами и Сатурном.

Вновь осознание угрозы, нависшей над нашим миром, встряхнуло нас. Морок рассеялся — мы были готовы к действию, и теперь вид растущего впереди Сатурна пробуждал в нас некую мрачную решимость. Наш космолет, маленькая многогранная скорлупка, мчался со скоростью пять миллионов миль в час на конце могучего несущего луча. И три дня подряд Сатурн рос у нас на глазах, до тех пор пока на четвертый день мы не приблизились к планете вплотную. Наш интерес превратился в волнение. Мы должны были пронестись мимо Сатурна на расстоянии менее миллиона миль, гораздо ближе, чем к любой другой планете. Поэтому последние часы мы наблюдали за гигантской желтой планетой с неослабевающим интересом.

Сатурн был воистину великолепен и странен! Величайший из всех планет, за исключением могучего Юпитера. Его огромная сфера казалась даже больше, чем у Юпитера, из-за колоссального кольца, которое окружало его. и его девяти больших спутников, которые вращались вокруг него. Гигантская система колец делала планету похожей на Солнечную систему в миниатюре. Самые большие кольца имели десятки тысяч миль в ширину и тысячи миль в толщину. Мы могли видеть, по мере приближения к гигантской планете, что эти кольца — гигантские потоки метеорных тел, обращающиеся вокруг планеты с огромной скоростью. Поверхность Сатурна нам рассмотреть не удалось по той же причине, что и поверхность Юпитера. Грандиозные пояса облаков надежно укрывали ее от наших любопытных взглядов. Марлин покачал головой, глядя на гигантскую планету с кольцом.

— Для нас хорошо, что Сатурн не является нашей целью. Эти титанические метеорные массы, которые мы знаем под именем колец... Оказаться среди них — мгновенная смерть.

Уайтли кивнул, и добавил:

— При этом, должно быть, множество метеоров в этом регионе у Сатурна — те, что вылетели из колец или дрейфуют рядом с кольцами.

— Будем надеяться, что вы не правы. Мы вскоре будем проходить в пределах миллиона миль от этих колец, и я не

хочу встретиться с метеоритами. Особенно после нашего опыта с астероидами, — ответил я.

Вскоре, действительно, мы проходили рядом с Сатурном, его огромной сферой и колоссальными кольцами, вровень с краем колец, которые были пятьдесят миль или меньше в толщину. Нас отделяло от них меньше миллиона миль. Вокруг нас раскинулся лабиринт лун Сатурна, девять из которых, самые крупные, сияли уже не звездочками, а маленькими дисками. Титан — крупнейший спутник кольценосной планеты — заливал кольца серебряным светом. Я был вынужден послать несколько импульсов отталкивающего луча в сторону Сатурна, чтобы противодействовать тяготению огромной планеты. Но, хотя она казалась столь же громадной, как Великий Юпитер, тяготение Сатурна было во много раз меньше. Это было связано, как я знал, со сравнительно небольшой массой Сатурна, поскольку, хотя он имел огромный размер и обладал толстой атмосферой, плотность кольценосного гиганта была ничтожна — 0,7 от плотности воды.

Несмотря на это, однако, пришлось воспользоваться силой луча, чтобы остаться на курсе. Хотя меньше, чем Юпитер, но Сатурн таки исказил нашу траекторию. И теперь мы мчались мимо гигантского мира настолько близко, что сам Сатурн и вихрь его спутников и колец казались вселенских размеров чудовищным механизмом, в который нас втягивало непостижимой силой. Большие кольца, тонкие и широкие, были видны нам с ребра. Это были чудовищные потоки метеорных глыб, вихрящиеся вокруг Сатурна. Эти потоки образовывали три кольца, между двумя из которых пролегла широкая тёмная щель. Но нас больше интересовали не кольца, а таинственная поверхность самого Сатурна. Тем не менее, если прохождение мимо Марса и даже Юпитера порождало шуточные предложения задержаться для дальнейших исследований, то теперь задерживаться никто не предлагал даже в шутку. мы как один стремились вперед — к тусклой зеленой искре Нептуна.

Когда наш космолет мчался предельно близко к планете, Рэндалл вскрикнул, указывая вперед и влево. В тот же момент я тоже заметил угрозу — темные точки росли с быстротой молнии, смертоносные глыбы мчались к нам,

гигантские скалы — футов пятьсот диаметром! Я рванул рычаг, усиливая луч, нас отбросило от Сатурна, серая масса метеоров пронеслась мимо! И чуть позже я поймал взглядом два аналогичных метеора, один меньше, чем другой. Но эти я увидел достаточно быстро, чтобы легко уклониться от столкновения.

Было очевидно, что, как Уайтли предположил, мы столкнулись с некоторыми из «бродячих» метеоров, выброшенных из большого кольца. И теперь мы несли вахту, не смыкая глаз, зная, что тысячи подобных метеоров мчатся сквозь пустоту вокруг. Это было хорошо, как сказал Марлин, что нам не надо было нырять в сами кольца — там мы не выжили бы и мгновения! Но наш космолет уже проскочил мимо этих колец; вот уже и сам Сатурн провалился за корму, и мы вздохнули спокойнее. И по иронии судьбы именно в этот момент расслабления катастрофа настигла нас! Раздался крик Марлина и одновременно я увидел летящую на нас кувыркающуюся глыбу. Я послал тормозящий импульс, но поздно — хотя и с небольшой скоростью, глыба все же обрушилась на нас!

Космолет завертело, звезды за иллюминаторами выписывали кренделя, раздался грохот и скрежет. Но после мгновения шока я с облегчением понял — разгерметизации не произошло! Стены были целы — иначе мы мгновенно погибли бы от декомпрессии и адского холода. Но смерть еще не пришла за нами, и все же положение было почти безнадежным — корабль продолжал беспорядочно крутиться, а гул генераторов умолк. Рядом со мной Марлин, Уайтли и Рэндалл постепенно приходили в себя. Уайтли тер царапину на виске. И тут Марлин подобрался к иллюминатору.

— Метеор чуть не уничтожил нас! Если бы ты не успел притормозить в последний момент, от нас не осталось бы даже пара! А так он только повредил нам внешнюю оболочку!

— Но генератор! — воскликнул Уайтли, который возился с переключателями. — Он остановился! При столкновении повреждены проводка и волноводы!

— И мы падаем! Падаем прямо в кольца! — с ужасом добавил я.

Ибо, выглянув через иллюминатор наружу, я увидел, что происходит. Метеор разрушил волновод, который вел от генератора к дюзе, луч из которой компенсировал притяжение Сатурна. Остановка же генератора лишила нас и основного несущего луча. И теперь, беспорядочно вращаясь, мы неслись навстречу смертоносным кольцам — в недра гигантского вихря метеоров!

ГЛАВА V. На краю Солнечной системы

— Надо выйти наружу! Наш единственный шанс — выйти и отремонтировать все, — воскликнул Марлин.

Рэндалл, попытался о чем-то переспросить, но Марлин перебил его.

— Космоходы! У нас есть автономные капсулы для работ снаружи!

На миг мы застыли в замешательстве, а затем, как по команде, оказались возле капсул. Хотя мы не планировали использовать их в столь чрезвычайных ситуациях, могучий ум Марлина увидел в них средство спасения. Снять капсулы с креплений оказалось легко, помогала наступившая невесомость. Двигатель не работал, мы находились в свободном падении. Я залез в капсулу, а затем открыл люк шлюзовой камеры.

«Космоход» — автономная капсула-скафандр для работы в открытом космосе — представлял собой металлический цилиндр, семи футов в высоту и трех футов в диаметре, с куполом-шлемом наверху. Мои руки были вставлены в механические рукава на шарнирах. Каждый рукав заканчивался манипулятором клешней, которым я мог управлять изнутри рукава. Капсула была снабжена также небольшим генератором и двигателем на лучах Уайтли. В сущности, это был маленький космический корабль — автономный и маневренный. Имелась также система терморегуляции и система регенерации воздуха — так что я был готов к выходу в пустоту.

Взглянув назад через прозрачные иллюминаторы шлема, я увидел, что Марлин, Уайтли и Рэндалл стоят позади меня в тесном пространстве шлюза, готовые к выходу в пустоту

эфира. Мы взяли с собой материалы и оборудование для ремонта — несколько запасных металлических плит, для того чтобы заварить заплаты дыры во внешней обшивке, кабели, волноводы и аппарат для диффузной сварки. Теснясь в камерке шлюзовой камеры, мы вчетвером занимали почти все ее пространство. Наконец, один из нас герметически закрыл внутренний люк шлюзовой камеры. Сразу после этого, как только из камеры был откачан воздух, мы открыли внешний. Остатки воздуха вырвались наружу облачком ледяных кристаллов, затем Марлин вылетел наружу, в безвоздушную бездну за пределами космолета!

Я увидел, как Марлин выскользнул в открытый космос, и завис в нескольких футах от корабля, падая с той же скоростью, что и наше судно к смертоносным кольцам могучего Сатурна! Я последовал за ним, Уайтли и Рэндалл скользнули за нами, выбросив себя в пустоту небольшими импульсами двигателей своих «космоходов». Плыть в безграничной пустоте внутри тесного металлического цилиндра капсулы, не опираясь ни на что, было незабываемым ощущением! Рядом со мной, сверкая точно титаническая елочная игрушка, плыл ограниченный шар нашего космолета. Он казался неподвижным, хотя на самом деле с умопомрачительной скоростью падал на Сатурн. А подо мной и надо мной, вокруг меня во всех направлениях простиралась бездонная пустота, пронизанная ровным светом немигающих звезд. Далеко позади сиял ослепительный, но маленький диск Солнца. Пано라마 завораживала своей фантастичностью. Происходящее на какой-то миг показалось мне причудливым сном. Затем Марлин одной из своих металлических рук указал нам на наш космолет, и мы поняли, что у нас осталось мало времени для выполнения нашей задачи.

Каждая секунда приближала нас к адским метеорным вихрям колец Сатурна, где наш корабль и нас самих поджидала неизбежная гибель. От рокового момента нас отделяло всего несколько часов, работать следовало предельно быстро. А пока мы неподвижно висели рядом со сверкающим корпусом нашего космолета, и, чтобы вернуться к нему и начать ремонт, надо было задействовать двигатели наших «космоходов», что мы и сделали. Марлин, схватившись ручными манипуляторами за

одну из граней нашего корабля, подтянул себя к той части корпуса, где зияла пробоина от удара метеорита.

Уайтли, Рэндалл и я сразу же последовали за ним, неуклюже подтягивая громоздкие цилиндры «космоходов» манипуляторами к месту, где завис Марлин в его серебристой капсуле, и увидели, что метеорит разрушил две грани внешнего корпуса нашего корабля и сильно повредил еще одну. Не считая небольших вмятин, внутренняя обшивка корабля была невредима, но вот толстые черные кабели были порваны во многих местах. Это и было причиной бездействия двигателей, бездействия, которое надо было устранить в первую очередь. Наверняка никогда раньше люди не работали в столь странных обстоятельствах, чем те, в которых оказались мы. Четыре человека, заключенные в металлических цилиндрах, занимались сваркой в невесомости, с головокружительной скоростью мчась навстречу метеорному рою! Нам предстояло либо справиться с работой вовремя, либо погибнуть!

И пока мы возились со сваркой, мне казалось, что мы не успеем. Кольца были все ближе и ближе, а работа почти не сдвигалась с места! Нужно было найти каждый разрыв, осторожно соединить и сварить каждую жилу в каждом кабеле. К тому же работать с помощью неуклюжих металлических клещей-манипуляторов было очень и очень трудно. Минуты складывались в часы, а мы все висели и висели посреди пустоты, соединяя и сваривая провода, а уже совсем недалеко перед нами бушевала метеоритная буря колец! Переполненные отчаянием, мы трудились над казавшейся уже неразрешимой задачей. Правда, невесомость облегчала работу, поскольку все нужные инструменты и материалы можно было раскладывать прямо в пространстве вокруг себя. Падая на Сатурн с той же скоростью, что и мы, они висели неподвижно в пустоте возле нас!..

Мы сваривали последние из разрывов, но лишь несколько минут отделяло нас от края кольца Сатурна. Река метеоритов проносилась прямо перед нами! Многочисленные метеоры сновали вокруг, и лишь чудом можно объяснить то, что мы были все еще живы. Казалось невозможным, что мы сможем завершить нашу работу, прежде чем мы и наш корабль

будем уничтожены метеорным ливнем, но мы работали с упорством обреченных, и вот, наконец, Марлин приблизил свой шлем к нашим, чтобы прокричать что-то. Когда шлемы соприкасались, мы могли слышать друг друга, звук передавался через вибрацию металла. Марлин приказал Рэндаллу вернуться на борт. Работа была почти сделана — нам оставалось срastить последний кабель!

В тот же момент Рэндалл подчинился, подтянул себя к шлюзу и нырнул внутрь, в то время как Марлин, Уайтли и я продолжали работу. Теперь казалось, что ураган космических камней уже бушует прямо вокруг нас! Черный бархат небес, озаренный звездным светом, зловещий блеск Титана и громада Сатурна, растущая с каждой секундой, мчащиеся вокруг камушки, камни, глыбы и скалы — все это казалось абсолютно нереальным, каким-то затянувшимся наваждением, сверкающим кошмаром. Громада колец надвигалась, но последний кабель еще не был соединен. Мы с Марлином вновь соприкоснулись шлемами, и я услышал вырвавшийся у него стон отчаяния. Но как раз в этот миг мне удалось закончить соединение, срастив непокорный кабель. В тот же миг корпус корабля охватила устойчивая вибрация включившихся генераторов! Мы отчаянно вцепились манипуляторами в края пробоины, которую ещё не успели заварить. И затем, когда казалось, что уже ничто не спасет хрупкую скорлупку нашего космолета от падения в мясорубку колец Сатурна, включился могучий отталкивающий луч, унося наш корабль в безопасность свободного пространства!

Чудовищный рывок корабля едва не погубил нас. К счастью, манипуляторы выдержали перегрузку, и мы не были сброшены в круговорот метеоров. Но как только космолет вышел из опасной зоны, Рэндалл уменьшил мощность луча, так что мы смогли прийти в себя. Теперь корабль двигался с устойчивым небольшим ускорением, которое мы могли легко компенсировать движками «космоходов». Перед рывком корабля мы успели закрепить материалы и инструменты, и теперь, в безопасности, быстро заканчивали ремонт. Мы наложили «заплаты» на пробоины внешнего корпуса и надежно приварили их с помощью диффузной сварки. Ремонт был закончен. Смертельно усталые, мы, едва двигаясь, забрались

в шлюзовую камеру. Марлин нажал нужную последовательность кнопок, раздалось шипение наполняющего шлюз воздуха. Наконец открылся внутренний люк... Мы были дома! Мы вылезали из своих капсул, а Рэндалл невозмутимо восседал за пультом управления..

— Это могло стать концом нашего путешествия! — простонал Марлин, выбравшись из капсулы — Еще несколько минут, и метеорные тела колец обратили бы нас в пар!

Я вытер пот со лба.

— Не хотелось бы вновь попасть в такой переплет, — сказал я. — Как бы то ни было, но «космоходы» спасли нам жизнь.

Марлин кивнул, глядя в сторону Сатурна, все еще гигантского и грозного, с его прекрасными, но смертоносными кольцами.

— Если когда-нибудь мы возвратимся сюда, если когда-нибудь мы попытаемся достигнуть Сатурна и исследовать его, у нас будет проблема. С этими кольцами надо будет вести себя очень осторожно!

— На данный момент чем дальше мы от Сатурна, тем лучше я буду чувствовать себя, — буркнул Уайтли. — И я рад, что впереди нет планет, до самого Нептуна, и что Уран далеко в стороне.

Следовало скорректировать наш курс. Мы с Рэндаллом решили «оттолкнуться» главным лучом от Сатурна, как в начале полета оттолкнулись от Земли. Благодаря свойствам луча Уайтли это могло дать нам значительный выигрыш в скорости, в сравнении с вариантом просто использовать луч как реактивный двигатель. Но для реализации этого плана надо было повозиться с ориентацией.

Марлин одобрил наше предложение. Тщательно сориентировав космолет, нацелив его на Нептун, так, чтобы Сатурн при этом оказался за кормой, мы врубили луч наполовину от полной мощности. Корабль с чудовищным ускорением рванулся вперед. Перегрузка была ужасной, силы амортизаторов наших кресел едва хватило, чтобы сохранить нас живыми и относительно здоровыми. Но это было необходимо, из-за наших приключений в кольцах Сатурна мы потеряли скорость и сбились с курса. А впереди лежало еще две трети

пути, в то время как Солнце с каждой секундой приближалось к гибели! Расстояния между внешними планетами Солнечной системы колоссальны, в сравнении с ними те расстояния, что отделяют Землю от Марса, Венеры и Меркурия, кажутся ничтожными.

Изнемогая от чудовищной перегрузки, мы разгонялись. На то, чтобы опять набрать скорость в пять миллионов миль в час, ушли десятки часов. Нептун рос, увеличивался в размерах, но медленно, очень медленно. Но взгляды Марлина и Уайтли, Рэндалла и мой были прикованы к этому смутно-зеленому огоньку, горящему в глубинах пространства. И мы продолжали разгон. До того момента, пока мы не пересекли орбиту Урана и наша скорость не составила восемь миллионов миль в час.

Это была колоссальная скорость, но нам казалось, что мы неподвижно зависли среди пустоты, точно муха вянтаре. Видимые размеры небесных тел — единственное, благодаря чему мы могли на глазок прикинуть свою скорость, ввиду огромности расстояний менялись очень медленно. Зато отключение двигателя мы ощутили сразу — благодаря невесомости. До сих пор ускорение играло роль гравитации прижимая нас к полу и креслам. Но теперь все предметы на борту, включая нас самих, свободно плавали в воздухе. Так что сейчас ременные петли и скобы, смонтированные на стенах, оказались незаменимы.

Орбиту Урана мы пересекли на пятнадцатый день полета — первого июля. Когда, судя по данным приборов, космолет пересек ее, Марлин и я смотрели в иллюминатор, в пространство за кормой. Там, за кормой, Сатурн постепенно превратился из громадного шара с сияющими кольцами в точку яркого желтого света. Трудно было поверить, что несколько дней назад мы были там и едва не расстались с жизнью.

Слева от Сатурна блистал, все еще яркий, белый огонек Юпитера, а еще левее тусклой красной искрой тлел Марс. Затем наши взгляды отыскали возле маленького диска далекого Солнца голубую звездочку Земли. Она почти терялась в сиянии Солнца на таком расстоянии, хотя на пределе возможностей зрения мы могли различить даже серебристую искру Венеры, а используя небольшой телескоп, могли уви-

деть и Меркурий. Однако, хотя космолет пересек орбиту Урана, сам Уран мы так и не смогли разглядеть невооруженным глазом — он был безмерно далеко, по ту сторону Солнца. В телескоп он выглядел крохотным зеленым диском. Спутники же Урана с такого расстояния не удалось различить даже в телескоп.

— Уран... Венера... Меркурий. Мы не видели эти три планеты, но они хранят не меньше тайн, чем те, возле которых мы побывали. Но настанет день... — задумчиво протянул Марлин, отрывавшись от телескопа.

— Настанет день... — повторил я, как и Марлин, не закончив фразу.

Никому из нас, в общем-то, и не надо было лишних слов. Марлин, Уайтли и я смотрели туда, где пылал диск Солнца, посылая свет через немыслимо огромные пространства, а наши мысли блуждали вокруг трех планет: Урана, Венеры и Меркурия, и трех других: Марса, Юпитера и Сатурна, поблизости от которых мы прошли. Что за чудеса, неизвестные нам, сокрыты на поверхности любого из этих миров? Но на чудеса не было времени... Над нашим родным миром, над прекрасной Землей, и над этими загадочными мирами нависал дамоклов меч катастрофы, и мы мчались сквозь тьму в безрассудной попытке предотвратить вселенскую катастрофу. Данные Уайтли были неутешительны: чудовищный луч с Нептуна все так же пронизывал Солнечную систему, упираясь в Солнцеи продолжая раскручивать его. Так что минуту спустя, вновь сосредоточенные и собранные, мы были на своих местах, направив все свои силы на достижении нашей цели.

Теперь, когда мы очутились за орбитой Урана, примерно две трети нашего пути лежало позади, и Нептун сравнялся яркостью и видимыми размерами с оставшимся позади Сатурном. Когда мы смотрели на него через наш телескоп, мы могли видеть крошечную светящуюся точку Тритона, спутника Нептуна, несколько большего, чем наша собственная Луна. Тритон, как мы знали, вращался вокруг Нептуна под большим углом к плоскости экватора планеты и общей плоскости эклиптики Солнечной системы. Расстояние же, на котором Тритон вращался вокруг Нептуна, было таким же, как среднее расстояние от Земли до Луны.

Теперь наблюдение за Нептуном и его спутником занимало наши часы и дни. Затем, по мере того как росла в размерах планета, по мере приближения к ней, росло и наше напряжение. Вскоре Нептун стал бледно-зеленым диском, и становился все больше и больше, с каждой минутой. На двадцать первый день пути, согласно расчетам, мы должны были достичь его. Нам же казалось, что наш перелет длился вечность, такие обширные пространства нам пришлось преодолеть, с такими огромными опасностями столкнуться. Но теперь все это осталось позади. Марс и смертоносный пояс астероидов, Юпитер и Сатурн, игра со смертью в кольцах Сатурна все это осталось позади, более не занимая наши умы. Нас волновал Нептун, и только Нептун. Загадочный враг притаился там, используя чудовищную мощь своей науки, чтобы разрушить наш мир, и этому врагу нам предстояло дать бой. Вчетвером, против силы, способной разрушать звезды!

Что ждет нас на Нептуне? Это был вопрос, занимавший наши умы непрерывно. Что за существа обитают на этой планете? Зачем им разрушать Солнце? Каким образом они вообще могут существовать во тьме и холоде, более чем в трех миллиардах миль от Солнца? На планете, которая могла получить лишь ничтожную толику света и тепла по сравнению с Землей; на планете, у которой была столь низкая плотность, что многие астрономы даже не верили в наличие у нее твердой поверхности? Как тут могла вообще существовать хоть какая-то жизнь, не говоря уже о столь могущественной и грозной цивилизации?

Таковы были вопросы, которые клокотали в наших мозгах в эти последние часы нашего полета. На девятнадцатый день диск планеты вырос до такой степени, что мы смогли разглядеть на нем пояса облаков, которые уже давно были известны земным астрономам. Двадцатый день сделал эти пояса облаков отчетливо видимыми, а также Тритон — луна Нептуна — стал виден невооруженным глазом, вращающийся близко от огромной планеты. Солнце же из диска превратилось в звезду, впрочем, мы уже давно не полагались на его тепло и свет, пользуясь запасами энергии в наших аккумуляторах.

Из всех планет только Юпитер и Сатурн были видны нам сейчас; остальные стали невидимы из-за колоссального рас-

стояния, которое теперь отдаляло нас от них. Но не назад, а вперед смотрели мы. Вперед — на стремительно растущий Нептун. Сидя в своём рабочем кресле — Уайтли, Марлин и Рэндалл находились в своих креслах рядом, я замороженно смотрел на приближающуюся планету в первые часы двадцать первого дня нашего путешествия. Сейчас Нептун явил себя во всем блеске своего великолепия. Если с Земли, даже в хороший телескоп, он казался почти что точкой, а его облака были различимы лишь при помощи лучших инструментов, то теперь эти облака величественно клубились под нами. Нептун был громаден, уступая размером лишь Юпитеру и Сатурну. Поверхность его, как и у Юпитера, Сатурна и Урана, всегда была скрыта от глаз облаками, плывущими в плотной и бурной атмосфере. Более чем в 60 раз больший, чем наша Земля, огромный мир неспешно скользил вокруг Солнца здесь на самом краю Солнечной системы, — последний форпост Солнечной системы, за которым лежала только ужасающая пустота межзвездного пространства.

Молча мы смотрели на большой зеленый диск, его небольшую блестящую луну. Уайтли, как обычно, время от времени проверял работу генераторов и следил за двигателями. Рэндалл глядел вперед вместе со мной, помогая мне, отслеживая нашу скорость и расстояние до планеты. Марлин пытался рассмотреть в телескоп поверхность планеты, проникнув взглядом сквозь круговорот облаков. Некоторое время тишину нарушало только гудение генераторов, затем Марлин оторвался от окуляра телескопа и, нахмуясь, уставился на планету в иллюминатор.

— Не могу ничего разглядеть через эти облака. Но нам давно уже известно, что Нептун имеет плотную атмосферу. А вот что лежит под одеялом облаков, мы не узнаем, пока не проникнем сквозь них, — объявил он.

— Это не займет много времени. Мы всего в пятидесяти миллионах миль от Нептуна. Часов через семь-восемь будем на месте, — сообщил я.

— Начинаем торможение? — спросил Уайтли, и я кивнул.

— Мы будем ждать до тех пор, пока мы не окажемся на расстоянии десяти миллионов миль от него, и только потом начнем тормозить.

Следующие несколько часов показались нам тоскливой и безысходной вечностью. Наконец, когда я уже сходил с ума от напряжения, Рэндалл сообщил, что мы приблизились к планете на расстояние в 10 миллионов миль. Гигантский зеленый диск планеты занимал уже полнеба. И как только я услышал слова Рэндалла, так тут же включил тормозящий луч. Тот вырвался в направлении планеты, и наша чудовищная скорость начала уменьшаться, в то время как на нас вновь обрушилась перегрузка! Минуту цифры на циферблате указателя скорости ползли назад, и наша скорость за эту минуту с восьми миллионов миль в час снизилась до шести, затем до четырех, трех, двух миллионов.

Перегрузка была направлена в обратную сторону, по сравнению с периодом разгона, что создавало некоторые неудобства. Но, вглядываясь в диск гигантской планеты, укрытый плотными облаками, мы не обращали внимания на головокружение и тошноту. Марлин уже сделал первое открытие, определил с помощью своих приборов период обращения Нептуна вокруг оси. Он оказался примерно равен двадцати часам.

Невольная гордость вскружила мне голову. Мы добрались до Нептуна! Нептун! Самая далекая от Солнца планета, отделенная от Земли немыслимым расстоянием! Марлин рядом со мной смотрел вперед, на клубящиеся облака чужого мира со жгучим любопытством астронома. Это была высочайшая вершина его научной карьеры — проникнуть сюда, в неведомый мир на границе Солнечной системы. Уайтли рассматривал планету со своим обычным хладнокровием. Рэндалл не мог скрыть волнения, как и я, и когда несколько минут спустя раздался рев раздираемой нашим космолетом атмосферы, он тут же кинулся проводить экспресс-анализ состава воздуха, сопровождая работу невнятными восклицаниями.

— Атмосфера Нептуна, безусловно, пригодна для дыхания! — наконец воскликнул он. — Давление две атмосферы, много паров воды и довольно большое количество кислорода. Почти как дома!

— Мы можем дышать, но из-за большей, чем на Земле силы тяжести Нептуна, вероятно, придется все же использовать «космоходы», — подытожил Марлин.

Космолет погрузился в кипящую мглу облаков, скрывших свет далекого Солнца. Вокруг завывали чудовищные ветра гигантской планеты, мчались облачные громады, серый туман вихрился вокруг корабля. Затем неожиданно, ибо мы считали, что слой облаков имеет сотни километров в толщину, облака закончились — теперь нас окружал прозрачный чистый воздух. Мы одновременно, не сговариваясь, вскрикнули от открывшегося нам зрелища. Ибо там, в бледном, тусклом неземном свете, далеко под нами раскинулась поверхность планеты, что так долго была целью нашей безумной миссии, поверхность таинственного Нептуна. И поверхность эта была металлической!

ГЛАВА VI. Тайны Нептуна

— Металлическая поверхность Нептуна!

— Мир, закованный в металл!

Наши ошеломленные восклицания прозвучали хором, когда мы взглянули вниз, после того как я почти инстинктивно остановил наш спуск. Космолёт завис над металлической равниной, что лежала под нами, над бескрайней поверхностью из гладкого темного сплава, тускло блестевшего в полумгле. Эта металлическая равнина протянулась от горизонта до горизонта, возможно, охватывая весь Нептун! В изумлении, в страхе мы смотрели на этот невероятный пейзаж. Мы ожидали совсем другого — полей льда или пылающих кратеров или даже океана без берегов, но только не металлического кожуха, одетого на планету. Никогда нам и в голову не приходило, что кто-то способен упрятать свой мир в футляр! И во всех направлениях до самого горизонта не было заметно ни одного выступа и ни одной впадины — одна и та же гладь отполированного металла.

— Нептун — мир, покрытый металлом! Думаю, что знаю почему, — протянул Марлин, глядя вниз. — Думаю, что могу понять, почему обитатели Нептуна покрыли свой мир этим щитом.

— Но то, что лежит под ним? — спросил Рэндалл

— Под ним — Нептун, обитаемый мир, колыбель цивилизации наших неведомых врагов, источник луча, разрушающего Солнце!

— Но как попасть внутрь? — озабоченно спросил Уайтли. — Я не вижу никаких отверстий в этом металлическом экране!

— Мы должны обследовать поверхность. Должны продолжать поиск до тех пор, пока мы не найдем какой-либо способ проникнуть под эту металлическую крышу! — в голосе Марлина звучала решимость.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, а затем я щелкнул одним из переключателей на пульте, изменяя направление тяги. Наш корабль, до того висевший над металлической равниной неподвижно, теперь пришел в движение. Мы помчались над сверкающей гладью. За бортом, судя по показаниям приборов, был чистый воздух, но чертовски холодно. Марлин, Рэндалл и я до боли в глазах всматривались в однообразный блеск металлической равнины в надежде найти дорогу внутрь. Но тщетно! Ровная, тускло-блестящая поверхность тянулась от горизонта до горизонта, словно весь Нептун был гладким металлическим шаром. После томительных часов бесплодного поиска ликующее восклицание Уайтли нарушило напряженную тишину. Он указал рукой налево. Там в однообразном металлическом блеске зияло темное круглое отверстие! Не сговариваясь, мы устремились в указанном направлении.

Я сразу же подогнал космолет к отверстию. Оно оказалось явно искусственным — титанических размеров округлый люк диаметром около пятисот футов, сквозь который мы могли видеть обширное пространство, озаренное ярким искусственным светом! Мы напряженно пытались разглядеть, что там внизу.

Первое, я заметил, глядя вниз, было громадное пространство под металлической крышей Нептуна от металлического «футляра» до поверхности самой планеты было не меньше мили. Станный яркий свет заливал планету, скрытую под металлической «кровлей». Повсюду высились странные большие здания неизвестного назначения. Прямоугольной формы с гладкими черными стенами, большого размера, но не-высокие,

нептунианские здания не имели крыш! В зданиях размещались гигантские машины, судя по всему, самого разнообразного назначения. Но нигде не было видно ни единого живого существа. Кроме того, между зданиями не было никаких улиц. Это больше напоминало пчелиные соты, чем человеческий город! Казалось, весь мир внизу покрыт этой сетью темных металлических ячеек!

Глаза Марлина блестели, ученый был крайне взволнован.

— Город обитателей Нептуна! Город Нептуна, который скрыт под колоссальной крышей. Именно там находится то, что мы ищем! — прошептал он.

— Вы собираетесь высадиться здесь? — спросил я.

Отвечая на мой вопрос, он кивнул.

— Мы должны искать генератор. Однако мы должны быть готовы к бегству наружу в любой момент, если нас обнаружат хозяева, кто бы они ни были!

Несколько секунд мы неподвижно висели над люком, затем я уменьшил мощность луча, и мы начали спуск! Напряженно и с замороженным интересом мы смотрели теперь вокруг, погружаясь в неведомый мир, лежащий под металлической крышей. Опустившись под эту крышу, мы с изумлением обнаружили, что при взгляде снизу, она была абсолютно прозрачной! Темный, непрозрачный металл при взгляде сверху, был почти невидим при взгляде снизу! И только тогда мы поняли смысл и цель сооружения этого чехла вокруг планеты. Его построили, чтобы сохранить как можно больше тепла. Неведомые хозяева превратили свою планету в огромную оранжерею, в парник, пропускающий свет и тепло внутрь и не выпускающий их наружу!

Но и это открытие меркло при сравнении со все новыми и новыми чудесами, открывавшимися нашему взгляду. Под нами, от горизонта до горизонта протянулись все те же ячейки из черного металла, гигантские соты — сооружение невероятных масштабов. Они были сформированы двухсотфутowymi металлическими стенами, без каких либо проходов, улиц или промежутков — ровные, одинаковые ячейки из черного металла! Титанический город-улей, вот чем был Нептун! Однако самое удивительное заключалось в том, что нигде не было никаких опор, на которых могла бы быть установлена крыша-чехол

планеты! Никаких следов конструкций, удерживающих эту чудовищную тяжесть! Еще одна особенность гигантской крыши удивила нас. Это были большие отверстия в ней, через одно из которых мы прилетели. Большие и круглые, они располагались на большом расстоянии друг от друга. Эти отверстия, как мы выяснили, должны были закрываться раздвижными диафрагмами, но все они были открыты! Почему они открыты, мы молча спрашивали себя, если цель — крыши сохранить тепло Нептуна внутри? Именно из-за этих отверстий температура внутри на данный момент была равна температуре снаружи!

Тем не менее даже эти странности не могли отвлечь наше внимание от странных ячеек города, над которым проплавывал наш корабль. Мы летели на высоте нескольких сотен футов. Когда мы снижались, Марлин, Уайтли и Рэндалл, сидевшие рядом со мной, с нетерпением смотрели вниз, а мои руки замерли на переключателях, готовые в любой миг швырнуть нас вверх. Если хозяева города, кто бы они ни были, обнаружат нас, то нам следует ожидать молниеносной атаки. Так что в непрерывном напряжении пребывали мы все, в то время как сверкающий многогранный кристалл нашего космолета медленно опускался навстречу темным ячейкам всепланетного города-улья. И по мере спуска мы могли рассмотреть все больше удивительных деталей инопланетного города.

Прямоугольные отсеки заполняли, как мы уже разглядели сверху, различные механизмы странной формы и объекты, которые мы даже теперь лишь смутно могли различить. Однако мы видели, что тут и там по всему огромному городу стояли гигантские металлические сферы, каждая сто футов в диаметре и каждая занимала собственную ячейку. Сотни этих таинственных шаров были раскиданы по всему городу непонятно зачем. Но, по мере нашего снижения, не эти шары стали для нас главной загадкой, а то, что в титаническом городе не наблюдалось ни малейших признаков жизни!

— Мертвый мир! Мертвый! — воскликнул Рэндалл, выразив то, что мы все уже поняли, но не решились признать.

Нептун — мертвый мир!

Мертвый мир! Он простирался под нами в тусклом свете от горизонта до горизонта — наполненный титанически-

ми машинами и строениями, но заброшенный и мертвый! Без каких-либо признаков жизни — мир-призрак, мир-кладбище! Бесконечные ячейки из темного сплава, загадочные механизмы, таинственные сферы — все это лежало под нами, бездействующее, неподвижное и мертвое! Как будто бы неведомая нам сила, загадочная смерть вторглась сюда раньше нас, опустошив всю планету в одно мгновение! Мы летели сюда, готовые встретить любые формы жизни, любых жутких чудовищ или блистательных полубогов, но только не это! Только не стерильно-безжизненные руины неведомой цивилизации.

Изумление и шок охватили нас, звенящая напряженная тишина наполнила корабль. Если Нептун мертв, то кто направляет на Солнце разрушительный луч, кто угрожает самому существованию Солнечной системы? Откуда тогда взялась эта чудовищная угроза? Неужели все было напрасным, луч был лишь загадочной и неодолимой игрой природных сил, а Нептун — некрополем могучей цивилизации, погибшей много эонов назад? Неужели наш отчаянный бросок сквозь бездны космоса был бессмысленным?

Марлин, должно быть,, почувствовал то же отчаяние в тот момент, однако его мужественное лицо оставалось бесстрастным.

— Город под нами пуст... Возможно весь Нептун мертв и заброшен... Но каковы точные координаты источника луча? — поинтересовался он.

Уайтли покачал головой, взглянув на свои приборы.

— Невозможно сказать. Источник где-то в районе Нептуна, но для определения точных координат наши приборы недостаточно чувствительны.

— Но город! Даже если он мертв, пуст, мы, возможно, в состоянии найти что-нибудь, объясняющее, что здесь происходит, а может быть, и понять природу источника луча! — воскликнул я.

Марлин задумался, затем кивнул.

— Хант прав. Если мы исследуем этот город-улей, мы сможем найти ключ к природе источника луча. И действовать надо быстро... До катастрофы осталось всего восемьдесят пять дней!

— Но мы не должны рисковать, все вместе отправившись на разведку, — объявил я. — Безопаснее двоим остаться на корабле, который зависнет над городом, в то время как двое разведчиков спустятся на поверхность в «космоходах».

Моё предложение было принято. Марлин и я отправлялись на разведку, в то время как Уайтли и Рэндалл неохотно согласились дожидаться нас на корабле. Таким образом, снизившись до высоты тысячи футов и отрегулировав силу луча так, чтобы корабль завис неподвижно, я передал управление Рэндаллу. Затем Марлин и я забрались в наши капсулы. Прихватив с собой тяжелые металлические прутья — ненадежное оружие, на всякий случай, мы перебрались в шлюзовую камеру и закрыли ее за собой. Как только внутренний люк захлопнулся, камера наполнилась холодным и плотным воздухом снаружи. Мы не ощущали холода, работала система терморегуляции. Мы включили двигатели и поднялись над полом шлюзовой камеры. Затем выскользнули наружу и начали падать к городу вниз, подтормаживая двигателями, опускаясь плавно, словно на парашютах.

Сквозь бледные сумерки нептунианского дня мы летели вниз, пока не очутились над пересечением черных металлических стен. Здесь, увеличив мощность луча, я плавно опустился к подножию стены, Марлин сделал тоже самое. У самой поверхности мы затормозили, повиснув в воздухе примерно на высоте в пару футов. Остановившись, Марлин и я посмотрели вверх. Над нами на двести футов возвышались отвесные стены из черного металла. В зените сверкал многогранник космолета. Помахав манипуляторами Уайтли и Рэндаллу, оставшимся на борту, мы приступили к разведке.

Ячейка, где мы находились, была прямоугольной формы, четыреста футов длинной и примерно в два раза меньше шириной. Вдоль стен рядами застыли приземистые грушевидные механизмы высотой в пару футов. Марлин и я подлетели к одному из этих устройств, чтобы исследовать его. Мы обнаружили, что каждое из этих устройств увенчано странной воронкой. К механизму было подключено множество труб различной толщины. Подобравшись к машине вплотную, мы сняли крышку и обнаружили внутри сложное переплетение трубок, проводов и каких-то электронных

устройств. Марлин указал на них и, соприкоснувшись со мной шлемом, объявил:

— Это синтезатор воды, Хант. Эта машинка собирает из воздуха атомы кислорода и водорода и рекомбинирует их в воду.

Я кивнул, глядя на устройство.

— Но его не использовали многие годы — на протяжении веков, возможно, — сказал я. — Он весь в пыли!

В самом деле, синтезаторы воды и другие машины покрывал слой пыли, толщиной минимум в дюйм. Явно этими машинами никто не пользовался давно, очень давно. Века, а может и тысячелетия! Минуту или две мы рассматривали эти инопланетные древности. Вероятно, со стороны мы выглядели очень странно — два цилиндра, висящие в воздухе. Затем мы полетели дальше, вдоль стены. Эти черные, гладкие как стекло, стены были сделаны словно из камня, но притом монолитного, без швов и стыков, с металлическим блеском. Материал этот был тверже алмаза, наши металлические прутья не могли оставить на нем ни малейшего следа. Материал был явно искусственным. Позже мы узнали, что этот материал был выращен из длинных мономолекул, соединенных в особую кристаллическую решетку, и превосходил алмаз твердостью, а прочностью — сталь.

Мы скользили вдоль рядов одинаковых грушевидных механизмов и труб, пока что-то в углу огороженного стенами пространства не привлекло внимание Марлина. Он остановился. Там в черной стене была прорезана дверь, ведущая в соседнюю ячейку. Судя по всему, все здания города-планеты были связаны такими дверями, позволявшими переходить из одного здания в другое. Дверь была очень странной, не удивительно, что мы не сразу ее заметили. Она была шесть футов в ширину, но только чуть более четырех футов в высоту! Как будто обычную земную дверь положили на бок! И, внимательно осмотрев всю ячейку мы обнаружили в каждой стене двери точно таких же размеров и точно такой же формы!

— Эти двери! Те, кто ими пользовался, никогда не были людьми или хотя бы похожими на людей! — пробормотал я Марлину.

— Нептунциане, которые когда-то жили здесь... — начал Марлин, а затем остановился. Мы посмотрели в тишине друг на друга, сквозь прозрачные иллюминаторы наших шлемов.

Гнетущая тишина нависала над мертвым городом. Странные дверные проемы произвели на нас угнетающее и пугающее впечатление. Я взглянул наверх и увидел, что многогранник космолета по-прежнему висит на своем месте в вышине, а затем повернулся и увидел, что Марлин добрался до двери. Мгновение он стоял на месте, затем показал жестом, что собирается делать. Опустившись на гладкую поверхность, помогая себе манипуляторами, он лег горизонтально, нацелясь в проем двери, а затем на малой тяге двигателя пролетел в проем. Оказавшись в соседней ячейке, ученый тут же вновь принял вертикальное положение. Я последовал за ним, и вскоре мы уже стояли в соседней ячейке.

Этот второй «отсек», как мы обнаружили, был копией предыдущего по форме и по размеру, разве что там было на несколько десятков больше грушевидных синтезаторов воды. Мы пересекли его, не потревожив толстый слой пыли, добрались до следующих дверей, чтобы найти за ними еще одну ячейку синтезаторов воды. Мы побывали, наверное, не менее чем в полусотне таких ячеек, где не было ничего, кроме пыли и брошенных механизмов водоснабжения, а затем, наконец, наткнулись на нечто интересное — ячейку, вдоль стен которой были установлены гигантские стеллажи.

Эти стеллажи состояли из горизонтальных полок и вертикальных перегородок из гладкого черного камня, того же, из которого сделаны стены; в результате все стены ячейки представляли собой как бы колоссальный шкаф, разбитый на множество отделений четыре фута в длину и два в высоту каждое. Этих отделений были сотни и даже тысячи — все они были пусты, ничто не выдавало их бывшего назначения. Марлин предположил, что мы попали на склад, но если так, то как заполнялись эти камеры хранения? И чем? Если бы кто-то из нас догадался об истинном назначении этих камер, как многое стало бы нам ясно уже тогда! Но мы ничего пока не смогли понять и, осмотрев загадочный «склад», перелетев через стену, покинули его..

Мы удалились уже достаточно далеко от корабля, хотя его сверкающий многогранник в вышине пока еще не скрылся из виду. Вид космолета слегка успокаивал нас. Мы продолжили разведку. Отсеки здания титанического города один за другим открывались нам. Некоторые из них были заполнены синтезаторами воды или ярусами «камер хранения», такими как те, что мы уже видели. Но многие механизмы или предметы вгоняли нас в ступор своей чуждостью. Мы почти забыли, зачем мы здесь, разглядывая диковинные плоды работы чужого разума.

В одном из отсеков мы нашли нечто, даже более непостижимое по своему назначению, чем «камеры хранения». Это были огромные металлические контейнеры, каждый десятки футов в длину и ширину, но вряд ли больше, чем фут или два в глубину. Они были установлены один над другим в огромной раме, и каждый контейнер был наполнен прекрасным черноземом. Отсек, который они занимали, отличало наличие огромных белых дисков на стенах. Диски были подключены к таинственным устройствам, судя по всему, генераторам неведомых нам лучей или полей. Весь механизм был для нас абсолютно непостижим, гигантские «плошки» с почвой, и таинственные излучатели не укладывались ни в какую стройную картину.

Кое-где весь отсек занимали таинственные металлические шары, которые мы уже видели сверху, — полированные металлические сферы. Эти гигантские устройства были самыми загадочными. Ничто не указывало на их назначение, кроме, разве что пульта со множеством переключателей, к которым каждый из этих шаров был подключен. Но тщетно мы щелкали этими переключателями — система, чем бы она ни была, давно была обесточена. Мы видели эти огромные шары сверху, но и теперь, вблизи, они оставались не менее таинственными. Рядом находились машины, огромные и причудливые, с огромными контейнерами, со множеством рычагов и передач, назначение которых мы смогли более-менее понять. Это были машины, которые вырабатывали и обрабатывали черный, алмазоподобный материал, из которого был выстроен город. Каждая из этих машин была снабжена своего рода сиденьем для оператора, перед которым была

установлена панель управления с подюжиной блестящих металлических рычагов. Увидев эти «кресла» и рычаги, мы с профессором обменялись испуганными взглядами. Как могло выглядеть существо, которому удобно сидеть в таком кресле и управлять механизмом с такого пульта? Нам обоим одновременно вспомнились странные двери, соединяющие здания-отсеки станного города. Страхнув мрачное наваждение, мы отправились исследовать следующее здание-отсек, предварительно бросив взгляд на наш космолет.

Отсек, в который мы проникли, как и предыдущий, был наполнен строительной техникой нептунян. Но одна особенность привлекла наше внимание, заставив остолбенеть! Ряды огромных машин не были полными! Здесь и там в этих рядах были пробелы, как будто кто-то забрал несколько машин, и те места, где прежде стояли отсутствующие машины, были свободны от слоя пыли в дюйм толщиной, покрывавшего все вокруг! Мало того, сама пыль была усеяна цепочками странных, круглых, беспалых следов. Кто бы ни оставил эти следы, он побывал тут недавно — несколько часов, максимум дней назад!

— Марлин! Эти следы! Кто-то был здесь — и недавно! — взволнованно прокричал я, соприкоснувшись шлемами с Марлином.

— Этого не может быть! Нептун заброшен. Весь этот город пуст! — воскликнул мой спутник, но его голос казался приглушенным.

— Но эти следы! Те квадраты в пыли... Кто-то был здесь и забрал подюжины больших машин! И мы знаем, что кто-то на Нептуне генерирует луч, который раскручивает Солнце! — настаивал я.

— Этого не может быть, — повторил Марлин.

— Мы определили источник луча. Решили, что он находится где-то в районе Нептуна, но не на самой планете. Планета вращается вокруг оси, а луч всегда исходит из одной точки. Я кажется понял... Смотри! Там! — Тут он указал манипулятором вверх. Я направил взгляд в указанном направлении — и испытал настоящее потрясение. Там, высоко над городом, десяток странных объектов снижались, проскользнув сквозь одно из отверстий в металлической крыше

Нептуна! Металлические цилиндры плавно опускались, направляясь к нам. Затем, очевидно, обнаружив наш космолет, замерли в воздухе, словно приняхиваясь. В следующий миг цилиндры устремились к нашему кораблю, и из каждого цилиндра вырвался узкий, бледный, почти невидимый луч, и лучи эти были нацелены на наш космолет!

Марлин и я закричали от ужаса в то мгновение, когда цилиндры набросились на наш корабль, но космолет уклонился от первого натиска врага. Видимо, Рэндалл и Уайтли, похоже, вовремя заметили угрозу. Первый залп смертоносных бледных лучей прошел мимо нашего корабля, а затем космолет и цилиндры закрутились в сумасшедшем танце воздушного боя. Космолет маневрировал великолепно, и уже вскоре один из цилиндров был поражен... лучом другого цилиндра. Лучи рубили и рвали пространство, точно мечи титанов, и тут наш корабль вырвался из смертоносной круговерти и помчался к отверстию в крыше!

Когда Уайтли и Рэндалл предприняли эту попытку вырваться из враждебного окружения, в погоню за ними бросилось три огромных цилиндра. Когда наш корабль и три его преследователя скрылись в отверстии, остальные восемь цилиндров возобновили спуск! Мы с изумлением наблюдали, как четыре цилиндра устремились к какой-то другой цели, а еще четыре направились прямо к нам! Природа загадочных следов и исчезновение строительных машин перестали быть для меня загадкой.

Я вновь прижал свой шлем к шлему Марлина.

— Они идут сюда! Они и есть хозяева пропавших машин, — простонал я.

— Надо бежать отсюда! Уайтли и Рэндалл не смогут спастись, если они захватят нас, — проревел в ответ Марлин.

На максимально возможной скорости мы помчались к двери. В следующий миг мы были уже в другом отсеке, но грозные цилиндры неумолимо приближались слева, заливая все вокруг бледными лучами! Сверху они могли легко видеть нас, и мы замерли неподвижно, молясь о том, чтобы неведомые пилоты не обратили внимания на наши громоздкие капсулы среди нагромождения древних механизмов. Пока что мы могли видеть, как другие четыре цилиндра заходят

на посадку в другой части города. В следующий миг вибрирующее гудение раздалось в воздухе, и четыре цилиндра, которые преследовали нас, совершили посадку в отсеке... из которого мы только что сбежали!

Без единого слова, лишь взглянув друг на друга, мы решительно направились туда, откуда только что бежали. Страх уступил место любопытству и осознанию долга. Мы прилетели сюда вести разведку, а не прятаться, как крысы, по норам. Мы затаились возле двери, так, чтобы видеть как можно больше, оставаясь максимально незаметными. Четыре цилиндра совершили посадку и теперь стояли в центре отсека. Каждый был диаметром 40 футов и в два раза больше в высоту. Их блестящие металлические корпуса были снабжены иллюминаторами. Они были снабжены излучателями луча Уайтли в качестве двигателей — это были космические корабли!

Прежде чем мы смогли осознать значение этого факта, у основания каждого цилиндра с лязганьем открылись отверстия люков — формой и размерами идентичные дверям, соединявшим отсеки в городе. Изнутри чужих кораблей раздалось лязганье открываемых люков, в открывшихся темных коридорах зашевелились какие-то тени. Затем, когда наши нервы оказались предельно напряжены, из одного из цилиндров вышел пилот, и мы впервые увидели живого нептунианина! Существо имело столь гротескный вид, что на миг мне показалось, что мы сошли с ума и это всего лишь галлюцинация!

Это было существо, в котором не было вообще ничего человеческого. Тело его было большим плоским диском из бледно зеленой плоти, пяти футов в диаметре и вряд ли достигало фута в толщину. Оно стояло на семи толстых щупальцах, способных удерживать диск хоть на ребре, хоть в горизонтальном положении. Щупальца располагались равномерно на ободе диска. Диск также был снабжен двумя глазами и ртом. Глаза, расположенные на краю диска, в четыре дюйма диаметром — были фасетчатыми, как у мухи! И эти ужасающие глаза были великолепно приспособлены для вечного нептунианского сумрака, не уступая по своим свойствам хорошим оптическим приборам.

Белое круглое отверстие рта располагалось точно в центре диска! Трудно представить себе нечто более чуждое, чем этот диск со стеклянными глазами на ободе, круглым беззубым ртом в центре, стоящий на щупальцах. При этом диск был одет! На нем было некое подобие брони из гибкого металла, прикрепленной к телу блестящими ремнями. Одевание соединялось петлями из гибких трубок различной толщины. Гибкими ремнями к одеянию по краю диска крепился металлический шар, непрерывно излучавший яркий свет!

Существо осмотрелось вокруг своим ничего не выражающим взглядом, а затем обернулось и, как нам показалось, обратилось к своим соплеменникам, оставшимся в корабле-цилиндре, издав серию странных звуков. Речь нептунианца была серией щелчков и скрежета, напоминающего скрежет металла. В ответ на эту странную речь наружу высыпали другие нептунианцы, сначала из первого цилиндра, затем и из трех оставшихся. Переговариваясь щелчками и сериями скрежещающих звуков, они устремились к древним машинам, наполняющим здание-отсек. Наблюдая за ними, мы вскоре обнаружили, что семь их странных конечностей могут служить и ногами, и руками, эти мускулистые щупальца обвивали и хватали инструменты, ловко орудуя ими!

— Нептуниане... Эти диски из плоти — это нептуниане! Повышенная гравитация планеты расплющила их в лепешку — высокая гравитация порождает такие плоские существа. Фасетчатые глаза порождены нептунианским полумраком, они хорошо приспособлены для слабого освещения. И именно эти существа построили огромный город, что охватывает всю поверхность планеты, именно для их плоских тел предназначены широкие низкие двери, для их семи руконог созданы странные пульта управления, которые мы видели! — взволнованно прошептал Марлин.

— Но если это существа, которые населяют Нептун и которые своим лучом пытаются разорвать пополам Солнце, где они обитают? Почему они оставили весь этот город, весь этот мир мертвым и пустынным? — также шепотом спросил я.

Марлин покачал головой внутри шлема своей капсулы.

— Бог знает, Хант! Если нептуниане оставили свой мир, где они обитают теперь? Я знаю не более вас. Но ясно, что

они прилетели за своими машинами, которые когда-то оставили тут.

Он был прав. Дiskoиды (назову их так) деловито возились с тремя или четырьмя машинами, стоявшими в громадном отсеке. Они проворно разбирали эти машины и по частям перетаскивали в свой корабль-цилиндр. Несколько раз некоторые из них пробежали мимо низкой двери, через которую мы с Марлином наблюдали за их работой, но никто не заметил нас, или же мы их просто не интересовали. И пока они работали, мы начали понимать некоторые из их особенностей, которые озадачили нас вначале.

Мы были озадачены, например, тем, что они были в состоянии работать при адском холоде, царившем вокруг. Но теперь, понаблюдав за парой из них на расстоянии вытянутой руки, мы обнаружили, что светящиеся металлические шары, озадачившие нас поначалу, которые дискoиды всегда носили с собой, — обогреватели. Каждый нептунинец, благодаря этому шарикy, был заключен в личный кокон из теплого воздуха! Эта система обогрева не уступала системе обогрева наших капсул-«космоходов».

Мы наблюдали за тем, как нептуниане разобрали и загрузили на борт своего цилиндра интересовавшие их машины, и теперь я приблизил свой шлем к шлему Марлина, чтобы решить, что делать дальше. Нептуниане могли обнаружить нас в любой момент, и не только те, что занимались своими делами у нас перед глазами. Где-то в городе совершили посадку еще четыре цилиндра. Что бы ни случилось с Уайтли и Рэндаллом в космолете, Марлин и я были в более опасном положении. Нам просто было некуда бежать — без капсул, в которые мы были заключены в этом мире холода и мрака, нам было не выжить. А запас воздуха в капсулах подходил к концу, не говоря уже об отсутствии воды и пищи. Тем не менее мы всерьез собирались сбежать от нептуниан.

— Мы должны получить четкое представление об этих существах! Надо скрыться в городе, — предложил я.

Марлин был занят наблюдением за дискoидами, но, тем не менее, повернулся ко мне.

— Подождём немного, — прошептал он. — Может быть, Уайтли и Рэндалл...

Это была фраза, которую он так никогда не закончил. Ибо едва мы покинули отсек, в котором мы прятались, как вынуждены были остановиться. Вернувшись в предыдущий отсек, мы обнаружили там больше десятка нептуниан-дискоидов! Их фасетчатые ничего не выражающие глаза уставились на нас! Это были дискоиды из других четырех цилиндров. Они высадились где-то в городе, а потом прошли по нашим следам! С оглушительным криком, адской какофонией щелкания, скрежета и свиста, дискоиды бросились на нас. Звук был столь громким, что оглушал нас даже внутри наших капсул!

ГЛАВА VII. Луч, разрушающий Солнце

Мгновением позже завязалась сюрреалистическая схватка — мы в неуклюжих цилиндрических капсулах против дискоидов. Двое против десяти, металлические манипуляторы против могучих щупалец ногорук. Когда они набросились на нас, мы сокрушили двух из них нашими стальными клешнями, и их зеленая кровь залила каменный пол здания-отсека. Остальные, однако, навалившись, скрутили нас, а к десятку нападавших присоединились их соплеменники, до того разбиравшие машины. Так что, хотя мы с Марлином сражались против дискоидов с отчаянной яростью, хотя на нашей стороне была мощь металлических манипуляторов, они задавили нас числом, скрутили и оставили лежать беспомощными и обездвиженными.

Несколько дискоидов явно собирались расправиться с нами, но тут один из них, с малиново-красным шаром на одеянии, отдал какие-то команды. Дискоиды образовали некое подобие строя. Четверо из них направили на нас длинные металлические трубки. Инстинктивно я осознал, что это лучевое оружие, типа того, какое цилиндры использовали против нашего космолета в воздушном бою. Позже я узнал, что это разновидность луча Уайтли, сфокусированного так, чтобы не толкать, а протыкать, резать и рубить то, на что он направлен. Чувствуя смертельную опасность, исходящую от этих труб, я ожидал мгновенной смерти.

Но нас пока не собирались убивать — оружие направили на нас, чтобы предотвратить наше сопротивление или бегство. Командир нептуниан — тот, кто отдавал приказы — заполз на мою капсулу и сквозь прозрачный пластик моего шлема уставился мне в лицо своими стеклянными глазами. Встретившись с ним взглядом, я испытал всеобъемлющий ужас. Существо разглядело меня — и, возможно, тоже было поражено, увидев насколько мы не схожи. Нептунианин проворно соскочил на поверхность и отдал новый приказ. Нас опутали многочисленные ногоруки, и орда дискоидов потащила нас к двери в отсек, где стояли корабли-цилиндры.

В один из этих цилиндров нас и втащили — через темную щель входного люка. Внутри нептунианин-командир отдал еще один приказ полдюжине своих собратьев. Остальные дискоиды выскочили наружу и побежали к другому цилиндру. Крышка люка со звоном захлопнулась. Послышались шипение и пульсирующий гул странных машин в темном интерьере цилиндра вокруг нас, и в то же время командир нептуниан жестом приказал нам вылезти из капсул и снял свой светящийся шар.

Нам не хотелось выполнять его команды, но оружие дискоидов было по-прежнему нацелено на нас, и мы неохотно подчинились, покинув свои цилиндрические коконы. Сделав это, мы на пару мгновений замерли, забыв о своих похитителях, увлеченные изучением чужого корабля изнутри. Цилиндрический космолет своим устройством напоминал башню. Он был разбит на отсеки — этажи, по восемь-десять футов высотой. Легкие металлические лестницы соединяли через отверстия все эти этажи, и по этой лестнице, некоторые из дискоидов теперь спешили в верхний отсек. Мы, а также командир и четверо вооруженных охранников плюс еще штук шесть дискоидных монстров находились в самом нижнем отсеке корабля.

Судя по громоздким, приземистым механизмам, издававшим такое же гудение, как генераторы луча Уайтли на нашем космолете, это было машинное отделение. Как только мы слегка осмотрелись, лидер нептуниан издал еще одну щелкающую команду и жестом одной из семи ногорук указал нам на лестницу. Безошибочно и сразу определив смысл

команды, Марлин и я шагнули в сторону лестницы и начали подниматься вверх под прицелом четырех бдительных охранников. За время подъема я успел отчасти изучить внутрененность корабля дискоидов.

Один из отсеков, судя по всему, грузовой трюм, был наполнен частями разобранных машин из заброшенного города. Еще два или три — тоже оказались трюмами. Их заполняли детали машин, добытые, судя по всему, в других частях города. Мы прошли через отсеки, в которых стояли громоздкие резервуары, судя по всему — аккумуляторы, типа тех, что стояли в нашем космолете, и, наконец, добрались до верхнего, точнее, носового отсека. Это была, судя по всему, командная рубка корабля. Бесчисленные иллюминаторы делали ее стены ажурными, почти прозрачными. За пультами управления стояла пара нептунянцев.

В центре отсека возвышалось некое подобие металлического столба или тумбы со множеством маленьких зеленых рычажков — судя по всему, главная консоль управления, и вокруг этого сооружения располагались странные сиденья нептунян. Странные приборы со светящимися экранами и шкалами, мерцающие огоньками и непонятными символами довершали картину. Командир отдал еще один щелкающий приказ, одновременно указав нам на приземистые сиденья у стены. На них мы и разместились вместе с четырьмя конвоирами, севшими по бокам от нас. Командир и еще два дискоида заняли места за пультом — их ногоруки быстро пробежали по рычажкам.

Сразу раздалось мощное пульсирующее гудение генераторов. Через иллюминатор было видно, что в других цилиндрах тоже задраили люки. Затем, как только один из дискоидов нажал еще один рычажок на пульте, цилиндр, в котором мы находились, взмыл над заброшенным городом, в сопровождении трех других цилиндров направляясь навстречу бледному сумраку нептунянского дня. Тусклый свет дня уже ослабевал, исчезал. Ночь кралась через этот огромный мир тишины и смерти. Но все еще оставалось достаточно света для того, чтобы видеть могучий лабиринт отсеков — заброшенный и мертвый город. И теперь над громадой города мчались четыре цилиндра. Они летели в горизонтальном

положении, все сиденья в корабле были оборудованы карданной подвеской, так что мы не испытали неудобств, когда стены стали полом.

Над одним из районов города-лабиринта мы остановились. Здесь к нам присоединились еще четыре цилиндра, те, что улетели в сторону у нас на глазах после воздушного боя. Тогда все восемь больших цилиндров, с нашим во главе, резко повернули вверх, направляясь к гигантскому отверстию в металлической оболочке Нептуна. Когда цилиндры подлетали к нему, мы с Марлином взглянули вниз и назад. Мы могли видеть, даже лучше, чем из нашего космолета, огромные масштабы отсеков мертвого и пустынного города, с его механизмами и огромными шарами, с его высокими черными стенами, теперь лежавшего в пыли, молчании и смерти. А через мгновение цилиндры проскользнули в проем гигантского люка в металлической кровле планеты — флотилия дискоидов направлялась в космос. Я шепнул Марлину

— Они покидают Нептун! Где же они обитают, Марлин? И что случилось с Уайтли и Рэндаллом?

Ученый покачал головой и ответил тоже шепотом.

— Уайтли и Рэндалл сбежали, я надеюсь. Они имели небольшую фору и могли ускользнуть с планеты...

Внезапно мы замолчали, так как охранник посмотрел подозрительно на нас своими выпуклыми глазами. Когда цилиндр уже поднялся высоко над металлическим футляром планеты и прямо над нами за клубились облака, я вдруг подумал, что в такой переплет не попадал еще ни один человек. Захвачен чудовищами в форме диска, лечу над крышей, покрывающей целую планету, которая вся целиком представляет собой заброшенный город, и лечу при этом неизвестно куда! И эта мысль плавно повлекла за собой цепочку других мыслей и в конце концов привела к мысли о сути и цели нашей миссии. Мы прилетели сюда, чтобы найти наших врагов, стремящихся разрушить Солнце, прилетели, чтобы предотвратить космическую катастрофу, найдя источник разрушительного луча и сообщить координаты этого источника на Землю. Вместо этого враги схватили нас и везут неизвестно куда и зачем! Как же мы сможем выполнить свою миссию?

Из темного омута отчаяния меня вывело восклицание Марлина. Наши цилиндры зависли у кромки облаков. А из облаков к нам спускались еще три цилиндра — те самые, которые преследовали наш космолет с Уайтли и Рэндаллом на борту! Напряженно я наблюдал, как эти три корабля дискоидов сблизилась с нашей флотилией из восьми цилиндров, а затем один из них вдруг подплыл к нашему цилиндру, и корабли плавно соприкоснулись шлюзами. Раздался лязг металла, и корабли состыковались, герметично соединив шлюзы, так чтобы холодный забортный воздух не мог проникнуть внутрь. Затем в командную рубку нашего цилиндра быстро поднялись три нептунианина с подлетевшего корабля.

Прибывшие чудовища разразились длинной шелкающей речью, очевидно, сделав доклад носителю малинового шара. Но не их речи привлекли наше внимание, а то, что они держали в своих ногоруках! Это были искореженные обломки обшивки нашего космолета! А когда они достали обломки одного из наших кислородных резервуаров — содержание их доклада стало ясным без перевода. Чудовища отчитывались об уничтожении последней надежды Земли — нашего корабля!

— Уайтли и Рэндалл! Эти твари догнали их и уничтожили своими лучами! — шепот Марлина был исполнен ужаса.

— Уайтли и Рэндалл! — Я почувствовал, что мой голос предательски дрожит при взгляде на эти обломки — безмолвное свидетельство гибели наших друзей, гибели под ударами вражеских лучей где-то в холодных, обширных облачных массах над нами.

Уайтли — хладнокровный и невозмутимый, вдумчивый, страстный исследователь, любопытный и проницательный, спокойный и трезвомыслящий перед лицом опасности; и Рэндалл — с его солнечным ореолом рыжих волос, задорным мужеством и неиссякаемым юмором. Они как живые стояли передо мной, но смерть настигла их в холодных облаках враждебного Нептуна. Рука Марлина легла на мое плечо, поддерживая и утешая, но я знал, что сердце ученого наполнено той же скорбью и безысходностью. Уайтли и Рэндалл погибли, наш корабль был разрушен, мы находились в плену у чудовищ, которые жили

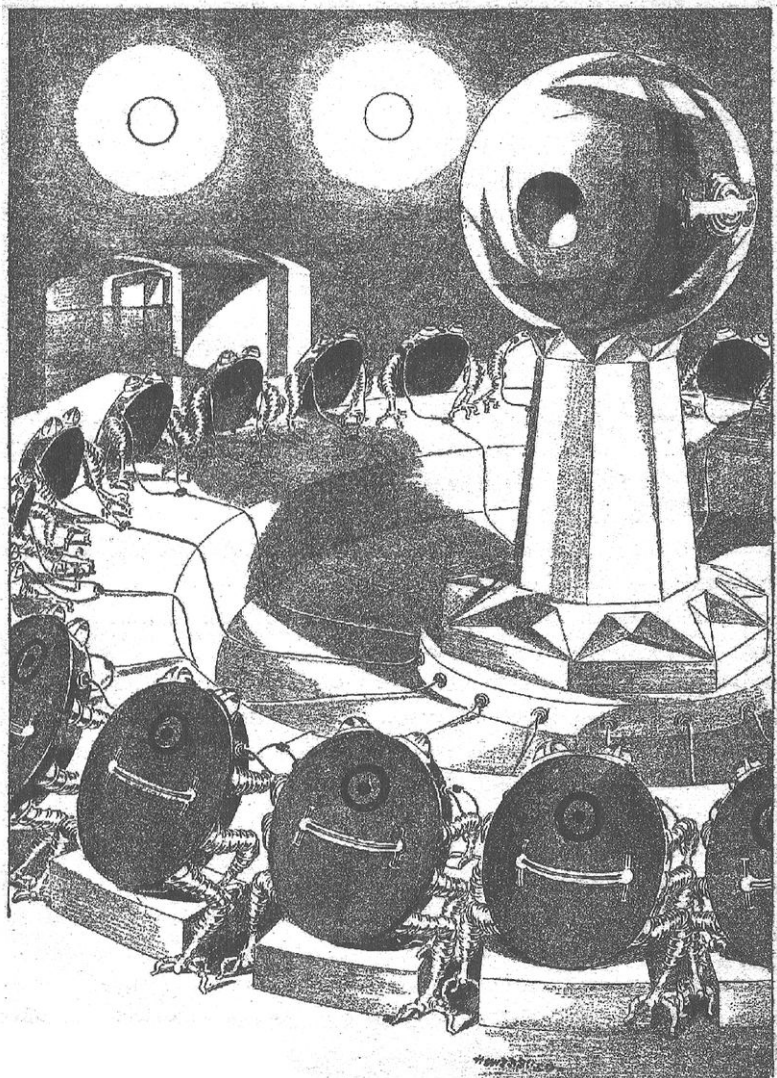
даже не на Нептуне, а неизвестно где. Наши шансы спасти Солнце, обнаружив координаты источника чудовищного луча и вернувшись на Землю, таяли как дым!

Меня наполняло отчаяние, но, несмотря на черный туман безнадежности, наполнявший мою душу, я машинально отметил, что интенсивность гудения генераторов опять начала нарастать. Нептуняне с корабля-преследователя вернулись к себе. Цилиндры расстыковались. Теперь вся флотилия из одиннадцати цилиндров мчалась навстречу хаосу клубящихся облаков. С грохотом и рёвом раздираемого воздуха мы влетели в ночь. Поднимаясь по спирали все выше и выше, флотилия покинула дневную сторону планеты, но пока еще не покинула атмосферу. Мы мчались в полной темноте, в эфире без звезд, в клубящихся облаках гигантской планеты, лишь иногда ловя смутные отблески рассеянного света от металлической поверхности под нами.

Неожиданная мысль вывела меня из апатии отчаяния — что если наши похитители просто живут где-то на другой стороне планеты? Остатки расы, что однажды построила могучий город, который занимает всю поверхность Нептуна и накрыт металлической крышей, но теперь занимает только небольшую часть огромного города? Но как быть с лучом? Исходя из любой точки Нептуна, луч просто не мог быть постоянно нацелен на Солнце, планета вращалась вокруг своей оси. Где же живут эти чудовища?

С напряженным интересом Марлин и я смотрели вперед в темноту, через которую мчались цилиндры, в то время как дискоиды манипулировали переключателями на пульте управления. Наконец, после нескольких минут полета на огромной скорости, цилиндры зависли на одном месте. Под нами опять засверкала металлическая кровля, мы вернулись на дневную сторону планеты и повисли теперь точно против Солнца. Только на неуловимо малый момент цилиндры остановились, а затем вновь рванулись, но не вниз, а вверх!

Корабли дискоидов рванулись к зениту, сквозь хаос клубящихся туч! На миг вновь наступила крошечная тьма, а затем нас окружил черный простор космической бездны, вечный черный бархат, усеянный бриллиантами немигающих звезд. За нами остался темный диск планеты, закрывающий больше

половины небес. Но мы были уже в космосе, первый раз с тех пор, как наш корабль погрузился в плотные и темные облака Нептуна. Прямо по курсу сиял Тритон — спутник Нептуна. Он был почти белого цвета, с бледно-зелеными отблесками Нептуна, вокруг которого он вращался, и имел такой же видимый размер, как Луна при взгляде с Земли. За ним ярко сияли звезды — гораздо ярче и отчетливее, чем можно было

видеть с Земли. Гигантские звездные скопления в созвездии Стрельца. Неправильный параллелограмм Козерога сиял слева, пульсирующее малиновое сердце и блистающие грозные клешни Скорпиона справа — все было также, как когда мы на своем корабле мчались с Земли к Нептуну. Как давно это было! Но теперь мы были пленниками, Нептун остался позади нас, а цилиндрический корабль таинственных чужаков уносил нас во тьму межзвездного пространства!

— Они собираются покинуть Нептун! — воскликнул я. Марлин, глядя вперед, замер.

Затем он покачал головой, указывая вперед и вверх, что теперь было одним и тем же.

— Тритон — их обитель! Тритон, а не Нептун! — объявил он.

— Тритон! Значит, это именно туда зачем-то переселились нептунианцы! — Я был изумлен.

— Тритон!

Да, именно к этой луне Нептуна направлялась флотилия из одиннадцати цилиндров! И как только они вырвались из пределов атмосферы Нептуна, так, набирая скорость, помчались к нему. Тритон был логовом чудовищ, убивших наших друзей, разрушивших наш корабль. Именно на Тритоне нашли свое убежище потомки тех, кто превратил Нептун в единый город под металлической крышей. Но почему они покинули свою родину, Нептун? Почему они покинули этот мир ради луны, гораздо меньшей по размеру? И Тритон, или все же Нептун был источником чудовищного луча, грозившего уничтожить Солнечную систему?

Мне казалось, что эти вопросы крутятся в моей голове в калейдоскопическом водовороте загадок, пока флотилия цилиндров плыла в пустоте к луне Нептуна. Марлин рядом со мной, очевидно, как и я, бился над разгадкой этих тайн, в то время как наши конвоиры-дискоиды не сводили с нас глаз. Три других монстра продолжали управлять кораблем, их ногоручки металась по пультам. И теперь Тритон вырос перед нами и над нами — странно блестящий шар, казавшийся ещё очень маленьким по сравнению с огромным бледно-зеленым диском могучего Нептуна, который маячил позади нас.

Я знал, что Тритон имеет же приблизительный размер, как наша Луна, и вращается вокруг гигантской планеты на

том же приблизительном расстоянии, как Луна от Земли, около четверти миллиона миль. Из-за большого наклона плоскости орбиты Тритона к плоскости эклиптики, хотя он был расположен за планетой, он не погружался в ее тень, продолжая сиять в лучах Солнца. И теперь, когда наши одиннадцать цилиндров приближались к нему, он рос в небесах, превращаясь в гигантский шар, пока его громада не заполнила небеса перед нами.

Флотилия сбрасывала скорость. Тритон заполнял небеса — тусклый шар. Позади и чуть ниже огромный зеленый диск Нептуна, опоясанный лентами облаков, нависал угрюмой громадой. И далеко за ним горел яркий маленький диск Солнца, чуть выше огромной сферы Нептуна. Свет его преломлялся в верхних слоях атмосферы планеты-гиганта. Мы снижались над Тритоном. Когда цилиндр начал посадку, нас вновь охватило ощущение тайны, такое же, как при спуске на Нептун. Поверхность загадочной луны матово блестела под нами.

Не было ни тумана атмосферы, ни облачных масс, свивающихся в гигантские ленты и полосы. Вместо этого была только гладкая и странно блестящая поверхность, что мы могли смутно различать, и эта поверхность казалась нам смутно знакомой. Поверхность океана? Или лед? Или? Но все эти догадки померкли в свете истины, когда мы поняли, что мы видим! Весь Тритон был заключен в гигантский металлический футляр! Как и Нептун, это был мир, одетый в металл!

Корабли дискоидов плавно спускались к этой металлической крыше. Когда они оказались чуть выше ее, они прекратили спуск и помчались вокруг Тритона. Марлин и я, глядя вниз, увидели, что эта оболочка создана по образу и подобию оболочки Нептуна и выглядит монолитной — без швов и стыков. И как только наши цилиндры спустились ниже, мы узнали, что Тритон имел атмосферу — об этом ясно свидетельствовал рев воздуха, раздираемого нашим цилиндром. Этот факт, поразительный сам по себе, оказался мелочью по сравнению с другим, еще более поразительным фактом.

Ибо, как только мы вылетели на солнечную сторону Тритона, Марлин вдруг издал хриплое восклицание, указав вперед

и налево. Я посмотрел в этом направлении и в первое мгновение не увидел ничего необычного, но затем, когда цилиндры подлетели ближе, я увидел большое круглое отверстие в гладкой поверхности темного металла — дыру титанических размеров, несколько миль диаметром. Вверх из отверстия вырывалось то, что казалось на первый взгляд огромным цилиндром бледного света, направленным вверх и наружу из гигантского прожектора, и это было видно лишь на коротком расстоянии, постепенно бледнея и становясь невидимым. Инстинктивно я проследил за направлением таинственного луча, и то, что я понял, погрузило меня в состояние благоговейного ужаса — таинственный луч упирался прямо в Солнце!

— Это он! Большой силовой луч, который раскручивает Солнце — то, ради чего мы здесь! — взволнованно прошептал Марлин.

— И он нацелен прямо на Солнце! Через верхние слои атмосферы Нептуна! — ответил я.

Чудовищный луч, пронзая верхние слои атмосферы Нептуна уходил в бездну пространства, чтобы ядовитой занозой вонзиться в край солнечного диска. Поскольку Тритон находился относительно Солнца за Нептуном, луч задевал верхний слой атмосферы планеты-гиганта, но это не ослабляло неимоверной мощи чудовищного орудия разрушения. Протянувшись через миллиарды миль пустоты, пронзив всю Солнечную систему своим лучом, нептуняне медленно, но верно раскручивали звезду!

Когда наши цилиндры приблизились к гигантскому излучателю, Марлин и я смогли бегло осмотреть конструкцию. Издали излучатель казался идеально круглой и бездонной ямой, озером тьмы, из которой вырывался бледный, призрачный свет.

Однако, подлетев ближе, мы увидели цепочку гигантских кубических конструкций из металла, окружавшую отверстие в металлической броне Тритона. Этих кубов было десятка два — кое-где их стены были прозрачны, и можно было разглядеть, как внутри копошатся диски. Это был боевой расчет чудовищного орудия — из этих кубов, без сомнения, нептуняне управляли разрушением Солнечной системы!

Флотилия осторожно обогнула излучатель. Дiskoиды действовали разумно, обходя опасный район на почтительном расстоянии, ведь любой корабль, угодивший в луч, был бы с чудовищным ускорением брошен прямо в горнило Солнца! Так что мы не были удивлены тем, что флотилия меняет курс, чтобы покинуть опасный район. Но даже когда мы удалялись от луча, мы с Марлином продолжали смотреть в его сторону, сжимая кулаки в бессильной ярости.

— Мы нашли его — источник луча, но слишком поздно! Уайтли и Рэндалл погибли, космолет уничтожен! Мы в плену! — воскликнул я

Марлин наклонился ко мне.

— Будь мужчиной, Хант! У нас есть еще шанс получить свободу — сбежать с Тритона, прежде чем они заташат нас внутрь.

— Но как? — спросил я, но Марлин жестом призвал меня сохранять спокойствие.

— Не сейчас, Хант... Смотри на охранников. Но будь готов действовать, если шанс предоставится. На Тритоне у нас не будет никаких шансов.

Четыре дискоида пялили на нас свои стеклянные глаза, внимательно наблюдая за нами, так что сейчас мы и вправду не могли ничего предпринять. Гигантский излучатель уже скрылся за близким горизонтом, но Марлин по-прежнему напряженно смотрел туда, будто сияясь понять нечто, связанное с громадным излучателем. Вдруг он обратил свое внимание на что-то лежавшее впереди. Наши корабли теперь неслись над ночной стороной Тритона, который, по видимому, был всегда повернут к Солнцу одной стороной. И когда маленький диск Солнца окончательно скрылся за горизонтом, мы погрузились во тьму. Марлин воскликнул еще раз. И когда я повернулся, чтобы посмотреть в том же направлении, что и он, я увидел далеко впереди второй гигантский силовой луч, такой же, как направленный к Солнцу, но, угодивший в глубины межзвездной бездны!

Ошеломленный, я смотрел на этот второй луч. Цель и назначение первого были понятны, хотя я до сих пор не понимал, зачем дискоиды собираются разрушить Солнце. Но зачем им потребовался луч, направленный в обратную от

Солнца сторону? Луч, направленный точно в обратном направлении! Сверхмощный луч, нацеленный на звездные скопления в созвездии Стрельца!

Эти вопросы терзали мой разум, пораженный масштабами увиденного. Наша флотилия приближалась к загадочному второму излучателю. Марлин, увидев второй луч, казалось, понял в чем тут дело! Он решил проблему, которую поставил перед ним первый луч. Я же не понимал ничего и с невольным благоговением созерцал чудовищные чудеса нептунианской техники. Жерло второго излучателя окружало такое же ожерелье гигантских кубов, внутри которых также копошились тени. Затем я забыл о чудесах чуждой машинерии — наш цилиндр пошел на посадку!

Мы опускались все ниже, и наконец я заметил под нами пока еще закрытую диафрагму люка гигантского шлюза. К нему мы и снижались. Рядом в металлической броне Тритона я увидел прозрачную секцию, под которой находилось ярко освещенное помещение. Там было с полдюжины дискоидов, и как только они увидели, что одиннадцать цилиндров снизились и зависли над люком, они принялись быстро нажимать на какие-то кнопки и ручки на своих пультах, и крышка люка плавно скользнула в паз в кровле Тритона. Под нами зиял люк — вход в мир наших врагов.

Мгновенно вверх из люка вырвался поток теплого воздуха, который соприкоснулся с холодной внешней атмосферой, и вокруг нас закрутились вихри ледяных кристаллов. А под нами раскинулся отчетливо видимый сквозь гигантский люк город-лабиринт, точно такой же, как на Нептуне! В следующий миг крышка люка начала закрываться над нами — мы были на Тритоне, в полной власти наших похитителей! Двое из наших конвоиров и двое из пилотов уже спускались вниз по лестнице из командной рубки. С нами остались два охранника и командир. Увидев это, я наклонился к Марлину и напряженно зашептал:

— Это наш шанс, Марлин! Если мы сможем одолеть этих троих можно попытаться угнать цилиндр и вернуться на Землю!

Он спокойно посмотрел вокруг, затем кивнул.

— Да! Там внизу у нас не будет никаких шансов.

— Скрутите охранника, по моему сигналу, когда я кашляну, а я займусь вторым и командиром. Если мы справимся с этими двумя и возьмем их в заложники, то сможем прорваться вниз и нейтрализовать тех, что остались, — предложил я.

Мы обменялись взглядами, затем профессор как бы случайно сдвинулся в сторону охранника. Я поступил аналогичным образом, сместившись бочком поближе ко второму конвоиру. Дiskoиды уже расслабились и начинали терять бдительность. Наш цилиндр уже выплывал в отверстие люка, медлить было нельзя. Уняв участвовавшее сердцебиение и невольную дрожь, я слегка кашлянул. В следующий момент я бросился на одного из дискоидов-охранников и краем глаза увидел, что Марлин кинулся на другого!

Следующий момент был настолько насыщен событиями, что в моей памяти остался лишь бешеный калейдоскоп образов. Я умудрился в прыжке выбить из ногорук опешившего конвоира его трубку-лучемет, Марлин тоже сумел обезоружить дискоида. Затем семь мускулистых щупалец схватили меня, но я из последних сил вцепился в дисковидное тело противника, поднял над головой и швырнул вниз, в сквозной проход от носа до кормы, ставший отвесной шахтой. Нептунианин полетел вниз — навстречу смерти! Я обернулся и увидел, что другой охранник охватил Марлина и поднимает его. Командир за пультом управления издал истошный вопль. Я схватил охранника, с которым боролся Марлин, и со всех сил швырнул его об стену! Затем мы с Марлином кинулись на командира и тут же остановились. Дiskoид уже встал из-за пульта и спокойно нацелил на нас лучемет!

ГЛАВА VIII. Пленники Тритона

Ничто не могло спасти нас от смерти, любые наши действия были бесполезны. Луч быстрее кулака. Мы не успели бы добраться до противника, а он при любом раскладе успевал спокойно расстрелять нас обоих. В этот краткий миг нерешительности и бессилия ситуация вновь изменилась. Могучий поток

теплого воздуха, поднимавшийся снизу, ударил в наш цилиндр с еще большей силой. Но за пультом не было пилота, некому было выровнять корабли! Тем не менее корабль опрокинулся и закрутился в воздушных потоках, а нас и нашего противника с огромной силой швырнуло на стены!

Словно беспомощных котят, нас крутило, кидало и швыряло, так что нам стало не до схватки. Затем Марлин и два нептунянина прокатились по мне, откуда-то доносились крики, потом в проходе мелькнуло несколько дискоидов. Цилиндр вновь встал вертикально и устойчиво повис в воздухе. Когда мы с Марлином встали на ноги, то обнаружили двух нептунянцев за пультом управления. И хотя они были заняты управлением кораблем, это не мешало им целиться в нас. Командир чудовищ тоже пришел в себя... и теперь на нас было нацелено три лучемета!

Наша дикая попытка побега не удалась, командир отдал приказ в виде длинной серии щелчков, и нас без промедления затолкали на наши прежние места. Мы не сопротивлялись, понимая, что нептуняне стали осторожнее и что теперь всякая попытка сопротивления приведет лишь к нашей немедленной смерти. Опять мы сидели под нацеленными на нас лучеметами. Убитого мной охранника заменил другой нептунянец. Опять мою душу переполняло черное отчаяние. Теперь наш цилиндр замыкал флотилию, и когда он последним прошел сквозь люк, грохот закрывающейся над головой гигантской крышки прозвучал для меня похоронным звоном.

Выше нас простиралась теперь металлическая крыша Тритона. Как и на Нептуне, она была прозрачной изнутри и непрозрачной снаружи. И здесь, как и на Нептуне, мы не увидели никаких опор, которые поддерживали эту титаническую крышу. На чем она держалась — оставалось загадкой. Этот мир выглядел меньшей копией могучего Нептуна. Оказавшись под крышей, наша флотилия вновь устремилась в полет над поверхностью нептунянской луны и вылетела на солнечную сторону. Мы увидели все тот же город-улей из зданий-сот — все те же здания-отсеки из черного искусственного камня. Но все же, как мы вскоре убедились, этот город отличался от заброшенного мегаполиса Нептуна.

В воздухе сновали корабли-цилиндры, напоминающие наш, в ячейках-сотах под нами копошились толпы дискоидов, а загадочные металлические шары, назначения которых мы не поняли на Нептуне, ослепительно сияли, даруя городу свет и тепло. Это был секрет существования нептуниан на Тритоне. Тепло этих шаров победило холод ночи меж-звездных бездн. Шары нагревали воздух, а металлическая крыша не давала теплomu воздуху и теплу рассеяться. Ночная сторона Тритона выглядела темной и почти пустынной — вероятно, как показалось нам в тот миг, нептуниане были малочисленны, и вся раса размещалась на дневной стороне.

Чем дальше на дневную сторону мы продвигались, тем оживленнее было движение вокруг нас и под нами. Наконец, нас с Марлином охватило крайнее изумление. Под нами, в рассеянном и бледном свете Солнца, здесь, на солнечной стороне Тритона, копошились как минимум десятки, если не сотни миллионов нептуниан! Целые реки их текли во всех направлениях, закручиваясь водоворотами вокруг циклопических механизмов, вливаясь в одни отсеки-соты и выливаясь из других, создавая впечатление дикой скученности и перенаселения! И над всей этой давкой сотни кораблей-цилиндров беспрестанно сновали во всех направлениях, взад и вперед!

— Нептуниане! Нептуниане! Их тут миллиарды, на солнечной стороне Тритона! Но почему тогда их так мало на темной стороне?

Марлин покачал головой.

— Я не знаю. И я никогда не предполагал...

Прежде чем он смог закончить предложение, удивительные перемены произошли внизу. Интенсивный и яркий белый свет вспыхнул вдруг на границе темной и светлой стороны Тритона. Большая блестящая полоса света шириной в милю протянулась с севера к югу — от полюса до полюса, или, по крайней мере, от одного до другого предела нашего поля зрения. А затем, волна света покатилаcь на темную сторону! Этот искусственный рассвет катился в глубину темной стороны — бесшумно и быстро!

И, казавшаяся пустынной и заброшенной, темная сторона оживала — город наполнялся бесчисленными ордами

дискоидов, которые текли с темной стороны! С глубоким изумлением мы, разглядев, осознали, откуда взялись эти гигантские толпы. В городе, как и в заброшенном мегаполисе Нептуна, имелись многочисленные отсеки-шкафы, с ячейками восемь на четыре фута, напоминающими камеры хранения без дверцы. Только это были не камеры хранения, не склады — это были жилища, или, по крайней мере, спальни дискоидов! Их тела-диски, с гибкими ножками-щупальцами, набивались в эти ячейки, точно грампластинки или книги на полку, и огромные полчища их, бесчисленные миллионы, спали так, стоя на ребре, на полках отсеков на темной стороне Тритона!

Полоса сияющего света была гигантским будильником — и толпы текли на солнечную сторону: те, кто находился к ней ближе — пешком, те, кто спал дальше от границы, летели в цилиндрах. Затем мы увидели, как блестящая волна света возвращается на солнечную сторону, обогнув весь Тритон! Обежав весь маленький мирок, эта световая волна остановилась там же, откуда она начала свой бег. И теперь мы увидели, как все скопления миллионов нептуниан, которые только что был заняты своими непостижимыми делами на светлой стороне, устремились к спальным ячейкам на ночную сторону!

— Нептунианские день и ночь! — воскликнул Марлин, когда мы смотрели вниз. — Тритон должен быть всегда обращен к Солнцу, вот они и спят на ночной стороне, и работают на дневной по десять часов, согласно длительности дня и ночи на Нептуне! — разъяснил он.

— И большая полоса света, которая движется вокруг Тритона, — их сигнал пробудки для одних и отбоя для других! — добавил я.

Это было просто и в то же время поразительно.

Бесчисленные орды дискоидов по какой-то причине покинули Нептун и переселились сюда, на Тритон, но здесь они продолжали жить по нептунианскому времени. Тритон же, как мы уже догадались, искусственно удерживали одной стороной к Солнцу, чтобы скомпенсировать его вращение вокруг Нептуна и движение самого Нептуна вокруг Солнца. Таким образом, дискоиды устроили для себя искусственные

день и ночь, поделившись примерно пополам, так что одна половина из них отдыхала, другая же в это время работала, а потом отдохнувшие приходили на смену работавшим, а те отправлялись спать. Весь этот мир был гигантским предприятием, циклопическим заводом, работающим точно по графику в две смены, по десять часов каждая. Только вместо заводского гудка была гигантская световая волна!

Пересменка же представляла собой незабываемое зрелище. Многомиллионные толпы дискоидов текли с солнечной стороны на ночную — отдыхать, и с ночной на солнечную — работать. Сотни цилиндров рассекали воздух. В течение нескольких минут великое переселение завершилось. Вновь под нами копошились многомиллионные толпы дискоидов, но это были уже другие нептуниане, те, кто прибыл с темной стороны. Марлин и я, подивившись на местные странности, занялись внимательной оценкой нашего собственного положения.

Под нами лежал терминатор, граница дневной и ночной стороны Тритона. Прямо под нами располагался самый большой отсек города-улья, какой мы когда-либо видели. В отличие от прочих, этот отсек был круглым. Мы пролетели над ним, успев разглядеть какой-то гигантский шарообразный объект. Наши цилиндры снижали скорость и одновременно снижались к поверхности. И наконец мы плавно опустились в гигантском прямоугольном отсеке. Судя по всему, этот отсек был взлетно-посадочной площадкой. Ежеминутно десятки цилиндров совершали здесь посадку и наоборот — взлетали отсюда. Позже мы узнали, что сотни таких взлетно-посадочных отсеков раскиданы по обеим сторонам Тритона.

На данный момент, впрочем, мы могли видеть только то, что происходило в непосредственной близости от нас. Сразу после посадки наши охранники подошли к нам вплотную, подтакивая нас лучеметами. Командир разразился очередной длинной серией щелчков — приказом. Сразу же нас погнала на лестницу — тычками лучеметов под ребра. Командир последовал за нами, сразу же после того, как открылся корабельный шлюз и в цилиндр ворвался наружный теплый воздух. Перед выходом дискоиды проделали операцию, которая на тот момент немало меня озадачила. Из одного из настенных шкафов они достали маленькие толстые диски

из серого тусклого металла, снабженные креплениями из ремешков. Эти предметы они нацепили на свои ногоруки — точно сандалии. Затем такие же предметы были вручены Марлину и мне, и, по приказу командира, прикреплены к подошвам наших ботинок. Даже Марлин не мог понять, зачем это сделано, пока мы не покинули корабль. Когда мы двинулись с этими дисками на ногах выяснилось, что они были весьма тяжелыми — несколько десятков фунтов весу в каждом! Теперь мы ощущали свой вес так, как если бы находились не на маленьком Тритоне, а на планете весьма большего размером!

Внезапно свет озарил мой разум.

— Тритон! Он примерно такого же размера, как наша Луна и с ненамного большей силой тяжести. И нептуниане, приспособленные к силе тяжести Нептуна, которая больше земной, должны использовать эти утяжелители для добавления веса на Тритоне, чтобы сделать возможным для себя двигаться, как всегда! — воскликнул я.

Марлин удивленно кивнул.

— Это должно быть так. Я удивлялся, когда видел, как эти существа с Нептуна могут так свободно двигаться на этой маленькой Луне.

Это было действительно просто и гениально. Приспособленные к силе тяжести Нептуна, которая больше, чем сила тяжести Земли, их приземистые, странные тела, которым высокая гравитация придала дискообразную форму и которые она снабдила стальными мускулами, были совершенно не предназначены для низкой гравитации маленького Тритона. Каждый шаг должен был превращаться для них в прыжок. Поэтому они разрабатывали эти небольшие диски, которые крепились на концах их странных конечностей и которые, хотя были маленькими и тонкими, имели большой вес, без сомнения, потому что атомы их вещества были искусственно сжаты неизвестным нашей науке способом. Для себя нептуниане использовали более толстые диски, для нас — более тонкие, создавая себе и нам привычный вес. Но ощущения были такими, как будто мы идем в свинцовых башмаках по дну океана.

Отсек, в котором совершил посадку наш цилиндр, был набит десятками подобных кораблей, без учета нашей флотилии. Вокруг деловито суетились дискоиды, загружая и разгружая

корабли. Из цилиндров нашей флотилии в данный момент выгружали детали машин, привезенные с Нептуна. Командир жестом приказал охранникам следовать за собой и направился к одной из дверей. Под дулами лучеметов мы с Марлином вынуждены были протиснуться в низкую широкую дверь, рассчитанную на плоских и широких нептуниан. Нам же пришлось пригибаться. И начался кошмар — мы проходили отсек за отсеком, отсек за отсеком, под бдительным взором конвоиров, пока мы не оказались в огромной толпе нептуниан, перемещавшихся через гигантский отсек-тамбур с ночной на дневную сторону Тритона.

Как только мы прошли через этот тамбур и оказались на дневной стороне, нас захлестнул такой вал впечатлений, что мы почти забыли о трагической неопределенности нашей судьбы, столько чудесного и непостижимого открылось нашему взору. Мы неплохо изучили циклопический планетарный город на Нептуне, но тот город был мертв и заброшен, его здания были пусты, его машины покрывал дюймовый слой пыли. А здесь, на Тритоне, под металлической крышей, скорлупой, скрывавшей под собой целый мир, мы увидели город Нептуна, изобилующий жизнью, увидели блеск и мощь цивилизации, некогда населявшей Нептун, до своего вызванного таинственными причинами переселения на Тритон. И, видя это, мы смогли понять многое из того, что озадачивало нас при исследовании заброшенного города на безжизненной поверхности Нептуна.

Мы прошли через ряд отсеков, в которых толпы дискоидов были заняты обслуживанием грушевидных механизмов, таких, какие мы видели на Нептуне, синтезаторов воды, которые работали, с мерным гулом всасывая воздух и выдавая под напором равномерные водяные потоки, тут же распределяемые по трубопроводам. Вода не просто конденсировалась из воздуха, нет, она создавалась заново соединением водорода и кислорода, что гарантировало ее чистоту. Чего мы так и не поняли, так это получали ли дискоиды водород и кислород из паров, рассеянных в воздухе, или же создавали эти вещества напрямую из энергии. Помимо многочисленных станций, где делали воду, мы увидели и множество обычных насосных станций, титанических водокачек, распределяющих по спутнику Нептуна живительную влагу.

Потом мы пошли через отсеки, в которых были другие большие объекты, которые озадачили нас на Нептуне. Но для чего они предназначались, мы увидели только сейчас. Это были большие и плоские металлические контейнеры, установленные один на другой, и каждый был наполнен черной плодородной почвой. Возле этих поддонов с почвой на стенах были смонтированы огромные белые диски, подключенные к каким-то генераторам. Но здесь эти генераторы жили — они гудели, и диски сияли синим светом, наполняя пространство какой-то вибрацией. И под влиянием этой неведомой силы творились чудеса — из почвы вверх тянулись бледные и изломанные растения, с невероятной скоростью проходя полный цикл роста за пару минут! Как только эти странные бледно-зеленые растения достигали высоты в фут или около того, они покрывались массами плодов, странно-бледных, округлых и продолговатых фруктов. И как только этот урожай созревал, бдительные дискоиды тут же отключали фиолетовый свет и начинали сбор урожая, срывая фрукты и упаковывая их в контейнеры. Затем из трубок, подведенных к большим контейнерам почвы, распылялись мелкие частицы беловато-зеленого цвета, в которых я признал семена. Они падали на почву, затем некий механизм переворачивал почву в каждом контейнере, и белые диски вновь изливали свой синевато-фиолетовый свет. Через пару минут вновь созревал урожай, и цикл опять повторялся!

Эти чудеса были назначением таинственных проекторов фиолетового луча, белых дисков, заинтриговавших нас среди руин Нептуна. Ультрафиолетовые и прочие лучи, ответственные за развитие растений, — вот что они излучали. С гораздо большей интенсивностью, чем это делал естественный солнечный свет, эти лучи питали и поддерживали жизнь. А еще к каждому контейнеру были подведены трубки, подключенные к металлическим контейнерам кубической формы. И по этим трубкам в каждый контейнер подавалась вода с растворенными в ней микроэлементами и другими веществами, ускоряющими и стимулирующими рост растений. Таким образом, дискоиды создавали непрерывный и неиссякаемый поток пищи. Огромные массы фруктов грузились в контейнеры, которые тут же отвозились к получателям. Затерянный на краю

Солнечной системы Тритон не испытывал недостатка ни в пище, ни в воде.

Пока мы шли, мы увидели в работе и большие машины, которые изготавливали загадочный строительный материал. Они изрыгали в заранее подготовленные формы густую черную жидкость, которая, застывая, становилась блоками материала более твердого, чем алмаз, и прочного, как сталь. Дiskoиды-операторы, угнездясь на своих странных сиденьях, управляли процессом. Видели мы и массы других машин, о назначении которых не могли даже догадываться. Здесь и там сияли огромные металлические шары, излучая свет и тепло — над ними дрожал горячий воздух. Но вся эта чудесная техника была не более странной, чем бесчисленные толпы самих нептуниан, наполнявших титанический мегаполис.

Бесчисленны были полчища этих дисковидных существ, их массы, роящиеся вокруг, неисчислимы толпы бледно-зеленых чудовищ, снующих вокруг странных машин, дающих жизнь их миру. Это казалось невозможным, что так много бесчисленных миллионов этих существ помещалось на поверхности маленького Тритона. Все они носили странные доспехи или одежды из гибкого металла, некоторые имели при себе лучеметы или иные инструменты, на специальной портупее поверх своих доспехов. Нам попадались и носители малиновых шаров — судя по всему, офицеры или чиновники, лица, наделенные властью. На нашу процессию никто не обращал особого внимания, вид офицера и вооруженных охранников, ведущих под конвоем двух инопланетян, не мог отвлечь нептуниан от их дел, настолько все были заняты. Мы обратили внимание на то, что здесь, на дневной стороне Тритона, не было спален-шкафов, которыми изобиловала ночная сторона. Исполненные безмолвного трепета, проходили мы отсек за отсеком. Вокруг нас гудели гигантские машины, суетились бесчисленные толпы, над нами непрерывно проносились сотни цилиндров. Наконец, я ощутил, что мы приближаемся к месту, куда нас ведут.

Мы шли через узкую зону сумерек на границе ночной и дневной стороны навстречу дню. Пройдя через множество отсеков, мы приблизились к странной стене — это

была часть гигантского цилиндра — помещение за ней явно имело круглую форму вместо стандартных прямолинейных отсеков-«коробок». Между этим цилиндрическим сооружением и другими отсеками раскинулась открытая площадь. Она была пуста, если не считать выстроившихся вокруг круглого здания многочисленных охранников с лучеметами наизготовку. После того как командир нашей группы дискоидов поговорил с ними, они расступились, образовав для нас проход, и выстроились по сторонам этого прохода. Наша процессия выглядела следующим образом: впереди шел командир, за ним — два дискоида из числа наших конвоиров, следом мы, и после нас — еще два конвоира с направленным на нас оружием.

Мы вошли в большой круглый отсек, который мельком уже видели сверху, больше сотни футов в диаметре. Сумеречный полусвет, царивший снаружи, внутри сменился мягким сиянием белых дисков, висевших на стенах. В этом большом отсеке стояло то, что казалось огромным круглым столом из металла — несколько футов в высоту, кольцевидной формы и с круглым пустым пространством в центре. Этот огромный кольцеобразный стол занимал почти все помещение, между ним и стенами было не более чем десяток или около того метров, а между ним и стенами на низких странных сиденьях вокруг него разместились около трех десятков дискообразных нептуниан. Тихо и почти неподвижно они сидели вокруг этого огромного кольцевидного стола, и я увидел, что металлический доспех каждого был украшен малиновым кругом, как у нашего командира, за исключением того, что у них была еще малиновая точка в его центре — символ, который мы еще не видели у нептуниан... И каждый из этих тридцати был подключен длинным черным проводом к некоему устройству, которое размещалось в пространстве охватывающем кольцо стола.

Это была массивная металлическая тумба около пяти футов высотой, на вершине которой размещался большой металлический шар. Противоположные точки этого шара представляли собой круглые отверстия, закрытые мембранами. И эти мембраны издавали ровный тихий гул — единственный

звук, нарушавший тишину в огромном зале. Вся сцена была странной — высокие черные стены гигантского круглого зала, циклопическое кольцо стола и тридцать безмолвных, неподвижных дискоидов, сидящих вокруг этого стола и гигантского шара на постаменте в его центре.

Вдруг раздался громкий щелкающий голос, словно бы комментирующий наше присутствие в зале. Тридцать правителей Тритона — судя по всему, дискоиды, сидевшие вокруг стола, были именно правителями, — оставались безмолвными. Говорил металлический шар! В изумлении мы смотрели на него, а затем увидели, что шар поворачивается на своем пьедестале, обращаясь к нам небольшим диском из прозрачного стекла, доселе обращенным в противоположную от нас сторону, точно холодным, немигающим глазом. Затем шар повернулся снова, опять повернув к нам одну из речевых мембран. А затем шар спросил о чем-то командира наших похитителей! Доклада требовал именно металлический шар, в то время как тридцать дискоидов были неподвижны и безмолвны, подобно статуям!

— Боже мой! Этот шар из металла, Марлин, но он слышит, он говорит! Эта штуковина должна быть живой! — пробормотал я, наблюдая это поразительное зрелище

— Не живой, Хант. Я понял, что это. Кабел, которые соединяют тридцать этих здоровенных круглых парней с этой штукой, соединяют с ней их мозги. Этот шар — их общий, коллективный разум! — ответил Марлин, в глазах которого читалось не меньше удивления, чем в моих.

В самом деле, эти тридцать нептуниан, очевидно, были верховными правителями, Высшим Советом всей расы Нептуна. И поскольку это было необходимо, они использовали свои разумы как один, для управления своей странной расой. Для этого они разработали специальный механизм, который слил разум тридцати в единое целое. Таким образом, он был буквально единым разумом, общим разумом тридцати Владык Тритона!

Пока мы в изумлении созерцали этот аппарат, командир наших похитителей сделал доклад. Выслушав отчет, шар, вмещавший в себе единый разум дискоидов, отдал краткое распоряжение. Командир вновь повернулся к нам. Мы были

готовы ко всему, даже к немедленной смерти. Но вместо этого, отдав какую-то команду нашим конвоирам, командир жестом приказал нам следовать за ним, и мы направились прочь из зала Совета, но через другую дверь, не через ту, через которую вошли. Когда мы уходили, тридцать правителей попрежнему неподвижно и безмолвно восседали вокруг таинственного шара, который теперь выслушивал трех нептуниан, вошедших следом за нами.

Выйдя из Зала Совета, мы оказались в большом помещении неправильной формы. Оно было заполнено вооруженными нептунианами, по-видимому, охранниками, которые расступались, уступая нам путь. Через него мы попали в другой отсек. Он напоминал «спальни» дискоидов, но вот только каждая из его «камер хранения» надежно запиралась опускающейся сверху плитой все из того же алмазно-твердого, прочного, как сталь, материала. Кроме того, в этом помещении несли вахту более полдюжины вооруженных охранников, и, после разговора с ними, наш командир и четыре охранника провели нас к одной из этих клетушек.

Командир коснулся стены, и дверь бесшумно открылась. Затем, без церемоний, Марлина и меня втокнули внутрь под дулами четырех лучеметов. Шагнув внутрь, мы очутились в камере, площадью примерно десять футов, стены которой, как и все черные стены города-улья, возвышались на двести футов вверх, озаряемые лишь тусклым светом сумеречного неба. Затем, пока мы осматривались, дверь плавно опустилась, мышеловка захлопнулась, и мы слышали тихие, шаркающие шаги командира наших нептунианских похитителей и наших четырех охранников, которые удалялись, снаружи, оставляя нас наедине, в каменном мешке. Наша великая миссия к Нептуну, наша попытка спасти Землю и предотвратить разрушение Солнечной системы подошла к концу, наши друзья погибли в космосе, а мы угодили в тюрьму, без надежды на побег от грозных обитателей Нептуна!

ГЛАВА IX. Перед Советом

— Мы в тюрьме на Тритоне, Уайтли и Рэндалл мертвы! Это конец, Хант, — для нас и для Земли!

Марлин озвучил мои собственные мысли, и я скорбно кивнул в ответ.

— Конец. И до разрушения Солнца — меньше двенадцати недель. Мы нашли источник угрозы, но мы беспомощны.

— Пока Всемирное Правительство...

Марлин, как представляется, рассуждал вслух.

— Они полагаются на нас, и мы не в праве терять надежды, пока Земля не разрушена. Пока мы живы — мы должны искать выход

— Но разве надежда есть? Эти дисковидные твари не убили нас только из собственной прихоти. Скорее всего, мы живы ненадолго, да и как бежать из этой клетки? — обреченно спросил я.

Я стукнул кулаком по стене нашей камеры в бессильной злобе, и Марлин пребывал почти в такой же черной пучине отчаяния, что и я, хотя пытался подбодрить меня. Наша тюрьма была воистину совершенной тюрьмой — ни единого шанса на побег. Алмазно-твердые, гладкие стены возвышались над нами на двести футов. Не было ни окон, ни светильников — лишь сумеречная мгла тритонианского неба, на границе света и тени. Здание Совета и тюрьма были выстроены точно на этой границе. Стены были вертикальными и гладкими, а дверь плотно закрыта тяжелой плитой из того же черного камня.

Освободится из этой тюрьмы, казалось, абсолютно невозможно. Но, даже если бы нам удалось выбраться, мы оказались бы в городе-улье, городе-лабиринте, кишашем миллионами дисковидных нептунианцев. Этот город, в свою очередь, был накрыт гигантской металлической крышей, которая экранировала и заключала в себе весь Тритон, так что никогда, казалось, мы не могли даже надеяться покинуть этот чуждый мир и бежать обратно сквозь просторы Солнечной системы на Землю, чтобы рассказать народам Земли о том, что представляет собой источник смертельной угрозы, нависшей над ними. Тем не менее, несмотря на это,

я и Марлин метались неустанно по маленькой камере, тщетно стремясь придумать план побега.

Сперва мы понадеялись на нашу силу. Сняв с ног металлические диски-утяжелители, мы обнаружили, что можем прыгать высоко и опускаться медленно, точно снежинки. Правда, это увеличение ловкости оказалось бесполезным для побега, так как на стенах не было ни единого выступа, на который мы могли бы запрыгнуть, а о том, чтобы прыгнуть на двести футов, не приходилось даже мечтать. Так, после нескольких тщетных попыток, мы отдыхали на полу клетки, снова надев утяжелители, чтобы иметь возможность хотя-бы нормально ходить.

— Это бесполезно, Марлин. Мы никогда не сможем выйти на волю таким образом, — сказал я, когда мы сидели, отдыхая после наших акробатических усилий.

— Держи нос выше, Хант, мы ничего не можем сделать сейчас, это ясно, но у нас будет шанс, — ответил Марлин.

— Лучше бы этот шанс пришел скорее, до гибели Солнца осталась неделя с хвостиком. Я не вижу поводов для оптимизма, — ответил я.

Он не ответил ничего, и я думаю, что мрак крайнего отчаяния, который поселился во мне, давил также и на него. Проходили часы, но не происходило никаких изменений. Сумерки не сменялись ни днем и ни ночью — в этой части Тритона сумерки были вечны. Лишь обрывки щелкающей речи — переговоры охранников между собой, да бормотание узников в соседних камерах доносившиеся до нас, свидетельствовали, что мир еще существует. Ещё извне постоянно доносился гул машин и механизмов. Позже мы узнали, что, несмотря на свой сверхразвитый разум, а может быть, именно благодаря ему, нептуниане в таких клетках, как наша, сходили с ума, точнее, их разум попросту выключался. Некоторое разнообразие в нашу жизнь вносило лишь ежедневное появление в камере воды и пищи.

Надзиратели не входили в камеру — еда и питье подавались прямо внутрь, по трубопроводу. Из стены торчалодва крана. Из одного текла вода — чистая, но безвкусная и с каким-то неуловимым химическим запахом. Из второго текла густая белая паста — пища. Судя по всему, это была

перетертая мякоть поразивших нас недавно быстротой созревания белых плодов. Эта питательная смесь распределялась по всем зданиям города по трубам, как вода. Таким образом, не было необходимости для охранников входить в нашу клетку. И всё же через несколько часов заточения монотонность и однообразие тюремного быта были нарушены неожиданным событием.

Без предупреждения на нас сверху обрушился ослепительный белый свет. Волна белого сияния озарила мир и унеслась к темной стороне Тритона. Вначале мы были ошеломлены, но затем вспомнили, что этот световой сигнал раз в десять часов, знаменует собой смену «дня» и «ночи», заставляя десятки миллионов дискоидов мигрировать из одного полушария в другое; нептуниане с дневного полушария сейчас отправлялись спать в ночное, а оттуда текли потоки отдохнувших работников этого мира-улья. Через несколько мгновений волна света вернулась с другой стороны, обежав весь Тритон, и угасла. Эту волну света, как мы позже узнали, создавали гигантские поворачивающиеся прожекторы, установленные на полюсах Тритона. Небеса наполнились сотнями цилиндров, снаружи слышался рокот гигантских толп, стало шумно, но ненадолго.

Вскоре шум снаружи стих до своего обычного уровня. Но как раз в этот момент у дверей нашего узилища послышались шум и возня, треск голосов нескольких дискоидов, разговаривающих о чем-то между собой. Затем дверь камеры скользнула вверх. В камеру вошел нептунианин-чиновник — огромный зеленый диск, чье одеяние было отмечено красным кругом. Его сопровождали два телохранителя, чьи лучеметы тут же нацелились на нас. Чиновник держал в своих щупальцах-ногоруках какое-то восьмиугольное металлическое устройство, снабженное большой белой кнопкой в центре. Дискоид коснулся кнопки, и из устройства раздалось стакатто щелкающей нептунианской речи. Затем говоря что-то вслух, он жестом указал на нас, потом на механизм.

Марлин первым понял его намерение.

— Язык Нептуна! — воскликнул он. — Этот тип пришел обучать нас своему языку!

— Но механизм? Каково его назначение? — спросил я.

Ученый посмотрел на механизм, подошел к нему, коснулся кнопки. Механизм издал серию щелчков.

— Это для нас! — неожиданно сказал он. — Они знают, что наши органы речи не способны к щелканью и стрекотанию, вот и создали для нас искусственный голос!

Чиновник-нептунианин, как будто поняв нас, жестом снова указал на механизм, а затем на себя и на нас, и в то же время произнес серию звуков, словно что-то объясняя. Марлин был прав: дискоид пришёл учить нас языку. Указывая на себя и двух охранников, он произносил серию из пяти щелчков, снова и снова, пока не стало очевидным, что эти щелчки представляют собой название расы Нептуна. Потом мы с Марлином научились, методом проб и ошибок, воспроизводить это слово при помощи кнопки восьмиугольного механизма. Далее следовали другие слова, по тому же принципу.

Таким образом, час за часом, этот нептунианин преподавал нам язык. Этот язык, как мы обнаружили, строился по принципу морзянки, чередованием щелчков разного тона, комбинации которых образовывали понятия. Быстро, гораздо быстрее, чем мы могли себе представить, мы научились изъясняться с помощью хитроумной машинки, хотя без нее не могли сказать на языке дискоидов ни слова. Зато, нажимая на кнопку, уже через несколько часов мы «лопотали» на ломаном нептунианском, так что наш учитель нас понимал. Час за часом и день за днем продолжались уроки, и наконец осмысленная, пусть и не очень беглая беседа стала возможна.

Тем не менее мы обнаружили, что способность говорить не дала нам ничего. Хотя мы засыпали нашего преподавателя бесчисленными вопросами, касающимися великих тайн, которые волновали нас, он не хотел отвечать ничего. Почему лежал в запустении могучий Нептун, что заставило расу дискоидов переселиться на Тритон? Зачем они пытались превратить Солнце в двойную звезду? Для чего второй силовой луч был направлен в бездну межзвездного пространства? Эти вопросы мы задавали много раз, но дискоид игнорировал их, бесстрастно пуча на нас свои стеклянные глаза.

День за днем, пока мы учили язык, сердца наши наполнились отчаянием и болью. Мы ничего не могли сделать для

спасения Земли. Наконец, через десяток дней, безнадежность овладела нами. Наш корабль был уничтожен, Уайтли и Рэндалл мертвы, нам не на чем было возвращаться домой, чтобы привести сюда космический флот человечества. Не многим более пятидесяти дней оставалось до катастрофы, и с каждым днем луч нептунианцев раскручивал Солнце все быстрее и быстрее.

Дважды я едва не кинулся на преподавателя и охранников, но меня удержал Марлин, который знал, что результатом такой попытки может стать только мгновенная смерть. И в те дни, по мере того как каждые десять часов Тритон обегала волна света, заставляя миллионы дискоидов перемещаться из одного полушария в другое, я начал искать смерти, полусознанно, видя в ней избавление. Я думаю, что легче было бы перенести любые пытки, но на двадцать второй день нашего заточения события вновь начали раскручиваться.

В тот день, когда мы ждали в неизменных сумерках нашего учителя и двух его охранников, мы были удивлены: вместо него к нам пришёл другой нептунианский чиновник в сопровождении целых четырех охранников. Он не сказал нам ни слова, но жестом приказал нам выйти, и когда мы сделали это, он вручил Марлину речевое устройство. Затем под тщательным наблюдением нептуниан, которые стали предельно осторожными с нами после нашей попытки захватить цилиндр, мы двинулись в направлении огромного круглого здания — Зала Совета. Тридцать правителей нептуниан по-прежнему восседали на своих местах, безмолвные и неподвижные. Они не повернулись к нам, когда мы вошли и остановились рядом с ними, за них это сделал шар — вместилище их коллективного разума. Эта машина пристально созерцала нас своим единственным глазом, и мы знали, что то, что она видит, видит и каждый из тридцати.

Затем шар повернулся к нам речевой мембраной и заговорил — его голосом с нами говорили тридцать, слитые воедино.

— Вы два существа, захваченные в нашем мире? И вы учили наш язык, как мы приказали? — спросил шар.

Марлин нажал кнопку механизма в своих руках и ответил с помощью этой машинки.

— Мы эти двое, — сказал он.

Шар на минуту замолчал, а затем начал свой рассказ.

— Когда вы были захвачены на нашей большой планете, другие существа, без сомнения, такие же, как вы, были обнаружены в космическом аппарате, который, очевидно, использовал тот же принцип силового луча, который мы давно используем в своих космических аппаратах и для множества других целей. Этот космический аппарат был уничтожен теми, кто обнаружил его, но мы хотим знать, откуда вы пришли и каким образом вы смогли воспроизвести силовые лучи, которые мы на Нептуне, — тут он, разумеется, использовал свое название планеты, — уже давно использовали. Из анализа структуры вашего тела становится очевидным, что вы прилетели с маленькой планеты, по всей вероятности, второй или третьей от Солнца. Но почему вы прилетели сюда?

Марлин несколько секунд обдумывал ответ, а затем при помощи механизма сказал так:

— Мы с третьей от Солнца планеты. И мы пришли сюда, пересекли всю Солнечную систему, чтобы узнать, как и зачем вы пытаетесь уничтожить Солнце, и чтобы помешать вам делать это!

При этих словах Марлина меня невольно охватила гордость. Это были не только его слова, это были слова Человечества Земли, это был вызов Земли, брошенный в лицо правителям Нептуна! Это было безумно смело, я не удивился бы, если бы после этих слов нас убили на месте. Но разум нептунриан работает иначе, чем человеческий. Было очевидно, что человеческие страсти — ненависть и гнев — не имеют власти над их ледяным разумом, скорее машинным, чем живым.

— Когда вы говорите о предотвращении катастрофы, которая уничтожит ваш мир, — сказал коллективный разум дискоидов, заключенный в шаре, — вы, очевидно, не понимаете необходимость этой катастрофы, большую необходимость, которая заставила нашу расу и нас, Совет Тридцати, заняться перестройкой Солнечной системы. Мы делаем

это, чтобы спасти наш собственный мир, нашу собственную расу, пусть и уничтожив другие миры и народы!

Шар на минуту умолк, тридцать предводителей нептунианской расы сконцентрировались, чтобы вновь слиться в единый разум. Марлин и я стояли у края большого кольцевидного стола, и наверняка трудно себе представить более странную сцену, чем большой круглый отсек, черные стены которого высились вокруг нас, сумерки, которые царствовали вокруг, тридцать безмолвных и неподвижных дискоидов, наших собственных охранников — дисков, вооруженных лучеметами, и большой, загадочный сферический механизм перед нами, что говорил и слушал, как живое и разумное существо, вмещая в себе слитые воедино тридцать разумов. И вот шар заговорил снова:

— Возможно, стоит сообщить вам, двум инопланетянам, какие колоссальные силы и потребности лежат в основе нашего замысла, которому вы тщетно пытались противостоять. Целесообразно, чтобы вы узнали, почему бесполезно для вас или кого-либо из вашего мира противостоять нашим планам. Наша цивилизация превосходит вас своей древностью и мощностью настолько, что все ваши возможности для нас не более чем детская игра. Чтобы развеять все ваши сомнения, мы решили рассказать вам о предыстории и сути вопроса... Если ваша наука уже поняла механизм формирования планет, то вы знаете, что наша планета — старейшая в Солнечной системе. Все планеты сформировались из вещества самого Солнца. Миллиарды лет Солнце странствовало по Галактике, сближаясь иногда с другими звездами. Одна из этих звезд сблизилась с Солнцем на столь близкое расстояние, что между звездами протянулся пылающий жгут раскаленной материи. Таким образом, огромная масса материи повисла в пустоте. Когда две звезды разошлись, вокруг каждой из них вращался медленно остывающий сгусток. Часть этой массы упала обратно на Солнце. Однако другая часть, отброшенная центробежной силой, осталась вращаться в пустоте. Та же самая центробежная сила разорвала единый огненный жгут на отдельные сгустки. Каждый из этих сгустков вращался по своей орбите, пока не остыл и не сконденсировался в планету. Солнечная система формировалась постепенно. Чтобы сгусткам остыть, понадобились целые зоны. Вот так и

вышло, что теперь Солнце двигалось через пространство в окружении восьми больших и множества малых раскаленных шаров. Восемь пылающих масс, остыв, постепенно стали восьмью планетами с твердой корой. Внешним из этих больших огненных фрагментов и стало планетой Нептун. Он оторвался от Солнца первым и был отброшен дальше всего. Находясь дальше всех от Солнца, он остывал быстрее всего. Плотность Нептуна очень мала, вещества из которых он состоит, гораздо легче, чем вещества внутренних планет. Это тоже ускорило его остывание, так что, когда внутренние планеты еще были клокочущими шарами жидкого камня, Нептун уже имел холодную твердую кору. Так родились из раскаленной материи Нептун и его спутник — Тритон. И как только поверхность Нептуна затвердела, огромные массы воздуха и водяных паров, сгустившись, стали его атмосферой. Родился мир, пригодный для жизни. Солнце давало ему мало тепла, но тепла недр самой планеты вполне хватало. В недрах гигантской планеты стоял адский жар, благодаря чему на поверхности вода была жидкой, а воздух теплым. Тритон в те давние времена тоже имел атмосферу, согреваемую внутренним жаром... Так, Нептун, хотя и был расположен дальше всех планет от Солнца, стал обитаемой планетой раньше прочих. И поскольку там, где жизнь может возникнуть, она непременно возникает, возникла она и на Нептуне. Виды рождались, эволюционировали и вымирали. Это происходило до тех пор, пока мы, дискоиды, не развились и не стали доминирующим видом на планете. Мы, чьи тела сформировала мощная гравитация Нептуна, обладали той искрой разума, которой прочие виды были лишены. Разум помог нам вылезти из грязи, овладеть поверхностью планеты, умножиться в невероятных количествах и постичь тайны Вселенной. Мы воздвигли огромные здания на поверхности Нептуна и прорыли колоссальные тоннели в его глубинах. Через разрывы в облачном покрове планеты мы открыли другие миры — планеты нашего Солнца и планеты иных звезд. Наши глаза привыкли к тусклому дню Нептуна, наши тела адаптированы к его силе тяжести. Это был наш мир. Тем не менее, наша численность стала столь велика, что мы начали колонизацию Тритона. И хотя ранее мы не покидали поверхности нашей планеты, мы быстро научились делать

это... Решение вопроса нашлось, когда наши ученые обнаружили излучения в диапазоне волн, более длинных, чем свет и инфракрасные лучи, но более коротких, чем радио. Эти волны оказались способны оказывать громадное давление на материальные тела. Мы создали космические корабли в виде цилиндров, приводимые в движение силовыми лучами. Эти аппараты были построены и испытаны, и так как они работали отлично, мы построили огромный космический флот, достаточно большой, чтобы вывезти все многочисленные излишки населения на Тритон. И миллионы колонистов отправились в путь. Они обнаружили, как наши предварительные наблюдения и показывали нам раньше, что Тритон имел хорошую атмосферу и что он кишел уже многими формами жизни, некоторые из которых были ужасны или гротескны, но разумных среди них не было. С помощью оружия, использующего все те же силовые лучи, которые в концентрированной форме способны резать, проламывать и рубить все что угодно, наши колонисты уничтожили все местные формы жизни и принялись за постройку городов по образцу городов Нептуна. Они обнаружили, что Тритон идеально пригодный для жизни мир, если не считать двух вещей. Первым затруднением оказалась малая сила тяжести. Они решили эту проблему путем присоединения к конечностям небольших и малозаметных дисков-утяжелителей из чрезвычайно тяжелого металла, который мы получили путем искусственного уплотнения атомных ядер без электронов. Эти диски увеличили их вес до такой степени, что они могли двигаться свободно и удобно на Тритоне, как на Нептуне. Другой проблемой, с которой они столкнулись на Тритоне, был тот факт, что спутник был всегда обращен к Солнцу одной стороной. Действительно, его вращение вокруг своей оси было достаточно, чтобы компенсировать его движение вокруг Нептуна и Нептуна вокруг Солнца. Общая сумма его движений была такова, что на одной стороне царил вечный день, а на другой стороне никогда не кончалась ночь. Даже когда Тритон был позади Нептуна, из-за наклона плоскости орбиты Тритон оставался освещен Солнцем, лучи которого лишь слегка ослаблялись прохождением сквозь верхние слои атмосферы Нептуна. Колонисты, привыкшие к регулярному чередованию дня и ночи,

решили эту проблему, проводя ночь в одном полушарии, а день в другом. Таким образом, они преодолели все неудобства, с которыми столкнулись на Тритоне, и поэтому Тритон стал уменьшенной копией Нептуна. Цивилизация Нептуна и его спутника, казалось, в безопасности. Это был Золотой Век — великая цивилизация, процветавшая тогда, когда на прочих планетах Солнечной системы лишь начала зарождаться жизнь. Нам ничего не стоило построить огромный флот цилиндров и покорить все миры Солнечной системы. Но у нас не возникло такого желания. С помощью наших приборов мы изучили эти миры и, не найдя там ничего интересного, предпочли покой и безопасность своих двух миров... Бесчисленные эпохи мы наслаждались миром и безопасностью, пока над нами не нависла великая угроза, которую мы давно предвидели, но считали делом крайне отдаленного будущего и потому игнорировали. Но теперь она стала явной и близкой. И этой угрозой было не что иное, как гибель всех форм жизни на Нептуне и Тритоне из-за постоянного охлаждения. Недра любой планеты постепенно охлаждаются. И недра наших миров остыли. Их жар, согревавший наши воздух и воды, угас. На Нептуне и Тритоне с каждым годом становилось все холоднее и холоднее. Было лишь вопросом времени наступление той страшной поры, когда поверхность наших миров превратится в ледяную пустыню, совершенно непригодную для жизни. И если внутренние миры согреты Солнцем, то мы находимся от него столь далеко, что остывание наших недр означает для нас безусловный и неизбежный конец!.. Стало очевидно, что необходим некий план, нужно разработать способ, как предотвратить нашу гибель. Вначале мы решили заключить наши миры в оболочку, предотвращающую потери тепла. Это была грандиозная задача, она потребовала труда всей расы на протяжении огромного времени. Мы создали огромные заводы, на которых непрерывно производились гигантские листы нужного нам сплава, и они, в свою очередь, соединялись вместе, чтобы создать крышу Нептуна. Было решено, что великая крыша, которая укроет Нептун, не будет иметь опор. Гигантская оболочка, имея сферическую форму, должна была свободно плавать вокруг планеты: поскольку в любой точке сила притяжения к Нептуну была равна, оболочка не должна была упасть. Оставалось лишь скомпенсировать

гравитационные влияния Солнца и других планет, которые могли нарушить равновесие конструкции. Мы скомпенсировали их автоматическими излучателями силового луча, при необходимости мгновенно создающими невидимые опоры! Металлические пластины, которые соединялись вместе, чтобы создать огромную сферическую оболочку, должны были противостоять чудовищным напряжениям, и они специально подвергались процессам кристаллизации, которые дали им уникальные свойства. Они надеялись способностью свободно пропускать тепло и свет снаружи, оставаясь непрозрачными изнутри. Таким образом, животворное излучение Солнца свободно проникало на Нептун сквозь прозрачную оболочку. Тепловое же излучение самой планеты удерживалось внутри, планета стала гигантским парником. Таким образом, свет и тепло не были потеряны и день Нептуна не потемнел. Но тепловые потери планеты снизились до минимума... Оболочка была снабжена автоматически открывающимися и закрывающимися отверстиями, сквозь которые наши космические корабли могли покидать планету, и возвращаться на нее. Такая же оболочка, только меньшего размера, была возведена вокруг Тритона. Охлаждение наших миров значительно замедлилось. Казалось, угроза устранена. Новые города были построены на Нептуне и Тритоне, города-лабиринты из зданий без крыш. Новые методы были обнаружены для производства продовольствия, мы научились с помощью электрической и химической стимуляции ускорять развитие растений в невероятном темпе, снабжая пищу наше многомиллиардное население. Таким образом, мы, нептуняне, заключив наши миры в металлические футляры, преодолели колоссальную опасность, что угрожала нам, и могли продолжать жить безопасно на Нептуне и его спутнике еще много эпох!..

ГЛАВА X. Нужно новое Солнце!

Мы преодолели угрозу, но лишь на время, как выяснилось позже. Ничто во Вселенной не могло остановить охлаждение Нептуна и Тритона. Недра остыли, и поверхность миров

продолжала охлаждаться. Это стало причиной того, что мы прибегли к другим средствам прекращения охлаждения — использовали искусственное тепло. Мы создали в гигантских отсеках города Нептуна и на Тритоне огромные шары, непрестанно и интенсивно излучающие тепло. Эти излучатели имели особые внутренние механизмы, поглощающие свет, электричество и иные виды энергии и превращающие их в тепловое излучение. На какое-то время угроза опять была побеждена.

Потом мы были вынуждены признать, что эта победа была лишь временной. Ибо мы вели бой наиболее мрачный и безнадежный во Вселенной; мы боролись против неустанных и неизбежных изменений, вызванных непреложными законами физической вселенной. Так что с каждым годом, по мере окончательного остывания миров, нам требовалось все больше и больше шаров-излучателей, чтобы поддерживать на Нептуне приемлемую температуру. Колонисты Тритона столкнулись с той же проблемой, но их положение не было настолько отчаянным. Хотя Тритон охлаждался быстрее, его замкнутое пространство было гораздо меньше, чем у Нептуна, его крыша была ближе к поверхности, так что было возможно при наличии достаточного количества излучателей сохранить тепло.

На Нептуне, однако, борьба становилась все более отчаянной. Мы проигрывали великую войну против слепых законов природы. В конце концов, стало просто невозможно поддерживать на Нептуне условия, благоприятные для жизни. Излучатели уже не могли противостоять наступающей стуже. И наконец, после многих лет, после ужасной борьбы с судьбой, народ Нептуна понял, что больше невозможно сохранить Нептун и что мы должны оставить его ради другого мира, если хотим избежать исчезновения, поскольку недра гигантской планеты остыли окончательно, и никакое мыслимое количество излучателей не спасет нас. Мы могли выжить только при условии, что мы оставим Нептун!

Но куда мы могли бы пойти? Даже если одна из других планет подойдет нам для колонизации, мы не могли бы перевезти все наши многомиллиардные массы населения с Нептуна на другую планету за период времени, достаточно

краткий, чтобы избежать холода и смерти на Нептуне. Перевозка такого количества пассажиров потребовала бы бесконечного количества рейсов для всех наших космических кораблей. И не было планеты, условия на которой устроили бы нас. Долго наши ученые изучали другие планеты, и хотя некоторые из них были полностью скрыты облаками, а другие столь отдалены, что затрудняло наблюдения, нам давно было известно, что ни одна из других планет, вследствие их природных условий или наличия разумных аборигенов, не подходит для нас.

Осталось только одно место, куда мы могли переселиться, только одно место, куда миллионы успеют долететь прежде, чем Нептун замерзнет и станет непригоден для жизни. Этим местом был Тритон, наш давно населенный спутник. Для нашего народа этот маленький мир становился единственным убежищем. Но даже при условии большой скученности, вся наша раса на какое-то время могла поселиться здесь. Хотя сам Тритон давно утратил тепло своих недр, его малый размер, надежная крыша и могучие излучатели могли спасти нас. Это было актом отчаяния — переселять миллиарды нептунян, которым было тесно даже в старом планетарном городе, на маленький Тритон, но этому не было альтернативы, и поэтому Великое Переселение свершилось.

Цилиндры, принадлежавшие обоим мирам, непрерывно курсировали между Нептуном и его спутником, беря на борт столько жителей Нептуна, сколько можно было взять на борт, улетали на Тритон и тут же возвращались обратно за новой партией беженцев. Бесчисленные рейсы не занимали много времени – расстояние между планетой и спутником было не велико. И поэтому, наконец, пришел день, когда все население Нептуна было перевезено на Тритон, когда Нептун, гигантский мир, лежал холодным, пустынным и мертвым, более непригодным для жизни; его огромный город опустел, в то время как все те миллионы, что населяли его отсеки, теснились теперь на гостеприимном, но слишком маленьком Тритоне.

Здесь царила теперь невыносимая, чудовищная скученность и теснота, казалось, раса не сможет выжить в этой давке. Однако скученность стала менее острой после принятия

необходимых мер. Как уже упоминалось, нептунциане, которые обосновались на Тритоне, давно обнаружили, что неизменный день на одной стороне и неизменная ночь на другой неудобны для них, привыкших к суточному ритму Нептуна, и поэтому возник обычай проводить десять часов на светлой стороне Тритона и ночь равной длины на темной стороне. И теперь мы обнаружили, что могли бы сделать скученность и тесноту на Тритоне менее острой, организовав пересменку между полушариями раз в десять часов. Каждые десять часов две половинки нашего народа менялись полушариями, половина начинала рабочий день, другая отправлялась на отдых. С этой системой нам удалось задействовать всю поверхность Тритона, сделать производство непрерывным и, отчасти, преодолеть тесноту.

Но скученность все еще очень велика. Бесчисленные толпы, которые раньше едва умещались в двух мирах, теперь заперты на маленьком и тесном Тритоне. И хотя теперь они могли существовать, условия жизни заметно ухудшились, а скученность и теснота опять возрастала вместе с ростом населения. А также, что более важно, здесь, на Тритоне, есть та же смертельная угроза, которая изгнала нас с Нептуна. Точно так же, как охладился Нептун, охлаждается Тритон, медленно, но неизбежно. И хотя мы прилагали все усилия, чтобы сохранить тепло Тритона, хотя мы отправляли экспедиции в пустынные руины Нептуна, чтобы забрать оттуда излучатели тепла и другие необходимые механизмы, мы обнаружили, что мы проигрываем битву с природой. Тритон остыл изнутри. Он и сейчас охлаждается, несмотря на наши отчаянные меры, и скоро будет полностью холодным и мертвым. И никакое число излучателей, никакие усовершенствования теплозащитной оболочки нас не спасут.

Раса Нептуна подошла к последнему рубежу! Скучившись на Тритоне, стремясь изо всех сил сохранить тепло, без которого мы не могли жить, мы увидели, наконец, что должны придумать некий новый план, новый путь к спасению, или погибнуть. Так что все величайшие наши ученые, лучшие умы расы Нептуна объединились в Совет Тридцати. Мы обладаем абсолютной властью, наши приказы не обсуждаются. Мы были изгнаны с Нептуна наступлением холодов,

но то же похолодание преследует нас и здесь. Как преодолеть непреодолимое, как спасти наш вид? На этот вопрос наш конклав должен был дать ответ.

Бесчисленны были проекты, которые выдвинули в ответ на эту угрозу наши ученые. Первым и наиболее очевидным планом было переселение на другую планету. Но здесь мы руководствовались теми же соображениями, которые удержали нас от подобного решения раньше, ибо мы знали по результатам наблюдения за другими планетами, что ни на одной из них мы не могли бы жить так, как мы жили на Нептуне. Некоторые из них были больше по размеру, чем Нептун, с большей гравитацией, что создавало трудности, которые не могли быть преодолены нами, поскольку на тех планетах наш вес возрастет, сделав нас беспомощными, даже если природа этих планет была пригодна для нашего народа. Некоторые из планет были населены умными и могучими расами, которые мы могли бы покорить только после ужасной войны. Другие располагались слишком близко к Солнцу для нас, привыкших к полумраку и прохладе Нептуна. Другие планеты, как мы могли убедиться, были непригодны для жизни. Меркурий и Венера, Земля и Марс, Юпитер, Сатурн, Уран — все эти планеты не подошли нам. И мы, кроме того, не испытывали желания бросать Нептун ради другой планеты, поскольку много веков и усилия многих поколений были потрачены на то, чтобы оградить наши миры от потери тепла, на сооружение оболочек и излучателей. Мы просто не могли бросить все это и начать все с нуля.

Мы должны были остаться здесь, вновь сделать Нептун и Тритон надежным и уютным домом для нашего вида, но как? Бесчисленными были проекты. Были рассмотрены даже те, которые мы вынуждены были признать неосуществимыми. Сотни бесполезных проектов были представлены нам, но ни один не давал даже тени надежды для нас, и это было до тех пор, пока мы, Совет Тридцати, в отчаянии не сумели разработать реальный план, полностью решавший проблему.

Этот план, выдвинутый тремя нашими учеными, казался столь масштабным, что даже мы, непуниане, которые заключили в оболочку наши миры и боролись так долго с силами природы, были потрясены. Этот проект не предлагал

нам бежать, а наоборот, наша раса должна была остаться в системе Нептуна, выжить или умереть. Ученые Совета отклонили все идеи искусственного подогрева, рассчитав, что для обогрева даже маленького Тритона нам не хватит ресурсов. При этом они показали, что без нового источника тепла шансов выжить у нас нет. И поэтому трое ученых, объединившись, предложили источник тепла, который никто из нас ранее не рассматривал, — Солнце!

Солнце как источник тепла! Идея казалась невероятной для нас — Совета Тридцати. Слишком оно далеко, слишком слабо светит для нас, его тепло и свет не доходят до орбиты Нептуна. Солнце для вас источник тепла, блестящего света, иногда даже жары. Но для нас, на протяжении эпох, Солнце было не более чем яркой звездой на дневном небе, источником света, но не тепла. Мы просто никогда не думали о Солнце как источнике тепла, не больше, чем вы думаете о звездах в этом качестве, привыкнув полагаться исключительно на жар наших недр. Но теперь, когда Нептун остыл и умер, да и Тритон начал замерзать, эти три гения придумали, как поставить Солнце нам на службу.

Солнце, признали они, находится слишком далеко. Но что если, спросили они, сделать Солнце двойной или кратной звездой? Бесчисленное количество звезд Вселенной, как мы знали, сделали это, разделившись на два или три компонента, так как их скорость вращения стала настолько большой, что центробежная сила разорвала их, при этом новорожденные солнца, всегда оказывались отброшенными на значительное расстояние от центрального компонента. Если Солнце разделить так, чтобы образовалась двойная звезда, то два получившихся маленьких солнца будут вращаться вокруг общего центра масс, на расстоянии примерно двух миллиардов миль друг от друга, рассчитали наши астрономы.

Солнце превратится в обычную двойную звезду, каких в Галактике большинство. При разделении солнц почти все планеты погибнут в пламени одного из двух новорожденных светил. Четыре внутренние планеты неизбежно будут уничтожены, когда Солнце разделится надвое, и эти две новые звезды разлетятся в разные стороны. Даже если сами звезды пролетят мимо планет, чудовищные возмущения

гравитационных полей бросят внутренние миры в пылающую топку новорожденных солнц. У них не больше шансов уцелеть, чем у мошки в большом пожаре. Юпитер и Сатурн будут сорваны с орбит и тоже найдут свою могилу в пламени молодых светил. И даже Уран не избежит гибели, орбита одной из новорожденных звезд почти точно совпадет с его орбитой, и эта звезда неизбежно поглотит его.

Но Нептун уцелеет! Единственный из всех, благодаря удаленности от Солнца, Нептун от катаклизма не пострадает. Когда наше Солнце будет разделено, орбита Нептуна, вероятно, изменится немного, планета приблизится к солнцам на некоторое расстояние, но затем продолжит спокойно вращаться вокруг двух светил, как ранее вращалась вокруг одного. И при этом новая орбита Нептуна будет такова, что он всегда будет находиться рядом с внешним солнцем! Таким образом, планета всегда будет получать то от одного солнца, то сразу от двух большое количество тепла! А сами новые звезды, поглотив планеты, станут жарче. Таким образом, Нептун, вращающийся вокруг двух солнц, обретет столько тепла и света, сколько он не получал еще никогда!

Поток тепла от новорожденных солнц решит все проблемы, вставшие перед нашей расой. Они обогреют Нептун, позволив нам вернуться на старую планету, вновь заселив великий планетарный город. И Тритон, тоже станет намного уютнее. Возведенные в прошлом оболочки вокруг наших миров превратят планеты в оранжереи. Эти же оболочки-крыши защитят нас от неприятных последствий разделения Солнца. Поскольку Нептун будет то ближе к источнику тепла, то дальше от него, оболочки позволят сгладить температурные скачки.

Таким образом, все опасности, что нависли над нами, будут ликвидированы, и мы вновь заселим Нептун, более теплый и комфортный, чем прежде. Мы могли бы возродить наш родной мир, ныне мертвый и холодный, и мы сделаем это, превратив Солнце в двойную звезду. Но как это сделать? Мы знали, что другие звезды Вселенной разделились, породив двойные или множественные звезды, потому что они достигли такой скорости углового вращения, что их просто разорвало на части. Чем быстрее вращается звезда, тем сильнее ее растягивает центробежная сила. И, наконец, скорость становится такой большой,

что звезда разрывается на две или даже три части. Но как сделать так, чтобы центробежная сила разорвала Солнце? Солнце делает один оборот вокруг оси за двадцать пять дней на экваторе, а чтобы разорвать его, нужна скорость один оборот в час. Потребуются немыслимые миллиарды лет для того, чтобы скорость его вращения увеличилась настолько. Сжимаясь, Солнце вращается быстрее, но сжимается оно медленно, очень медленно, процесс займет зоны лет, которых у нас, замерзающих на краю Солнечной системы, просто нет. Мы не можем ждать милостей от природы.

Но три гения нашли выход, предложив нам идею, ошеломившую нас своей грандиозностью. Что если, спросили они, мы сами увеличим скорость вращения Солнца? Что произойдет, если мы, дотянувшись до Солнца, раскрутим светило до нужной скорости вращения? Произойдет рождение двойной звезды, которое возродит Нептун! Если бы мы могли это сделать, мы могли бы спастись. Тем не менее мы были ошеломлены, так грандиозно и невероятно звучало это предложение. Как и чем мы можем дотянуться до Солнца через миллиарды миль пустоты, какой силой мы можем совершить это деяние божественных масштабов?

Но все было рассчитано и предусмотрено! Нам уже давно были известны силовые лучи и их невероятная мощь. И мы использовали эти силы в своей технике. Мы использовали лучи, чтобы нести наши цилиндрические космолеты от Нептуна к Тритону и обратно. Мы использовали их, сфокусировав в тонкие лучи, как оружие, поскольку они пробивали и уничтожали все, чего только не коснутся. Теперь наши ученые предложили использовать их для этого огромного плана — раскрутить Солнце и превратить его в двойную звезду.

План был вполне осуществим. Солнце, вращаясь в космосе, в центре Солнечной системы, повернуто одним краем к нам, другим от нас. Если бы мы построили колоссальные генераторы силового луча, генераторы, которые могли производить гигантской силы луч, и «надавили» бы этим лучом на край Солнца, в направлении его вращения, что произошло бы? Было ясно, что луч, толкнув Солнце, заставил бы его вращаться быстрее! Такой луч, медленно и неуклонно давя

на Солнце, в приемлемые для нас сроки разгонит Солнце до нужной нам критической скорости — один оборот в час. Солнце разделится на две части, Нептун будет возрожден.

Когда Великий план был представлен Совету Тридцати, он сразу был принят нами — повелителями всей расы Нептуна. Мы увидели, что в нем — наш единственный шанс, и мы бросили на его реализацию все силы нашей цивилизации. Мы знали, что другие планеты Солнечной системы, семь других миров Вселенной и их спутники, будут обречены стать жертвами пылающей смерти, когда наш план будет воплощен в жизнь, будут уничтожены, когда Солнце разделится, но нас это не остановило. Для того чтобы спасти наш мир и нашу великую цивилизацию, мы готовы пожертвовать остальными мирами и их обитателями.

Только одна большая трудность была перед нами. Где построить генератор так, чтобы его луч был направлен непрерывно на одну точку Солнца? И как? Было очевидно, что гигантский луч не может быть нацелен с поверхности Нептуна. Не только было бы практически невозможно держать большой механизм в рабочем состоянии в условиях постоянного ужасного холода, что царил там, но вращение самой планеты сделало бы невозможным постоянный прицел луча в одну и ту же точку. Было очевидно, что только с Тритона можно направить наш луч, поскольку Тритон всегда обращен к Солнцу одной стороной, необходимо только установить наш гигантский излучатель на солнечной стороне и правильно нацелить его.

Особенности Тритона делали грандиозный план осуществимым. Но была еще одна сложность, ставившая весь план под сомнение. Когда луч ударит в Солнце, оно начнет, без сомнения, вращаться быстрее. Но Солнце гораздо массивнее Тритона, а действие равно противодействию. Что произойдет с самим Тритоном? Отдача, чудовищная и неизбежная, мгновенно сорвет Тритон с его орбиты, отбросит от Нептуна и выбросит за пределы Солнечной системы, в бездонный мрак межзвездного пространства!

Это был тот же принцип, как у наших цилиндрических космолетов, которые, создавая внутри себя мощные силовые лучи, направляли их к планете. Луч давит и на планету и на

корабль, но чудовищная масса планеты остается на месте, а сила луча швыряет крошечный корабль в космос. То же будет с Тритоном и Солнцем. Для Тритона воздействие лучом на чудовищную массу Солнца будет означать катастрофу, бросок в никуда, гибель в холоде межзвездной пустоты! Почти мгновенно толчок отдачи выбросит маленький мирок за пределы Солнечной системы! И это означало бы, конечно, гибель всей нашей расы. Смерть для всех нас, для кого Тритон стал единственным прибежищем!

Из-за этого наш великий план мог оказаться невозможным. Мы искали решение. И, наконец, мы нашли средство преодолеть это препятствие. Тритон бы улетел в никуда, едва луч уперся бы в край Солнца. Но что будет, если направить еще один луч равной силы в противоположную сторону, уперев его в какую-нибудь звезду?

Результат очевиден: Тритон, который станут толкать в противоположных направлениях с равной силой, останется на своей орбите, так как две силы скомпенсировали бы друг друга! И таким образом, мы получили бы возможность раскручивать Солнце давлением луча, не затрагивая Тритон! Достаточно точно сбалансировать два луча.

Однако было необходимо точно направить второй, компенсирующий луч. Это означало, что, поскольку первый луч направлен прямо на Солнце с дневной стороны Тритона, второй должен исходить с ночной стороны в направлении созвездия, находящегося напротив Солнца в тот момент, когда мы начнем воздействовать на Солнце. Расчеты показали, что компенсационный луч следует направить в созвездие Стрельца. Оставалось найти звезду, в которую следовало упереть луч. К счастью для нас, такая звезда нашлась — одна из громадных звезд четырехугольника Стрельца.

В действительности все оказалось не так просто. Звезда-опора в созвездии Стрельца удалена от нас на расстояние, измеряемое световыми годами. Полчаса примерно требуется лучу, чтобы достичь Солнца. Но второму лучу для достижения звезды-опоры потребуется несколько лет. Даже до ближайшей звезды — четыре световых года. До выбранной же нами звезды в созвездии Стрельца луч должен был идти десятки лет!

Второй луч надо было направить к его цели намного раньше, потому что было жизненно важно поразить обе цели одновременно.

Первое, что нужно было сделать, это подготовить большой генератор и отправить этот второй луч к Стрельцу. Эта работа началась сразу. На темной стороне Тритона, под большой крышей бесчисленные большие генераторы были построены, гигантские генераторы силового луча, которые могли создать луч колоссальной силы. Затем от крыши до поверхности Тритона была создана гигантская, хорошо изолированная труба-шахта. В нижней части этой шахты, на поверхности Тритона, был установлен сверхмощный излучатель, который должен был сконцентрировать лучи генераторов в один могучий пучок, способный пронзить межзвездное пространство по направлению к выбранной нами звезде. Толстые и прочные металлические стены оградили шахту и излучатель, сделав невозможной утечку воздуха из обитаемой части Тритона и защитив нас от побочных эффектов чудовищного луча.

Затем были построены блоки управления лучом. Эти посты управления были продублированы двадцатикратно и расположены вокруг жерла шахты с таким расчетом, чтобы управление оставалось надежным, даже в случае если девятнадцать постов будут выведены из строя. Один блок управления был бы достаточен, но нам требовалась максимально мыслимая надежность. Это был вопрос жизни или смерти для всей расы обитателей системы Нептуна, решалась судьба самой нашей цивилизации, имеющей историю в десятки миллионов лет. Если второй луч на доли угловой секунды отклонится от избранного направления, нас всех ждет гибель во тьме и холоде межзвездной бездны. Так что, хотя работой луча можно было управлять с одного пульта, двадцатикратное дублирование не показалось нам лишним, гарантируя выживание нашей расы даже в случае гибели нескольких постов управления.

После этого, когда генераторы и излучатель, система управления и прочая техника были готовы, осталось лишь точно рассчитанный день и час включить излучатель и направить луч к яркой звезде в созвездии Стрельца. И вот, в

назначенный день, операторы, которым было поручено наводиться на двадцати постах управления, заняли свои места. Излучатель был уже точно нацелен, оставалось только включить его. И когда все было готово и все были на местах, мы отдали приказ. Тогда, как один, включились все двадцать постов управления, загудели могучие генераторы, ток невероятного напряжения побежал по кабелям, и сверхмощный силовой луч, видимый только вблизи его источника, как столб бледного сияния, устремился к далекой звезде в созвездии Стрельца!

Отдачи пока не было. Её и не должно было быть, пока луч не упрется в звезду. Так же, как вы не можете оттолкнуться рукой от стены, пока ваша рука не коснется стены.

Нужно было ждать несколько десятилетий, пока луч достигнет цели и, отразившись от нее, вернется к Тритону, сообщив ему толчок в заданном направлении. И в эти десятки лет, пока луч шел к звезде, Нептун с Тритоном продолжали свой путь вокруг Солнца. Но благодаря медлительности этого движения было не трудно удерживать направление луча на звезду, минимально перенацеливая излучатель, что и делалось непрерывно, и все эти годы луч продолжал буравить пространство, непрерывно направляемый нами к избранной звезде, став нашей незримой опорой.

Таким образом, половина нашей великой задачи была решена, и пора было выполнить вторую часть плана, построив генераторы и излучатель для воздействия на Солнце. В последующие годы, пока опорный луч стремился к звезде, мы строили генераторы и готовили к работе второй излучатель. На солнечной стороне Тритона, точно напротив генератора опорного луча, мы создали аналогичную шахту, установили генераторы, смонтировали излучатель, установили посты управления. Мы готовились направить луч на Солнце, чтобы создать новую двойную звезду.

Страшными эти годы были для нас, хотя сейчас, наконец, это время приближается к концу. В те годы мы были вынуждены заниматься не только строительством генераторов и излучателей, не только посылкой луча к Стрельцу сквозь бездны пространства, на нас обрушились проблемы холода и голода. Тритон стремительно остывал, мощности обогревательных

механизмов катастрофически не хватало. Тем не менее мы воодушевляли себя надеждой на скорую, окончательную победу над холодом, считали дни, готовясь подарить себе новое Солнце. Мы трудились, напрягая все свои силы над установкой генератора на дневной стороне, тщательно готовясь к осуществлению нашего Великого Проекта. Наконец все было готово, оставалось только включить второй генератор и направить луч на Солнце. Величайший из наших ученых в те годы рассчитал точный момент, когда опорный луч коснется звезды в созвездии Стрельца. Необходимо было вычислить этот момент с величайшей точностью, чтобы направить луч на Солнце в тот же миг и с равной силой. Так что в кульминационный миг мы пребывали в величайшей тревоге.

К этому моменту, десятки ваших земных дней назад, Нептун оказался вместе с Тритоном точно между созвездием Стрельца и Солнцем. Тот факт, что Тритон вращался вокруг Нептуна, не создал препятствия нашим планам. Орбита Тритона так сильно наклонена к эклиптике, что даже когда Тритон оказывается за Нептуном относительно Солнца, луч может быть направлен к избранному участку солнечной поверхности сквозь верхние слои атмосферы Нептуна. Точно так же, когда Нептун оказывается между Тритоном и Стрельцом, луч может быть направлен к опорной звезде, и теперь от нас требовалось только точно направить луч и точно отрегулировав его мощность. Мы пребывали в тревожном напряжении, и, наконец, настал момент, которого мы ждали, более чем четыре часа, момент, когда второй луч надежно уперся в избранную нами звезду. И когда он наступил, по нашей команде могучий луч вырвался из жерла излучателя на солнечной стороне, луч, который должен был подарить нам второе солнце! Между нами и Солнцем, разумеется, не было планет, это мы рассчитали заранее. Но напряжение в эти часы было невыразимо. Приближался миг, когда наш луч упрется в Солнце и начнет свою работу. Если наши расчеты оказались ошибочными, если в тот же миг опорный луч не упрется в звезду, то нас просто выбросит в пустоту! Напряженно мы ждали, и затем, наконец, наступил решающий момент. Этот момент настал и прошел, а Тритон остался на своей орбите.

Мы знали, что мы выиграли! Лучи скомпенсировали друг друга, второй луч достиг звезды в тот же миг, когда мы поразили Солнце, которое начало вращаться все быстрее и быстрее! Его огромные массы поддались давлению нашего могучего луча! В течение первого же вашего дня период его обращения вокруг своей оси уменьшился на точно выверенный нами отрезок времени — четыре ваших часа. И каждый день после этого под постоянным воздействием нашего луча этот период сокращается на те же четыре часа. Так что за сто пятьдесят ваших дней критическая скорость вращения будет достигнута, Солнце разделится и станет двойной звездой!..

Прошло уже более половины назначенного срока, и все идет точно в соответствии с нашими расчетами! Погрешность в наших расчетах не может превышать трех ваших дней, и менее чем через восемьдесят дней все планеты, кроме нашей, включая вашу, погибнут в космическом катаклизме. Все цивилизации Солнечной системы, кроме нашей, ждет гибель в огне. Мы, нептуниане, обрекли вас на эту гибель, не потому что ненавидим вас, но лишь для того, чтобы спасти себя от гибели, не менее страшной!

ГЛАВА XI. Отчаянные шансы

Когда шар закончил говорить, когда умолк странный голос синтетического «мы» тридцати различных «я», голос, которому мы с Марлином внимали как замороженные, я обнаружил, что мой разум полностью поглощен этим рассказом. На мгновение я вынырнул из этого странного транса, чтобы убедиться в реальности происходящего. Говорящий шар, тридцать безмолвных дискоидов вокруг гигантского кольцевого стола, полумрак сумрачного тритонского дня, черные стены вокруг нас — все это было реальным, страшное наваждение не желало рассеиваться. Шар, между тем, продолжил рассказ.

— Гибель ваших миров неизбежна, потому что только ее ценой может быть спасен наш мир. Ничто теперь не сможет

спасти ваш мир и другие планеты, но вы двое, сохраните свои жизни вместе с нами, нептунянами. Ибо очевидно, что ваша раса должна обладать значительными научными знаниями, позволившими вам создать генератор силового луча и попасть сюда. Так что, хотя вы примитивнее, чем наша великая древняя раса в области науки и знаний, может оказаться, что у вас есть определенные достижения, которые могут стать новыми и полезными для нас. По этой причине вы были спасены и вас учили языку Нептуна. Теперь наши ученые будут допрашивать вас, и вы должны без утайки отвечать на любые их вопросы. Вы слышали, что попытка спасти ваш мир бессмысленна, и должны понимать, что сотрудничество с нами — единственный способ спасти ваши жизни. Поэтому обдумайте хорошенько все то, что вы сейчас узнали, и осознайте, что ваши научные знания — единственная причина, по которой вы до сих пор живы.

Большой шар замолчал, и прежде чем мы могли ответить, раньше, чем мы успели собраться с мыслями, к нам подступили охранники и жестами указали нам на дверь. Как в тумане мы с Марлином вышли через эту дверь. Ни я, ни Марлин не могли прийти в себя до тех пор, пока вновь не оказались в нашей камере. Только там Марлин начал бормотать, повторяя грозный приговор шара человечеству.

— Смерть в считанные дни настигнет наш мир! Они обрекли на гибель все миры, чтобы спасти свой!

— И это все объясняет! — воскликнул я. — Ускорение вращения Солнца, силовой луч, заброшенный Нептун и переполненный Тритон... Боже, Марлин, если бы мы могли только сообщить все это Земле!

— Мы должны сделать это! — воскликнул он. — Даже если мы сумеем бежать, нам вдвоем не одолеть целую расу, но если мы приведем сюда флот, тогда у нас будет шанс!

— Это безнадежно, Марлин, — ответил я.

Мы обдумали тысячи путей побега в те дни, которые мы провели здесь, и ни один, даже самый смелый, не имел шансов на успех. Отчаяние и уныние охватили нас, апатия овладела нашими умами, и мы часами сидели безмолвно и неподвижно. Колоссальный эпос истории цивилизации Нептуна, астрономический масштаб планов и деяний наших

врагов, чудовищное могущество дискоидов, о котором поведал нам шар, повергли нас в отчаяние. Наконец мы нашли объяснение всех этих грозных тайн, разрушению нашей привычной Вселенной, но найденное объяснение погрузило нас в пучины безысходности. Земля была обречена, Солнечная система должна была погибнуть! Мы видели это, теперь, без сомнения, мы, единственные из землян, знали причину катастрофы. И я думаю, что ни Марлин, ни я, сидя там, в сумерках нашей клетки, ни разу не подумали о своей судьбе, ни разу не задумались о том, чтобы выкупить свои жизни ценой научных знаний. Мы забыли о нашей собственной судьбе, созерцая тень, нависшую над всеми мирами Солнечной системы по милости нептуниан.

Казалось, что мы сидели там века, а не недели, казалось, целая вечность минула с тех пор, как Марлин предупредил землян о грядущей гибели Солнца. Все это случилось когда-то давно: совещание Всемирного Правительства, принятие плана Марлина и Уайтли; ночной старт нашего космолета в неведомое; безумный полет мимо Марса и через опасности астероидного пояса, мимо могучего Юпитера; борьба за жизнь у колец Сатурна; Нептун. Наше изумление при виде его металлической оболочки, наши с Марлином странствия по пустынному и заброшенному планетарному городу. Атака нептуниан, гибель корабля и друзей. Плен, переполненный странной и непостижимой жизнью муравейник Тритона, плен и уроки языка, зал Совета и грандиозная эпопея, рассказанная говорящим шаром. Действительно, казалось невероятным, что все это уместилось в столь короткий срок.

Но это было так, и я знал, что всего несколько дней отделяет нас от рокового мига космического катаклизма, а потому каждая минута нашего вынужденного бездействия в каменном мешке превращалась для меня в мучительную вечность. Иногда я срывался и, потеряв самоконтроль, кидался с кулаками на неуязвимые каменные стены нашей темницы. Ничего не менялось, все так же стрекотали за стенкой охранники, все так же гудели циклопические машины, все так же проносились по небу стаи цилиндров. Я находился уже на грани безумия и был готов биться о дверь

головой, когда голос Марлина помог мне вынырнуть из ому-та отчаяния и безнадежности.

— Хант! — воскликнул он. — У нас есть шанс выбраться отсюда! Придется повозиться, но из камеры мы выбраться, по крайней мере, сумеем!

Я покачал головой.

— Это невозможно, Марлин, — сказал я. — Мы обсудили все тысячу раз — дверь нам не открыть, а за ней еще проклятые диски с лучеметами!

— Но есть другой путь, — ответил Марлин. — Через стену!

— Мы обсуждали это... Все бесполезно. Даже при меньшей гравитации здесь, на Тритоне, даже без этих утяжелителей на наших ногах, нам не прыгнуть вверх на двести футов!

— Но один из способов мы не пробовали, — настаивал он, и пока я слушал с тупым безразличием, он рассказал мне свою идею. И, выслушав его, я ощутил надежду! Это могло сработать.

— Это наша единственная надежда, — подытожил он. — Если мы сможем использовать этот шанс, чтобы выбраться из этой темницы, у нас появится шанс украсть один из этих цилиндров и рвануть на Землю!

— Надо действовать прямо сейчас.

Я был возбужден слабым проблеском надежды.

— Скоро у них пересменка, и неизвестно, когда придут их ученые!

Мы подготовились. Для начала мы сняли с наших ног утяжелители, эти маленькие, но очень тяжелые диски из таинственного материала, которые делали наш вес равным земному, позволяя двигаться естественно, несмотря на малую силу тяжести. Благодаря этой мере каждый шаг теперь подбрасывал нас вверх на несколько футов. Затем, так как я был моложе и сильнее, наступила моя очередь попробовать воплотить идею Марлина в жизнь. Я отошел к стене, чтобы иметь место для прыжка. А затем прыгнул, сделав предварительно пару глубоких вдохов. Вверх и под углом, по направлению к противоположной стене, так чтобы иметь возможность оттолкнуться от нее ногами. Малая сила тяжести помогала мне, я плавно поплыл сквозь воздух, прыгнув на высоту, недоступную на Земле профессиональным гимнастам.

Долетев до противоположной стены, я оттолкнулся от нее и опять послал себя вверх и под углом — к стене, от которой я начал свои прыжки. Так, прыжок за прыжком, от стены к стене, я неуклонно поднимался вверх, к квадрату сумрачного света над головой! Зигзагом, все выше и выше, прочь из каменного мешка! Метод был тот же, какой раньше на Земле использовали трубочисты, путешествуя по дымоходам, — отталкивание то от одной, то от другой стены, только тут мне приходилось прыгать. Но Тритон меньше Земли, я был легче, это позволяло мне продолжать подниматься вверх!

Только на таких маленьких планетах возможны подобные подвиги акробатики. Пока я прыгал от стены к стене, снизу за мной напряженно наблюдал Марлин. Все наше предприятие, безумное и почти абсурдное, зависело сейчас от меня, и я продолжал прыгать. Словно бильярдный шар, я отскакивал от стенок, и ставка в этой игре была жизнь человечества, Земли, Солнечной системы. Мои силы были на исходе, каждый новый скачок был опаснее предыдущего!

Еще один скачок, другой — и от верхнего края стены меня отделяли считанные футы, а от обморока только упрямство. Еще один скачок — дикая боль в сведенных мышцах. Надо было сделать еще прыжок, но, проплывая по воздуху, я осознал, что сил у меня больше нет! Но если я не смогу оттолкнуться от стены, то упаду и расшибусь в лепешку! Я не знаю, где я взял силы для последнего броска, но я сделал его. И уцепился руками за край стены, а затем втащил себя на стену!

Несколько мгновений я лежал сверху, не обращая внимания на все остальное, пытаясь прийти в себя, вдыхая и выдыхая, не в силах ни о чем думать, не в силах ничего делать. Затем я нашел в себе силы осмотреться по сторонам. Во все стороны, широкие точно автострада, тянулись, пересекаясь, стены зданий-отсеков города, циклопического муравейника, занимавшего весь Тритон. Вдали маячил пояс сумерек, граница дня и ночи. Наддневной стороной сновали взад-вперед многочисленные цилиндры, оттуда доносился неумолчный гул, грохот и лязг машин. На ночной стороне царило безмолвие и покой. Потом я посмотрел вниз — в каменный колодец нашей камеры. Марлин напряженно смотрел вверх — на меня. Я молча кивнул ему. И он начал таким же зигзагом, как и я, подниматься вверх.

В тревожном напряжении я смотрел на него, как он постепенно поднимается ко мне, прыжок за прыжком. Он начал выбиваться из сил. Я знал, что он намного старше меня, но пока ничем не мог ему помочь. Я, стиснув зубы от напряжения, наблюдал за его продвижением. Наконец он оказался всего в нескольких футах от цели, но силы уже почти совсем оставили его. Сжимая кулаки, я наблюдал за его последним рывком. Ему надо было сделать всего один прыжок, но очень длинный! И когда он прыгнул, я с ужасом понял, что он не долетит!

В тот момент, когда Марлин летел ко мне, протягивая навстречу мне свои руки, я с ужасом увидел пот, заливший его лицо и выражение отчаяния в глазах. Я действовал инстинктивно и машинально... Думаю, это и спасло нас. Упав на колени я успел схватить профессора за руки, прежде чем он полетел вниз, на дно каменного колодца. Мгновение или чуть больше мы висели над двухсотфутовой пропастью, а затем, крепко держа профессора одной рукой, я каким-то чудом втащил нас на стену, после чего, обессиленно рухнул на нее. Только слабая гравитация Тритона позволила мне совершить этот подвиг.

Но отдохнуть было некогда! Цилиндры стаями носились над городом, приближался сигнал к пробуждению для одной половины дискоидов и ко сну для другой. Оставшись на стене, мы, несомненно, вскоре были бы обнаружены. Мы должны были спуститься в один из отсеков как можно скорее. Но в какой? Желая решить этот вопрос, мы начали обход по верхней части стены, глядя вниз и по сторонам. Отсек на той стороне был нашей темницей, и он был пуст; но единственный выход из него находился между рядами камер, который охранялся вооруженными охранниками. Спускаться в тюремное отделение было бесполезно, и мы продолжали двигаться перебежками по стене, пока не очутились над отсеком неправильной формы возле круглого здания Совета Тридцати.

Вокруг цитадели власти, как обычно, несли свою вахту вооруженные стражи. Неожиданно мы услышали громкое стрекотание приказа, и охранники выстроились, образуя проход. Затем мы увидели, как тридцать знакомых нам нептуниан —

Высший Совет тридцати, перед которым мы недавно стояли, выходят наружу из здания Совета! Они шли, беседуя. Больше они не были единым разумом, сконцентрированным в металлическом шаре, и шли они в направлении дневной стороны, а все охранники, выстроившись вокруг, следовали за ними. Когда они ушли, пространство перед зданием Совета оказалось пустым, и Мартин указал вниз.

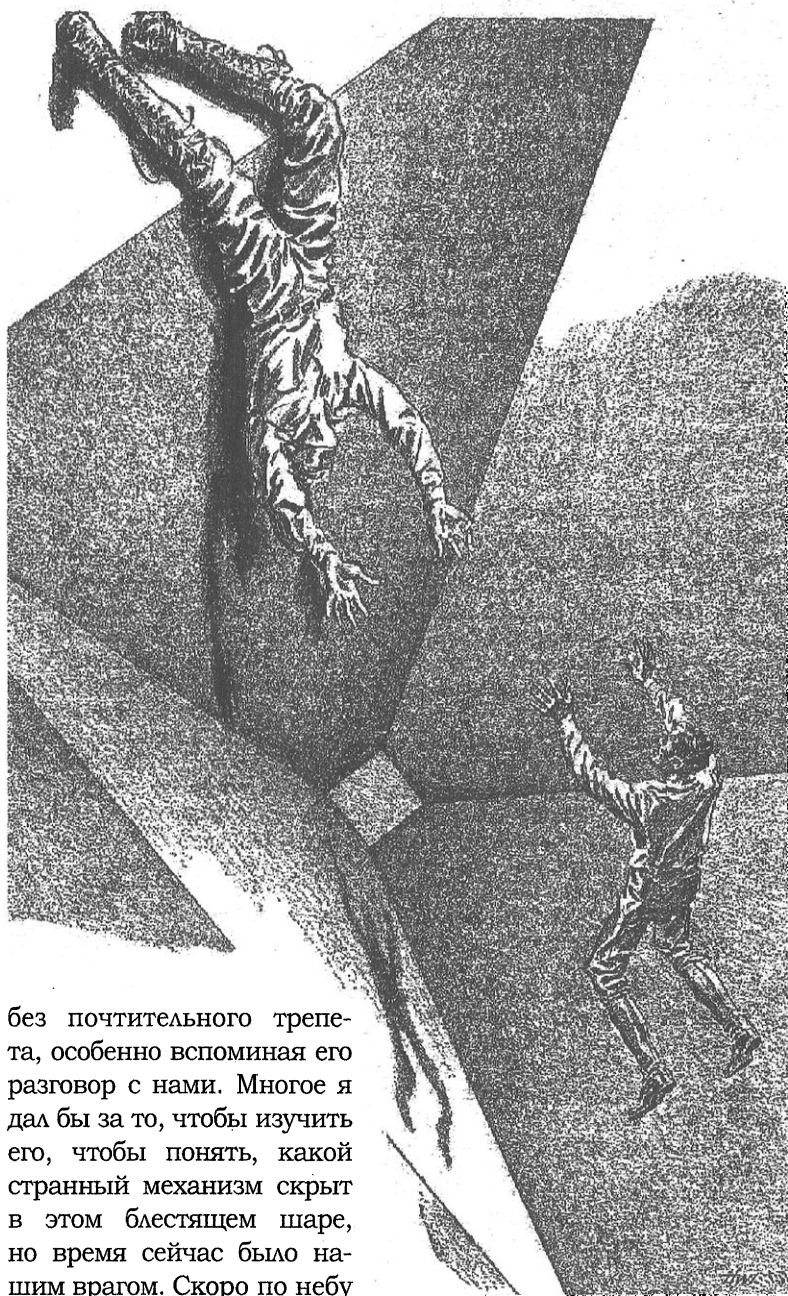
— Здесь, Хант! — прошептал он. — Если мы и дальше останемся на вершины стены, нас увидят из какого-нибудь цилиндра, а спустившись здесь, мы можем прорваться на ночную сторону!

— Попытаемся угнуть цилиндр на ночной стороне? — спросил я, и он кивнул.

— Да, в темноте, там, где спят нептуниане, у нас будет шанс. Но мы должны поспешить. У нас осталось мало времени, прежде чем сигнал заставит дискоидов меняться полусферами!

И тогда мы прыгнули со стены — с высоты двести футов! Чтобы не разбиться насмерть, мы прыгнули так, чтобы слегка тормозить падение, скользя по гладкой поверхности стены. Малая сила тяжести спасала нам жизнь, но превратило само падение в какое-то химерическое ныряние сквозь воздух. Упав на поверхность, мы встали и осмотрелись. Из отсека, где мы находились, наружу вели две двери. Первая вела на дневную сторону — через неё только что ушли тридцать правителей в сопровождении охраны. Вторая вела в Зал Совета и, очевидно, была единственной, которая могла обещать перспективу достижения темной стороны, так что мы прошли через нее, перемещаясь теперь нелепыми огромными скачками.

Большой круглый отсек был пуст, как тот, который мы только что покинули. Сумрак в нем рассеивали несколько мягко светящихся дисков на стенах. Большой кольцевой стол сейчас был окружен пустыми креслами, но в центре его по-прежнему стоял большой металлический шар, странный механизм, объединявший тридцать разумов в единый разум, управлявший нептунианской расой. И хотя мы знали, что это безжизненный механизм без членов Совета, подключенных к нему, трудно было смотреть на этот аппарат

без почтительного трепета, особенно вспоминая его разговор с нами. Многое я дал бы за то, чтобы изучить его, чтобы понять, какой странный механизм скрыт в этом блестящем шаре, но время сейчас было нашим врагом. Скоро по небу

промчится волна света, заставив бесчисленные миллионы дискоидов поспешить из одного полушария в другое. И если мы не успеем угнать космолет до этого, мы будем обнаружены.

Таким образом, бросив взгляд в сторону таинственного устройства, мы с Марлином молча прошмыгнули к двери, ведущей из Зала Совета на ночную сторону. Осторожно мы прошли через дверь, за которой обнаружилось такое же пустое пространство, как и то, какое мы пересекали по пути в Зал Совета. Мы быстро пересекали эту ячейку гигантскими скачками. У самой двери Марлин остановился, как ужаленный. Сначала мы слышали нептунианскую речь, а затем увидели идущую нам навстречу группу вооруженных дискоидов!

Несколько мгновений длилось наше оцепенение, затем мы отскочили от двери и затаились в тени, молясь, чтобы нас не заметили! Это был наш единственный шанс избежать поимки, скрыться в тени, затаиться в густом сумраке. Глаза дискоидов великолепно приспособлены к недостатку света, так что наш шанс был довольно призрачным. Оставалось молиться и надеяться на чудо. Нептуниане, однако, прошли мимо, оживленно беседуя между собой. Возможно, они не заметили нас. Мы напряженно ожидали, пока они не уйдут. Вдруг один из них обернулся в нашем направлении! Мне показалось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди от ужаса! Но в следующий момент нептунианин развернулся, не заметив нас. Затем они прошли через противоположенную дверь, и их странные голоса смолкли вдали.

Марлин и я облегченно вздохнули.

— Тише, Хант! Не надо шуметь, впереди ночная сторона! — шепнул Марлин.

— Мы почти прошли зону Сумерек, а на ночной стороне немного безопаснее, — ответил я тоже шепотом.

И мы спокойно прошли через дверь, из которой появились напугавшие нас нептуниане, через отсек, лежавший за ней, потом мы миновали еще и еще отсеки... Эти отсеки страны сумерек были пусты, в них не было ни нагромождения машин дневной стороны, ни спальных мест, этих «камер хранения» ночной. Мы обнаружили, однако, что эти отсеки использовались только как апартаменты Совета

тридцати, других правителей и крупных чиновников, а их единственная цель, помимо этого, заключалась в том, чтобы обеспечивать легкий доступ с дневной стороны Тритона на ночную, и наоборот. Сейчас лабиринт этих помещений выглядел пустым и заброшенным, хотя один или два раза мы были вынуждены снова прятаться в тени, так как слышали стаккато голосов нептуниан на расстоянии. Однажды один из цилиндров пролетел над нами. Мы не успели даже спрятаться в тень и уже считали себя покойниками, хотя после нескольких напряженных минут стало понятно, что нас не заметили.

Вскоре сумерки закончились, и нас объяла глубокая тьма ночной стороны. Мы стали двигаться осторожнее, зная, что вокруг нас спят бесчисленные орды дискоидов-нептуниан, но не зная, насколько чуток их сон. Первые несколько отсеков, которые мы прошли в этой темноте, однако, оказались столь же пустыми, как и те, что мы прошли раньше. Но затем, пытаясь шуметь как можно меньше, мы пришли в первый большой спальный отсек. Это был отсек-«шкаф», из числа тех, что озадачили нас на Нептуне. Загадочные «камеры хранения», прямоугольные ячейки, подобно сотам или отделениям гигантского шкафа, покрывавшие стены. Они оказались спальнями нептуниан, их жилищами.

Эта спальня, однако, не была пуста, как те, что мы видели на Нептуне. Её ячейки были набиты сотнями, если не тысячами дисковидных нептуниан! Их семь коротких конечностей были плотно прижаты к дисковидным телам, их фасетчатые глаза были открыты и даже выпучены, если по отношению к глазам такого типа можно употребить это слово. Было очевидно, однако, что все они спали, поскольку веки, или то что их заменяло, давно атрофировались у этой сумеречной расы. Эти жуткие, невидящие взгляды преследовали нас, пока мы шли через отсек. Ибо нам казалось, что сотни дисковидных чудовищ холодно и надменно смотрят на нас, словно кот на мышонка. Никто не проснулся, однако, пока мы пробирались к противоположной двери, которая привела нас в следующий отсек, который оказался еще одной спальней, набитой тысячами плотно утрамбованных в ячейки нептуниан.

Мы миновали десяток таких спален, двигаясь тихо и осторожно, буквально затаив дыхание. Мы почти потеряли надежду, поскольку не нашли пока ни взлетно-посадочных отсеков, ни ангаров, ни самих кораблей-цилиндров. Мы прошли и через другие отсеки, где размещались огромные шары-нагреватели. Интересно, что они излучали тепло не столько в стороны, сколько вверх, обогревая, таким образом, атмосферу Тритона, и посредством этого весь Тритон. Мы прошли уже десятки разнообразных помещений, но пока не обнаружили даже намека на космический корабль.

Отчаяние наполняло мое сердце, когда мы пересекали одно за другим эти бесчисленные спальные отделения. Скоро придет сигнал, чтобы пробудить все эти полчища нептуниан, и если мы не сумеем найти цилиндр раньше, то все будет потеряно. Даже если мы найдем корабль, надежды мало, ведь надо проскочить через кишашую дискоидами дневную сторону, прорваться мимо двадцати постов управления Великим Лучом! Надежда почти покинула нас, пока мы блуждали вслепую в этом бесконечном и темном лабиринте. В очередном спальном отделении мои нервы не выдержали, и я схватил Марлина за рукав.

— Марлин! — простонал я — Скоро подадут сигнал — это темная сторона, миллионы дискоидов проснутся, а мы еще не видели никаких признаков цилиндров!

— Мы должны идти, Хант! — прошептал он напряженно в ответ. — Это наш единственный шанс сейчас — попасть в один из цилиндров, прежде чем они проснутся!

— Но если мы идем в том направлении... — начал было я, но осекся на полуслове

В одной из ячеек пошевелился нептунианин. Мы уставились на него в изумлении и страхе. Спал он или бодрствовал? Этот вопрос сводил нас с ума, когда мы смотрели на него. Несколько мгновений, показавшихся нам вечностью, длилось это напряженное ожидание, а затем нептунианин резко дернулся и начал двигаться. Раздалось громкое щелканье нептунского языка, и два дискоида выпрыгнули из ячейки на пол прямо перед нами!

ГЛАВА XII. Побег с Тритона

Как только эти два существа прыгнули вниз, и до того, как их крики изумления успели смениться криками тревоги, я и Марлин кинулись к ним. Мы неслись гигантскими, двадцатифутовыми скачками, возможными лишь в условиях малой гравитации, покрывая одним прыжком футов двадцать! Мы торопились, понимая, что эти двое сейчас разбудят сотни остальных, и это будет наш конец. Прежде чем они успели закричать, мы набросились на них!

Они были слишком потрясены нашим внешним видом

и нашей манерой передвижения, так что, прежде чем они сообразили, что надо обороняться, мы повалили их на пол. В первый же миг драки я попытался зажать противнику его странный рот, чтобы он не смог кричать, и уронить его. Но, несмотря на мои преимущества, вызванные слабой силой тяжести Тритона, сила существа была огромна! В одно мгновение его семь больших конечностей сжали меня, схватив и опутав, и я осознал, что моих сил не хватит, чтобы одолеть это чудовище, порожденное природой чужого мира. Марлин сцепился с другим чудовищем в такой же безнадежной схватке и не мог помочь мне, когда щупальца дискоида оторвали меня от пола и подняли в воздух!

Подняв меня над полом, опутав щупальцами, уставившись на меня своими стеклянными, ничего не выражающими глазами, нептунианин поволок меня во тьму, вглубь спального отсека! Я чувствовал себя проигравшим, тщедушным перед лицом силы этого чудовища, и, не надеясь ни на что, чисто рефлекторно ударил его, так что мой кулак попал ему прямо в рот. Мгновенно существо задергалось и забилося в конвульсиях, пытаясь освободить ротовое отверстие, которое было дыхательным, поскольку я перекрыл доступ кислорода в его тело! Он дергался всем телом, но я, осознав ситуацию, вогнал свою руку еще глубже в его беззубое ротовое отверстие. Мгновение — и борьба закончилась, чудовище рухнуло к моим ногам.

Увидев, что второй дискоид скрутил Марлина и молотит им об выступающий угол секции спальных ячеек, я кинулся на помощь другу. И применил тот же прием — всадил кулак чудовищу в пасть. В мгновение ока нептунианин освободил Марлина и забился в конвульсиях, яростно пытаясь освободиться от меня, но быстро ослаб и рухнул на пол гротескно-бесформенной кучей плоти. Придя в себя, Марлин уже успел подняться на ноги. Никто из дискоидов не проснулся, наши противники упустили шанс поднять криком на ноги всю орду. Поэтому вокруг нас простиралось сонное царство, из которого мы поспешили сбежать.

— Хант! Мы еще можем успеть украсть один из цилиндров, прежде чем они проснутся! — хрипло прошептал Марлин.

Мы пересекали одно спальное отделение за другим, но никак не могли найти взлетно-посадочных отсеков или ангаров. И хотя мы знали, что они есть, очень трудно было найти их в темноте, блуждая в лабиринте двухсотфутовых стен. Мы могли уже сто раз пройти мимо, бесцельно блуждая через лабиринт прилегающих спальных отсеков, в слепой надежде на удачу, но пока что находили только ячейки со спящими дискоидами и пылающие шары-обогреватели. Между тем, время, когда по небу промчится волна яростного света, пробуждая спящую орду, неуклонно приближалось.

Кошмарным и изматывающим было наше блуждание во тьме враждебного чужого мира, наши почти безнадежные поиски космического корабля среди мрачных стен и спящих чудовищ. Отсек за отсеком, спальное отделение за спальным отделением, между мрачных стен, во тьме, озаренной лишь скудным светом шаров-обогревателей. Скачок за скачком — в двадцать футов каждый. Мы не столько шли, сколько плыли сквозь вязкий воздух враждебного мира, в страхе перед наступающим временем пробуждения. Затем совершенно неожиданно, когда мы пересекали очередное спальное отделение, тусклый огонек надежды в наших сердцах разгорелся яростным пламенем. За следующей дверью стояли блестящие металлические цилиндры — корабли, которые мы искали!

С замиранием сердца мы с Марлином смотрели на эти могучие машины, на эти цилиндры, озаренные тусклым светом звезд сквозь прозрачную крышу. Мы увидели, что входные люки у основания цилиндров открыты, а изнутри доносится пульсирующий гул генераторов! Было очевидно, что это часть бесчисленного флота цилиндров, используемых, чтобы транспортировать нептунианские орды с ночной стороны на дневную сторону Тритона, и наоборот. И судя по звуку работы генераторов, вскоре этим кораблям предстояло принять на борт пассажиров. Но между нами и цилиндрами стояли вооруженные лучеметами нептуниане и о чем-то оживленно переговаривались между собой!

Идти напролом было бы самоубийством. Мы бросали на дискоидов ненавидящие взгляды, но понимали, что пока ничего сделать невозможно. И в тот момент, когда мы тщетно искали какой-ни

будь способ добраться до ближайшего из этих цилиндров, один из трех вооруженных нептуниан отдал приказ, и двое других, развернувшись, направились в соседний отсек. Это был наш шанс — шанс, на который мы вряд ли осмеливались надеяться, и как только пара чудовищ удалилась, мы бросились на оставшегося!

Мы не дали противнику ни одного шанса. Накинувшись на чудовище сбоку, Марлин повалил его, а я всадил кулак в его беззубый рот. Извиваясь в конвульсиях, дискоид быстро затих, оставшись лежать на полу бесформенным мешком. Не теряя зря ни единого мгновения, мы тут же бросились к открытому шлюзу ближайшего большого цилиндра, из которого, доносилось пульсирующее гудение мощных генераторов. Но примерно в десяти метрах от цели Марлин остановился, издав крик ужаса. Волна света мчалась над нами, через нас, мимо нас, от дневной стороны, волна интенсивно блестящего белого света, белого света, который разогнал мрак вокруг нас, ослепил нас, превратил ночь в день и умчался дальше! Это был сигнал пробуждения, сигнал для миллионов спящих нептуниан, сигнал проснуться и поменяться местами с ордой, копошившейся на дневной стороне! И пока мы стояли, ослепленные и ошеломленные, пробуждение началось. Спальные отсеки наполнились шумом и оглушительным гамом бесчисленных щелкающих голосов! Затем, прежде чем мы успели опомниться и прийти в себя, в отсек ворвались орды дискоидов. При виде нас они испустили многоголосый истошный вопль и со всех сторон кинулись к нам!

— Цилиндр!

Дикий крик Марлина вывел меня из ступора и оцепенения. Прямо перед нами, через десяток метров, был открыт входной люк ближайшего цилиндра, и в следующий момент Марлин и я одновременно прыгнули к нему и проскочили через шлюз, пока чудовища мчались к нам. Я успел закрыть люк, до того как нептуниане добрались до цилиндра, а затем мы стремглав помчались к лестнице, ведущей в рубку управления, на мостик. Одним прыжком я добрался до пилотского кресла, мучительно вспоминая, на какие кнопки и в какой последовательности нажимал при взлете пилот-нептунианин. Между тем внизу у корабля уже бесновалась толпа дис-

кообразных чудовищ! Но, наконец, каким-то чудом, мне удалось ввести нужную последовательность команд, пульсация генераторов усилилась, и в следующий миг цилиндр взмыл вверх над сотами-отсеками чужого города!

Мы поднимались, а вокруг нас сверкали лучи, нептуниане открыли по нам огонь из своих трубок-лучеметов. Взглянув вниз, мы увидели, как толпа бросилась к другим цилиндрам — похоже, за нами начиналась погоня! Под нами простирался циклопический муравейник города дискоидов. Отсюда мы могли видеть и погруженную в покой ночную, и наполненную бесчисленными толпами дневную стороны Тритона. Смятение и рев, возмущенной толпы наполнили город — наш побег был обнаружен. Десятки цилиндров мчались к нам наперехват со всех концов грандиозного города!

— Вверх! — заорал Марлин. — Они сейчас нас накроют!

Я как сумасшедший, лихорадочно, наполовину наугад, нажимал кнопки на пульте. Пока мне везло. Цилиндр косо рванул вверх, уходя от преследователей.

— Крыша! Надо искать открытое отверстие! — я силился перекричать рёв воздуха, рассекаемого цилиндром.

Но наши противники тоже были не лыком шиты, десятки цилиндров мчались к нам со всех сторон, чтобы блокировать нас сверху. Весь Тритон напоминал улей, растревоженный и извергающий облака жалящих пчел. Цилиндры преследователей снизу уже почти настигли нас, их вели опытные пилоты, хорошо знакомые с этим типом машин, в отличие от меня. И теперь вновь вокруг нас сверкали лучи, и если бы хотя бы один из них поразил нас, наш цилиндр был бы разорван в клочья!

Снизу и сверху мелькали цилиндры преследователей, сплетая смертоносную сеть лучей, истошно выли генераторы, ревел рассекаемый воздух, бесновались в гневе толпы нептуниан на поверхности Тритона. Мы с Марлином напряженно искали взглядом диафрагму циклопического люка, врат Тритона, нашего единственного шанса вырваться в космос. Если мы не найдем его, или найдем, но не сумеем проскочить, то мы обречены. И мы рыскали под титанической кровлей, под рукотворной небесной твердью чужого мира, когда вдруг Марлин хрипло прокричал что-то мне в

ухо и указал вперед. И там, впереди, из огромного скопления цилиндров, ожидающих своей очереди возле Врат, которые мы так давно искали, цилиндр за цилиндром разворачивались и мчались нам наперерез! Сзади и спереди, снизу и сверху, цилиндры стаями атаковали нас. Но свобода была так близка.

— Люк открыт, но нам не прорваться! — простонал я обреченно.

Титанический люк и вправду открылся, были видны прозрачные стены поста управления, за которыми копошились дискоиды-операторы. Мы надеялись улететь тайком, полагаясь на то, что внешний вид похищенного цилиндра не вызовет подозрения у операторов врат.

Однако эта надежда рухнула. Нас преследовал целый флот цилиндров и наивным было бы полагать, что нас выпустят отсюда живыми. Искать другие выходы было поздно, нам просто не дали бы уйти далеко, гнев всей нептунианской расы был готов обрушиться на нас. В любой момент их лучи могли положить конец нашей попытке к бегству! Я слышал, как Марлин рядом со мной обреченно простонал, когда цилиндры преследователей бросились на нас в тот краткий миг, когда наш корабль неподвижно завис под открывшимся люком. Марлин кинулся к пульту, лихорадочно нажимая на кнопки и щелкая переключателями, но было уже очевидно, что мы проиграли.

— Конец, Хант! Они накрыли нас... и люк закрывается! — простонал он.

— Конец может быть — но не таким образом! Держи штаны, Марлин, — я попробую пробить чертову крышку! — яростно прокричал я, направляя нос цилиндра к закрывающемуся отверстию.

Цилиндр мчался вверх! Под нами цилиндры преследователей гибли, запутавшись в паутине собственных лучей. Нептуниане за прозрачной стеной поста управления в ужасе кинулись врассыпную при виде нашего корабля, который мчался на них, словно выпущенный из пушки снаряд! Мы инстинктивно съежились в наших креслах, последовал чудовищный удар, словно вся Вселенная взорвалась и разлетелась на куски. Ужасная сила толчка выбросила нас из

кресел. Но, придя в себя, мы обнаружили металлическую оболочку Тритона под собой — мы вырвались, пробив искусственную твердь!

Цилиндр помяло и искорежило, но в тот момент казалось чудом, что мы пережили это страшное столкновение. Наша ужасная скорость спасла нас, позволив пробить закрытый люк, подобно тому как хрупкая веточка, несомая смерчем, пробивает стекло навывлет, словно пуля. Но, взглянув вниз, мы увидели, что деформированные створки люка под нами вновь открылись, выпуская рой цилиндров, стаю преследователей, не желающих упускать добычу! Их было не меньше сотни, и они мчались за нами на полной скорости!

Из-за рева воздуха я не слышал Марлина, хотя видел, что он что-то кричит. Я смотрел вперед, уводя наш цилиндр за пределы атмосферы Тритона. Гигантский Нептун призрачной зеленой сферой висел перед нами, в стороне сверкала ослепительно яркая искра Солнца. Я обернулся, чтобы бросить взгляд на наших преследователей. И только в этот момент я понял, о чем кричал Марлин. Гул генераторов стал тише! Удар вывел их из строя! Мы летели по инерции, не способные ускориться толком, наоборот, мы теряли скорость из-за трения о воздух! И позади десятки стремительных цилиндров были ближе, ближе! Уже снова к нам от них потянулись смертоносные бледные лучи. Их губительная паутина все теснее и теснее оплетала нас. И шторм лучей, наконец, обрушился на наш корабль. Огненный меч начисто срезал верхушку цилиндра! Мгновенно поток ледяного воздуха обрушился на нас. Казалось, через миг мы превратимся в ледышки. Генераторы умерли окончательно, цилиндр, достигнув высшей точки подъема, начал беспомощное падение к поверхности Тритона, а десятки враждебных цилиндров закружились вокруг нас!

Ни я, ни Марлин не могли даже закричать. Мы пребывали в полном оцепенении. Все было кончено. Все было зря. Вся эпопея нашего дерзкого побега заново пронеслась перед моим внутренним взором. Корабли врага уже почти соприкасались с нами корпусами, и ничто не могло помочь нам. И в этот миг таинственная сила обрушилась на врагов сверху, загадочный удар разметал цилиндры нептуниан, точно за-

сохшие листья. Я видел, как десятки цилиндров, только что пытавшихся уничтожить нас, смяло, сплющило, раскидало! Я изумленно посмотрел вверх, и увидел...

— Наш космолет! — безумный крик Марлина наполнил разрушенный цилиндр. — Это наш корабль, это Уайтли и Рэндалл!

Наш космолет! Он сверкал в лучах Солнца, словно волшебный кристалл. Я заплакал от восторга и не замечал этого. Могучий силовой луч, извергаемый генераторами, мля и плющи цилиндры, сминая их в бесформенные комки металла, бессильно рушащиеся вниз! Затем, как только они сломали строй противника, Уайтли и Рэндалл подвели космолет сверху к нашему падающему цилиндру, развернув корабль так, чтобы входной люк шлюза оказался в пределах нашей досягаемости! В одно мгновение Марлин и я вскарабкались до кромки разрушенного цилиндра и перепрыгнули в открытый шлюз. Когда мы оказались внутри тесной шлюзовой камеры, выходной люк за нами герметично закрылся, за открывшимся внутренним люком нас ждал Уайтли... Уайтли!.. Он втянул нас внутрь!

— Уайтли... Рэндалл... — лепетал я в волнении. — Мы думали, вы мертвы. Мы видели обломки космолета и думали, он уничтожен!

— Не время для рассказов, Марлин и Хант, — сказал Уайтли торопливо. — Новые цилиндры летят к нам! Курс от Тритона, Рэндалл... полная скорость!

Пока он говорил, пальцы Рэндалла летали над кнопками переключателя пульта управления, словно пальцы виртуоза-музыканта над клавишами рояля, и когда мы с Марлином и Уайтли забрались в свои кресла, мы почувствовали, как свинцовая лапа перегрузки придавила нас. Мы покидали Тритон с колоссальной скоростью! Но в тот же момент цилиндры, которые опять сформировали строй, рванулись за нами. Вся эта масса кораблей вырвалась из атмосферы Тритона в межпланетное пространство вихрем смертоносных лучей и металла! Преследователи были близко, они стремились загнать нас в Великий Луч, чтобы его неодолимая сила швырнула нас в погребальный костер Солнца! Но мы проскочили мимо, и теперь перед нами росла в размерах,

накатывалась на нас из тьмы гигантская призрачно-зеленая сфера Нептуна!

Рэндалл вел корабль. Его руки по-прежнему порхали над пультом; Уайтли, Марлин и я напряженно вглядывались в показания приборов. Вокруг бушевала свистопляска лучей, но мы были уже далеко, за пределами прицельной стрельбы. В любой момент, однако, нас могло зацепить случайным лучом, и если и не уничтожить, то серьезно повредить наш хрупкий космолет. Я увидел, что колоссальная туманная сфера Нептуна лежит прямо перед нами, заполнив небеса. Так велика была наша скорость, что считанные минуты назад мы были возле Тритона, а теперь уже приближались к Нептуну, и было очевидно, что мы пройдем близко над его поверхностью. И тут меня осенило. Я закричал Рэндаллу, стремясь перекрыть ревущие генераторы.

— Нептун! Есть шанс уничтожить эти чертовы цилиндры!

— Но как? — спросил он, крича мне в ухо. Я объяснил и увидел его глаза и глаза Марлина и Уайтли, которые расширились, когда они услышали мой план, и затем Рэндалл кивнул мне мрачно, ожесточенно щелкая переключателями на пульте.

Наш корабль с адским ревом ворвался в атмосферу Нептуна. Преследователи висели у нас на хвосте, сверкание смертоносных лучей озаряло клубящиеся массы облаков. Через облачный хаос Нептуна мы неслись неуклонно вперед, над темной поверхностью металлической оболочки гигантского мира, ясно различимой под нами. Цилиндры нептунинан догоняли нас, но они находились немного ниже. И вот тогда Рэндалл неожиданно отключил основной двигатель и врубил на полную мощность тормозной! Нам пришлось не сладко, но цель была достигнута — цилиндры, не успев затормозить, промчались вперед. И тогда Рэндалл обрушил прямо на них могучий силовой луч!

В следующее мгновение мы увидели, как грозные корабли нептунинан под действием силы луча превращаются в комки искореженного металла и рушатся на металлическую твердь! Наш луч смял их, разрушил и сокрушил, никто из дискоидов, попавших под этот удар, не имел ни малейшего шанса выжить

в этой мясорубке! Половина, по крайней мере, от сил преследователей была сокрушена первым ударом. Пока уцелевшие не успели прийти в себя, Рэндалл вновь обрушил луч на цилиндры. В конце концов от могучей флотилии дискоидов осталось не больше шести кораблей, и эти корабли удирали к Тритону!

Марлин, Уайтли, Рэндалл и я убедились в том, что нептуниане удирают, а затем Марлин и я повернулись в сторону наших друзей.

— Уайтли... Рэндалл!.. Как вы смогли уйти от тех нептуниан, которые впервые обнаружили нас, тогда? Мы видели кучу обломков, которые предъявили преследователи. Мы с Хантом даже не мечтали, что сможем увидеть вас живыми!

Марлин тоже был взволнован и потрясен.

— Мы придумали один трюк, который позволил нам бежать, — начал Уайтли. — Когда дискоиды обнаружили нас там, под крышей Нептуна, мы скрылись в облаках. И тут я понял... Они нас все равно найдут. Тогда, пока Рэндалл накручивал виражи в этом чертовом тумане, я взял кувалду, сплющил несколько баллонов, исковеркал пару запасных листов обшивки. Затем, когда враги подошли поближе к нам, обшаривая облака своими лучами, я сбросил этот хлам, и когда они увидели, как этот мусор падает, у них не было сомнений, что их лучи зацепили нас где-то в облаке и уничтожили. Мы болтались в тумане до тех пор, пока не увидели их возвращения к поверхности Нептуна. Тогда мы поняли, что вы захвачены, и проследили, как вас увозят на Тритон. Потом мы долго мотались вокруг Тритона и думали, как вас оттуда вытащить. Тут смотрим, вы сами летите, а у вас на хвосте — куча цилиндров. Ну, а дальше вы все сами знаете... Но вы, Марлин и Хант, узнали, как и почему эти твари раскручивают Солнце? Мы видели два луча, идущие к Солнцу и от Солнца. Зачем эти лучи, и что с ними сделать, чтобы их не было?

Марлин торжественно покачал головой.

— Никаких шансов Уайтли, для нас нет. Возможно, никаких шансов даже для всех сил Земли!.. — мрачно заметил он.

Уайтли и Рэндалл с восторгом слушали о том, как мы были в плену в странном и страшном мире-муравейнике Тритона. Марлин вкратце рассказал величественную историю наших

врагов, которую поведал нам шар в Зале Совета. Рассказал о нашем безумном побеге, о безнадежной погоне, о моем отчаянном таране.

— ...Только мы не сможем никогда остановить эти лучи! Куча вооруженных кораблей-цилиндров охраняет излучатели. Каждым управляют с двадцати укрепленных постов, хотя для управления достаточно одного. Наш единственный шанс в том, чтобы вернуться на Землю, собрать там большой космический флот, который Президент и Всемирное Правительство планировали построить в наше отсутствие, и вернуться сюда со всей мощью этого флота, с самым мощным и совершенным оружием, чтобы в клочья разнести проклятые излучатели! Если мы не сможем этого сделать, то через каких-то шестьдесят дней чертов луч сделает свое дело, Солнце разорвется на две части, катаклизм уничтожит все планеты, за исключением Нептуна! Так что летим на Землю, на нашей максимальной скорости! — закончил Марлин.

На борту воцарилась тишина. Мы молча переглянулись, слова были не нужны. К тому времени наш космолет с огромной скоростью давно уже вырвался из атмосферы Нептуна и мчался в пустоте. Рэндалл развернул его кормой к диску Нептуна, и могучий луч понес нас прочь от враждебного мира. Ускорение вновь впечатало нас в кресла свинцовой лапой перегрузок. Нептун стремительно уменьшался, мы мчались, наращивая скорость, навстречу Солнцу, сквозь немыслимую ледяную бездну. С Нептуна, с самого края Солнечной системы, мы мчались к Земле, чтобы предупредить ее об опасности, чтобы поднять человечество на битву, каких еще не знала история!

ГЛАВА XIII. Земля собирает силы

Глядя вперед, в космос, сидя в пилотском кресле за пультом, я услышал голос Уайтли.

— Семнадцать дней. Через два дня мы должны достигнуть Земли.

Я кивнул, рассеянно глядя вперед.

— Два дня. Теперь мы внутри орбиты Юпитера, осталось проскочить астероиды.

Уайтли и я посменно несли вахту, Марлин и Рэндалл отдыхали, а наш космолет входил в самую опасную зону Солнечной системы — пояс астероидов, эти смертоносные рифы космоса, вихрь каменных и металлических глыб, расположенный между орбитами Юпитера и Марса. Слева, позади нас блестела гигантская, опоясанная облаками, сфера Юпитера в сопровождении свиты лун. Мерно гудели генераторы, наши двигатели и чудовищная скорость сделали нас неуязвимыми для тяготения планеты-гиганта. Впереди и справа сиял малиновый Марс. Тем не менее не эти загадочные планеты, которые сверкали перед нашим взором, не пылающее Солнце, лохматящееся протуберанцами, занимали наши мысли. Нас влек к себе крошечный голубовато-белый светлячок, который медленно увеличивался в размерах и блеске, голубая искорка, которая была нашей планетой по имени Земля.

Долгие дни мы мчались сквозь пустоту, не смыкая глаз. Миллиарды миль остались за кормой — почти вся Солнечная система. Уже семнадцать дней, как сказал Уайтли, мы неслись в глубь системы от Нептуна на максимальной скорости в нашей отчаянной гонке с Судьбой. От Нептуна мы ушли на ускорении столь чудовищном, что перегрузка едва не убила нас. Амортизаторы наших кресел сохранили нам жизнь, но не смогли спасти от потери сознания, тошноты и головной боли. Дело дошло до того, что однажды в районе Сатурна я как -то раз пришел в себя и обнаружил, что Уайтли и Рэндалл валяются без сознания в своих креслах, а космолет продолжает набирать скорость, не управляемый никем, к счастью, уже проскочив район смертоносных астероидов.

Тем не менее все эти дни мы продолжали наращивать скорость, от самого Нептуна и до сей поры. Нептун, неуклонно уменьшавшийся за кормой, стал для нас знамением гибели, мрачным символом смерти. Чудовищный Великий Луч, направленный с Тритона, продолжал делать свое черное дело, убивая Солнце. Марлин, используя свои приборы, провел нужные измерения. Результаты удручали: давление луча не ослабевало, Солнце продолжало набирать обороты. Оно

делало один оборот вокруг оси уже всего за восемь дней, и каждые сутки период его обращения становился на четыре часа короче. И не более пятидесяти дней осталось до того момента, когда неумолимая центробежная сила превратит Солнце в двойную звезду, до гибели всех планет, за исключением Нептуна!

Поэтому мы не щадили себя и всю дорогу до дома шли с перегрузкой, пусть это и угрожало нашему здоровью и самой жизни. Ведь единственной надеждой для человечества было, не теряя ни минуты, как можно быстрее вернуться к Нептуну с боевым флотом, при условии, что флот был построен и вооружен, а экипажи обучены. Президент и Всемирное Правительство обещали нам это, когда мы улетали, но с тех пор прошло уже немало времени, и мы не знали, как обстоят дела на самом деле. Объединившись с земным флотом, мы должны были вступить в бой с могущественной цивилизацией, с расой, освоившей космические полеты раньше, чем наши предки научились изготавливать каменные топоры. И мы должны были победить в этой схватке и разрушить излучатель Великого Луча. Только так можно было предотвратить преобразование Солнца в двойную звезду. Но если мы даже проиграем, то лучше было все же умереть в бою, чем безропотно ожидать гибели в пламени космического катаклизма по милости этих ходячих дисков с фасетчатыми глазами!

Глядя в иллюминаторы космолета, мы прекрасно понимали, как мало у нас осталось времени. Если мы благополучно доберемся до Земли, если флот готов к бою, если мы удачно стартуем — все равно, два десятка дней из четырех оставшихся уйдет только на то, чтобы добраться до Нептуна. Так что, когда мои глаза искали во тьме космоса Землю, разум мой был омрачен тенью нависшей над нами угрозы, и мысли мои были далеки от радостных. Слева Юпитер заметно уменьшился, оставшись далеко за кормой, так что я отключил дополнительный луч и повернулся к Уайтли.

— Мы на краю астероидного пояса, но я не собираюсь замедлять нашу скорость. Попробуем прорваться.

Он кивнул серьезно.

— Я разбуджу Марлина и Рэндалла, сейчас две пары глаз и рук не лишние! — сказал он.

Мгновение спустя Марлин и Рэндалл, отстегнувшись от коек, заняли свои места. И все те часы, что ушли у нас на пересечение пояса, мы все несли вахту, не смыкая глаз. Хотя, при нашей скорости восемь миллионов миль в час, мы все равно не смогли бы уклониться от встречного астероида. Мы почти полностью положились на слепую удачу. Наш космолет мчался на полной скорости сквозь смертоносный, грозный пояс, потому что мы сочли такой риск более предпочтительным, чем любое промедление. И удача сопутствовала нам — за эти несколько часов лишь несколько астероидов мелькнуло вдали. И затем мы пересекли орбиту Марса, оставив его тусклый багряный диск справа по борту. Я начал медленно гасить нашу огромную скорость, Земля быстро росла перед нами.

Солнце яростно блистало, оцетинившись протуберанцами, укутанное в перламутровый блеск короны. После тусклого полумрака Нептуна это было необычное и странное зрелище. Но даже при этом блеске, ослепляющем нас, мы могли видеть все яснее и яснее океаны и континенты Земли, которая сейчас казалась нам голубым полумесяцем в сопровождении крошечной серебристой искры — Луны. Марлин и Уайтли, и Рэндалл наблюдали, как я отключаю разгонявший нас кормовой луч, который не только придавал нам все возрастающую, бешеную скорость, но и предохранял наш курс от гравитационных возмущений, вносимых планетами, мимо которых был проложен наш путь. Затем я включил носовой луч, гася скорость корабля.

Опять на нас обрушилась чудовищная перегрузка, скорость постоянно уменьшалась, упав быстро с восьми миллионов миль в час до шести, затем до пяти и затем до трех. И пока мы гасили скорость, одна и та же мысль терзала каждого из нас. Она читалась в напряженном и тревожном взгляде Марлина, в показной невозмутимости Уайтли, в напускной бодрости Рэндалла. Построен ли, готов ли к битве флот Земли? Если нет, то ничто уже не сможет удержать нептункиан от разрушения Солнечной системы, ничто не сможет спасти Землю от гибели. Земля безмятежно сияла перед нами, но наше настроение было далеко от безмятежности! Когда наша скорость упала до нескольких сотен тысяч миль

в час, мы пронеслись мимо Луны, и первыми из землян увидели ее обратную сторону. Но мы не обратили никакого внимания на ее загадочные кратеры и «моря» — нам было не до того. Все наше внимание сосредоточилось на Земле. Европа и Африка были залиты светом дня, в Америке же царила ночь. Наша скорость снизилась до жалкой тысячи миль в час, но все равно мы мчались в ночном небе с адским ревом, раздирая воздух обтекаемым корпусом корабля.

— Прямо в Нью-Йорк — в Дом Всемирного Правительства. Мы не имеем права терять ни минуты, — объявил Марлин.

Я кивнул молча, щелкая переключателями. Скорость была погашена, гравитация родной планеты захватила наш космолет, и теперь мы падали на Северо-Американский континент, чьи очертания разворачивались под нами, видимые сквозь легкую дымку облаков. Я чувствовал, что мое сердце сжимается и колотится, когда мы падали вниз, я почти забыл о цели нашей миссии, осознав, что мы сделали, в более общем смысле. Мы были первыми из людей, совершившими полет в космос и возвращавшимися на Землю! И заходя на посадку, я увидел отражение той же мысли в глазах своих товарищей.

Вниз, вниз! Манипулируя лучами, я превратил падение в плавный спуск. Ревел воздух, гудели генераторы, тьма земной ночи обступала нас. Полушарие под нами превратилось в плоскую поверхность. Марлин радостно закричал, увидев вдали огни трансатлантического авиалайнера, заходящего на посадку в Нью-Йорке. Медленнее... Медленнее... И вот уже под нами, сверкая электрическими огнями, возвышаются цилиндрические небоскребы мировой столицы, и среди них — гигантское здание Всемирного Правительства.

Когда наш космолет опускался на крышу здания, сквозь сутолоку самолетов и вертолетов, сквозь привычную воздушную толчею, всем нам показалось, что наш безумный рейс и наши кошмарные приключения на Нептуне и Тритоне были не более чем причудливым и жутким сном. Но когда мы опустились ниже, и один из самолетов, сверкая своими синими и красными огнями, начал сопровождать нас, мы вышли из этого странного состояния. Мы увидели трех пилотов в кабине самолета, которые изумленно разглядывали

нас и наш многогранный аппарат, не похожий ни на один из типов воздушных кораблей, а затем самолет устроил нам иллюминацию, засверкав мигающими огнями разных цветов. Тут же другие самолеты и вертолеты присоединились к празднику света и, сверкая цветными вспышками, ринулись нам навстречу!

Мы шли на посадку, а бесчисленные самолеты крутились вокруг. Наверное, в истории воздушного движения еще ни одно воздушное судно не сопровождал такой громадный эскорт. Город под нами тоже взорвался мириадами огней. Весть о нашем возвращении разбудила столицу! Под нами на улицы высыпала громадная толпа, ее крики и аплодисменты заглушали гул генераторов. Управляя космолетом, я видел, как Марлин, Уайтли и Рэндалл смотрят на суматоху в воздухе и толпу на земле, но лица моих товарищей были напряженными, мрачно-сосредоточенными.

Теперь мы зависли на высоте несколько сотен футов над крышей здания Всемирного Правительства, на котором небольшая группа людей уже ожидала нас. Но мое внимание привлекли крыши других зданий, а точнее, то, что я увидел на них!

— На крышах... Вы видите? Это флот! Это космолеты! — с радостным изумлением воскликнул я.

Но мои товарищи уже и сами, глядя на крыши, увидели бесчисленные металлические аппараты, которые мы не смогли разглядеть сразу. Но разглядывать было некогда — мы завершали посадку. Марлин взглянул в иллюминатор, на группу встречающих.

— Президент ждет. Пойдемте.

Крыши столицы были заняты кораблями флота, но там, где стоял наш космолет, окруженный направляющими фермами, теперь было свободное место. Фермы давно убрали, и я опустил корабль на то самое место, откуда он начал свой рейс. Затем я отключил генераторы, и повисла тишина. Без гула генераторов, мне на пару мгновений показалось, что я оглох. Затем Марлин открыл шлюз, оба люка сразу, и в космолет ворвался ветер Земли. Во главе с Марлином мы, пошатываясь, вылезли на крышу здания Всемирного Правительства и замерли в свете озаривших нас прожекторов.

На улицах ликовала толпа. Сотни самолетов нарежали круги в воздухе, а навстречу нам шло руководство планеты, во главе с Президентом, который вышел вперед, раскинув руки, а затем он заключил нас в объятия, и на мгновение все смолкло. Все было каким-то нереальным в тот миг — люди, здания, звезды... Мы стояли, опьяневшие от безмолвной радости, наполнявшей наши сердца. Молчание прервал Президент:

— Марлин... Рэндалл... Уайтли... Хант... Вы выполнили вашу миссию?

— Мы вернулись... с Нептуна, — ответил Марлин.

— Всемирный конгресс уже собрался, ждут вас, — сказал один из встречающих, и мы направились к лестнице, ведущей в Зал заседаний Конгресса, и шли мы между рядами сияющих копий нашего потрепанного космолета, боевых кораблей флота Земли!

Лестница за лестницей мы спускались вниз, мы шли через ярко освещенные коридоры и галереи, пока не достигли Зала заседаний Всемирного Правительства. Блестящий белый свет наполнял зал, озаряя безмолвно сидящих конгрессменов. Как только мы вошли, с Президентом и его секретарями, все взоры устремились к нам, а напряженное ожидание в зале стало буквально осязаемым. Здесь никто не кричал, никто не аплодировал, никто не выражал восхищения. Каждый с напряжением и трепетом ожидал нашего доклада, ожидал наших слов, которые могли решить судьбу Земли. И когда я смотрел на Конгресс, торжественно молчаливый и готовый внимать нам, как единое существо, в моем разуме неожиданно всплыл образ нептунианского Совета Тридцати и сияющего металлического шара, перед которым недавно стояли Марлин и я. Затем Президент обратился к Конгрессу со вступительным словом.

— Нет необходимости для меня говорить вам, кем являются четверо, стоящие здесь перед вами. Марлин... Уайтли... Рэндалл... Хант... четверо героев, отправившихся к Нептуну, те, кого мы ждали последние несколько недель. Я знаю не больше, чем вы, что они нашли, какую весть принесли нашему миру. Давайте предоставим слово доктору Марлину, начальнику экспедиции.

Вопросов или возражений не последовало.

И, как только Президент Всемирного Правительства закончил свое вступительное слово, Марлин, пошатываясь от непривычной земной гравитации, со смертельно усталым лицом, но с ясным и твердым взглядом, шагнул вперед. Он стоял перед избранниками народов Земли, в то время как мы застыли у него за спиной. В зале я увидел множество знакомых лиц, в том числе Маркхэма, шефа моего бюро Службы Новостей, известных политиков и общественных деятелей. Немало было и тех, кого я видел в первый раз. И все они были спокойны и сосредоточены — это был подлинный коллективный разум Земли, не нуждавшийся в металлических шарах для своего существования. Марлин начал доклад. И его тихий низкий голос в тишине зала звучал набатом.

Он начал с рассказа о колоссальной опасности, которая угрожала и угрожает нам. Затем, со ссылкой на предыдущее заседание Всемирного Правительства, на котором было принято решение о нашей экспедиции к Нептуну, он рассказал о нашем старте. Крайне сжато и лаконично, он рассказал о Марсе и его цивилизации, о смертельных угрозах пояса астероидов, о гиганте Юпитере и о наших злоключениях возле колец Сатурна. Он честно признал, что возле Сатурна наша экспедиция побывала на волосок от гибели и спаслась лишь чудом. В зале стояла тишина, казалось, его слушают не дыша.

Затем, после небольшой паузы, он, в нескольких словах описал, как мы добрались до Нептуна. Изумленно слушали конгрессмены рассказ о металлической оболочке Нептуна и о запустении, царящем под ней. Возгласы удивления, невольно сорвались с их уст, когда они услышали историю первого контакта с нептунианами, воздушного боя космолета с их цилиндрами, нашего захвата и плена, нашего полета, в качестве пленников, на Тритон. Изумление волной прокатилось по залу, узнавшему о многомиллионных толпах дискоидов, кишящих на Тритоне, о гигантском излучателе, убивающем Солнце, о странных обычаях нептуниан, спящих в одном полушарии своего мира и бодрствующих в другом!

Он описывал историю нашего плена и обучения языку, описывал Совет Тридцати и шарообразную машину коллективного

разума. Рассказал он и про второй луч, направленный к созвездию Стрельца. Марлин рассказал о величественной эпопее — о борьбе нептуниан с холодом, продолжавшейся миллионы лет, о причинах, заставивших их сперва окружить свои миры оболочками, потом скучиться на Тритоне и, наконец, попытаться превратить наше Солнце в двойную звезду. Он рассказал о постройке излучателей и о том, как к Стрельцу был направлен опорный луч, о том, как они начали раскручивать Солнце, о том, как они планируют уничтожение Солнечной системы, чтобы сохранить свою расу. Аудитория то молчала в изумлении, то начинала шуметь, переспрашивая и шепчась друг с другом.

Но волнение вновь заставило всех умолкнуть, когда он рассказывал о нашем черном отчаянии и о нашем отчаянном побеге, об угоне цилиндра и сражении в небесах Тритона. О том, как мы пробили металлическую оболочку нептунианской луны и чуть не погибли, о нашей встрече с Уайтли и Рэндаллом, которых мы считали погибшими, об их скитаниях в облаках Нептуна, о том, как они искали нас и нашли. И затем, немного покачиваясь от безмерной усталости тела и духа, Марлин рассказал как мы, зная, что не сможем решить проблему сами, мчались сквозь бездны космоса к Земле. О том, что единственный шанс человечества спастись — немедленно послать к Тритону боевой флот, разбить мародеров Вселенной в их собственном логове, уничтожить дьявольский излучатель!

Когда Марлин закончил свое выступление, тишина опять повисла в зале, все были слишком ошеломлены тем, что услышали. Затем к членам Правительства вновь обратился Президент.

— Вы слышали доклад доктора Марлина и его трех товарищей, — сказал он спокойно. — Вы, я и народ Земли теперь знаем, с какой угрозой нам предстоит столкнуться. Это гигантский силовой луч, порождение могущественной науки древней и безжалостной цивилизации нептуниан — нож, который они вонзили в Солнце, чтобы отрезать лопать для себя, не считаясь с другими. Примерно четыре десятка дней отделяют нас от момента осуществления их планов, от рокового часа, когда Солнце разделится на две звезды, когда наша планета и большая часть Солнечной системы погибнут. Это известно вам, и

вы знаете, что, только остановив излучатель на Тритоне, мы можем сохранить наше Солнце, уберечь наш мир от этого гибельного катаклизма. И знаем мы об этом благодаря мужеству четверых ученых, отправившихся в беспрецедентный рейс на край Солнечной системы и вернувшихся оттуда, чтобы дать нам всем шанс. Мы действительно построили за время отсутствия Марлина и троих его друзей большой флот боевых космических кораблей. Сейчас у нас есть не менее пяти тысяч космолетов, построенных по образцу космолета Марлина и Уайтли. Вы видели их на крыше нашего здания, на крышах других зданий Нью-Йорка. Их экипажи полностью укомплектованы и подготовлены! Таким образом, сбор сил Земли уже начал! И на этот великий космический флот ляжет теперь задача решить судьбу Солнечной системы! Этот флот отправится к Тритону, чтобы уничтожить нептунианский излучатель, чтобы положить конец разрушению Солнца. Господин Марлин ясно охарактеризовал природу силы, противостоящей нам. Эти нептуниане, самый древний и могучий из народов Солнечной системы, цивилизация, способная создавать двойные звезды! Они имеют тысячи цилиндрических кораблей, не уступающих нашим космолетам ни скоростью, ни маневренностью. У них есть оружие — боевые излучатели концентрированных лучей Уайтли, и таким оружием мы также должны без промедления оснастить наш флот. Они имеют древнюю науку и мощь, масштабы которой нам не известны, и они знают, что наши четыре астронавта бежали обратно на Землю и, несомненно, ожидают нашей атаки, готовятся к битве за жизнь своей расы, так же как мы готовимся к битве за жизнь нашей! Неизбежна великая космическая война, битва, исход которой решит судьбу Солнечной системы, и эта битва предстоит нашему флоту из пяти тысяч кораблей, могучему, но с неопытными экипажами, ни разу не бывавшими в космосе. Я считаю, что есть только один человек, которому мы можем поручить командование этим флотом. Это Марлин — тот, кто знает космос, тот, кто знает врага и его планы лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому я предлагаю утвердить доктора Герберта Марлина в должности главнокомандующего военно-космическим флотом Земли, а его товарищей по космической

разведке, Уайтли, Рэндалла и Ханта — назначить его лейтенантами! Ибо только под их командованием наш флот имеет шанс предотвратить нашу общую гибель! Или наш флот, добравшись до Нептуна, сумеет уничтожить излучатель на Тритоне, или луч с Тритона раскрутит Солнце за четыре десятка дней до критической скорости, и мы все погибнем, не только земляне, но и другие расы Солнечной системы, за исключением нептуниан! Поэтому мы отправляем наш флот на величайшую битву, исход которой решит — быть или не быть Солнечной системе и всем нам!

ГЛАВА XIV. Засада в космосе

— Марс впереди и слева!

Когда я произнес эти слова, Марлин, Рэндалл и Уайтли, сидевшие рядом со мной, синхронно обратили свои взоры налево.

— Все точно так же, как тогда, когда мы первый раз пролетали мимо Марса, — отметил Рэндалл.

И действительно, панорама космоса в иллюминаторе перед нами была точно такой же, как в прошлый раз. Впереди и далеко слева тускло блеснул красный диск Марса, немного дальше, чем в прошлый раз, но разница была не особо заметна. Впереди и справа блистал могучий Юпитер, а дальше блеснуло желтое пятнышко Сатурна. Еще дальше, из немыслимой глубины пространства, на нас холодно смотрел зеленый глаз Нептуна. Позади Земля превратилась в голубую звездочку, диск Солнца был ослепителен, но заметно уменьшился в размерах. Вокруг нашего светила холодно и ослепительно сверкали бесчисленные звезды, усеивающие весь бархатно-черный небосвод, окруживший нас со всех сторон. Но теперь за нами мчался рой рукотворных звездочек, могучий космический флот человечества, пять тысяч грозных боевых кораблей, идущих с одинаковой скоростью, вооруженных по последнему слову техники и готовых к битве. Мы были флагманом этой Великой Армады, вели за собой этот флот, чтобы атаковать Нептун!

Уже два дня наш флот мчался сквозь бездну пространства, и целых пять дней прошло с момента судьбоносного доклада Марлина Конгрессу. Три дня, проведенные нами на Земле, запомнились мне как безумный вихрь суеты, как бесконечный водоворот безотлагательных дел, как самые напряженные три дня из всех, что я провел на родной планете за всю свою жизнь. Марлин и мы, как его лейтенанты, погрузились в море переговоров и согласований, встреч и решений, докладов и отчетов, приказов и распоряжений, готовя флот к старту.

Важнее всего было оснастить каждый корабль лучеметами нептуннианского типа. К счастью, достаточно было слегка модифицировать двигатели, снабдив их дополнительными излучателями. К несчастью, надо было успеть сделать это на пяти тысячах космолетов за три дня, что было адской работой.

Каждый из пяти тысяч космолетов нес экипаж из восьми человек, наскоро обученных за время нашего отсутствия. Экипаж нашего корабля тоже пополнили четыре техника. Они взяли на себя управление генераторами, двигателями и приборами, всю рутину космического полета, чтобы освободить нас для функций командования. Впрочем, у нас оставались наши пульта, так что в любой момент мы могли взять управление на себя. Другим важным нововведением за время нашего отсутствия стало оборудование кораблей и даже капсул «космоходов» радиосвязью. Слой Хевисайда отрезал нас от Земли, но не друг от друга, и теперь мы могли эффективно командовать флотом по радио...

Через три дня после нашего прибытия Великий флот стартовал, пять тысяч сверкающих многогранников взмыли в небо с плоских крыш бесчисленных гигантских зданий Нью-Йорка. Мы опять стартовали ночью, и казалось, что все люди Земли собрались в Нью-Йорке и предместьях в ту ночь проводить нас. Огромные толпы, провожавшие нас в первый раз, казались жалкой лужицей в сравнении с этим людским потоком, наполнившим улицы столицы. Но все вели себя сдержанно, каждый знал и понимал, что поставлено на карту. Наш флот улетал не на прогулку; если мы не справимся с поставленной задачей, человечество ожидает гибель. История не знала, наверное, момента более напряженного, чем тот, когда

мы, в сопровождении Президента и других государственных деятелей, вышли на крышу здания Всемирного Правительства. Мы вошли в корабль, задраили люки и стартовали в направлении созвездия Стрельца, к зловещей зеленой искре Нептуна, которую с Земли можно разглядеть только в хороший телескоп. Следом за нами взмыли остальные космолеты. Флот выстроился клином, чтобы лучи двигателей флота, толкавшие корабли, не ударили по самим же кораблям. И уже сорок восемь часов мы шли, не меняя строя.

И теперь мы, четверо, сидели за пультами, отправив механиков отдыхать, и вглядывались в бездну перед собой. Передо мной был знакомый пульт с шестью переключателями. Марлин сидел справа. К его астрономическим инструментам добавилась аппаратура связи для командования флотом. Для удобства флот поделили на пятьдесят эскадрилий, по сто кораблей в каждой. Марлин отдавал приказы командам эскадрилий, а те непосредственно командовали кораблями своих подразделений.

Рэндалл получил в нагрузку лучеметы. Перед ним, слева от меня, располагался еще один пульт — для управления этим грозным оружием, которое мы заимствовали у наших врагов. Главными деталями этого пульта были два массивных металлических рычага. Нажатие на один из них включало боевой луч, поворотом другого луч наводился на цель. Уайтли, как и прежде, контролировал генераторы, систему жизнеобеспечения и прочую машинерию космолета. Сейчас мы должны были пройти мимо Марса, и было жизненно важно сохранить расчетный курс.

Глядя на красный диск Марса, Марлин первым нарушил молчание:

— Нет нужды включать корректирующие лучи, погрешность курса в пределах нормы.

Я кивнул, соглашаясь.

— Марс нас не отклонит, при такой-то скорости. Но впереди пояс астероидов.

Марлин мрачно покачал головой.

— Тут ничего не поделаешь, Хант. Пойдем напрямую, на удачу, и будем молиться, чтоб как можно меньше кораблей побили эти каменюки!

Следующие часы, были, вероятно, наиболее напряженными и страшными. Мы на полной скорости ворвались в смертоносный хаос пояса астероидов, и у нашего флота почти не было шансов пройти без потерь. Мы должны были держать строй, что тоже не способствовало маневренности. И едва мы вошли в пояс, как что-то мелькнуло возле нашего корабля, а сзади пространство озарила ослепительная вспышка — это погиб при столкновении с космической глыбой один из наших кораблей! Похоже, что мы попали в рой, вспышки следовали одна за другой, и каждая означала смерть восьми человек! Но никто не роптал, флот, сохраняя построение, неуклонно мчался вперед, сквозь смертоносную каменную вьюгу. И хотя через несколько часов, когда мы вышли из пояса астероидов, мы недосчитались более чем десятка кораблей, можно сказать, что мы отделались легко. Марлин высоко оценил мужество, дисциплину и выучку экипажей.

Снова Юпитер маячил впереди, хотя теперь он был ближе, чем в прошлый раз, и снова мы смотрели на это сияющее чудо Солнечной системы, на его могучие облака, на блистающий хоровод его лун. К этому времени Марлин передал всем позади нас краткий приказ. От каждого из наших кораблей к гигантской планете потянулись отталкивающие лучи, чтобы не дать тяготению гиганта отклонить наш клин от намеченного курса. Маневр удался, мы проскочили король планет, не сломав строя, сохранив курс и скорость.

Вперед и вперед, сквозь вакуум, мы мчались к зловещему зеленому пламени Нептуна. Его далекое сияние впереди вытеснило из наших умов даже великолепный Сатурн, мимо которого лежал наш путь. Хотя диск Сатурна вырос перед нами почти до размера полной Луны, окруженный сверкающим великолепием колец и свитой лун, мы не уделили ему никакого внимания. К этому времени уже более чем семь дней наш огромный флот ускорялся, несясь с безумной скоростью через безграничную пустоту, мчался к внешним пределам Солнечной системы, и Сатурн был интересен нам лишь как последняя зримая веха на нашем пути к Нептуну, дальше была только пустота. С нашим флотом, идущим следом за нами, мы миновали Сатурн. Тогда мы вчетвером решили все же попрощаться с Сатурном, когда он проносился мимо нас.

— Наиболее опасная планета в Солнечной системе — Сатурн, — протянул Марлин, когда мы смотрели на огромный мир, проплывавший мимо.

— Этот мир в прошлый раз едва не убил нас, — добавил он задумчиво.

— Ну, мы сейчас достаточно далеко. Нет никакой угрозы, попасть под метеорный обстрел его колец, — прокомментировал Уайтли.

— Да, мы в достаточной безопасности... — начал было Марлин.

Но прежде чем он успел закончить фразу, случилось то, от чего при воспоминании кровь стынет в моих жилах даже сейчас. Только что наш флот, сохраняя идеальный строй, мчался вперед во главе с нашим космолетом, оставляя Сатурн по левому борту. В следующий момент неведомая сила подхватила нас, обрушившись неожиданной перегрузкой, закружила наши корабли, точно засохшие листья, и швырнула к Сатурну, к его хороводу лун и смертоносному великолепию колец! В тот ужасный момент я как раз успел увидеть в иллюминатор, как разрушился стройный клин нашего флота, как наши корабли беспомощно кувыркаются в пустоте, устремляясь к гибели!

— Сатурн! — хрипло воскликнул Рэндалл. — Управление, Хант! — мы падаем на него!

— Элементы управления не отвечают! — закричал я. Мои руки судорожно метались по переключателям.

— Что-то тащит нас на Сатурн. Наши лучи не справляются с этим давлением!

— Нептуниане! У нас за спиной большие цилиндры. Они гонят наш флот на Сатурн, к смерти!

При этом безумном крике Уайтли мы взглянули в задний иллюминатор и увидели, как наши космолеты, беспорядочно кувыркаясь падают на Сатурн, и мы увидели, что позади нашего флота зловеще зависла флотилия огромных нептунианских кораблей-цилиндров! Их было примерно в два раза меньше, чем наших кораблей, но среди них выделялись дредноуты громадного размера, сгруппированные в тесный рой. И этот рой генерировал колоссальный бледный луч — луч, который расшвырял наш флот и бросил его навстречу спутникам и кольцам Сатурна, на верную гибель!

Нептуниане хорошо понимали, что означает наш побег. Здесь, возле Сатурна, они устроили засаду и поджидали нас, понимая, что мы сделаем все, чтобы разрушить их планы! Они ждали нас там, и когда мы прошли между ними и Сатурном, не подозревая об их присутствии, они обрушили на нас этот чудовищный луч, который толкает нас к смерти!

— Засада! Засада в космосе... Они толкают нас на Сатурн. Наш флот там погибнет! — простонал я.

— Попробуй рывком выскочить из их луча, Хант! — прокричал Марлин.

Я судорожно защелкал переключателями, упирался толкающим лучом в Сатурн, но мощности наших генераторов не хватало! Ближе и ближе становились грозные кольца, и наш флот падал и падал навстречу гибели в метеорном вихре колец и лабиринте лун! Последняя надежда Земли погибала, нарвавшись на коварную засаду в глубинах космоса!

Внезапное вдохновение вдруг снизошло на меня. Вместо того чтобы сопротивляться неодолимой силе враждебного луча, я дал полный вперед и рванул к Сатурну! Мой луч ударил в рой нептунианских дредноутов, на миг разрушив их строй, сила давления луча ослабла, и я сумел, резко бросив наш космолет в сторону, вырваться из смертоносного луча! Между тем наш флот продолжал свое губительное падение, а мои товарищи, с побледневшими лицами, наблюдали за нашим разгромом, и даже не сразу поняли, что мне удалось освободиться от губительной враждебной силы. Как только я убедился, что мы вырвались, я ликующе закричал, а Марлин начал отдавать по радио отрывистые приказы, требуя от кораблей флота повторить мой маневр. Только те корабли, которые луч зацепил краем, могли надеяться повторить наш маневр. Их было не много, но через несколько минут из губительного луча вырвалось примерно пять сотен космолетов!

— В атаку! — прокричал Марлин в радиотелефон. — Если мы не сможем уничтожить большие цилиндры, остальные наши корабли погибнут!

И наш космолет с пятью сотнями других, которые вырвались, начал удаляться от Сатурна, в то время как остальные тысячи кораблей нашего флота, не в состоянии преодолеть давление луча, продолжали падение навстречу смерти! Мы

должны были уничтожить большие цилиндры, и поэтому наша флотилия в пятьсот единиц, с нашим флагманом во главе, бесстрашно бросилась в бой с двумя тысячами нептунианских кораблей! Мы решили зайти сверху, и пока нептуниане загоняли остатки нашего флота в кольца, мы, незаметно для них, поднялись над плоскостью эклиптики. или нырнули под неё. Нет ничего более относительного в космосе, чем понятия «верх» и «низ». Прежде чем кто-либо из нептуниан в цилиндрах смог заметить нас, мы уже зависли над скоплением кораблей врага, и затем Марлин отдал приказ в микрофон. Наши пять сотен металлических многогранников обрушились на нептунианские цилиндры!

Пятьсот молний, пятьсот карающих мечей, пятьсот смертоносных снарядов... Мы бросились на врага, точно космические ястребы, и сердца наши пели от яростного восторга. Бездонная тьма пустого пространства вокруг нас, далекий пылающий диск Солнца и яркие искры Юпитера и Нептуна, огромная сфера Сатурна с его сверкающими кольцами позади — они, казалось, медленно вращались вокруг нашего космолета, когда мы устремились на ничего не подозревающих врагов. Марлин схватился за края панели управления, крича в микрофон. Уайтли глядел только вперед, его спокойные, обычно, глаза пылали. Рэндалл, с каменным лицом, крепко сжал рычаги управления лучеметом. Я подал энергию на лучемет. Пятьсот кораблей Земли шли в бой! Затем, как только вражеские цилиндры замаячили поблизости, Рэндалл резко рванул рычаги, и пять сотен смертоносных, всеразрушающих лучей обрушились на цилиндры нептуниан, лучей, тонких как карандаш и пробивающих прочнейшие сплавы, словно бумагу!

Я увидел, как лучи пожали свою жатву, увидел, как примерно половина дьявольских цилиндров была разрушена, сокрушена, уничтожена! На мгновение разрушенные и невредимые цилиндры под нами смешались в диком хаосе, а мертвые тела дискоидов плавали среди обломков! Обрушив на врага шквал смертоносных лучей, мы вновь взмыли над скоплением цилиндров. Марлин выкрикнул новую серию коротких приказов, и мы пошли на второй заход. Необходимо было полностью уничтожить противника!

Но теперь нептуниане отошли от первоначального шока после нашего нападения, и, прежде чем мы начали снова пикировать на них, их уцелевшие корабли, вырвавшись из массы обломков, ринулись нам навстречу! В следующий миг их смертоносные лучи должны были навсегда вычеркнуть нас из списка живых, но прежде, чем они смогли приблизиться, Марлин отдал приказ, и мы вклинились между боевыми кораблями нептуниан и их неповоротливыми дредноутами, генерирующими сверхмощный луч, на сей раз ниже их плоскости! Прежде чем они смогли понять наш маневр, прозвучал еще один приказ, и мы снова рванулись вперед. На этот раз мы снизу накинута на неповоротливые корабли-гиганты, которые все еще гнали наш флот своим лучом к Сатурну! Боевые цилиндры, словно метеоры, ринулись нам наперерез, но опоздали. Прежде чем они приблизились к нам, наши концентрированные лучи уничтожили половину огромных кораблей-генераторов!

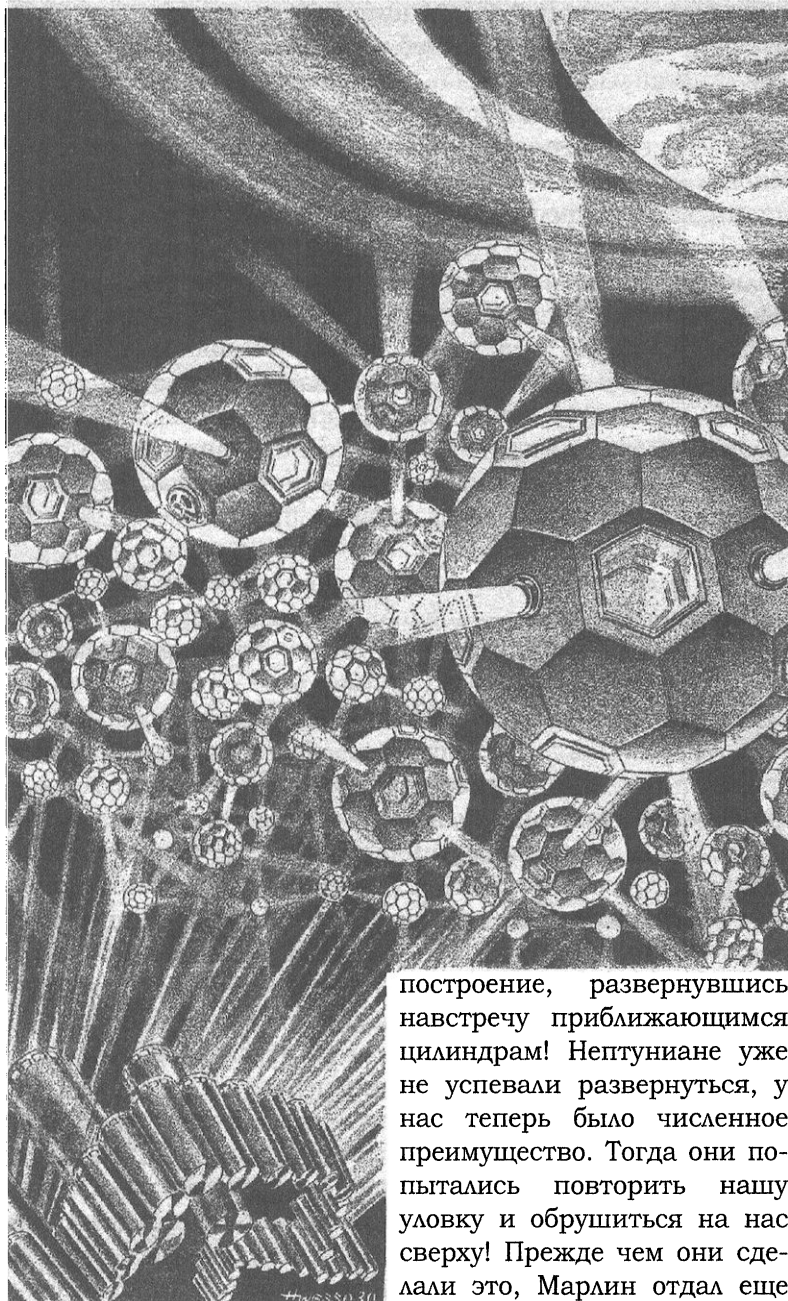
— Большая часть цилиндров уничтожена! Мы спасли наш флот от смерти в кольцах Сатурна! — обрадовался Уайтли.

— Назад к Сатурну... к флоту! Теперь у нас преимущество — пять к одному! — прокричал Марлин.

Но как раз в этот момент на нас обрушились уцелевшие корабли нептуниан! Они не успели спасти свои генераторные корабли и теперь, горя жаждой мести, обрушили на нас смертоносный ливень лучей. Против этой армады у нас не было ни единого шанса. Мы уходили к Сатурну, а они тесным строем висели у нас на хвосте. Их лучи уже сверкали вокруг нас, желтая громада Сатурна заполнила собой все пространство перед нами, рядом сверкали кольца и проплывали луны гигантской планеты, но нигде не было видно никаких признаков нашего флота. Мы уничтожили большие цилиндры слишком поздно? Их лучи обрушили наш флот на Сатурн? Отчаяние уже овладело нами, и тут на фоне желтого диска планеты появился стремительный рой черных точек.

Земной флот!

Я плакал, Марлин выкрикивал в микрофон короткие, резкие приказы, а мы снизили скорость, а рой точек поспешил нам навстречу, и вскоре боевой флот Земли завершил боевое

построение, развернувшись навстречу приближающимся цилиндрам! Нептуняне уже не успевали развернуться, у нас теперь было численное преимущество. Тогда они попытались повторить нашу уловку и обрушиться на нас сверху! Прежде чем они сделали это, Марлин отдал еще

один приказ, и наш флот рванулся наперерез врагу, и в следующий момент два враждебных флота смешались в жаркой схватке у Сатурна!

Два флота сошлись и перемешались, разя друг друга лучами. Буря смерти и разрушения бушевала в пространстве! Иногда казалось, что мы должны врезаться прямо в летящие навстречу цилиндры нептунинан, которые неслись нам в лоб тесным строем. Я уже словно в кошмарном сне видел цилиндры в иллюминаторы, видел дискоидов, невозмутимо нажимающих кнопки на пультах. Цилиндры и наши космолеты уничтожали друг друга тонкими бледными лучами, а затем уже мертвые корабли сталкивались друг с другом, то слипаясь в бесформенные груды металла, расталкивая друг друга и обломки лучами еще работающих двигателей. Порой в неразберихе битвы мертвые корабли сталкивались с еще не поврежденными, нанося урон то противнику, а то собственному флоту!

Два флота сплелись в смертельном танце битвы, цилиндры и многогранники, направо и налево, разили друг друга лучами. Наш корабль мчался во главе строя, когда Марлин отдал приказ двигаться к Сатурну. Я вел корабль. Уайтли быстро щелкал переключателями на пульте управления наших генераторов для поддержания постоянной мощности и скорости, Рэндалл разил врагов лучами. Наши и вражеские корабли обменивались ударами, стремительными, словно молнии! Бой занял, на самом деле, несколько мгновений, но мне эти мгновения показались вечностью, вихрем разрушения, бушевавшим в пустоте вне времени. Вскоре мне стало понятно, что битва смещается в район колец, желтая сфера Сатурна уже заслонила половину небес. Уайтли сквозь рёв генераторов прокричал Марлину:

— Мы идем с флотом Нептуна к Сатурну! Как воевать в этой мешанине из спутников и колец?!

— Мы будем преследовать их! — прокричал в ответ Марлин. — Они пытаются бежать от нас в кольца Сатурна и к его спутникам, чтобы потом вернуться к Нептуну!

Продолжая сражение, мы неслись очертя голову в адский вихрь колец и лабиринт лун. Наш космолет по-прежнему шел во главе флота. Прямо перед нами вырос громадный шар

Титана, самой большой из лун Сатурна. Поливая друг друга смертоносными лучами, оба флота мчались прямо к нему! Еще мгновение — и мы должны были врезаться в него. Тут же, по приказу Марлина, наш флот развернулся к нептуньянам бортом. Казалось, теперь они легко порвут наш строй! Но тонкие лучи сменились толстыми, а цилиндры врага закрутило и отбросило, и наш флот проскочил мимо туманной сферы Титана!

Мы были внутри орбиты Титана и мчались к еще одной из лун, и я увидел, что кольца, эти гигантские потоки метеорных тел — совсем рядом. Наш флот и корабли наших врагов летели прямо к краю кольца. Еще несколько мгновений — и мы врезались бы в эту космическую мясорубку. Случайные метеориты у края колец уже начали собирать кровавую жатву. То тут, то там, то земной корабль, то цилиндр нептуньян исчезали во вспышках. Но гораздо больше кораблей погибало, пораженные лучами, в пылу боя, и мы, и наши противники просто не обращали внимания на кольца! Я услышал хриплый крик Уайтли, резкий приказ Марлина, а затем наш флот и флот Нептуна в почти одно и то же мгновение, взмыли по диагонали вверх, и вместо того, чтобы врезаться в большие кольца, они взлетели над ними! И теперь, когда и нептуньяне и земляне мчались над плоскостью кольца Сатурна, ярость и свирепость битвы стали просто невыносимыми. Это был бой без пощады и правил, без приказов и плана, без стратегии и тактики, просто безумная и ужасная схватка в пространстве над вращающимися кольцами Сатурна, с самим Сатурном с его поясами облаков и многочисленными лунами в качестве фона! Цилиндры и многогранники истребляли друг друга в бессмысленной ярости и с поспешностью. С мастерством, которого я не ожидал от себя, я вел наш космолет по «полю» грандиозной битвы — сражения орд космических кораблей; на фоне адского переплетения лучей, несущих смерть, я умудрялся увернуться от гибели! Я слышал, как Уайтли смеялся от волнения рядом со мной, когда битва достигла этой потрясающей стадии, увидел, что Рэндалл посылает наши лучи с той же молниеносной быстротой, а Марлин напряженно изучает кипящий ад битвы. Иногда один или два корабля, по ошибке пилота ныряли

в кольца — и мгновенно погибали! Сотни кораблей с обеих сторон уже нашли свою гибель, но пока бой был в разгаре и не собирался утихать, несмотря на наше численное преимущество. Марлин, видя это, прокричал в микрофон короткий приказ.

Наш флот тут же, вырвавшись из сутолоки боя, перестроился в две длинные колонны с нашим космолетом во главе, а затем, прежде чем удивленные нептуниане смогли организовать массу своих кораблей в некое подобие строя, наши колонны ворвались в их бесформенную массу и ударили со страшной силой, разя и сокрушая! Опять засверкали вспышки гибнущих кораблей, увы, в том числе и наших. Мы разбили скопление их кораблей на две части, раскололи, а затем, взмыв над ними, обрушили на них всю ярость наших лучей! Сотни цилиндров рухнули в кольца и были в мгновение ока перемолоты этой адской мельницей. Оставшиеся цилиндры яростно атаковали нас своими лучами, а затем отступили. И прежде чем мы смогли понять их намерения, оставшиеся цилиндры, числом примерно полторы тысячи, нырнули к самым кольцам, развернулись и, включив толкающие лучи на полную мощность, устремились к Нептуну!

— Они бежали! Мы разбили их... Они бежали к Нептуну! — воскликнул я, разворачивая наш космолет.

— Держать строй! Преследуем их на максимальной скорости! — прокричал Марлин в микрофон.

Четыре тысячи кораблей то, что осталось от нашего флота, опять выстроились клином, и, выжимая все, что можно из наших генераторов, ринулись в погоню.

— У Нептуна мы встретим гораздо больше кораблей, чем ждало нас у Сатурна, — главные их силы там! — заметил я.

Марлин кивнул, нахмурившись.

— Основной флот Нептуна, вероятно, ждет нас там... и он больше нашего, минимум, в два раза. Но если мы можем догнать эти полторы тысячи, то они, по крайней мере, не предупредят ни о чем главный флот и не вольются в него!

Теперь кольца Сатурна и его спутники уменьшались за кормой, наш флот мчался к Нептуну, преследуя полторы тысячи нептунианских цилиндров. Ускорение было чудовищным, амортизационные кресла не справлялись с перегрузкой, мы

почти теряли сознание. Борясь с чудовищной тяжестью и наступающим бессознательным состоянием, я из последних сил контролировал корабль. Хотя мы знали, что нептуниане бежали к своему миру, их скорость и ускорение были столь велики, что мы не могли догнать их. Мы даже не могли разглядеть их флот, кроме как при помощи большого телескопа!

Час за часом мы мчались сквозь пустоту, приближались к Нептуну, к месту решающей битвы за будущее Солнечной системы. Мы хорошо понимали, что засада у Сатурна была лишь малой частью флота Нептуна, специально посланной, чтобы перехватить нас, и что у Нептуна нас встретят гораздо более серьезные силы. У них был значительный численный перевес — на каждый наш космолет приходилось минимум два корабля-цилиндра. И этот чудовищный флот мы должны одолеть, если хотим уничтожить чудовищный луч, разрушающий Солнце. И также мы знали, что за время, прошедшее с момента нашего бегства, враги могли построить множество кораблей и снабдить их неведомым нам оружием.

Таким образом, сейчас все усилия нашего великого флота, мчавшегося через бездны, лежащие на краю Солнечной системы, с чудовищной скоростью и ускорением, сохраняя при этом правильный строй, были направлены на то, чтобы догнать полторы тысячи нептунианских кораблей-цилиндров и уничтожить раньше, чем они объединятся с главным флотом Нептуна. Но они уносились от нас на скорости не меньшей, чем у нас. Нам не удавалось даже сократить разрыв. День за днем, час за часом, изнывая от перегрузок, продолжали мы эту погоню, которая казалась нам вечной. На максимальной скорости в миллионы миль в час мы преследовали их. Нептуниане тоже не снижали скорости, а Нептун рос с каждым часом. Это было похоже на наваждение или затянувшийся кошмар, но это наваждение не заканчивалось, а вот край Солнечной системы был все ближе и ближе.

Погоня казалась бесконечной, но конец ее все же приближался. Разрыв между нами и преследуемыми нами нептунианами начал сокращаться, а диск Нептуна существенно вырос в размерах! Все ближе и ближе наш флот, и наш космолет во главе флота, приближался к цилиндрам беглецов. Нас опять начала охватывать горячка битвы, словно не было

этих изматывающих дней между сражением у колец Сатурна и сегодняшним днем. Наконец, когда бледно-зеленый диск Нептуна с ярким полумесяцем Тритона лежал от нас на расстоянии в несколько часов пути, мы вплотную приблизились к ударающим от нас цилиндрам, так что могли видеть обращенное к нам основание их конусообразного строя. На каждом из кораблей нашего флота воцарилось напряженное ожидание. Все ждали момента, когда противник окажется на дистанции поражения.

— Мы догоним их, прежде чем они достигнут Нептуна! — заявил Марлин, пристально глядя вперед. — Несколько часов, и мы накроем их.

— Если повезет! — скептически хмыкнул Уайтли. — Если они соединятся со своими раньше, то скорее они накроют нас!

И теперь, по мере того как беглецы приближались к зеленой сфере Нептуна, четыре тысячи наших кораблей были все ближе к ним, хотя нам все еще не удалось подойти достаточно близко для начала сражения. Рядом со мной Рэндалл положил руки на рычаги лучемета, и когда мы сблизились с беглецами еще больше, я увидел, как Марлин склоняется к микрофону, собираясь давать приказы флоту. Ближе... Ближе... Мы могли четко различать невооруженным глазом отдельные цилиндры, как черные точки на зеленом фоне, как сыпь на лице Нептуна. Флот изготовился к бою, руки канониров легли на рычаги лучеметов, мы ждали приказа. Но вместо приказа Марлина раздался крик Уайтли!

— Смотрите! Они тормозят!

Цилиндры невероятно резко снизили свою скорость. Марлин отдал приказ по флоту — тормозить. Опасаясь неведомой ловушки, мы снизили скорость, пристально глядя вперед. А затем мы все закричали от неожиданности и ужаса. К черным точкам цилиндров-беглецов присоединялись другие черные точки! Другие черные точки, огромный рой точек, которые, как мы знали, были другими цилиндрами, огромным флотом, который выскочил из-за Нептуна как чертик из табакерки! И затем, в тот момент, когда полторы тысячи цилиндров-беглецов полностью погасили свою скорость и зависли в пространстве неподвижно относительно нас, новый флот образовал вместе с ними единый строй в форме полусферы! Это был гигантский

флот Нептуна, состоявший не менее чем из восьми тысяч кораблей, против четырех тысяч наших. И эти корабли собрались здесь, чтобы уничтожить наш флот в великой битве, когда Земля и Нептун сошлись в смертельной схватке за жизнь или смерть всех планет Солнечной системы!

ГЛАВА XV. «Мы или Они! Нептун или Земля!»

— Строимся в колонну. Все... полный вперед!

Едва Марлин отдал этот приказ, вся гигантская полусфера флота Нептуна устремилась через пустоту к нам, к нашим четырем тысячам космолетов — чудовищная армада, превосходившая нас почти два к одному, орда цилиндров понеслась вперед. Мы, словно молния, ударили в их центр. Ради этого удара мы сменили строй, с обычного клина на слегка расширенную у основания двойную колонну. Такое построение позволяло нам использовать лучи тормозных двигателей в качестве оружия. Теперь эти лучи устремились вперед словно огромные копья, нацеленные в центр боевого построения нептунианского флота! Марлин стремился повторить наш трюк, проделанный у Сатурна, — расчленил строй противника, а затем добить дезорганизованную массу. Так что теперь, когда нептунианцы стремились подавить нас, мы шли на таран стены их кораблей! Управляя нашим кораблем, я вдруг был потрясен ощущением нереальности, исходящим от всей этой дикой сцены. Все это: интерьер нашего космолета, Марлин, Рэндалл и Уайтли, напряженно застывшие в амортизационных креслах, гигантские колонны многогранников, блестящих, граненых космолетов, которые пришли через черную бездну усеянного звездами пространства, оставив за кормой миллиарды миль, несущаяся нам навстречу полусфера вражеского флота и сам Нептун, сияющий призрачно-зеленым светом перед нами, — казалось абсолютно нереальным. Все это представлялось странным, затянувшимся кошмаром, но это мгновенное ощущение, что преследовало меня

во время нашей дикой гонки сквозь Солнечную систему, исчезло в следующее мгновение, так как реальность битвы обрушилась на нас. На нас надвигалась изогнутая стена нептунианского флота! Я мысленно попрощался с жизнью, этот удар, почти с гарантией, будет смертелен для нас. Вокруг нас бушевала буря смертоносных лучей, и вдруг нептунианский флот расступился, пропуская нас, и наши колонны по инерции промчались сквозь него!

Мы были настолько поражены этим неожиданным маневром противника, что весь наш флот пролетел в заботливо подготовленную ловушку. Полушарие замкнулось, мы были заключены в шар! И затем тысячи нептунианских кораблей, из которых состоял этот шар, обрушили на нас свои разрушительные лучи! Сотни наших космолетов превратились в обломки в первые же секунды этой битвы. И избиение продолжалось. Мы не могли вырваться наружу, окруженные врагом со всех сторон.

— Ловушка! — заорал Уайтли. — Они поймали нас!

Мы отбивались. Наши лучи уничтожили уже сотни цилиндров, но численное и позиционное преимущество врага было слишком велико. Наш строй был сломан. Наши корабли беспомощно метались в ловушке нептуниан, погибая один за другим. Хуже всего было то, что именно наш флот превратился в дезорганизованную массу. Они сделали с нами то, что мы надеялись сделать с ними.

— Всем кораблям! Собраться вместе и повернуть лучи двигателей наружу! — голос Марлина звенел металлом.

— Вы собираетесь... — начал было Уайтли, но Марлин оборвал его.

— Мы собираемся разбить этот шар единственным способом, каким он может быть разбит! — прорычал он.

Как только его приказ прозвучал, тысячи наших космолетов собрались в компактную массу в центре шара ловушки. Сконцентрировавшись, они превратились в идеальную мишень. На нас обрушились тысячи лучей. В следующий миг лучи наших двигателей ударили в стенки шара, состоявшие из кораблей нептуниан! Как только эти лучи ударили, они раскидали нептуниан, как котят! Тяга наших двигателей, направленная сразу во все стороны, прижала наши корабли

друг к другу, цилиндры же противника оказались отброшены далеко в пустоту. И как только ловушка была разрушена, прозвучал новый приказ, ком наших кораблей ошетили боевыми лучами, мы набросились на врага!

Направо и налево, как свет Солнца, вспыхнули наши лучи, кромсая цилиндры врага. Пока нептуниане были ошеломлены, мы успели уничтожить сотни их кораблей. Спасаясь от нас, они кинулись к Нептуну, и мы преследовали их, и редко наш луч не находил себе цели. Враги соображали быстро, и вскоре уцелевшие цилиндры образовали колонну, по образу той, которой мы шли на них. Но мы уже успели нанести им серьезный урон. Наши лучи уничтожили более двух тысяч цилиндров – и теперь их флот был чуть меньше шести тысяч кораблей, против нашего флота, числом чуть меньше четырех тысяч! Теперь оба флота, огрызаясь лучами, дрейфовали к Нептуну.

Нептун из шара уже превратился в гигантскую зеленую полусферу под нами, сзади и выше тускло блестел Тритон. Тритон, который был нашей целью — источник луча, убивающего Солнце, место, где находилась дьявольская машина, которую мы должны были разрушить. Но сейчас нам было не до Тритона, нас поглотила стихия чудовищной битвы. Два флота поливали друг друга лучами, скользя уже в верхних слоях атмосферы Нептуна! Его воздух ревел вокруг наших космолетов, и тут мы выяснили, что в условиях воздушного боя цилиндры уступают нам! Они опять построились полукругом, стремясь поразить нас с флангов, но наша узкая колонна, концентрируя огонь в одном направлении, буквально косила их ряды! И хотя их лучи уничтожали десятки наших космолетов, мы уничтожали их сотнями! Теперь численное преимущество было у нас!

Глаза Марлина сияли от волнения, при виде разгрома нептуниан. Уайтли, Рэндалл и я ликовали. Все больше и больше цилиндров падало на Нептун под смертельным ливнем наших концентрированных лучей, все слабее и слабее было сопротивление дискоидов. Мы уже неслись сквозь облака, под нами блестела металлическая оболочка гигантской планеты. Мы увидели, что у противника осталось всего около тысячи кораблей, не больше, а скорее меньше, чем у нас, несмотря

на все наши прежние потери! Их корабли один за другим, превращались в обломки, битва оборачивалась в нашу пользу.

Мы ликовали. Нептунииане увидели, что продолжение битвы превращается в самоубийство. Они не могли изменить строй во время полета, не подвергая себя большей опасности, поэтому в отчаянии они сделали совершенно неожиданную вещь. Их подбитые нами, но еще не упавшие корабли, огромная масса горящих цилиндров, пошли на таран! Два флота перестали существовать, сменившись хаосом, центром которого стала падающая куча горящих обломков, в которой перемешались искореженные нептуниианские и земные корабли!

Когда армада горящих цилиндров врезалась в наш строй, мне показалось, что вокруг разверзся ад! Грохот взрывов и визг осколков, яростное пламя и бушующая вокруг буря смертоносных лучей действительно были картиной, достойной преисподней. Я увидел, как два стремительных цилиндра несутся на нас, едва успел от них увернуться, а когда они прошли под нами, увидел, как Рэндалл кромсает их лучами, увидел, как еще один цилиндр и один из наших кораблей, столкнувшись, превратились в падающие горящие обломки! Услышав тревожный крик Уайтли, я каким-то чудом, успел увернуться от луча, направленного на нас одним из цилиндров, и увидел, как этот луч поразил другой цилиндр! И все это время, пока я выписывал невероятные виражи в холодном небе Нептуна, Рэндалл непрерывно поливал подлетающие цилиндры ураганом разящих лучей!

Битва распалась на хаос поединков между цилиндрами и многогранниками, тысячи кораблей с обеих сторон, кромсая воздух лучами, превращали друг друга в обломки! Град обломков непрерывно сыпался на металлическую оболочку гигантской планеты, шторм сражения разрывал небеса! Чудовищная битва, в которой погибла примерно половина каждого из флотов, помutilа мой разум, я действовал, как автомат. Ни разум человека, ни, наверное, разум дискоида-нептуниианина, не были созданы для таких самоубийственных сражений! Внезапный крик Марлина вернул мне ясность рассудка. Цилиндры покидали поле битвы.

— За ними! Черт! Они собираются... — осенило нашего главнокомандующего.

Но прежде чем он успел закончить фразу, прежде чем наши космолеты успели подняться, цилиндры обрушили на нас лучи своих двигателей! Они повторяли наш маневр, который однажды спас нас! Наши корабли, под давлением толкающих лучей, посыпались на металлическую кровлю Нептуна, словно перезрелые яблоки.

Наши экипажи, услышав Марлина и осознав, что происходит, пытались вывести корабли из-под удара, но это было сложно. Проклятые цилиндры давили нас лучами, не давая приблизиться к себе, раскидывали нас, точно кегли! Строй флота Земли был разрушен. Подсчитав потери, мы поняли, что долго нам не продержаться! В этот критический момент Марлин отдал новый приказ:

— Вниз! Все под крышу!

Я слегка растерялся, но тут заметил, что почти прямо под нами зияет открытое отверстие громадного люка, типа того, через которое мы в первом рейсе проникли на поверхность этой закованной в металл планеты. Проскочив в него, мы получали шанс вырваться из мясорубки. Наш флот устремился к спасительному отверстию, космолеты один за другим ныряли в него, но это могло стать лишь передышкой. Ничто не мешало цилиндрам нырнуть в это или в другое отверстие и преследовать нас уже под крышей теплозащитной оболочки! И они действительно устремились следом за нами!

Мы несколько оторвались от них, но нептуняне упорно висели у нас на хвосте. Примерно полторы тысячи цилиндров гнались за нашими космолетами, которых осталось не больше тысячи. Тут Марлин отдал новый приказ, и мы вновь вынырнули из-под крыши наружу, через другое отверстие. А затем, над крышей, приказал перестроиться, и мне стала ясна цель его стратегии. Мы окружили отверстие гигантского люка, из которого только что вынырнули. И когда колонна нептуняне вынырнула из этого отверстия, мы обрушили на них шквал лучей! Цилиндры лопались, как перезрелые плоды, погибали сотнями, раньше, чем их командиры и экипажи успевали понять, что происходит. У них не было шансов, мы поджаривали их раньше, чем они успевали выстрелить!

Только три или четыре сотни цилиндров смогло вырваться из нашей ловушки. Они не пытались контратаковать, вместо этого они на полной скорости рванулись вверх и устремились к Тритону!

— Разбиты! Они бегут к Тритону! — ликовал я.

— У нас есть еще тысяча кораблей! Мы должны спасти Солнце! — закричал Уайтли.

— За ними! Мы должны уничтожить излучатель! — прокричал в микрофон Марлин.

Дезорганизованные и разбитые остатки флота нептуниан, Великой Армады, которая должна была уничтожить нас, уносились к Тритону. Мы мчались следом. Волнение гордости охватило меня, когда наш флот устремился в эту погоню. Хотя исход борьбы был еще не ясен, и луч нептуниан все еще вонзался в Солнце, у землян хватило силы разгромить могучий космический флот древней, могущественной расы! И теперь, когда их армада разгромлена, что может остановить нас?

Мы быстро покинули атмосферу Нептуна, снова вокруг нас простиралась пронизанная звездами тьма, а впереди с каждым мгновением рос Тритон. Преследуя остатки враждебного флота, мы быстро пересекли пространство, отделяющее гигантскую планету от ее спутника. Здесь большая часть из нас, точнее все, кроме нашей четверки, впервые увидели причину этой войны — чудовищное порождение цивилизации нептуниан, Великий Луч! Только теперь вокруг жерла излучателя на солнечной стороне высились непонятные приземистые купола. Такие же купола мы разглядели и вокруг излучателя, посылавшего компенсирующий луч в созвездие Стрельца, чтобы удержать Тритон на его орбите. Занятые преследованием цилиндров, которые, спасаясь от нас, вошли в атмосферу Тритона и устремились к излучателю на дневной стороне, мы не уделили загадочным куполам особого внимания. А зря!

Цилиндры предприняли дикую, ожесточенную попытку загнать нас в луч. Но их было всего три или четыре сотни, и они были беспомощны против объединенной мощи тысячи наших кораблей! В атмосфере Тритона, возле жерла чудовищной машины, разыгралась жестокая схватка! Как демоны, нептуниане бросались на нас, но мы уже закалились в боях этой странной

космической войны. По приказу Марлина мы держались выше, и цилиндры один за другим гибли под ударами наших двигателей и под огнем наших лучеметов!

Быстро, очень быстро таял флот врага. Только что их было четыре сотни, а осталось — дюжина! Полдюжины! Один! Ни одного! На кораблях нашего флота гремело победное «ура!». Теперь надо было уничтожить излучатель.

— Уничтожить посты управления! Все двадцать! — командовал Марлин, и наш флот начал снижаться к машине, разрушающей Солнечную систему.

— Мы остановим луч сейчас! Мы уничтожили их корабли, и мы можем... — закричал я, направляя космолет к шахте излучателя.

— Но — взгляни! — эти большие купола вокруг ямы шахты! Это же орудийные башни, купольные форты! — хриплый крик Уайтли разрушил мою эйфорию.

Вокруг жерла излучателя, вокруг двадцати кубов постов управления, высились купола, и это действительно были грозные крепости! Гигантские форты, с невообразимо толстой броней из невообразимо прочного металла, каждый сотни футов в высоту, с отверстиями лучеметов, готовых извергнуть смертоносные лучи в любой момент, в любом направлении. И этих куполов было больше ста, они надежно блокировали все подступы к шахте излучателя! И эти форты двигались, это были невероятные, чудовищные танки! И в тот момент, когда Уайтли закричал, они двинулись к нам, быстро скользя над металлической поверхностью на невидимой силовой подушке, и обрушили на нас губительный дождь лучей!

Наш флот заметался, закрутился, рассыпался! И хотя в следующее мгновение прозвенел приказ Марлина, и порядок был восстановлен, мы были бессильны против этих металлических монстров! Мы обрушили на них всю мощь нашего оружия, но наши лучи не причинили им повреждений больших, чем небольшие вмятины на корпусе. Совместными усилиями нескольких десятков космолетов мы сумели уничтожить один из этих супертанков, смяв и искорежив его десятками лучей на полной мощности, но сами потеряли за это время десятки кораблей под огнем этих чудовищных машин!

С огромным трудом, сам не понимая как, я вел наш корабль сквозь паутину смертоносных лучей, сквозь ад сражения, к шахте! Мы прорвались к одному из кубических постов управления – и Рэндалл тут же уничтожил его! Но это был только один из двадцати, и в следующее мгновение наш космолет, не в состоянии больше выдержать чудовищный град лучей, ушел вверх. Ни один из остальных наших кораблей не смог повторить нашего прорыва, а девятнадцать кубов стояли целые и невредимые! При этом за время нашего прорыва купола-супертанки уничтожили больше сотни наших кораблей!

— Надо уничтожить все двадцать кубов, иначе луч не остановить! — обреченно простонал Марлин.

— Но чертовы купола, не пропустят нас! Они давят нас, как тараканов! — в голосе Уайтли послышалось отчаяние.

— Держаться до конца! Солнце погибнет, если мы не сделаем это! Вниз! В атаку! — прорычал Марлин.

Наши корабли бросились в атаку, и, как метеоры, обрушились на металлическую оболочку Тритона, подбитые лучами самоходных куполов. Пролетая низко над одним из «танков», я разглядел в его броне иллюминаторы. Сквозь них я на мгновение увидел дискоидов, копошащихся внутри. И еще миллиарды этих тварей копошились на самом Тритонепод металлической крышей, над которой грохотала битва! И с отчаянием, родившимся от этой мысли, под бешеным обстрелом купола-супертанка, мы вновь бросились в атаку и прорвались к следующему кубу! Но на этот раз, опять потеряв десятки кораблей, уничтоженных куполами, мы просто промахнулись и не смогли поразить проклятый куб!

Мы опять взмыли над полем битвы, чтобы с упрямством, достойным осла, вновь кинуться в атаку! Снова смертоносные лучи обращали в обломки наши космолеты, сотня супертанков вновь собирала кровавую жатву, снова мы вошли в пике, снова ринулись на один из кубов! И снова промазали! И поднимаясь над полем битвы в очередной раз, обнаружили, что у нас осталось не более пятисот космолетов! Три попытки прорыва лишили нас половины наших сил и привели к уничтожению только одного кубического поста управления из двадцати!

— Конец! — кричал Уайтли. — У нас нет шансов! Конец нам, Земле, Солнечной системе!

Да, это был конец! С пятью сотнями кораблей у нас не было ни единого шанса одолеть неуязвимые купола и уничтожить излучатель! На лицах Марлина и Уайтли, на лице Рэндалла и на моем лице застыли маски отчаяния! Еще чуть-чуть — и купола-супертанки уничтожат нас всех! Нам надо уничтожить девятнадцать кубов, но нас перебьют раньше, чем мы уничтожим хотя бы один! Луч сделает свое черное дело, Солнце станет двойной звездой, все планеты, кроме Нептуна, обречены! И тут из-под оболочки Тритона мы услышали торжествующий рев! Миллиарды дискоидов, несметные орды нептуниан уже торжествовали победу!

— В атаку! Хочу погибнуть в бою, раз уж все равно нам конец! — закричал Рэндалл, судорожно сжимая рычаги лучемета.

— Второй луч! У нас еще есть шанс! — спокойный и твердый голос Марлина положил конец безумию.

Луч! Второй луч на ночной стороне, луч, направленный к звезде созвездия Стрельца! Я понял колоссальный замысел Марлина! Вдобавок второй излучатель охраняло всего с полдюжины куполов! Марлин скомандовал, и наш потрепанный флот устремился к ночному полушарию!

Вопли торжества под нами сменились ревом ужаса. Гигантские самоходные купола помчались в ночное полушарие, но они не могли угнаться за нами! Сухопутной машине, пусть и идущей на силовой подушке, не угнаться за космическим кораблем! Тем более что ради скорости мы вынырнули из атмосферы, и теперь мчались, как молния, в пустоте.словно рой метеоров мы промчались над Тритоном, из дневного полушария в ночное, прямо к тому месту, откуда в межзвездное пространство вырывался луч, луч, удерживающий Тритон на его орбите! Марлин кричал в микрофон, отдавая приказы, внизу, слева мелькнуло несколько охранных куполов, но мы уже рушились с небес, словно смертоносные кометы!

Тонкие лучи, несущие смерть, метнулись к нам от десятка куполов, охранявших шахту излучателя. Мы ударили в ответ, но не по ним. Мы метились в кубические коробки постов

управления, поливая их лучами в диком пике! Настало наше время кричать «ура!» С первого же захода мы уничтожили десяток кубов — половину! Наши корабли вновь рванулись ввысь, и вновь пикировали на цель, сквозь свистопляску губительных лучей, обрушенных на нас гигантскими танками нептуниан. Уайтли вскрикнул и указал в иллюминатор — к шахте излучателя приближалась сотня куполов, подвижных крепостей, чудовищных танков с дневной стороны!

— Добить кубы! — кричал Марлин.

Он не успел даже закончить кричать, как бронированные самоходные чудовища уже обрушили на нас ураган лучей, стремясь спасти излучатель. Но мы уже неслись над кубами, вспарывая их клинками лучей! Девять из десяти! Но оставался еще один.

В тот миг, когда мы опять поднимались, выйдя из пике, чтобы вновь ринуться в атаку, самоходные крепости, купола-супертанки дискоидов, вышли на дистанцию огня, и лучи всей сотни этих чудовищных машин обрушились на остатки нашего флота! Но именно в этот момент, когда гигантские машины обрушили на нас свой удар, Рэндалл рванул рукоятки рычагов лучемета. Это был выстрел, важнее которого не было, нет, и не будет в истории Солнечной системы! Последний куб был уничтожен. В шахте излучателя сверкнула ослепительная вспышка. И могучий луч, направленный в межзвездную бездну, угас!

Наступила пауза, мгновение безмолвия, вся Вселенная, казалось, замерла в миг, когда наши корабли уносились ввысь от угасшего жерла излучателя, искореженных кубов и застывших куполов. И в следующий миг чудовищный толчок смял, искорежил, вышвырнул Тритон с его орбиты! С чудовищным ускорением и немыслимой скоростью он уносился в бездну, чтобы никогда не вернуться! Он летел в небытие, унося бесчисленные орды нептуниан, миллиарды дискоидов, которым так и не удалось уничтожить Солнце!

Тритон превратился в гигантскую ракету, которую уносил в пустоту тот самый луч, которым нептуниане раскручивали Солнце! Мы отключили компенсирующий луч, и теперь ничто не могло удержать Тритон на его орбите, ничто не могло остановить его. Могучий луч преодолел притяжение

Нептуна и притяжение Солнца. Тритон канул в межзвездной бездне, навеки покинув Солнечную систему!

Марлин и Уайтли, Рэндалл и я стояли у иллюминатора и наблюдали, как маленькая сфера Тритона беспомощно уносится в даль и тает в бездне! Там, скорее всего, уже не было никого живого. Нептунуиан должно было убить ускорение, а если оно и не убило их, то это сделает космический холод. Мы только что спасли Солнечную систему. Мы только что уничтожили целую цивилизацию, целую разумную расу.

Марлин смотрел вдаль, туда, куда умчался Тритон. В глазах ученого стояли слезы. Он оплакивал нептунуиан.

— Вы или мы, Нептун или Земля, так стоял вопрос! — прошептал он. — Вы хотели жить, и мы хотели жить! Жаль, что во Вселенной не хватило места и нам, и вам!

Глава XVI. Покорители Вселенной

Перед нами сверкала Земля, сопровождаемая жемчужинной Луны. Пятьсот кораблей возвращались домой, пятьсот из пяти тысяч. Снова мы вчетвером сидели в наших креслах за нашими пультами, и снова Марлин и Рэндалл, Уайтли и я с нетерпением, напряженно смотрели вперед, по мере того как космолет гасил свою чудовищную скорость. Последние десять дней мы мчались сюда с огромной скоростью из глубин космоса, от края Солнечной системы, от границы бездны, куда навеки канул Тритон. С огромным ускорением мы пронесли мимо опасного Сатурна, величественного Юпитера, сквозь смертоносный пояс астероидов, мимо таинственного Марса. Мы спешили на Землю, на Землю, которая едва не погибла в космической катастрофе. Катастрофе, которую удалось предотвратить чудовищной ценой. И теперь в благоговейном молчании мы созерцали родную планету.

Вновь под нами развернулись моря и континенты, вновь шар стал полушарием, а полушарие — плоскостью. Снова в темноте земной ночи мы увидели под нами сверкающие огни Нью-Йорка и спустились к ним с небес. Опять вокруг нас сверкали огнями бесчисленные самолеты, опять засияли

миллионами огней величественные небоскребы. Снова гудела на улицах толпа, снова величественно и строго замерли встречающие нас руководители человечества на крыше здания Всемирного Правительства.

Странная немота заставляла слова застрять в горле. Весь путь до самой посадки нас сопровождало торжественное сияние могучих прожекторов. Бесчисленные самолеты сопровождали нас, сияя огнями. Неисчислимы толпы гудели на улицах, приветствуя нас. Придя из Великого Безмолвия эфира, наши корабли бесшумно опустились на крыши столицы.

Пока мы опускались — толпа замерла и умолкла, встречавшие нас люди расступались к краям крыш. Наконец я отключил луч, умолкло гудение генераторов. В полной тишине Марлин открыл люки, и мы осторожно, словно во сне, вышли наружу, навстречу сиянию прожекторов и людскому морю. Корабль обступила толпа встречающих. Нас встречали члены Всемирного Правительства, впереди стоял Президент, а за ними раскинулся город — великий город, башни которого уверенно тянулись к звездам. А звезды сияли безмятежно и холодно, как всегда. Скорпион и Стрелец стояли высоко над горизонтом, Юпитер, Сатурн и Марс сияли, и где-то там был Нептун, невидимый здесь для наших глаз. И где-то там уносился в бездну Тритон, бывшая луна Нептуна. Изумленно и молча мы стояли, любясь родным миром, а Президент уже шел нам навстречу.

Он шагнул к нам, раскрыв объятия. Голос его предательски дрожал.

— Марлин... Рэндалл... Хант... Уайтли! Вы вернулись на Землю, которую вы спасли!

— Мы вернулись, — пробормотал Марлин странным тихим и низким голосом. — Мы вернулись с остатками флота.

Потом Марлин рассказал, прямо там, на крыше, о засаде у Сатурна, о сражении в небесах Нептуна, об отчаянной битве на Тритоне, о последней схватке у излучателя и о том, как канул в бездну Тритон. Его слушали внимательно, молча, слушали руководители планеты, слушало все человечество ибо нашу встречу показывали в прямом эфире. Затем, когда он закончил, тишина висела над городом еще несколько минут.

Молчание нарушил Президент.

— Нет таких слов, которыми человечество могло бы выразить вам свою благодарность! — объявил он.

Марлин покачал головой.

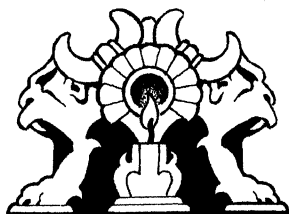
— Благодарите не только нас, тех, кто сумел вернуться. Благодарите тех, кто остался там, тех, кто никогда больше не увидит Землю!

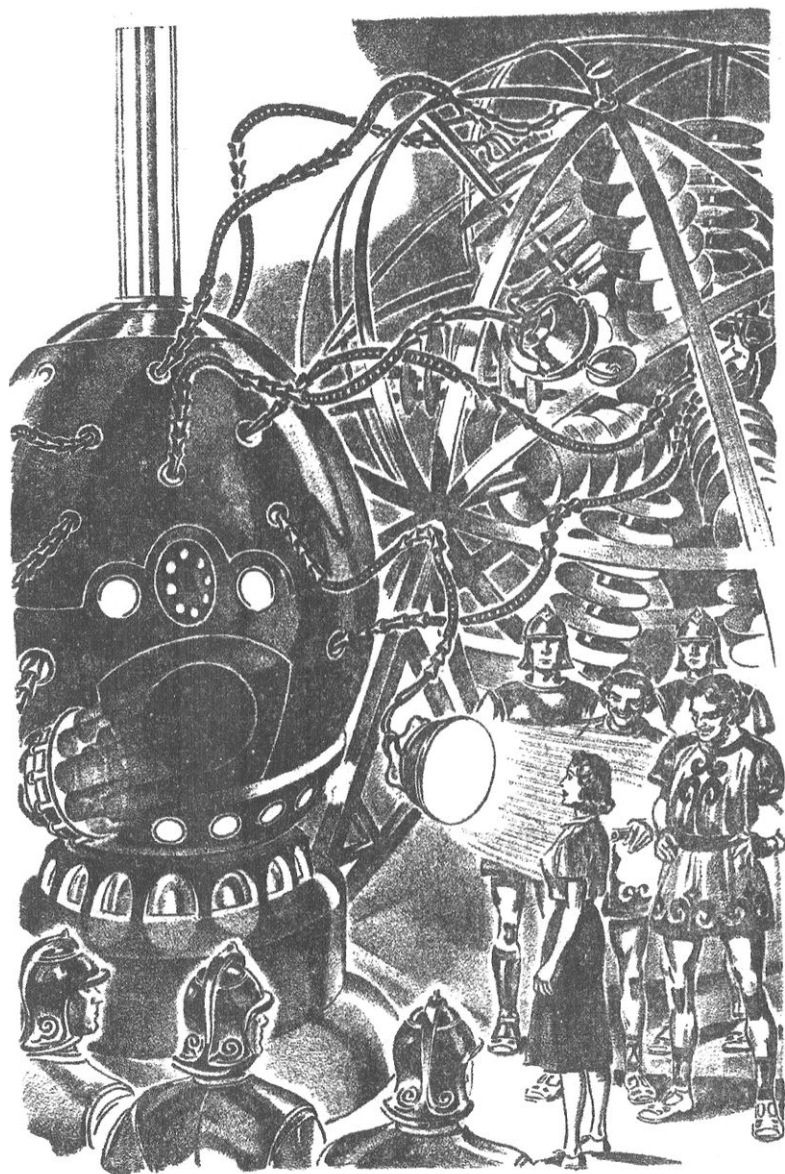
— Мы никогда не забудем их, — кивнул Президент Всемирного государства. — Наша благодарность им, наша скорбь о них невыразима словами! Но как выразить признательность вам четверым — тем, кто первыми отправились в космос? Вам, предупредившим мир об опасности? Вам, кто вел в бой флот Земли в этой чудовищной войне?

Марлин посмотрел на нас, и, не говоря ни слова, мы все четверо поняли друг друга, так что сказанное им, в сущности, было нашими общими словами.

— Земля ничего не должна нам, — сказал он, — ибо она уже дала нам такой подарок, равного которому не давала никому — возможность увидеть иные миры! Нам не надо другого подарка, кроме возможности опять летать в космос, всем четверым вместе!

Мы, а следом и все собравшиеся, следом за Марлином устремили взгляды в небо. Марлин с сияющими глазами, Уайтли с его спокойным, слегка ироничным взглядом, Рэндалл с огнем, пылающим в его усталых глазах, и я, со странным трепетом в сердце. Мы все глядели вверх. Вверх, туда, где среди созвездий плыли Марс и Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун! Вверх, забыв на миг об обыденном мире вокруг нас, мире, который мы спасли. Мы уставились в бездонное небо. Туда, где в бескрайнем эфире мчались далекие неведомые миры — в бездну, полную звезд!

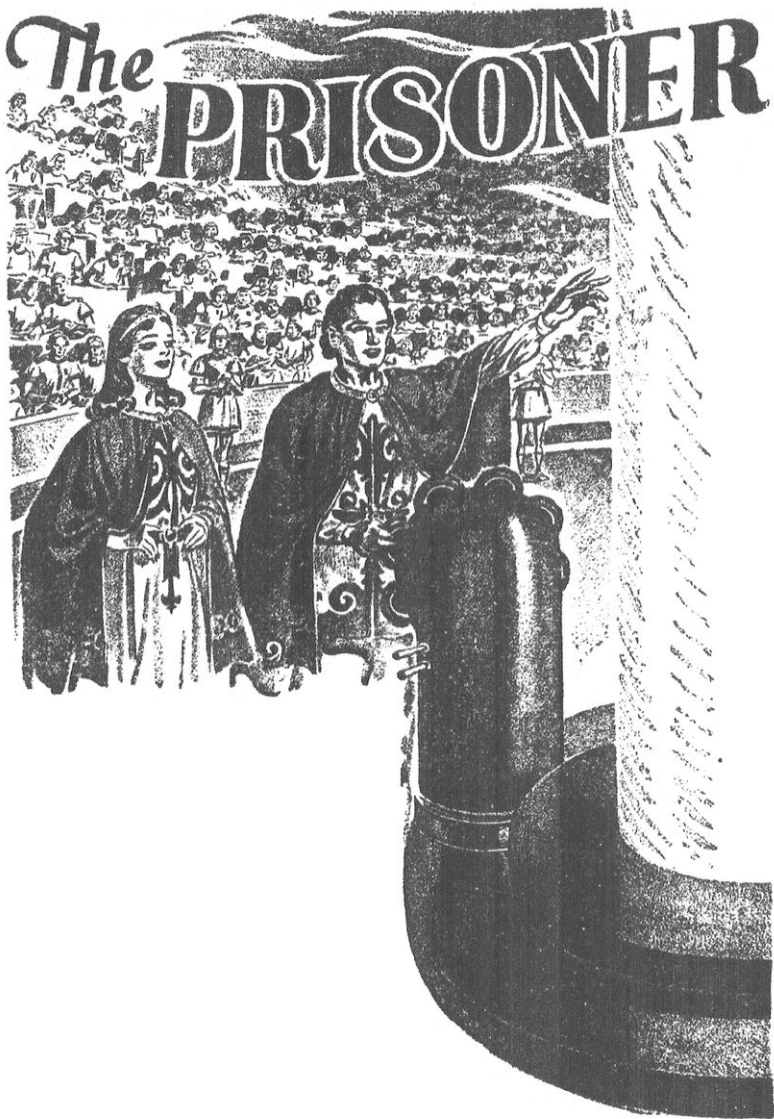

The Prisoner of Mars
журнал «Startling Stories», № 5, 1939

The PRISONER

Глава I. **Голоса предков**

В тот воскресный октябрьский вечер, когда произошёл странный случай, закинувший Филипа Крейна в самую гущу невероятных приключений, его не томило никакое дурное предчувствие. Он позвонил в квартиру доктора Джона Мартина, просто потому что этот геолог и его дочь были единственными друзьями, которыми обзавёлся этот одинокий молодой инженер, с тех пор как приехал в Нью-Йорк.

Крейн всю жизнь был одинок. Частично это было вызвано его тайной, чем-то столь странным у него в голове, что это отделяло его от прочих людей. Частично, насколько он знал, причиной стала странная чужеродность в его внешности.

Вообще-то, в его высокой поджарой фигуре и худощавом смуглом лице не было ничего необычного. Но вот иссиня-чёрный оттенок его глаз вызывал у большинства людей какое-то странное беспокойство, да и волосы его отличались тем же иссиня-чёрным цветом.

Когда он сидел, как сейчас, рядом с доктором Мартином, глядя, как Кей Мартин и Скотт Фултон — рыжий пилот, танцевали под льющуюся из радиоприемника музыку, Крейн с тоской жалел, что не может присоединиться к веселью...

Внезапно льющаяся из радио музыка прекратилась и сменилась взволнованным голосом диктора.

— Леди и джентльмены, мы прерываем нашу программу для выпуска специального бюллетеня новостей.

— Что ещё случилось? — удивился Джон Мартин.

— Наверное, это очередной европейский кризис, — предположил Крейн.

— Чёрт побери, у нас всего минуту назад играл оркестр, — пожаловалась Кей Мартин. Разочарование было написано на её подвижном миловидном личике.

— Но, возможно, это важные новости, — заметил её отец. — Послушаем...

Голос диктора из радио теперь взволнованно частил:

— ... и поэтому. похоже, упавший сегодня вечером метеор вовсе не метеор, а какого-то рода летающий предмет. Корабль из космоса? Это кажется невозможным, но может быть правдой. Мы продолжим держать вас в курсе новостей...

— Корабль из космоса? — поразила Кей. — Полагаете...

— Вероятно, это какой-то розыгрыш, — высказался Джон Мартин, массивное лицо которого выглядело задумчивым. — Хотя мало вероятно... Ну и ну, Филип, что же в самом деле там случилось?

Филип Крейн словно окаменел. Его тёмные глаза расширились, и он уставился на радио, словно кролик на кобру. Внезапно он осознал это и расслабился, с дрожью вздохнув. Всё его тело трепетало.

— Филип, что случилось? — воскликнула Кей.

— Я... я не знаю, — в замешательстве ответил он. — Когда я услышал это объявление, то у меня возникло такое впечатление, словно я начал что-то вспоминать... что-то, что пытался вспомнить всю жизнь.

Все озадаченно уставились на него. И Крейн покраснел, но все его существо было переполнено странным волнением. Это объявление по радио... оно каким-то образом расшевелило, пробудило к жизни те тени в его разуме, что преследовали его с детства. Когда Крейн попытался успокоиться, по радио снова раздались взволнованные крики диктора:

— Конец летающего предмета раскрывается... из него вылезают какие-то твари! Твари из космоса! Они применяют странное оружие... Это вторжение! Инопланетное вторжение на Землю...

С уст Филипа Крейна сорвался дикий звенящий крик! Бычий рёв, совершенно не похожий на его обычный застенчивый голос. Теперь иссиня-чёрные глаза Филипа горели, а белое лицо сделалось жёстким, суровым лицом незнакомца. Всё его тело била дрожь, а кулаки сжались.

— Филип! — в ужасе воскликнула Кей.

Крик её словно разбил чары. Пылающее в расширившихся глазах безумие пропало. И он застыл, весь дрожа, с влажным от пота лбом и ошалелым взглядом. Кей схватила его за руку, на лице её отразилось горячее беспокойство. Скотт Фултон поражённо глядел на Крейна, а Джон Мартин встал из-за стола. На лице геолога читалось недоумение.

Внезапно раздавшийся по радио голос диктора разбил данную сцену, превратив её в банальность.

— Вы слушали нашу регулярную воскресную вечернюю пьесу...

— Пьеса! Я так и знал! — воскликнул Скотт Фултон. — Держу пари, у многих она вызвала настоящую панику.

— Филип, что, чёрт возьми, заставило тебя так закричать? — поинтересовалась Кей. — То, как ты взревел, то, как ты глядел горящими глазами и тряс кулаком! Ты словно ошалел.

Крейн уставился на них, казалось, душу его терзали неведомые призраки, он словно погрузился в бездонные бездны несчастья.

— Не знаю, что именно заставило меня так поступить, Кей, — прошептал он. — Если не... — Лицо его скривилось от внутренней, душевной боли. — Я боялся, всю свою жизнь, — невыразительно пробормотал он, — боялся, что у меня что-то неладно с психикой. А теперь это...

— Чушь! — с нажимом заявил Джон Мартин. — Ты просто позволил себе переволноваться из-за этого липового объявления по радио, Филип, и на мгновение потерял голову. Вот и всё.

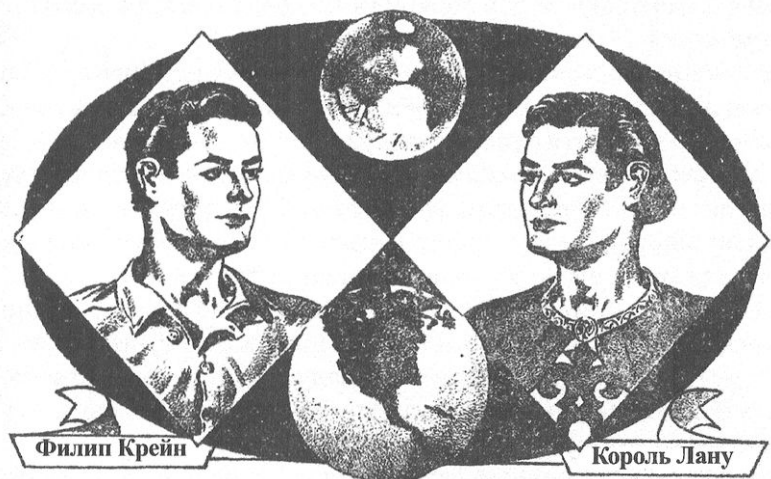
— Вас ведь оно не заставило потерять голову, — тяжело напомнил Крейн. — Но я... я всегда страшился, что унаследовал одну странную психическую заразу.

— Ты хочешь сказать, что твои родители были ненормальными? — переспросил удивлённый геолог.

— Не совсем, — невыразительно ответил Крейн. — Хотя моего отца считали немного сумасшедшим. Видишь ли, он не знал, кто он такой. — Казалось, переполненные болью глаза Крейна обратили взгляд в далекое прошлое, когда он заговорил медленным, тяжёлым голосом. — Тридцать лет назаднесколько охотников в канадских дебрях к югу от Гудзонова залива нашли бродящего по дебрям безумца. Человека великанского роста, голого, измотанного, оголодавшего, умирающего от тяжёлой раны на голове. Он ничего не знал, ничего не помнил — даже собственного имени, и не мог сказать ни слова ни на каком языке. Разум его был полностью чист, как у младенца... Его отвели на ближайший торговый пост, и тамошний священник позаботился о нём, научил его говорить по-английски и дал ему имя Джон Крейн. Со временем Джон Крейн переехал в Соединённые Штаты, женился и обзавёлся сыном — мною. Но он так никогда ничего и не вспомнил о своём прошлом. Умер он пять лет назад...

Когда Филип Крейн закончил, в голосе его слышалась болезненная мука.

— Так что я много раз видел отца сидящим и уставившимся в никуда, пытающегося вспомнить. Но он не смог! Это было тенью, отбрасываемой на всю его жизнь. И это также было тенью, отбрасываемой и на мою жизнь. Потому что я страшился, что унаследовал отцовскую... странность. Я всегда почему-то чувствовал, что есть что-то важное, что мне следует помнить, и

всё же вспомнить не мог. Иной раз, когда меня что-то взволнует, как этот розыгрыш по радио сегодня вечером, мне кажется, что я вот-вот это вспомню. И я никак не могу изгнать у себя из головы эти тени!

Тёмные глаза Крейна почти умоляли, когда он посмотрел на остальных.

— Думаете, это потому что я... нездоров психически? — прошептал он. — Я предпочёл бы скорее умереть, чем спать.

— Филип, нет! — вскрикнула Кей. — Ты просто слишком долго размышлял о своём отце!

— Кей права, — заявил Джон Мартин, — Филип, тебе следовало рассказать нам об этом давным-давно. Мы б заставили тебя понять, что это все чушь...

— Твой отец не мог быть психически дефективным, Филип, — подчеркнул Джон Мартин. — Амнезия, вообще-то, результат шока... Именно она, должно быть, и произошла с твоим отцом. Но она не имеет никакого отношения к безумию и не может передаваться от отца к сыну.

— Тогда почему же вышло так, что я всю свою жизнь тоже чувствовал, будто есть что-то, что я никак не могу вспомнить? — выкрикнул Крейн.

— Это всё бессознательная имитация с твоей стороны... имитация своего отца, — провозгласил Мартин. — Ты видел, как он пытается вспомнить своё прошлое, и это заставило

тебя думать, будто и у тебя есть что-то, что ты не можешь вспомнить.

— Хотел бы я в это поверить, — пробормотал Крейн, — но если я на самом деле нормален, то с чего бы мне терять голову из-за этого розыгрыша по радио?

— Филип, эта одержимость покинула бы твой разум, если бы ты знал, кто на самом деле твой отец, — серьёзно объявил Джон Мартин. — Всё просто оттого, что твой разум донимает та старая тайна, эта её неразгаданность.

— Но я ж не знаю точно, — безнадёжно молвил Филип Крейн, — и никакого способа выяснить это не существует.

— Ты когда-нибудь ездил в Канаду, туда где нашли твоего отца, и пытался найти какой-то ключ к установлению его личности? — спросил геолог.

— Нет, но отец туда ездил дважды и не смог там найти никого, кто когда-либо видел его или слышал о нём, до того как его нашли в лесу.

— Но ты мог бы, полетав на самолёте над теми местами, прочесать те дебри и отдалённые торговые посты лучше, чем твой отец, — настаивал Мартин.

На белом лице Крейна в первый раз отразилась слабая надежда.

— Ты действительно думаешь, что есть шанс что-то узнать? — серьёзно спросил он.

— Конечно! — заверил его Джон Мартин — И что ещё важнее, мы с Кей отправимся вместе с тобой. Этой осенью мы планировали устроить себе отпуск на севере, и эта экспедиция прекрасно в него вписывается.

— Папа, я надеялась, что ты это предложишь! — воскликнула, сияя карими глазами, Кей.

— Запишите-ка и меня в состав этой экспедиции, — вставил Скотт Фултон. — У меня тоже скоро отпуск, и мы все можем слетать туда на моём самолёте.

— Скотт, с твоей стороны это замечательно — сделать нам такой подарок! — радостно воскликнула Кей.

— Вам? — переспросил, улыбаясь, пилот. — Да я думаю только о том, какая там шикарная рыбалка.

Чёрная безнадёжность на мгновение слетела с лица Филипа Крейна. У них было мало шансов на то, чтобы разгадать

тайну тридцатилетней давности. Однако если он только сможет разгадать её...

Почти стертые воспоминания в дальних уголках его памяти неожиданно заставили его странно загореться этими поисками чего-то, что, как он смутно ощущал, годами лежало там на далёком севере. Нечто таинственное и громадное ждало его там... ждало его уже тридцать лет!

Глава II. Таинственные обломки

— Вон то самое место! — крикнул, перекрывая рёв мотора Скотт Фултон. — Вон там внизу, к востоку от слияния рек. Место, где обнаружили Джона Крейна! — Филип Крейн напряжённо поглядел вниз. Они находились к северу от Квебека. Лежащий внизу бескрайний лес в утреннем свете казался лохматым морем, шепчущей тёмно-зелёной громадой из туй и сосен. Ближайший торговый пост находился в двух часах лёта на юг. Каким образом его отец забрёл в эти отдалённые дебри, голый и раненый? И откуда он пришёл?

Крейн, ни на что не надеясь, чувствовал, что визит в эти отдалённые дебри, где когда-то обнаружили его отца, был для него последним шансом.

— Может быть, и есть какой-то ключ к этой тайне, — настаивал геолог, но сам Крейн в глубине души считал, что эта тайна никогда не будет раскрыта и её злоеющая тень никогда не будет развеяна по ветру.

Мысли его вернулись к ночам, когда он видал великанскую фигуру отца, стоящую тёмным и неподвижным силуэтом на крыльце их дома. В такие ночи отец с тоской глядел на сверкающее звёздами небо, словно пытаясь прочесть в небесах тайну своей личности. Филип вспомнил времена, когда Джон Крейн внезапно останавливался посреди работы или игры и недоумевающе и с тоской глядел в пространство словно он неожиданно вспомнил о чём-то важном в какой-то иной жизни, в ином существовании. Вспомнил о... о чём?

— Глядите, там внизу что-то есть! — внезапно взволнованно воскликнула Кей. — Вон!

Крейн проследил за тем, куда указывала Кей. У него ёкнуло сердце. На дне небольшого поросшего лесом оврага лежал тускло отблескивающий смятый металлический корпус.

— Какие-то металлические обломки! — воскликнул Крейн.

— Обследуем их, — объявил Джон Мартин. — Этот овраг всего в десятке миль от того места, где нашли твоего отца. Это может что-то значить.

Скотт Фултон уже заметил крошечное озеро, где он мог посадить свой самолёт-амфибию. Через десять минут путешественники уже пробирались через лес к обломкам.

— Не строй слишком больших надежд, Филип, — посоветовал геолог. — Это может оказаться пустышкой.

— Знаю, — ответил Крейн, и всё же его тёмные глаза загорелись новой надеждой.

Гигантские сосны и туи задавили тут весь подлесок, и участники экспедиции шли среди торжественных соборных теней огромных стволов, шагая по податливому ковру из опавших сосновых игл. В воздухе стоял холодок подступающей осени.

В том узком овраге, где они заметили обломки, густо росли молодые деревья и кусты. К тому времени, когда спутники спустились на самое дно оврага и принялись пробивать себе дорогу сквозь заросли, они порвали себе одежду и запыхались.

Через пять минут Скотт Фултон закричал:

— Вон они, впереди!

Сквозь густые заросли кустов и молодых деревьев проглядывал тускло сверкающий смятый серебристый корпус.

С гулко стучащим от волнения сердцем, Филип Крейн вышел вперёд. Остальные не отставали от него ни на шаг. Добравшись до металлического корпуса, все резко остановились.

— Что за катастрофа! — воскликнул Скотт Фултон.

— Это не самолёт, как я думал, — нахмурил брови Джон Мартин. — Но что же это такое?

Глаза Крейна ярко заблестели, когда он уставился на обломки. Эти странные на вид обломки почему-то казались ему знакомыми. А потом он понял, что этот потерпевший катастрофу предмет ранее был цилиндрическим металлическим лётательным аппаратом двадцати пяти футов в диаметре и

шестидесяти футов длиной. Но вся передняя часть разбилась всмятку от сильного столкновения. А вот задняя часть серебристого корабля уцелела лучше.

— Эти обломки пролежали здесь не один год, — заявил Джон Мартин. — Видите, в передней части сквозь обломки уже проросли небольшие деревца.

— На мой взгляд, эта штука смахивает на один из тех причудливых воздушных кораблей, какие бывало строили в ранние времена воздушных полётов, — подтвердил Скотт Фултон. — Тогда пробовали много странных моделей.

— Если ты прав, то дата этой катастрофы будет лет так тридцать назад или около того, — задумчиво произнёс Мартин.

— И именно тридцать лет назад моего отца и нашли бродящим неподалёку отсюда! — взволнованно воскликнул Филипп Крейн.

Геолог кивнул.

— Если твой отец летел на этой штуке, когда та разбилась, то это объясняет рану у него на голове и шок, лишивший его памяти.

— Тогда мы, возможно, сумеем найти в этих обломках какой-то ключ к тому, кем же был мой отец! — с энтузиазмом воскликнул Крейн.

Он уже взволнованно бродил среди обломков, пытаясь найти вход в этот цилиндр. Миг спустя он-таки нашёл в неповреждённой задней части корабля какую-то дверцу. И быстро залез в цилиндр. Другие забрались следом. И оказались в коридоре, ведущем к корме. Тот оказался завален нанесёнными ветром сосновыми иглами, сухими листьями и пылью. Заканчивался это коридор широкой металлической дверью без ручки или замочной скважины.

— Весь этот чёртов корабль сплошь из металла! — подивился Фултон. — Неудивительно, что эта проклятая штука грохнулась.

— Металл этот крайне лёгкий и прочный, — указал Джон Мартин, ощупывая подобранный им фрагмент обшивки. — Кто бы там ни спроектировал этот корабль, он знал толк в своем деле.

Крейн не обратил на всё сказанное никакого внимания. Протянув руку, он надавил на пластину над закрытой дверью. Дверь открылась, отъехав в стену.

— Откуда ты узнал, что она так открывается, Филипп? — поражённо спросила Кей.

Крейн остановился, странно похолодел, поняв, что только что сделал. А в самом деле, откуда он узнал?

— Не знаю, — ошеломлённо отозвался он. — Просто я, кажется, помню...

Скотт Фултон уставился на находящееся за открытой дверью. И поражённо воскликнул:

— Это штука, чёрт возьми?

Вся задняя часть корабля представляла собой единую металлическую камеру. Ей явно предназначалось хранить, на

поглощающем сотрясения каркасе из тяжёлых балок, какую-то большую машину.

Машина же эта представляла собой механизм гротескный и незнакомый. Её самой поразительной чертой являлась дискообразная платформа из толстого металла молочного цвета десяти футов диаметром, стоящая на изоляторах высотой в фут. А под этим металлическим диском тянулась сеть из проводов, соединённых с аппаратом. На равноудалённых местах вокруг кристаллической платформы располагалось шесть предметов, похожих на пчелиные соты, обмотанные серебристыми проводами и одинаково увенчанных хрустальными шарами. На одной точке на краю этой платформы подымалась металлическая панель управления с рядом из восьми рычажков, ярко-красной кнопкой и скоплением маленьких стеклянных лампочек. А прямо над этой панелью управления висел большой чёрный металлический конус, полый внутри, с основанием, направленным вниз на диск из кристалла.

— Что это? — воскликнула Кей.

— Понятия не имею, — нахмурясь, ответил её отец. — Никогда не видел подобного аппарата или машины.

Филип Крейн их не слышал. Он воззрился на этот механизм, широко раскрыв свои блестящие от волнения иссиня-чёрные глаза. Эта машина... её он смутно помнил!

Он не помнил, для чего она предназначалась. Но что-то, казалось, говорило ему, что механизм этот являлся крайне важным, чем-то, от чего зависели колоссальные силы, и состоянием которого он был озабочен.

— Давайте-ка вытащим отсюда этот аппарат, и попробуем выяснить, как же он работал, — порывисто предложил он. — Если нам удастся выяснить природу этого аппарата, то мы узнаем, в чём заключалась цель экспедиции этого старинного воздушного корабля. И тогда мы можем попытаться выяснить, откуда тридцать лет назад отправилась та экспедиция и кто в ней участвовал.

Массивное лицо Джона Мартина отразило сомнение.

— Но сможем ли мы вытащить эту штуку, Филип? — возразил он.

— Двери тут широкие, — указал Крейн. — Их явно сделали такими с целью облегчить манипуляции с этой машиной.

Мы сможем её вытащить. Нужно приложить лишь небольшое усилие.

Видя горящее нетерпением лицо Крейна, Джон Мартин согласился. Однако воплотить в жизнь задуманное оказалось не так-то просто. Путешественники нарубили молодых деревьев, отсекли ветки и использовали их в качестве тормозов и рычагов, посредством которых и вытащили этот тяжёлый, приземистый механизм из разбившегося корабля. К тому времени, когда они наконец извлекли эту машину и установили на небольшой травянистой поляне, уже вечерело.

— Рад, что с этим закончено, — облегчённо крикнул Скотт Фултон. — Теперь, пока вы там возитесь с этой штуковиной, я исследую сам разбившийся корабль.

Бросив обеспокоенный взгляд на Филипа Крейна, Кей отправилась вместе с пилотом. Когда они час спустя вернулись, Крейн по-прежнему пребывал в восторге от изучения всех деталей той странной машины.

— Не могу понять назначение этого корабля, — сообщил им озадаченный Фултон. — Там есть идущие по всей его длине большие трубы, которые могли быть выхлопными трубами или дюзами ракет. Но кто же тридцать лет назад слышал об экспериментах с ракетами?

Джон Мартин, нахмуясь, покачал головой.

— В этом разбившемся корабле всё странно. Желал бы я понять это.

— Вы выяснили, для чего эта машина и как она действует? — спросил Фултон.

Филип Крейн повернул в их сторону взволнованное лицо.

— Нет, пока не выяснили. Эта штука — настоящая загадка. Но кое-что мы таки выяснили.

Он поднялся и шагнул на кристаллический диск и показал на красную кнопку на пульте управления.

— Видите? На пульте есть крошечная серебристая рука, указывающая на эту кнопку. Помещена туда, как я считаю, для напоминания, что, когда машину приводят в действие, надо сперва нажать на эту кнопку.

— Не нравится мне эта штука, — сказала вдруг Кей, глядя на машину серьёзным и недоверчивым взглядом. — Она выглядит такой... чужеродной.

Но Крейн уже нетерпеливо нажал на красную кнопку. Та со щелчком ушла в пульт.

На пульте управления тотчас же вспыхнули два красных огонька. А из похожего на соты аппарата вокруг диска поднялось медленное гудение. Мартин и Филип Крейн изумлённо уставились на эти гудящие штуки, похожие на соты.

— Откуда же она берёт энергию? — поражённо пробормотал геолог. — Должно быть, у неё есть какой-то независимый источник энергии... и всё же в ней нет ничего похожего на батарейку.

Аппарат продолжал гудеть. Но никаких других изменений не произошло. На лице Крейна отразилось глубокое разочарование.

— Ну должна же эта штука быть для чего-то предназначена! — воскликнул он.

Когда он впился взглядом в машину, похожие на тени воспоминания у него в голове сделались громкими, сильными. Казалось, они что-то шептали, о чём-то молили. Умоляли его что-то сделать с этим механизмом, что-то, для чего тот и предназначался, что-то жизненно важное.

— Если эта штука ни для чего не предназначена, — медленно произнёс наконец он, — то нам не...

Из полого конуса над пультом внезапно прозвучал крик. Пронзительный, заряженный эмоциями голос, задышавшись от волнения, поднялся до визга.

— *Таркол!* — неистово воззвал этот пронзительный голос. — *Таркол нья рире!*

Все уставились друг на друга с побледневшими в сгущающемся сумраке лицами. А из конуса тот дрожащий, пронзительный голос продолжал взывать:

— *Таркол! Таркол!*

Пронзительный, дрожащий голос старика, вызывающий словно издалека, с неистовым, сверхчеловеческим чувством!

Глава III. Голос из пустоты

Первым заговорил Джон Мартин.

— Эта штука какого-то рода радио, — объявил он. — Но кто же к нам обращается? Язык этот мне не знаком, а я их знаю много.

— Таркол — это имя! — воскликнул Крейн. — Я, кажется, его уже слышал, равно как и этот язык.

Высокого Крейна стала бить дрожь, а его чёрные глаза заблестели. Этот голос, этот незнакомый язык, он их почти понимал! И имя Таркол мгновенно запустило в ткань его воспоминаний сильные пальцы. Взволнованный, заряженный эмоциями голос снова пронзительно крикнул из конуса.

— *Таркол! Су Дандор! Дандор!*

— А Дандор — это, должно быть, его имя! — воскликнул Филип Крейн — Он ждёт ответа.

И Крейн импульсивно быстро шагнул вперёд и громко крикнул в пустотелый конус.

— Говорит Филип Крейн! Кто ты? Откуда вы ведете передачу?

Затем вновь наступило безмолвие. Минута шла за минутой, и не приходило никакого ответа.

— Должно быть, эта штука не способна передавать, — пробормотал наконец Фултон. — Твой вызов не прошёл.

И тут вдруг, противореча тому заявлению, из конуса вновь раздался пронзительный старческий голос. Теперь старик казался озадаченным и по-прежнему дрожал от лихорадочного волнения.

— *Крейн?* — повторил он. — *Филип Крейн?*

— Он не понимает по-английски! — воскликнул Крейн. — Попробую другие языки.

— Говорит Филип Крейн! — снова позвал он. И повторил это по-испански и по-французски. Джон Мартин добавил переводы ещё на пять языков.

После чего они ещё подождали. Снова потянулись минуты безмолвия, прежде чем из конуса пришёл ответ.

— *Крейн?* — повторил тот же старческий голос, ещё более озадаченно. — *Квир Таркол? Су Дандор!*

— Он не понял ни одного земного языка! — воскликнул Крейн. — Это невероятно!

— Тут есть уйма куда более невероятного, — отметил бледный и ошеломлённый Джон Мартин. — Ты заметил, сколько времени потребовалось нашему сообщению, чтобы дойти до этого Дандора, кем бы там тот ни был, а его сообщению — обратно до нас? В обоих случаях — больше десяти минут!

— И что? — не уразумел Фултон.

Но Филип Крейн Мартина понял. И, замерев, уставился на геолога.

— Такое... это невозможно! — воскликнул он.

— Что именно невозможно? — обеспокоенно спросила Кей.

— Радиосигналы передаются со скоростью света, — объяснил ей отец, — триста тысяч километров в секунду. И всё же им потребовалось десять минут, чтобы добраться до этого Дандора, и ещё десять минут, — на то, чтобы вернуться от него. Должно быть, он более чем в ста миллионах миль от нас!

— В ста миллионах миль? — недоверчиво переспросил Скотт Фултон. — Да нигде нет такого места, которое... — и умолк, с отвисшей челюстью. На лице его появилось выражение благоговейного трепета. — Вы хотите сказать — на другой планете? В другом мире?

— Планета Марс сейчас более чем в ста миллионах миль от Земли, — немного хриповато отозвался Джон Мартин.

— Марс? — воскликнула Кей. — Папа, ведь не хочешь же ты сказать, что...

Все поражённо умолкли, обратив взгляды к небесам, где спокойно светили сонмы сверкающих звёзд. И Филип Крейн ощутил неистовое волнение в груди. Словно после всех этих лет в нём выкристаллизовывалась смутная уверенность.

— Да, Марс, — прошептал он. — Тот голос — оттуда. Я это знаю!

— Но эта машина, это радио, или чем там она является, не могла прилететь оттуда! — недоверчиво возразил Скотт Фултон. — Как она могла попасть на Землю?

— Ты же сам сказал, что у разбившегося корабля есть ракетные дюзы? — пробормотал Джон Мартин.

— Ты хочешь сказать, что это ракетный корабль, прилетевший сюда тридцать лет назад с Марса? — воскликнул Фултон.

Кей не сводила глаз с блестящих глаз Крейна и его преобразившегося лица.

— Филип, — прошептала она, — если твой отец действительно находился на этом корабле, если он получил рану и потерял память при аварийной посадке, то тогда он прибыл с...

— Господи Боже! — потрясённо уставился на Крейна Джон Мартин. — Твой отец ведь не мог прилететь оттуда, Филип?

— Не знаю, — отозвался тяжёлым шёпотом Крейн. — Но тот розыграш по радио про высадку космических кораблей... почему же меня это так взволновало? Почему это чуть не заставило меня вспомнить... что-то?

— О, это всё бред! — теперь голос Скотта Фултона зазвучал много грубее. — Эта мысль, что твой отец мог явиться с той планеты там в небе!

— Слушайте! — внезапно призвал всех Крейн.

Из конуса у них над головами снова раздался тот пронзительный старческий голос Дандора.

— *Крейин! Филипп Крейин!* — неужели этот голос взывал к ним, через немыслимые бездны космоса, из иного мира. — *Су Дандор*, — взывал он. — *Квир Таркол?*

А затем начались события нереальные, словно сон: Филипп Крейин час за часом обменивался словами со стариком, назвавшимся Дандором. Странные, ставящие в тупик попытки понять друг друга. У Крейна было странное ощущение, что он почти понимал речь Дандора. Он не чувствовал ничего, кроме горячего порыва понять этот пронзительный голос!

— Слушайте, — взволнованно приказал Крейн.

Дандор слал теперь им через космос звуки колокольчиков; чёткие, плавные звуки. Один за другим, пока разом не прозвучали все восемь тонов.

А затем голос Дандора громко назвал их:

— *Ахи! Нан! Зор! Ксел! Ви! Фин! Оро!*

Снова восемь нот звона, а затем восемь незнакомых односложных слов.

— Цифры от одного до восьми, на его языке, — пробормотал себе под нос Джон Мартин. — Это достаточно ясно — но почему?

— Восемь тумблеров на пульте этой машины! — внезапно вскричал Крейн. — Вот о чём он пытается нам сказать!

— *Зор!* — настойчиво призвал из конуса Дандор. — *Зор, Филипп Крейн — Зор!*

— Третий... третий тумблер! — выкрикнул Крейн. — Он сообщает нам, в каком порядке надо включать эти переключатели для приведения этой машины в действие!

Его рука метнулась к третьему тумблеру. Но Джон Мартин схватил его и оттащил от пульта.

— Нам нельзя соваться в это дело вслепую, Филип, — возразил он. — Мы всё ещё не знаем о предназначении этой машины.

Глаза Крейна горели от возбуждения.

— Прислушайся к тону голоса старика... он же умоляет нас... У него есть какая-то важная цель, которой мы не понимаем!

— Филип, — заявил Мартин. — Мы не должны действовать, пока не выучимся языку того Дандора, не узнаем, где он обретаётся и чего хочет.

Филип Крейн заколебался. Он признал весомость доводов геолога. И всё же он разрывался между тем умоляющим, пронзительным голосом, пробирающим его до глубины души, требующим подчиниться.

— Тогда подождём немного, — наконец неохотно сказал он. — Пока не поймём.

— *Зор, Крейн... Зор!* — призвал пронзительный напряжённый голос из конуса.

Крейн не отрывал взгляда от этого третьего тумблера. Что произойдёт, если он его включит?

— Давайте отложим этот эксперимент до завтра, — серьёзно предложил Джон Мартин. — Нам всем нужно выспаться, отдохнуть. А завтра попробуем разгадать эту тайну.

Крейн сошёл с кристаллического диска и последовал за остальными к палаткам. Но он постоянно оглядывался, терзаемый сильнейшим импульсом вернуться.

Перед тем как улечься спать, они почти не разговаривали. Все были слишком ошеломлены грандиозностью открывшихся возможностей. Остальные смотрели на Крейна несколько стеснённо, словно тот вдруг сделался инопланетянином. Его собственные мысли метались, как ошпаренные. Перед ним открылись невероятные горизонты. А похожие на тени воспоминания накатывали, словно волны в бурную ночь! Однако сколько Крейн не пытался разобраться в их хитросплетениях, ему это так и не удалось.

Чуть позже, лёжа на койке, Филип Крейн слышал тяжёлое дыхание Фултона и геолога, когда те уснули. Но сам он лежал, глядя сквозь открытый полог палатки на звёздные небеса, на красную искорку Марса, которая сейчас только восходила над горизонтом. Эта красная крапинка мерцала словно огненный глаз, гипнотический, манящий. Взывающий к нему! В своём горячем состоянии души он не мог больше лежать сложа руки. Крейн поднялся, бесшумно надел ботинки и зашагал сквозь звёздный свет к разбившемуся кораблю.

В тусклом свете звёзд мрачно высилась приземистая машина, смутно поблескивала платформа кристаллического диска, а красные огоньки на пульте по-прежнему горели. Не выдержав Крейн поднялся на диск и слышал по-прежнему раздающийся из конуса голос Дандора.

— *Крейн! Зор... зор... зор...*

Голос казался усталым, измотанным и хриплым от переполнявших его эмоций; упав почти до надрывного шёпота. На душе Крейна словно кошки заскребли, когда он понял, что всё это время пожилой Дандор, должно быть, взывал к нему, умолял.

— Я не могу сделать того, чего ты хочешь, — произнёс в конус несчастным тоном Крейн, зная, что понять его не смогут. — Мне не позволят.

Через несколько минут вернулся голос Дандора, более громкий, дрожащий, умоляющий.

— *Зор, Крейн! Роп Таркол... зор роп Таркол!*

Таркол! Почему от этого имени всякий раз по венам Крейна прокатывалась волна дрожи? Он не мог понять. Знал только, что оно заставляло что-то в нём бурно оживиться и возжаждать чего-то.

А потом к нему стремительно пришло решение. К чему бы там оно ни привело, что бы там с ним ни произошло, он должен сделать то, о чём просил Дандор.

— *Зор, Дандор!* — крикнул он в конус, неожиданно воспрянув духом. — *Зор!*

И его рука, с усилием, включила третий тумблер. Какой-то миг ничего не менялось. А затем Крейн, напряжённо стоявший в ожидании, уловил, как глубоко внутри толстого кристаллического диска, на котором он стоял, собралось голубое свечение. Переливающийся волшебный свет постепенно рос, пока Крейну не стало казаться, будто он стоит на непрозрачной платформе из жемчужно-голубого огня. А похожие на соты трансформаторы теперь гудели громче. И тут раздался голос Дандора, бурный от горячей радости и облегчения.

— *Ни Ксел, Крейин! Ксел!* — Четыре ноты колокольчиков, повторяющиеся вновь и вновь. А затем прозвучал новый приказ: — *Ксел!*

Крейн нетерпеливо щёлкнул четвёртым тумблером. Похожий на соты аппарат загудел ещё громче. Непрозрачный свет внутри кристалла, казалось, бурлил и вращался, словно свёртывающиеся кольцами змеи голубой люминесцентности. И Филип Крейн ощутил странное, ненормальное содрогание во всём своём теле, словно сквозь него струились какие-то сверхчеловеческие силы!

— *Ахи, Крейин... ахи!* — крикнул дрожащий, невыразимо напряжённый, голос Дандора. Прозвучала одна нота колокольчика. — *Ахи!*

И Крейн, сотрясаясь от протекавшей через него струящейся силы, протянул руку к первому тумблеру.

— Филип, нет!

Кричала Кей! Она бежала к кристаллическому диску, теперь уже пылающему светом. Девушка вскочила на него и неистово вцепилась в руку Крейна. Лицо её казалось лихорадочным, болезненным от страха, а карие глаза расширились от ужаса перед сверхъестественным.

— Отойди, Кей! — крикнул он в ответ. — Я должен это сделать. Что-то там призывает меня!

— Отец! Скотт! — неистово позвала девушка.

Крейн услышал., как ей ответили поражёнными голосами подбегающие Джон Мартин и Фултон. Они не должны его остановить, только не сейчас!

— Ахи! — в отчаянии призывал голос Дандора. — Ахи!

Крейн грубо толкнул Кей с диска. А затем метнулся к пульту. Рука его стремительно щёлкнула тумблером. Ещё включая его, Крейн почувствовал, как каждый атом его тела, по-видимому, вывернуло и раскололо той ужасающей силой.

И почувствовал, как его швырнуло во тьму. Он ничего не видел и не слышал, но у него возникло странное ощущение полёта в космосе с невообразимой скоростью. Ракетой, несущейся в космической бездне со скоростью света!

В тот необычайный миг он сознавал присутствие Кей, где-то неподалёку от него, летящей подобно ему самому в невообразимые космические бездны. И почувствовал приближение к какому-то огромному телу. А затем ощутил ещё один необычайный шок как от сильного удара. А затем — тьма.

Глава IV. Сын Марса

Крейн открыл глаза. Он оцепенел от сверхъестественного потрясения и какой-то миг, казалось, не в состоянии был полностью оценить поразительный характер своего положения.

Он лежал на кристаллическом диске, а Кей — без сознания рядом с ним. Диск был тусклым, мёртвым, не пылающим светом, как тот, который они только что покинули. Сперва Крейн подумал, что они с Кей просто лишились чувств под действием какой-то странной силы странной машины.

— *Крейин!* — воскликнул пронзительный, поражённый голос. И голос этот исходил откуда-то рядом с ним!

Ошеломлённый Крейн поднял взгляд. Над ним склонился старик с морщинистым лицом, высоким лбом и выбеленными возрастом скудными волосами. Но глаза его поражали — чёрные, большие, говорившие об огромном интеллекте. Одежда этого старца состояла из короткой белой шёлковой туники с наброшенным на неё длинным серым шёлковым плащом. И лицо Филипа Крейна он разглядывал с изумлением.

— Ты... кто ты? — хрипло пробормотал Крейн.

— Дандор! — нетерпеливо крикнул старец, ткнув себя в грудь. — Су Дандор!

Дандор! Тот самый, кто взывал к нему через бездну космоса? Сердце Крейна бурно застучало. Как он мог оказаться здесь, рядом с Дандором? Где он находился?

Позабыв на миг о лежащей без сознания девушке, Крейн с трудом поднялся на ноги. Его высокая фигура покачнулась, а тёмные глаза расширились, когда он ошалело огляделся вокруг.

— Это место, — поперхнулся он. — Где я...

Он находился в большом круглом зале со стенами, сложенными из тронутых временем блоков из светло-красного камня. Освещалось это помещение ярко пылающим участком потолка, смахивающим на искусственное солнце. А механизм, на котором стоял Крейн и лежала Кей, располагался в центре помещения. Вдоль стен поднимались машины незнакомого вида. Некоторые казались телескопическими и стереоскопическими аппаратами, а другая сильно походила на динамо-машину. Ещё одна выглядела странно похожей на человека, с огромным серебристым металлическим телом, руками и ногами, и луковицеобразной головой с двумя сверкающими линзами вроде глаз.

Ошеломлённый взгляд Крейна застыл на открытом окне. Он, спотыкаясь, подошел к нему. Тело его казалось необычно лёгким, невесомым. Когда он выглянул из окна, по его пылающему лбу хлестнул холодный ветер — холодный, резкий сухой воздух с мелкими частицами песка. А при виде странной сцены снаружи Крейн решил, что сходит с ума.

Он видел перед собой иную планету! До самых смутно видимых горизонтов тянулась освещаемая лунным светом огромная волнистая песчаная равнина. А над этими торжественно безмолвными песками проплывали маленькие мерцающие искорки света, похожие на призрачные блуждающие огоньки. А в южном углу небесного полога из блистающих звёзд висели две серебристые луны: одна — стоящая в вышине, маленькая, а другая —двигающийся на восток блистающий щит! И смотрел он на эту панораму какого-то неземного волшебства и одинокой красоты из верхнего помещения древней, массивной, круглой каменной башни. Но самым удивительным для Филипа Крейна во всём этом, в этой неземной панораме, было то, что она казалась ему смутно знакомой. Внезапно он понял, где именно находится. Хотя это само по себе было невероятно.

— Марс! — хрипло воскликнул он. — Боже мой! Иная планета!

Он ошеломлённо развернулся. Его пылающий взгляд пронзил Дандора.

— Как я сюда попал? — хрипло выкрикнул он. — Ты — кем бы ты там ни был — говори!

И оборвал себя. Взгляд его остановился на машине из кристаллического диска, на которой лежала уже начавшая шевелиться Кей Мартин. И тут вдруг, с потрясшей его вспышкой проницательности, Филип Крейн понял. Эта машина и та похожая на неё в канадском лесу на Земле, могла создать мост через бездну между мирами...

— Филип!

Кей уже поднималась на ноги, глаза её сделались карими омутами ужаса. Крейн, спотыкаясь, подошёл к ней и обнял её.

— Филип, что с нами случилось? — вскрикнула она.

Поборов собственную нарастающую истерию, он попытался говорить спокойно.

— Это невероятно, Кей, но та машина, которую мы нашли и с которой экспериментировали на Земле, каким-то образом перенесла нас на эту планету. На Марс!

Лицо Кей побелело.

— Нам надо вернуться на Землю! — воскликнула она.

— Да, — хрипло ответил Крейн. Он развернулся к Дандору и схватил старика за тонкие плечи.

— Ты должен отправить нас обратно, понимаешь! Обратно на Землю — сейчас же!

Из угла помещения внезапно донеслось быстрое, тяжёлое лязганье металла. Прямо к Филипу Крейну ринулась живая машина, какой-то здоровенный робот. В ужасе вскрикнув, Крейн отпустил Дандора. Но металлические руки робота уже схватили Крейна, оторвали его от пола. Поднятый вверх, Крейн яростно дрался, но его неистовые удары по непробиваемой металлической голове и телу только привели к кровоподтёкам у него же на кулаках.

— Кро — леор! — яростно выкрикнул Дандор.

Робот, Кро, застыл, держа поднятого Филипа Крейна. Дандор выкрикнул ещё один резкий приказ, и Кро, повинаясь ему, мягко поставил Крейна на пол. Но остался стоять рядом и бдить, его нечеловеческие глаза-линзы следили за каждым движением Крейна.

У Крейна кружилась голова, и он весь дрожал. Как он понял, робот подумал, будто он нападал на Дандора. А тем временем старик быстро заговорил с роботом. Крейн услышал повторенные несколько раз имена «Лану» и «Ингомар».

— *Ни, рала,* — наконец произнёс робот металлическим голосом, исходящим из отверстия под плящущимися линзами.

И чудовищное металлическое создание прошло мимо Крейна и Кей, открыло дверь и, лязгая, спустилось по каменной лестнице.

Крейн услышал, где-то в основании старой каменной башни, гудение похожее на пчелиное. А затем мельком увидел в открытое окно что-то, несущееся через залитую лунным светом пустыню. Какая-то штука, похожая на гигантскую серебристую змею, двигалась там с невероятной скоростью. А потом он сообразил, что это какая-то машина с управляющим ею Кро, тем самым роботом.

Дандор, с иссохшим и напяржённым от волнения лицом, принялся быстро говорить с Крейном, показывая на предметы и изображая

небольшие действия, каждый раз называя какое-то слово. Совершенно очевидно, он усиленно старался обучить Крейна собственному языку.

К изумлению Филипа Крейна, он усваивал язык почти столь же быстро, как Дандор его учил. Каждое произносимое Дандором слово, каждое имя Крейн сразу же ощущал отпечатавшимся у себя в мозгу. Складывалось такое впечатление, словно он учился языку, который некогда знал, но забыл. Кей же все это время цеплялась за него, глядя в заворуженном страхе на лицо Дандора. Её стройное тело била дрожь...

Должно быть, прошло немало часов. Одна из двух лун уже зашла. Но Крейн теперь разговаривал с Дандором, запинаясь, спотыкаясь, и всё же всё более и более бегло.

— *Тот матеро-мёт на Чолу* — там есть и другие умельцы, которые могут управлять им по нашим инструкциям? — в первую очередь спросил горящий нетерпением Дандор.

— Ты имеешь в виду ту машину на Земле? — в замешательстве переспросил Крейн. — Да, там есть другие люди.

— Хорошо! — воскликнул старый учёный. Его иссохшее лицо засияло торжеством. — Теперь наконец мост через бездну между Бэрой и Чолу, между этим миром и тем, перекинут!

— Филип, попроси его отправить нас на той штуке обратно на нашу родную планету! — взмолилась Кей.

Но когда Дандор понял суть её просьбы, то решительно покачал головой.

— Ваши тела не вынесут ещё одного шока переноса после такого короткого перерыва, — растолковал он Крейну, а тот перевёл его слова Кей. — Вам надо подождать. Но вы можете поговорить с теми другими на Чолу.

Старик коснулся красной кнопки на пульте. Из глубин аппарата послышалось гудение. Дандор сделал им знак говорить в конус над пультом.

— Отец! — неистово закричала Кей. — Отец, ты меня слышишь? Это Кей! — Несколько минут царил безмолвие. А затем из конуса раздался севший голос Джона Мартина.

— Кей! Боже мой, где ты? Мы думали, вас с Филипом аннигилировало. Где вы?

— На другой планете!

Голос её оборвался. Филип Крейн прокричал в конус объяснение. Когда голос Мартина раздался вновь, в нём всё ещё звучал трепет.

— Это невероятно! Потрясающе!

— Скажи ему, — быстро вмешался Дандор, — что он должен оставаться возле машины, готовым включить её, когда мы его призовём, и что он не должен рассказывать об этом другим на Чолу.

Крейн хрипло передал инструкции старого учёного.

— Это наш единственный шанс вернуться, Мартин, — добавил он. — Если ты будешь там, готовый включить машину, когда мы тебя призовём.

— Ладно, Филип, мы будем здесь, — мрачно согласился Мартин. — Но ради бога привези Кей домой целой и невредимой!

— Привезу! — горячо пообещал Крейн. Дандор выключил передающий голосовой конус. А затем, сияя взглядом, положил дрожащую руку на плечо Филипа Крейна.

— Всё хорошо, и мост через бездну переброшен! — воскликнул он. — И ты, Крейн, наконец преуспел в завершении великой миссии Таркола.

— Таркола? — Это имя снова прозвенело в памяти Филипа Крейна как-то знакомо. — А кто такой Таркол?

— Таркол был великим королём-героем нашей расы, — пылко ответил Дандор. — Королём, который тридцать ваших лет назад попытался перебросить мост через бездну между мирами, взяв аппарат для переноса материи на Чолу на ракетном корабле. Веками мы, жители Бэры, мечтали перекинуть мост между этим миром и Чолу. И наконец придумали эти приборы. Они используют давно известную нам тайну — процесс, посредством которого живых существ можно транслировать в виде облаков нематериальных фотонов, в виде электрической энергии, а потом превращать обратно в твёрдую материю, невредимыми.

Старый учёный увидел на лице Филипа Крейна недоверие, и стал объяснять более подробно. Возможно, он подумал, будто Крейн ещё не вполне овладел марсианским языком, но память уже открывала его Филипу Крейну так, словно он говорил на нём всю жизнь.

— Всё довольно просто, — объяснил Дандор. — Есть три фундаментальных вида частиц: электрон и протон, являющиеся частицами материи, и фотон, являющийся частицей радиации. Главное различие между ними в том, что электрон и протон обладают электрическим зарядом, в то время как фотон обладает электрическим полем. Электроны и протоны можно переделать в фотоны, меняя их электрические заряды на поля. Когда это происходит, то твёрдая материя, которая состоит из электронов и протонов, становится облаком фотонов, вещью нематериальной энергии. Человека можно таким вот образом превратить в облако фотонов, и отношения между теми фотонами будут такими же, как отношения между прежними электронами того существа, и поэтому то лицо, даже в качестве роя фотонов, сохранит своего рода псевдо-жизнь и сознание. А рой фотонов можно легко превратить обратно в материального человека. Передатчики материи изобрели с целью воспользоваться выгодой этой тайны. Человек может встать на передатчик материи, разряд силы преобразует его в нематериальное облако фотонов, а такое облако можно со скоростью света спроецировать по тугому лучу к другому передатчику материи, где человек снова станет материальным... Мы знали, что если нам удастся доставить передатчик материи на Чолу, то откроем дорогу с Бэры на Чолу. И сможем за считанные мгновения молниеносно переноситься с планеты на планету. Но сперва нам требовалось доставить одну из машин на Чолу, и конечно же, её требовалось доставить туда физически, в каком-то ракетном корабле. Наконец, после многих испытаний, мы, учёные, смастерили корабль, у которого был шанс добраться до Чолу. Это стало бы рискованной попыткой. Наш великий король Таркол решил возглавить эту опасную экспедицию, успех которой так много значил для Бэры. Таркол отправился сделать героическую попытку с небольшим экипажем тридцать ваших лет назад. На своём корабле он вёз счётчик материи. Вся Бэра напряжённо ждала известия, что Таркол добрался до Чолу целым и невредимым. В этой лаборатории посреди пустыни я, Дандор, ждал, неся вахту рядом с этим передатчиком материи, когда Таркол заговорит со мной через

голосовой конус и доложит об успехе. Но от него так и не пришло никаких известий. И с течением времени вся Бэра поверила, что он погиб, и все скорбели по великому королю, который умер, пытаясь совершить невероятное... Только я, Дандор, несмотря на всеобщее отчаяние, так до конца и не оставил надежду. Я годами продолжал нести свою вахту, надеясь, что Таркол позовёт меня. И вот, наконец, сегодня моя надежда была вознаграждена. Ибо ты позвал, Крейнин, — и включил по моим инструкциям передатчик материи на Чолу. Наша многовековая мечта о дороге на Чолу осуществилась! — При этих словах глаза Дандора сверкнули почти сверхчеловеческим счастьем. — Путь на Чолу наконец открыт! — повторил он. — Теперь наступает великий час судьбы Бэры! Теперь наш мир снова расцветёт и жалкие обречённые будут свободны!

Филип Крейн с диким удивлением уставился на старика.

— Значит, тот потерпевший крушение корабль, который мы нашли на Земле, — хрипло произнёс он, — это и есть тот самый корабль, который пилотировал тридцать лет назад, Таркол, разбившийся при посадке. И на том корабле... — Он напряжённо спросил Дандора: — Есть какое-нибудь изображение Таркола?

Дандор кивнул и достал из шкафчика маленькую статуэтку, выполненную с чудным мастерством

— Это стереофото Таркола, — объявил он.

Статуэтку эту явно создали каким-то способом трёхмерной фотографии. Она изображала фигуру мужчины великанского роста, одетого в странный костюм из туники и плаща, с непокрытой головой. И эти мощные, львиные черты лица не оставляли никаких сомнений.

— Это, — задохнулся Филип Крейн, с ревущей в ушах кровью, — это Джон Крейн. Мой отец!

— Да, — согласился, пылая взглядом, Дандор. — Я понял это, Крейнин, в тот же миг, как увидел твоё лицо. Ты — сын Таркола, нашего великого короля-героя.

Глава V. Сомнения

Рассудок Филипа Крейна от этого откровения пошатнулся. Джон Крейн, его отец — великий марсианский король!

Неудивительно, что Джон Крейн всю свою жизнь на Земле пытался вспомнить прежнюю жизнь! Неудивительно, что этот великан таращился ночь за ночью на звёздное небо, смутно пытаясь припомнить тот другой мир, где он прежде был великим правителем!

— А твой отец Таркол? — напряжённо спрашивал Дандор. — Он умер? Должно быть, так, раз он так и не позвал меня.

— Он умер всего несколько лет назад, — рассказал учёному Крейн. — И тебя он так и не позвал, потому что ничего не помнил о своей жизни на этой планете.

Он рассказал Дандору историю об отцовской амнезии, о тайне, которая омрачала всю его жизнь. И увидел, как глаза старого учёного затуманили слёзы.

— Таркол, наш великий король, мой друг, умер вдали на Чолу, не помня ни о своём народе, ни о своём мире, — прошептал Дандор. — Он жил среди чуждого народа, в то время как мы скорбели по нему как по умершему. И ты, его сын, от женщины с Чолу! Это рука Судьбы, что ты, сын Таркола, принёс наконец весть об успехе героической попытки твоего отца.

— Ты сказал, что понял: я — сын Таркола, как только увидел моё лицо! — произнёс Крейн. — Но я ведь не похож на него, за исключением моих волос и глаз. Как ты смог понять?

— Ты поймёшь это, когда встретишься с Лану, своим сводным братом, королём Бэры, — ответил Дандор.

— Моим сводным братом? — воскликнул Филип Крейн.

— Да, — кивнул Дандор, — когда твой великий отец Таркол покинул Бэру, отправляясь в это опасное путешествие, то оставил здесь малолетнего сына, Лану. Если бы Таркол не вернулся, то королём стал бы его сын, при моём регентстве, пока не достигнет совершеннолетия. Ныне же он — король Бэры. Я отправил Кро, своего робота-слугу, в Ингомар, привезти сюда Лану. Вызвать его по обыкновенному голосовому конусу я не посмел, так как это сообщение может быть услышано Сурпом.

— Сурпом? — переспросил с всё возрастающей ошеломлённостью Крейн. — А кто он?

Лицо Дандора омрачилось.

— Сурп — это могущественный вельможа, который давно строил козни против короля Лану и настроил против него народ. Если Сурт узнал, что король здесь, в этой одинокой башне посреди пустыни, то смог бы ухватиться за такой шанс убрать его с дороги. Потому что Сурп сам стремится влезть на трон — предатель!

— Марсианский король — мой сводный брат! — ошеломлённо ахнул Филип Крейн. — А я — наполовину марсианин! Не могу поверить! Однако у меня всю жизнь были какие-то смутные воспоминания о каком-то другом месте, какой-то другой жизни.

— Да, это так, — подтвердил Дандор. — Потому что мы, бэряне, обладаем определённым даром наследственной памяти, переходящей от отца к сыну, синаптическая матрица в мозгу отца имеет тенденцию воспроизводиться в мозге сына. Не пострадай ментальная синаптическая матрица твоего отца от шока, ты бы унаследовал от него полные воспоминания об этом мире.

— Наполовину марсианин! — выдохнул Филип Крейн.

Лицо Кей было белым, а её карие глаза умоляли, когда она посмотрела на него.

— Филип, но для тебя от этого не будет никакой разницы... И что из того, что в твоих жилах течет отчасти марсианская кровь? — серьёзно спросила она. — Ты же по-прежнему хочешь вернуться на Землю, со мной?

— Да, конечно, — медленно произнёс он. — Я всё ещё ошеломлён... Но я обещал, что ты вернёшься целой и невредимой.

Дандор подошёл к окну и обеспокоенно вгляделся в ночь.

— К этому времени Кро уже должен был вернуться вместе с Лану, — пробормотал он себе под нос. — Если их остановил Сурп... — Затем его глаза вспыхнули. — Вон они! Видишь вдали их Червя?

Крейн вгляделся во всхолмленную охровую пустыню. Сейчас видно было намного хуже, так как зашла более близкая луна. Неподвижная колдовская равнина, беспредельно пустынная, оживляемая лишь странными мелькающими, блуждающими огоньками, которые словно в танце проплывали над бескрайними песками.

Через гребень в нескольких милях от башни двигалась здоровенная, похожая на змею, блистающая при лунном свете металлическая штука, похожая на змея машина, которую Дандор назвал Червем. Она с громадной скоростью неслась по пескам к старой каменной башне.

Вскоре они слышали, как эта машина остановилась у подножия башни, а потом слышали поднимающиеся по каменной лестнице шаги. Тяжёлые, лязгающие шаги робота и более лёгкая поступь человека.

Филип Крейн напрягся. Приближался его сводный брат, король этой планеты!

Лану вошёл в помещение первым. Он был высоким, почти таким же высоким, как Филип Крейн. Одежда его состояла из блестящего багряного плаща поверх белой туники. Обувью ему служили мягкие кожаные сандалии с высоко поднимающимися по ногам ремешками, а его иссиня-чёрные волосы не были прикрыты никаким головным убором. На поясе же у него висела серебристая трубка длиной в несколько дюймов.

— Дандор! — воскликнул он, входя. — Кро сообщил мне, что великий план наконец сработал! — В голосе его звенело ликование. — Если это так, то это означает новую жизнь для нашей умирающей планеты! И это означает конец Сурпу и его изменническим замыслам!

Лану вдруг поражённо умолк, когда увидел Филипа Крейна. При виде землянина его тёмные глаза вылезли из орбит. Филип Крейн тоже застыл как каменный в полном оцепенении, когда посмотрел на своего царственного сводного брата. А со стороны Кей раздался недоверчивый вскрик.

— Филип! Да это же... ты!

Лицо Лану, короля Бэры, было точной копией лица Филипа Крейна!

Однако лицо короля носило более надменное и нетерпеливое выражение, и казалось чуть расплывшимся, но в остальном являлось зеркальным отражением лица Крейна. Сводные братья были двойниками.

— Что это ещё за дьявольское волшебство? — выкрикнул Лану, и его рука метнулась к оружию у него на поясе. — Этот человек — да это же я!

Но иссохшее лицо Дандора светилось улыбкой. Старый учёный посмотрел на остоленевшего Крейна.

— Теперь ты понимаешь, почему я понял, что ты — сын Таркола, как только тебя увидел, — сказал он, обращаясь к Крейну.

— Сын моего отца? — изумлённо воскликнул Лану. — Ты хочешь сказать, что этот человек — мой брат?

— Твой сводный брат, — поправил Дандор.

Старый учёный всё объяснил.

И Филип Крейн во время этого объяснения стоял как человек до крайности изумлённый. Этот марсианский правитель, его сводный брат, и его двойник! Это добавляло последний штрих ко всему тому, что испытал Крейн.

Кей переводила изумлённый взгляд с одного мужчины на другого, словно не в состоянии поверить своим глазам. Один — в запятнанной земной одежде цвета «хаки»; другой — в царственном марсианском наряде. Но по лицу и физически молодые люди являли собой точные копии друг друга.

— Сводный брат с Чолу, да? — пробормотал себе под нос Лану, а затем с подозрением сообщил Крейну: — Ты понимаешь, что я — старший сын... и что правлю Бэрой по праву?

Филип Крейн кивнул и с затруднением произнёс:

— У меня нет никаких притязаний на трон Бэры.

— Мы найдём тебе какое-нибудь место при дворе, — покровительственно продолжил Лану, обращаясь к Крейну, — хоть ты лишь наполовину бэрянской крови. И ты будешь нам полезен, помогая выполнить чолуанскую половину великого плана.

Этой ссылки на какой-то там великий план Крейн не понял. Но Лану ликующе продолжал, с лицом, пылающим мстительным торжеством:

— Теперь я сокрошу этого Сурпа и разрушу все его замыслы! Народ отвернётся от Сурпа и снова повернётся ко мне, когда услышит, что я наконец добился успеха в осуществлении великого плана! Я принесу на Бэру воду с Чолу!

— Воду с Чолу... с Земли? — недоверчиво воскликнул Филип Крейн. — Ты хочешь сказать, что это и есть ваш великий план — забрать воду Земли для этого мира?

— Да, это и есть великий план, Крейн, — ответил ему Дандор. — План, ради которого рисковал своей жизнью твой

отец. — И с энтузиазмом пустился объяснять. — Эта планета Бэра, давным-давно уже стала высыхающим, умирающим миром. Её гидросфера уже веками постоянно рассеивается в окружающий эфир. Потому что таков закон природы: маленькие планеты, со своей меньшей гравитацией, не могут удержать пляшущие молекулы своей оболочки из воздуха и воды столь же хорошо, как более крупные миры, где у молекул скорость убегания более высокая... Некогда, давным-давно, численность населения у нас, бэрян, исчислялась в сотни миллионов. Мы построили на берегах морей великие города и поднялись к гордым пикам цивилизации. Но мы не в силах повелевать Природой. И не можем остановить высыхание нашего мира. По мере того как наша вода улетучивается в космос, наши моря постепенно, постоянно, безжалостно сокращаются... Моря высыхают до маленьких озёр, а потом уменьшаются и те. Там, где раньше были плодородные земли, появляются пустыни. И эти пустыни расползаются, а плодородные земли уменьшаются. Бэра не в силах поддержать жизнь нашего народа. Каждый год от многих людей приходится... избавляться, чтобы могли жить остальные... Мы переместили города к уменьшающимся снегам северных и южных полярных шапок, нашим последним запасам воды. Были построены громадные подземные акведуки, пропускающие драгоценную воду к нашим городам без потерь от испарения. Но снежные шапки тоже постоянно нас подводят, и теперь наше население сократилось до менее чем миллиона, а наши десятки больших городов — до пяти... Но если воду можно будет привезти в огромных количествах с другой планеты, то наша умирающая планета оживёт вновь. Вода сделает Бэру зелёной и плодородной, способной снова поддержать великую расу. Можно будет освободить миллионы обречённых, которые годами молят позволить им жить вновь... — Обречённых? Филип Крейн не понял, о чём тут речь. Но прежде чем он смог спросить, Дандор продолжил: — Мы, бэряне, давным-давно увидели в мире Чолу источник столь нужной нам воды. Мы знали, что на Чолу есть огромные моря. Рутна, вторая планета от Солнца, тоже, как мы знали, обладает водой, но настолько перемешанной с ядовитыми химическими элементами, что,

если её привезти в наш мир, это вызовет реакцию, которая погубит всю нашу планету. Но вот Чолу обладала чистой водой, и в более чем достаточных количествах для возвращения к жизни нашему миру... Веками мы лелеяли эту мечту! Зашвырнуть через космическую пропасть триллионы тонн воды с Чолу на Бэру! Это может быть сделано. Для этого надо всего-навсего установить вдоль океанов Чолу огромное число передатчиков материи, а те будут перебрасывать в этот мир через космическую бездну непрерывные потоки воды... Вот потому мы и надеялись доставить на Чолу хотя бы один передатчик материи. Чтобы можно было через него перебросить на ту, другую планету, людей и материалы и построить множество таких передатчиков, и начать потоком отправлять воды того мира через космос на Бэру. Вот потому твой отец Таркол и рисковал своей жизнью в попытке доставить на Чолу передатчик материи. Он знал, что это означало спасение этого мира!

Худощавое лицо Филипа Крейна стало застывшей маской — внутри него боролись противоречивые чувства, а когда старый учёный закончил, землянин сказал:

— И ты ожидаешь, что я стану помогать вам в этом плане? — закричал он. — Да ведь из-за него моря Земли превратятся в пруды и приговорят наш собственный мир к водному голоданию. Вы хотите, чтобы я помог вам уничтожить Землю и на мой народ!

— Твой народ? — в изумлении воскликнул Дандор. — Те чолюяне не твой народ, Крайин. Твой народ — это раса твоего отца, бэрянская раса, чья королевская кровь течёт в твоих жилах.

— Но я наполовину землянин! — воскликнул Филип Крейн. — А навлечь на Землю такую катастрофу... — Он умолк, оказавшись в полном замешательстве.

Этот план лишит Землю воды ради возрождения к жизни умирающего Марса — он не мог позволить осуществить его! Зелёная, улыбающаяся Земля станет пустыней. Миром, поражённым катастрофой... нет!

И всё же, даже с этой твёрдой решимостью на душе, Крейн сознавал, что в его жилах текла марсианская кровь. И ведь его отец рисковал погибнуть ради этого плана. Если

он, Филип Крейн, был верен Земле, как он и собирался, то он предаст часть своей марсианской крови.

Лану наблюдал за ним, сузив глаза, с подозрением на лице.

— Боюсь, что в жилах моего сводного брата слишком много чуждой нам крови, чтобы быть истинным бэрянником, — изрёк он.

— Он будет верным сыном Марса, — заверил молодого короля Дандор. — Сейчас он ошеломлён тем, что узнал, да и неудивительно. Но можешь быть уверен, никакой сын Таркола никогда не окажется врагом народа своего отца. — Он повернулся к Филипу Крейну и Кей. — Сейчас вам нужно отдохнуть, — заботливо сказал он. — Позже мы об этом ещё поговорим.

Крейн увидел, что старый учёный был уверен в своей способности завоевать его расположение. Но Лану, с его лицом столь странно идентичным его собственному, всё ещё питал какие-то подозрения.

Дандор бросил роботу Кро несколько коротких слов. Здоровенный автомат механически ответил:

— Да, господин.

— Кро отведёт вас в помещение, где вы сможете отдохнуть, — сообщил Дандор Крейну.

Когда двое землян последовали за роботом Крейну пришлось поддерживать Кей. Та, казалось, никак не могла идти ровно из-за этой меньшей силы тяжести, и судя по её виду, от необычных физических усилий она испытывала сильный дискомфорт. Озадаченная, она никак не могла понять всех тех поразительных вещей, которые пересказал ей Крейн в ответ на её нетерпеливые, переполненные эмоциями вопросы. Однако услышанное она приняла стойко — во всяком случае, сперва — как и ожидал от неё Крейн.

Сам Крейн обнаружил, что его мускулы настраиваются на новые условия с изумительной быстротой. И этот холодный, колкий воздух больше не скрёб ему лёгкие...

Лязгающий робот провёл их по темной каменной лестнице вниз, через освещённый ангар или гараж в основании башни, где стояли два огромных Червя — машины, похожие на змей. Ниже этого находился подземный уровень из сухих, хорошо освещённых жилых комнат. Кро открыл дверь одной из них, а затем удалился.

Комната представляла собой квадратную каменную камеру, освещённую одним из маленьких искусственных солнц в потолке. Металлическая мебель отличалась простой — кушетка да кресла, покрытые шёлком, и стол.

Кей опустила в кресло и закрыла лицо руками.

— Мы в миллионах миль от Земли, — трясаясь, прошептала она. — Нам никогда не вернуться домой — никогда!

— Выше голову, Кей, — подбодрил её Филип Крейн. — Когда мы отдохнём, Дандор отправит нас обратно.

Девушка покачала головой; когда она не закрывала лицо, её глаза странно сверкнули.

— Нет, нас не отправят обратно, — прошептала она. — Они хотят заполучить тебя на свою сторону, для того чтобы осуществить свой ужасный план и ограбить Землю, отняв у неё воду. Из-за твоего отца они думают, что ты — марсианин и присоединишься к ним. Ты ведь этого не сделаешь, не так ли, Филип?

— Ну конечно не сделаю, — медленно ответил он. — Я не могу так поступить.

— Я боюсь, как бы ты не забыл Землю, Филип, — задыхаясь, проговорила она. — Ты так сильно похож на своего сводного брата, настолько марсианин внешне...

— Тебе незачем опасаться моей неверности Земле, — сказал он ей; а затем его глаза сузились. — Если мы сможем вернуться к передатчику материи в помещении башни и переправить себя обратно на Землю, то сможем уничтожить передатчик материи на Земле и навеки разорвать связь с Марсом.

— А мы сможем? — с надеждой спросила Кей.

— Сейчас — нет, — ответил он. — Возможно я смогу одолеть Дандора, но вот тот робот — он для меня слишком силен. Возможно, позже.

Лицо Крейна побледнело от переполнявших его эмоций. Он должен предотвратить катастрофу на Земле — и, делая это, он обречёт на гибель мир своего отца!

Через погружённую в безмолвие комнату проплывали маленькие всполохи неясного света, такие как те, какие он видел пляшущими мириадами за пределами башни.

— Что это? — озадаченно спросила Кей. — Похоже, они способны проходить прямо сквозь эти каменные стены.

— Вероятно, это просто какой-то электрический феномен присущий этому миру... — начал было говорить Крейн, когда внезапно раздавшиеся в башне громкие крики заставили и его и Кей вскочить на ноги.

В башню целой оравой ворвались какие-то люди — яростно орущие люди. Сверху донёлся скрежет металла о металл, а затем затихающие предсмертные крики. С разносящимся по башне жутким эхом...

Глава VI. План Дандора

Рука Кей взлетела к её горлу.

Вместе с жуткими предсмертными криками до землян донёлся и хор свирепых криков ярости.

— Там наверху бой! — воскликнул Филип Крейн, его высокая фигура напряжённо застыла, и миг спустя он бросился к двери комнаты. — Жди здесь, Кей!

Но прежде чем он смог открыть дверь, Кей его догнала.

— Нет, Филип, я с тобой! Я не собираюсь оставаться одна в этом ужасном месте.

— Тебе нельзя со мной! — крикнул он. — Пожалуйста, Кей...

Крейн остановился, прислушиваясь. Сверху донёлся громкий торжествующий крик, а потом послышался шум спешно выбегающих из помещения башни. Крейн распахнул дверь и бросился вперёд по небольшому коридору к лестнице. Кей бежала рядом с ним, не отставая.

Снаружи башни, в серебристом свете заходящей теперь луны, с подлужины людей торопливо забирались в большого, похожего на змею, Червя, ожидавшего пассажиров. В тот миг как Крейн выскочил из башни, похожая на змею машина рванула с громким гудением через залитую лунным светом пустыню, прямо сквозь пляшущие блуждающие огоньки.

— Они убрались! — крикнул Крейн. — Что-то случилось... слышите крики?..

Он метнулся вверх по лестнице к башне. У входа в ярко освещённую лабораторию Дандора он в шоке остановился.

В дверях валялось два мертвеца, двое бэранских солдат в туниках из переплетённых чешуек и похожих на фуражки серебристых шлемах. Лица у них были раздавлены всмятку.

В самой лаборатории лежал ещё один мёртвый бэрянин. И рядом с этим трупом на полу вытянулась огромная фигура Кро. Часть торса робота каким-то образом сгрызли, выставляя напоказ сложное переплетение всяких лампочек, проводов и трансформаторов из его жизненно важных органов.

Как раз в этот миг старый Дандор, пошатываясь, поднялся на ноги. По лбу учёного струилась кровь от тяжёлой раны, и его морщинистое лицо представляло собой жуткое зрелище. В трясущейся руке он сжимал длинную серебристую трубку.

— Что случилось? — крикнул Филип Крейн, в то время как Кей в ужасе выглядывала у него из-за плеча.

— Лану! — прохрипел старик. — Они его забрали! Вывели из строя Кро из газового пистолета, после того как тот убил троих из них, завалили меня, а потом бросили, приняв за убитого.

— Короля... похитили? — воскликнул Филип Крейн. — Кто это сделал?

— Подручные Сурпа, — задохнулся от избытка чувств учёный. — Они действовали в масках, но я узнал по голосу Лигора, этого проклятого сынка Сурпа. Именно он сбил меня с ног.

— Сурпа? — переспросил Крейн. — Того вельможи, о котором вы рассказывали, который хочет занять трон Лану?

— Да, — ответил Дандор. Он чуть не падал, в глазах его плескался ужас. — Должно быть, шпионы Сурпа увидели, как Лану отправился сюда с Кро, и доложили своему хозяину. И тот отправил Лигора похитить короля. И теперь Сурп постарается захватить трон! — На лице Дандора отразилась сильнейшая душевная мука. Охваченный сочувствием, Крейн бросился к марсианину.

— Достань мне фиал с оранжевой жидкостью из того шкафчика, — попросил его, еле ворочая языком, Дандор, показав оружием на шкафчик.

Крейн поспешил подчиниться. Он увидел, как Дандор кривится от боли, выливая оранжевую жидкость на рану на темени. После этого рана с невероятной быстротой высохла

и затянулась. Через несколько минут от неё остался только коричневый шрам.

— Наше самое мощное терапевтическое средство, — пробормотал учёный. — Оно способно почти сразу же свёртывать кровь и обезвоживать поверхностную ткань. А теперь посторонись, я избавляюсь от мертвецов.

Крейн отошёл вместе с Кей, и старик нацелил серебряную трубку на мертвых воинов. Из трубки выдуло три облачка зелёного пара, и те угодили в три тела. Тела мгновенно дезинтегрировали: размякли и исчезли — а вместе с ними и часть пола.

— Господи Боже! — воскликнул Крейн, поражённый смертоносной мощью этого оружия. — Что же это за газ такой?

— Это секретный синтетический газ, который почти на все вещества действует как мгновенный растворитель, — пояснил Дандор. — Спротивляться его растворяющему действию может только специально синтезированный металл этих трубок. Мы держим его в трубке под громадным давлением, это — наше самое мощное оружие.

Силы теперь, кажется, к Дандору возвращались. Он нагнулся над неподвижным металлическим телом верного робота.

— У Кро повреждены лишь часть его электрических нервов, — пробормотал он. — Их выстрелы попали по нему, но особого вреда не причинили.

Учёный принялся быстро работать, копаясь умелыми пальцами в сложных хитросплетениях внутреннего механизма робота. А затем с помощью крошечной горелки какой-то маленькой машины приварил над внутренностями робота новую пластину. Кро шевельнул огромными металлическими ручищами и с шумным лязганьем поднялся на ноги. Случившееся ему, кажется, не повредило.

— Ты пострадал, хозяин? — механически спросил он, навешивая на старика лишённые выражения неподвижные глазалинзы.

— Сейчас — нет, Кро, — ответил Дандор, но когда он вернулся к Крейну и Кей, в его словах прозвучала мука. — Жаль, что Лигор не убил меня! Куда лучше быть мёртвым, чем дожить до того дня, когда увижу, как этот выскочка Сурп взойдёт на трон Бэры!

— Что Сурп сделает с Лану? — напряжённо спросил Крейн. — Убьёт его?

Он ощутил, как в нём поднимается странное чувство. Лану, каким бы тот ни был надменным и избалованным, в конце концов, доводился ему сводным братом.

— Нет, Сурп слишком хитёр, чтобы сразу же убить Лану, — ответил с несчастным видом Дандор. — Завтра утром в Ингомаре, столице Бэры, состоится великая ежегодная церемония — Жеребьёвка. И король должен присутствовать на этой церемонии. Когда Лану не появится на ней, Сурп, несомненно, объявит короля пропавшим без вести и провозгласит себя регентом... А коль скоро он станет регентом, то быстро укрепит свою власть. И когда почувствует, что бразды правления надёжно у него в руках, то убьёт Лану. А до той поры будет держать его пленником в каком-то тайном месте, чтоб в случае если с его планами что-то пойдёт не так, он смог использовать Лану как заложника для спасения своей шкуры. — Дандор с миг помолчал, опустив голову, а затем с болью добавил: — А опасность, что Сурп преуспеет, теперь много больше, поскольку Лану знает, что мост через космическую бездну между Бэрой и Чолу уже перекинут. И если Сурп про это узнает, то объявит народу, что это он добился успеха в приведении в действие великого плана. И он поведёт на Чолу бэранские войска, а потом укрепитя на троне, так как народ станет поклоняться любому, кто принесёт на Бэру новую воду.

Филип Крейн пришёл в ужас.

Этот безжалостный вельможа Сурп, выполняющий тот же самый зловещий план, стремительно перебрасывающий через космическую бездну марсианские войска с целью ограбить Землю, лишив её воды, казался много ужаснее Лану! Применив против Земли все вооружение, созданное марсианской наукой, Червей и газовое оружие, и, вероятно, ещё многое, когда Земля станет сопротивляться краже своей воды, они убьют многих... очень многих!

В какой-то миг Крейн хотел было вынудить Дандора отправить его с Кей обратно на Землю, чтобы они смогли уничтожить находящийся передатчик материи. Но потом он сообразил, что это невозможно. В руке у Дандора по-прежнему

находился смертоносный газовый пистолет, да и робот стоял готовый к действию.

— А разве ты не мог бы отправиться в Ингомар и разоблачить Сурпа как похитителя короля? — потребовал он ответа у Дандора.

Старый учёный покачал седой головой.

— Это ничего не даст. Сурп будет просто всё отрицать. Какие у меня доказательства? Все участвовавшие в нападении действовали в масках. — Голос его задрожал. — Нет, если Лану не появится завтра на церемонии Жеребьёвки, то это будет означать конец его правления. Конец длинного ряда правителей Бэры... — И тут голос Дандора оборвался, его большие чёрные глаза внезапно расширились. Он уставился на Филипа Крейна словно в первый раз его увидел. — Крейн! — ликуяще произнёс он. — Как это я раньше об этом не подумал! Есть способ спасти трон для Лану! Он не в силах появиться завтра на Жеребьёвке... но король-то в силах... в силах ты! Ты почти точная копия своего сводного брата. И сможешь удерживать для него, трон пока мы не сумеем найти и спасти его!

Глава VII. Под марсианскими лунами

Филип Крейн пошатнулся от шока, когда осознал всю невероятность предлагаемого Дандором дерзкого замысла.

— Занять место короля этой планеты? — ошеломлённо воскликнул он. — Нет, я этого сделать не могу!

— Можешь! — яростно настаивал Дандор. — Никто на Бэре, кроме нас, не знает, что у Лану есть такой в точности похожий на него сводный брат. Никому и в голову не придет усомниться в твоей личности.

— Но как мне, человеку с другой планеты, дерзнуть пойти на такое! — воскликнул Крейн. — Вы же говорите на языке, которому я только-только научился! Это невозможно!

— Ты сейчас говоришь на бэрянском языке ничуть не хуже Лану! — заявил Дандор. — Потому что ты сегодня ночью не обучался нашему языку, ты его вспомнил. Полное

знание его имелось в синапсической матрице твоего мозга, и я лишь вызвал её к жизни.

— И всё же я совершенно незнаком с вашим миром и его обычаями, — возразил Крейн. — И мигом выдам себя.

— Я буду с тобой рядом и подучу тебя, — с энтузиазмом заверил его Дандор.

— Однако Сурп и его сын Лигор... они же держат где-то в плену настоящего Лану, — напомнил ему Крейн. — И уж они-то поймут, что я самозванец.

— Да, они-то поймут... но не посмеют никому сказать, — парировал Дандор. — Они ни за что не признаются, что похитили короля.

— Не делай того, о чём он просит, Филип! — взмолилась Кей, цепляясь за его руку. — Чем бы это ни было! Не дай им сделать из тебя марсианина!

В мозгу у Филипа Крейна всё закружилось, когда он обдумывал одну внезапно пришедшую ему в голову новую мысль. Это предложенное Дандором грандиозное самозванство... оно ведь могло дать ему шанс предотвратить то, что марсиане запланировали для Земли. Крейн знал, что он, как одинокий чужак, которому противостоит весь мир, не мог надеяться сорвать великий марсианский план. Но, выступая в качестве марсианского короля, держащего в руках бразды правления, он мог разрушить марсианскую мечту. И он должен это сделать. Потому что, сколь бы ни было сильно тяготение его марсианской крови, он не мог обречь Землю на грядущую катастрофу. И он быстро принял решение, ухватился за единственный открывшийся для него шанс.

— Я согласен! — воскликнул он.

— Я знал, что сын Таркола меня не подведёт! — радостно вскричал Дандор.

Глаза Кей широко раскрылись, глядя с ошеломлённым недоверием, когда Крейн поспешно объяснил ей, переводя сказанное Дандором.

— Ты становишься одним из них — ты предаешь Землю! — гневно обвинила она Крейна.

— Я делаю это ради Земли, Кей! — быстро сказал он ей по-английски. — Это единственный открывшийся мне способ защитить наш мир.

— Так значит Земле поможет, если и ты присоединишься к нападающим? — вспыхнула она. — Ты предаёшь свою планету ради трона! Ты не тот Филип Крейн, которого я знала! Ты — один из этих марсиан...

Она пошатнулась и чуть не упала, в лице её не было ни единой кровинки. Крейн обеспокоенно метнулся поддерживать её.

— Она слишком сильно реагирует на меньшую силу тяжести и более разряжённый воздух Бэры, — быстро разъяснил ему Дандор. — А на тебя, наполовину бэрянина по крови, это подействовало не так сильно.

Он заставил Кей проглотить несколько капель молочно-белой жидкости и отвёл её к креслу. Она села закрыв лицо руками.

— А теперь нам надо отправляться в Ингомар! — воскликнул Дандор. — Ночь заканчивается, а Жеребёвка произойдёт вскоре после восхода. Но сперва тебе надо переодеться.

Он достал из шкафчика костюм из марсианской ткани, напоминавшей земной шёлк. Зайдя в какой-то чуланчик, Филип Крейн снял с себя одежду цвета хаки и сапоги и надел незнакомые одеяния. Те состояли из белой шёлковой рубашки-безрукавки и шорт, подпоясанный поверх них короткой белой туники, высоких, мягких кожаных сандалий, и блистающего багряного плаща Лану.

— К счастью, похитители оставили плащ Лану здесь, — пробормотал себе под нос Дандор. — Король должен носить царственное багряное.

Старик так и охнул, когда Крейн чуть подправил на себе одежды для инспекции.

— Ты просто копия Лану!

Крейн взглянул на себя в настенном зеркале. И так и застыл. Он ли это там — эта высокая великолепная фигура, с взметнувшимся за плечами багряным плащом, гордо поднятой головой с тёмноволосым худощавым лицом?

— Кровь Таркола! — проговорил, сверкая глазами, Дандор. — Она видна в тебе, Крейн. Ты выглядишь настоящим королём.

Внезапно кровь в венах Филипа Крейна забулжила, словно крепкое вино. Он, одинокий молодой инженер, — король

Марса! И он внезапно ощутил головокружительный прилив уверенности и власти. В конце концов, ведь он же сын Таркола. Возносящие его кто знает на какую высоту эмоции вызывали в душе холодок. Он позволял своей марсианской крови взять верх. А этого не должно было произойти. Он должен продолжать помнить про Землю и о том, что именно угрожало Земле. Это являлось единственной причиной, почему он вступил в эту игру в роли самозванца.

— Заводи Червя, Кро, — приказал Дандор. — Нам надо спешить.

Здоровенный робот залязгал, спускаясь по лестнице. Крейн накинул на дрожащие плечи Кей марсианский плащи помог девушке встать. Кей не оказала никакого сопротивления, но её карие глаза, когда они встретились взглядами, смотрели с горечью на молодого человека. Он знал, что она ненавидит его за то, что он перешел на сторону марсиан...

Трое заговорщиков вышли из каменной башни на резкий холодок открытого воздуха. Обе луны, которые Дандор называл Кабу и Мору, сейчас заходили, одна — на западе, другая — на востоке.

Дожидающийся их Червь представлял собой гибкий, кольчатый цилиндр, восьми футов в диаметре и двадцати футов длиной. Его кольцеобразные секции соединялись скользящими сочленениями, и поэтому они могли продольно сокращаться и удлиняться.

— Он движется по земле точно так же, как ползёт настоящий червь, — объяснил Дандор, — удлиняя переднюю часть своего тела прямо впереди, а потом сокращая её и подтягивая за ней остальную часть тела. Это движение, повторяемое с огромной быстротой, придаёт Червью огромную скорость. Только такой транспорт и практичен на Бэре, где глубокие пески пустыни задушат любые колёса и где атмосфера слишком разряженная для полётов аэропланов.

— А откуда же берётся энергия? — спросил, пристально глядя на машину, Крейн.

— Да от солнца же, — удивлённо ответил Дандор. — У нас, бэрян, есть только один источник энергии — фотоэлектрический эффект солнечных лучей. Все наши механизмы сконструированы так, что, когда на них падают солнечные

лучи, в них накапливается фотоэлектрическая энергия, которая автоматически накапливается в самой машине как потенциальная. Передатчики энергии работают от той же энергии.

Они залезли через небольшую дверцу в боку Червя. Внутри на универсальных шарнирах поворачивались металлические кресла. Кро уже сидел в кресле управления у окна в носу машины. Спрятанный в хвосте машины мотор уже гудел.

— В Ингомар! — приказал Кро учёный.

— Да, хозяин, — ровно ответил робот.

Кро дёрнул на себя рычаг, и странная машина плавно заскользила по пустыне. При этом не возникало никаких подскокиваний и подпрыгиваний на неровностях почвы, так как гибкое тело машины буквально текло по поверхности. Вскоре Червь уже с высокой скоростью скользил по залитой лунным светом песчаной равнине. Над этой огромной равниной, танцую, дрейфуя, проплывая словно маленькие призраки из света, висело бессчётное число тех ранее замеченных Крейном блуждающих огоньков. Они болтались где попало, словно рассеянная уйма пылающих светляков.

— А что это за сияющие штуки такие? — спросил он Дандора. — Какой-то своего рода электрический феномен?

При этом вопросе на лице Дандора возник смутный ужас.

— Это... Электрои, — ответил он, глядя на те дрейфующие светящиеся штуки с таящимися в глазах чрезвычайной печалью и страхом.

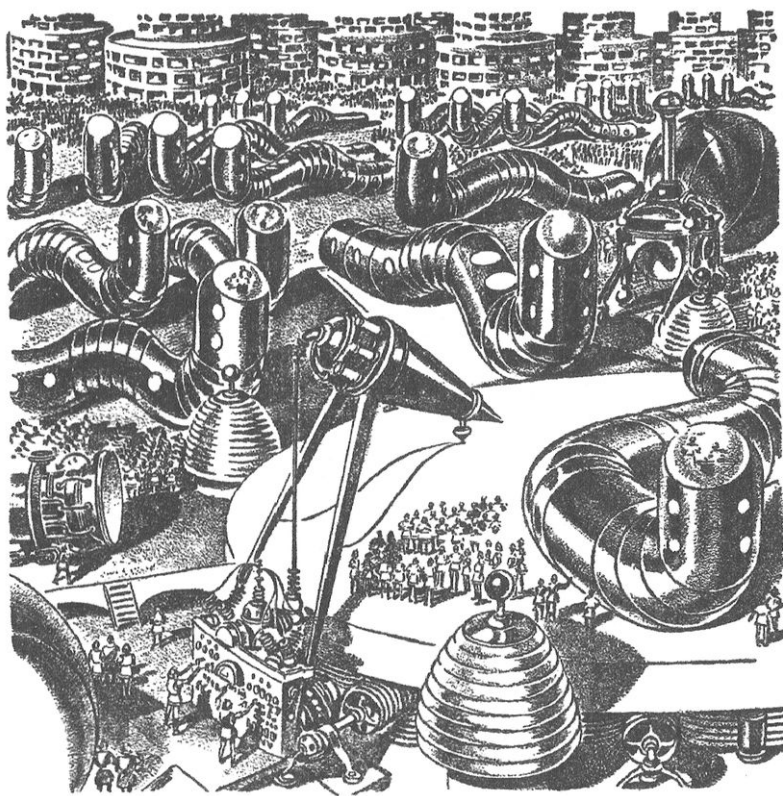
— Электрои? — переспросил Крейн, не в силах понять увиденного им на лице Дандора тёмного ужаса.

Прежде чем Дандор смог ответить, к тому повернулся и обратился Кро.

— Хозяин, солнце вот-вот взойдёт, и мы скоро доберёмся до Ингомара. Куда именно в городе мы отправимся?

— Прямо к королевскому дворцу, Кро, — приказал старик. — К заднему двору.

Крейн устался на огромную металлическую фигуру, сидящую столь скованно. Робот вел стремительно скользящего по пустыне Червя, вглядываясь сквозь окно похожими на стеклянные, лишёнными эмоций глазами-линзами.

— Кро только машина? — недоверчиво спросил он у Дандора. — Он кажется таким разумным, таким человеческим...

— Он всего лишь робот, которого я сконструировал много лет назад, — заверил его Дандор. — Он был мне самым верным из слуг. Из-за огромных услуг, оказанных мной королевской семье, Кро разрешили существовать, когда несколько лет назад уничтожили всех других роботов Бэры.

— А почему их всех уничтожили? — подивился Крейн.

— У народа накопился плохой опыт, побудивший его опасаться роботов, — объяснил Дандор. — Наконец, комиссия учёных, которую возглавлял я, сконструировала специального мыслящего робота, огромный металлический Мозг с более чем человеческой установкой в механических делах. Мы надеялись, что этот Мозг сможет помочь нам спроектировать ракетный корабль, который долетит

до Чолу целым и невредимым. Потому что мы по жизненно-важным причинам специализировались на атомной физике, так как столько поколений пренебрегали механической наукой... Мозг тот, и в самом деле, сильно помог нам в проектировании ракетного корабля, в котором твой отец Таркол улетел к Чолу. Но вскоре после этого Мозг объявил, что считает себя формой жизни, превосходящей людей, и его хитрость и склонность к изобретениям были столь велики, что мы решили: этого и всех других роботов следует уничтожить. Их всех забрали в отдалённую часть пустыни, и уничтожили газопистолетами.

Филип Крейн взглянул на сидевшую в кресле позади него девушку с побелевшим лицом.

— Кей, ты как теперь? Чувствуешь себя лучше? — обеспокоенно спросил он.

— А какая тебе разница? — с горечью огрызнулась она. — Ты и я — мы с тобой больше не одной расы! Ты же предпочёл стать марсианином.

— Кей, пожалуйста... — начал было Крейн, но видя, что не сможет сейчас убедить её, сдался и мрачно уставился прямо перед собой.

Вставало солнце. На взгляд Крейна, оно казалось маленьким и съёжившимся, однако по-прежнему ярко горело на безоблачном небе. Под его пылающими лучами тянулись угрюмые, мрачно-багряные пески пустыни, простираясь большими гребнями и барханами до самого горизонта. Со всех сторон виднелся лишь этот безводный, мёртвый ландшафт. На просторах нескончаемой красной пустыни виднелись только тучи дрейфующих блуждающих огоньков, которые Дандор назвал Электроями, и на которых он смотрел с таким непонятным страхом. При солнечном свете эти блуждающие огоньки виднелись лишь как смутные вспышки.

Крейн мельком увидел впереди зелёные земли — узкий регион плодородной земли, который, как он знал, должен охватывать один из тех скрытых акведуков, приносящих воду с полярных снежных шапок. Когда они добрались до этой плодородной земли, Кро повёл Червя по проходившей через эту обрабатываемую полосу узкой дороге из светло-красного камня.

Теперь по обе стороны от них протянулись интенсивно обрабатываемые поля колышущихся злаков зелёного зерна, и невысоких кустов со светло-жёлтыми плодами. Никаких работников на глаза не попадалось, равно как и животной жизни, за исключением немногочисленных насекомых, которые нужны лишь для опыления. Давным-давно, предположил Крейн, борьба за существование на умирающем Марсе, должно быть, вынудила ликвидировать такое сравнительно расточительное средство выращивать продовольствие как домашние животные.

— Это плодородная полоса, в которой расположена наша столица Ингомар, — говорил между тем Дандор. — Да, она жалко маленькая. Неудивительно, что мы должны каждый год устраивать Жеребьёвку.

Кроу указал большущей металлической рукой вперёд.

— Ингомар, — проскрежетал робот.

Ингомар! Сердце Филипа Крейна зачастило, когда он вгляделся в находящееся впереди. Город, где он должен совершить своё великое самозванство ради Земли. Город, где когда-то правил как король его отец, и где сегодня он должен будет выдавать себя за короля.

— Да, Ингомар, наша столица — один из пяти наших последних больших городов, — торжественно вещал Дандор. — Все прочие сейчас всего-навсего развалины в пустыне, где обитают только Электрои.

На горизонте смутно виднелись и розовели невероятно высокие и стройные башни пылеуловителей. Для земных глаз Филипа Крейна и Кей Ингомар походил на волшебный город из сказки. И когда путники подползли поближе, роскошный Ингомар, казалось, стал ещё более огромным. Построенный сплошь из светло-красного камня, он был розовым городом зари.

Ингомар занимал несколько десятков квадратных миль. Многие здания не превышали высотой три-четыре этажа. Но из этих невысоких зданий везде подмались стройные башни, доходящие в некоторых случаях высотой до двух-трёх сотен футов. И башни эти окружали головокружительные винтовые лестницы и широкие, лишённые опор балконы, которые и придавали всему этому розовоцветному мегаполису волшебный, сказочный вид.

Крейн сообразил, что такая, похожая на волшебную, архитектура была возможна на Марсе из-за меньшей силы тяготения у этой планеты. Однако ему всё же казалось, что эти высокие балконы и винтовые лестницы без опор должны в любой миг обрушиться, что весь этот город, должен, пасть под собственным весом.

Далеко в лесу из этих сказочных башен высились, пре-восходя все другие постройки, два огромных шпиля, такие светло-красные колонны, увенчанные сверкающим серебром. Кро вёл Червя по широким, гладко вымощенным улицам прямо к ним. И на всех улицах, в лавках и ларьках они не видели ни одного человека.

— Это поселение выглядит совершенно покинутым, — поражённо отметил Крейн.

— Народ уже собрался около дворца для Жеребьёвки! — крикнул Дандор. — Поспеши, Кро... поспеши!

Глава VIII. Жеребьёвка

Пока Червь на огромной скорости нёсся по покинутым улицам, сердце Филипа Крейна гулко стучало. С каждым мгновением, затеваемое им самозванство казалось всё более фантастическим. и успех в нём представлялся всё менее возможным. Да и Дандор тоже, казалось, достиг высшей точки напряжения.

Многие из каменных зданий этого сказочного города с розовыми башнями выглядели брошенными. Целые кварталы города явно пребывали незаселёнными и начинали ветшать — немое свидетельство вырождения марсианской расы и упадка этой умирающей планеты.

— А что это за Жеребьёвка такая, на которой я должен председательствовать? — спросил Дандора Крейн, внезапно вспомнив, что из-за всех этих прочих тревожений он как-то позабыл расспросить о главном.

— Сейчас некогда объяснять — мы приближаемся к дворцу! — напряжённо ответил старый учёный. — Сейчас начнётся проверка нашего замысла, — настойчиво добавил

он. — Я постоянно буду рядом с тобой и подскажу, что говорить и делать. Но никогда не забывай являть всем и вся гордую и высокомерную мину.

Когда они объехали дворец и приблизились к площади с другой стороны, две высокие башни дворца возвышались теперь справа от них. Сам дворец представлял собой громадное вытянутое строение из розоватого камня высотой в полдюжины этажей, с этими двумя парящими в вышине башнями, вырастающими из его восточного и западного крыла. А по бокам от этих крыльев лежали зелёные сады с небольшими деревьями и цветущими кустами.

Широкий фасад дворца выходил на заполненную толпой народа громадную овальную площадь. А к югу от этой овальной площади высилось фасадом к огромному дворцу ещё одно массивное строение — круглое здание с куполом и стенами внушительной толщины.

Умело управляемый Кро Червь подполз к дворцу с тыла и проследовал через открытые ворота из серебристого металла на вымощенный внутренний двор. Здесь несли караул бэрянские солдаты, облачённые в туники из серебряных чешуек и сверкающие шлемы, с газовыми пистолетами на поясе. Как только Крейн выбрался из Червя, они тут же вытянулись по стойке «смирно». Дандор и Кей вылезли из Червя следом за Крейном. В том наброшенном на плечи Кей белом плаще девушка походила на бэрянку ничуть не меньше чем её спутники. Следом за ними с лязгом топал робот.

— Через левую дверь, и дальше прямо по коридору, — вполголоса проинструктировал Крейна Дандор. — На часовых не обращай внимания.

Филип Крейн широким шагом двинулся вперёд. За спиной у него алым флагом развевался шелковый плащ. Самозванец бесстрастно глядел перед собой, словно не видя часовых с иссиня-чёрными глазами на смуглых худощавых лицах.

Когда они проходили мимо, часовые брали газовые пистолеты «на караул». А один офицер поклонился Крейну и почтительно обратился к нему:

— Церемония готова начаться, Ваше Величество.

Филип Крейн кивнул и продолжил идти, миновал обратившегося к нему широким шагом, прошел через указанную

Дандором дверь и оказался в широком розоватом коридоре, ярко освещённом светом крошечных искусственных солнц, укрепленных вдоль потолка. Высокомерно он направился вперёд, и Дандор поспешил следом за ним, поторапливая Кей, а за всей их компанией невозмутимо топал робот.

— Следующая дверь направо — клеть лифта западной башни, — негромко уведомил его Дандор, а через секунду ликующе добавил: — Внешний осмотр ты пока прошёл! Теперь, если тебе удастся обмануть знать и народ, то всё будет хорошо.

Филип Крейн вытер влажный от пота лоб.

— Меня в любой миг могут остановить! — воскликнул он.

— Это мои личные покои, — объяснил Дандор. — Девушку мы оставим здесь под присмотром Кро.

— Так значит, я теперь твоя пленница, Филип? — с горечью произнесла белая как полотно Кей.

— Пожалуйста, Кей, погоди с выводами о том, что и почему я делаю, — взмолился он. — Говорю тебе, я все время думаю только о Земле — делаю всё ради нашей планеты.

Кей, не веря ему, отвернулась. Хотя Крейн говорил с ней по-английски, от него не укрылось, что Дандор не сводит с него глаз, и поэтому он воздержался от долгих разъяснений.

Комнаты в апартаментах учёного были большими и освещались высокими окнами с серебряными решётками. Эти комнаты явно являлись лабораторией старика. Другие помещения были увешаны яркими шелками и обставлены изящной прекрасной металлической мебелью. На одной стороне, окна выходили на огромную площадь. Глядя на заполнившую её толпу, Крейн почувствовал, что вот-вот сдастся и сбежит. Десятки тысяч марсиан, ждали короля! И ему придётся их обмануть!

— А теперь — на церемонию! — скомандовал Дандор. — До чего ж мне хочется увидеть лицо Сурпа, когда ты появишься.

— Нам не удастся всех провести, — пробормотал с напряжённым лицом Крейн.

— Пути назад нет, — веско указал ему Дандор. — Идём, нам нельзя больше задерживаться.

Они шагнули обратно в клеть лифта и устремились вниз. Когда они вышли в коридор на наземном уровне, к ним поспешили камергеры в шёлковых одеждах. Дандор взмахом руки

отпустил их и проводил Крейна через дворец. По пути Крейн мельком увидел, увешанные царским пурпуром огромные, величественные залы, ведущие во всех направлениях широкие коридоры да выходящие на зелёные сады балконы. И даже здесь в воздухе плавали светляки, нематериальные штучки, которые Дандор называл Электроями, дрейфующие и пляшущие по коридорам и комнатам.

Затем Крейн оказался вместе с Дандором в небольшой приёмной. Дверь перед ними пронизывало крошечное окошечко, через которое вливался яркий луч солнечного света.

— Подожди, — скомандовал Дандор. — Королю появляться пока не время. Знать всё ещё собирается. — Филип Крейн пригляделся через крошечный глазок. Сразу же за дверью лежала широкая каменная терраса, с плотными ширенгами солдат в сверкающих шлемах по обеим сторонам. На террасе уже собрались представители знати Бэры — блистающие мужчины и женщины в шёлковых плащах всех цветов, кроме багряного. Женщины носили под плащами длинные платья, а не туники.

Один внушительный предмет на этой террасе резко привлёк к себе внимание Филипа Крейна. Это был металлический пьедестал, на котором покоилось две огромные сферы, чьи изогнутые края соприкасались. Одна сфера была заполнена массой крошечных чёрных шаров, а другая сфера оставалась пустой.

А за пределами этой террасы собралась огромная толпа. Мужчины, женщины и дети, одетые по большей части в плащи, туники и платья из обыкновенной белой или серой ткани. На груди у каждого мужчины сверкал маленький чёрный значок. И эта огромная человеческая масса, в отличие от знати, стояла в полнейшей мёртвой тишине. Всё внимание этой толпы приковывали к себе эти две прозрачные сферы.

— Смотри вон пришли Сурп и Лигор! — прошептал Дандор, показывая на двух аристократов в зелёных плащах, которые вошли на террасу с многочисленной свитой.

Сурп, тот честолобивый, строящий козни вельможа, рвущийся к власти! Он представлял собой массивную фигуру, с лицом, соединявшим в себе грубость и практичность

человека многоопытного, являя видящим его отштампованную с безжалостной силой жёсткую, седеющую маску. Лигор же, его стройный, вялый на вид сынок, оказался красивым франтом.

— Этот чёртов щенок Лигор тоже удивится, увидев меня, которого он считает убитым, — ликовал Дандор. — Не обманывайся его внешностью, Крейин — противник это смертельный.

— Вид у них чертовски уверенный, — пробормотал себе под нос Крейин. — И ты только послушай, что они болтают!

Когда Сурп появился на террасе, с площади его приветствовал негромкий хор голосов. А наглый взгляд Лигора выдавал его самодовольство.

— Не могу предположить, какими-таким средствами Сурпу удалось завоевать симпатии столь многих людей, — пробормотал себе под нос Дандор. — Число сторонников Сурпа, кажется, возрастает с каждым годом, а число сторонников Лану — уменьшается.

Тут на террасу вышел какой-то камергер и повысил голос:

— Принцесса Мара!

Из дворца вышла сопровождаемая следующими за ней двумя женщинами девушка в багряном одеянии королевского рода — в пламенеющем алом плаще поверх шёлкового белого платья, доходившего ей до голеней. Обувью ей служили белые кожаные сандалии, а темноволосая голова оставалась непокрытой.

Крейну подумалось, что он никогда не видел такой гордой, такой полной жизни красавицы. Её прекрасное, чистое оливковое лицо выглядело спокойным, но он заметил в её иссиня-чёрных глазах какие-то тени. Принцесса заняла своё место и молча повернулась лицом к толпе. Щеголеватый Лигор наклонился сторону и горячо заговорил с ней.

— Принцесса Мара — невеста Лану... твоя невеста, на текущее время, — напряжённо уведомил Крейна Дандор. — Ты должен быть в её безумно в неё влюблённым. Помни об этом.

— Господи Боже! — ошеломлённо воскликнул Крейин. — Не хочешь же ты сказать, что...

Слова его заглушили грянувшие серебристые трубы, и вся собравшаяся на террасе знать повернулась к двери, за которой стояли Филип Крейн и Дандор.

— Помни, говори, что я тебе нашёптываю, — ещё раз повторил Дандор.

Крейн схватил старого учёного за руку выше локтя, удерживая его и не давая ему открыть дверь. Смелость его внезапно куда-то подевалась.

— Я не могу этого сделать! — хрипло произнёс он. — Только не на глазах у всей этой толпы и двора! Они враз поймут, что я не Лану!

— Ты должен это сделать! — горячо воскликнул Дандор. — Подумай о том, что от этого зависит — престол твоего брата. Видишь, Сурп прямо в эту минуту готовится провозгласить себя регентом!

Когда король не появился, среди знати и народа пролетел негромкий шопот. Массивный Сурп выбирался в центр террасы. Его глаза торжествующе блестели. От этого написанного на жёстком лице Сурпа торжества у Филипа Крейна вскипела кровь, и разом успокоились дрожащие нервы. Он не мог позволить этому знатному выскочке захватить престол своего отца! И Крейн также внезапно вспомнил всё зависящее именно от него, — о марсианской угрозе Земле, которую он должен отворотить.

— Поскольку король Лану не явился... — начал было громко вещать Сурп озадаченной толпе, и Филип Крейн распахнул дверь. А затем вышел широким шагом на солнечный свет, высоко держа надменной темноволосую голову.

— Король! — грянул приветственный крик из толпы. Знать склонила головы.

Вся, кроме Сурпа с Лигором. Те уставились на Крейна так, словно не верили своим глазам. У Лигора нелепо отвисла челюсть, а массивное лицо Супра побелело.

— Лану! И Дандор! — вырвалось у Сурпа. — Но вы ж не могли...

Оказавшись с этим интриганом-аристократом лицом к лицу, Филип Крейн вдруг ощутил прилив уверенности. В этот миг он ощутил себя сыном Таркола.

— Ты собираешься что-то сказать толпе, Сурп? — с иронией промолвил он. — И что же такого ты желаешь сказать?

— Ничего, Ваше Величество, — заикаясь, выдавил из себя Сурп, с посеревшим от шока лицом. — Я думал...

— Тогда почему бы тебе не вернуться на своё место среди прочих? — предложил ему Крейн.

Его жёсткий, резкий тон, его сверкнувшие глаза, казалось, изумили Сурпа и того больше. Аристократ словно поражённый молнией ошеломлённо вернулся на своё место рядом со своим сыном.

Филип Крейн бросил взгляд на поражённо глядящую на него широко раскрытыми глазами и чуть приоткрывшую красные губы принцессу Мару. Изумлённую, как он понял, тем тоном, каким он заговорил с Супром. Но теперь Крейн стоял, глядя на заполнявшее площадь огромное море белых лиц. Лиц с отпечатавшимся на них неясным и странным страхом.

Дандор прошептал ему подсказку, и Крейн громко заговорил, повторяя слова старого учёного.

— Народ Бэры, минул ещё один год. Как и во все минувшие годы, наш мир стал ещё более засушливым, его запас воды и плодородные земли ещё более сократились. Поэтому мы должны сделать то, что нам веками приходилось делать каждый год — должны уменьшить наше население, на этот раз — на четыре тысячи семей. Именно такое число должно уйти из жизни, чтобы остальные смогли жить.

Четыре тысячи мужчин будут сегодня избраны в этой Жеребьёвке. И эти избранные, вместе с жёнами и детьми, отбудут завтра, в День Ухода Из Жизни. И я, король, буду тянуть жребии со всей справедливостью и беспристрастностью.

Громко повторяя эти нашёптываемые Дандором слова, Крейн ощутил внутреннее изумление. Эти слова, которые он произносил... неужели они означали, что четыре тысячи семей будут перебиты? Ведь это же наверняка невозможно. И всё же...

— Кнопка на пьедестале со сферами, — напряжённо прошептал подсказку Дандор. — Нажми её!

Крейн нажал чёрную кнопку. Внутри сферы с крошечными чёрными шарами раздалось шипение воздуха. И чёрные шарики внезапно завращались с безумной скоростью.

Набившееся на площадь население смотрело на вращающиеся шарики с лицами, на которых, казалось, боролись за превосходство жизнь и смерть. Тут Крейн заметил, что между двумя соприкасающимися сферами есть маленькое

отверстие. И через это отверстие некоторые из крутящихся шариков вышвыривало наобум в пустую сферу. Когда они попадали в пустую сферу, то внезапно вспыхивали ярким светом. И Крейн внезапно уразумел, что почти всякий раз, когда это происходило с шариком, чёрный значок у одного из мужчин в толпе перед ним тоже загорался светом. И начал понимать, по крайней мере, метод этой огромной лотореи.

Эти крошечные чёрные шарики — их было по одному для каждого мужчины на Марсе — и каждый шарик обладал какой-то электромагнитной взаимосвязью со значком каждого мужчины. Когда шарик бросало наобум в пустую левую сферу, те же электромагнитные силы заставляли его светиться, и соответствующий значок какого-то мужчины тоже светился, показывая, что этот мужчина и его семья были избраны на этой Жеребьёвке.

Избраны — для чего?

ГЛАВА IX. Опасный дворец

Пока проходила эта странная лоторея, огромную толпу народа охватило предельное и устрашающее безмолвие. Крошечные чёрные шарики в правой сфере продолжали крутиться и вращаться, но Филип Крейн, в замешательстве следя за этой странной лотореей, на которой он председательствовал, заметил, что некоторые шарики, выброшенных в сферу избранных никакого значка в толпе засветиться не заставляли. Крейн предположил, что те, кого избрали, в таких случаях не должны находиться в этой толпе, а являлись гражданами четырёх других больших городов. Ещё Крейн слышал, как какой-то мужчина в толпе, когда засветился его значок, издал хриплый крик чистого отчаяния. А какая-то женщина рухнула без чувств, когда избрали стоящего рядом с ней мужчину, а ещё одна придушенно закричала, когда значок её мужа вспыхнул роковым светом. Но за исключением этих немногих, избранные в толпе принимали свою судьбу в мёртвом, безнадежном молчании.

Механизм в пьедестале сфер перестал гудеть. Четыре тысячи шариков выбросило в сферу слева. Жеребьёвка закончилась.

Дандор снова зашептал позади Крейна. И Филип Крейн, медленно повторил его слова, обращаясь к этой толпе с мертвенными лицами.

— Завтра, как вам известно, наступит День Ухода Из Жизни. Завтра в полдень избранные среди вас соберутся со своими семьями в храме, где и уйдут из жизни, чтобы могли жить остальные из нашей расы.

Толпа начала медленно, в мёртвой тишине, растекаться по улочкам. И Филипу Крейну показалось, что, когда толпа расходилась, глаза всех в ней в ужасе не могли оторвать взглядов от этих мелькающих в воздухе и дрейфующих там светляков — Электроев.

— И все те избранные будут в храме? — недоверчиво спросил у Дандора Крейн. — Неужели они не попытаются сбежать?

— Они не могут сбежать, — ответил Дандор. — В пустыне не выжить никому, а в больших городах их тотчас же выдадут их светящиеся значки.

— Так они могут выбросить те значки, — возразил Крейн, но учёный покачал головой.

— Нет, на Бэре каждый должен всегда носить свой значок. Знать и класс учёных никаких значков не носят, потому что они освобождены от Жеребьёвки.

— Но что же произойдёт с теми избранными завтра? — спросил Крейн. — Ведь их же наверняка не убьют?

— Нет, — печально промолвил Дандор. — Это судьба намного хуже смерти, которая... — Он прервался на полуслове. — Подходит принцесса! — прошептал он. — Будь теперь осторожен, Крейин!

Глаза принцессы Мары, когда та приближалась к Крейну, не отрывали изучающего взгляда от его лица.

— Куда ты так спешно выехал прошлой ночью, Лану? — спросила она. — Ты обещал сегодня мне рассказать.

Стало быть Лану был с принцессой, когда Дандор вызвал его в башню посреди пустыни. Крейн, похолодев, сообразил, что этой девушке он может запросто себя выдать.

— Не могу пока сказать, Мара, — попытался улыбнуться он. — Позже ты всё узнаешь.

Прекрасное лицо Мары вытянулось от удивления.

— Это первый раз, когда ты мне в чём-то отказываешь, Лану!

Внезапно Крейн вспомнил то, что ему сообщил Дандор: Лану глубоко любил свою невесту. И ломал голову, подыскивая ответ, когда их прервали.

К нему приближались Сурп с Лигором. И вся знать на террасе умолкла, внимательно следя за тем, как могущественный вельможа с сыном подходят по каменной платформе.

С седовласого лица Сурпа всё ещё не сходило выражение ошеломлённого удивления, а пронизательные глазки, когда он поклонился Филипу Крейну, что-то вычисляли. Лигор, с искажённым ненавистью красивым лицом, тоже поклонился, прожигая Крейна взглядом.

— Прошу дозволения покинуть вас, Ваше Величество, — попросил нетвёрдым голосом Сурп. — У меня срочное дело.

В душе Крейна поднялось пламя холодного гнева. И отозвался он, не выбирая слов.

— Ты хочешь сказать, срочное посягательство на мой трон, — резко поправил он Сурпа.

Со стороны знати донеслось аханье. А Мара, ранее немного отошедшая, посмотрела на Крейна неверящим взглядом.

Сурп казался вдвойне ошеломлённым этим внезапным обвинением. Рот его открылся в попытке что-то сказать.

— Если вы сомневаетесь в моей преданности, Ваше Величество, — задохнулся он, — то я...

— Я знаю, чего стоит твоя преданность, — презрительно прервал его Крейн. — Ступай, если желаешь. Твои козни нас не беспокоят.

Лицо Сурпа сделалось тускло-красным от этого резкого замечания. Но когда Лигор, с искажёнными ненавистью красивыми чертами, шагнул вперёд, словно собираясь что-то сказать, отец его сдержал. Старший аристократ шепнул что-то на ухо Лигору. А затем отец с сыном поклонились и ушли без дальнейших проявлений вежливости.

— И что на тебя такое нашло, раз ты так заговорил с Сурпом? — шепнул Крейну Дандор. — Лану бы никогда так не поступил. Он слишком боялся Сурпа.

— Ничего не мог с собой поделать, — вполголоса ответил Крейн.

— Теперь Сурп с Лигором сразу же помчатся туда, где они там держат в заточении Лану, — сделал правильный вывод Дандор, сужая глаза. — Им захочется понять, каким же таким образом Лану удалось сбежать. И обнаружат, что ты самозванец. — Глаза старого учёного вспыхнули. — погоди... я сейчас вернусь!

И прежде чем Крейн успел возразить, Дандор исчез, спешно проталкиваясь через толпу знати.

Филип Крейн ощутил лёгкую дрожь опасения, так как он остался предоставленным самому себе, в окружении знатных лиц, дружно смотрящих на него с озадаченным удивлением. Сможет ли он продолжить играть свою роль без находящегося рядом с ним Дандора?

Когда принцесса Мара приблизилась к нему, её прекрасное лицо выражало недоверие.

— Никак не думала, что у тебя хватит смелости бросить вызов Сурпу прямо ему в лицо, Лану! — воскликнула она.

— Сожалеешь, что я так поступил? — поинтересовался Крейн.

— Сожалею? — в её синих глазах словно сверкнула молния. — Ты же знаешь, сколько раз я пыталась заставить тебя держаться с Сурпом пожётче, как часто я указывала тебе на те заговоры, которые он затевал против тебя.

Внезапно Крейна охватило безрассудство, и он рассмеялся.

— Да, ты предупреждала, — признал он. — Но сейчас Сурп и его заговоры волнуют меня меньше всего.

— Однако у Сурпа есть поддержка изрядной части народа, — напомнила ему Мара. — Народ устал от этой ежегодной Жеребьёвки — устал жить в тени постоянно висящего над ним страшного рока. А Сурп даёт всем лъстивые обещания, что если королём будет он, то отменит всё это.

— Я смогу обратить народ на свою сторону, весь до последнего, когда пожелаю, — гордо и уверенно уведомил её Крейн.

И вдруг с изумлением сообразил, насколько сильно он, бессознательно, входит в роль марсианского короля. Он чуть ли не чувствовал себя настоящим королём Бэры, по праву.

Крейн знал, откуда взялось это ощущение — от отца. Наследственная матрица памяти, унаследованная им от Таркола, или Джона Крейна — хотя некогда и нарушенная, сейчас, под действием стимула нынешнего положения, вновь пробуждалась к жизни. Ему нельзя позволять ей чересчур уж пробудиться! Он должен остаться Филипом Крейном, втайне трудящимся ради блага Земли. Мара казалось озадаченной силой и властью прозвучавшими в уверенных словах Крейна.

— Ты сегодня совсем иной, Лану, — задумчиво проговорила она.

По спине Крейна пробежал лёгкий холодок. Уж не переборщил ли он со своей ролью? А затем он увидел, как в глубине глаз Мары медленное згорается чего-то, вызвавшее у него волнение в крови. У него захватило дух.

— Думаю, — сказала она, — что я в конце концов буду не так сильно сожалеть о ритуале на следующей неделе.

— А что за ритуал произойдёт на следующей неделе? — спросил, не подумав, Крейн. И в следующий же миг он чуть не откусил себе язык. Так как на лице Мары отразилось изумление.

— Ритуал нашего брака, конечно, — поражённо ответила она. — Нельзя быть таким рассеянным, Лану.

Крейн принялся лихорадочно рыться в поисках подходящего ответа.

— Да я просто пошутил, Мара, — попытался рассмеяться он. — Ну как я могу быть рассеянным по поводу этого ритуала, когда так долго его добивался?

Принцесса ничего не сказала. Но она казалась сильно сбившей с толку и полной сомнений. Крейн сообразил, что чуть было полностью себя не выдал. Он возблагодарил звёзды, когда увидел возвращающегося Дандора. Лицо старого учёного выражало подавленное волнение, когда он обратился к Маре:

— Простите, принцесса, нельзя ли мне украсть у вас короля? Нам надо обсудить одно важное дело.

По-прежнему не сводя озадаченного взгляда с Крейна, Мара в ответ безмолвно склонила тёмно волосую голову. Филипп Крейн неуклюже поклонился ей в ответ и позволил Дандору увести себя вглубь дворца.

Старый учёный дрожал от избытка чувств. Должно быть, случилось что-то важное. Но Крейн никак не мог забыть ту начинающуюся тень сомнения в глазах Мары. Даже сейчас она глядела ему вслед, чуть нахмутив в недоумении брови.

Крейн ощутил внезапный укол опаски. Уж не заподозрила ли Мара в нём самозванца? Уж не в этом ли дело?

Глава X. Электрои

Голос Дандора так и вибрировал, когда старик торопливо вёл Филиппа Крейна по одному из коридоров дворца с розовыми стенами.

— Скоро мы узнаем, где именно Сурп держит в заточении Лану! — провозгласил он. — Я знал, что Сурп с Лигором прямо отсюда поспешат туда, где они держат короля!

— И ты послал проследить за ними какого-то шпиона? — быстро спросил Крейн.

— Нет, — ответил Дандор. — Шпионов Сурп и его молодчики будут высматривать. Я устроил ещё лучше — установил на Червя Сурпа трассер.

— Трассер? — переспросил Крейн.

Дандор кивнул седой головой.

— Да, трассер, крошечный шарик, похожий на те, какие применяют при Жеребьёвке, соодержащий в себе миниатюрный передатчик электромагнитных вибраций. Принимая эти сигналы, мы сможем здесь, в моих апартаментах, узнать о точном местонахождении трассера.

Они добрались до клетки лифта и миг спустя уже возносились наверх. Когда они вошли в освещённые солнцем апартаменты Дандора, Кей стояла у окна, глядя на всё ещё не разошедшуюся с площади толпу. Робот Кро застыл и безмолвно бдил точно на том же месте, где его оставили.

Дандор поспешил к себе в лабораторию. Но Крейн обеспокоенно остановился возле девушки.

— Мне не хотелось покидать тебя, Кей, — сказал он. — Но пришлось.

Лицо её оставалось равнодушным и спокойным, но взгляд был исполнен презрения.

— Да, я видела тебя там внизу, среди знати, и как ты говорил с двумя из своих соплеменников, — с горечью сказала она. — Ты выглядел истинным марсианином. Поздравляю тебя со скоростью, с которой ты адаптировался.

— Кей, пожалуйста, постарайся понять, — простонал он. — Всё обстоит именно так, как я тебе сказал: временно стать королем Марса — единственный шанс спасти Землю. Мне не нравится это делать, но приходится.

— Я тебе не верю, — медленно произнесла она. — Тебе нравится быть марсианином, Филип. Ты забыл свою земную кровь. И с каждым часом, проведённым нами на этой планете, ты забываешь её всё больше.

Крейн не мог отрицать, что какая-то часть правды в этом обвинении есть. Ему приходилось каждое мгновение сражаться с сильным влиянием своего марсианского наследия.

— Ты теперь на Марсе король, — презрительно добавила Кей. — А тот Филип Крейн скорее бы умер, чем присоединился к врагам своего народа, предпочёл бы погибнуть.

— Крейн — иди сюда! — позвал из лаборатории Дандор. Бросив безнадежный взгляд на неподвижное, полное горечи лицо Кей, Филип Крейн повернулся и вошёл в помещение, где Дандор стоял, нависнув над большим глобусом, изображавшим эту планету. Большую часть его занимала ничем не помеченная красная пустыня, но у полюсов были маленькие снеговые шапки и ответвляющаяся от них сеть каналов, несущих воду к скудным плодородным землям вокруг немногих марсианских больших городов. И неподалёку от Ингомара на карте-глобусе сияла крошечная искорка белого света. Она перемещалась на юго-восток, ползла по голому простору красной пустыни.

— Сигнальный огонёк от трассера, — объяснил Дандор. — Испускаемые трассером электромагнитные вибрации принимаются аппаратом внутри этого глобуса и автоматически наносят направление и интенсивность передаваемого сигнала, и потому вот эта искорка в любое время показывает точное местоположение трассера.

— Значит, Сурп и его молодчики держат Лану где-то в пустынях к юго-востоку отсюда, — пробормотал себе под нос Филип Крейн.

— И скоро мы узнаем, где именно, — кивнул Дандор. — И тогда можем сделать попытку спасти Лану.

«Спасти Лану?» — гадал про себя Крейн, уставясь на ползущий по глобусу огонёк. И что же ему надо будет тогда делать? Вполне возможно, что если он спасёт жизнь и трон Лану, то сводный брат будет ему достаточно благодарен, чтобы отказаться от плана ограбления Земли, лишив её воды. Но Крейн как-то сомневался в этом. Судя по краткому знакомству с Лану, у землянина возникали сильные сомнения, что он мог рассчитывать на благодарность своего избалованного и высокомерного сводного брата. И даже если Лану и будет готов забросить этот великий план, то никто другой на Бэре не будет готов так поступить, коль скоро Дандор сделает судьбоносное объявление, что путь на Землю открыт.

— Я думал, что ты собирався объявить во время Жеребьевки, что путь на Чолу открыт.

— Нет, Крейн, — серьёзно сказал старик. — Я планирую, чтобы это объявление завтра сделал ты, в храме. Заявление сделаешь ты, предполагаемый Лану, как раз перед тем как Избранные уйдут по воле Судьбы, это заставит народ обезуметь от радости и сделает их твёрдыми сторонниками Лану.

Крейн от этой новости совсем пал духом. Ему совершенно не хотелось делать такое объявление, которое воплощало страшную угрозу Земле!

— А почему бы не подождать, пока мы не спасём Лану? — предложил он.

— Мы не можем позволить себе ждать, — ответил на это Дандор. — Так как если Сурп узнает от Лану, что великий план близок к успеху, то может сам объявить об этом. и тогда народ поддержит его.

Крейн не осмелился и дальше противоречить учёному, не рискуя возбудить у Дандора подозрения. Он должен поддерживать в Дандоре убеждение в своей преданности Бэре.

«Я сделаю это объявление, — быстро решил Крейн. — Но буду каждый миг замышлять и трудиться над тем. как сорвать этот великий план».

— Дандор, — спросил он, и на этот раз твёрдо решил получить ответ, — а что произойдёт завтра в храме с теми четырьмя тысячами избранных семей? Ты сказал, что их не убьют.

На лице Дандора появился тот вызывающий трепет ужас, та тень ледяного страха, какая легла на него раньше при этом вопросе.

— Да, Крейн, их не убьют, — тяжело ответил он. — Но над каждым человеком на Баре висит словно меч страшная судьба, она, как я тебе уже говорил, висит над всеми, кроме знати и учёных.

— Какая судьба? — настаивал на объяснении Крейн.

Чёрные глаза Дандора, когда тот посмотрел на молодого человека, были мрачными.

— Крейн, помнишь, ты спрашивал меня о тех маленьких огоньках плавающего света, которые видно повсюду на Бэре — об Электроях?

Крейн кивнул. Они озадачивали, его с тех самых пор как он явился на Марс, эти странные предметы, похожие на маленьких светячков.

— И что насчёт этих Электроев?

— Четыре тысячи избранных и их семьи, — серьёзно ответил Дандор, — завтра станут Электроеями.

— Что? — воскликнул потрясённый до глубины души Крейн. — Ты хочешь сказать, что все эти люди превратятся в огоньки из электричества и света?

— Это единственная ужасная правда, Крейн, — с печалью признался Дандор. — Это происходило на Бэре долгие годы. Все из виденных тобой бессчётных Электроев, все из тех дрейфующих и нематериальных электрических огоньков некогда были людьми!

Филип Крейн пребывал в шоке, не в состоянии поверить в ту панораму ужаса, какую открыли перед ним слова Дандора.

— Это началось, — мрачно поведал Дандор, — когда мы поняли, что наш высыхающий и умирающий мир не в силах прокормить весь наш народ. И всё же мы не могли для разрешения этой трудности предать смерти какую-то часть нашего народа. Это было бы убийством и погрузило бы наш мир в пучину беспорядков и войн... И тогда один из наших учёных выдвинул решение. Учёные сосредоточились на атомной физике, на изменении внутренней структуры материи, надеясь найти метод трансмутации элементов, который разрешит синтезировать искусственную пищу и воду. Надежда их была разбита вдребезги, так как они узнали, что трансмутация в больших масштабах выпустит на волю неуправляемую атомную энергию, которая уничтожит наш мир. Тогда учёным пришлось забыть об этой надежде, но по ходу дела они многое узнали о строении атома... В частности, они узнали, что электроны и протоны, из которых состоит материя, можно трансформировать в нематериальные фотоны, или корпускулы излучения, путём преобразования электрического заряда электрона или протона в электрическое поле. В эти фотоны можно преобразовать даже живое существо... Живое существо, так вот превращённое в облако фотонов, сохраняет определённую жизнь, определённое сознание, поскольку схема его протонов осталась относитель-

но той же самой как его бывшая электронная схема. Хотя эти материальные частицы стали теперь всего лишь облаком фотонов, нематериальные частицы сохранили жизненно важные матрицы жизни и разума. И такие преобразованные существа могут жить вечно в виде электрических облаков, не нуждаясь ни в пище, ни в воздухе, ни в чём-либо ещё. И эти облака можно в любое время преобразовать обратно в материальных людей... Учёные предложили преобразовать наше избыточное население в таких бессмертных и нематериальных существ — Электроев. Как Электрои, они не живут в нашем понимании жизни, и всё же они и не мёртвые, так как их всегда можно преобразовать обратно в настоящих людей. Они всего лишь вечно дрейфуют над планетой, и в один прекрасный день все Электрои будут преобразованы обратно в людей... С той поры Электроями стали тысячи десятков тысяч бэрян. Теперь вокруг нашего мира бесцельно плавают миллионы слепых, немых, подлых теней существ, дожидаясь дня, когда они снова станут людьми... Существование Электроев — это пустая насмешка, их смутные сознания не в состоянии ничего видеть, слышать или чувствовать, поскольку они, как облака фотонов, не имеют никаких органов чувств. Они чувствительны к определённого рода электрическим эманациям и могут общаться друг с другом посредством воздействия волн, испускаемых их фотонными существами, но не могут поддерживать никакой связи с любыми живыми существами на Бэре. Они всего лишь призраки, плывущие по воздуху, танцующие, дрейфуя в слепую тьму, в которой они не могут ничего чувствовать, ничего слышать, ничего видеть... И вот поэтому, Крейин, мы, народ Бэры, столь долго надеялись и мечтали о получении воды с Чолу. Именно поэтому твой отец, Таркол, дерзнул рискнуть всем в героической попытке добраться до Чолу. Те миллионы одиноких бестелесных Электроев вечно, дрейфующих вокруг нашей планеты, — у нас у всех есть среди них друзья, любимые, которые, молимся мы, смогут в один прекрасный день быть освобождены из своего страшного состояния.

— Господи Боже! — прошептал Крейин. — Все те мелькающие частицы света — некогда мужчины и женщины...

— Да, Электрои — трагедия нашего народа, — серьёзно молвил Дандор, ища в глазах Крейна жалость и печаль. —

Каждый бэрянин каждый год боится, что он может оказаться избранным на Жеребьёвке, что он и его семья могут быть призваны вступить в это смутное состояние бестелесного бессмертия.

Крейн глубоко содрогнулся, когда выглянул из окна и увидел, даже сейчас, среди этих освещённых солнцем башен розового города бесцельно дрейфующие туда-сюда неясные мелькания света. Нематериальные электрические существа, которые были людьми! Оторванные от всякой жизни, от всякой реальности, плывущие сквозь смутные эпохи.

— Именно этот процесс преобразования людей в Электроев, — говорил между тем Дандор, — мы и адаптировали для применения в передатчиках материи. Эти приборы применяют иного рода силу преобразования, но они тоже преобразуют материю в фотонное облако, которое проецируется в другой передатчик, который опять ретранслирует фотонное облако в твёрдое состояние. Точно так же, как в один прекрасный день смогут быть преобразованы все Электрои.

— А теперь, — добавил он, и его трагический взгляд засветился надеждой, — день высвобождения Электроев, возможно, уже недалёк — теперь, когда ты помог нам открыть путь к Чолу и к воде. Когда Бэра снова оживёт, а Электрои станут мужчинами и женщинами, они благословят твоё имя, Крейин!

Филип Крейн поёжился от такой горячей похвалы старика. Он её не заслуживал — он, который втайне надеялся сделать все возможное, ради того чтобы сорвать этот великий план.

Крейн ощутил себя попавшим в тиски трагической и ужасной дилеммы. Он должен быть верен Земле — миру, в котором он родился и вырос! Он не мог позволить марсианам ограбить Землю, лишив её воды, превратить свою родную планету в опустошённую пустыню.

И всё же если он будет верен Земле, если у него получится сорвать замыслы марсиан, то он на веки вечные обрекает Электроев оставаться в своём невыносимо ужасающем состоянии, приговорит мужчин и женщин, кровь которых текла и в его собственных жилах, на веки вечные оставаться в этом ужасном бессмертии!

Глава XI. Принцесса Бэры

Крейн в замешательстве рассказывал взад-вперёд в смятении, пребывая в душевной смуте. Он яростно повторял себе, что не должен дать сочувствию к трагической участи Электроев отвлечь его от поставленной перед собой цели. Он должен бороться ради Земли!

— Смотри, трассер остановился! — воскликнул Дандор, наклоняясь поближе к глобусу.

Крейн поспешил вернуться к старику. Крошечная искорка трассера застыла на глобусе посреди пробела красной пустыни, далеко на юго-востоке от Ингомара.

— Я знаю это место! — определил Дандор. — Там лежат развалины города А'лона, одного из многих великих городов. Он погиб века назад, когда сократились моря.

— Значит, Сурп и его молодчики держат Лану в заточении в развалинах города?

— Должно быть так, — подтвердил Дандор. — Там никто и никогда не бывает, и у Сурпа там должно быть какое-то тайное укрытие. — При этой мысли глаза старого учёного сузились. — Нам необходимо спасти Лану, — решил он. — Взять с собой солдат мы не посмеем, так как никто не должен узнать об этом твоём самозванстве. Нам надо каким-то образом вызволить Лану, восстановить его на троне, не позволив никому узнать о том, что именно произошло. Это будет рискованно!

Филип Крейн ничего не сказал. Он пытался прикинуть собственный план действий, но ничего путного в голову не приходило. Лану приходился ему сводным братом — однако, если он лично будет убит при попытке вызволить Лану, это будет означать, что исчезнут все шансы предотвратить марсианское вторжение на Землю! И всё же, если он напрямую откажется попытаться вызволить Лану, Дандор сразу же начнёт его подозревать.

Дандор отсрочил решение Крейна.

— С попыткой вызволить Лану нам надо подождать до послезавтра, — неожиданно провозгласил он, что-то прикинув. — Потому что завтра будет День Ухода, и тебе нужно быть в храме на этой страшной церемонии. К алтарю, который преображает

избранных в Электроев, допускается приближаться только особам королевской крови... К развалинам Л'Лона мы отправимся завтра ночью.

Крейн кивнул, надеясь, что до следующей ночи ему удастся найти какой-то способ расстроить планы марсиан относительно Земли. У него уже сложился смутный план, который, как он надеялся, ему удастся привести в действие. Если он сможет улизнуть вместе с Кей из этого города и быстренько рвануть к стоящей посреди пустыни башне Дандора, где находился передатчик материи, а оттуда молниеносно перенестись на Землю, то тогда они смогут уничтожить передатчик материи на Земле и покончить с марсианской угрозой.

Он ощутил укол боли при мысли, что навеки оборвёт связь с этим миром, который уже успел полюбить, с королевством своего отца, и что он на все времена окончательно решит роковую участь трагического сонма Электроев.

— А сейчас тебе, Крейин, надо отправиться в королевские апартаменты, — проговорил между тем Дандор. — Если ты останешься у меня, это может вызвать недоумение.

— Но как же Кей? — обеспокоенно спросил Крейн.

Дандор немного подумал.

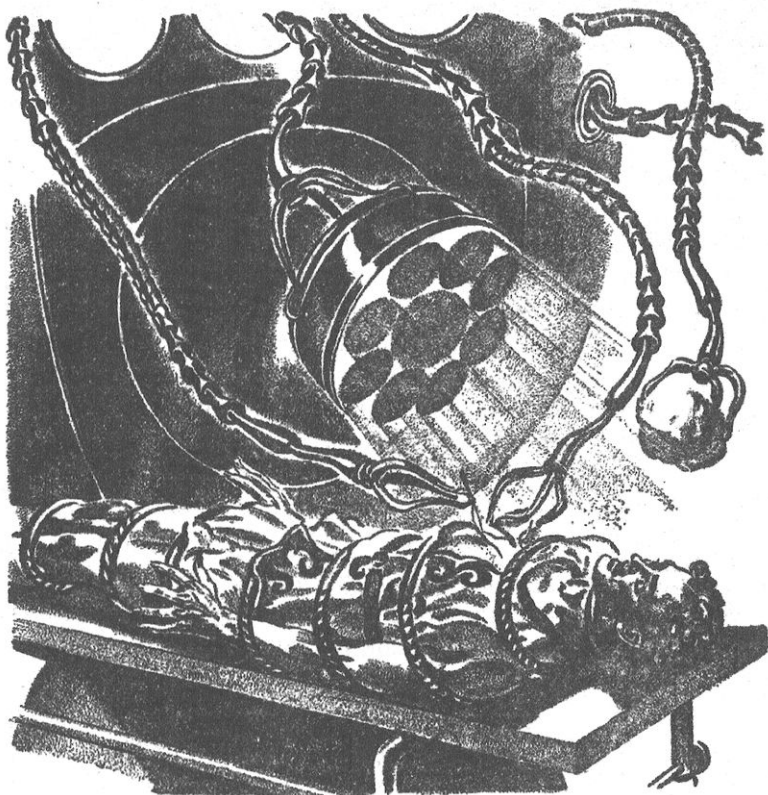
— Эта девушка по-прежнему верна Чолу, не так ли? Я догадался об этом по её разговору с тобой, хотя и не понимаю чолуанского языка.

— Да, она предана Чолу, — медленно проговорил Крейн. — Ей кажется, что мне тоже следует сохранять верность этой планете.

— Как будто сын Таркола может быть верен какой-либо планете, кроме Бэры! — воскликнул ничего не подозревающий Дандор. — За этой девушкой надо постоянно приглядывать, Крейин. Она может сделать или сказать что-то, способное тебя выдать. Мы заберём её с нами в твои королевские апартаменты, и Кро постережёт её. — И добавил: — Ей надо надеть бэрянский плащ. Нам нежелательно, чтобы её личность вызывала какие-то подозрения.

Но Кей отказалась надевать этот плащ.

— Я не стану превращаться в марсианку, Филип, — заявила она, глядя на него суровым и враждебным взглядом. — И не стану носить их одежду.

— Скажи этой девушке, что я могу велеть Кро завернуть её в плащ и отнести на руках, — твёрдо сказал Дандор. Эта угроза возымела действие. Кей гневно завернулась в шёлковый плащ.

Клеть лифта отвезла их на наземный этаж дворца. Камергеры препроводили Крейна в королевские апартаменты. Когда он вошёл, часовые у двери взяли свои серебристые газовые пистолеты «на караул». За самозванцем последовали Дандор, Кей и лязгающий робот.

Королевские апартаменты представляли собой анфиладу великолепных комнат. Покои с высокими потолками и стенами из розоватого камня, увешанные багряными шелками с изображёнными на них золотыми портретами. Вся мебель была металлической, так как дерево в этом мире давным давно стало редкостью. Полы устилали толстые, мягкие, тёмно-зелёные ковры.

Высокие окна пропускали солнечный свет. Солнце клонилось к горизонту, так как, пока заговорщики следили за перемещениями трассера, прошло много часов. Когда собрались тени, на потолке во всех комнатах автоматически загорелись искусственные лампы, разгорающиеся по мере того как затухал дневной свет.

— Это просто участки каменных потолков, в которые вставлены электрически активные атомы, заставляющие эти участки камня испускать световые волны, — ответил Дандор на вопрос Крейна об освещении.

После чего показал на изображённые на багряных занавесках золотистые портреты.

— Это портреты всех давно умерших королей Бэры, — уведомил он Крейна. — Это твои предки, Крейин.

Филип Крейн не смог сдержать острого интереса, когда прошёлся вдоль стен, глядя на золотистые лица прежних правителей Красной планеты. Его предки! Короли Бэры, в чьих жилах пульсировала и его собственная кровь!

Подойдя к последнему портрету, он не удержался от восклицания. Эта массивная голова с львиными чертами, это дышащее мощью лицо — как же хорошо он их знал!

— Мой отец! — воскликнул он.

— Да, — кивнул Дандор, — великий король Таркол, отец Лану и твой отец. Его портрет добавили, когда сочли его погибшим. — Старый учёный погрузился в печальные воспоминания. — Сколько раз я сидел в этом самом помещении с Тарколом, трудясь над нашим великим планом! Как я ждал и надеялся, что вот-вот придет известие от твоего отца, которое так и не пришло! — Тут его глаза заблестели ярче. — Но ты, наконец, позвал и явился, Крейин, — ты, сын Таркола. Теперь мне кажется, что сам Таркол вновь рядом со мной, потому что в тебе есть сила и целеустремлённость твоего отца, которых нет у Лану. Как я желал бы, чтобы ты действительно был королём, Крейин.

Эти простые, сказанные с такой тоской слова тронули Филипа Крейна. У него аж ком подкатил к горлу. Он импульсивно сжал руку старику.

— Чем бы там всё ни закончилось, — сказал он, — Яя рад, что познакомился с тобой, Дандор, с другом моего отца — и

моим другом. — Совесть причинила ему боль, так как его долг требовал от него помешать самой дорогой для Дандора цели, погубить то, ради чего старый учёный всю жизнь трудился и на что надеялся.

В освещённые мягким светом апартаменты подобострастно вошёл слуга и низко поклонился Крейну.

— Послание от принцессы Мары, Ваше Величество, — положил он. — Она просит вас сегодня вечером поужинать с ней.

Филип Крейн вопросительно взглянул на Дандора, и тот незаметно кивнул.

— Передай принцессе Маре, что я буду, — распорядился Крейн.

Когда слуга вышел, Крейн повернулся к старику с беспокойством и тревогой на худощавом лице.

— Не хочется мне снова встречаться с этой девушкой! — воскликнул он. — Дандор, я боюсь, что она что-то подозревает.

— Если ты к ней не придёшь, она будет подозревать ещё сильнее, — изрёк Дандор. — Лану был в неё безумно влюблён и проводил с ней почти всё своё время. Даже больше времени, чем этого хотелось самой Маре, поскольку она его никогда не любила.

— Тогда почему же она выходит за него замуж? — напрямик спросил Крейн.

— Король должен жениться только на особе самого высокого происхождения, — пожал плечами Дандор. — Считали, что этот брак укрепит отношения Лану с народом, укрепит его позиции и поможет противостоять козням Сурпа.

— Ты пойдёшь со мной? — обеспокоенно спросил Крейн.

Старый учёный решительно покачал головой.

— Я не посмею, Крейин! Это, безусловно, заставит Мару что-то заподозрить, потому что Лану ни в коем случае не взял бы меня сопровождать его. Ты должен положиться на собственную сообразительность, сам решить, как вести себя. Постарайся держаться общих тем и расстаться с ней как можно скорее...

Кей следила за Филипом Крейном, и взгляд её был переполнен горечью и болью, когда тот стал готовиться к ужину, хотя и ничего не поняла из разговора, в котором говорилось

куда именно он отправится. Однако когда он обеспокоенно заговорил с ней, она по-прежнему с каменным лицом смотрела в пространство мимо него.

Пустившись в путь по дворцу следом за двумя камергерами, Крейн чувствовал себя подавленным. Кей считала его предавшим Землю, а Дандор сочтёт его предавшим Бэру, когда узнает о его истинной цели. И действительно, если он преуспеет в том, что должен сделать, то предаст Бэру и Электроев.

Розоватые стены коридоров дворца лучились светом. Когда высокий Филип Крейн в багряном плаще широким шагом проходил по коридорам, сауги и стража вытягивались по стойке «смирно». Когда он проходил мимо мужчин и женщин из числа знати, они отступали в сторону и кланялись. Он же, не заговаривая с ними, молча склонял в ответ голову.

Но вот камергеры распахнули две широкие серебристые двери и громко объявили:

— Король!

Крейн неуверенно шагнул вперёд. Эти апартаменты располагались в восточном крыле дворца и во многом походили на его собственные, за исключением того, что комнаты тут были поменьше, занавески — поизящнее, и всё лучилось женственной атмосферой.

Мара выступила ему навстречу. Бэрянская принцесса уже избавилась от царственного багряного, надела и плащ, и платье белого цвета, с единственным блестящим драгоценным камнем зелёного цвета, горящим в её заплетённых в плотную спираль иссиня-чёрных волосах.

Её тёмные глаза не переставали пристально глядеть ему в глаза, и на её прекрасном лице, когда она слегка поклонилась ему, проглядывало выражение странного интереса.

— Удивлена, что ты пришёл, Лану, — чуть насмешливо сказала она. — Как я слыхала, в твоих апартаментах сегодня поселилась красивая девушка.

— Как ты об этом узнала? — спросил поражённый Филип Крейн.

— Да можно ли надолго сохранить тайну в этом так и кишасщем сплетнями дворце? — парировала контрвопросом она. — Кто она?

— Племянница Дандора, — ответил с притворным безразличием Крейн. А затем чёрт дёрнул его спросить: — Ты случайно не ревнуешь, милая?

— Ну конечно нет, — ответила с равнодушной отстранённостью Мара. И кивнула на установленный под мягким освещением металлический столик. — Не поужинать ли нам?

Крейн внезапно осознал, что и правда удивительно проголодался. И сообразил, что много часов ничего не ел. А марсианская еда была хороша. Мяса марсиане не ели, вместо него имелось с поджюжины различных овощей с восхитительным вкусом. Присутствовали также и странные на вкус фрукты, и графинчик густого чёрного вина. Вино согрело землянина, и Крейн снова наполнил бокал. И почувствовал, как то сверхчеловеческое напряжение, стальными цепями сковывавшее его тело, отступило.

— Ты, кажется, больше интересуешься едой, чем мною, — заметила, изучая его взглядом, Мара. — Ты изменился, Лану.

— В каком отношении? — спросил он, когда они встали из-за стола.

— Во... многих отношениях, — озадаченно свела брови Мара.

Крейн почувствовал, что их разговор становится весьма опасным!

— Уж в одном отношении я не изменился, Мара, — заверил он принцессу и преднамеренно заключил её в объятия. Прежде чем она смогла чего-то сказать, Крейн нагнулся к её губам. Чёрт, он докажет ей, что он — Лану!

Губы бэрянской принцессы оказались нежными и сладостными, от её полуночных волос в его ноздри пахло благоуханием, а её гибкое тело вдруг сделалось податливым. Мара затаила дыхание.

— Лану, раньше ты никогда меня так не целовал! — воскликнула она.

«Тут я, похоже, перестарался», — ошеломлённо подумал Крейн. Но он ничего не мог с собой поделать. Мара всё ещё стояла, заключённая в кольцо его объятий, но её иссиня-чёрные глаза пылали новым светом.

Крейн поборол сильное желание повторить тот поцелуй. Ведь Мара же была невестой его сводного брата! Он должен

играть некую роль, но не должен позволять себе играть её слишком хорошо!

Они вышли из помещения на широкий балкон. Стоя там в темноте, обнимая одной рукой стройную, шёлковую фигурку Мары, Крейн завороченно уставился на окутанные пологом ночи раскинувшиеся внизу сады.

Обе серебристые луны сейчас стояли в небесах. Дальняя сияла в вышине на востоке, а более близкая заметно передвигалась по усеянному звёздами небу к юго-восточному горизонту. Две луны, чьи перемещающиеся серебристые лучи падали на парящие в вышине прекрасные башни Ингомара, и на невысокие, похожие скорее на кусты, деревья, и многочисленные цветы садов.

Воздух, разряжённый и прохладный, но густо насыщенный острыми запахами, ещё в большей степени пробудил в мозгу Крейна призрачные наследственные воспоминания. Какой-то миг, стоя здесь рядом с Марой и глядя на свой мир, на свой город, он ощущал себя единым целым со всем этим миром и его народом.

Мара слегка задрожала. И в голосе её прозвучала задумчивая печаль.

— Когда мы счастливы, то всегда должны помнить об обречённых вечно скитаться, об Электроях, — прошептала она. Потом она печально поглядела на мелькающие сонмы прекрасных светящихся огоньков, похожих на светляков, дрейфующих через сады и вокруг волшебных башен окружающего их города. Скользящие, пляшущие, проплывающие в своей вечной тусклости нечеловеческого сознания. Некогда бывшие мужчинами и женщинами, а теперь прекрасные пугающие огоньки. — Они всегда отравляют наше счастье, — серьёзно проговорила между тем Мара. И с содроганием прижалась плечом к его груди. — Не могу перестать думать о тех тысячах избранных, кто сегодня ночью с печалью в сердце узнает, что завтра в храме они должны будут стать Электроями.

— Знаю, — тяжело проговорил Филип Крейн. — Я тоже не могу забыть их.

Нет, он их не забудет. Потому что знал, что утром именно его собственная рука и зашвырнёт этих избранных в пасть ужасного бессмертия.

Глава XII. День Ухода из Жизни

В небесах блистало полуденное солнце Ингомара. Мерно звучал, отзываясь эхом во всех самых отдалённых уголках и растрескавшихся розоватых башнях города, надрывный и печальный звон великого колокола. Глухие, низкие звуки, вещающие хриплым железным горлом городу о начале ужасной церемонии.

Со всех концов Ингомара народ стекался к невысокому, увенчанному куполом зданию на южном конце огромной площади. Филип Крейн, наблюдая из окна своих королевских апартаментов, видел, как марсиане медленно движутся, сходясь к храму, собираясь в безмолвные толпы. Все шли в пугающе мёртвой тишине.

— Пора идти, Крейн, — негромко напомнил ему Дандор. — Вот-вот должен начаться уход избранных из жизни.

— Я обязательно должен это делать? — растерянно спросил Филип Крейн. — Превращать этих людей в ужасных Электроев?

— Да, должен, — печально вздохнул Дандор. — Пищи не хватает, даже сейчас. Если эти избранные не уйдут сегодня в Электрои, то завтра многие просто умрут с голоду. — Тут глаза старика засветились, когда он добавил: — Однако им недолго быть Электроями! Сегодня ты уведомишь их о скором успехе великого плана. А как только мы вызволим Лану, наша экспедиция отправится на Чолу и принесёт нам воду, которая сделает возможным освобождение всех этих жалких обречённых.

Широкие плечи Крейна поникли.

— Ладно... Я готов, — с горечью произнёс он.

Кей стояла у окна, глядя на входящие в храм толпы. Крейн подошёл к ней.

— Ты будешь здесь в безопасности с Кро, — серьёзно сказал он ей по-английски. — Кей, вскоре мы с тобой сможем вернуться на Землю и прервать эту связь между планетами.

Она посмотрела на него без всякой веры. Лицо её было белым и неподвижным.

— И ты мне говоришь, что трудишься на благо Земли, тогда как сидишь на престоле этой планеты? — фыркнула она.

— Кей, ты должна мне верить, — настойчиво продолжал уговаривать её Крейн.

Карие глаза Кей вспыхнули.

— Что же ты остаёшься здесь со мной, когда тебя ждёт твоя марсианская принцесса?

Крейн уже рассказал её, кто такая Мара и что эта принцесса помолвлена с бэранским королём.

— Идём, Крейин! — нетерпеливо позвал его Дандор.

Потеряв надежду как-то достучаться до Кей, Филип Крейн повернулся и последовал за старым учёным. Робот Кро, неподвижная статуя из металла, по-прежнему стояла там, где остановился прошлой ночью, не сводя своих глаз-линз с девушки у окна.

Крейн и Дандор прошли по розовым коридорам дворца к южному фасаду. И по пути Дандор серьёзно заговорил, понизив голос, чтоб их не слышали почтительно следовавшие за ними слуги.

— Помни мои наставления о том, что именно тебе надо сказать и как действовать у алтаря, Крейин, — внушал ему старик. — Мне нельзя быть возле тебя, когда ты это сделаешь, так как стоять на том месте дозволительно только особам королевской крови. Если что-то забудешь, то считай пропал.

— Не забуду, — пообещал Крейн, вспоминая подробные инструкции, какие Дандор дал ему рано утром.

— Если ты сегодня сможешь продолжить играть свою роль, не вызвав никаких подозрений, — пылко добавил Дандор, — то у нас будет шанс уже сегодня ночью вызволить Лану и покончить с этим опасным положением.

Они вышли на тянущуюся перед дворцом каменную террасу. Из другого входа туда выходили принцесса Мара и её дамы. На Маре снова красовался королевский багряный плащ. Лицо её было бледным от трагического предчувствия. Она отвела взгляд, когда поздоровалась с Филипом Крейном.

Когда Крейн с принцессой и их маленькой свитой двинулись к храму, загремели трубы выстроившейся на террасе стражи. Когда они приблизились к массивному арочному входу в огромное здание с куполом, ужас, владевший

Крейном весь этот день, сжимающий ему сердце стальными тисками, стал ещё сильнее, если такое, конечно, вообще возможно.

— Смелей, Лану, — прошептала, сжимая ему руку, Маря. — Таков тяжкий долг королей Бэры.

Тёплое прикосновение её пальцев придало ему сил.

— Я постараюсь с честью исполнить... свой долг, — пробормотал он.

Перед входом в храм на посту стоял усиленный отряд стражи. Крейн и его свита проследовали мимо отдающих честь солдат. А затем Крейн остановился, весь трясаясь, и устоялся на внутреннее помещение храма.

Оно представляло собой единственный огромный затенённый зал. Это был какой-то громадный амфитеатр с множеством ярусов каменных сидений круто поднимающийся от большой округлой вымощенной чёрным сцены. В центре сцены стоял алтарь. Он оказался простым диском из белого кристалла, установленным на чёрном каменном полу. Неподдалёку высилась стойка из красного металла с шестью колёсиками, служившими панелью управления алтарем. Вокруг внешней части этой огромной сцены стояли тысяч шесть мужчин, женщин и детей. Все они пришли в белом, и у каждого из них на груди светился значок. Все застыли в мёртвой тишине.

Избранные!

Первые ряды ярусов с сиденьями занимали ярко разодетые представители знати. Другие ярусы, намного выше, погружённые в тень, заполняли жители Ингомара, подавшиеся вперёд, напряжённые и ошеломлённые, следящие за происходящим.

Самое ужасное из всего этого для Филипа Крейна было то, что через внутреннее помещение огромного и безмолвного храма бесцельно дрейфовали десятки светляков. Десятки Электроев проплывали тут, как и повсюду, на глазах у тех тысяч, кому вскоре предстояло самим перейти в состояние этой живой смерти.

Крейн ощутил, как смелость его рассыпается, как песок. Он почувствовал дикое желание бежать от этого надвигающегося ужаса.

— Держись, Крейин! — напряжённо прошептал ему Дандор.

— Я не смогу это сделать... не смогу! — пробормотал заплетающимся языком Крейин, худощавое лицо которого сделалось бледным как смерть.

— Ты должен! — горячо прошептал старый учёный. — Помни, эти жертвы недолго пробудут Электроями. Великий план вскоре сделает возможным их освобождение.

Крейна его слова нисколько не утешили, так как он знал, что если он преуспеет в собственных замыслах, то план марсиан так и не осуществится, и Электрои никогда не освободятся.

— Видишь — вон идут Сурп с Лигором! — прошептал Дандор. — Сейчас ты не должен проявлять слабости!

Массивный Сурп и его красивый сын прошли по проходу к королевской свите. Крейин застыл. Сурп теперь уже должен был знать, что он самозванец, что настоящий Лану по-прежнему у них в плену. Что же в таком случае предпримет этот аристократ?

На жёстком, грубом лице Сурпа было ясно написано удовлетворение. Когда он с преувеличенной почтительностью поклонился Крейну, в его пронизательных глазах поблескивало ироничное веселье.

— Приветствую Вас, Ваше Величество! — громко поздоровался он. — Вы что-то задерживаетесь. Такое впечатление, словно вы никогда раньше не видели этого храма.

— Да, — нагло протянул Лигор, и в его глазах с чуть опущенными веками, когда он смотрел на Крейна, сквозило веселье, — кажется, даже пришелец с другой планеты не мог бы быть более поражен, чем вы... Ваше Величество.

Они точно знали! Узнали от Лану, что он с Земли, и насмеялись над ним, опираясь на своё знание. Мара и остальные непонимающе уставились на этих вельмож, поражённые их наглостью.

Худощавое лицо Крейна напряглось, когда в нём поднялся не просто жаркий, а добела раскалённый гнев. На какой-то миг он ощутил себя истинным марсианином, истинным королём. Эти наглые выскочки посмели бросить ему такие слова!

— Ты забываешься, Сурп, — язвительно бросил он. — Тебе с твоим нахальным щенком следует держаться своего места, как

и всей прочей знати. Мне что, кликнуть стражу препроводить вас туда?

Лицо Сурпа побагровело от ярости.

— Ты ещё смеешь так разговаривать со мной? — выкрикнул он. — Да ты всего лишь...

И сдержал рвущиеся из уст слова разоблачения. Он сдержал их, потому что, обвинив Крейна в самозванстве, признается в похищении короля и измене.

Чуть не лопааясь от ярости, не находящей выхода, Сурп прожёг взглядом землянина. А Лигор, вся спесивая наглость которого растворилась в бешенстве, скалил зубы, словно обезумевшая пантера.

— На место! — грубо приказал им Крейн. — Вы задерживаете церемонию.

Сурп с огромным усилием взял себя в руки.

— Хорошо, Ваше Величество, — проскрежетал он, ставляя почтительное обращение прозвучать словно ругательство.

На жёстком лице аристократа ясно читалась угроза и злоба, равно как и в наполненных яростью глазах Лигора, когда эти двое проследовали и заняли свои места рядом с прочей знатью.

— Лану, мне кажется, что Сурп Лигор открыто тебе угрожали! — обеспокоенно воскликнула Мара.

— Они чересчур обнаглели, вот и всё, — ответил Крейн, хотя всё ещё пребывал в напряжении от этой смертельной конфронтации.

— Будь осторожен, Лану, — взмолилась принцесса, с беспокойством глядя на него. — Ты же знаешь, насколько сильно Сурп хочет завладеть твоим тронem, Лигор хочет завладеть мной.

Крейн вздрогнул. Так значит, Лигор влюблён в Мару? Он мог бы и догадаться, по тому как рьяно Лигор тёрся возле неё перед Жеребьёвкой.

— Жаль, что я не знал, какую дьявольскую сеть плетёт Сурп, — прошептал Дандор, охваченный зловещими предчувствиями. — Он что-то задумал, теперь, когда знает правду о тебе.

Крейн сделал несколько шагов к большой центральной

сцене. Когда он добрался до её края, сопровождающая его знать остановилась, подчиняясь запрету идти дальше. На эту сцену дозволялось ступить только особам королевской крови, недавно объяснил землянину Дандор, — только особам королевской крови и избранным жертвам. Крейн и Мара, блистая под затенёнными светильниками своими королевскими багряными плащами, медленно прошли через сцену к алтарю.

Крейн занял своё место у поднимавшегося возле красной металлической стойки кристаллического диска алтаря. Мара остановилась неподалёку от него, высоко подняв темноволосую голову. А весь храм безмолвствовал. Безмолвствовал! В этом огромном затенённом храме воцарилась мёртвая тишина. Никто не говорил, никто не шевелился. Только дрейфовали сквозь этот полумрак бесцельно скитающиеся Электрои. Когда же Филип Крейн посмотрел на большую толпу жертв, стоящую неподалёку от него на сцене, то ощутил, как в него вторгся медленный холодок ещё более глубокого ужаса. Если бы они плакали, протестовали, бушевали от ярости, то было бы много лучше. Но все они стояли неподвижно и безмолвно. Мужчины, женщины и дети — неясные белые пятна лиц, среди теней, глядящие на него тусклыми взглядами апатичной безнадёжности. Какой-то маленький ребёнок среди обречённых что-то прошептал, и его мать тут же заставила его замолчать. Над всеми ждущими снова воцарилось пугающее безмолвие.

Филип Крейн произнёс несколько слов, которым его научил Дандор. Ему таки удалось выдавить их из себя, заплетающимся языком:

— Вы, те, кто должен сейчас уйти из жизни в Электрои, — начал он, обращаясь к толпе избранных, — не должны чувствовать, что обречены вековечно оставаться в этом состоянии. Нет, когда наш мир воскресят благодаря новой воде, то вас и всех остальных Электроев преобразят посредством этого самого алтаря обратно в живых мужчин и женщин. Пусть эта мысль утешает вас сейчас, когда вы уходите из жизни. И пусть вас также утешает то знание, что, покидая нас, вы спасаете остальную нашу расу. И в один грядущий день, когда наш мир снова станет зелёным и плодородным, все Электрои опять станут живыми мужчинами и женщинами, весь наш мир будет благодарен вам за вашу жертву.

Крейн закончил речь, произнес ритуальные слова, которыми короли Бэры многие годы говорили обречённым.

Обречённые по-прежнему безмолвствовали. По-прежнему взирали они на него тусклыми, ледяными, апатичными взглядами, полными безнадежности, которые заставляли Филипа Крейна до глубины души содрогаться.

А затем, нарушая этот привычный ритуал, Крейн сделал объявление, которое, по словам Дандора, он обязательно должен был сделать:

— И время, когда Электрои будут освобождены, скоро грядёт! — провозгласил он. — Да, народ мой, великий план, который веками являлся мечтой всей Бэры, скоро будет осуществлён. Путь на Чолу, наконец, открыт! В этот самый миг передатчик материи на Чолу готов к работе. Вскоре наша экспедиция молниеносно перенесётся через космическую бездну, установит на Чолу множество передатчиков материи, которые перебросят воду из того мира на Бэру. И вскоре Бэра снова станет миром больших морей и плодородных земель, и тогда наконец все миллионы Электроев пройдут через этот алтарь и снова станут живыми мужчинами и женщинами!

На долгий миг в великом храме воцарилась мёртвая тишина, тишина всеобщего остоленения. А потом из всех глотков людей, собравшихся в огромном святилище, вырвался оглушительный крик неистовой радости, могучий крик, с ошеломляющей силой ударивший по Филипу Крейну.

— Король Лану! — орали тысячи неистовствующих голов. — Король Лану, наш освободитель!

Мара с неистовой силой вцепилась в руку Крейна.

— Это правда, Лану? — спросила она, перекрикивая оглушительный рёв обезумевших от радости людей. — Это правда?

— Правда, Мара, — заверил он её. — Мы с Дандором открыли путь на Чолу.

В её тёмных глазах засияли слёзы, яркие слёзы радости.

— Наш народ — Электрои — спасён! — задохнулась она.

Неистовый радостный рёв марсиан оглушил Крейна.

— Лану! Лану! — хрипло кричал народ. И обречённые, которые миг назад были апатичными от убойной безнадежности, кричали громче всех.

А Филип Крейн испытывал... всё возрастающий ужас. Потому что он-то знал: если он преуспее в задуманном им деле, то все эти бурно радующиеся люди будут обречены на мучительнейшее разочарование. Он должен будет уничтожить их мечту! Он, кого сейчас бурно приветствовали как своего спасителя, должен будет стать тем, кто вдребезги разобьёт их безумную надежду!

Мучимый этим знанием, не в состоянии больше вынести этих неистовых славословий, он поднял руку, призывая к молчанию.

— Вскоре, — повторил он, — великий план будет осуществлён, и тогда все Электрои будут освобождены. Но сейчас эти избранные должны уйти из жизни в Электрои, поскольку для экспедиции на Чолу нам понадобятся все ресурсы нашей умирающей планеты.

Тут какой-то рослый мужчина из числа избранных, с пламенеющим от радости лицом, крикнул в ответ:

— Мы с радостью уйдём в Электрои, Ваше Величество! Да, теперь когда мы знаем, что нас скоро освободят, мы не станем шарахаться от алтаря!

— Да, король Лану! — подхватили хором окружающие его мужчины и женщины с сияющими лицами. — Мы знаем, что вскоре нас всех освободят.

Филип Крейн внутренне содрогнулся. Эта радостная вера в него была почти невыносимой.

— Ваша вера в меня будет не напрасной, — хрипло произнёс он, ненавидя себя за эту ложь. — А теперь пусть начнётся церемония.

Он протянул руку к колёсикам на стоящей перед ним красной металлической стойке. И повернул их, устанавливая каждое на определённое положение, как его не так давно тщательно проинструктировал Дандор.

Когда он установил последнее колёсико, кристаллический диск алтаря, внезапно запыхал лиловым светом. Вертикально вверх взметнулся луч тёмно-фиолетового огня, отбрасывающий на лица всех в храме дрожащие блики.

— Алтарь готов, — произнёс заплетающимся и нетвёрдым голосом Крейн. — Проходите согласно установленному порядку.

Обречённые стали двигаться гуськом к этому пылающему лиловому лучу. Мужчины и женщины с младенцами на руках, с цепляющимися за материнские одежды карапузами шли друг за другом к алтарю.

Когда первый мужчина оказался на краю очерченного лучом круга, он остановился и посмотрел на Крейна. Он дрожал, переполненный радостью.

— Будь благословен, король Лану, за то, что подарил нам надежду, прежде чем мы вошли на алтарь! — крикнул он.

А затем он шагнул, пылающий луч лилового силового поля. Контуры его тела тут же заколебались, затуманились и исчезли с глаз. Он пропал, а из пылающего луча выплыла частица света. Электрои — то, что миг назад был живым человеком! Теперь же он бесцельно дрейфовал вместе с другими Электроями в этом затенённом храме.

Крейн поймал себя на том, что дрожит от ужаса, когда стал свидетелем этой невероятной и пугающей трансформации. И ужас его всё возрастал, когда и все остальные из обречённых один за другим, гуськом, проходили в этот лиловый луч алтаря.

Потому что, когда они вступали в это смертоносное силовое поле, лица их всех были повёрнуты к нему, и они выкрикивали ему свои пожелания. Они благодарили его — того, кто собирался вдребезги разбить их радостные надежды! Благословляли его своими последними словами, когда принимали смерть небытия!

Нескончаемый поток людей подходил к алтарю, и каждый из них, когда входил в блистающий лиловый луч, мгновенно исчезал... превращаясь в одного из этих плавающих в тенях светляков. Электрои теперь дрейфовали в великом храме густо, сонмы их плавали вокруг. Электрои, которые ещё несколько мгновений назад были людьми! Филип Крейн ошалелыми глазами смотрел на то, как последние из этих полных доверия, радостных жертв прошли на алтарь, и видел, как они уплыли, став нематериальными электрическими огоньками. А затем он протянул дрожащую руку и повернул колёсики. Пылание алтаря погасло.

— Церемония окончена, — хрипло провозгласил он, и продолжил, как проинструктировал его Дандор: — И это будет

последняя церемония такого рода. Дети Бэры больше не будут переходить в Электрои. А вскоре все Электрои пройдут через этот алтарь и снова станут живыми людьми.

На него снова обрушился восхищённый гвалт восхваленный. Для мучимой собственной совестью души Крейна эти крики походили на издевательства демонов.

Всю дорогу обратно через площадь к дворцу толпа вываливала из храма, хрипло выкрикивая благословения, восхваляя Крейна. Стража усиленно старалась сдерживать толпу.

Когда Крейн, Дандор и Мара вошли во дворец, принцесса подняла взгляд на Крейна, глядя на него затуманенными от слёз глазами.

— Лану, вас с Дандором будет благословлять всякая душа, какая когда-либо родится на Бэре! — предрекла она с дрожью в голосе. — За открытие пути к воде Чолу, за воскрешение нашего мира и освобождение Электроев. — Её горячие руки импульсивно обвили его шею, а глаза, когда она подняла к нему лицо, так и сияли. — Не думала я, что когда-нибудь смогу полюбить тебя, Лану, — прошептала она. — Но прошлой ночью я узнала тебя с совершенно иной стороны. И теперь я знаю, что ты достоин моей новообретённой любви.

Даже в миг душевной муки Крейна пронзило волнение. Ведь это именно он завоевал её любовь, а не Лану! Он жадно поцеловал её. Она прильнула к нему и висела у него на шее, пока Дандор не начал предупреждающе покашливать.

Тогда она отступила на шаг с пылающим лицом.

— Сегодня вечером, — прошептала она и исчезла... Крейн, дрожа, уставился ей вслед, пока чары не разбил голос Дандора.

— Крейин, ты случайно не влюбился в Мару? — спросил старик с беспокойством в голосе. — Не забудь, она — невеста твоего брата.

— Знаю, — хрипло отозвался Крейн, а затем внезапно воскликнул: — Ей-богу, желал бы я никогда не лезть в это безумное самозванство!

— В храме ты был великолепен, — одобрил Дандор. — Теперь народ поклоняется тебе как своему спасителю. Если нам удастся вызволить Лану и вернуть его на престол, то никакие козни Супра никогда не смогут покачнуть его популярность. —

Тут лицо старого учёного омрачилось, и он добавил: — Сурп с Лигором покинули храм ещё до окончания церемонии. И я вот гадаю почему?

— К чёрту Сурпа! — в сердцах воскликнул Крейн, поразив Дандора.

Когда они вошли в королевские апартаменты, старый учёный резко вскрикнул.

— Что-то случилось с Кро!

Огромный робот неподвижно лежал на полу. А поблизости гудел какой-то маленький, незнакомый треугольный механизм.

— Здесь кто-то побывал! — в тревоге воскликнул Дандор. — Этот маленький механизм — с его помощью незваным гостям сюда удалось одолеть Кро!

— Где Кей? — закричал Крейн.

И заметался по комнатам. Вернулся он с мертвенно-белым лицом.

— Она пропала, Дандор! Её похитили, так же как и короля!

Глава XIII. В развалинах Л'Лона

Ошеломлённый этим новым ударом, Филип Крейн застыл, его худощавое лицо вытянулось от беспокойства. Кей пропала, похищена!

— За этим наверняка стоит Сурп! — закричал Дандор, чёрные глаза старого учёного так и пылали.

— Но зачем, ради бога, Сурпу понадобилось похищать Кей? — воскликнул Крейн.

Ответил Дандор не сразу. Сперва он наклонился над маленьким треугольным механизмом, который продолжал ровно гудеть на полу. И принялся разбирать эту гудящую машинку своими умелыми, ловкими руками.

— Как я и думал! — воскликнул он. — Этот механизм излучает силовое поле, которое гасит колебания и нейтрализует электрические нервные токи тела Кро. Видишь ли, Крейн, мозг и нервная система у Кро электрические. Его искусственный мозг представляет собой комплекс из металлических ней-

ронов, которые контролируют одушевляющую его тело фотоэлектрическую силу. А поле этого маленького механизма гасит колебания его электрических ментальных токов.

Внезапно Дандор прекратил разбирать машинку и поднял голову, повернув морщинистое лицо к Крейну.

— Но кто же на Бэре мог изобрести такой суперхитроумный механизм? — недоумённо пробормотал он. — В эти упадочные времена на Бэре, кроме меня, нет ни одного учёного, кто мог бы такое сделать. Возможно, есть какой-то бэрянский учёный, о котором я не знаю и который работает на Сурпа?

Когда Дандор закончил разбирать маленький механизм, тот перестал гудеть. И Кро тут же поднялся на ноги.

— Это сделали Лигор и кто-то из людей Сурпа, — доложил робот. — Я видел, как они вошли... а потом ничего не помню.

— Зачем Сурп похитил Кей? — снова воскликнул Крейн. — Откуда он вообще узнал о её существовании?

— Должно быть, узнал у Лану, что Кей прибыла вместе с тобой с Чолу, — задумчиво произнёс Дандор. Тут его глаза вспыхнули. — Теперь я начинаю понимать! Сурп держит Лану, но пока место Лану занимаешь ты, Сурп не в силах захватить власть. Поэтому, полагая, что эта чолуанская девушка тебе дорога, Сурп захватил её, чтобы иметь власть над тобой. Он, несомненно, будет угрожать убить девушку, если ты не поступишь так, как он желает.

Крейн испытал шок, осунулся и побледнел от беспокойства. Кей, маленькая Кей, в страшной опасности — и именно он неумышленно подверг её этому риску.

— Я отправляюсь в Л'Лон, — проговорил он с каменным лицом. — Сурп наверняка будет держать её там, вместе с Лану.

— Да, она будет там же, где и Лану, — согласился Дандор. — И мы воспользуемся преимуществом внезапности, так как Сурп не сможет догадаться, что нам известно, где его тайная крепость.

— Отправляюсь я туда в одиночку, Дандор, — заявил Крейн. — Один человек в силах сделать не меньше, чем двое. А ты должен остаться здесь, чтобы, если Сурп попытается захватить трон, нашёлся кто-то, способный помешать этому.

Крейн в отчаянии думал, что если он сумеет вытащить Кей из этого ада — гнезда в Л'Лоне, то как можно скорей рванёт с ней к стоящей посреди пустыни башне Дандора и, с помощью передатчика материи, молнией перенесётся с ней обратно на Землю. А уж оказавшись там, он приглядит за тем, чтобы Земля на веки вечные оставалась покрытой водой и в безопасности. Он с усилием вытеснил из головы воспоминания о жалких Электроях, трагических сонмах дрейфующих электрических призраков, некогда бывших марсианами. «Надо думать о Земле», — яростно повторял он себе. Именно поэтому он и не хотел брать с собой в этот поход Дандора, так как старый учёный будет изо всех сил противодействовать его плану.

— Ты прав, Крейин, — обеспокоенно сказал Дандор. — Я должен остаться здесь, чтобы предотвратить переворот, какой может попытаться совершить Сурп в твоё отсутствие. Но Кро отправится с тобой.

Крейн не возражал. Он чувствовал, что, при необходимости, ему удастся без труда избавиться от робота.

Солнце заходило. Старик отправил Кро приготовить Червя, тогда как Крейн спешно надел металлическую тунiku и шлем вроде тех, что носили бэрянские солдаты, накинув на них багряный плащ.

Дандор дал Крейну газовый пистолет и крошечный, похожий на наручные часы механизм, способ применения которого старый учёный подробно объяснил.

— Ты должен выйти из дворца тайно, через окно, — проинструктировал его Дандор. — Должно быть, шпионы Сурпа зорко следят за всеми нашими передвижениями. — Голос его чуть надломился. — И вместе с тобой отправляются и мои надежды, Крейин. Если вы с Кро завтра вызволите Лану, то спасёте от Сурпа трон твоих отцов и новую, грядущую, Бэру.

— До свидания, — хрипло попрощался с ним Крейн. — Если мы больше не встретимся, то постарайся помнить меня как друга.

И нырнул из окна в темноту. А затем бесшумно двинулся среди теней от стены огромного дворца.

Холод марсианской ночи пощипывал кожу. Слева тянулись тёмные и безмолвные западные сады, с дрейфующими

среди деревьев и цветов Электроями, которые сейчас напоминали землянину блуждающие звёзды. Юго-западные небеса рассветила более близкая луна, Кабу.

Крейн обернулся к внушительной громаде дворца, с его смутно вырисовывающимися на фоне рябящих звёзд шпилями-близнецами. Дворец его отцов, на который он смотрел в последний раз! Он увидел светящиеся окна восточного крыла и ощутил сердечную боль при мысли об ожидающей его там Маре. Её он больше никогда не увидит, никогда больше он не будет держать её в своих объятиях...

Он с усилием вытеснил эту мысль из головы. От него зависела безопасность Кей и безопасность Земли. Во дворе поблескивал при лунном свете Червь. Крейн забрался в него и обнаружил Кро уже за рычагами.

— Отправляйся тотчас же, — приказал Крейн. — К А'Лону.

Улицы Ингомара вспыхивали огнями. Червь быстро полз через город, улицы заполняли толпы празднующего народа.

— Да здравствует, Лану спаситель Бэры! — кричали в ликующем волнении сотни голосов. — Лану!

Крейн ощутил, как усиливается его сердечная боль. Эти люди не подозревали, что он покидает Ингомар, собираясь вдребезги разбить их вековую мечту, на веки вечные отрезав их от Земли и её воды... Когда они выбрались из города, перед ними вытянулись тусклые просторы пустыни. Панорама пустоши, залитой светом ближней луны, со скитающимися над ней россыпями Электроев походила на мир снов — царство древнегреческого Морфея. Кро врубил мощность, и Червь понёсся по пескам, словно здоровенный змей. Крейн налонился над своим нечеловеческим металлическим спутником.

— Научи-ка меня, как управлять Червем, Кро, —скомандовал он. Неожиданно он решил, что ему это понадобится, если он без Кро отправится к башне Дандора.

Кро его проинструктировал. Крейн обнаружил, что управлять Червем проще простого один рычаг контролировал направление движения, ещё один — с помощью силовой установки управлял его скоростью, а третий рычаг мог поднять переднюю половину Червя вертикально, словно голову кобры, чтобы осмотреться или преодолеть препятствия.

Прошло два часа. Человек и робот неслись в машине на юго-восток. Вскоре Кабу сползла к горизонту и уже заходила на востоке. А Мора, более далёкая и меньшая луна, быстро восходила ей на замену. Далеко впереди, на фоне яркого серебристого щита заходящей Кабу, темнело скопление крошечных чёрных башен.

— А'Лон! — выдохнул, напрягаясь всем телом Крейн. — Теперь езжай медленно, Кро, и постарайся держаться вне поля зрения.

Червь, словно охотящийся змей, пополз к отдалённым башням. Робот старался, по возможности, держать машину в тени песчаных гребней и барханов, не выскакивая на лунный свет.

— Остановись здесь, — наконец приказал Крейн. — Дальше пойдём пешком.

Оставив Червя в тени высокого гребня, они с Кро вылезли из машины. Осторожно поднявшись на гребень, они на миг замерли, пригнувшись, наблюдая за развалинами города.

А'Лон лежал под серебристыми лунами чёрный и одинокий. Далеко на восток и запад тянулась неосвещённая масса его ветшающих башен и домов. Город высился на краю огромной впадины в пустыне, некогда бывшей глубоким морем. Время вдребезги разбило его гордые башни, забило его улицы обвалившейся каменной кладкой, превратило в прах тех, кто некогда разгуливал по его запруженным толпами улицам. Чары этого священного развалившегося города заставили сердце Крейна сжаться. Среди этих рухнувших башен и темных улиц бесцельно плыли куда-то многочисленные Электрои. Мертвый город был словно истинным воплощением трагедии Марса — давным-давно мёртвый мегаполис, который теперь населяли только электрические призраки.

Крейн достал из кармана похожий на наручные часы инструмент, который отдал ему Дандор. Это был крошечный путеискатель, сверхчувствительный к электромагнитным излучениям. Если трассер, подсунутый Дандором в Червя Сурпа, по-прежнему там, то искатель приведёт Крейна прямо к скрытой крепости Сурпа. На прозрачном циферблате засветилась крошечная световая стрелка, показывая на один из районов заброшенного города.

— В ту сторону, Кро, — прошептал, поднимаясь, Крейн.

Металлическое тело Кро поблескивало под лунами словно серебряное, когда он отправился с Крейном через городские развалины.

— Держись в тени, — прошептал Крейн.

Следуя за светящейся стрелкой указателя, они перелезали через груды обрушившегося камня, сломанных столпов и колонн, изъеденных коррозией металлических обломков. А затем впереди показалась темная масса — квадратное чёрное строение, похожее на замок, которое, казалось, прилично сохранилось. И светящаяся стрелка искателя указывала прямо на него.

— Крепость Сурпа! — взволнованно прошептал Крейн. — И её наверняка охраняют.

Землянин извлёк газовый пистолет, сжимая серебристую трубку за конец со спуском. А затем они с Кро двинулись к этому мрачному, неосвещённому замку.

Изучая его взглядом из-за ближайших развалин, Крейн не увидел у входа никаких часовых. И решил, что Сурп настолько уверен в секретности своей крепости, что проявил небрежность. Это сильно облегчало дело.

Теперь Филип Крейн двинулся к зданию посмелее. С готовым к стрельбе газовым пистолетом, он приблизился к открытому тёмному сводчатому входу. Они с Кро вошли в покрытый пылью широкий каменный коридор, пребывающий в полной темноте, если не считать свечения немногочисленных Электроев.

Внезапно Кро остановился.

— Я здесь кого-то чувствую, — доложил робот механическим шёпотом.

— Людей? — обеспокоенно спросил Крейн.

— Нет, не людей, — ответил робот. — Людей я чувствовать не могу. Это кто-то электрический, вроде меня самого. Не могу этого понять.

— Нам нельзя здесь задерживаться, — напряжённо произнёс Крейн. — Пошли.

Из темноты впереди появилось что-то крупное и смутно поблескивающее. Это оказалось три Червя, припаркованных во внутреннем дворе. В одном из них, насколько знал Крейн, и должен быть приведший их сюда трассер.

— Смотри следы в пыли! — прошептал Крейн. — Они ведут вниз вон по тем лестницам.

Лестницы уходили в полную темноту. Но глаза-линзы Кро обладали способностью видеть в инфракрасном свете. Он шёл впереди, показывая дорогу, и его металлические ноги ступали теперь беззвучно. Человек и робот пробирались на ощупь в этом лабиринте тёмных коридоров.

— Вот следы ног девушки, — шёпотом доложил Кро. — В эту сторону.

Крейн двинулся вперёд, касаясь левой рукой холодного металлического бока робота. Он совершенно ничего не видел и не слышал. Сердце его начало гулко стучать. Кро остановился. Крейн нащупал закрытую дверь.

— Она здесь, — прошептал робот. — Я слышу её дыхание.

Крейн же его не расслышал. Но он верил в сверхчувствительный слух робота.

— Кей! — неистово прошептал он.

Внезапно до его ушей донеслось какое-то шевеление за дверью. А затем раздался приглушенный голос.

— Филип!

Он попробовал открыть дверь. Та оказалась заперта.

— Кро, попробуй открыть её, — напряжённо распорядился он, а затем снова прошептал девушке: — Не шуми, Кей. Ещё миг — и мы тебя отсюда вытащим.

— Филип, подумать только, я сомневалась в тебе! — услышал он, как прорыдала она. — Я думала, ты превратился в марсианина, забыл Землю и меня!

— Слушай! — внезапно прошептал Кро.

Крейн услышал в темноте неясный шорох, странно леденящий кровь. Ноги его коснулось что-то холодное.

Он потянулся в темноте. Пальцы его нащупали предмет, похожий на длинную, толстую верёвку из гибкого металла. Предмет этот двигался сам по себе, быстро обвиваясь вокруг его ног. А другие подобные штуки взбирались, словно металлические питоны, обвивая ему руки. Издав придушенный крик ужаса, Крейн попытался освободиться от этих странных живых стягивающихся металлических верёвок. И услышал, как Кро яростно борется со схожими существами. А их обвивалось вокруг двух спутников всё больше и больше.

Сдавленный этими стягивающимися путами, Крейн не мог шевельнуть ни единым мускулом. Газовый пистолет вырвали из его руки. Он беспомощно упал и услышал, как рядом с ним грохнулось на пол тяжёлое металлическое тело здорового Кро.

Внезапно вспыхнул свет. И Крейн, лёжа безнадежно связанным металлическими верёвками, по-прежнему стремящимися затянута вокруг него потуже, мельком увидел лежащего неподалёку от него Кро, связанного схожим образом и прилагающего геркулесовы усилия разорвать свои путы.

— Схватены! — вскричал Крейн. — Это была ловушка!

Тут он услышал раскатистый смех. По коридору к ним приближались Лигор и поддюжины вооружённых молодчиков. Вот молодой аристократ остановился, положив руки на бедра, глядя на Крейна с торжеством.

— Да, это была ловушка, уважаемый Самозванец, — язвительно рассмеялся Лигор. — И ты залез прямиком в неё. Мозг сказал, что ты так и сделаешь, и оказался прав, как всегда.

«Мозг? Где он уже слышал это странное название?» — задумался Крейн.

Он чувствовал горечь поражения. Он переживал, но не из-за себя, потому что смерть могла оказаться для него почти желанной, ведь она разрешит для него мучительную дилемму преданности двум конфликтующим планетам. Но Кей — Кей же здесь беспомощна...

— Возьмите его и принесите к отцу, — приказал своим молодчикам Лигор. — А робота посадите в одну из камер. Стяжки его удержат.

Крейн почувствовал, как его грубо подняли с пола и понесли по освещённому коридору. И услышал неистовый крик Кей.

Его пронесли по пыльным коридорам и залам следом за широко шагающим впереди Лигором. Наконец они вошли в большой восьмиугольный каменный зал, залитый ярким светом. Здесь собрались какие-то люди — охранники Сурпа у двери и дюжина других бледных людей, одетых в серые балахоны с широкими капюшонами, занятые работой с многочисленной кппаратурой и незнакомыми механизмами. А на платформе в одном конце зала стояло то, что Крейн сперва

принял за какую-то огромную, сложную машину. И перед ней ждала массивная фигура Сурпа в зелёном плаще.

— Так, значит, Стяжки спеленали нашего нового знакомого, Лигор? — спросил Сурп, с озарившим его жёсткое лицо мрачным удовольствием.

— Легко. — Лигор беззаботно рассмеялся. — Эти жители Чолу не могут быть слишком умными, если считать этого полукровка каким-то образчиком. Он вошёл прямо в замок.

Тут из-за спины Сурпа заговорил глухой, гулкий и рокочущий голос.

— Поднесите этого чолуанина поближе, — приказал незнакомец ровным тоном.

Крейн ощутил холодок изумления. Этот рокочущий голос исходил из огромной машины позади Сурпа!

Теперь он увидел в передней части машины пять светящихся дисков, установленных на гибких стебельках. Они повернулись к Крейну, словно, настоящие глаза. А из большой диафрагмы под этой пятёркой светящихся глаз и исходил этот рокочущий голос.

— Делать, как приказано Мозгом! — резко бросил Сурп.

Мозгом? Снова услышав это название, Крейн вдруг вспомнил, что Дандор рассказывал ему о некоем суперроботе, громадной мыслящей машине, построенной давным-давно, а потом уничтоженной, потому что она стала слишком коварной. Уж не она ли это — этот огромный и сложный механизм, высящийся позади Сурпа? Эта могучая машина, которая, казалось, жила, мыслила, смотрела на него?

Глава XIV. Коварство Мозга

Неподвижный, словно окаменелый, связанный, беспомощно удерживаемый в вертикальном положении охранниками, Филип Крейн уставился во все глаза на эту огромную загадочную штуку.

— Мозг? — прошептал он. — Та самая мыслящая машина, о которой мне рассказывал Дандор? Но он же сказал, что её уничтожили.

Сурп рассмеялся с немалым самодовольством.

— Нет, не уничтожили, — уведомил Крейна аристократ. — Мозг слишком ценен чтобы его уничтожить. Когда уничтожали роботов, я подменил Мозг одним безжизненным тупым механизмом, а настоящий Мозг перевёз сюда. С тех пор он всегда и жил здесь, мой союзник.

— Да, — проговорил раскатистый нечеловеческий голос из диафрагмы. — Я немало тебе помогал, Сурп. И тебе никогда не подняться даже к подножию трона без моей помощи.

— Я свою часть договора выполнил, — пожал плечами Сурп, поворачиваясь лицом к пяти светящимся глазам машины. — Дал тебе, как ты и желал, досуг и средства для проведения эксперимента, предоставил тебе этих служителей. Ты согласился, что тебе нужны только средства для проведения эксперимента.

— Только они и желательны, — пророкотал Мозг. — Это лишь глупые людишки строят козни и стараются ради власти друг над другом. Чистый, бессмертный интеллект, вроде моего, стремится не к какой-то там власти, а только к истине.

На лбу Крейна выступил пот, когда он уставился на это колоссальное, невероятное существо, которое говорило с ними. Он был ошеломлен, но пытался запомнить все детали.

Ядром Мозга, похоже, являлся большой овоид, защищённый прочным металлическим корпусом. Крейн предположил, что мозг этот, подобно мозгу Кро, состоит из комплекса мелаллических нейронов, но бесконечно более сложный, с памятью, намного превосходящей память любого человека. Толстые кабели вели вверх через потолок к какому-то скрытому приёмнику фотоэлектрической энергии. А вокруг центрального овоида, проекторов и кабелей, поднималось сложное тело Мозга — сеть из ригелей и шарниров, из которой выступала целая дюжина мощных суставчатых рук, некоторые из которых заканчивались клешнями, другие — пальцами, или различными инструментами и научными приборами. И все эти руки умело трудились над сборкой какой-то большой полусферической машины. Огромная ментальная мощность Мозга была очевидной: даже пока Мозг разговаривал, его многочисленные руки трудились над выполнением этой задачи. Руки его могли выполнять

несколько задач одновременно, столь же легко, как гений-человек мог играть сразу множество партий в шахматы. И ещё Крейн разглядел, что из пятёрки светящихся глаз один, похоже, был телескопическим, другой — стереоскопическим, ещё один — микроскопом, а два оставшихся предназначались для обыкновенного зрения.

— Именно Мозг, чолуанин, — насмешливо продолжал между тем Сурп, — и придумал эту маленькую ловушку, в которую ты и попался. Мозг, когда он услышал о нашем затруднении, посоветовал похитить ту чолуанскую девушку, о которой нам рассказал Лану. Тогда ты сам должен явиться сюда спасти её. Мы знали, что тебе известно, куда надо направляться, так как Мозг заметил присутствие подсунутого Дандором в Червя трассера.

Крейн был ошеломлён, поражён. «Да будет ли какая-то польза от любой человеческой изобретательности в противостоянии этому чудовищному металлическому разуму?»

— И теперь ты у нас в руках! — в голосе Сурпа звучало торжество. — Теперь мне открыт путь для возвращения в Ингомар и захвата трона. Именно я, а не какое-то отродье Таркола, поведу войска Бэры открывшимся теперь путём. Именно я добуду воду с Чолу, которая вновь сделает Бэру зелёной и великой!

— Ты ещё не на троне, Сурп, — горячо выпалил Крейн. — Сперва выслушают народ...

— Народ? — переспросил, уверенно улыбаясь, Сурп. — Да что ты говоришь, чолуанин, народ хлынет под мои знамёна, когда я сообщу ему, что с Лану произошёл несчастный случай. Наш любимый народ последует за любым, кто принесёт на Бэру воду, дабы появилась возможность освободить Электроев, — и расхохотался. — Как будто я стану освобождать этих Электроев! Но народ будет думать, что я это сделаю.

Крейн в ужасе уставился на жестокое торжествующее лицо массивного вельможи.

— Ты хочешь сказать, — недоверчиво воскликнул Крейн, — что даже если Бэра вернётся к жизни, то освободить Электроев ты не станешь?

— Конечно, не стану, — провозгласил Сурп. — Ведь, Электрои пополнят ряды моих врагов! Вот уж многие годы

я приглядывал за тем, чтобы тех, кто поддерживал дом Таркола, тех, кто меня ненавидел, избирали в будущие Электрои, а никого из моих сторонников не выбирали. Вот потому-то и росла моя популярность. Я пустил слухи, что сторонников Сурпа никогда не изберут.

— Я тебе не верю! — воскликнул Крейн. — Ты никогда не смог бы придумать никакого способа повлиять на Жеребьёвку для достижения такой подтасовки.

— Да, я такого способа изобрести не мог, — усмехнулся Сурп. — Но вот Мозг — смог и изобрёл. Один хитроумный аппарат испускает волны с той же длиной волны, что используется при Жеребьёвке, и потому, какие бы шарики ни выбрасывало в сферу избранных, светиться при этом начинали значки моих врагов. Именно так на протяжении не одного года я и пополнял сонмы Электроев своими врагами, и вот почему Электрои никогда не будут освобождены, а я не стану ничего предпринимать для этого.

Крейн ощутил тошнотворный ужас, хуже которого он никогда не испытывал. От чудовищной фальсификации на Жеребьёвке, от признания этого аристократа, того, что он собирался предать Электроев, у Крейна кровь застыла в жилах. Теперь он увидел, какое страшное будущее ожидало и Землю, и Марс. Для Земли — похищение воды, превращение её в пустынную планету. А для Марса — возрождение планеты, но с властью Сурпа, устанавливающей на ней железную тиранию, и обречёнными навеки блуждать Электроями.

Крейна затрясло от ярости. В бешенстве он попытался порвать путы.

— Старайся, старайся, Самозванец, — с наглым весельем произнёс, растягивая слова, Лигор. — Эти стяжки тебе никогда не порвать.

— Лигор, поезжай теперь в Ингомар, — распрыдился Сурп. — Ни Лану, ни этот его сводный брат-самозванец теперь уже не воссядут на трон Бэры. Теперь мы нанесём удар! — Он повернулся к охранникам. — Сделаете с этим чолуанским самозванцем, что прикажет Мозг. Нашему металлическому другу не терпится побольше узнать о чолуанской психологии.

Филип Крейн все понял. Его сейчас передадут этому безжалостному металлическому интеллекту в качестве объекта для экспериментов. Но в своей ярости он больше не волновался о собственной судьбе.

— Подожди, Сурп, — пророкотал гулкий голос Мозга. — Ты забыл про Дандора.

— Про Дандора? — воскликнул Сурп и повернулся к сыну. — А разве Дандора не было с этим что луанином и роботом?

— Нет, отец, — покачал головой Лигор.

Сурп выругался.

— Этот старый лис-учёный слишком осторожен, чтобы лезть в нашу ловушку!

— Дандор знает, что вы держите Лану здесь, — напомнил ему Мозг. — Если ты попытаешься сейчас захватить трон, Дандор поднимет народ, рассказав о том, как вы похитили Лану, и, несмотря на твоих сторонников, исход может выйти не в нашу пользу.

Не зная, что предпринять, Сурп вскипел от не находящего выхода гнева.

— Верно! — напряжённо проговорил он. — Если Дандор объявит народу, что я похитил Лану, население повернёт против нас.

— Давай рискнём, — воскликнул Лигор. Уж он-то не боялся. Но его отец снова повернулся к наблюдающим светящимся глазам массивной машины.

— Что ты посоветуешь? — спросил Сурп у Мозга.

— Вот мой совет, — прогремел Мозг. — Когда отправишься в Ингомар, то возьми с собой настоящего Лану. Снова посади его на трон. Пусть он возглавит экспедицию на Чолу. А уж оказавшись на Чолу, ты сможешь его убить и вернуться на Бэру с рассказом, что он погиб в бою. Тогда тебя провозгласят королём без всякого противодействия.

Крейн увидел, как сузились глаза Сурпа.

— План этот был бы хорош, — прикинул Сурп, — но мы не смеем сейчас снова посадить Лану на трон, после того как его похитили. Первое, что он сделает, это прикажет арестовать нас за похищение его особы.

— Если сделаешь, как я говорю, то этого не случится, — прогремел Мозг. — Скажи Лану, что ты похитил его

только для спасения от заговора, устроенного Дандором и этим чолуанином с целью посадить чолуанина на трон... Вы, как верноподданные, похитили Лану для спасения от этих заговорщиков. Лану этому поверит, и вы также настраиваете его против всего, чего там ни скажет Дандор.

— Ты, как всегда, расчищаешь мне путь! — радостно бросил чудовищной машине Сурп, а затем крикнул охранникам: — Приведите сюда короля Лану... со всем почтением.

Филип Крейн стоял беспомощный, поражённый дьявольской изобретательностью предложенного Мозгом плана.

Охранники снова вошли в зал. И с ними шёл Лану, в замызганной и порванной тунике. Его слабое нерешительное лицо скривилось от страха, когда он встретился с Сурпом лицом к лицу. Тут на чертах Лану промелькнуло удивление, когда он увидел стоящего связанным и беспомощным Крейна.

— Мой сводный брат с Чолу! — воскликнул он. — Сурп и тебя тоже схватил?

Прежде чем Крейн успел ответить, Сурп быстро выступил вперёд и почтительно поклонился Лану.

— Прошу прощения, Ваше Величество, за ту грубость, которую мы применили по отношению к вам, — начал он. — Мы не могли быть слишком внимательны, так как для спасения вашей жизни было мало времени.

Лану горько рассмеялся.

— Вы меня похитили, а потом два дня держали заточенным в пыльной камере, и всё для спасения моей жизни? Невероятная история.

— Но это правда, Ваше Величество, — поклялся Сурп. — Не привези мы вас сюда насильственно, не тратя времени на объяснение, вы бы сейчас были уже покойником.

— Они тебе лгут, Лану! — яростно выкрикнул Крейн. — Они планируют отправить тебя на Землю, а потом...

— Заставьте замолчать этого полукровку! — оборвал его Сурп. Какой-то охранник быстро закрыл рот Филипу Крейну большой ручищей.

— Этот ваш нечистокровный сводный брат и старый учёный Дандор, Ваше Величество, — поведал королю словно великую тайну Сурп, — замыслили убить вас и посадить на трон этого полукровку.

— Не верю! — заявил Лану. — Дандор с самого моего рождения был самым верным сторонником нашего дома.

— И всё же это правда, Ваше Величество, — стоял на своём Сурп. — Дандор давно готовил заговор, тайно связавшись с вашим чолуанским сводным братом, и, наконец, переправил его на Бэру. А потом Дандор тайно вызвал вас в свою башню посреди пустыни. Он собирался убить вас там и возвести на трон вашего сводного брата, выдав его за вас! Но я прослышал об этом заговоре. И отправил своих людей вырвать вас из башни Дандора, что им и удалось в самый последний миг. Но заговор Дандора всё равно почти привёл к успеху. Потому что Дандор решил всё равно действовать и посадить на ваш трон этого Крейина, этого полукровкучолуанца. Да, ваш сводный брат вот уже два дня пробыл королём, заняв ваше место в Ингомаре и выдавая себя за вас. Видите, на нём всё ещё ваш королевский плащ!

Лану застыл, увидев свисающий с плеч беспомощного Крейна багряный плащ.

— Так это правда, клянусь богами! — гневно выругался Лану. — Если этот отцовский бастрад посмел воспользоваться своим сходством со мной для захвата моего трона...

— Вы узнаете правду, когда доберётесь до Ингомара! — провозгласил Сурп. — Узнаете, что пока мы держали вас запертым для безопасности здесь, этот Крейн занял ваше место.

— Да, — поддержал его, как всегда растягивая на свой манер слова, Лагор, — он даже посмел занять место рядом с принцессой Марой. Наши шпионы видели их прошлой ночью у неё на балконе в объятиях друг друга.

Когда Лану это услышал, гнев его полыхнул вспышкой ослепительной ярости.

— Ты посмел это сделать? — резко бросил он Крейну. — Ты, тварь с Чолу, недостойный коснуться и сандалии Мары!

— Если мы не нанесём удар в вашу поддержку, — объявил Сурп, — то он по-прежнему будет восседать на троне. Мы тайно похитили его из дворца и привезли сюда. И теперь вы сможете вернуться, Ваше Величество, — возвращение истинного короля.

Крейн слушал эту выдуманную Мозгом дьявольски избрательную ложь, не в состоянии её опровергнуть. Пока он

тщетно боролся, пытаюсь освободиться, то увидел, что Лану принимает на веру всю ткань обмана, потому что Лану повернулся к Сурпу с благодарностью в глазах.

— Ты спас трон от дьявольского заговора, Сурп! — провозгласил он. — Ты, кого я всегда считал врагом своего дома. Ну, теперь я знаю, кто мои настоящие друзья, а кто враги. За свою роль в этом Дандор умрёт.

— А ваш сводный брат? — быстро спросил Сурп. А когда Лану заколебался, добавил: — Помните, Ваше Величество, сходство делает этого чолуанина опасным для вас, пока он жив.

— Держите его здесь узником, — приказал Лану, — пока я не решу его судьбу. Я не могу слишком поспешно приказать умертвить его, потому что он, в конце концов, сын моего отца.

Сурп кивнул.

— Тогда его будут держать здесь надёжно заточённым, — вкрадчиво согласился Сурп. — А теперь езжайте в Ингомар, Ваше Величество, так как нам надо начинать подготовку к экспедиции на Чолу.

— Да, — вспыхнули глаза Лану. — Теперь, когда путь на Чолу открыт через передатчик материи, мы не должны медлить!

Крейн увидел скрытые улыбки на лицах Сурпа и Лигораи застонал. Если бы он только мог рассказать Лану, что на Земле эти негодяи собираются убить его, и что они даже не собирались когда-либо освобождать Электроев...

Внезапно через восьмиугольный зал пророкотал гулкий голос Мозга.

— Ещё один момент, — произнёс огромный механический интеллект. — Ты ведь знаешь, Сурп, что я сегодня прозондировал мозг той чолуанской девушки. Я хочу узнать характер чолуанского оружия и изобрести механизм, который сделает его бесполезным...

— Знаю, — нетерпеливо бросил Сурп, бросив взгляд на массивную полусферическую штуку, над которой работали руки Мозга. — До нашего отбытия на Чолу у тебя будет готов антикатализатор, не так ли?

— Да, будет готов, — пообещал Мозг. — Но я желаю сообщить тебе об ином: когда я прозондировал мозг той девушки, то узнал, что те, кто стоят на Чолу у передатчика

материи, включают его, только услышав голос девушки или голос вот этого человека. Поэтому вы должны взять эту девушку с собой, чтобы она могла поговорить с теми, кто на Чолу, и уговорить их включить передатчик материи, когда вы будете готовы.

— Тогда приведите девушку, — приказал Сурп.

Двое служителей Мозга в серых капюшонах поспешно вышли. Когда они вернулись вместе с Кей, она побледнела, увидев Крейна, связанного и с кляпом во рту. Но когда Сурп уведомил её, чего они от неё ожидают, девушка вызывающе вспыхнула.

— Я этого не сделаю! — выкрикнула она. — Я скорее умру, чем призову отца включить ту машину, чтоб вы, марсиане, проникли на Землю вместе со мной.

— Ничего, небольшая попытка живо убедит её поступить иначе, — проговорил, как всегда аристократически растягивая слова, Лигор.

Крейн извивался от ярости, но тут вмешался гулкий, рокочущий голос Мозга:

— Дух этой девушки не сломит никакая попытка. Но я могу заставить её сделать всё добровольно. Приведите её и посадите передо мной.

Когда двое служителей в широких капюшонах вытолкнули Кей перед пятью светящимися глазами чудовищного механизма, лицо Кей побледнело от ужаса.

— Посмотри мне в глаза, — пророкотал тяжёлый голос Мозга. — Смотри...

В светящихся глазах Мозга закружились и завертелись красные крапинки. Служители в капюшонах отпустили несчастную, но она осталась стоять там же, уставясь неподвижным взглядом на пятёрку светящихся глаз механического разума.

— Теперь ты будешь выполнять все мои команды, — пророкотал Мозг.

— Я буду подчиняться, — невыразительно повторила Кей с каменным лицом.

— Когда эти люди прикажут тебе, то ты призовешь тех, что на Чолу, включить передатчик материи.

— Я призову их, — повторила с неподвижным лицом Кей.

— А теперь поезжай со своими хозяевами, — велел ей механизм.

Девшка послушно повернулась, глядя в пространство невидящим взором. Лану в ужасе смотрел на эту массивную машину, которая только что загипнотизировала девушку.

— Эта штука, — пробормотал он, — случайно, не тот мыслящий робот, Мозг, которого предположительно уничтожили ещё не один год назад?

— Он самый, Ваше Величество, — быстро сказал Сурп. — И для вас очень хорошо, что его не уничтожили, поскольку помощь Мозга дала мне возможность расстроить заговор Дандора. Он боялся, что Мозг может оказаться способным сорвать его козни против вашего рода.

— Если эта штука мне помогла, то отлично, — протянул Лану, и всё же содрогнулся. — Не нравятся мне такие чудовища! — А затем его глаза снова засияли. — Мы отправимся в Ингомар... а вскоре — на Чолу! Пошли!

Беспомощный, не в состоянии высказать ни слова, Филип Крейн бессильно наблюдал за тем, как его обманутый сводный брат широким шагом вышел из зала, сопровождаемый Сурпом и шагающей, как деревянная, загипнотизированной Кей с охранниками.

Он потерял всё! Обеим планетам, к преданности которым его побуждал долг, грозила неминуемая катастрофа: Земле суждено теперь стать ограбленной пустыней, а Марсу пасть под тиранией Сурпа.

Лигор немного поотстал от остальных и попрощался с Крейном, глядя на него с издевательской улыбкой.

— Прощай, почтенный Самозванец. Оставляю тебя на милость Мозга. И скажу тебе ещё кое-что: когда Лану умрёт и мой отец станет править Бэрой, принцесса Мара достанется мне. Захочет она того или нет, она всё равно будет моей. Пусть эта мысль утешает тебя, когда ты умрёшь.

— Мозг готов тебя обследовать, чолуанин, — уведомил его один из служителей в сером капюшоне.

— Чёрт вас подери! — пробормотал, еле ворочая языком, Крейн. — Вот будь у меня свободны руки...

Глава XV. Создание и Создатель

Чувствуя, как его поднимают, Крейн медленно высвободился из пелены беспокойного, мучительного сна. Он по-прежнему находился в пыльной камере, где пробыл в заточении последние четыре дня. А теперь облачённые в серые капюшоны служители Мозга уложили его на стол на колёсиках.

Он боролся, но тщетно. Руки и ноги у него были туго стянуты самосокращающимися металлическими верёвками, называемыми Стяжками. Крейн узнал, что Стяжки, на самом деле, представляют собой не что иное, как хитроумные магнитные механизмы, управляемые самим Мозгом. Он знал, что, возможно, уже снова наступила ночь, так как во время своего плена постоянно следил за ходом часов и дней. Когда его катили по пыльным, освещённым каменным коридорам, то он слышал доносящийся сверху приглушённый вой и стоны, говорящие о сильной песчаной буре, бушующей на развалинах Л'лона. Размышляя в своей камере о том, что сейчас должно происходить в Ингомаре, Крейн испытывал сильные душевные муки. Сейчас там готовилась большая экспедиция. А потом они молниеносно перенесутся через космическую бездну на Землю. Лану слепо отправлялся навстречу собственной гибели, а Сурп захватит власть...

Когда Крейна вкатили в огромный восьмиугольный зал, он на миг ослеп от яркого света. Служители в сером подкатили его к каменному возвышению, на котором покоился Мозг. Механизм в виде полусферы, над которым ранее работал Мозг, теперь исчез. Пять светящихся глаз уставились на Крейна, и голос Мозга раскатился по залу, перекрывая приглушённый рёв бури.

— Теперь я в состоянии тебя изучить, чолуанин, — пророкотал он беспомощному землянину. — Я закончил работу над антикатализатором, который Сурп возьмёт с собой на Чолу... Я ожидаю узнать от тебя многое о существах той планеты.

— Чёрт побери, почему бы тебе просто не убить меня, и дело с концом! — разозлился Крейн, прожигая взглядом пятёрку светящихся глаз чудовища.

— Потому что, — равнодушно объяснил Мозг, — твоё мёртвое тело, сколь ни интересным будет его вскрытие, скажет мне

намного меньше о чолуанской жизни и её отличиях от жизни бэрянской, чем твоё живое тело... Человек в моём положении мог бы испытать чувство, называемое жалостью, и удовлетворить твоё желание умереть быстро. Людьми правят их путанные чувства, и поэтому они за свою короткую жизнь могут усвоить лишь малую толику знаний. Но для меня, бессмертного интеллекта, необременённого этими отвлекающими эмоциями, нет ничего важнее поисков истины, и этобудет занимать меня долгие века, после того как исчезнет ваша эфемерная раса.

Четыре сложносочленённые руки Мозга протянулись к беспомощной фигуре Крейна. Одна рука держала сверкающий скальпель, другая — тонкую лучковую пилу, а две другие держали тампоны.

— Сперва мне нужны образчики ткани и кости, — произнёс металлическим голосом Мозг. — Они могут помочь подтвердить одну интересную теорию, которую я сформулировал с тех пор, как узнал, что Чолу населён расой, схожей с бэрянской.

Крейн закрыл глаза, готовясь стерпеть боль, когда скальпель вошёл в мышечную ткань его предплечья. Пока машина работала, гулкий голос Мозга пророкотал:

— Моя теория заключалась в том, — говорил Мозг, — что жители Чолу и жители Бэры — две ветви одного и того же рода человеческого. Сходство между этими двумя видами настолько велико, что исключает любое иное объяснение. Откуда же родом человечество? Я считаю, что первоначально люди появились на планете, которая существовала между Бэрой, четвёртой планетой от солнца, и Орколом, гигантской пятой планетой. Огромное число астероидов явно являются осколками планеты, распавшейся на куски из-за какого-то внутреннего катаклизма. Вот с той планеты, в давние-давние времена, должно быть, и произошли предки чолуан и бэрян... Моё телескопическое исследование осколков этой рассыпавшейся планеты убедило меня, что планета распалась из-за катастрофического высвобождения неконтролируемой атомной энергии. Это явно говорит о высоком состоянии научной мощи жителей планеты. Такая раса без труда должна была колонизировать Бэру и Чолу. Когда же

материнская планета была уничтожена, то колонисты, несомненно, деградировали, вернувшись в первобытное, дико есостояние. Память об их расовом прошлом исчезла, и таким образом...

Тонкая пила скрежетала по кости Крейна, отпиливая не-большой образчик. От этой тошнотворной боли сознание Крейна помутилось. Уже теряя сознание, Крейн все же услышал, как Мозг прогремел приказ своим служителям в капюшонах.

— Пока я исследую образцы ткани этого субъекта, приведите его в себя. Он не должен впасть в кому.

Крейн смутно сознавал, что его откатили в противоположный угол большого зала, а затем в мучимый болью мозг вторглось ощущение холода, когда ему брызнули в лицо прохладный химический спрей. И от этого ощущения в страдающем от головокружения мозгу полуземлянина внезапно родилась одна потрясающая идея. Когда он почувствовал как ему выпал на лицо, словно снег, прохладный спрей, в голове у него вспыхнуло, будто взорвался ментальный снаряд громадного вдохновения. Он открыл глаза.

Ожидая, когда Крейн придёт в себя, Мозг уже проводил микроскопический анализ образцов костной ткани.

Двое подручных в капюшонах на миг отступили от Крейна. Голова у него закружилась от безумного волнения.

— Боже мой, я нашёл решение! — хрипло прошептал он. — И оно означает жизнь для обеих планет!

Да, эта мысль родилась в его измученном пытками разуме. Путь, который в изобилии даст воду Марсу, ни в малейшей мере не повредив Земле! Конфликт у него в душе, конфликт между его земной и марсианской кровью, закончился, Электрои смогут быть освобождены, не принеся никакого вреда Земле. Он мог теперь быть преданным обеим своим планетам. А затем пришло разочарование. Он нашёл решение слишком поздно! Он был обречён на мучительную смерть в этой жуткой камере, и его план так и не получит шанса. Он закрыл глаза, стремясь сдержать горькие слёзы. Тут он почувствовал, как над ним снова склонился один из служителей в капюшоне, но в своём сокрушительно отчаянии он не обратил на это внимания.

— Крейин, открой глаза! Это я! — Этот тайный шёпот реанимировал Крейна, словно электрошок! Он знал этот голос!

И открыл глаза. Этот склонившийся над ним человек в капюшоне... Это лицо, скрытое тенью капюшона, было морщинистым, старым, с горящими чёрными глазами.

— Дандор! — задохнулся он.

— Тихо! — прошептал Дандор, бросив взгляд в другой конец зала, где работал Мозг, полностью поглощенный своими научными исследованиями. Руки Дандора потянули за металлические Стяжки вокруг Крейна, стараясь освободить его. — Я явился за тобой, Крейин, — хрипло прошептал Дандор. — Четыре дня назад, когда Лану вернулся вместе с Сурпом, мне пришлось спастись бегством. — В шёпote старика слышалась боль. — Сурп настраивал Лану против меня, заставил его думать, будто я устроил с тобой заговор против него. Моих оправданий он и слушать не стал, а сразу же приговорил меня к смерти. Я сбежал, прежде чем стража смогла меня схватить, и четыре дня скрывался в одном тайном убежище в Ингомаре. Сегодня ночью над Бэррой поднялась сильнейшая песчаная буря. Под покровом этой бури я скрылся из города и приехал сюда освободить тебя и Кро, чтобы вы смогли помочь мне сорвать заговор Сурпа, прежде чем экспедиция отправится на Чолу.

Покуда Дандор яростно пытался раскрыть Стяжки, Крейн обеспокоенно прошептал:

— А когда отправится экспедиция?

— Завтра утром! — ответил Дандор. — Авангард бэрнских солдат уже отправился на Чолу и удерживает там передатчик материи. Они использовали загипнотизированную чолуанскую девушку, и она попросила твоих друзей на Чолу включить свой передатчик. А потом авангард прошёл туда вместе с девушкой. А на площади Ингомара установили схожий огромный передатчик материи. Оборудование готовили годами — передатчики, Черви, с установленными на них большими газовыми пушками и всё остальное... Утром Лану и Сурп возглавят экспедицию на Чолу.

Услышав такое, Крейн побледнел.

— Бэряне уже захватили земной конец космического моста! Лану и Сурп с основными марсианскими войсками готовы через несколько часов перенестись на Замлю!

— Эта экспедиция не должна отправиться, Дандор! — яростно прошептал Крейн. — Я придумал способ, благодаря которому Бэра сможет воскреснуть, не грабя Чолу!

Дандор замер, уставясь на него во все глаза.

— У тебя есть такой план? — прошептал он. Глаза у него так и загорелись. — Тогда нам надо привести его в действие. Мы не должны опустошать Чолу, если можем получить воду, не делая этого.

Голос его стал хриплым от избытка чувств.

— Если я смогу вытащить тебя отсюда, и мы сумеем убедить Лану...

— Не дожидайся моего освобождения. Вернись в Ингомар и умоляй Лану... Берегись, Дандор!

Трое служителей в капюшонах тихо подкрались сзади к Дандору и метнули в него Стяжки. Металлические полосы тут же стянулись вокруг старого учёного, связывая ему руки и ноги.

— Поймали! — застонал Дандор.

С другого конца зала прогремел голос Мозга.

— Привезти их сюда! — приказал он.

Молодчики в капюшонах подчинились, прикатали стол с Крейном и принесли беспомощного Дандора. Через мгновение беспомощные Дандор и Крейн находились беспомощные перед Мозгом. Пятёрка светящихся глаз уставилась на них. Крейн едва не впал в отчаяние. Шанс, на который он мгновение назад ещё надеялся, пропал!

— Ты, Дандор, учёный, — прогремывал Мозг. — Ты был главой комиссии учёных, которая давным-давно создала меня.

— Да, — подтвердил, еле ворочая языком, Дандор, глядя на эти светящиеся глаза с помертвевшим лицом.

— Ты недооценил мою мощь, Дандор, когда попытался применить такую грубую военную хитрость, — провозгласил Мозг. — Если ты знал, что я настолько улучшил свои чувства, что способен слышать каждое слово, сказанное во всём это разрушенном городе, то не был бы настолько глуп, чтоб шептаться со своим другом.

Дандор ничего не ответил, не сводя пылающих глаз с этих светящихся фар маталлического монстра. В этом напряжённом молчании стал отчётливо слышен пронзительный свист бушующей над ними по разрушенному мегаполису песчаной бури.

— Ты, конечно, понимаешь, — сказал Мозг, — что, явившись сюда, ты подписал себе смертный приговор.

— Понимаю, — спокойно ответил Дандор. — Однако я хочу напомнить тебе об одном обстоятельстве: именно я руковолил твоим созданием. И ответственен за твоё существование больше, чем любой другой человек.

— Мне это известно, — равнодушно отозвался Мозг. — Но, надеюсь, ты не собираешься на этом основании умолять меня сохранить тебе жизнь? Уж ты-то лучше всех людей должен знать, что такие чувства, как благодарность, мне совершенно чужды.

— Мне известно, что у тебя нет никаких чувств, — столь же равнодушно сказал Дандор. — Но я также знаю, что у тебя есть сверхлогичный разум, Мозг. Спасти жизнь мне и моему другу тебя заставит логика.

— И какую же логическую причину ты можешь для этого выдвинуть? — поинтересовался Мозг.

— Я заключу с тобой сделку, — напряжённо ответил Дандор. — Мою жизнь и жизни Крейна и Кро за нечто, что могу сообщить тебе только я, нечто, являющееся для тебя очень важным.

Громящий голос из диафрагмы прозвучал гулко и без интонаций, как и всегда, но слова казались насмешливыми.

— Ты заключишь сделку со мной? Ты, стареющее, слабое создание из плоти и крови, заключишь сделку со мной, бессмертным и нестареющим интеллектом, чья мощь вообще за пределами твоего понимания!

Глава XVI. Камера Смерти

Лёжа беспомощным на столе, Крейн ощутил у себя в голове эхо насмешки Мозга. Да что мог Дандор такого сказать или сделать, чтобы этот чудовищный механизм изменил свое мнение?

Дандор стоял там, куда его притащили молодчики в серых капюшонах. Он нетвёрдо держался на ногах, потому что они, как и его руки, были крепко связаны. Его седые волосы растрепались. Он выглядел жалким, маленьким и слабым по сравнению с огромным, сложным металлическим механизмом, пристально уставившимся на него светящимися глазами. Однако лицо старого учёного излучало спокойную уверенность.

— Ты желаешь заключить сделку, — громыхал Мозг. — И что же ты тогда можешь мне предложить за ваши жизни?

— Я могу предложить жизнь тебе, Мозг, — ответил Дандор, хитро прищурившись. — Мозг, ты не мог бы перестать светить мне в глаза.

Крейн увидел, как гибкие глазные усики Мозга слегка дёрнулись. Словно услышанное предложение поразило даже холодный интеллект этой машины.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал объяснений Мозг. — Содержащие мой разум металлические нейроны огромного размера и невероятно сложны. В них есть место для ещё миллиарда синаптических схем, для ещё большего объёма знаний. Как же мой разум может перестать функционировать, когда у меня в мозгу столько места для дальнейшего роста?

— Да, место-то есть, — снова согласился Дандор. — Но что если нейронная структура твоего мозга мало-помалу кристаллизуется? Становится ригидной, неподвижной, неспособной записать какие-либо новые синаптические схемы, любое новое знание?

— Этого не может быть! — воскликнул Мозг.

— Такое может произойти и произойдёт — в скором времени! — убеждённо повторил Дандор. — Потому что, когда мы тебя создали, спроектировали именно таким, Мозг. Это условие заложили в тебя, точно так же как и в мозг любого когда-либо изготовленного нами робота. К этому нас побудила осторожность, — быстро продолжил старый учёный, — нам хотелось, чтобы наши роботы были в состоянии научиться, но не научиться слишком уж многому. Поэтому мы сконструировали нейронную структуру ваших мозгов из хитроумного металлического сплава с таким расчётом, что,

после определённого периода лет она кристаллизуется и будет не в состоянии и дальше записывать полученные впечатления. Таким способом мы гарантировали, что наши роботы, хоть и могут быть физически бессмертными, не будут бесконечно обучаться и приобретать все большее могущество. Твой мозг, — заключил Дандор, — такой большой и сложный, что ты смог приобрести за эти годы намного больше знаний, чем любой когда-либо построенный робот. На самом деле, ты, в свои первые годы, приобрёл столько, что мы сочли желательным не дожидаться неизбежной кристаллизации, а сразу уничтожить тебя и всех других роботов. С тех пор как тебе удалось избежать уничтожения, ты постоянно учился, становился всё сильнее и мудрее. Но теперь пришло время, когда металлические нейроны твоего мозга неизбежно кристаллизуются, и тогда ты ничего больше не сможешь больше усвоить.

Пятёрка глаз на стебельках зажмурилась в почти человеческом ужасе.

— Я больше ничего не узнаю? — проскрежетал громовой голос. — Но такого быть не должно! Моя жизнь — это жизнь интеллекта, мои единственные мотивы дальнейшего существования — это бесконечное раскрытие новых тайн и законов Вселенной. Если сказанное тобой — правда, и если я перестану что-либо усваивать, то моё бессмертие будет просто издевкой. Но я не верю в правдивость твоих слов! Ты пытаешься ложью убедить меня пощадить тебя и твоего друга.

— Если ты докажешь, к своему удовлетворению, что я говорю правду, — спокойно спросил Дандор, — то пощадишь меня с моим другом, если я дам тебе совет, как избежать этой кристаллизации?

— Да! — согласился Мозг. — Если ты говоришь правду, я позволю тебе с твоим спутником и роботом свободно уйти в обмен на твой совет насчёт того, как избежать такой судьбы.

— Тебе понадобится всего-навсего изучить кору своего мозга, — сказал Дандор, — и ты сразу обнаружишь, что кристаллизация уже началась.

— Я так и сделаю, — решил Мозг. — Увидим, правду ли ты говоришь.

Сочленённые металлические руки Мозга быстро задвигались. Брызги вибраций, гуляющих по огромной овоидной

массе его ядра, внезапно отключились, сочленённые руки нырнули в сложное металлическое тело и принялись снимать передние панели «черепной коробки» овоидного мозга. Крейн ощутил странное отвращение, когда внутренняя сущность Мозга оказалась лежащей перед ним обнажённой и раскрытой. Изнутри Мозг оказалась огромной, губчатой металлической массой, с бесчисленными складками и бороздками. Мозг повернул внутрь стебелёк своего микроскопического глаза. Этот светящийся увеличивающий увиденное глаз сканировал с расстояния в несколько дюймов губчатую металлическую массу его собственной коры мозга. Дандор стоял, застыв как статуя.

— Думаю, ты лжёшь, — прогромыхал глухой голос Мозга. — Я не могу найти никаких свидетельств...

Вот тут-то Дандор и сделал свой ход! Настал тот самый миг, которого и дожидался старый учёный. Он бешеным усилием бросил вперёд своё связанное тело.

Его плечо врезалось в изогнутый металлический стебель микроскопического глаза, которым Мозг изучал свою же кору.

— А-а-а-а-а-а! — вырвалось из диафрагмы пронзительное, страшное, резонирующее завывание.

Предсмертный крик Мозга, когда его кору разорвало его же собственным стеблем с глазом! Мириад сочленённых рук этого создания неистово забился в безумной предсмертной агонии. Эти металлические руки швырнули Дандора через зал, словно марионетку. Он со стуком ударился о каменную стену. А затем руки перестали метаться, а другие светящиеся глаза Мозга почернели, и нечеловеческий предсмертный крик стих.

Когда чудовище умерло, Крейн почувствовал, как металлические пути Стяжек резко ослабли, более не контролируемые своим нечеловеческим изобретателем.

— Они уничтожили Мозг! — пронзительно закричал один из служителей в серых капюшонах.

— Убить их!.. Мозг мёртв! — хрипло закричали остальные, когда бросились к Крейну и пожилому Дандору.

Хотя тело Крейна настолько окостенело от долгих дней в путах, что он едва держался на ногах, землянин бешено врезался и сшиб первых двух из обезумевших служителей,

бросившихся на них. Потом он увидел, как один из них поднимает газовое ружьё, направляя его на него.

И тут дверь в огромный зал с треском распахнулась, и сквозь открывшийся проём прозвенел страшный металлический крик. В зал ворвалась огромная серебристая фигура робота Кро. Когда умер Мозг, Кро тоже освободился от Стяжек и вышиб двери словно тараном.

Металлический кулак Кро ударил будто падающий молот, разбивая всмятку черепа служителей в сером. Робот, казалось, обезумел от ярости, крутя ручищами будто гигантскими металлическими палицами, убивая, убивая, убивая...

Оставшиеся служители с воплями разбежались. Но Кро куда быстрее их ринулся следом и не останавливался, пока не перебил их всех. Вот уже смолк последний вопль. И робот вернулся, чеканя шаг, с покрытыми кровью металлическими руками.

Крейн, спотыкаясь, добрёл туда, где лежал у каменной стены Дандор. Тело старика выглядело изломанным и обмякшим, но глаза оставались открытыми. Чёрные, большие, странные, они смотрели на Крейна с помертвелою лица.

— Мозг? — прошептал он, едва шевеля губами.

— Мёртв! — крикнул Крейн, по лицу его бежали слёзы.

На мертвенно-бледном лице Дандора появилась призрачная улыбка.

— Мне показалось, я сумею повернуть этот трюк, — пробормотал умирающий учёный, — с этой ложью о кристаллизации его коры. Мозг мог прочесть мысли других и тем самым узнать, что это ложь, но я помогал создать его механизм, знал, как прикрыть свой разум от его зондирования.

— Дандор, — хрипло произнёс Крейн, — я должен раздобыть тебе помощь!

— Послушай, Крейин, — прошептал старик. — Этот твой план возродить Бэру, не причиняя вреда Чолу... ты должен привести его в действие. Моя совесть отравила мне эти последние дни из-за мысли, что мы должны ради блага нашего собственного мира уничтожить народ Чолу. Теперь я могу умереть спокойно, если буду знать, что ты не дашь этому произойти и что ты спасёшь Бэру от тирании Сурпа. Ты должен добратсья до Ингомара, прежде чем отбудет экспедиция.

— Я-то поспешу! — воскликнул Крейн. — Но ты...

Взгляд меркнувших глаз Дандора переместился на здорового робота.

— Кро! — прошептал он.

— Да, хозяин, — ответил металлический голос. Уж не присутствовало ли в нём что-то похожее на боль, что-то человеческое?

— Кро, мой самый верный друг и слуга, ты должен теперь принять Крейна как своего нового хозяина, — прошептал Дандор. — Ты должен слушаться его, как слушался меня.

— Да, хозяин, — пришёл ответ робота.

Тонкие холодные пальцы Дандора коснулись руки Крейна.

— Крейн, ты достойный сын Таркола. Я желал бы, чтобы ты вместо Лану...

Его голос со вздохом умолк. А полузакрытые глаза уставились невидящим взором в пространство, и тело внезапно сделалось неподвижным.

— Он умер, — сказал Крейн, борясь со слепящими его слезами. И пошатнулся. — Похороним его позже, Кро, — сказал он, задыхаясь от эмоций. — Нам надо поспешить в Ингомар.

Металлическая рука робота поддерживала Крейна, когда он, спотыкаясь, вышел из зала, где остались только мертвые. Когда они поднялись по лестнице на поверхность, вой бури стал для их ушей ещё громче. Визг и вой ветра почти оглушили Крейна, когда они с Кро вышли в каменный каменный двор, где стояли припаркованные Черви. Кро помог ему забраться в одну из машин, а потом робот направил машину в ночь. На них обрушился рёв яростной бури, заглушающий в своём бессмысленном рёве все другие звуки, бичующей скользящего по песку Червя сильными порывами гонимого ветром песка, которые чуть не перевернули их. А вокруг призрачно высились развалины Л'Лона. Заполняющий воздух визжащий песок заслонял две луны и звёзды, а Червь нащупывал вслепую путь сквозь бурю. Крейн мельком видел рассеянные сонмы дрейфующих светляков Электроев, не ощущающих на себе ни малейшего воздействия бушующего ветра и песка.

— Всё зависит от того, Кро, удастся ли мне добраться до Ингомара, прежде чем экспедиция отбудет на Землю! — хрипло воскликнул Крейн.

Кро врубил мощность до предела. Червь рванулся вперёд сквозь воющую над умирающей планетой чёрную, слепящую ярость бури, словно стремительный металлический змей. Когда они мчались сквозь тьму по заметаемой бурей пустыне, Крейн ощущал боль от восстановления в занемевшем теле полного кровообращения. Он завозился, бинтуя себе рану на руке.

Однако теперь вся его жизнь, казалось, сфокусировалась лишь на одной возможности. Если экспедиция ещё не отбыла... если удастся заставить Лану прислушаться...

Минуты тянулись словно часы, часы походили на вечности, покуда Червь прорывался сквозь бушующую бурю. Крейн беспокойно вглядывался в даль. Неужели огни Ингомара так никогда и не появятся?

Глава XVII. В фантомах

Наконец, изнурённые глаза Крейна различили сквозь гонимый бурей песок и ночную тьму сияющие огни.

— Ингомар! — крикнул он. — Быстрее, Кро!

Но Червь не мог гнать ещё быстрее. Вскоре они въехали в город. Его улицы оставались пустынными, а его смутно вырисовывающиеся башни бичевали порывы визжащего ветра, который гнал целые горы песка.

Крейн велел роботу гнать к дворцу. Вскоре они уже объезжали кругом огромную площадь. Там пылали огни, и Крейн увидел установленный на площади огромный передатчик материи. Колоссальный кристаллический диск, окружённый кольцом громадных трансформаторов, он ярко блестел во мраке ночи. Вокруг этого передатчика материи стояли, дожидаясь мгновенной переброски, ряды устройств, идентичных механизму на Земле, тысячи тысяч бэрянских солдат, в шлемах и сверкающих под шлемами металлических туниках; многие сотни огромных Червей, с торчащими над носами и с боков уродливыми дулами больших газовых пушек, и огромные груды частей передатчиков материи, которые годами лежали уже готовые на складах и из которых соберут машины для переброски

на Марс земной воды; и большие полусферические машины, в которых Крейн опознал то устройство, которое Мозг сконструировал для сведения к нулю возможностей земного оружия. Эта штука называлась антикатализатор.

— Слава богу, мы здесь, до того как отправилась экспедиция, — хрипло произнёс Крейн. — Ещё есть время остановить всё это.

— К двери дворца, хозяин? — спросил Кро.

— Нет, гони к садам на восточной стороне дворца, — приказал Крейн.

Вскоре робот остановил Червя на краю тёмных, потрёпанных бурей, садов. Филип Крейн спешно вылез из машины.

— Жди здесь, Кро, — быстро распорядился он, — и держись скрытно. С той поры как Дандору вынесли смертный приговор, тебя, его робота уничтожат, едва завидев.

— Буду ждать, хозяин, — невозмутимо ответил робот.

Когда Крейн рванулся к дворцу, его ударили по лицу исхлёбанные ветром ветви и замолотил своими язвящими, ослепляющими порывами швыряемый ветром песок. Казалось, буря, завывая, решила разорвать Ингомар на куски. А когда он пробирался ко дворцу, вокруг него плавали блуждающие звёзды дрейфующих и не восприимчивых ни к какому воздействию Электроев.

У заднего входа во дворец часовые при виде Крейна тут же вскинули газовые ружья.

— Стоять!

Крейн просто продолжал себе шагать, и свет из входа упал на его лицо.

— Король! — воскликнул один офицер. — Но я думал, вы во дворце с остальными, Ваше Величество.

— С дороги! — взревел Крейн.

В изумлении уставясь на его окровавленное лицо и порванную тунику, офицер подчинился.

Крейн кинулся через вход по окрашенным в розовое мягко освещённым коридорам к королевским апартаментам. Когда он добрался до двери, то услышал доносящийся из покоев короля гул взволнованных голосов. Он распахнул дверь, стоя на пороге. Головы всех присутствующих повернулись к нему. Возник миг застывшего безмолвия.

Лану одеревенел от изумления. А Сурп Лигор, вѣдущие серьёзный разговор с королѣм, уставились горящими глазами на Крейна, словно не веряоо своим глазам. А с полдюжины находившихся поблизости стражей, казалось, даже оцепенели. Но больше всех внезапное появление Крейна ошеломило принцессу Мару. Когда она увидела стоящего там одетого не по форме, окровавленного Крейна, с таким же лицом и фигурой, как у короля, рука её метнулась к горлу, а тѣмные глаза расширились.

Крейн рванулся вперѣд, к Лану.

— Погоди, Лану! — хрипло выкрикнул он. — Выслушай меня, прежде чем возглавишь экспедицию на Землю!

— Мой сводный брат! — воскликнул Лану. — Он сбежал от Мозга, Сурп!

Когда Мара услышала слова короля, лицо у неё побледнело. Она в смятении посмотрела на Лану.

— Сводный брат? — прошептала она. Крейн увидел, что она так ничего и не узнала о подмене короля. Лану сохранил эту тайну даже от неё. И теперь, при виде в первый раз Крейна с Лану, в её тѣмных глазах появилось понимание.

— Твой сводный брат? — повторила она. — Значит, это именно он был королѣм те два дня, когда я...

— Да, он дерзнул два дня выдавать себя за меня, — воскликнул Лану, изумление которого при этом воспоминании сменилось яростью. — Он — какой-то там полукровка с Чолу, посмел воссесть на мой трон и даже посмел ухаживать за тобой, Мара.

— Больше он не сбежит! — провозгласил Сурп, яростно выхватывая газовый пистолет.

— Погоди, Сурп! — воскликнул Лану. — Я же тебе сказал, что его ещё нельзя убивать. В конце концов, он всё же сын моего отца.

Крейн демонстративно не обратил внимания на угрожающее оружие в руке разъярённого аристократа.

— Выслушай меня, Лану! — хрипло взмолился он. — Ты не должен вести экспедицию на Землю! Это означает твою смерть, и означает опустошение Земли и рабство для Бэры. У меня есть план...

— Взять его! — крикнул тарачившимся охранникам Сурп, и солдаты поспешно схватили пошатывающегося Крейна.

Мара всё ещё смотрела во все глаза то на Крейна, то на Лану, словно никак не могла поверить увиденному.

— Я не стану больше слушать твоей лжи! — крикнул Лану Крейну. — Ты, посмевавшийся узурпировать мой трон, ждёшь, что я поверю твоим выдумкам? — И кивнул Сурпу. — Отправь его обратно в Л'Лон, под надзор Мозга.

— Уже слишком поздно! — жестоко рассмеялся Крейн. — Мозг мёртв — убит Дандором.

Со стороны Сурпа донёсся нечеловеческий рёв ярости.

— Мозг мёртв? Мой великий союзник мёртв? — Когда он резко повернулся к Лану, на его физиономии проступило дьявольское бешенство. — Разрешите мне лично убить полукровку, Ваше Величество! — крикнул он. — Боги, подумать только, что он и тот старый лис Дандор погубили самый могучий интеллект на этой планете!

— Да, Ваше Величество, — активно поддержал отца Лигор. — Пока жив этот чолуанский полукровка, вам всегда будет грозить опасность, поскольку он может снова сбежать и выдать себя за вас.

— Я не могу вот так взять и убить собственного сводного брата, — с крайней неохотой сказал Лану, — какими бы там ни были его преступления. Его должны держать в какой-то надёжной тюрьме.

— Да какая же тюрьма его удержит, когда этого не смог и могучий Мозг? — указал Лигор.

Внезапно на жёстком лице Сурпа появилось выражение свирепой радости.

— Я знаю, куда мы сможем его отправить и где он не будет опасен, — объявил Сурп. — Среди Электроев!

— Сделать его одним из Электроев! — воскликнул король. — Да это будет ещё ужасней, чем убить его!

— Это единственное место, где мы сможем надёжно держать его неопасным, Ваше Величество! — настаивал Сурп. — Мы можем тайно отвести его в храм и сделать это, и никто даже не узнает о его существовании, кроме нас самих и моих охранников, за чьё молчание я ручаюсь. От Электроев ему не сбежать, а когда Бэра снова возродится и всех Электроев снова сделают настоящими, то тогда вы можете и решить его судьбу.

Когда Крейн уразумел дьявольское намерение Сурпа, он пришел в ужас. Этот аристократ-дегенерат отлично знал, что Лану с Земли никогда не вернется, и что Электроев никогда не освободят. Он оставит Крейна с другими Электроями дрейфовать до конца времён в виде электрического призрака.

— Нет, Лану, — воскликнула ужаснувшаяся Мара. — Ты не можешь так поступить.

Лану, казалось, сомневаясь, но возражение Мары уязвила короля.

— Ты просишь за него, Мара? — гневно воскликнул он. — Тогда, наверное, ты любишь самозванного Лану, а не настоящего Лану.

В иссиня-чёрных глазах Мары вспыхнул вызов.

— Да, это так, — не колеблясь, объявила она.

Радость, от которой затрепетало сердце Филипа Крейна, в следующий же миг сокрушил яростным криком Лану.

— Тогда твой возлюбленный, как и желает Сурп, отправится к Электроям! — воскликнул король. — Я не оставляю его здесь, чтобы он снова сумел украсть у меня трон и занял моё место рядом с тобой!

— Выслушай меня, Лану, — отчаянно выкрикнул Крейн. — Если ты отправишься на Землю, то никогда не вернёшься! Сурп замышляет...

— Заткните ему рот! — крикнул Лану, с горящим от ревности и ярости лицом.

Слова Крейна оборвала схватившая его за горло мускулистая рука одного из державших землянина охранников.

— Мы сейчас же тайком отведем его в храм, — объявил Лану. В его чёрных глазах по-прежнему пылал гнев. — Когда он окажется среди Электроев, мы сможем отправиться на Чолу, оставив Лигора, как ты и предлагал, здесь, в качестве регента Бэры.

— Хорошо! — Сурп уже торжествовал. — Заверните его в плащ, воины. Никто не должен видеть его лица.

Крейна завернули в душный плащ и подхватили на руки. Он боролся, пытаясь вырваться, но тщетно. Когда его выносили из помещения, он слышал, как Мара по-прежнему неистово умоляла Лану. Через несколько мгновений Крейн почувствовал озноб холодного воздуха, услышал рёв бури,

и понял, что они под открытым небом. Откуда-то издалека слева доносились редкие голоса собранных на площади солдат. И тогда он сообразил, что его тащили тайным, обходным путём к храму.

В душе Крейна не оставалось больше места ни для чего, кроме ужаса при мысли о том, что его ожидает. Стать Электроем, дрейфующим электрическим фантомом, обречённым вечно скитаться по этой планете... наверняка этого не могло с ним случиться! Только не тогда, когда он нашёл единственный выход для обеих планет!

Тут он услышал, как какие-то властные голоса их окликнули, и несшие его остановились.

— Стой, кто идёт? Ночью никому нельзя входить в храм. — А затем голос изменившимся тоном воскликнул: — Король!

— С дороги, — услышал Крейн слова Лану часовому, повысившему голос в стараниях перекричать воющий ветер. — Мы несём на алтарь одного из избранных, который сбежал в последний день ухода из жизни.

Крейн почувствовал, как его понесли дальше. Рёв бури сделался приглушённым, когда они вошли в храм. Затем его спустили по лестнице со множеством ступенек, а потом с него сорвали плащ, удерживая его заломленные руки.

Он стоял на возвышении знакомого ему великого храма и видел сквозь мрак темноты стоящие поблизости фигуры. Затем из кристаллического диска на алтаре вырвался луч ослепительной лиловой мощи. Он отбрасывал наверх и наружу дрожащее свечение. Свет этот падал и на Лану, стоящего у красной металлической стойки, где он только что включил дематериализующую лиловую силу.

Глаза Сурпа победно белестели. А Лигор с улыбкой рассматривал искажённое отчаянием лицо Крейна.

— Лану, не делай этого! — хрипло выкрикнул Крейн. — Тебя обманули, провели!

Лицо Лану снова отразило нерешительность.

— Если мой отец был жив и увидел, как я швыряю другого его сына в толпу Электроев... — содрогаясь, пробормотал он.

Сурп увидел его колебание и надавил на короля.

— Если вы этого не сделаете, Ваше Величество, то ваш трон никогда не будет в безопасности! Вспомните, насколько легко он занял ваше место.

— Да, — поддержал его, как всегда растягивая слова, Лигор. — Он так хорошо сыграл вашу роль, что Мара теперь предпочитает вам его, разоблачённого самозванца.

Это напоминание сделало своё дело. Лицо Лану побагровело, и он сделал грубый жест держащим Крейна охранникам.

— Бросьте его на алтарь!

— погоди! — выкрикнул Крейн, и в тот же миг почувствовал, как мускулистые руки швырнули его прямо к лиловому лучу света. — погоди...

Слова сорвало с его уст, когда землянина швырнули в лиловое силовое поле. Крейн ощутил во всем своем теле ужасную боль, взвыл от боли, и слепящий огонь ударил в глаза. А затем всё потемнело и смолкло. Наступил миг безумной сумятицы. Его будто зашвырнуло в черный омут смерти. Сознание его померкло. Крейн сознавал собственные мысли, но всякие телесные ощущения у него пропали.

Пропали, как пропало и само его тело! Он стал одним из Электроев!

Глава XVIII. Живая смерть

Странное дело, Филип Крейн — нематериальный электрический огонёк, бывший некогда человеком Крейном, — плавал в смутном полусознании за пределами видимого, слышимого. Время для него больше не существовало. Он ничего не знал; ничего, кроме собственных мыслей. Он был наедине со своими мыслями на всю вечность.

Ужас, ужас, ужас! Вот единственная мысль, какую мог содержать в себе бестелесный разум, единственное ощущение, на какое он был теперь способен. Ужас перед той жуткой судьбой, какую ему уготовили, страшной участью, которая будет ожидать его все грядущие времена.

Сколько он пробыл в этом бестелесном, нематериальном состоянии? Сколько времени он пробыл Электроем? Он не

мог даже предположить. Возможно, часы, а может, дни или недели. Время перестало иметь значение, когда не было никаких событий, отмечающих его ход. В окутывающей его тёмной вечности ничего не менялось — ничего, кроме его мечущихся, страшных мыслей.

У него по-прежнему оставалась память. Он по-прежнему помнил тот страшный миг потрясения, когда его по приказу Лану бросили на алтарь. Ему запомнилось лицо Лану, поражённого ужасом собственного деяния, а также торжествующее лицо Сурпа и насмехающийся взгляд Лигора.

Испытываемый Крейном ужас сменился яростью — слепой яростью, которую он не мог выразить, яростью, направленной против Сурпа и Лигора за их дьявольский план против слушающего их Лану. А затем на него снова накатил огромными волнами ужас, когда Крейн понял, что теперь никогда не сможет им отомстить, что он, бестелесная душа, на веки вечные затерян в одиночестве, навсегда отрезан от всего реального. Он никогда больше не увидит Мару. Он запомнил её, когда она стояла, гордо объявляя о своей любви к нему. Никогда ему больше не смотреть на восходящие над Бэрой стремительно проносящиеся луны, никогда больше не взглянуть на розоватые, окрашенные светом зари башни Ингомара. Он был так близок ко всему этому, и всё же теперь стал одним из тех слепых дрейфующих светляков, на которых он некогда смотрел с такой жалостью.

Тьма и тьма... И он проплывал сквозь её бесконечность,, наедине с мучащими его мыслями. Это ощущение было единственным ощущением, к какому было способно его новое фотонное тело. Он знал, что дрейфует наобум, несомый электрическими и магнитными токами, словно корабль без руля и ветрил.

И что он мог сделать? Без тела, без способности видеть, слышать или чувствовать? Он был не более чем призрак, которого несло по реальному миру... Жалкий призрак, который не мог даже посмотреть на живых... Дрейфующий светляк, блуждающий огонёк, на который посмотришь и забудешь.

В разуме Крейна, на какое-то время в этой тёмной безвременности его нового существования, появилась мысль о том, что его может зашвырнуть на Землю, и там он вновь

материализуется, если ему случится завететь в большой пре- датчик материи, когда тот будет включён. Но даже такая слабая возможность умерла, когда он вспомнил, что именно сказал ему Дандор: силы дематериализации и рематериализации алтаря носили тайный, иной характер, чем силы материализаторов, хотя и действовали они по тому же принципу. Переделать человека в Электроя мог только алтарь, и только алтарь мог когда-либо реверсировать этот жуткий процесс.

Крейн не знал, сколько прошло времени в его новом существовании прежде чем в его душу еле заметно вторглась чужая мысль.

— Кто ты? Ты новичок?

Откуда же она взялась из этой всеобъемлющей тьмы, эта вопрошающая мысль, которую получала его душа?

— Ты новенький?

Крейн попытался ответить. Только как он мог ответить, без тела и голоса? И он попробовал подумать ответ.

— Да, я новенький. Кто ты?

И вторгшийся к нему в разум ответил:

— Я Электрой, как и ты сам. Приблизься, новенький.

— Не могу я приблизиться — не знаю, где нахожусь и не умею двигаться! — яростно подумал Крейн.

Безмолвие. Уж не потерял ли он связь с тем другим Электроем? Мысль снова оказаться оставленным в одиночестве, даже без того призрачного голоса-мысли, просто ужасала.

— Теперь я рядом с тобой, — отчётливо пришла мысль другого Электроя. — Как тебя звать, новенький? Меня, когда я был жив, звали Скуро, солдат.

— А меня, когда я был жив, звали Крейин, — подумал, запинаясь, Крейн. — Скажи мне, как так получается, что мы можем общаться между собой, когда у нас нет никаких голосов?

— Это оттого, что наши фотонные тела в состоянии проецировать слабые электрические вибрации, которые натыкаются на фотоны других.

— Вы можете передвигаться куда пожелаете? — спросил Крейн.

— Не куда пожелаем, — пришла мысль другого Электроя. — Наши фотонные тела дрейфуют. плывя по магнитным токам, однако, при помощи эманации мыслей, единственной нашей

способности, мы в состоянии немного побороться с этими токами.

— И сколько ты пробыл Электроем? — спросил Крейн.

— А какой была дата, когда вышвырнули из жизни тебя? — в свою очередь спросил Скуро. Крейн его уведомил, и мысль-голос Скуро печально ответил: — Значит. я пробыл среди Электроев почти тридцать лет.

— Тридцать лет? — покачнулся от ужаса бестелесный разум Крейна.

— Для Электроя нет никакой разницы между тридцатью годами и тридцатью веками, — растолковал ему Скуро. Тут мысль Электроя окрасилась тоской, когда он продолжил: — У меня были жена и дети, которые вступили со мной в сонмы Электроев, когда меня избрали на Жеребьёвке. С тех пор я давно уж разлучён с ними, хотя иногда я дрейфую и натываюсь на них и ненадолго обмениваюсь с ними мыслями.

Крейн попытался представить себе, на что будут похожи тридцать лет существования в качестве Электроя, или тысяча лет, или вечность. И не смог этого вообразить. Его рассудок не мог охватить взором такую страшную панораму, дрейф сквозь тьму и безмолвие, окутанный неподвижностью и пустотой бесконечности.

— Неужели нет никакого способа, каким Электрой мог бы умереть? — мучительно подумал он, обращаясь к Скуро.

Ответная мысль пришла не от Скуро, а от ещё одного дрейфующего поблизости Электроя.

— Нет, новенький, мы не в силах умереть. Не можем даже сойти с ума.

И к Крейну пришла ещё одна вопросительная мысль от другого проплывающего неподалёку от него Электроя.

— Скажи, новенький, а сейчас на Бэре есть какая-то надежда на успех великого плана?

Крейну показалось, что вокруг него, должно быть, собралось много Электроев, так как он получал и другие вопросительные мысли типа: «Даже сейчас», и Крейн ответил мыслью:

— Бэрянские войска, должно быть, уже на Чолу, готовые перекинуть воду той планеты на Бэру.

До него со всех сторон дошли недоверчивые, радостные эманации, смута ликующих мыслей.

— Значит, нас, Электроев, в скором времени освободят! И мы снова будем людьми!

— Нет! — с горечью просветил их Крейн. — Бэра-то, возможно, и возродится, но вот нас, Электроев, так и не освободят.

И он рассказал про помощи ментальных волн о планах Сурпа захватить королевскую власть и предоставить Электроям навеки вечные оставаться в их нынешнем состоянии.

В каждой доходившей до бестелесного разума Крейна из тьмы мысли клокотала страшная, опаляющая ярость. Ярость Электроев была ужасной, так как они узнали, что у них вырвали их единственную надежду. И их ярость стала ещё сильнее, когда они узнали, что Сурп химичил с Жеребёвкой с таким расчётом, чтобы избранными стать Электроями становились только те кого он ненавидел, только те, кто отказывался поддерживать его амбиции.

— Боги! — дошла яростная мысль Скуро. — Узнай я это, то убил бы Сурпа и не позволил бы швырнуть себя в эту пучину страшного бессмертия.

— Если бы я только мог снова хоть на час стать человеком, — пришла разъярённая мысль ещё одного Электроя, — то воспользовался бы этим часом, чтобы убить Сурпа, медленно. Предать надежды всех нас, целую вечность ожидающих освобождения! — Крейн ощущал такое же дикое желание сдвинуть руками горло Сурпа. Желание, толкнувшее его мысленно выкрикнуть вопрос:

— Неужели нет никакого способа снова стать настоящими?

— Никакого, новенький, — пришла мрачная мысль от дрейфующего поблизости Электроя. — Сделать нас снова людьми могут только силы алтаря и храма.

И тут в разуме Крейна возникла тень надежды. Если бы была какая-то возможность связаться с Марой...

Его мысль была уловлена и понята Электроями в окружающем его ничто. И Скуро ему ответил:

— Нет, Крейин, мы, Электрои, не в силах связаться ни с мужчинами, ни с женщинами. Потому что проецируемые нами послания-мысли электрические, и нейрохимические мозги людей их воспринять не могут.

Смутная надежда Крейна растаяла. И на него накатила чёрная волна ужаса.

Он боролся с ней. Он, Филип Крейн, не должен остаться нематериальным, слепым, немым существом из фотонов. От него зависело будущее как Земли, так и Марса. Он должен каким-то образом победить живую смерть и вернуться к жизни! И он таки победит и вернётся! И вслед за этой бурной отчаянной решимостью пришло растущее вдохновение.

— Скажи-ка, Скуро, — взволнованно подумал он, — а то существо, у которого мозг, нервная система и жизнь по природе электрические может получать наши мысли-послания?

В ответной мысли Скуро сквозило некоторое сомнение.

— Думаю, да, если наша мысль будет достаточно сильной. Но где же взять такое существо?

Надежда в бестелесном разуме Крейна вспыхнула заново. Надежда, которую не смогла погасить даже окружающая его страшная бесконечность тёмного безмолвия.

— Слушайте меня, Электрои! — Взволнованно бросил он мысль в пространство. — Соберитесь и послушайте. Вы хотели бы снова стать настоящими, живыми людьми — сейчас же?

И пришёл ответ многих Электроев.

— Да. Но что мы можем сделать, ведь мы всего лишь носимые ветрами тьмы фантомы?

— Если я смогу снова сделать вас людьми и сохранить вас в таком виде, — родилась мысль Крейна, — то обещаете ли вы подчиняться мне во всём и следовать за мной?

— Что означают эти вопросы? — пришла в ответ одна мрачно-безнадёжная мысль. — Ты ничего не сможешь сделать, новичок.

— А я говорю, что если мой план удастся, то я смогу снова сделать вас людьми и сохранить в таком виде! — мысленно крикнул Крейн. — Вы согласитесь последовать за мной, если у меня получится?

— Я согласен, — быстро ответил Скуро. — Мне не верится, что у тебя чего-то выйдет, но ради такого шанса попытаться стоит.

— И я тоже согласен следовать за тобой... И я! — пришёл хор рьяных голосов, кроме мыслей сомневающихся.

— Тогда соберитесь поближе, все вы, — велел им Крейн, — и думайте так же. как думаю я — проецируйте со всей силой мысли то послание, которое проецирую я.

Крейн мысленно сосредоточился на одной мысли, на одном существе, на одном послании, которое требовалось донести.

— Кро! — отправил он во тьму мысленный призыв. — Кро, ты меня слышишь? Это твой хозяин!

И, в унисон с ним. сотни Электроев, которых он чувствовал вокруг себя, одним потоком отправили то же взволнованное послание.

— Кро, тебя вызывает твой хозяин! — Но ответа не было, лишь тьма, в которой плавало фотонное тело Крейна.

Он ждал, находясь в невыразимом волнении. Услышит ли его Кро? Мозг и разум Кро являлись по своей природе электрическими — Крейн это знал из того, что рассказал Дандор. Мог ли робот воспринять электрическую вибрацию мысли от собравшихся Электроев?

— Ещё! — яростно пропульсировал Крейн. — Вызывайте снова, используйте всю свою силу!

Снова во тьму был брошен ментальный крик собравшихся Электроев.

— Кро! Тебя вызывает твой хозяин!

А затем до бестелесного разума Крейна дошла из тьмы слабая, далёкая мысль, вибрация электрического разума, отдалённая и неясная, словно пришедшая с другой звезды.

— Хозяин, я слышу тебя у себя в мозгу! — пришёл издали мысленный крик. — Хозяин, где ты?

Глава XIX. Бой в храме

Когда пришёл ответ робота, всё электрическое существо Филипа Крейна пронизила дрожь волнения и радости. Его отчаянная надежда оправдалась. Электрический мозг и существо Кро оказались способны воспринять мысленные волны Электроев.

Крейн снова мысленно окликнул робота, и все сотни собравшихся вокруг него Электроев дружно помогли спроецировать эту мысль.

— Кро, ты где? — окликнул робота он.

— В садах, хозяин, там, где ты меня и оставил, — пришёл ответ робота. — Я прождал здесь четыре дня.

— Четыре дня! — Крейн ощутил шок удивления, узнав, что столько времени прошло с тех пор, как его выбросили к Электроям.

— Да, хозяин, — отвечал робот. — Я ждал здесь, в точности как ты мне и приказал. Меня никто не видел, но я видел много тысяч солдат и Червей вместе с другим снаряжением, которых отправили через большой передатчик материи на площади. Первыми отправились Сурп с Лану и их последователи, а за ними и тысячи других.

Крейн ощутил огромное разочарование. Значит, он опоздал, не сумел остановить нападение на Землю. К этому времени Сурп и Лану с их войсками, вероятно, уже прут по Земле к морю устанавливая там свои передатчики материи. Должно быть, это вторжение шло даже сейчас, в то время как он плавал в вышине в качестве светящегося фантома.

Отчаяние Крейна сменилось решимостью. Возможно, ещё не поздно. Тот его план, который будет означать жизнь и для Земли, и для Марса — если Крейн сумеет вернуться из своего нынешнего нематериального состояния — то возможно, ему ещё удастся привести его в действие.

— Сейчас ночь, хозяин, — сообщил ему Кро, хотя Крейн его и не спрашивал. — Что мне делать?

— Оставайся там, Кро, — спроецировал мысль Крейн. — Постоянно окликай меня мысленно, и я постараюсь к тебе явиться.

И Крейн мысленно крикнул другим Электроям:

— Мы должны отправиться к этому роботу. Ты сказал, Скуро, что можно немного двигаться по собственной воле?

— Да, Крейин, — пришла взволнованная мысль Скуро. — Проецируя электрические ментальные эманации, мы можем двигаться в любом направлении, если магнитные токи не слишком сильны.

— Значит, все вместе — к роботу! — приказал Крейн.

И почувствовал, как тьма вокруг него ожила от электрической силы, когда Электрои постарались погнать себя к роботу, металлический зов которого становился всё сильнее и чётче.

— Вы уже рядом со мной хозяин! — мысленно доложил Кро. — В окружающих меня садах повсюду роятся сотни Электроев.

— Хорошо! — выдал мысль Крейн. — А теперь, Кро, ты должен пройти к окну покоев принцессы Мары в восточном крыле дворца. Будь осторожен, действуй так, чтоб тебя никто не увидел.

Тут пришёл озадаченный мысленный вопрос Скуро.

— Что же ты планируешь, Крейн?

— Вновь сделать нас людьми может только рематериализующая сила алтаря, — быстро ответил мыслью Крейн. — Мара может включить алтарь... и включит.

— А почему робот сам не может включить его? — взволнованно спросил ещё один Электрои.

— Ему нельзя заходить в храм. Охрана уничтожит его, едва увидит. Но Мара королевской крови, и ей входить не возбраняется.

Тут дошёл чётко услышанный мысленный голос Кро.

— Я у окна покоев принцессы, хозяин! С ней Лигор.

«Лигор!» — подумал Крейн, и в его бестелесном разуме вспыхнула горькая ненависть, испытываемая им к сыну Сурпа.

— Да, хозяин, — уведомил его Кро. — Лигор говорит принцессе, что поскольку он теперь регент Бэры, то ей лучше уступить его любви. Мара гневно отвечает, что он злоупотребляет своим положением и что когда вернётся Лану, она добьётся его наказания.

Лигор же смеётся над этим, хозяин. И говорит, что Лану никогда не вернётся, а умрёт на Чолу, и что королём вернётся уже Сурп. А также говорит, что если она думает о том самозванце Крейине, который ныне дрейфует среди Электроев, то вполне может забыть о нём, поскольку Сурп вообще не собирается когда-либо освобождать Электроев. Мара приказывает Лигору убираться вон, и тот со смехом уходит. Оставшись одна, Мара опускается на стул и плачет.

Слушая это повествование Кро, Крейн почувствовал, как сердце его сжалось от боли. Мара плакала — по нему?

— Войди к ней в покои, Кро, — напряжённо приказал Крейн. — И скажи принцессе, что ты принёс послание от меня. Бесконечное ожидание, а затем Кро вновь позвал.

— Я в её покоях, хозяин. Сперва принцесса испугалась меня, но теперь она знает, что ты можешь говорить с ней через меня. Она смотрит на парящий за окном рой Электроев.

Крейн чуть ли не воочию видел описанную сцену: выглядывающую из окна Мару, смотрящую остекляненным взглядом на рой светляков, одним из светящихся фантомов в котором был сам Крейн.

— Скажи ей, — напряжённо передал он, — что она должна отправиться в храм и включить в алтаре рематериализующую силу, что это — единственный способ, каким я могу вернуться к жизни.

Вскоре пришёл ответ Кро.

— Я ей передал, хозяин. И она сильно обеспокоена. И говорит так: «Крейн, я люблю тебя и отдала бы жизнь ради усилия снова вернуть тебя к жизни, но, боюсь, что ты намерен сорвать великий план, который возродит Бэру, что ты намерен бороться против моего мира».

— Передай ей, что Бэра, равно как и Земля, так же и мой мир! — мысленно воскликнул Крейн. — И что у меня есть план, послужащий на благо обеим планетам, вместо опустошения одной планеты ради спасения другой.

Ответ Кро снова пришёл быстро.

— Она говорит: «Я выполню твою просьбу, Крейин. Сейчас же отправлюсь в храм и включу алтарь».

Со стороны окружающих Крейна Электроев запульсировали эманации напряжённого волнения. От них сквозило отчаянным нетерпением неясных фантомов, которые ощутили надежду снова стать живыми.

— Мы с принцессой спешим обойти тёмную площадь, хозяин, — доложил Кро. — Нас пока никто не видел.

— Мы должны последовать за ними! —мысленно крикнул Крейн ордам Электроев.

И принялся отчаянно проецировать ментальные волны, гнавшие его вслед за роботом и Марой. Эманации прочих Электроев сообщали ему, что те тоже двигались вместе с ним. И мысли Кро снова зазвучали громче, доказывая, что они следовали за принцессой и роботом по пятам.

— Мы у входа в храм, хозяин, — пришла мысль робота. — Охрана нас остановила. Мара приказывает часовым посторониться, но их офицер увидел следующие за нами рои Электроев и колеблется. Говорит, что впускать кого-либо в храм в таком часу ночи — случай беспрецедентный, и что ему надо обра-

титься к регенту Лигору... Мара угрожает офицеру, — быстро продолжил Кро. — И напоминает ему, что она — особа королевской крови, и высокомерно велит ему с часовыми разойтись. Офицер уступает её требованиям и удаляется со своими подчинёнными, чеканя шаг... Мы входим в храм, хозяин. Вокруг нас роятся бессчётные сотни Электроев. Принцесса прошла к металлической стойке рядом с алтарём. И быстро устанавливает управляющие им колёсики. Внезапно, из алтаря вырываются вверх ярко-красный силовой луч...

И в тот же миг бестелесный разум Крейна почувствовал тот внезапно хлынувший из алтаря поток силы, материализующие вибрации. И почувствовал, как они притягивают его, словно мощный магнит. А потом он ощутил себя плывущим к источнику этой поднимающейся волны силы, несомый словно щепка в водовороте. Затем последовал страшный, сокрушающий удар. Он ощутил мучительную, обдирающую боль — и мог закричать вслух от радости оттого, что снова способен чувствовать эту боль. Всё его существо, казалось, растягивала огромная сила. А затем удар со стуком о твёрдую поверхность, рёв у него в ушах, полыхание ярко-красного света у него в глазах...

Он снова был настоящим! Крейн стоял, цельный и материальный, рядом с тем полыхающим красным силовым лучом, вырвавшимся из алтаря в огромном тёмном храме.

— Снова человек! — задохнулся от эмоций он. — Слава богу, я вырвался из сонма Электроев!

К нему бежала Мара, с мертвенно-белым лицом и слезами в тёмных глазах.

— Крейн! — вскрикнула она, и через мгновение уже рыдала в его объятиях. Какой-то миг он прижимал её к себе, всё ещё трясясь от шока, вызванного рематериализацией.

Вокруг пылающего красного луча буйно кружились бессчётные сотни светящихся Электроев. Они один за другим заплывали в красный силовой луч. А из красного силового луча, появляясь сперва в виде туманных фантомов, а затем уже вполне себе настоящими, выходили люди. Первым после Крейна появился огромный, мускулистый солдат в шлеме и металлической тунике, с лицом, расплывшимся от радости.

— Снова настоящий! — возликовал он. — Я, Скуро, снова живой человек после тридцати лет в этом аду!

— Скуро, помни об обещании, данном всеми вами! — крикнул Крейн. — Что, после рематериализации, вы последуете за мной и будете подчиняться моим приказам.

Скуро открутил от ближайших перил металлическую штангу, и, сверкая глазами, взмахнул ей. словно огромной палицей.

— Веди меня куда хочешь! — проревел он. — Я последую за тобой хоть в сам ад!

В багряном силовом луче возникали другие люди, десятками, сотнями, пошатываясь, выходили из него и дико озирались кругом. Выходили из сонмов Электроев также и женщины. И все подхватывали крик Скуро.

Вперёд вышел лязгающий Кро. Он безмолвно стоял, глядя на Крейна своими неподвижными глазами-линзами.

— Кро, без тебя нам бы никогда не вырваться на волю! — воскликнул от души Крейн, переполненный благодарностью.

— И что теперь, Крейин? — напряжённо спросила Мара. — Бэрой-то в качестве регента по-прежнему правит Лигор.

— Мы рематериализуем достаточно народу для его свержения, — воскликнул Крейн, с горящим рвением тёмным, худощавым лицом. — А потом молниеносно перенесёмся на Землю...

— Хозяин, я слышу. как к нам бегут! — внезапно проскрежетал Кро.

Двери затенённого храма резко распахнулись. В храм ворвались вооружённые охранники во главе с Лигором. Когда он увидел Крейна с Марой, его красивое лицо побелело от ярости.

— Видите, всё именно так, как я и опасался! — закричал ворвавшийся в храм бок о бок с ним офицер. — Принцесса выпускает на волю некоторых Электроев!

Лигор в ярости выхватил висящий на поясе газовый пистолет. Но прежде чем он смог прицелиться, великан Скуро взмахнул зажатой в ручище металлической палицей. Она шарахнула Лигору по темечку, и молодой регент упал, оглушённый ударом.

— Вперёд, ребята! — заорал Скуро бывшим Электроем, которые уже рематериализовались из блистающего силового луча.

И бывшие Электрои с хриплым, безумным криком рванулись к поражённым охранникам.

Полыхнули газовые ружья в руках охранников, и смертоносно тихо пыхнули. Сквозь ряды атакующих бойцов Крейна хлестнули маленькие облачка зелёных паров, прожигая их насквозь, словно они бумажные.

Но выпущенных на волю безоружных бойцов Крейна это не остановило. Они добрались до охранников, прежде чем те успели сделать второй залп. А потом пошла рукопашная, где не было простора для применения газовых ружей — безумная схватка охранников и бывших Электроев у двери неосвещённого храма.

Крейн дрался как сумасшедший, сознавая, что ведёт бой и за Бэру, и за Землю. А чисто физическая радость снова быть настоящим, после ужасного прозябания в качестве электрического фантома, заставляла его свирепо смеяться, когда его кулаки точно попадали по ужаснувшимся марсианским лицам.

Рядом с Крейном высился здоровенный робот, и металлические кулаки Кро несли смерть. А бывшие Электрои, освобождённые от многолетнего тёмного ничего, безумно сражались в ярости своей атаки. Устоять перед таким страшным натиском охранники не смогли. Остатки их отряда повернулись и бежали из храма. Крейн, тяжело дыша, обернулся. Во время боя из рематериализующего силового луча появлялись всё новые и новые бывшие Электрои. В храме их теперь насчитывались сотни, а рядом с ними неистово ликовали вышедшие вместе с ними женщины.

— Теперь у нас хватит бойцов захватить город! — воскликнул Крейн. — Отключи алтарный силовой луч, Мара.

Когда принцесса выполнила приказ и багряный луч погас, Скуро крикнул Крейну:

— Но как насчёт наших друзей, наших семей, которые по-прежнему дрейфуют среди Электроев? Разве не освободят и их тоже?

— Их освободят, всех до одного, когда будут осуществлены мои планы для Бэры, — мрачно заверил Крейн. — Сейчас на Бэре для них всех не хватит еды. Но если вы последуете за мной и поможете мне добиться моей цели, то Бэра сможет прокормить их всех, и тогда всех выпустят на волю.

— Слышите, товарищи? — проревел бычий голос Скуро. — Мы теперь сражаемся за освобождение других Электроев!

Из рядов сотен бывших Электроев вырвался громовой крик.

— Мы последуем за тобой куда ты ни поведёшь, Крейин!

Тут Кро схватил поднимающегося с пола ошарашенного Лигора.

— Убить его, хозяин? — спросил робот.

— Да, смерть сынку Сурпа! — яростно закричали со всех сторон бывшие Электрои.

— Нет, не убивай его, — приказал Крейин. — Но пригляди за тем чтобы он не сбежал.

Сквозь мельтешащую около Крейна толпу пролетела стройная фигура Мары.

— Какой у тебя план, Крейин? — нетерпеливо спросила она.

— Мы должны отправиться на Землю... на Чолу, — быстро выложил Крейин. — Нам надо спасти Лану, не дать Сурпу убить его, если ещё не поздно. А потом нам надо свергнуть Сурпа, раз и навсегда.

— А потом? — обеспокоенно спросила Мара. — Потом ты перебросишь воду Чолу на Бэру?

— Нет, Мара, — твёрдо покачал головой Крейин. — Я не возьму для этой планеты ни капли воды из земных морей. Но всё же сделаю Бэру вновь зелёной и плодородной, иными средствами. Ты доверяешь моему обещанию это сделать?

Тёмные глаза Мары подёрнулись пеленой сомнения.

— Не вижу, как ты сможешь возродить Бэру, не беря воды Чолу, — откровенно сказала она. — Но я тебе доверяю, Крейин.

— А теперь — к передатчику материи на площади! — призвал Крейин полных рвения бывших Электроев.

Расставленная на площади вокруг большого предатчика материи охрана разбежалась. По всему городу понемногу нарастало сильное волнение, но Крейин не обратил на него внимания.

Глава XX. Братья

Крейн приказал нескольким сотням своих бойцов, частично вооружённых теперь газовыми ружьями павших охранников, собраться на громадном кристаллическом диске. А затем

вместе с оставшимися бывшими Электроями, в сопровождении Мары и Кро и с ковоируемым роботом пленным Лигором, Крейн направился к массивному пульту управления и высящемуся на площади неподалёку от диска рупору-конусу.

— А вы должны остаться охранять у этого пульта, — велел Крейн бывшим Электроям. И быстро объяснил им, как тот действует. — А мы, все остальные, сейчас отправимся на Землю.

— Ты забыл об одной мелочи, чолуанин, — презрительно скривил рот Лигор. — Передатчиком материи на Чолу занимаются бойцы моего отца. Думаешь, они включат его по твоей просьбе?

— Вот потому-то, Лигор, ты и отправляешься с нами, — кратко растолковал ему Крейн. — Тебе предстоит вызвать бэрянскую базу на Земле и попросить включить передатчик и принять нас.

— Полагаю, если я откажусь, ты намерен убить меня? — презрительно рассмеялся Лигор. — Тогда убей меня, полукровка, так как я никогда этого не сделаю.

— Нет, мы не станем тебя убивать, — произнёс Крейн смертоносным тоном и со смертоносным взглядом. — Если ты откажешься, то мы просто превратим тебя в Электроя.

— Да! — свирепо закричали вчерашние Электрои. — Сделаем из сынка Сурпа то, чего сделало из нас коварство его папаши!

Лигор не был трусом. Но сразу побледнел при угрозе той участи, которой всякий бэрянин боялся превыше всего. У него стал вид человека, угодившего в капкан.

— Ну? — резко бросил Крейн.

— Я... скажу им, — произнёс, еле ворочая языком, сын Сурпа. — Включайте рупор-конус.

— Вызывает Лигор! Я переправляюсь на Чолу. Приготовьте машину принять меня.

Через несколько минут пришёл удивленный ответ:

— Но вы же должны оставаться на Бэре, в качестве регента, сударь...

— Я переправляюсь! — грубо перебил собеседника Лигор. — Выполнять приказ!

Когда ответ наконец пришёл, то в нём звучало подобострастие.

— Передатчик материи теперь на приёме, сударь.

Крейн снова запрыгнул на огромный кристаллический диск, где ждали Скуро и его отряд горящих рвением бывших Электроев. По приказу Крейна, Кро последовал за ним, таща за руку Лигора.

— Я с тобой! — заявила Мара.

— Мара, ты не должна, — воскликнул Крейн. — На Земле будут бои — тебе будет небезопасно!

— Да разве принцесса Бэры станет думать только о безопасности? — потребовала ответа она, сверкая тёмными глазами. — Я отправляюсь!

Крейн поднял руку, делая знак поставленным у пульта бывшим Электроям. И увидел, как те, точно выполняя его инструкции, быстро защёлкали тумблерами.

Оглушительно загудели трансформаторы, большущий диск под ними замерцал, испуская синий свет, при включении первых тумблеров. Мара, немного дрожа, тесно прижалась к Крейну, но держала голову высоко и прямо.

Вот включился последний тумблер... и необычайный выброс силы швырнул Крейна и его спутников с диска в ничто. Крейн, как и прежде, испытал лишь ощущение полета с космической скоростью, обратно к Земле через чёрную бездну космического пространства...

Он открыл глаза и узрел пылающее полуденное солнце. Он и его спутники, его воинство из бывших Электроев, стояли на огромном кристаллическом диске такого же передатчика материи, с которого их швырнуло через космическую пустоту. Неподалёку, у пульта большой машины, компания бэрянских солдат глазела разинув рты на эту толпу мечущих гневные взгляды, которая внезапно появилась там, где они ждали только Лигора.

В тот первый миг поражённого молчания быстрый взгляд Крейна показал ему, что канадские леса данного района уже уничтожили на милю вокруг. И на этой новой голой равнине высились большие груды марсианского снаряжения, недавно возведённые металлические хижины и казармы.

— Боги Бэры, кто это? — поднял крик офицер у пульта.

— Это враги Сурпа! — неистово закричал Лигор, корчась в попытке вырваться из железной хватки Кро. — Они заставили меня вызвать вас! Атакуйте их!

Офицер издал громкий крик.

— Охрана! — воззвал он к казармам.

Но Филип Крейн уже выкрикивал приказы собственным бойцам. Бывшие Электрои спрыгнули с диска и ринулись навстречу выбегающим из казарм бэрянским солдатам.

Безумный бой вокруг огромного передатчика материи распространился, как пожар. Пыхали газовые ружья, сквозь свалку швыряло облачка смертоносных паров, орали хриплые голоса.

Крейн пустил в ход своё газовое ружьё. сажая смертоносными облачками в наступающих солдат из казарм, пока у оружия не иссякли заряды, после чего ринулся в рукопашную схватку, орудуя серебристой трубкой, словно ломом, разя направо-налево. В безумном бою врагов едва ли можно было отличить от друзей.

Марсиане сошлись на залитой солнцем Земле в смертельной хватке! И все они, как заметил даже посреди этого буйного водоворота боя Крейн, двигались тяжело, с трудом, отягощённые большей силой тяжести этой более массивной планеты, и шумно дышали в более густой атмосфере Земли.

— Бейтесь! — кричал бычьим рёвом великан Скуро своим сотоварищам. — Помните, мы бьёмся за свободу Электроев!

— За Электроев! — поднялся яростный боевой клич бойцов, которые сами всего несколькими часами ранее были электрическими фантомами.

Марсианскую базу охраняла всего тысяча солдат. И хотя эта численность превышала приведённый Крейном отряд, то, чего у бывших Электроев не доставало по части численности, они с успехом компенсировали своей яростью.

Солдаты крошились под тигриным натиском бывших Электроев. И на переднем крае этого натиска врагов разил, кроша направо-налево, словно какой-то металлический колосс, сеющий смерть робот Кро.

Солдаты начали сдаваться, вскидывая руки вверх. Многие уцелевшие офицеры рванули к припаркованной поблизости полудюжине Червей и умчались на юг. За исключением немногих рассеянных мелких стычек, бой закончился.

Крейн обеспокоенно побежал туда, где неподалёку от передатчика материи стояла Мара.

— С тобой всё в порядке?

Её лицо выглядело бледным и осунувшимся.

— Не очень... я чувствую себя какой-то тяжёлой, едва в силах держаться на ногах, — ответила она, затруднённо дыша.

— Тут всё дело в большей силе тяжести... ты к ней вскоре привыкнешь, — заверил он её.

Тут Крейн резко повернулся, так как поблизости раздался резкий, взволнованный крик.

— Филип! Филип Крейн!

Из одной из металлических хижин бежало несколько человек. Крейн узнал массивную фигуру Джона Мартина и рыжую шевелюру Скотта Фултона. А затем он увидел Кей.

А следом за ними, спотыкаясь, бежал ещё один человек, в солдатском металле под багряным плащом. Лану! Крейн ощутил странную пульсацию радости, оттого что он успел вовремя для спасения сводного брата.

Когда Джон Мартин добежал до Крейна, лицо его выглядело мертвенно-бледным, а взгляд — лихорадочно возбуждённым. Он сразу принялся вываливать на голову Крейна последние сведения.

— На Земле происходит страшное вторжение, Филип! Основные марсианские войска под командованием аристократа Сурпа прут сейчас через штат Нью-Йорк. До нас дошли сообщения по радио...

Кей плакала. Лицо у неё больше не было неподвижной, загипнотизированной маской, каким было, когда Крейн видел её в последний раз.

— И это сделала я, Филип! — прорыдала она. — Я призвала отца открыть здесь передатчик материи, и через него вместе со мной прошёл авангард марсиан. Но я не знала, что делала!

— Ну конечно она не знала! — воскликнул Скотт Фултон, обнимая за талию рыдающую девушку. — Когда она прошла вместе с марсианами, её разум освободился. Несколько дней назад она снова стала нормальной.

Крейн вдруг понял. Когда далеко отсюда на Марсе был убит Мозг, то его сжимающая разум Кей безжалостная хватка резко ослабла.

Тут спотыкаясь до Крейна добрёл, тяжело двигаясь, и Лану, с белым как смерть лицом.

— Крейин! Брат мой! — крикнул он. — Ты был прав насчёт Сурпа. Он изменник! Как только наша экспедиция добралась до этой планеты, Сурп тут же приказал своим людям тайно схватить меня и заточить в той хижине с этими чо-луанцами. Один из твоих бойцов только что освободил нас. Сурп объявил всем, что я заболел и передал ему командование войсками. Но он оставил приказ убить меня, когда основные бэрянские войска окажутся достаточно далеко, чтобы никто не прослышал об убийстве.

— Что ты собираешься делать, Филип? — требовательно спросил Джон Мартин. — Те рвущиеся к морю марсианские войска должны быть остановлены, а все земные войска их остановить не в силах. Как передаёт радио, оружие защитников Земли бесполезно.

— У меня есть план, — быстро сообщил им Крейн. — Мне надо добраться до бэрянской армии, дать отпор Сурпу и...

— Крейин, берегись! — пронзительно закричала Мара.

Крейн резко обернулся. В десяти ярдах от него стоял забытый во время боя Лигор. И держал в руке наведённый на Крейна газовый пистолет.

— По крайней мере, я лишу тебя жизни, самозванец! — прорычал Лигор и нажал на спуск.

К Крейну стремительно понеслось облачко смертоносных паров. Но Лану бросился вперёд и столкнул Крейна с пути этого смертоносного дезинтегрирующего газа. Несущееся облачко коснулась бока Лану. Бэрянский король тяжело упал. Когда Крейн восстановил равновесие, то услышал крик Мары. И увидел, как в тот же миг Кро добрался до Лигора, увидел, как металлический кулак робота треснул Лигора по черепу и разбил его вдребезги. Крейн бросился к Лану. В боку короля зияло огромное отверстие. Там, где его коснулись смертоносные пары, они напрочь съели багряный плащ и металлическая туника вместе с тканями его тела.

— Лану! — хрипло вскрикнул Крейн.

Лицо Лану — лицо, столь странно идентичное лицу Крейна, — стало восковым, но его большие тёмные глаза внимательно смотрели в лицо сводного брата.

— Я не мог позволить этому выскочке убить тебя, брат, — прошептал Лану. — Я в долгу перед тобой за то, что не поверил тебе и отправил тебя к Электроям.

У Крейна перехватило дыхание.

— Лану, ты не должен умирать! Нам предстоит свергнуть Сурпа, и у меня есть план, способный возродить Бэру, не повредив Чолу. Ты будешь восседать на престоле новой, зелёной, населённой Бэры.

— Нет, — слабо прошептал Лану. — Я чувствую, как жизнь покидает меня. — Его пальцы слабо завозились своротом плаща. — Ты теперь должен носить королевское багряное, Крейин. Ибо я завещаю тебе королевскую власть. И завещаю тебе мою месть Сурпу. — Глаза умирающего пристально огляделись кругом в усилии найти ещё одно лицо.

— Мара, — невнятно произнёс он.

Принцесса опустила рядом с ним на колени с глазами, полными слез.

— Да, Лану. Да?

Его взгляд со странной тоской приковало к её лицу.

— Мара... — снова пробормотал он. А затем его тело дёрнулось, а лицо застыло.

— Умер! — проговорил Джон Мартин.

Мара заплакала. Крейн поднялся на ноги, разум кружился в вихре эмоций. Он помог остальным поднять обмякшее тело Лану и отнести его к металлической хижине, бывшей недавно их тюрьмой.

Они оставили тело Лану; находящийся в хижине маленький радиоприёмник, в котором Крейн узнал часть их первоначального походного снаряжения, завибрировал хриплым голосом диктора.

— Ньюарк выпускает дальнейшие бюллетени о вторжении. Основные войска таинственных захватчиков сейчас направляются на юг. Они только что покинули Олбани, и направляются по долине реки Гудзон к Нью-Йорку. Всякое сопротивление им оказалось тщетным, так как в радиусе ста миль от них не взрывается никакой порох, и не работает ни один бензиновый мотор, отчего нет никакой возможности применить самолёт, танк, или использовать огнестрельное оружие. Со времени отхода из Олбани никаких больших потерь пока нет, так как в

Кингстоне, Сиракузе и Утике население бежало с пути наступления сил вторжения. Но мы умоляем всех проживающих в сельской местности поверить нам, когда мы говорим, что это вторжение настоящее! Это не ещё один розыгрыш, как, кажется, считает большинство селян! Мы заклинаем население долины реки Гудзон и Нью-Йорка поверить нам и немедленно бежать!

— Слышите? — воскликнул Джон Мартин. — Почти все селяне не верят во вторжение, думают, будто это ещё один розыгрыш по радио. И когда эта атака докатится до города Нью-Йорка... до всех тех миллионов...

— Сурп и его воинство не должны добраться до Нью-Йорка! — воскликнул Крейн. — Они рвутся к морю, с целью установить там передатчики материи, которые будут перекидывать воду на Бэру. Но я смогу их остановить, если сумею вовремя до них добраться.

Он нагнулся, взял с мёртвого тела Лану королевский багряный плащ и накинул его на собственные плечи. А затем рванулся к двери металлической хижины.

— Я отправлюсь следом за ними на Черве. Нельзя терять времени. Пошли, Кро.

Большой робот тут же кинулся выполнять приказ. Но следом за ними на солнце кинулась, спотыкаясь, и Мара.

— Я тоже отправлюсь, Крейин! — крикнула она.

Он начал было уговаривать её остаться, а затем увидел по выражению её твёрдого и бледного лица и сверкающим глазам, что это бесполезно.

— Тогда пошли, Мара, — согласился он. — Когда я встречу лицом к лицу с армией Сурпа, ты мне поможешь!

Робот быстро залязгал к одному из оставшихся Червей. Осталось их всего два — остальными воспользовались при бегстве офицеры Сурпа.

— Скуро, — окликнул Крейн великана из бывших Электроев, — ты и десяток твоих бойцов поедете в Черве со мной. Остальные из вас останутся здесь и будут охранять передатчики материи и этих чолуанцев.

Мара забрались в Червя вместе с Крейном. За ними последовали Скуро и десяток бывших Электроев. Они поспешно заняли свои места у казённых больших газовых пушек,

которыми не так давно марсиане оснастили эти боевые машины.

— Поехали, Кро! — приказал роботу Филип Крейн. — Гони по следам армии Сурпа.

Червь рванул вперёд. Он скользил по голой равнине, словно словно какая-то металлическая змея.

Из опустошённого района широкая полоса вела на юго-восток через высящийся Квебекский лес ну просто шоссе в сотни футов шириной, высеченное из леса проходящей армией Сурпа. От деревьев и кустов путь расчистили газовыми пушками, а землю утрамбовали сотни проползающих Червей, оставляющих такой след, который уж точно никто не мог пропустить.

Вот по этому широкому, голому шоссе и нёсся в тёплом свете раннего вечера единственный Червь. Мчась на полной скорости, чтобы догнать Сурпа и его войнство, ползущее на сотню миль впереди. Сквозь закат и сумерки, с большим роботом за рычагами управления и с десятком недавно материализованных Электроев в качестве экипажа, неслись Филип Крейн и бэрянская принцесса.

Глава XXI. Засада

В ярком лунном свете полуночи проступили чёрной массой какие-то неосвещённые строения.

— Это Утика, — напряжённо определил Крейн, вглядываясь сквозь окно в носу Червя. — Армия Сурпа по-прежнему далеко впереди нас, нам надо ехать быстрее, Кро!

— Быстрее мы ехать не можем, хозяин, — ответил своим невозмутимым металлическим голосом робот.

Рука Мары сомкнулась на напряжённых пальцах Крейна.

— К утру мы их наверняка нагоним, Крейн.

— Да к тому времени армия Сурпа уже будет крушить Нью-Йорк, — произнёс, болезненно переживая, он. — Этого не должно случиться!

Разум Крейна лихорадило от смеси опасения и надежды. Страхи мучали его всю ночь, покуда Червь гнал с наивысшей

скоростью через канадскую глубинку к штату Нью-Йорк. И все это время перед ними были свидетельства того, как марсиане подавляли любое сопротивление. Все проезжаемые ими города и деревни стояли тёмными и покинутыми. Из канадских лесов, из Кингстона, где они переправились через реку святого Лаврентия, из всех небольших городов и сельской местности штата Нью-Йорк население бежало от марсиан на юго-восток.

Крейн узнал от диктора радио, по-прежнему кричавшего, о покинутом народом Кингстоне, о том, что армия Сурпа пёрла от Олбани прямо по долине реки Гудзон. Газеты и радиостанции всё ещё пытались убедить жителей сёл и городков, что это невероятное вторжение было настоящим, а не ещё одной радиострашилкой. И военное министерство всё ещё лихорадочно пыталось найти способ преодолеть то таинственное воздействие, которое делало бесполезным всё земное оружие в пределах ста миль от вторгшейся армии.

— Всё это делает то, что разработал для Сурпа Мозг, штука, называемая антикатализатором! — объяснил Крейн. — Теперь я понимаю. Эта штука излучает силовое поле, которое останавливает и замедляет все химические реакции в радиусе ста миль. Именно поэтому взрывчатка в его поле действия только медленно горит, а не взрывается, и как раз поэтому и не работают бензиновые двигатели.

— Но почему это тормозящее поле не мешает действовать бэрянским газовым ружьям? — недоумевала Мара.

— Газовые ружья работают не на химическом, а на физическом принципе, — напомнил ей Крейн. — Вырывающиеся из них пары не соединяются химически с веществами, а просто растворяют их.

Теперь, когда впереди стали неясно вырисовываться неосвещённые строения Утики, у Крейна появилось ощущение безнадёжности.

— Если они добрались до Нью-Йорка, — пробормотал он себе под нос, — то все проживающие там миллионы, по-прежнему считающие это вторжение розыгрышем...

Кро гнал Червя через окраины затемнённой Утики, в деловой район. В лунном свете некогда наполненный деловитой суетой город выглядел странно тёмным и покинутым. Несколько районов в нём уничтожили газовые пушки воинства Сурпа.

— Кро, берегись! — внезапно закричал Крейн.

Из тёмной боковой улочки внезапно вынырнуло два Червя, паля из газовых пушек по машине Крейна.

Сверхчувствительный разум робота воспринял опасность ещё раньше Крейна. Кро с молниеносной скоростью вовремя развернул своего Червя, избежав смертоносных облачков пара.

— Засада! — крикнул Крейн. — Сурп расставил для нас ловушку! Должно быть, он знает, что мы пытаемся его догнать.

Скуро и другие бывшие Электрои тут же потянулись к казённым большим газовым пушек.

— Мы должны прорваться! — прокричал Крейн. — Если мы не вырвемся отсюда, они нас без труда уничтожат.

И тогда, в свете луны, начался странный, сверхъестественный бой на улицах покинутой Утики. Бой одной марсианской машины против двух других, старавшихся её уничтожить. Атакующе Черви вновь выпустили по машине Крейна газовые заряды. И машина снова от них отпрыгнула благодаря скорости реакции сидящего за рычагами Кро. Робот, с его сверх-быстрыми сенсорными реакциями, вёл бой так, как его не мог бы вести ни один человек.

Скуро и его бойцы выпускали по противникам смертоносные зелёные облачка и постоянно промахивались. Пары поразили стоящее поблизости офисное здание, мигом смахнув у него первый этаж. Этажи, расположенные выше, рухнули с грохотом осыпающей каменной кладки.

Три червя, подобно дерущимся змеям, поднялись стоймя на хвосты, один лицом к лицу с двумя. В лунном свете эти машины даже с виду походили на огромных сражающихся змей.

— Они разделяются, Крейн, — закричала Мара, увидев, как две вражеские машины принялись расплзаться в разные стороны.

— Они намерены зажать нас с двух сторон, — напрягся Крейн.

— Приготовьтесь, — проскрежетал металлическим голосом робот. — Нацельте все пушки на Червя справа.

И Кро внезапно бросил машину на врага слева. Из него пыхнули газовые облачка. Но нападение Кро было лишь обманом. Робот с невероятной быстротой развернул Червя к

другому врагу. И бойцы Скуро дружно выстрелили из пушек. Облачка зелёных паров пронеслись, рассекая линный свет, и ударили прямо по машине справа. Вся середина машину тут же исчезла, сметённая газом.

— Один готов! — выкрикнул Крейн.

— Крейин, в нас попали! — вскрикнула Мара.

Когда Кро закончил свой неожиданный манёвр, оставшийся враг выстрелил вновь. Хвостовая часть Червя Крейна внезапно пропала. Гудение силовой установки начало стихать, так как оказались перерезанными важные связи.

— Нас достали! — прохрипел Крейн, — Кро...

Но робот, понимая положение дел, уже действовал. Прежде чем у них полностью упала мощность, прежде чем оставшийся враг смог произвести ещё один залп, Кро швырнул их покалеченного Червя на вражескую машину.

Они с металлическим грохотом врезались во врага, припилив его к зданию. Вражеская машина тщетно пыталась освободиться, не в состоянии применить в такой близости большие газовые пушки.

— Высаживаемся и захватываем их! — крикнул Крейн.

Выхватив висящий на поясе газовый пистолет, он выпрыгнул из покалеченной машины, а за ним последовал и Кро, вместе с орущими бывшими Электроями. Здоровенные металлические руки Кро, с визгом разрываемых петель, сорвали дверцу прижатого к стене вражеского Червя. А затем все бойцы Крейна хлынули во вражескую машину. Рукопашный бой внутри вражеского Червя закончился за считанные мгновения. Бэряне были не чета Крейну и его обезумевшим от крови бывшим Электроям. Когда последние враги пали под сокрушительными ударами металлических кулаков Кро, Крейн остановился, хватая воздух открытым ртом и вытирая пот со лба.

— Дальше поедem на этом Черве, — тяжело дыша, решил он. — Кро, выброси мертвецов.

К Крейну подлетела Мара.

— Должно быть, Сурп узнал, что мы следуем за ним! — крикнула она. — Но откуда?

— От офицеров, спасшихся после боя в базовом лагере, хозяин, — проскрежетал Кро. — Они сбежали на юг следом за Сурпом и могли уведомить его, что мы теперь на Чолу.

— Вот оно, — воскликнул Крейн. — И Сурп расставит и другие засады, поджидающие случая остановить нас. И нам едва ли повезёт вырваться из ещё одной такой западни.

Крейном чуть не завладело мрачное отчаяние. Почти полное истощение сил, как физическое, так и нервное, крошилось под тяжестью сверхчеловеческой ответственности, и он был почти готов признать поражение. Но Крейн заставил себя побороть это чувство.

— Теперь мы не будем двигаться прямо по следу Сурпа, иначе нас уничтожит другая засада, — объявил он. — Нам надо покинуть путь, каким шла его армия, свернуть на юг, а потом на восток, и зайти к бэрянской армии спереди. Этого Сурп ожидать не будет.

— Но это означает, что мы будем следовать через территорию противника — через боевые порядки чолуанцев, которые будут считать нас частью армии захватчиков! — возразила Мара. — Они нападут на нас!

— Придётся рискнуть, — сказал Крейн. — Это лучше, чем напороться на ещё одну засаду. Поехали!

И через несколько мгновений их недавно приобретённый трофейный Червь мчался через пустынные улицы Утики. Но теперь, вместо движения по следу бэрянского воинства на восток к Олбани, они направлялись на юг.

Теперь они мчались при свете луны через нетронутую войной местность. Никаких людей им не попадалось пока, за несколько часов до рассвета они не оказались к востоку от Бингемтона. Там, в одной маленькой деревне, взволнованные толпы слушали на улицах сообщения по радио.

Как только к селянам приблизился здоровенный марсианский Червь, те с воплями ужаса разбежались. Когда Червь быстро промчался через эту деревушку, по корпусу забарабанили выстрелы. Скуро и его бойцы готовы были выпрыгнуть из машины с газовыми ружьями и открыть ответный огонь, но их остановил приказ Крейна.

— Нет, мы не стреляем в землян! Они всего лишь защищаются. О нас им ничего не известно, и они принимают нас за врагов.

— Но они же могут нас уничтожить! — крикнул Скуро.

— Тем не менее мы не станем по ним стрелять, — распорядился Крейн. — При чрезвычайных обстоятельствах — стрелять, но применять лишь лиловые парализующие лучи!

Его последователи, хоть и сомневались, но всё же приняли приказ. Крейн понимал, что от этой деревушки слух полетит на юг, опережая марсианского Червя. Он велел Кро держаться в стороне от главных дорог, объезжая деревни. Когда они повернули через холмы к Скрантону, небо на востоке начало бледнеть. Улицы города стояли покинутыми, а на юг двигались множество автомобилей и толпы людей.

— Их предупредили о нашем приближении, — пробормотал себе под нос Крейн. — Налево, Кро. Нам надо повернуть на восток и направиться здесь через реку, к Нью-Йорку.

Червь промчался по пустым улицам к мосту через реку Лакаванну. Внезапно сердце Крейна ёкнуло. Потому что при въезде на этот мост были навалены высокой, тяжёлой баррикадой стальные швеллеры, которые не смог бы протаранить или переползти даже Червь. А за баррикадой, у установленных на ней пулемётов, укрывались солдаты в хаки. Они уже осыпали Червя пулями.

А с пролетающего над ними самолёта, неподалёку ударил заряд авиапушки.

— Они забаррикадировались, — хрипло произнёс Крейн. — А нам надо переправиться через эту реку, и побыстрому.

— Тогда остаётся только одно, — объявил Скуро. — Разнести баррикаду и солдат из наших газовых пушек!

Глава XXII. Гибель Кро

Крейн вновь столкнулся лицом к лицу со страшной дилеммой. Он не мог приказать перебить этих солдат, ведь они были жителями Земли и просто выполняли свой долг. И всё же, если он этого не сделает, Червя вскоре уничтожат из левой пушки, которая теперь находилась вполне на дистанции уверенного поражения. Её снаряды с каждым мгновением падали всё ближе и ближе.

Пока Крейн стоял в нерешительности, действовать принялся Кро. Огромный робот вышиб дверь Червя и вынырнул наружу, с бомбой усыпляющего газа в одной руке.

— Я смогу расчистить дорогу, хозяин! — прокричал металлическим голосом робот.

— Подожди, Кро! — крикнул Крейн, но робот уже бежал к мосту. Ударил парализующий луч.

Могучее металлическое тело Кро ярко блестело в лучах восходящего солнца, когда тот подбежал к высокой баррикаде. Укрывшиеся за грудой швеллеров солдаты на какой-то миг даже перестали стрелять, окаменев при виде несущегося на них металлического чудовища.

А затем они навели на робота винтовки и пулемёты. Пули градом забарабанили по массивному торсу Кро. На него посыпалась шрапнель от разрывающихся снарядов. Какой-то выстрел вышиб у него из руки бомбу. А Кро продолжал бежать! Он всё бежал и бежал, пока не добрался до груды швеллеров. Металлический великан, с его невероятной силой, поднял из этой груды здоровенный швеллер и отшвырнул в сторону. И отбросил в сторону ещё один, быстро расчищая проход среди этой путаницы стали.

Солдаты, спрятавшиеся за баррикадой, теперь садили по бронепластинам робота, пули отскакивали от всех частей его металлического тела. Но Кро, работая с безумной скоростью, уже расчистил часть баррикады. Тут Крейн увидел, что робот пошатывается, словно тяжело ранен.

— Вернись, Кро! — заорал Крейн. — Мы прорвемся!

Повинуясь Крейну, Кро повернулся и, пошатываясь, возвратился к двери Червя. Ввалившись в него, он с лязгающим грохотом упал на металлический пол.

Крейн уже запрыгнул за рычаги и врубил мощность. Червь пулей рванул к баррикаде. Его осыпали градом шрапнели и пуль. Крейн приподнял головную часть Червя на манер кобры, и машина, словно змея, перевалила через уже частично расчищенную Кро часть барьера, и промчалась через мост, задевая по пути стреляющих солдат.

Когда мост остался порядком позади, Крейн направил Червя по дороге на максимальной скорости.

— Крейн, Кро ранен! — крикнула Мара.

Крейн резко остановил Червя посреди пустой дороги и повенулся к роботу. Кро по-прежнему лежал на полу, рядом с склонившейся над ним Марой. Покалечили робота ужасно. Пули вышибли ему оба глаза-линзы. Между сочленениями его металлического тела всё порвано осколками шрапнели. Крейн понял, что электрическая жизнь робота прерывается. Сложный внутренний механизм мозга и нервной системы Кро был капитально повреждён и уже не поддавался никакому ремонту.

— Кро! — хрипло вскрикнул он. И увидел, как слабо шевельнулись огромные металлические конечности робота, и услышал его затихающий шёпот.

— Да... хозяин...

И с этим предсмертным шёпотом странная жизнь Кро иссякла. Он лежал на полу Червя инертной массой металла.

— Он умер, — заплакала Мара. — Его механизм никто и никогда не мог отремонтировать, кроме Дандора.

У Крейна на глазах навернулись слезы. Верный металлический слуга, из последних предсмертных сил пытающийся ему ответить.

— Никогда не думал, — произнёс Крейн с комом в горле, — что кто-то мог бы проливать слёзы из-за робота.

Он побрёл обратно к рычагам и снова стремительно погнал Червя вперёд, теперь уже по открытым полям.

— Глядите... над нами! — крикнул Скуро, показывая сквозь одно из маленьких окон назад и вверх.

Крейн оглянулся и увидел четыре самолёта, пиркирующих на них с поднявшимся до крещендо рёвом.

— Бомбардировщики! — выкрикнул он.

Но ещё когда он кричал, рёв авиомоторов внезапно стих. Однако даже при сдохших моторах армейские бомбардировщики неслись к ним, готовясь сбросить бомбы. Огромные бомбы падали повсюду вокруг несущегося Червя — здоровенные фугасы, начинённые самой смертоносной взрывчаткой, известной земной науке. Но бомбы не взрывались. Они раскрывались, лопаясь, и начинявшая их взрывчатка медленно горела.

— Слава Богу! — воскликнул Крейн. — Мы уже в радиусе антикаталитического поля Сурпа.

При сдохших моторах, бомбардировщики медленно планировали к земле. А Крейн отчаянно гнал Червя дальше и

далее. Когда они ворвались в тесное скопление пригородов Нью-Джерси, то оказались, на улицах, по которым толпами текли потоки испуганных беженцев, спасавшихся бегством пешком, на велосипедах или на лошадях, но не автомобилях. В радиусе поля антикатализатора Сурпа двигатели внутреннего сгорания не работали.

Теперь Червь мчался сквозь толпы беженцев, и те в ди-ком страхе шарахались в стороны, винтовки марширующих солдат разворачивались в их сторону, но не стреляли. Наконец Крейн повернул Червя на пандус, ведущий на эстакаду «Пуласки». Та тоже оказалась забита спасающимися за городом беженцами, которые в ужасе бросались в разные стороны при виде марсианской машины.

— Видишь, Крейн... армии Сурпа уже рядом! — прокричала Мара, указывая куда-то вперед.

Далеко на севере, к востоку, в мареве утреннего солнца поднимались столбы дыма и пыли. Столбы разрушения, отмечающие марш бэрянских армий на Манхэттен.

— Через час они будут в Нью-Йорке! — воскликнул Крейн.

Червь летел по Эстакаде как гигантский питон, а мимо в противоположную сторону текли потоки беженцев. Казалось, минула целая вечность, прежде чем Крейн увидел впереди вход в Голландский туннель.

Туннель этот извергал постоянный поток пеших беженцев. Но из его чрева не появлялось никаких автомобилей, и едва ли хоть одна машина находилась в самом туннеле, поскольку антикаталитическое поле остановило все машины в мегаполисе, прежде чем население поверило в реальность этого невероятного вторжения и бросилось спасаться бегством. Крейн погнался Червя прямо сквозь эту облицованную белой плиткой трубу. Вопящие мужчины и женщины в ожидании смерти прижимались к стенкам по обе стороны туннеля, когда Червь проносился мимо. Глаза Крейна так и пылали, когда он, наконец, погнался Червя по Восьмой авеню.

Нью-Йорк представлял собой безумный водоворот. Мужчины, женщины и дети бежали к мостам и туннелям. Радиопередатчики ревели, словно трубы Страшного суда.

— Покиньте город! Покиньте город! Захватчики уже здесь!

В удивлении глядя на огромный мегаполис и его охваченные безумным страхом толпы, Мара показала на север.

— Подходят армии Сурпа!

Крейн увидел вспыхивающие на севере облачка зелёных паров и зловеще поднимающиеся тучи дыма и пыли.

Он безжалостно гнал Червя к этой висящей к северу от Манхэттена пелене дыма и уничтожения. К тому времени когда они добрались до Морнингсайд Найтс, там уже не было никаких беженцев. Но теперь они повстречали солдат — тысячи одетых в хаки военнослужащих регулярных вооружённых сил и ополчения, в беспорядке отступавших, сжимающих словно дубинки свои бесполезные винтовки.

Защитники Земли, отступающие перед напирającym врагом, против которого их оружие было бесполезно! Червь протискивался сквозь войска, продвигаясь на север по верхнему Бродвею, к широким просторам парка Ван Кортланда.

— Войска Бэры! — выкрикнула принцесса Мара.

Марсианские войска наступали, вытянувшись через город широкой линией. Сотни огромных Червей, постоянно скользящих вперёд, пускающих в ход газовые пушки, сметающие с пути все баррикады и попытки сопротивления. И среди них двигалось два Червя, тащивших подвешенный между ними огромный полусферический антикатализатор.

Филип Крейн погнал Червя прямо к фронту марсианского наступления. И когда он остановился, сотни Червей на противоположной боевой линии тоже остановились, словно изумлённые видом идущего им навстречу товарища.

Они сошлись на точке, занимаемой неподвижной машиной Крейна. Их газовые пушки зловеще повернулись к ней...

— Сурп приказал им уничтожить нас! — вскрикнула Мара. — Он знает, что это мы, Крейин.

Но Крейн уже рывком распахнул дверь Червя. И выпрыгнул на траву, а Мара — следом за ним.

Когда Крейн побежал к марсианским Червям, его развевающийся королевский багряный плащ вспыхнул, блистая на солнце. И из остановившихся Червей выплеснулись взволнованные бэряне.

— Король Лану! — изумлённо закричали они.

Глава XXIII. План Крейна

Наступление марсианских войск полностью остановилось, словно им внезапно был отдан приказ. Из Червей хлынули бэрянские офицеры и солдаты, изумлённо глядя на Крейна и Мару. И среди них был и Сурп. При виде Крейна жёсткое лицо этого массивного вельможи побагровело от ярости. В глазах Сурпа горели ненависть и страх.

— Это не король Лану! — крикнул он поражённым бэрянам. — Это всего лишь сводный брат короля.

— Это правда, бэряне, — повысил голос Филип Крейн, — я не Лану, а его сводный брат. Сам же Лану мёртв.

— Мёртв? — выкрикнули сотни бэрян.

— Да, мёртв! — воскликнул Крейн.

— Сурп оставил Лану в базовом лагере на севере, не больным, как вы полагаете, а заключённым. И отправляясь в поход, Сурп оставил приказ убить Лану, так как Сурп сам стремится к трону. Вот его родной сын Лигор и убил короля.

При этом обвинении поднялись крики ярости. Сурп быстро повысил голос, резко выкрикивая отрицание.

— Это неправда! — проревел аристократ. — Если король мёртв, то убил его, без сомнения, этот беспородный брат-полукровка. Именно этот полукровка, наполовину чолуанин, наполовину бэрянин, и стремился захватить трон Лану, а вовсе не я.

— Это правда! — выкрикнула своим серебряным голосом принцесса Мара. — Я видела, как Лигор убил Лану прежде чем сам был убит.

— Мой сын убит? — вскрикнул Сурп. Лицо его на мгновение искривилось от ненависти и смешанной с яростью.

— Лану завещал королевскую власть своему брату Крейину, стоящему рядом со мной, — прокричала Мара бэрянским войскам. — Знать и солдаты Бэры, теперь он ваш законный король.

Сурт окаменела потом и резко развернулся, крикнул ошеломлённой армии.

— Неужели вы поверите лжи этой принцессы? — прорычал он. — Да она же влюблена в этого нечистопородного и, вероятно, помогла ему убить короля Лану, чтобы он смог занять трон.

Жители Бэры, неужели вы возьмёте себе в короли этого лживого полукровка? Или же примете в короли меня — чистокровного бэрянина, не обязанного ничем Чолу, а думающего только о возрождении Бэры и освобождении Электроев.

Бэряне казались ошарашенными этим навязываемым им выбором. И молча уставились во все глаза на Сурпа и Крейна.

Уязвленный ложью Сурпа, Филип Крейн ответил:

— Бэряне, не верьте Сурпу! Он вообще не собирается освобождать Электроев! Потому что среди Электроев насчитывается множество врагов Сурпа, которых тот выпихнул в среду фантомов, прибегнув к жульничеству на Жеребьёвке.

Среди всего бэрянского войска полыхнул неразборчивый рёв ярости. У каждого из бойцов в этом воинстве была мечта об освобождении Электроев. Именно ради этой мечты они и отправились в эту экспедицию, именно ради неё они и рвались к морям Земли.

— Это правда, Сурп? — закричали сотни разъярённых голосов.

— Суцая правда, — провозгласила Мара. — Лигор мне сам похвалялся тем, как его отец годами манипулировал с Жеребьёвкой, и хвастался, что когда Сурп взойдёт на престол и Бэра воскреснет, Электрои никогда не будут освобождены.

Сурп попытался отрицать это страшное обвинение, и не смог. Лицо его выглядело ужасным, когда он увидел, как рушится столь долго возводимое им строение из преступлений и амбиций. Его полные муки глаза, с изумлением остановились на Филипе Крейне. В них горела страшная ненависть.

— По крайней мере, нечистокровный... — повторил он придушенным голосом слова сына, — я прихвачу с собой тебя!

Он выхватил из-за пояса газовый пистолет. Но Крейн прыгнул раньше, чем аристократ успел поднять оружие. В прыжке он вышиб из руки Сурпа газовый пистолет. А затем они с вельможей сцепились в смертельной схватке.

Затянутые пеленой гнева глаза Крейна бросили взгляд на Мару и Скуро, наблюдавших схватку с каменным выражением лица, и смутно расслышал крик бэрянских солдат. Все застыли в неподвижности наблюдая за их поединком. Как ни был измотан Крейн, он почувствовал мощный прилив

сил, словно ему придала сил память о жертвах Сурпа — о Дандоре, Лану, Кро и всех остальных. Он схватил Сурпа за горло и сжал изо всех сил. А сокрушительных ударов массивного Сурпа он, казалось, не чувствовал. А затем Крейн смутно понял, что Скуро и Мара поднимают его на ноги.

— Сурп! — прохрипел он.

— Мёртв, — прошептала принцесса и содрогнулась.

И теперь Крейн увидел, что Сурп лежит без движения, с вылезшими из орбит глазами, с посинелым в смерти лицом.

Мара рыдала, прижавшись к Филипу Крейну, когда тот, пошатываясь стоял, хватая воздух широкооткрытым ртом.

Воцарилась мёртвая тишина, покуда бэрянская армия молча таращила глаза. Затем к Крейну обратился какой-то офицер.

— Ты, который доводился Лану братом, — наш законный король, хотя ты лишь наполовину бэрянской крови, — провозгласил офицер. — Мы провозгласим тебя королём, если ты пообещаешь не дать твоей чолуанской крови повлиять на тебя, если ты пообещаешь вести нас к морю, тобы мы получили воду, которая нужна Бэре.

— Нет, — объявил Крейн с болью, но прямо встретив вопросительные взгляды бэрянских солдат. — Дальше я вас не поведу. Это вторжение на Чолу должно прекратиться! Мы не станем ради возрождения Бэры лишать Чолу морей и превращать эту планету в пустынный мир.

Лица слушавших его бэрянских солдат и офицеров сделались жёсткими и враждебными.

— Мы не можем остановиться! — воскликнул тот офицер, который ранее выступил от имени всех. — Нам тоже, как и тебе, сильно не по душе это вторжение, это уничтожение. Нам, как и тебе, тоже очень не нравится превращать Чолу в пустыню. Но на первом месте у нас стоит Бэра! Мы должны добыть воду для Бэры.

— Но мы можем добыть воду для Бэры, — с серьёзным видом воскликнул Крейн, — и не беря ни капли воды Чолу!

— Как? — спросила сотня скептических, недоверчивых голосов.

— Мы можем взять для Бэры лёд Чолу! — выкрикнул Крейн.

В его голосе пульсировало отчаянное нетерпение, постоянно переполнявшее его с той поры, как у него появилось то великое вдохновение. И он изложил бэрянам свой план.

— В полярных областях Чолу залегают миллионы тонн замёрзшей воды. Они покрывают огромный Антарктический континент ледовым панцырем толщиной в тысячи футов. И на огромном острове Гренландия он лежит такой же толстый, да и во всех прочих районах северного приполярья. Этот лёд для Чолу только вреден. Он держит почти треть этой планеты переохлаждённой, слишком холодной для человечества. Он порождает сильные холодные бури, которые являются настоящим бичом этого мира, делая зимы лютыми, мешая жить всем на Чолу. И эта колоссальная масса льда, без которого Чолу будет только намного лучше, воплощает в себе достаточно воды для заполнения всех давно пересохших морей Бэры! Бэра — планета значительно меньше этой, и моря на ней не такие большие. Переброшенный через передатчики материи на Бэру лёд Чолу растает, став морями, и превратит Бэру в зелёный, плодородный, счастливый мир... Таким образом, оба мира одинаково выиграют. Бэра — получая воду, которая возродит её и сделает возможным освобождение трагических орд Электроев. А Чолу, Земля — получит не меньшую выгоду благодаря удалению огромных ледовых шапок, что сделает Землю более тёплой и создаст пригодные для человеческого обитания новые земли в полярных регионах севера и юга.

Взгляд Крейна скользнул по стоявшей перед ним безмолвной толпе.

— Жители Бэры, — крикнул он, — разве такой план не лучше, чем украсть воду у Чолу и оставить её пустынным, озлобленным миром?

Лица бэрян зажглись нетерпением.

— Да, твой план намного лучше! — прокричал, сверкая глазами, стоящий перед ним офицер. — Нам никогда не хотелось причинять вред этой планете. Мы только отчаянно старались спасти свою.

И со стороны всего бэрянского воинства раздался радостный крик одобрения. Мара подняла к Филипу Крейну мокрое от слёз, сияющее лицо.

— Ты преуспел! — воскликнула она. — Тебе удалось добиться того, чтоо я считала невозможным: не причинить вреда и тому и другому из двух миров и найти способ принести выгоду им обоим.

Крейн чувствовал себя страшно усталым и ослабевшим. Он привлёк к себе бэрянскую принцессу.

— Я должен был найти какой-то способ, Мара, — нетвёрдым голосом прошептал он. — Ведь в моих жилах течёт кровь двух миров. Я не мог быть неверным ни тому ни другому из них.

Тут им бухнул по ушам громовой, ликующий крик бэрянских солдат.

— Да здравствует Крейин, король Бэры! — кричала они.

У Крейна все поплыло перед глазами. И странное дело, в тот миг его мысли перенеслись в далёкое прошлое, к давно умершему мужчине огромного роста, который некогда сижел, уставившись невидящим взором в бездонное звездное небо.

— Отец, ты слышишь? — прошептал он. — Слышишь?..

Эпилог

Над голой равниной на месте уничтоженного газовыми пушками канадского леса воцарилась ночь. Тисячи мерцающих звёзд глядели с вышины на происходящую там странную сцену. Огромный диск передатчика материи переливался голубым свечением. В последние дни он целыми подразделениями перебрасывал бэрянские войска обратно на их родную планету, обратно на ту красную искорку, которая ярко сверкала на усыпанном звёздами восточном небе.

Неподалёку от этого переливающегося диска стоял Филип Крейн, высокий, выглядящий в своём королевском бэрянском костюме из багряного шёлка и металла настоящим инопланетянином. На переливающемся диске его ждали Скуро и сотня бэрянских солдат. Повсюду вокруг диска за происходящим замороженно наблюдали американские и канадские солдаты и официальные лица.

Как раз с одним из этих официальных лиц и разговаривал Крейн — с президентом Соединённых Штатов. Рядом с

Крейном стояла принцесса Мара, а неподалёку находились Джон Мартин, Кей и Скотт Фултон.

— Это последнее бэрянское подразделение, — проговорил Филип Крейн.

Президент серьёзно кивнул.

— Всё случившееся кажется похожим на сон, — заметил он. — Сперва это ужасающее вторжение, потом неожиданное перемирие, и предложенный вами великий план. Неудивительно, что мир сперва не мог поверить.

Крейн кивнул. Это был волнующий период. Уже недели прошли с того дня, когда он остановил марсианские армии на самом краю Нью-Йорка. Когда Крейн уведомил официальных лиц Земли, что вторжение остановлено и что марсианские войска желают заключить перемирие, те сначала проявляли понятное недоверие. Ещё больше недоверия правительства Земли проявили, когда Крейн выдвинул свою великую идею переправы огромных запасов земного пакового льда как воду на Марс. Между Крейном и представителями всех правительств Земли прошли спешно организованные конференции. И когда представители земных правительств выяснили, что Крейн действительно может сделать то, что он предлагал, то вся Земля с безмерной радостью и облегчением согласилась с этими предложениями.

Привезённые марсианами на Землю передатчики материи будут здесь и оставлены. Землян обучили пользоваться ими, и эти машины уже установили на огромных ледяных шапках Гренландии, северных приполярных землях и Антарктиде. Завтра же они начнут транспортировку льда на Марс, где его растопит солнце Бэры, превращая в новые моря.

Ущерб, нанесённый марсианами во время их рывка к морю, будет более чем компенсирован тем, что марсиане при помощи своей техники удалят с Земли лдяную корку. А это в свою очередь приведет к изменению климата — к всеобщему потеплению. Освободятся скованные льдом приполярные земли. Кроме того, марсиане передадут землянам новые приборы и механизм, что должно вызвать новый втокнауки... А то счастливое обстоятельство, что рывок марсиан к морю унёс не так уж много жизней, облегчило проведение переговоров...

— Земля уже предвкушает будущую дружбу с Марсом, — говорил между тем президент Филипу Крейну. — Эти передатчики материи сильно облегчат торговлю и путешествия между двумя планетами... Огромное расширение человеческих горизонтов!

Теперь с Крейном заговорил Джон Мартин, на лице которого до сих пор сохранилось странное и безмерное удивление.

— Подумать только, Филип, что всё это произошло из-за той липовой радиопередачи, которую ты услышал тем вечером!..

Кей ничего не сказала, продолжая не сводить взгляда с Крейна. Теперь же она нарушила молчание.

— И ты собираешься вернуться на Марс, Филип?

Крейн кивнул, глядя ей в глаза.

— Я должен, Кей. Ведь я теперь король Марса... меня ждёт много дел. Полученную из земного льда воду надо направить на дно надлежащих морей. Надо отстроить развалины городов, и как можно скорее освободить Электроев. — Тут он улыбнулся. — Но Землю я не забуду! Мой долг зовёт меня в мир моего отца, но я при любой возможности буду возвращаться на Землю.

— Мы будем возвращаться, Крейин, — прошептала Мара.

Тёмные глаза бэрянской принцессы сияли, а её изящная рука сжимала предплечье Крейна.

Кей улыбнулась, хотя в глазах у неё проглядывала тень грусти.

— Я ещё там, на Бэре, поняла, что ты полюбил её, Филип, — сказала земная девушка. — Я поняла это по твоему лицу, ещё той ночью во дворце, когда ты вернулся от неё. И я рада, что всё так обернулось.

— И я тоже рад, Крейн! — усмехнулся Скотт Фултон, беря под руку Кей. — При тебе в сотне или около того миллионов миль отсюда, я, возможно, сумею заставить Кей прислушаться к голосу разума.

Тут Крейна позвали инженеры, манипулирующие над пультом управления огромного передатчика материи — теперь они управляли этой большой машиной.

— Всё готово к вашему отлёту!

— До свидания, всем вам! — задохнулся от эмоций Крейн.

И нетвёрдо повернулся, чтобы покинуть их.

А затем, высокий и внушительный в своём блистательном багряном королевском плаще, он вместе с Марой подошел к мерцающему диску.

Скуро и другие ждущие на диске бэряне крикнули приветствие. И заворуженно наблюдающие за происходящим земляне увидели стоящего среди бэрян Крейна и гордую стройную фигуру Мары рядом с ним, когда Крейн прощально взмахнул рукой.

Тумблеры переключили. Зрители увидели вырвавшуюся из диска ослепительную вспышку силового поля, преобразующую стоящих на нём в сияющие облачка, которые с непостижимой скоростью швырнуло в усыпанное звездами небо, к красной искорке на востоке, к ждущему их на Бэре передатчику материи.

— Он улетел, — прошептала Кей и внезапно расплакалась.

Скотт Фултон утешающе привлёк её к себе. А Джон Мартин, глядя на сверкающие в небе звёзды, звёзды, с которых долгие годы назад прибыл отец Филипа Крейна, медленно кивнул большой головой.

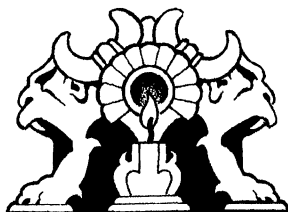
— Да, он улетел, — медленно произнёс Мартин. — Улетел домой.

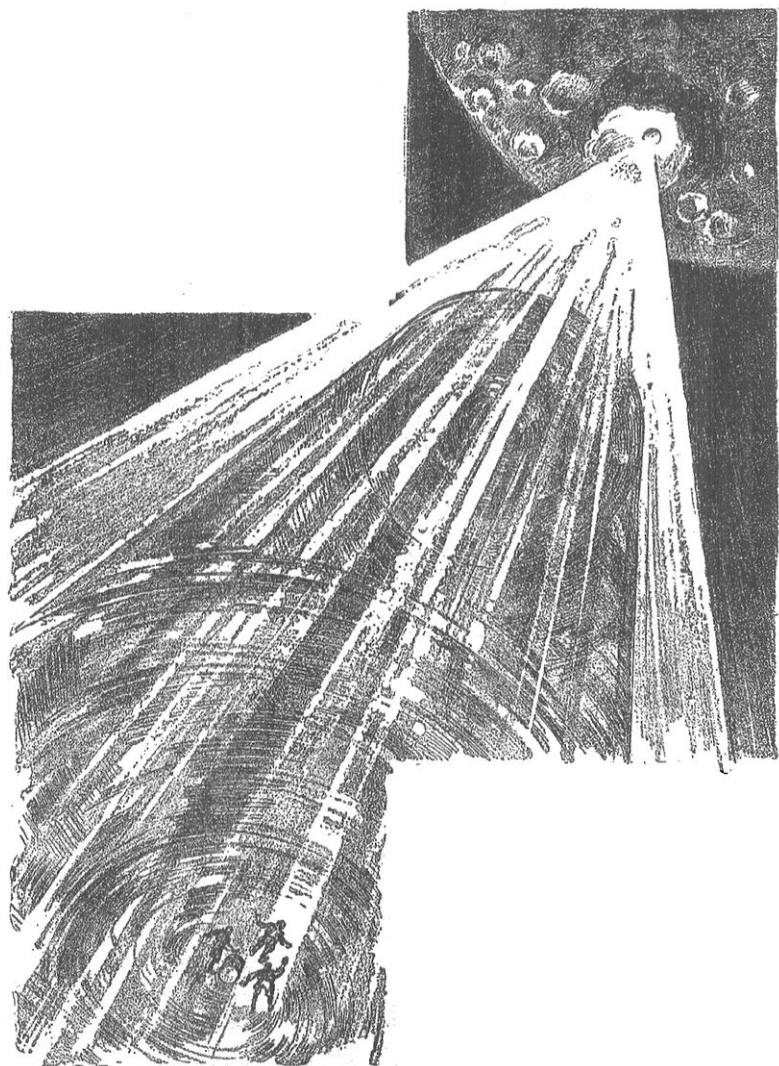

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

The Other Side of the Moon

журнал «Amazing Stories Quarterly», Full, 1929

Глава 1. Сенсация Хауленда

Только сейчас, начиная описание нашего невероятного приключения, я осознал наконец, насколько обрывочным и неполным должен получиться этот рассказ. Потому что только сейчас, оглядываясь на события, я сознаю, сколь многое из них осталось и останется навсегда неизвестным. Даже я, Мартин Фостер, один из тех, кто проник в самое сердце древнего ужаса, что затаился на обратной стороне Луны, могу предложить лишь жалкое толкование всего, что я испытал и увидел. Вот по какой причине эти записки должны с самого начала оставаться исключительно личными.

Для меня всё началось с сенсации Хауленда, поразительного исчезновения доктора Германа Хауленда и четырёх его учёных коллег в районе Юкатана, которое много дней не сходило с заголовков газет. Эта сенсация потрясла Университет Среднего Запада, где Хауленд вёл кафедру антропологии, а я был простым младшим преподавателем химии. Догадки, споры, слухи, вспышки всеобщего возбуждения взбудоражили кампус на нескольких недель. Однако, в конце концов, всё это дало подлинной информации не больше, чем первые сенсационные сообщения газет. И, как нахожу я сейчас, именно в тех статьях давалось наиболее ясное и полное представление о главных чертах этого трагического события.

За несколько лет до начала написания этой истории доктор Хауленд с головой ушёл в новую теорию происхождения человечества, которую он создал и старался доказать. Он был уверен, что в доисторические времена длинная цепочка островов связывала современную Центральную Америку с северо-западной Африкой и что таким путем, по цепочке островов, от которой остались Западная Индия и Азоры, люди и животные распространились на Американский континент. Для подкрепления своей теории он совершил ряд экспедиций в Центральную Америку, главным образом, на

Юкатан, и собрал массу свидетельств, стремясь представить этот регион в качестве первого центра жизни в западном полушарии. Эти свидетельства, состоящие в сходстве людей, животных, растений и даже насекомых этого района с обитающими в северной Африке, были представлены его коллегам-антропологам в пику их резкому неприятию его теории. Разногласия Хауленда с коллегами и стали причиной для организации комплексной экспедиции на Юкатан, предназначенной доказать его теорию, чтобы не осталось ни малейшей тени сомнения.

И вот, наконец, в начале апреля такая экспедиция отправилась из Университета Среднего Запада. Доктор Хауленд, несмотря на свою молодость, был назначен её главой, и она включала пятерых его учёных коллег, которые, как считалось, в целом обладали знаниями, достаточными для полного освещения вопроса. В ту экспедицию вошли доктор Эразм Виллингс, возглавлявший кафедру общей биологии; доктор Джон Боркофф, зоолог; профессор Александр Грант, ботаник с мировым именем; профессор Вильям Глиц, энтомолог, и молодой доктор Ричард Карсон, геолог, который был близким другом доктора Хауленда и моим. Полагалось, что такое содружество научных талантов не может не собрать все научные доказательства истинности теории доктора Хауленда, какие только можно найти, и когда в апреле экспедиция выступила на Юкатан, казалось несомненным, что они вернутся с полным подтверждением или опровержением этой теории.

В конце апреля до нас дошли известия, что экспедиция достигла городка Прогресо на побережье Юкатана и готовится к путешествию в малоизученный внутренний район. Согласно плану, участники экспедиции должны были на туземных каноэ с гребцами пройти как можно дальше вверх по извилистой реке Карахос, по мере своего продвижения обустроявая лагеря и используя их как базы для исследований. Эту первую весточку от Хауленда университет встретил с огромным интересом, особенно мы с моим приятелем, младшим преподавателем химии Харланом Трентом, который в те времена вместе с Хаулендом и Карсоном входил в наш круг близких друзей. Однако первое сообщение включало лишь вести, которые за это время

до нас уже доходили, тогда как несколькими днями позже от Хауленда пришло известие, что экспедиция находится в начальной точке подъёма по реке, который автоматически оборвёт их связь с нами и внешним миром.

Хауленд и пятеро его коллег с дюжиной туземцев отправились из деревеньки в устье Карахос вверх по реке, пробираясь в тёмные глубины запутанных юкатанских джунглей, к которым даже аборигены относились с благоговейным страхом. Минуло три недели без единой весточки от Хауленда и его экспедиции, и можно было лишь догадываться, как всё это время они пробирались вглубь страны мимо невысоких унылых холмов, двигаясь против течения их водной дороги среди обступающих её джунглей. И вот в конце третьей недели пришли известия, неожиданные, поразительные известия из деревни в устье реки Карахос — краткое, ошеломляющее сообщение. Доктор Ричард Карсон, утверждало это сенсационное сообщение, был найден в бессознательном состоянии плывущим вниз по Карахос в большом каное, перегруженном мёртвыми телами четырёх его спутников: Виллинкса и Боркоффа, Глица и Гранта. Не было ни следа ни Хауленда, ни гребцов экспедиции, а Карсон не выходил из состояния комы, в котором его нашли.

Это незамысловатая первая весть о трагедии немедленно забросила до сего времени незаметную научную экспедицию на первые страницы газет всего мира и буквально сразила всех сотрудников Университета Среднего Запада. Ровно через десять часов поступило второе сообщение, что ещё сильнее подогрело сенсацию. В нём говорилось, что всё ещё остающегося без сознания Карсона и тела его четырёх друзей отвезли из деревни в Прогресо, и медики тщательно исследовали все четыре тела. Было установлено, что несчастные погибли не из-за каких-то внешних повреждений. Но, по всей видимости, они взорвались изнутри, что представлялось полностью необъяснимым. Врачи решили, что изуродовать их до такой степени могла бы только некая ужасающая и непредсказуемая сила, следовательно, обстоятельства их смерти мог прояснить только Карсон.

Однако Карсон, переживший ужас неведомой трагедии, произошедшей в мрачных юкатанских джунглях, не прихо-

дид в сознание в течение двух суток. Очнувшись, он прояснил загадку в нескольких ни с чем не соотносящихся словах. Как сообщил Карсон, он с экспедицией две недели успешно продвигался вверх по реке, останавливаясь лишь для того, чтобы разбить лагерь на её берегах, и в четвёртом или пятом лагере и случилась беда. Карсон, по его словам, снедаемый страстью к геологии, отошёл от лагеря, чтобы обследовать несколько громадных камней выше по реке, он отчётливо видел дорогу благодаря свету висевшей над головой полной луны. Он сказал, что закончил изыскания и возвращался в лагерь, когда полыхнула ярчайшая вспышка сверкающего света. Он бросился вперёд, но лагерь оказался уничтожен. Геолог нашел разбросанные по земле изувеченные тела своих четырёх друзей и двенадцати туземцев, в то время как следы у берега реки показывали, что там загадочная смерть поразила Хауленда. Начальник экспедиции упал в воду, и его тело унесло течение. Карсон, решив, что всю группу, кроме него самого погубила гигантская молния, погрузил тела друзей в одно из каноэ, выкопал в мягком песке могилу для гребцов, после чего отплыл, устремившись вниз по реке, и через нескольких дней ужасающего путешествия, истощенный после нервного потрясения, потерял сознание. К счастью, его нашли, когда каноэ со страшным грузом принесло к деревушке в устье реки.

Так, ко всеобщему удовлетворению, осветила абсолютно непостижимую гибель экспедиции история Карсона. Странные эффекты воздействия молнии на человеческое тело хорошо известны, и лишь такой причудой сил природы можно было объяснить состояние тел. Поэтому объяснение Карсона было официально принято властями Прогресо и отправлено руководству Университета Среднего Запада. На самом деле кое-кто в Прогресо заявлял, что к месту трагедии нужно послать следственные органы, но это заявление не поддержали ни Карсон, ни представители властей. Было указано, что из такого путешествия не удалось бы узнать ничего нового, а тело Хауленда из водоворотов Карахоса вернуть невозможно. К тому же из-за трагедии суеверный страх туземцев перед джунглями возрос настолько, что никого из них не удалось бы заманить в подобный поход. Итак, вопрос объяснился к

удовлетворению большинства, власти Просперо успокоились, и Карсон отплыл к дому.

Ко времени прибытия Карсона в Америку сенсация, неделю не сходявшая с заголовков национальных газет, значительно поостыла. Загадка гибели Хауленда и его друзей объяснилась, пресса быстро забросила вопрос, формально выразив сожаления о потере пяти таких выдающихся учёных. Даже в Университете Среднего Запада первый шок и возбуждение от трагедии уже прошли, и хотя её до сих пор обсуждали, она больше не являлась единственной темой для разговора. Казалось, даже руководство университета допустило, что чиновники Прогрессо правы в своём убеждении, что из этого дела больше ничего не удастся извлечь. Так что, хотя ко времени прибытия Карсона слова сожаления и тому подобные ещё были у всех на устах, никто не счёл их поводом для дальнейших действий.

Что же до Харлана Трента и меня, то нас объяснения трагедии совершенно не удовлетворили. После первого шокирующего сообщения мы упорно следили за многословными статьями газет, и нам, являвшимся ближайшими друзьями Хауленда, совершенно не верилось в такой поворот дела, при котором Карсон мог бы вернуться, не предприняв попыток узнать о судьбе своего друга. Поэтому нас переполняли вопросы, которые мы жаждали обрушить на него сразу после его возвращения. Однако вышло так, что лишь едва не двадцать четыре часа спустя после приезда Карсона, когда мы втроём молча курили в моих комнатах, и дым из наших трубок мешался с проникавшими через открытые окна ароматами тёплой майской ночи, мы обратились к нему с вопросами.

После наших расспросов тот какое-то время молчал, его решительное лицо оставалось серьёзным, а глаза не отрывались от чего-то вдали. Затем он, наконец, обернулся к нам.

— Нет, — сказал он в ответ на наш первый вопрос. — Тело Хауленда не найти, — он прервался с какой-то отчуждённостью во взгляде и затем добавил: — Это невозможно, потому что Хауленд всё ещё жив.

Мы уставились на него с возгласами изумления, а потом заговорил Трент.

— Хауленд жив! — повторил он звенящим от напряжения голосом.

— Но тогда почему ты его оставил, Карсон? И в какой он земле?

Вместо ответа Карсон несколько раз смерил нас изучающим взглядом и отвернулся к открытому окну. За ним лежала тёплая темнота майской ночи с ещё более тёмными громадами деревьев и контурами зданий, вырастающими из темноты. Надо всем этим, склоняясь от зенита к западному горизонту, висела растущая Луна, большой, сияющий серебром серп в небесах. Некоторое время Карсон молча созерцал её яркий полумесяц, затем обернулся к нам, удивлённо замершим за его спиной.

— Хауленд вовсе не на Земле, — тихо сказал он. — Хауленд... где-то на Луне!

— На Луне?!

Одновременно воскликнули мы с Трентом, всё ещё оставаясь в замешательстве от заявления Карсона; но тот невозмутимо кивнул и начал свой рассказ.

Глава 2. Лунные рейдеры

Я многое могу рассказать вам... многое, о чём не мог говорить, когда вернулся в Прогресо. Я осмелюсь поведать об этом лишь вам двоим, тем, кто знает меня и способен поверить. Мой рассказ прозвучит невероятно, но, я думаю, вы поверите. Расскажи я что-то такое крестьянам Прогресо, они сочли бы, что я свихнулся, и, подозреваю, обвинили в убийстве собственных друзей. Так что ради себя самого — и ради Хауленда — я дал им возможность считать так, как считают теперь все: гигантская молния уничтожила нашу экспедицию. Но это была не молния! Эта сила могущественнее и гораздо ужаснее молнии. На Земле лишь я знаю о ней, и я не рискну рассказать о ней никому другому.

История, что я рассказал в Прогресо, правдива до определённой точки. Мы, как я и говорил, сделали несколько переходов вверх по реке, сооружая через равные расстояния лагеря по её берегам и используя их как базы для наших исследований. Боркофф и Грант занимались фауной и флорой

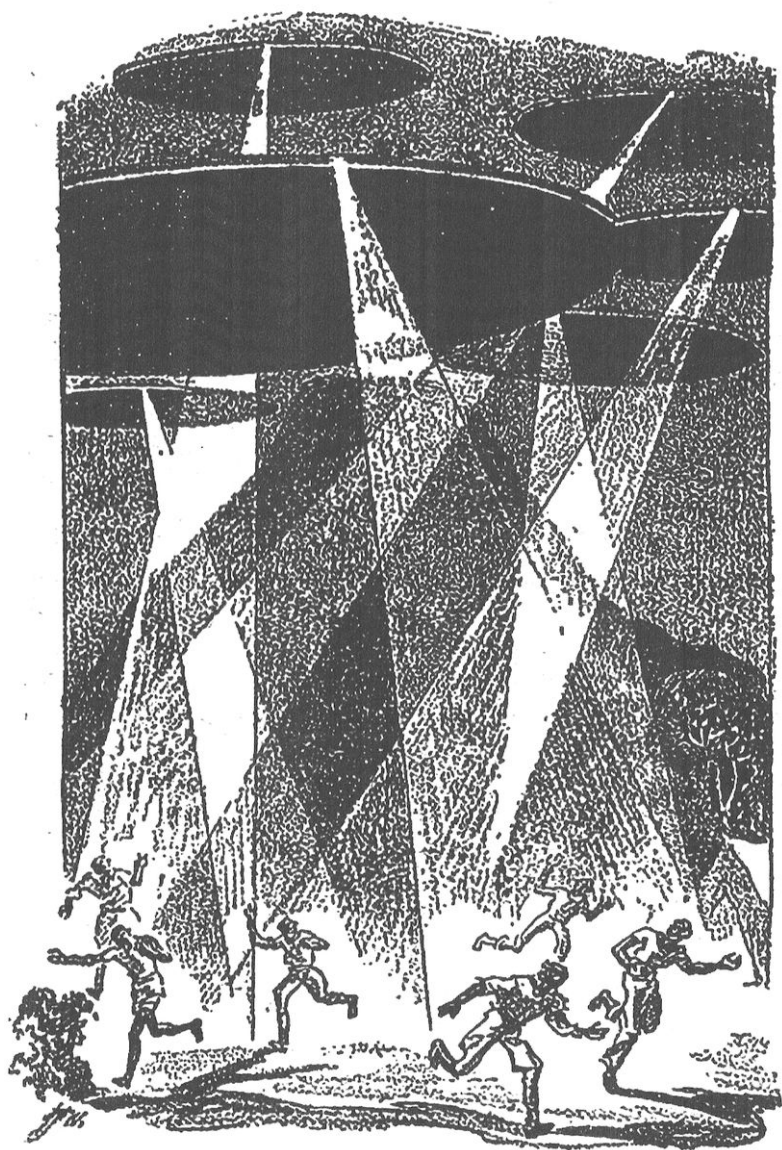
района, классифицируя и описывая необычные признаки животных и растений, которые могли подтвердить наличие связей с похожими животными и растительными видами Африки. В то же время Глиц, энтомолог, классифицировал образцы насекомых, похожих на африканских, тогда как Хауленд и Виллингс обобщали и систематизировали по степени важности доказательства, собранные остальными. Моя собственная работа как геолога состояла в изучении различных геологических формаций, которые могли бы доказать, что когда-то в прошлом юкатанский регион находился много выше относительно поверхности Мирового океана. Если бы это подтвердилось, то могло бы помочь доказать, что, когда материковая плита опустилась, произошло затопление островов между Юкатаном и Африкой. Итак, все мы были заняты, каждый своим делом, а Хауленда по мере нашего продвижения к верховьям реки охватывал всё больший и больший энтузиазм от перспектив подтверждения его теории.

За первые двенадцать или тринадцать дней пути мы разбили четыре лагеря, а в конце второй недели пути соорудили пятый. До тех пор наше путешествие вверх по реке протекало обычно, точно так же, как любое путешествие по Центральной Америке — бесконечное утомительное движение против мощного течения между неприступных стен джунглей по берегам. Лишь изредка вдалеке проглядывали синеватые холмы. Думаю, что за эти две недели мы преодолели не более чем шестьдесят миль, но в таких абсолютно диких местах их могло бы быть и шестьсот. В течение последних десяти дней нам не попадались даже индейцы, и, так как мы знали, что выше первых двадцати или около того миль Карахос был едва разведан белым человеком, мы не удивлялись дикости местности. Однако наши собственные гребцы выказывали все большее и большее нежелание плыть дальше. Мы объясняли их неохоту, в первую очередь, силой течения, с которым мы теперь с трудом боролись на сузившейся реке, но в конце концов аборигены сообщили нам, что боятся идти дальше, потому что в верховьях реки обитают злые духи этой земли. Пообещав увеличить вознаграждение, мы уговорили их продолжать путь, и вот, наконец, разбили пятый лагерь.

Мы устроили его на небольшой полянке в джунглях на берегу реки. За ней поднимался внушительных размеров склон заросшего джунглями холма, возможно, высотой в тысячу футов — широкого, похожего на конус холма, у подножия которого и лежала поляна. Хауленд, помнится, пришёл в восторг, оттого что мы остановились именно здесь, хотя к тому времени, как он уверял, мы набрали достаточно самых разных научных свидетельств для подтверждения его теории. В этом лагере, сказал он мне, нам, возможно, удастся отыскать нечто, способное доказать её раз и навсегда, и больше не нужно будет продираться вверх по реке. И Хауленду, и всем нам казалось, что мы на пороге окончательного успеха. И затем, в ту же самую ночь, все и произошло.

Все случилось за несколько часов до полуночи. К тому времени весь мир погрузился во тьму, тьму, что была крошечной в глубине джунглей, но отступала там, где стоял наш лагерь, залитый серебряным сиянием восходящей в зенит полной луны. В одной палатке Хауленд, Виллингс и Грант при свете газолинового фонаря разбирали какие-то образцы, в другой Боркофф и Глиц чинили порванную одежду. Наши туземцы, словно ища защиты, скучились на краешке безлесного пятачка возле костра. Осмотревшись, я вспомнил необычно большие камни, которые заметил немного выше по реке перед тем, как мы начали ставить лагерь, и, так как свет полной луны был очень ярок, вздумал прогуляться до них и предварительно осмотреть. Поэтому, крикнув Хауленду, чем я намерен заняться, я двинулся по полосе чистого песка вдоль самого края воды.

Таким ярким был лунный свет, что свои скалы я нашёл без труда и где-то с полчаса обследовал их, обходя по кругу. Когда, наконец, я отвернулся от них и зашагал вдоль берега обратно в лагерь, я заметил, что луна стоит теперь прямо над головой. Она висела надо мной, как громадный сияющий щит. Я шёл к лагерю и минуту спустя уже мог слышать высокий чистый голос Хауленда, негромкое бормотание группы туземцев возле костра. А в следующую минуту, полагаю, мог бы его увидеть. Но в ту секунду, прежде чем я смог сделать ещё один шаг, весь лагерь озарился сверхъестественным светом.

Ничего подобного этому свету никогда не видывал человек. Громадный слепящей яркости столб, мощнейший поток чистого, концентрированного и ослепительно белого света в сотни футов в диаметре ударил прямо из зенита! Этот колоссальный

сверкающий луч в единый миг упал с небес и исчез, полностью ослепив меня, отпрянувшего в изумлении. Однако я сумел заметить, что этот невероятный луч ударил в вершину большого холма за нашим лагерем, подобно молнии. И скорее почувствовал, чем увидел, как некий предмет, падая, мелькнул перед самым лучом. Потрясённый, с ослепшими от яркости ужасающего света глазами, я с минуту стоял, вслушиваясь в громкие возбуждённые голоса Хауленда и остальных, пока не завопили туземцы. Я бросился вперёд, добрался до края поляны и увидел, как Хауленд и остальные в волнении бегут к большому холму, увидел, как туземцы с неприкрытым ужасом жмутся на краю площадки. Я был готов броситься за моими друзьями, как увидел, что они вдруг резко остановились у крутого склона. А в следующий миг и я замер у границы джунглей, так же, как Хауленд с товарищами, уставившись на высокую вершину холма.

Потому что с этой вершины внезапно послышался странный звук — мощные глухие удары по металлу. В изумлении я стоял там, вглядываясь в холм, и Хауленд с остальными, стоя у подножия склона, смотрели туда же, а туземцы в страхе припадали к земле. Затем из холма раздался другой звук — низкий приглушённый рокот мотора, что стремительно нарастал и затем вдруг стал оглушительным. И в тот самый миг я увидел, что с холма поднимаются подесятка тёмных плоских фигур огромных размеров, гигантские плоские круги или диски диаметром примерно в сто футов с невысокой защитной стенкой по краям, от которых исходил рокот и которые плавно всплывали в воздух над холмом! Они всплыли, повисели в ослепительном лунном свете и затем, словно заметив наш лагерь, вдруг заскользили над склоном прямо к нашей поляне!

Этот маневр вывел Хауленда и прочих зрителей из ступора изумления. Сам Хауленд ещё стоял совершенно ошарашенный, но остальные, почуяв опасность, с громкими криками кинулись назад к реке, подальше от холма. В следующий миг эти плоские большие диски врезались в столб лунного света над поляной, а затем вдруг раздалось громкое шипение, и с бортов зависших дисков вниз ударило полдюжины широких бледных и мутных лучей зелёного света. Эти лучи лупили по бегущим Виллингсу и остальным, по метнувшимся

к реке обезумевшим от страха туземцам, и, когда они прошивали воздух, частые грохочущие раскаты отдавались у меня в ушах. Я так и стоял на краю джунглей, замороженный ужасом, и видел, как Виллингс и остальные спотыкаются и падают, когда по ним попадают бледно-зелёные лучи, видел, как их тела распухают, трескаются, взрываются!

Думаю, в этот кошмарный момент я догадался, что именно я увидел, что за невероятное оружие воплотилось в этих туманных бледно-зелёных лучах. Это зелёные лучи убили Виллингса и остальных, но пока я пытался понять, что происходит, огромные плоские диски уже спускались на поляну!

В этот страшный миг Хауленд стоял в шаге от смерти, парализованный всепоглощающим ужасом, как и я, и потому что он не бежал, лучи не стреляли в него. Диски пикировали к нему, их грохот оглушал... Наконец, сбросив оковы оцепенения, я, все ещё наполовину парализованный страхом, отступил назад в джунгли, на краю которых стоял. Там, пригнувшись среди буйной растительности, я с бьющимся сердцем смотрел на залитую лунным светом поляну, пока диски по косой шли вниз... Я видел как они приземлились возле Хауленда, видел, как взяли его в кольцо громадные плоские металлические платформы, поблёскивающие в лучах лунного света. Я заметил на поверхности этих платформ два десятка неясных фигур, сгрудившихся вокруг центрального механизма, с помощью которого, видимо, они и управляли дисками. Потом, пока я прятался, секции защитных бортов дисков скользнули в сторону, и с них прямо перед Хаулендом сошли на землю не менее двадцати фигур, от одного взгляда на которых у меня вырвался крик ужаса. Я невольно отметил, что эти страшилища, по крайней мере, нападали как люди, но фигуры, что ступали вперед в лунном свете, не были человеческими. Это были совсем не люди, каких мы знаем. Это были — черепахолюди!

Черепахолюди! Это единственный термин, которым я могу их описать, потому что выпуклые горбы, венчающие их примерно четырёхфутовой высоты тела, полностью покрывали толстые тёмные роговые оболочки. Из нижней части этого панцирного тела выступали две мощные толстые конечности, оканчивающиеся широкими перепончатыми и

когтистыми лапами, в то время как подобные же короткие конечности или руки торчали из верхней части. В верхней части корпуса панцирь открывался, и из этого отверстия на гибкой змееподобной белой шее поднималась коническая, похожая на черепашью, голова, по бокам которой сверкало два немигающих глаза, а между ними темнела трещина узкой пасти. Эти черепахоподобные существа были столь нелепы мешаниной знакомых и незнакомых черт, что, глядя на них, я пришёл в замешательство. Затем я собрался, увидев, что некоторые из черепахолудей держали в своих верхних конечностях оружие, или же инструменты из блестящего металла — маленькие металлические полусферы, к их округлой части была приделана рукоять, а плоские стенки они навели на Хауленда, который так и не пошевелился, замороженный страхом.

С минуту черепахолуды стояли пред ним, сжимая поблёскивающие полусферы, которые, очевидно, были вместилищами смертельного луча, пока один из них не заговорил. Его голос был негромким, но вибрировал, как струна, — глубокий бас, такой низкий, что многие его обертоны были едва-едва доступны моему слуху. Обращаясь к Хауленду, черепахочеловек что-то произнёс. Его слова определённо несли смысл, но были совершенно непонятны. Однако Хауленд нетвёрдым голосом заговорил в ответ, несомненно, чтобы показать существам, что он также разумен. Они молча выслушали его и какое-то время переговаривались между собой глубокими голосами, и затем, всё ещё угрожая Хауленду полусферами, придвинулись ближе, исследовали его одежду, его общий облик и отошли. Тогда один, очевидно, главный, издал басовитый приказ, и тут же из-за его спины выступили двое из созданий и мгновенно защёлкнувшимся металлическим фиксатором стянули Хауленду руки за спиной, ему также стянули лодыжки и, оттащив к летающему диску, потом забросили на него. Хауленд был пленником!

Всё это действо на залитой лунным светом площадке отняло некоторое время, но теперь, захватив Хауленда, черепахолуды обратили внимание на сам лагерь. Они незамедлительно принялись проверять всё, что в нём было: лежащие неподалёку тела учёных и туземцев, палатки и их содержимое. Я прятался

в темноте окружающих меня густых джунглей, и если черепахолоуди проходили поблизости, я слышал их низкие голоса всего лишь в ярде от себя. Я наблюдал за ними кипя от гнева и переполнявших мой разум вопросов. Откуда явились эти черепахолоуди, выбравшиеся из того высокого холма, чтобы утопить наш лагерь в крови? Может, они явились из неизвестных земных глубин? Но не значит ли вспышка света, которую я засёк, что они спустились к холму, спикировав с неба?

Один раз я увидел, как группа черепахолоудей остановилась, указывая на серебряный щит полной луны, что опустилась теперь к западу, предвещая скорое окончание ночи. Чудовища некоторое время смотрели вверх своими немигающими глазами, затем вернулись к работе. Тут же у меня промелькнула мысль, что когда грандиозный световой луч ударил в холм, луна находилась прямо над головой, и вскоре я заподозрил, не связано ли это как-то с появлением странных рейдеров. Такая мысль пришла мне в голову, пока я наблюдал за деятельностью черепахолоудей, наблюдал за их исследованиями нашего лагеря. Все книги, рукописные записи, и собранные образцы, и блокноты из палаток они сразу унесли на летающие диски. То же было сделано со всеми инструментами, приборами, и всеми механизмами, какие они нашли. Я видел у некоторых из них необычные маленькие приспособления, явно для закачки воздуха в небольшие металлические контейнеры, также сложенные на их дисках, видел, как другие делали то же самое с водой из реки, забрав с собой образцы. На лунной поляне развернулась сцена невероятной деятельности, и я зачарованно наблюдал за ней, пока снижающаяся луна и растущий бледный свет на востоке не известили, что занимается заря. Тогда я отполз дальше в заросли.

Разгорелся день, но черепахолоуди на поляне, не зная усталости, продолжали свои исследования и осмотр всего вокруг. Я не решался приблизиться к поляне при свете дня, но мог наблюдать за передвижением этих странных существ, слышал их низкие голоса и видел Хауленда, в неудобной позе лежащего на борту одного из летающих дисков. Это последнее зрелище занимало меня больше всего, потому что мой первый испуг при виде черепахолоудей отчасти прошёл,

и я думал только о том, как освободить из их лап Хауленда. Однако попытка сделать это представлялась смертельно опасной, потому что вокруг летающих дисков беспрестанно сновала целая сотня черепахлюдей, и более половины из них оставались вооружёнными полусферами, скрывающими смертоносный луч. Так тянулся весь этот день, час за бесконечным часом. Я лежал в густых джунглях под палящим солнцем, убивающим всё живое, страдая от жажды, испуганный, наблюдающий и выжидающий.

Наконец пришла ночь, и когда прошли её первые часы, стало очевидно, что рейдеры завершают свою деятельность. Они собрали пробы и образцы едва не всего в округе, воздуха, воды и земли, животных, замеченных ими в джунглях, едва не разглядели моё укрытие при последней охоте. Птиц, насекомых и растения они также собрали и погрузили на летающую платформу, и у меня мелькнула идея, что эти рейдеры, откуда бы они ни явились, пришли только разведать Землю, собрать образцы местной жизни, и что Хауленд был для них одним из таких образцов! Меня жгла мысль попытаться освободить его, но черепахолуды все ещё во множестве шастали по поляне, так что такая попытка стала бы равносильна самоубийству. Однако наконец мне выпал шанс попытаться что-то предпринять... Черепахолуды завершили свои дела, и теперь, когда землю быстро укрывала тьма и серебряный лунный диск снова поднимался в зенит, они отошли к краю поляны и уставились на сияющий круг Луны. Сейчас летающие диски почти не охранялись, и в этот момент я бесшумно заскользил из темноты джунглей на освещённую поляну, прямо к диску, где лежал Хауленд.

На поляне росли отдельные небольшие кусты, так что я с сильно бьющимся сердцем крался от одного к другому, укрываясь, насколько удавалось, в их тени, плавно подбিরаясь к Хауленду и диску, где тот лежал. Я уже был близко к нему, выжидая удобный момент в тени маленького кустика не далее чем в трёх футах, и черепахолуды пока не вернулись от края поляны, где они стояли. Надежда окрылила меня в тот миг, я быстро скользнул вперёд и увидел, как Хауленд, разбуженный произведённым мной слабым шумом, с трудом приподнялся на локоть и расширившимися глазами

следил за моим приближением, затем увидел, как он испуганно вздрогнул, и услышал его отчаянное шипение:

— Назад, Карсон!

В этот момент черепахолюди на дальнем конце поляны развернулись и двинулись прямо ко мне!

Мне показалось, что опасность совсем близко, и я инстинктивно отпрянул и упал в тень маленького кустика. Черепахолюди шли ко мне через поляну. Они пока ещё не замечали меня, но я знал, что только чудом они могли бы не разглядеть меня, скорчившегося в крохотной тени. Моё сердце стучало, как при погоне. Теперь эти странные создания были вокруг меня, их глубокие басовитые голоса гудели со всех сторон. Едва ли не наступая на меня, они пошли прямо к дискам и забирались внутрь. Я видел, как, щёлкая, закрывались секции защитных бортов, видел, как огромные диски плавно поднимались и быстро взмывали вверх, тогда весь лагерь вибрировал от гула моторов, и затем до меня дошло, что они меня так они и не увидели. Гигантские тёмные диски повисли надо мной в свете стоящей в зените луны, и вот они двинулись прочь, заскользили прямо к вершине большого холма! Они возвращались туда, откуда пришли, и забирали Хауланда с собой!

Как только эта мысль опалила мой мозг, я отбросил всякую осторожность, вскочил и бросился вверх по склону холма, сражаясь с покрывающими его густыми зарослями. Полубезумный, я пробивался вперёд, глядя на летающие диски, что взвились над плоской вершиной и, казалось, тонули в ней один за другим. Один за другим они пропадали из виду, пока я отчаянно рвался наверх. По мере их исчезновения быстро стихал гул моторов, пока несколькими минутами позже они не пропали все, а я всё ещё был на полпути к вершине. С пылающей головой, шатаясь от горя, я наконец пробился сквозь последние заросли и вылетел на широкую плоскую вершину холма. Кинулся вперед и, отшатнувшись назад, встал как вкопанный. Потому что передо мной, зияя в вершине большого холма, разверзлась огромная, как шахта, дыра в сотни футов шириной, гигантский колодец, стены которого были отделаны гладким металлом, и он уходил в холм и в землю под ним на глубину в тысячи футов.

Сейчас полная луна стояла практически прямо над головой, и её свет падал в эту огромную шахту, открывая мне, насколько далеко до её дна: тысячами футов ниже отсвечивал металлический пол, в центре которого был установлен громадный плоский диск из чёрного блестящего материала, похожего на чёрное стекло. Там, на диске, почти закрывая его, стоял большой чёрный цилиндр — широкий металлический цилиндр более чем ста футов в диаметре и около тридцати в высоту. Две секции его верхней плоскости были сдвинуты, и в полые внутренности цилиндра чередой всплывали летающие диски черепахолов, укладываясь один на другой внутри цилиндра! Друг за другом они скользили туда, пока не оказались внутри все, пока громадный цилиндр не заполнился ими, и тогда две секции на вершине с оглушительным лязгом металла скользнули на место, закрывая крышку!

Всё это время я глазел вниз в крайнем изумлении, а затем, когда сообразил, что происходит, наклонился к краю грандиозной шахты, крича до хрипоты, безумно выкрикивая имя Хауленда, который вместе с черепахоловками исчез внутри цилиндра. Но пока я рыдал, настал конец действия. Полная луна, клонясь от зенита к западу, достигла точки точно надо мной, над шахтой, громадная шахта нацелилась на серебряный лунный диск, как ствол какого-то титанического оружия. В следующую секунду из нижнего блестящего чёрного диска, на котором стоял цилиндр, донесся звон огромного колокола. Гудение звучало недолго, как вдруг из этого диска прямо в зенит, прямо в полную луну над головой, выстрелил колоссальный столб ослепительного белого света, гигантский световой луч взметнулся вверх из гигантской шахты в холме и достал аж до яркого диска луны! И в тот миг, когда этот сияющий луч сверкнул передо мной и исчез, я постиг каким-то иным, чем зрение, чувством, что громадный металлический цилиндр улетел ввысь вместе с ним!

Ослеплённый, остоленевший, я склонился к краю гигантской шахты, заглянул внутрь. Громкое гудение внизу прекратилось, и я мог различить далеко внизу чёрный блестящий диск, но цилиндра на нём уже не было. Там были крупные предметы возле него, были другие большие цилиндры, но тот, в котором были черепахоловы и Хауленд, исчез.

Он был исторгнут этим блистающим лучом, я знал, прямо на саму Луну! Цилиндр улетел, направленный выстрелом прямо в яркий лунный диск, что всё ещё плыл над головой! Прочь от Земли к Луне!

Луна! Я понял всё это, пока, качаясь, стоял под её ярким диском, горящим прямо над моей головой. Луна! Вот откуда пришли черепахолюди в своём цилиндре, чтобы погубить наш лагерь. Они разведали условия жизни на Земле, собрали пробы и образцы, в качестве одного из которых взяли с собой Хаулэнда, а затем вернулись к цилиндру, дождались, пока Луна не окажется снова точно над головой, и тогда рванули к ней, в сверкающем, как бриллиант, луче из диска на дне шахты. Рейдеры с Луны убрались с Земли и утащили с собой Хаулэнда!

Рейдеры с Луны!

Мне не забыть, как дрожала моя рука, вытянутая прямо к безмятежно сияющему диску над головой, не забыть, как я шатался и рыдал от ужаса, спускаясь по склону холма к поляне. Там, действуя как в тумане, я погрузил тела друзей на одно из каноэ, вырыл могилу в песке, чтобы похоронить туземцев, и затем отчалил в этом же каноэ вниз по реке. Вниз, вниз, по течению, дни, часы, что представлялись моему помрачённому рассудку одной безмерной вечностью ужаса. Затем, наконец, сознание полностью покинуло меня, и я проснулся в Прогресо, узнал, как меня нашли дрейфующим вниз по реке, и изложил сенсационную историю, которая стояла за этой находкой. Я знаю, что расскажи я истинную историю, мне не поверили бы. Никто не стал бы проводить расследование, зато именно меня объявили бы сумасшедшим и убийцей моих друзей. Вот почему я сказал только, что видел гигантскую вспышку света, и позволил всем счесть это молнией, которая уничтожила нашу группу, объяснив пропажу Хаулэнда утверждением, что молния убила его и сбросила тело в реку. Никто не усомнился в моем рассказе, который объяснял странные раны на телах моих друзей...

И вот я вернулся сюда, зная, что вам двоим — тем, кто знал Хаулэнда и знает меня, я могу поведать мою историю, зная, что мне поверят.

Я приехал, но собираюсь вернуться обратно, вернуться к тому большому холму, чья шахта хранит тайну лунных рейдеров, чей гигантский прожектор унёс их с нашей планеты. Существование этого прожектора там, в той огромной шахте, означает, что с незапамятных времён он стоит в высоком холме, и что в далёком прошлом, возможно, эпохи назад, эти лунные существа установили связь между Землёй и Луной. Полагаю, они спускались с Луны на Землю в цилиндрах, толкаемых гигантским лучом от лунного аппарата, и установили на Земле, в шахте в холме, такую же аппаратуру, чтобы их лучи доставляли их обратно на Луну. И теперь, после стольких веков ожидания, они снова использовали этот метод, организовали экспедицию, чтобы разведать нынешние условия жизни на Земле, и вернулись с Хаулендом как со своим пленным.

Они вернулись с Хаулендом на Луну, но не явятся ли они снова?.. Думаю, что явятся. Это были первые рейдеры, но, без сомнения, группы лунных созданий готовы последовать за ними. Думаю, что там, на нашей Луне, не слишком комфортно, и эти черепахотвари собирают свои орды, чтобы спуститься на Землю, которую они посещали очень давно.

Но теперь, после стольких веков ожидания они почему-то решились вновь провести разведку, и наверняка не просто так. Скорее всего, они собираются захватить и покорить Землю. Завоевать! Когда они придут с войной, когда начнется это грозное вторжение, оружие людей не сможет противостоять их смертоносным лучам и стремительным летающим дискам. И сейчас, раз эти первые рейдеры вернулись на Луну, захватив с собой Хауленда как представителя населения Земли, я уверен, что так будет. Вторжение грядёт. Огромные цилиндры отправятся на Землю на мощных несущих лучах, цилиндры, заполненные бессчётными дисками с неисчислимыми уродливыми созданиями. Неодолимое вторжение в наш мир с нашего же собственного спутника!

Но, я думаю, у нас остался единственный шанс выстоять перед грозным вторжением. Мы не можем сейчас предупредить мир о роке, что навис над ним, потому что, как вам хорошо известно, нам никто не поверит. Но если мы могли бы каким-нибудь способом отправиться на Луну сами, най-

ти Хауланда и поточнее разузнать планы черепахолов, их цели, я думаю, что мы могли бы предъявить доказательства, которые примет даже самый скептический ум на Земле. Я думаю, что если бы мы могли спасти Хауланда, могли бы вернуть его, он сумел бы убедить наш мир в нависшей над ним угрозе. Это наш единственный шанс, и, чтобы осуществить его, у нас есть громадный прожектор в глубине большого холма в Юкатане, прожектор, луч которого переносит к Луне цилиндры лунных рейдеров, и который точно так же может перенести и наш цилиндр.

Вот мой план: мы трое должны спуститься в холм к этому прожектору, использовать его и один из цилиндров, что я видел возле него, чтобы отправиться на Луну. Там мы попытаемся найти и спасти Хауланда и привезти его обратно на Землю, чтобы доставить Земле доказательства угрозы, которая нависла над нашей планетой.

Глава 3. Вперёд, к Луне!

Голос Карсона стих. Последовавшее за тем молчание казалось почти осязаемым. Его прерывали только вздохи тёплого ночного бриза за окном. Мы с Трентом сидели, глядя на рассказчика во все глаза, изумлённые и испуганные услышанным. Трент первым нарушил молчание.

— Отправиться на Луну, найти Хауланда и привезти его обратно... — неуверенно произнёс он. — Карсон, кажется невы мыслимым, что мы можем это сделать, что на Луне есть такие существа, которые пленили Хауланда и увезли его отсюда.

Карсон мрачно уставился на него.

— Но это так, — подтвердил он. — Они пленили Хауланда — и сейчас он там, на Луне с ними.

— Но «существа с Луны!» — не выдержал я. — Существа из мира, который мы знаем как абсолютно мёртвый!

Карсон тряхнул головой.

— Мы не знаем этого, Фостер, — возразил он. — Наши астрономы знают о Луне даже меньше, чем о других небесных телах, учитывая её близость. Они измерили её размеры и расстояние

до неё, они взвесили её и выдвинули гипотезы о её происхождении. Но что определённого они могут сказать о самой Луне? Что они могут сказать о происхождении этих величественных кратеров, которые никогда не смогут создать вулканы и которые они объясняют гигантскими метеоритами, бомбардирующими Луну? Потому что, если такие громадные метеориты на самом деле создали эти кратеры, мы могли бы видеть их сейчас полузарытыми в лунной пыли, однако такие большие метеориты на лунной поверхности ещё ни разу не находили! Что наши астрономы могут сказать об огромных пластах сверкающей, как бриллиант, стекловидной субстанции, что блестит вокруг кратера Тихо и в других местах по всему лику Луны? И, прежде всего, что они могут сказать определённого о Луне, когда одна сторона её сферы никогда не представала перед глазами человека, всегда обращённая в противоположную сторону от Земли? Кто может сказать, что на этой другой стороне нет никаких загадок? А эти лунные твари, эти черепахи, что спустились с Луны на Землю в цилиндре на несущем луче! Разве такие создания не могли бы населять нашу Луну? Мы знаем, что когда-то Луна была так же обитаема, как Земля, и если эти черепахолюди имели высокоразвитую цивилизацию, почему бы им не оказаться способными выжить, когда их мир умер? Мы знаем, что их техника, их наука намного опережает нашу, ведь они должны были ещё столетия назад посещать Землю, построить свой прожектор в холме здесь, на Земле. Но разве с такой техникой и наукой они не могут продолжать существовать на Луне, возможно, в её недрах, возможно, на другой стороне? Для созданий, которые могут изобрести прожектор, чей луч движет цилиндры к Земле и обратно, создание искусственной атмосферы не такая уж трудная задача. Могущественные и разумные, эти лунные создания никогда не делали попыток общаться с нами. В течение веков они никогда не навещали Землю, возможно, считая её всё ещё не заселённой разумными существами. Однако теперь они пришли, рейдеры, первопроходцы, предтеча орд, которые, которые как я считаю, собираются теперь последовать за ними. Но одна вещь ставит меня в тупик. Эти лунные твари должны быть, естественно, приспособлены к малой силе гравитации Луны, на которой живут, и

на них должна была бы очень сильно подействовать большая сила тяжести Земли, они должны были с трудом двигаться здесь, так же, как на людей на Луне подействовала бы меньшая гравитация, и те с их земными мускулами смогли бы прыгать на громадные расстояния. Но так не случилось с этими лунными тварями, потому что, когда они выбрались из дисков на поверхность земли, они двигались свободно и так непринуждённо, как если бы жили здесь всегда. Это единственное, чего я не могу понять. Хотя я могу, безусловно, принять сам факт их существования и то, что после многовекового прозябания на Луне они теперь начали присматриваться к нашей Земле...

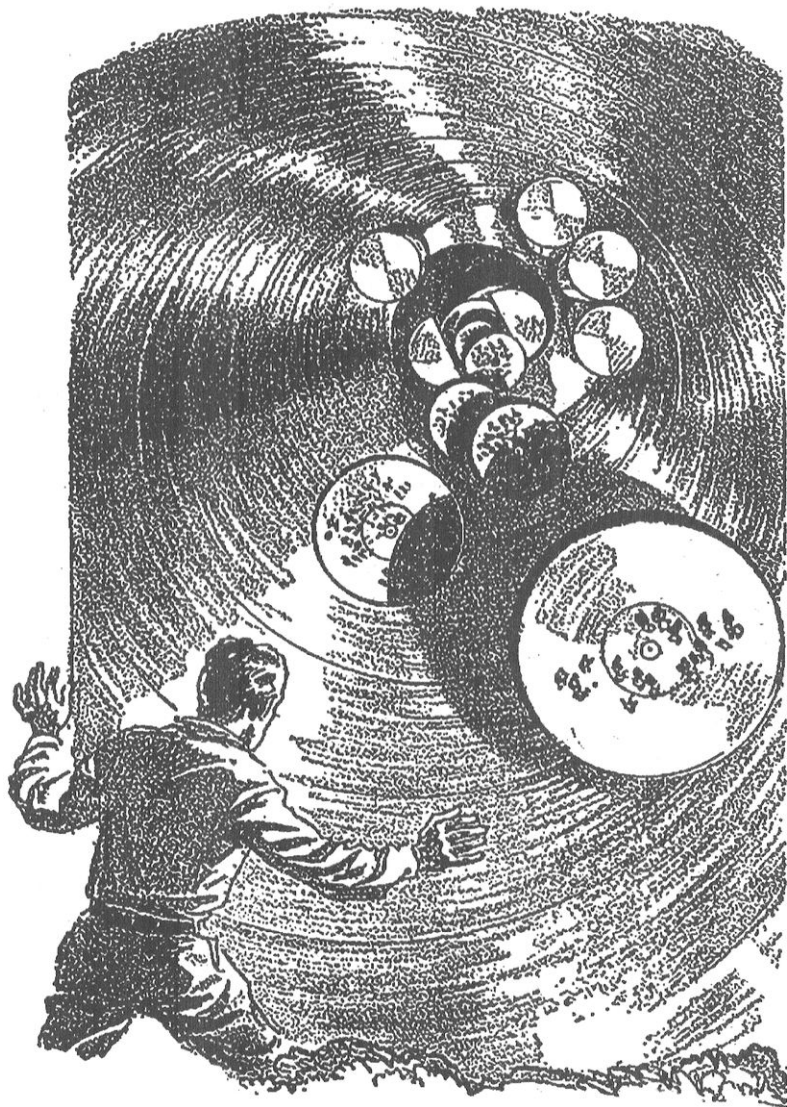
Карсон прервался, и тогда медленно и раздумчиво заговорил Трент.

— Я понимаю тебя, Карсон, — говорил он. — Понимаю и верю, что эти лунные твари, которые пленили Хауленда, собирались захватить нас. Однако сможем ли мы последовать за ними по прожекторному лучу до самой Луны?

Карсон невозмутимо кивнул.

— Сможем, — просто сказал он. — Огромный прожектор всё ещё здесь, в шахте, что сохраняла его столетиями, и рядом с ним в этой шахте, как я говорил, я видел другие цилиндры, похожие на тот, в котором улетели лунные твари. Я не знаю, как они включают этот гигантский луч, но уверен, что луч включается только тогда, когда прожектор направлен точно на определённую точку Луны — точку, к которой и тащит цилиндры луч. Поэтому, только когда Луна была прямо над шахтой в первую ночь, этот громадный луч пришёл с Луны сюда, доставив цилиндр лунных рейдеров точно в шахту. И на вторую ночь, только когда лунный диск снова был точно над шахтой, гигантский луч вырвался из неё, унося цилиндр от Земли к Луне. Это наш единственный шанс спасти Хауленда и предотвратить ужасную угрозу, что сгущается над нашим миром. И неужели мы трое не сделаем это?

Он снова замолчал. А сквозь окно за нашими спинами в комнату пробивались бледные лучи растущей луны — серебристого ятагана, плывущего к западу по ночному небу. Затем внезапным порывом три наши руки соединились в крепком рукопожатии.

— Так сделаем это! — воскликнул я. — Идём к большому холму и запустим прожектор и его луч, чтобы нести нас вслед за лунными рейдерами и Хаулендом!

Глава 4. Цилиндр стартует

Карсон вдруг перестал грести и указал вперёд.

— Холм! — воскликнул он. — И под ним наш лагерь!

Мы с Трентом устали на темнеющие впереди джунгли. Каное, в котором мы трое сидели, плыло посередине узкого жёлтого водного потока. Со всех сторон, частично затеняя нас от жара юкатанского солнца, вставали непроходимые зелёные стены из деревьев и кустарников, лига за лигой тянулись они по обе стороны сужающейся реки. А впереди, возможно, в четверти мили выше нас по реке, выросла из зелёного моря приземистая громада величественного холма, формой напоминающая грубый конус с усечённой или приплюснутой вершиной. Покрытый густыми зарослями, он рос, как зелёная гора, из переплетённой растительности джунглей, и под ним, между его подножием и рекой, мы могли различить коричневые пологи палаток, разбитых на небольшой полянке. Некоторые из них повалились, и теперь высвободившиеся полотнища полоскались на сильном ветру.

— Холм! — повторил я, всматриваясь в него. — А в нём шахта и прожектор!

Много дней эта зелёная громада впереди, которую мы теперь видели, владела всеми нашими мыслями. Прошли недели с того вечера, как мы двое услышали кошмарный рассказ Карсона, согласились отправиться с ним к этому холму, чтобы осуществить его грандиозный план. Мы поспешно обеспечили отъезд из университета, отбыли из Среднего Запада в Нью-Орлеан и в следующие несколько дней на пароходе добрались до Прогресо. Здесь, скрывая нашу истинную миссию, мы объявили, что намерены продолжить ту научную работу Хауленда, что была прервана трагическим концом экспедиции. Власти Прогресо добросовестно отговаривали нас, но в конце концов отступились, и мы отправились в деревню в устье Карахос, чтобы приобрести там одно из местных каное и сложить в него наше снаряжение. Мы изначально собирались в одиночку двинуться вверх по реке. Но в любом случае никто из деревенских не отважился бы сопровождать нас, настолько силен их страх. А трагедия, что

постигла экспедицию Хауленда, лишь укрепила их суеверия. Итак, в одиночестве отправившись в каноэ против течения, мы больше дюжины дней медленно ползли по реке и, наконец, увидели большой холм, что был нашей целью.

Карсон, после своего первого возгласа при виде холма, молча и угрюмо склонился к своему веслу, как и мы с Трентом. Мы гнали наше узкое судёнышко против течения прямо к поляне и лагерю впереди. Эта полянка лежала на самом берегу реки, мы различали в гуще джунглей ровный и почти круглый участок открытой земли. Когда мы подплыли поближе, то заметили, что из нескольких палаток устояла лишь одна, все остальные повалили дождь и ветер. Карсон без слов указал на всё ещё составленные на берегу каноэ, принадлежавшие туземцам, что лежали сейчас зарытые где-то в береговом песке. В следующую минуту рядом с каноэ туземцев встало и наше. Мы высадились и закрепили его на берегу, выгрузили на полянку наше снаряжение; затем какое-то время постояли, оглядываясь.

Стоя здесь с Трентом и Карсоном, я сильнее всего осознал сейчас тишину этого места. Заупокойную тишину, которую, казалось, только усиливал монотонный звук бегущей воды за спиной. Сверкающие птицы то и дело выпархивали на поляну из окружающих её джунглей, из зарослей доносился шорох каких-то мелких зверьков, но главным впечатлением была тишина и неестественный покой, и ощущение нависшей беды. Стоявший возле меня Карсон вдруг молча указал вниз, на землю, и тогда мы обратили внимание на сухой песок. Мы увидели многочисленные следы, некоторые из них оставили ноги в человеческой обуви, но больше всего было больших следов, похожих на следы лап с ямками от четырёх отпечатков когтей. Я никогда прежде таких не видел. При виде их моё сердце вдруг забилось быстрее, и я поднял вопросительный взгляд на Карсона.

— Лунные твари? — прошептал я, и он кивнул.

— Следы лунных тварей, — сказал он, тоже понизив голос. — Кажется, здесь всё, как я оставил.

Трент внимательно разглядывал высокий холм, чья вершина в отдалении торчала из джунглей с той другой поляны.

— Холм, — вздохнул он. — Сразу же пойдём туда?

Карсон покачал головой.

— Не сейчас, — сказал он ему. — Сначала мы разобьем лагерь и прогуляемся на вершину на закате. Я подсчитал, что сегодня и в ближайшие ночи полная луна будет проходить над шахтой за несколько часов до полуночи, точно как это было месяц тому назад, и я хочу быть у прожектора, когда это случится, и заранее. У нас достаточно времени.

Итак, несколько следующих часов мы собирались и готовили наше снаряжение. Установив нашу маленькую палатку — никто из нас не испытывал желания воспользоваться палатками предшествующей экспедиции — мы разложили вокруг неё принесённое снаряжение, укладывая вещи, которые собирались взять с собой в нашу безрассудную экспедицию. Последней оставалась веревочная лестница почти в полмили длиной, в сложенном виде довольно небольшая для своей длины и прочности; мы собирались использовать её для спуска в жерло холма. Крупнокалиберные револьверы и патронташи к ним вместе с ножами в ножнах составляли наше оружие. В лёгкие, прихваченные с собой рюкзаки мы упаковали многодневный запас еды и набор различных лекарств. Также распределили между собой компактный набор из небольших стальных инструментов. Это довольно лёгкая экипировка для самого бесшабашного путешествия, какое когда-либо предпринималось, но всех нас укрепляла вера, что коль лунные создания могут в своих цилиндрах пересекать бездны межпланетного эфира без специального снаряжения, то мы также это сумеем.

За сортировкой и сбором снаряжения мы скоротали часы до вечера, а когда сияющее тропическое солнце начало клониться к закату, приготовили еду и быстро поели, после чего начали подниматься к вершине. Вёл нас Карсон, выбирая самый лёгкий путь среди дикой растительности джунглей, а мы с Трентом следовали за ним, таща с собой свёрнутую лестницу. Солнце быстро спускалось к западу, когда мы начали подъём по склону холма. Мы обнаружили, что этот склон длиннее и подъём труднее, чем казалось снизу, а так как мы несли снаряжение и свёрнутую длинную тяжёлую лестницу, то продвигались вперед очень медленно. Когда мы добрались до вершины холма, сияние закатного солнца угасало далеко на западе, тогда

как высоко в небесах востока сквозь темнеющую синеву восходил в зенит белый диск полной луны.

Мы не стали делать привалов на склоне. Весь наш интерес был направлен на плоскую вершину, до которой мы вскоре добрались. Вершина эта представляла собой совершенно ровный и почти лишенный растительности круг диаметром в несколько сот футов, но наши глаза приковала громадная зияющая дыра в его середине, занимающая большую часть поверхности. Она была огромна, как шахта, как минимум в четыре сотни футов в поперечнике. Гладкий металл её стен уходил отвесно в недоступную зрению глубину, в чьи плотные тени не могли проникнуть наши взоры. С трепетом мы смотрели вниз в бездонную шахту. Но разглядеть мы так ничего и не смогли. Небо наверху быстро темнело, бледный свет полной луны лился теперь прямо на нас, заливая джунгли серебристым светом. Наконец Карсон прервал молчание.

— Время идти, — сказал он тихо. — Мы должны быть на дне шахты, когда луна заглянет прямо в неё.

Мы торопливо развернули узкую ленту громадной лестницы, намертво закрепили один её конец в земле на краю шахты с помощью колышков, которые специально туда принесли. Потом, позволив оставшейся части лестницы разматываться внутри огромной шахты, мы следили, как она пропадает в тени, пока она не повисла ровно, теряясь среди теней внизу. Карсон шагнул к лестнице, затем помедлил, обернулся и в последний раз посмотрел на залитые лунным светом джунгли. Мы стояли, оглядываясь, в головах у всех крутилась одна и та же мысль. Увидим ли мы этот подлунный мир снова? Затем Карсон повернулся к лестнице, встал на колени и перегнулся через край шахты, держась за него, и потом двинулся в долгий путь вниз, словно насекомое, ползущее по струне.

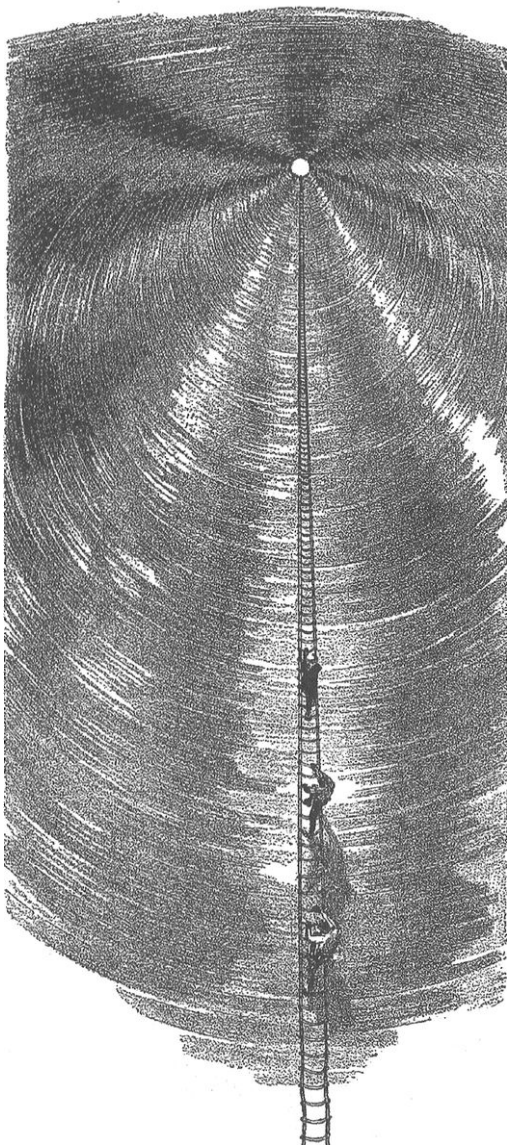
В следующую минуту и я последовал за ним, присел, как он, над краем пропасти, крепко держась за лестницу. Потом я посмотрел вниз в бездну, что разверзлась у меня под ногами, исчезая в тени подо мной, как вдруг меня охватила тошнота, и я даже слегка качнулся от головокружения. Затем, крепче вцепившись в веревки, я с трудом прогнал тошноту прочь и начал медленно спускаться. Ступенька за ступенькой, шаг

за шагом, я лез по лестнице. Упрямо сползая вниз, я мог видеть лишь гладкий блестящий металл шахтной стены. Глядя вверх, я видел над собой следовавшего за мной Трента, его фигура чернела на фоне лунного неба. Поглядывая вниз, я мог различить очертания Карсона, как более глубокую тень на тёмном фоне далеко внизу. Его лицо казалось белой кляксой среди теней, когда он бросал взгляд вверх на меня.

Вниз... вниз... постоянно вниз...

Мы спускались ступенька за ступенькой, ярд за ярдом, пока отверстие гигантской шахты не превратилось в сжимающийся кружок тусклого света высоко над нами.

Когда мы спускались в шахту, тени вокруг нас быстро сгущались, и я полагал, что мы уже продвинулись больше чем на тысячу футов, но в глубоких тенях под нами ещё не было признаков дна шахты. Вниз... вниз... Как в бездонную пропасть... Автоматическое, бессознательное и безостановочное движение рук и ног, что упорно несли

меня глубже в сумрак громадной шахты. К этому времени полумрак вокруг нас стухнул до темноты, и ко времени, когда, по моим предположениям, мы спустились на две тысячи футов, мы продвигались в крошечной тьме. Зев огромной шахты был теперь не больше маленького кружка неясного света далеко над нами. Продолжая нащупывать дорогу, мы ползли вниз по лестнице, пока от Карсона, что находился ниже меня, не донёлся внезапный возглас, который заставил нас с Трентом остановиться.

— Лестница! — крикнул он. — Я добрался до её конца и не достиг дна шахты!

— погоди-ка! — закричал я. — Ты видишь, как далеко от тебя пол шахты?

— Не могу ничего разглядеть, — отвечал он. — Здесь такая густая тьма, что он может быть в одном футе или в сотне. Но мы не можем рисковать, оставаясь здесь, пока луна не встанет над шахтой и не осветит её, тогда будет слишком поздно запускать прожектор!

Ненадолго повисло молчание, которое было сродни отчаянию, мы вцепились в лестницу, болтаясь возле гладкой стены огромной шахты, уходящей на неизвестную глубину. Затем из этой темноты к нам снова пришёл невозмутимый голос Карсона.

— Я хочу попробовать прыгнуть, — сообщил он. — Дно шахты может быть совсем рядом, и у меня есть шанс.

Прежде чем мы заорали ему, чтобы он не спешил, освобождённая от его веса веревочная лестница резко вздрогнула в моих сжатых руках, а в следующий миг послышался слабый глухой звук, вроде бы прозвучавший совсем рядом. И затем, невообразимо приятный для наших насторожённых ушей, раздался голос Карсона.

— Всё в порядке, — проговорил он. — Пол шахты лишь в нескольких футах ниже последней ступеньки лестницы!

Я начал торопливо спускаться, вскорости достиг последней ступеньки длинной лестницы и, на секунду заколебавшись, повис на ней. Непроницаемая и обволакивающая окружающая темнота превращала пространство внизу в бездонную бездну, но я разжал руки и почти в тот же миг ударился о жёсткий ровный пол не более чем в полу-

дюжине футов ниже. Я чувствовал Карсона рядом со мной в темноте, а в следующую секунду раздался ещё один глухой стук, и рядом упал Трент. Затем, взявшись за руки, чтобы не растерять друг друга во тьме на дне колодца, мы стали ждать лунного света, который должен был осветить дно шахты. Высоко над нами сверкал крохотный кружочек слабого света в черноте, и от этого кружка мы не отрывали взгляда. Время текло... время, когда мы ощущали лишь гладкий холодный пол под ногами, и затем из-за края бледного кружка в вышине медленно выплыл сияющий диск полной луны. Едва это случилось в шахту с неожиданной силой отражаясь от металлических стен. хлынул поток бледного света, который высветил всё вокруг нас.

Мы стояли на краю ровного металлического зала — дна громадной шахты. В центре почти на половину всего дна шахты металл прогибался под колоссальным диском из гладкого чёрного материала, блестящего, как Карсон и говорил, словно чёрное стекло, который казался вплавленным в пол. С другой стороны диска правильным рядом выстроились на полу около двадцати внушительных цилиндров из металла, их нечёткие огромные очертания тускло мерцали в идущем сверху туманном свете. Кроме них и большого чёрного диска на дне громадной шахты ничего не было видно. Даже в бледном свете, что сочился сверху, диск ярко блестел, хотя на всём остальном лежал толстый слой пыли бесчисленных веков.

Карсон сразу же направился к большим цилиндрам, выстроившимся возле блестящего края диска. Каждый по сто футов в диаметре, три сотни в высоту, они нависали над нами в неясном свете, как великаны. Мы показали себе тремя пигмеями, когда снизу вверх взглянули на них. Они стояли над узкой глубокой прорезью в полу, возможно, шести футов шириной, и эта прорезь шла по металлу пола и по чёрному материалу диска к его центру. Сами большие цилиндры, казалось, не имели никаких отверстий в своих гладких стенках, а выдвинуть их большие крышки, как это делали лунные рейдеры, было бы для нас невозможным. Но когда мы обошли вокруг ближайшего из них, быстрые глаза Трента засекли установленный на его поверхности штифт, и он не долго думая на него нажал. И тут же плавно и беззвучно скользнула вверх прямоугольная секция

большой изогнутой стены цилиндра, и мы смогли увидеть, что стена эта, в ярд толщиной, образована чередующимися слоями мерцающего металла и серого теплоизолирующего материала, защищающего внутреннюю часть от страшного холода открытого космоса.

Мы шагнули в дверной проём и оказались в большой цилиндрической камере. Её огромный плоский потолок и плоский пол, а так же некоторые участки на подвижных стенах оказались совершенно прозрачны изнутри, хотя непроницаемы снаружи. В центре цилиндра стоял всего лишь один предмет — невысокий металлический столбик с рядом коротких штифтов на вершине. Ради эксперимента Карсон нажал на один из этих штифтов, и дверь, через которую мы вошли, щёлкнув, герметично закрылась за нами. Он тронул другой, и цилиндр пришёл в движение, плавно и неуклонно заскользил по прорези, над которой стоял, пока не выкатился на чёрный диск и не встал в его центре, заняв собой почти всю поверхность диска!

Карсон кликнул открытие двери, затем указал на что-то за её проёмом. Там, возле края огромного, выпирающего из металлического пола диска, лишь в паре футов от двери нашего цилиндра, что взгромоздился на диск, оказался ещё один столбик, снабжённый маленьким металлическим кругляшом с белой рукоятью рычага наверху, которую можно было опускать вниз.

— Ключ, которым включается большой луч! — воскликнул Карсон. — Теперь я всё понял. Этот переключатель ведёт к механизмам под ним, они генерируют огромный луч, это их гудение я слышал, гудение, которое на секунду стихло перед тем, как сорвался луч. После поворота выключателя я должен запрыгнуть обратно в цилиндр и нажать тумблер закрытия двери, прежде чем луч швырнёт его в космос.

— Но когда? — спросил Трент. — Как нам узнать, в какой именно момент его повернуть?

— Лунные рейдеры повернули его, когда ударил большой колокол, — сказал Карсон. — Звук колокола должен быть сигналом, и он работает автоматически, отмечая момент, когда луна встаёт точно над головой и следует выпустить луч, и цилиндр отправится на Луну!

Глядя вверх, мы видели, что серебряный щит полной луны переполз почти в центр круглого отверстия шахты высоко над нами. Карсон подошел к столбу-ключу на поверхности диска, тогда как мы оставались внутри цилиндра, готовые захлопнуть дверь, едва он повернул бы переключатель и запрыгнул к нам. Больше мы ни к чему подготовиться не успели. Гигантский луч, который, как мы догадывались, должен унести наш цилиндр посредством усиленного давления света и должен нести его, как мы полагали, с почти световой скоростью. Если нам повезёт, наш цилиндр в несколько мгновений, в секунды, будет переброшен через бездну с Земли на Луну, ведь скорость света составляет около 186,300 миль в секунду, а примерное расстояние до Луны не более 238,840 миль. Мы знали, что если сделаем это, то путешествие займёт секунды, поэтому нам не придётся страдать от недостатка воздуха или какой-то специальной экипировки во время кратких мгновений полёта.

Пока мы ждали, нам всё ещё представлялось невероятным, что мы сумеем пролететь через бездну эфира прямо к безмятежно сияющему кружку Луны над нами. Карсон вне, а мы с Трентом внутри цилиндра не отрывали глаз от спутника Земли, ожидая сигнала большого колокола, который должен был обозначить момент старта. Я не мог различить на серебряном лунном диске тёмных пятен его морей, ни Моря Ясности, ни Моря Дождей, ни остальных, и, немного ниже, сверкающего, как бриллиант, района возле Тихо, и более близкого к центру тёмного круга величественного кратера Коперника. Что ожидало нас там? Выстрелит ли наш цилиндр безошибочно и попадёт ли в похожую на земную шахту, что как-нибудь автоматически остановит наш удивительный перелёт? И не разобьёмся ли мы, погибнув мгновенно, разбившись о лунные скалы? Какие невероятные города нечеловеческих существ ожидают нас, насколько безнадёжен поиск нашего пленённого друга?

Напряжённо, молча мы ждали, и сейчас я думаю, что те минуты были ужасней всего, минуты, пока мы ожидали сигнала, что стремглав отправит нас со всей неимоверной мощью и скоростью гигантского луча в бездну, где никогда не бывал человек, в пустоту эфирного пространства между

Землей и Луной. Лунный диск полз прямо к центру прозрачного потолка цилиндра над нами. Рука Карсона сжимала большой ключ, ключ, который, как мы знали, должен был автоматически вернуться в исходное положение, после того как луч выбросит в эфир наш цилиндр. Моя собственная рука была наготове, чтобы закрыть мощную дверь, и, напряжённо глядя в неё, я видел за ней Карсона. Неуклонно смещаясь ещё западнее, ползла по темному небу Луна. Ближе... Ближе...

Боммм!

Могучий звук вдруг раздался где-то глубоко под нами, мощный, неодолимый, похожий на удар огромного колокола, и в тот же миг Карсон рванул, опуская на плоскость маленького металлического диска белую рукоять ключа, зажатую в его руке! Снизу донеслось чудовищное ровное гудение, и, едва оно зазвучало, Карсон запрыгнул к нам через дверь цилиндра, которая тут же со щелчком захлопнулась, потому что я опустил штифт! В следующее мгновение ослепительный, невероятный луч ударил снизу вверх — колоссальный луч невообразимого блеска, казалось, подхватил цилиндр, унося его с собой в бездну эфира. Все предметы, что мы видели прежде, мгновенно скрылись с глаз, остался лишь сияющий лунный диск у нас над головой. Наше время, наконец, пришло, и почти со скоростью света мы понеслись в пустоте космоса прямо к этому диску Луны.

Вперёд, с Земли на Луну!

Глава 5. Обратная сторона Луны

Никогда более мне не случалось переживать ничего подобного той стремительной череде впечатлений. В миг, когда луч рванулся вперёд вместе с нашим цилиндром, нас с невероятной силой на долю секунды прижало к полу, и затем давление постепенно ослабло. Однако этот миг перегрузки прошёл почти незамеченным, потому что в тот ужасный момент для нас существовал лишь мощный луч сверкающего света, что залил цилиндр сквозь окна и прозрачный пол,

едва мы рванулись вверх. Вцепившись в центральный столбик в полу цилиндра, Карсон, Трент и я воспринимали в этот первый момент только слепящий луч, что ухватил и потащил наш цилиндр вперёд, и затем, в следующий стремительный миг, я увидел сияющую лунную сферу, молниеносно вырастающую в чёрных небесах впереди!

Дрожь восторга от невероятной скорости, с которой мы мчались сквозь пустоту, охватила меня. У нас кружились головы, и мы вцепились в столбик пульта управления. Я бросил взгляд назад и вниз, успев уловить, несмотря на сияние чудовищного луча, тёмный уменьшающийся контур коричневого шарика, который, как я знал, был Землей, и выступающий из-за неё полыхающий диск Солнца, украшенный многочисленными языками пламени и светящий нам даже через ослепительный блеск гигантского луча! Вверху, внизу, повсюду я столь же мгновенно запечатлел тысячи звезд, сверкающих, пугающих, горящих немеркнущим блеском в неопишуемой пустоте, сквозь которую цилиндр нёс нас почти со скоростью света!

Всё это: бешеный рывок с исполинским лучом, мои взгляды по сторонам — заняло лишь секунды. Затем, даже через громкий бренчащий звук, который издавал цилиндр под непомерным давлением луча, я услышал хриплый возглас Карсона и поднял глаза, чтобы увидеть, как за тот единственный миг, что мы устремлялись вперёд, огромный шар Луны перед нами вырос до гигантских размеров, занимая уже треть неба, половину, две трети! Теперь громадный мир поворачивался перед нами, приближаясь и вырастая с невероятной скоростью. Я мог бы окинуть взглядом бескрайнюю темноту на равнинах его морей, сияние, что полыхнуло нам навстречу из района кратера Тихо, огромные, подобные башням, Карпаты и Апеннины, чудовищно увеличивающиеся с каждой долей секунды, что мы неслись к ним! Потом прямо перед нами, в центре почти бескрайнего лунного диска, что теперь занимал всё небо, я различил гигантский круглый кратер, чьи высочайшие отвесные стены образовали колоссальное кольцо в милю высотой и дюжину миль в поперечнике, развёрстый зев кратера, прямо в центр которого стремился наш цилиндр на всей своей невероятной скорости!

— Коперник! — прокричал мне в ухо Карсон в этот безумный миг. — Мы собираемся грохнуться в кратер Коперника!

Пока Карсон кричал это, неровное дно могучего кратера рванулось навстречу нам, словно сверкающая молния, голые, и дикие линии этой скалистой местности навсегда запечатлелись в моём мозгу в тот миг. А затем дно кратера закрыло нам весь обзор, развернулось гигантской стеной, пока цилиндр на ужасной скорости мчался ему навстречу! Я знал, что это конец. В тот безумный миг мы, казалось, оцепенели и заворожённо смотрели вперёд, на мир, куда мы неслись за своей смертью. И вот в ярко сверкающем скалистом дне кратера под нами, в этой гигантской стене, преградившей нам путь, возникла крохотная чёрная точка — точка, которая за долю секунды, что я смотрел на неё, стремительно выросла до большого чёрного круга, открываясь громадной шахтой на дне кратера, шахтой, чей чёрный зев моментально закрыл перед нами всё. Затем наш цилиндр ворвался в неё, и мы с той же ужасной скоростью понеслись в тёмную глубину!

Вниз — вниз, вряд ли это могло длиться дольше мгновения, наш полёт сквозь тьму адских глубин гигантской шахты со всё ещё обнимающим нас несущим лучом, но этот миг показался нам бесконечным. Пока я болтался в цилиндре, вцепившись в корпус пульта управления, в моей кружащейся голове вспыхнула мысль, что по этой гигантской шахте мы мчимся сквозь Луну. Я успел мельком разглядеть чудовищный скальный, похожий на каверну туннель, сквозь которой мы неслись подобно лучу света, разлом, освещённый на всем своём протяжении блеском нашего гигантского движущего луча, а затем, мне показалось, заметил впереди перекрывающий шахту металлический барьер, который со скоростью света раскрылся перед нами и захлопнулся позади. Одновременно я заметил сверкающую точку в темноте впереди, точку, что, пока я смотрел на неё, выросла и, казалось, ринулась нам навстречу с такой же скоростью, как наш луч. Это был встречный луч невероятной силы, подобной той, что принесла нас сюда. И в следующий момент она встретила наш мчащийся цилиндр, на мгновение полностью ослепив невыносимым блеском огромных лучей сзади и впереди!

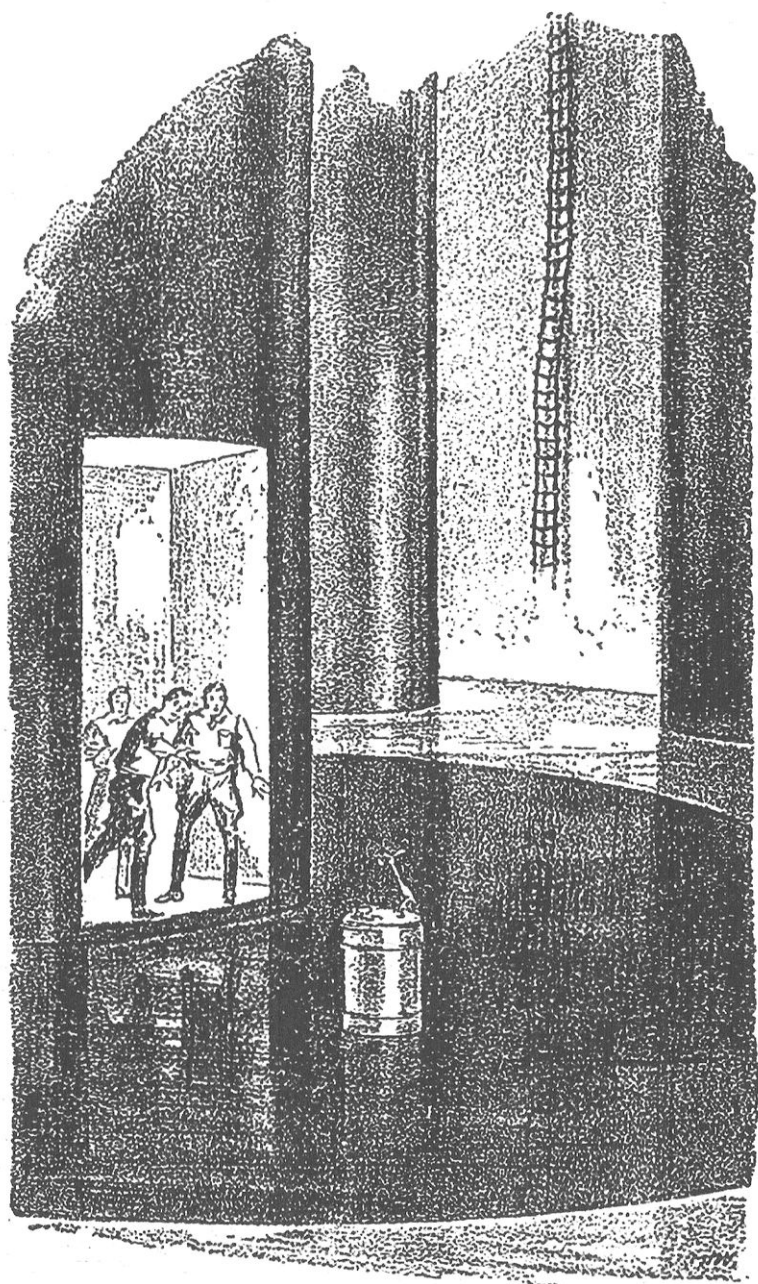
Внезапно мы ощутили, что цилиндр с невероятной быстротой замедляется, плавно и неуклонно он тормозил всё сильнее, когда доставивший нас луч встретился и был уравновешен лучом, что двигался к нам навстречу! Сияние вокруг нас постепенно слабело, и, когда мы открыли глаза и посмотрели вперёд, то увидели, что цилиндр постепенно теряет свою страшную скорость. Мы увидели ещё одну точку белого света впереди... мягкого белого света, нисколько не похожего на ослепительное сверкание. К этой точке плавно подлетал цилиндр, и затем, когда она замаячила впереди и выросла, вдруг нырнул в неё и вынырнул из чёрной глубины шахты в обширное пространство, освещённое мягким белым светом! Мы увидели перед собой огромный диск, блестящий, как чёрное стекло, что показался очень знакомым... увидели под ним громадную конструкцию из металлических балок, которая казалась встроенной в громадный потолок помещения. Затем цилиндр воткнулся в эту конструкцию и остановился, не доходя до диска. Когда мы коснулись металла конструкции, раздался громкий металлический щелчок, и наш цилиндр замер неподвижно, закреплённый под диском. Наше невероятное путешествие завершилось!

Первым на подгибающиеся ноги поднялся Карсон. Полубессознательно я услышал его голос, и тогда мы с Трентом разомкнули свою мёртвую хватку, отпустив металлический столбик, за который держались, и, качаясь, встали рядом с ним. Он азартно бегал глазами по прозрачным секциям стенок, и теперь, когда мы тоже принялись осматриваться, мы увидели, что цилиндр висит на большой металлической конструкции, торчащей из потолка отсека колоссальных размеров. Этот кубической формы ангар с металлическими стенами, полом и потолком был более чем в тысячу футов в длину и ширину и освещался круглыми пятнами мягкого света, без видимого порядка разбросанными по стенам и потолку. В центре пола зияло чёрное круговое отверстие громадной шахты, из которой мы прибыли и над которым теперь висел наш цилиндр. Точно над шахтой и над нами в потолок отсека был вмонтирован, как мы и ожидали, громадный блестящий, как чёрное стекло, диск, под которым был остановлен цилиндр.

Я знал, пересечение титанической бездны, сквозь которую мы прошли, заняло только секунды, хотя наши яркие и незабываемые впечатления в эти молниеносные секунды показались нам более долгими. Однако, с волнением всматриваясь наружу вместе с Карсоном и Трентом, я отлично запомнил, что когда мы сначала влетели в гигантскую шахту в лунной поверхности, в кратере Коперника, нам казалось, что мы движемся прямо вперед, а когда вырвались в этот слабо освещённый отсек, казалось, что поднимаемся вверх. Мне пришла мысль, что направление осталось тем же самым, но изменилось чувство направления, когда мы достигли Луны, и наша невероятная скорость уменьшилась в конце шахты. Я больше не сомневался, что наша чудовищная скорость упала и так быстро сошла на нет за достаточно долгий путь, понимая, что подлёт цилиндра автоматически затормозил встречный луч от чёрного диска на Луне, который быстро нейтрализовал действие нашего собственного несущего луча, замедлил и остановил нас здесь. Однако эти мысли не особо занимали меня в тот момент по сравнению с захватывающим любопытством, что владело нами, пока мы жадно разглядывали обстановку снаружи цилиндра через прозрачные секции в его стенах.

— Цилиндры! — вскричал Карсон. — Такие же цилиндры, как наш... И их сотни!

Мы обернулись, проследив его взгляд, и тоже увидели, что в одной из стен громадного ангара, в котором висел наш цилиндр, открывался широкий коридор или сквозной проход, и там выстроился длинный ряд таких же, как наш, высоких цилиндров — ряд, который вёл прямо к металлической конструкции, на которой мы висели. Было очевидно, что при желании их можно было бы задвинуть вперёд, в это устройство, и вытолкнуть с помощью диска и громадной шахты на нашу Землю. Когда я увидел это, внезапный холодок пробежал по моей спине, волна страха, но не за себя, а за мой мир. Разве это не предвещает великое завоевание Земли? Я мгновенно представил себе их, выстреливающих на Землю с диска над нами, сотни, тысячи, заполненные десятками тысяч летающих дисков. И тогда бессчётные орды ужасных созданий — безжалостных завоевателей хлынут на Землю!

Но это мимолётное видение отступило в следующую секунду, потому что Трент указал на узкий металлический мост, ведущий от двери нашего цилиндра к полу помещения и к кромке круглой бездны, над которой мы висели. Нам удалось разглядеть и дальний конец огромного ангара, и металлическую лестницу, которая круто уходила вверх. Вне себя от нетерпения мы уставились на неё. Я думаю, что тогда мы все полагали, что находимся где-то внутри Луны, так как вокруг не было естественного света, лишь только мягкое свечение круглых ламп. Мы знали также, что до своей остановки наш цилиндр проделал большой путь по гигантской шахте сквозь самое сердце Луны, и теперь мы были полны желания выяснить, куда попали. Я стремительно обернулся к Карсону.

— Здесь должен быть воздух, в этом громадном отсеке! — воскликнул я. — Должен, потому что именно здесь лунные рейдеры покидали свой цилиндр!

Тот с сомнением разглядывал обстановку.

— Если бы здесь был воздух, он вырвался бы через эту шахту, — возразил он. — Вышел бы весь наружу, в вакуум безвоздушного пространства, и произошло бы это моментально.

Я покачал головой.

— Разве ты не видел большой металлический то ли барьер, то ли дверь, перекрывающий шахту? Он на мгновение открылся перед нашим цилиндром и захлопнулся сразу, как только мы пронеслись, — спросил я. — Это, должно быть, огромные ворота или створка, которая автоматически открылась при нашем прибытии и закрылась за нами, клапан, что удерживает здешний воздух от улетучивания, как ты говоришь.

Сбитый с толку, он ещё с минуту пытался осмыслить мои слова, затем внезапно согласно кивнул и потянулся к штифту открытия двери. Когда он опустил на него руку, мы замерли в напряжённом молчании, зная, что если снаружи воздуха нет, или если он сильно разреженный, мы умрём в течение нескольких ближайших минут. Но Карсон опустил штифт без колебаний, и, пока большая дверь втягивалась в стенку цилиндра, мы стояли недвижно. Поскольку воздух

не рванулся ни внутрь, ни наружу, мы зашевелились и с облегчением переглянулись, а затем обернулись к двери. Минутой позже, придерживаясь за стенку цилиндра, чтобы наши усилия не вознесли нас вверх из-за слабости лунной гравитации, мы шагнули на небольшой мостик снаружи, воздух там оказался довольно похожим на тот, что был внутри. Но, едва выйдя наружу, мы в удивлении застыли на мосту.

За один шаг мы проделали точно такой же путь, как на Земле! Зная, что из-за малой массы и слабой силы притяжения наш вес на Луне должен был составлять одну шестую от нормального, мы собирались в качестве первого пункта плана нашего путешествия «научиться ходить» при малой гравитации. Мы допускали даже пятидесятипроцентную вероятность того, что внезапное и значительное изменение в гравитации может привести нас к мгновенной гибели, так как от такого перепада можно было ожидать фатальных результатов для внутренних органов наших тел. Несмотря на это, мы решили, что шансы у нас есть, и заранее обдумали первые движения после выхода из цилиндра при пониженной гравитации, в существовании которой не сомневались. А теперь вдруг обнаружили, что притяжение здесь было точно таким же, как на Земле!

— Гравитация! — воскликнул Карсон, встревоженный более чем когда-либо прежде. — Она такая же, как на Земле. Это невозможно!

У меня мелькнула мысль.

— Лунные рейдеры! — вскричал я. — Помнишь, ты говорил, что, когда они пришли на Землю, они ходили, как будто вполне привыкли к земному притяжению!

Карсон согласно кивнул.

— Да, — сказал он. — И теперь мы знаем, почему. И всё же, как может лунное притяжение быть таким же? Это противоречит законам науки!

Но теперь, хотя и поражённые необъяснимым равенством лунного тяготения с земным, мы оставили этот вопрос и с нетерпением оглядывались вокруг. Крутая металлическая лестница, которую мы заметили из цилиндра, лежала перед нами, и мы видели, что ведёт она к потолку ангара, а затем уходит в большое круглое отверстие в этом потолке.

Сквозь это отверстие мы могли видеть бескрайнее едва освещённое пространство над ним и блеск где-то на большой высоте, что нас озадачило. Молча, как во сне, мы поднялись по лестнице, осторожно перставляя ноги по её скошенным ступеням, поднимаясь выше и выше, пока не оказались у выхода, откуда смогли разглядеть более обширный кусок громадного пространства наверху. Теперь мы слышали слабый пульсирующий звук, доносившийся откуда-то сверху. Он то приближался, то удалялся.

С колотящимися сердцами мы замедлили наш подъём, осторожно подбираясь к отверстию прямо над нами. Когда мы приблизились, то увидели стоящий у его края невысокий металлический столбик, который внезапно показался знакомым. Карсон указал на него, прошептал:

— Лунный выключатель большого диска!

Я кивнул.

Это была копия переключателя на Земле; на столбике стоял маленький металлический диск с белой рукоятью рубильника, поворачивающейся к его краю. Но я заметил, что этот рубильник можно было повернуть не только к нижней стороне этого диска, посылая большой луч лететь вниз, вниз, сквозь гигантскую шахту к Земле, но также он мог быть смещён к верхней его стороне. Могло ли быть так, что гигантский луч мог бы также двигаться вверх из верхней стороны диска?

Мы прокрались дальше. Карсон шел впереди, мы с Трентом следом, и когда его голова поднялась выше последней ступени, когда он выглянул в большое пространство наверху, посмотрел по сторонам, я увидел выражение благоговения на его лице — благоговения и невыразимого восхищения, словно его глаза видели нечто, во что отказывался поверить его разум. Устремившись вперед, он, казалось, в этот момент забыл о нашем с Трентом существовании, а мы переглядывались и тихонько подбирались к нему. Мы поравнялись с ним, осторожно подняли глаза над уровнем последней ступеньки, над краем большого проёма в потолке ангара. И тоже замерли в недоверчивом молчании.

Мы вглядывались в огромное пространство, величину и существование которого не могли постичь. Подсвеченные слабым белым светом далёкие своды бескрайнего купола протянулись,

уходя в бесконечность. Не в силах отвести взгляд, мы в первую очередь подумали о лежащей за куполом черноте, о ночи эфира, в бездне которого горели знакомые звезды. Мы видели блестящий прозрачный материал, натянутый надо всем окружающим нас громадным пространством, лишь потому, что поступающий снизу свет слабо отражался от его поверхности! Титаническая, невероятная прозрачная кровля, уходящая за пределы возможностей наших глаз, на целые мили над окружающим нас огромным пространством закрывала это пространство от черноты внешней ночи и от горящих звёзд!

Во все стороны до самого горизонта протянулась ровная плоская равнина, громадная равнина, покрытая, насколько хватало глаз, постройками! Строения из металла, строения, не похожие ни на что, когда-либо виденное человеком; строения, многие из которых поднимались на тысячи футов сквозь тьму к прозрачной крыше далеко над ними! Строения со множеством стен, угловатые многогранники, что были похожи на огромные гранёные драгоценные камни из металла, похожи на гигантские металлические кристаллы, выстроенные в ряды или улицы! У них на углах, на гранях стен мягко сияли кружки белого света, света, что превращал ночь лунного города в сумрачный вечер.

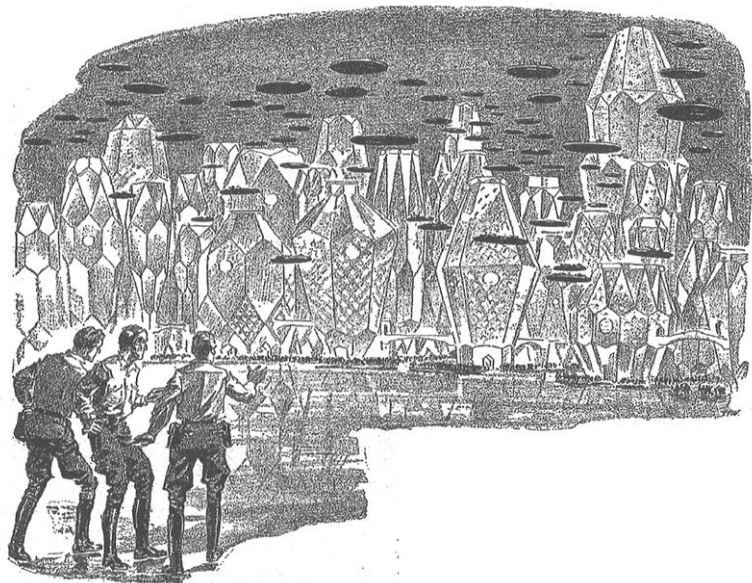
И в этом странном громадном городе кипела жизнь! Тут и там, пересекая и взмывая ввысь, плавно кружились нескончаемые рои из многих десятков и сотен больших летающих дисков. Они перепархивали от крыши к крыше, дисков, в которых мы могли различить чёрные фигуры. Вертикальные и луковичеобразные фигуры, покрытые оболочками тела, их короткие конечности, оканчивающиеся перепончатыми и когтистыми лапами, их большие конусовидные головы рептилий на змеевидных шеях! Это были черепахолюди, подобные тем, кто совершил набег на Землю в одном из больших цилиндров, и этот мегаполис мы должны были, так или иначе, обшарить, чтобы найти Хауленда! Далеко уходили похожие на кристаллы здания города, на улицах между ними также копошились черепахолюди, но в массе этих зданий лежала центральная площадь, или круглая площадка, где был большой люк, через который мы сейчас глазели. И возле люка мы видели блестящую, как чёрной стекло, верхнюю поверхность гигантского диска, вставленного

в металлической пол, диска, чья оборотная сторона выступала из потолка внутри большого отсека.

— Город лунных тварей, — прошептал Карсон, когда мы вдоволь насмотрелись. — Город лунных созданий. Нам никогда даже не снилось, что такое возможно на обратной стороне Луны!

Обратная сторона Луны! Теперь я знал, что именно там лежит окружающий нас город, и именно там мы сейчас стояли. Наш громадный цилиндр влетел в зев гигантской шахты там, в кратере Коперника, пронёсся на невероятной скорости сквозь глубины Луны, не остановившись в глубине под её поверхностью, как, по нашему предположению, могло быть, но пронёсся сквозь всю Луну на её обратную сторону! Вспышки на обратной стороне Луны, всегда обращенной в другую сторону, нельзя было заметить с Земли, и там ничего не знали о гигантском городе под прозрачной крышей, с его массой колоссальных угловатых зданий, протянувшихся от нас, как только далеко огли видеть наши глаза, скрывающие мириады, неисчислимые полчища черепахидов! Но по какой причине... и как долго лунные создания существуют? Когда они просверлили гигантскую шахту через самый центр своей холодной Луны, вниз и до повёрнутой к Земле стороны, так, чтобы их цилиндры можно было посылать мощнейшим лучом вниз прямо из этой шахты, сквозь Луну и сквозь бездну к Земле?

И в этом величественном городе вокруг нас, в этом громадном черепашьем городе, две недели стоял лунный день, а двухнедельную ночь лунные создания смогли превратить в сумерки, осветив его с помощью больших светящихся кружков, вставленных в их дома. Защищённые от чудовищного холода космоса, от безвоздушной пустоты гигантской прозрачной крышей, которая, как мы понимали, должна была покрывать всю обратную сторону Луны громадным воздухонепроницаемым щитом, этот мегаполис не боялся холода и пустоты смертоносного эфира. Без этого щита воздух вокруг нас немедленно унёсся бы в безвоздушное пространство и оставил обратную сторону Луны мёртвой, холодной и безжизненной, как и обращённая к Земле сторона! Здесь, в громадном защищённом куполом городе, обитали толпы черепахолов. Но почему они построили этот город на той стороне, которую никогда не видно с Земли?

Однако прежде чем мой расpalенный разум смог предложить этому правдоподобное объяснение, Карсон, осмотревшись, прошёл в проём, поднялся на поверхность огромной площади. Ни одна черепаха не смогла бы увидеть нас в полутьме на этой огромной площади, хотя на городских улицах, которые мы разглядели сквозь темноту, мы рассмотрели огромные толпы деловито снующих туда-сюда черепахолудей, множество летающих дисков, что метались взад и вперёд над городом и от здания к зданию. Мы задержались в этом странном мягком сумраке, укрытые им от глаз черепахолудей в городе вокруг нас, которых мы могли легко видеть собственным обострившимся земным зрением, приспособленным к глубокой природной ночи Земли. С трепетом оглядываясь по сторонам, изучая невероятные контуры высоких зданий, проступающие сквозь окружающий полумрак, мы сразу же вернулись к исполнению нашего собственного замысла.

— Думаю, у нас есть шанс разыскать Хауленда в этом лунном городе! — воскликнул Карсон. — Потому что в этом сумраке мы сможем спрятаться от черепахолудей, по крайней мере, сможем пострадать, чтобы нас не обнаружили раньше времени, пока мы не обнаружим след Хауленда!

— Но где они могут держать его? — спросил Трент. — Этот город должен тянуться по всей обратной стороне Луны, и как можем мы найти его здесь?

— В этой мгле лунной ночи у нас ещё есть шанс, — заявил Карсон. — Через двадцать четыре часа Земля займёт то же положение, так что шахта там, в Юкатане, и когда это случится, мы должны вернуться назад — назад в наш тёплый мир. Но пока эти двадцать четыре часа не прошли, у нас есть шанс, не спорю, что один против миллиона, что мы сумеем здесь отыскать Хауленда и, освободив его, забрать с нами обратно!

— Но рискнуть сунуться в город, на эти улицы, набитые черепахидами — верная смерть! — воскликнул я. — Уже то удивительно, что нас до сих пор не раскрыли, ведь мы торчим на площади посередине города!

— Мы должны рискнуть, — продолжил Карсон. — Заметьте, некоторые из улиц черепахолюди практически не используют, хотя на остальных их полным-полно. Ну вот, если мы сможем в полумраке проложить путь по этим относительно пустым улицам, возможно, мы сумеем не попадаться достаточно долго, чтобы найти какой-нибудь ключик к судьбе Хауленда.

Оглядываясь по сторонам, мы смогли убедиться, что Карсон прав, и на некоторых из узких улиц, что разбегались от самой площади, черепахолюдей почти не было, хотя на других и широких улицах их было множество. Большинство из них таскали приборы или какие-то инструменты. Однако нас озадачил тот факт, почему за всё это время ни один черепахочеловек не пересёк и не перелетел громадную площадь, в центре которой мы стояли. После краткого размышления мы предположили, что на площадь выходят лишь те, которые хотят попасть в транспортную систему через люк, у которого мы стоим, и, очевидно, жаждущих посетить этот огромный ангар сейчас не нашлось, грандиозная площадь оставалась пустой.

Мы постояли ещё минуту, осматриваясь по сторонам, затем Карсон молча махнул рукой и первым зашагал через площадь, сквозь мягкий плотный сумрак, направляясь к одной из узких и почти пустых улиц, что шли от неё. Мы пошли следом. С каждым шагом мы шли быстрее, а гигантские, подобные кристаллам здания впереди вырисовывались яснее. Мы слышали

громкие звуки деятельности селенитов, заполнявшие более широкие улицы, глубокие басовые ноты множества черепаших голосов, гудение множества летающих дисков, что пронеслись высоко над нашими головами. Несмотря на плотную мглу, не представлялось возможным, чтобы нам удалось незаметно подобраться к большим зданиям, но Карсон повёл нас прямо к одной из самых узких и пустых улочек, простой щели между высокими металлическими строениями. Я сразу понял, что как только мы достигнем глубокой тени, мы сможем уворачиваться от тварей без особых проблем. Мы крались к ней во мраке и мгновенно бросились на пол, когда летающий диск, гудевший над головой, вдруг пошёл на снижение прямо к нам!

Пока мы лежали с бешено бьющимися сердцами, нам казалось невозможным, что мы останемся незамеченными, но секунду спустя он пролетел мимо, а в следующую мы уже вновь были на ногах и пробирались к узкой, как расщелина, улочке, что открылась среди нависающих зданий. Только что нас едва не обнаружили, но в нескольких ярдах лежала густая тень. Мы были в ярдах, футах от неё, от края громадной площади, когда резко остановились и отпрянули! Потому что от одного из высоких зданий, выходявших на площадь, отделилось не меньше десятка тёмных, неправильных фигур, переговаривающихся глубокими басовитыми голосами, которые сквозь сумрак пошли к центру огромной площади — прямо к нам! Прежде чем идущие впереди Карсон и Трент, да и я, бредущий вслед за ними, смогли отскочить, тёмные, похожие на луковицы фигуры черепах были уже в ярдах от нас. Нелепые большие панцирные создания, заметив нас, мгновенно остановились, на секунду уставились немигающими глазами, а затем ринулись прямо к нам!

Глава 6. Битва летающих дисков

Когда не меньше дюжины громадных черепахидов кинулись прямо на нас, я секунду стоял, поражённый параличом бездействия, затем увидел, как Карсон выхватил из кобуры пистолет, услышал его краткий треск и увидел, как

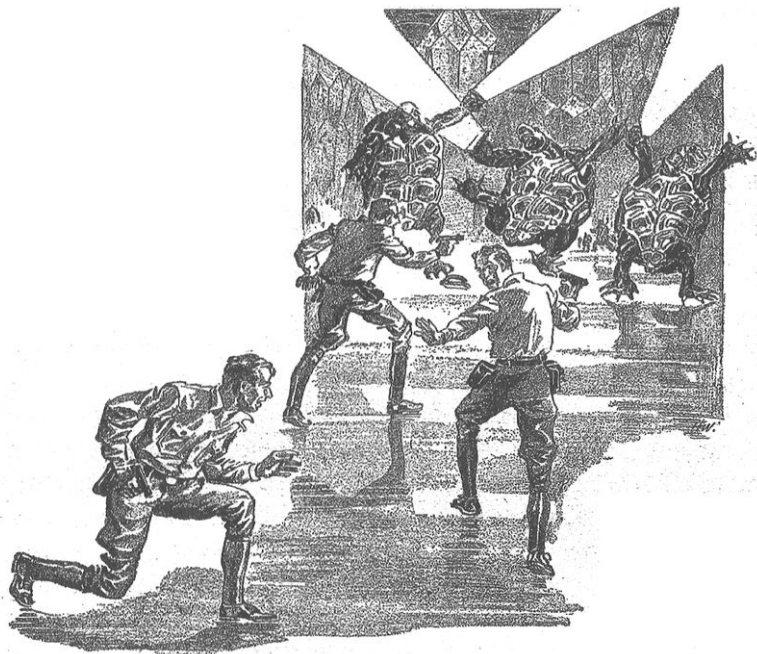
две из атакующих тварей споткнулись и упали, увидел, как пала ещё одна, когда заговорил пистолет в руке Трента. Затем мой собственный ствол оказался в руке, и я устремился вперед, слыша со всех сторон гигантской площади громкие сигналы тревоги, которые буквально накрыли нас звуковой волной. Но прежде чем я сделал второй шаг, Карсон крикнул мне через плечо.

— Назад, Фостер! — закричал он. — Они схватят нас, но ты можешь уйти! Единственный шанс для Хауланда и нас — если кто-то останется на свободе!

Даже в тот мучительный момент, когда огромные черепахолюди впереди беспрепятственно кинулись на Карсона и Трента, я знал, что Карсон прав. Если мы все попадём в плен, никаких шансов у нас не будет, но если кто-то один сможет сохранить свободу, он может хотя бы попытаться бежать с Луны на Землю и предупредить наш мир.

Несколько мгновений я в нерешительности стоял с пистолетом в руке, раздираемый стремлением броситься к моим друзьям, а затем повернулся и побежал сквозь сумрак через громадное открытое пространство площади назад, к выходу, откуда мы пришли. Я слышал, как стихли выстрелы пистолетов Карсона и Трента, слышал шум короткой драки, приглушённые крики и хриплые вопли, и знал, что лунные твари окружили моих друзей. Казалось, что со всех сторон огромной площади по сигналу тревоги из высоких зданий выскочили другие лунные твари... Я же на максимальной скорости нёсся сквозь мглу к огромному люку, через который мы пришли.

Через минуту я был уже возле него и оттуда мог различить через густую мглу далеко на площади с десятков огромных черепахолюдей, бегущих сюда. Я знал, что они все ещё не могли меня видеть, но когда я бросился вниз по металлической лестнице в кубическом ангаре, где всё ещё висел наш цилиндр, остановленный над провалом гигантской шахты, я понял, что через минуты они достигнут ангара. В отчаянии я шарил глазами по сторонам в поисках какого-нибудь укрытия, но среди голых металлических стен, освещённых белым светом, не видел ничего подходящего. Я ринулся к мосту, что вёл к открытой двери неподвижного цилиндра.

Совершенно безумная идея спрятаться в этом цилиндре пронзила мой мозг, но у самого моста я остановился, оглядывая мощные металлические балки над большим цилиндром, которые удерживали его здесь под диском и над круглой бездной шахты. Две из этих гигантских балок пересекались под прямым углом как раз надо мной, и в следующую секунду я уже карабкался туда, потом залег на горизонтальной балке, молясь, чтобы её широкая поверхность могла защитить меня от любых взглядов. Я с трудом достиг ненадежного укрытия над тёмной пастью открытой в полу шахты, когда в громадный зал ворвалась дюжина черепахолудей!

Я видел, что они все вооружены металлическими полусферами, подобными тем, что описывал нам Карсон, контейнерами для смертельного зелёного луча. Я затаил дыхание, когда они посыпались вниз по лестнице, окликая друг друга низкими голосами и торопливо осматривая помещение. Никто из них не взглянул вверх на громадную балку, на которой ничком лежал я. Вскоре они, казалось, убедились в том, что в зале никого нет. Оглядываясь по сторонам, они несколько минут

беседовали странными вибрирующими голосами, дюжина невообразимых, чуждых, громадных панцирных черепахов, а потом один из них взглянул на цилиндр, неподвижно висевший рядом со мной, и что-то сказал, и все двинулись к нему, проходя по мосту прямо подо мной.

Когда они прошли по этому мосту, остановились возле открытой двери цилиндра и, с полусферами наготове, заглянули внутрь, я мог бы протянуть руку и прикоснуться к макушкам огромных рептилий, так близко были они от меня. Я едва решался вздохнуть; лежал с судорожно сведёнными мускулами, изнемогая от нестерпимого желания заорать, пока они целую минуту разговаривали всего лишь в нескольких дюймах от моей громадной балки. Затем они повернулись, чтобы уйти. У меня в глубине души вновь родилась надежда. Я смотрел, как эти гигантские черепахи шли назад через громадный отсек и вверх по узкой лестнице, но потом, к своему разочарованию, увидел, что один из них остался. Он все ещё держал в лапе полусферу с вакуумным лучом, и несомненно, был часовым, поставленным для охраны! Отчаяние вновь вернулось ко мне, пока я смотрел, как уходили остальные, поднимались вверх по лестнице и выходили из большого зала, тогда как единственный оставшийся бодро прохаживался по залу с немигающими глазами, бдительный как никогда.

Мириады планов теснилось в моей голове, пока я лежал там, всё ещё питая надежды, хотя охранник торчал внизу. Я не мог шевельнуться, зная, что в любой момент он мог меня обнаружить, и тогда выстрел смертельного зелёного луча положил бы конец моему существованию. К тому же где-то в величественном городе надо мной, живые или мёртвые, оставалось двое моих друзей, которые пожертвовали собой, чтобы дать мне возможность бежать. Я знал, что если только смогу получить свободу и быстро найти Карсона и Трента, то у нас будет всего двадцать четыре часа, а потом нам необходимо будет вернуться домой и предупредить землян. Ломая голову я, наконец, выбрал совершенно безумный план, потому как давно не держал в руках пистолета. Шанс на успех был невелик, но, воплощая идею в жизнь, я вытянулся на своей балке и стукнул по боку громадного металлического цилиндра.

Когда гулкий звук от моего удара расколол тишину гигантского отсека, я увидел, как черепаха-охранник у дальней стены резко повернулся, уставившись на цилиндр, с полусферой наизготовку. Затем он направился к нему, пересекая просторный зал; он подошел к небольшому металлическому мостику, что протянулся от самого края шахты к открытой двери цилиндра. Он шёл медленно и, достигнув мостика, постоял с готовой к действию полусферой на самом краю пропасти, вглядываясь в цилиндр. Я бесшумно сгруппировался и, когда он шагнул прямо под большую балку, на которой я залёг, бросился на него! Шорох прыжка тут же заставил его смертоносную полусферу рвануться мне навстречу, но всё же он опоздал, потому что уже в следующее мгновение я оседлал его, повалив на поверхность маленького моста, и завязалась жестокая драка. Изо всех сил сжимая друг друга, мы сцепились на маленькой узкой полоске металла, а под нами открывалась безмерная глубина громадной шахты, что шла через всю толщу самой Луны! Вертясь, изворачиваясь, мы с черепахочеловеком, что норовил, несмотря ни на что, применить против меня свою полусферу, катались по маленькому мосту в безмолвном и смертельном поединке. Тщетно стараясь взять верх над нелепым панцирным врагом, я чувствовал, что силы покидают меня; я чувствовал, как сжимающие моё тело громадные лапы джойм за джоймом тянут меня к краю моста, к пропасти!

В следующую минуту мы возились уже на самом краю, а потом я ощутил, что огромные конечности неодолимо тянут меня через край, и, словно издалека, увидел внизу чёрную глубину громадной шахты, куда меня толкали.

При этом зрелище во мне вдруг вскипела безумная ярость, дикий всплеск внезапной силы. Я наугад врезал державшему меня чудовищу. Неожиданный жестокий удар отшвырнул его к противоположному краю моста, и затем он перевалился через край и полетел в глубины громадной шахты. Секунду спустя до меня донёсся низкий воющий вопль, и потом всё стихло!

На подкашивающихся ногах я заковылял по мосту, а потом по металлическому полу большого ангара к лестнице, что вела наверх. Но, не сделав и полудюжины шагов, я замер на

месте и поднял взгляд. Оттуда шёл нарастающий вибрирующий звук. Это гудение быстро усиливалось, оно приближалось ко мне! Только я услышал его, как следом увидел, как через большой круглый люк в потолке огромный чёрный диск, спускался в него, скользя сквозь сумрак. Это был один из летающих дисков, и он спускался прямо в люк надо мной, прямо в громадный зал!

Охваченный ужасом, я застыл, пока огромная дисковидная форма пронеслась вниз. Вот она уже достигла отверстия в потолке, плавно входя в него. Но как только она с ним поравнялась, я развернулся и кинулся обратно. В этот момент смертельной опасности я чётко понимал, что времени добраться до бывшего убежища на балке у меня нет, меня увидели бы прежде, чем я смог бы спрятаться. Впереди висел большой цилиндр. К его открытой двери подходил мостик, на котором я дрался, но я не смог бы спрятаться там и снова застыл в мучительной нерешительности. Затем, в тот миг, когда летающий диск ворвался в большой отсек, я сделал свой выбор, подскочил к краю огромной шахты передо мной и быстро нырнул за край, повиснув над бездной, и только пальцы теперь виднелись на ободе, за который я держался!

Едва я нырнул в это последнее убежище, как услышал громкое гудение летающего диска, спикировавшего сквозь проём наверху на просторный металлический пол зала. Двигатель смолк. Затем я услышал глубокие вибрирующие голоса черепахолудей и множество звуков, источников которых я не мог определить. Я молился, чтобы они не разглядели моих пальцев, сжатых на громадном ободе шахты. Ведь даже слабый толчок отправил бы меня в адскую глубину следом за моим бывшим противником. Твари наверху, казалось, держались, выбираясь из летающего диска, и я слышал, как кто-то прошёл по узкому небольшому мосту справа от меня, очевидно, заглянул в цилиндр, и затем вернулся, не заметив в тёмной глубине огромной шахты моей болтающейся фигуры. И тут мои руки начали неметь, и я почувствовал, как мои пальцы медленно соскальзывают с обода!

Момент был отчаянным, черепахолуди наверху переговаривались своими низкими голосами, а моя хватка продолжала слабеть вопреки всем моим усилиям. Я знал, что несколько се-

кунд спустя моей выносливости настанет предел. Я уже видел себя падающим вниз, но, совсем утратив надежду, услышал звук тяжёлых шагов по металлическому полу и понял, что черепахи двинулись вокруг огромной шахты к противоположной стене отсека, очевидно, в широкий коридор, где выстроился длинный ряд цилиндров. Насилу дождавшись, пока звук голосов лунных чудовищ удалится по коридору, я, напрягая все силы, потянулся к ободу, на котором висел. Какое-то время онемевшие мускулы отказывались слушаться команд, ноющие конечности казались неспособными на дальнейшее усилие, и страх пронзил меня, когда я обнаружил, что не могу подтянуться. Однако острая паника подстегнула меня, заставив удвоить усилия, и, наконец, с судорожным сокращением мышц, я вскарабкался на стенку громадной шахты и, задышавшись, упал возле её края.

Пару минут я пролежал в полнейшем изнеможении, затем, шатаясь, поднялся на ноги. Большой летающий диск черепахолудей стоял на металлическом полу ангара недалеко от меня, и не было видно ни одной твари. Все ушли в коридор на другой стороне зала, откуда до сих пор доносилось слабое эхо их голосов. Я кинулся через зал прямо к лестнице, ведущей наверх, но в футе от неё остановился, уставившись на затихший диск. Тут меня осенила внезапная мысль. Если бы я мог управлять этим летающим диском, я сумел бы исследовать обширный лунный город, который не смогу изучить никаким другим путем. Загоревшись этой идеей, я устремился к летающему диску.

Тот представлял собой большой плоский круг из матового металла с низким, возможно, в фут высотой, бортиком металлической ограды по краю. Диск, похожий на все другие, что я уже видел, имел сотню футов в диаметре, а в его центре находилось устройство, с помощью которого он двигался. Этот механизм, независимо от его природы, помещался в небольшом плоском цилиндрическом корпусе, на верхней панели которого рассыпалась масса штифтов и странного вида круговых шкал. Всё это группировалось вокруг простого центрального вертикального рычага, или штурвала. Я устроился рядом с цилиндрическим пультом управления и поспешно прижал все штифты по очереди,

однако безрезультатно. Доносившиеся из коридора голоса лунных тварей теперь казались ближе, громче, я понял, что они возвращаются и вскоре выйдут в большой отсек, так что я лихорадочно нажимал и вертел тумблеры. Затем, когда мои пальцы легли на штифты в верном порядке, под диском что-то щёлкнуло, и тут же механизма диска плавно и мощно зарокотли. Я немедленно схватил центральный штурвал. И едва я это сделал, то почувствовал, как диск плавно взмывает к потолку, а его центральная часть становится прозрачной для обзора.

Лихорадочные эксперименты показали мне, что штурвал был единственным устройством для управлением движением, большой диск поворачивал в ту сторону, куда накренился штурвал. Я неуклюже подвёл его к выходу в потолок, испробовал несколько манёвров и затем прошёл сквозь люк. Мой большой диск с утробным рокотом поднялся в сумрак над огромным лунным городом! Всё, что раскинулось подо мной в густых сумерках, казалось застывшей навечно огромной массой странных гранёных зданий, напоминавших, когда я воспарил над ними, гигантские кристаллы из металла. В сумраке я мог различить многочисленные летающие диски, перепархивающие от крыши к крыше высотных зданий, но поначалу я уделял им мало внимания, направив свой диск через пустую площадь к месту, где я в последний раз видел Карсона и Трента

Когда я достиг этой точки, то остановил движение диска, неподвижно зависнув в нескольких сотнях футов над тусклой поверхностью площади, и пристально всмотрелся в неё. Однако внизу не нашлось ничего, кроме матового металла, простирающегося до гигантских зданий на краю площади. Не было никаких следов Карсона и Трента, и даже слоняющихся черепахолюдей. С отчаянием и болью в сердце я озирался по сторонам в поисках своих товарищей. Нигде их не было видно, ни одно существо не пересекало площадь, хотя масса черепаших фигур бродила по городским улицам, а роящиеся диски гудели со всех сторон в сумрачной ночи лунного города.

Я уныло крутил головой, потому что где в этом величественном, едва освещённом городе мог бы я надеяться найти

друзей? Пресловутая иголка в стоге сена казалась легче моих проблем, но я знал, что не остановаюсь ни на миг, пока не узнаю о судьбе моих друзей. Я не увидел ни тел, ни следов крови, оставшихся внизу, так что логичным казалось, что они пока что живы. Вернувшись к управлению диском, я снова послал его барражировать над большим городом, на этот раз держась выше странных массивных зданий и гудящих улиц на высоте в тысячу футов или около того, ныряя в тени зданий и улиц. Я искал любые следы моих пропавших друзей. Но никаких следов я не обнаружил. Вокруг были только гигантские здания, усеянные кружками сумеречного света и маленькими треугольными окнами, чередующимися на их стенах. По металлическим улицам носились орды черепахолюдей, ни на минуту не переставших собирать инструменты и оборудование в грандиозных приготовлениях, которые, казалось, никогда не закончатся. Я то и дело снижался у зданий, зависал рядом с их маленькими треугольными окнами и заглядывал внутрь, но темнота внутри озадачивала меня, заставляя снова взлетать.

Я забирался дальше в город. Постепенно я почувствовал полную безнадежность. Я не опасался, что буду раскрыт черепахолюдми, которые сновали внизу, но от летающих дисков, что плотно роились вокруг, уворачивался и старательно отлетал от каждого, зная, что если твари в полутьме разглядят, кто правит диском, это будет означать мой конец. Но черепахолюди на порхающих вокруг меня дисках меня игнорировали.

Город, как я видел теперь, тянулся от горизонта до горизонта, судя по всему, в самом деле покрывая всю обратную сторону Луны без разрывов. Давно уже гигантская площадь с её люком исчезла в сумраке позади, но я по-прежнему видел над головой слабо поблёскивающую прозрачную крышу, которая защищала ограниченные запасы воздуха лунного метрополиса от рассеивания в безвоздушном пространстве. Сквозь эту крышу и сквозь мглу под ней я мог наблюдать знакомые звезды, огромные созвездия, не изменившие ни формы, ни положения, и это зрелище вызывало колючую, такую земную боль. Я рывком вернулся к реальности, и тут же меня пронзил страх, потому что здоровенный летающий диск, приближения которого я не заметил, прошёл всего в двадцати футах от меня!

Я свернул, видя, как он взмыл, едва пролетев дальше, затем увидел, что он остановился, повернул и направился прямо ко мне. Черепахолюди на нём увидели меня! Диск летел прямо ко мне, но в ту же секунду я схватился за управление своим диском, отправил ему вверх, гудя двигателем, поднимаясь на огромную высоту над городом, двигаясь прочь от догоняющего диска. Я взмыл, как ядро, вылетевшее из пушки, но когда оглянулся, увидел, что тот диск поднимается следом за мной с дюжиной черепахолюдей на площадке, я различал их играючи, уставившихся на меня, когда их корабль вышел на мой след. Они преследовали меня!

Осознав этот факт, я не впал в панику — взял себя в руки, присел и послал летающий диск выше, пока город внизу постепенно не исчез из вида в туманном сумраке. Однако преследователи не отставали. Они много лучше меня управляли движениями своего диска, быстро догоняли меня! Вскоре огромная масса зданий подо мной пропала из виду во мгле. Но преследователи не отставали. Моё сердце стучало всё быстрее, по мере того как расстояние между нами сокращалось. Я надеялся скрыться от преследующего корабля во мгле, но, вертясь и увиливая, так и не смог стряхнуть их с хвоста, и вскоре они оказались всего в нескольких ярдах от меня. К тому времени я уже видел блеск гигантской прозрачной крыши и знал, что в этом полёте поднялся высоко над лунным городом, добравшись почти до самого громадного потолка. И только я обернулся, чтобы бросить взгляд назад и оценить, насколько преследователи близко подобрались ко мне, как увидел направленный в мою сторону широкий луч мутного зелёного света из большой полусферы, установленной на краю их диска.

Я тут же инстинктивно дёрнул штурвал, уводя свой летающий диск в сторону от мутного луча. В следующий миг зелёный луч пронзил воздух, где я только что был, и, едва это случилось, как в моих ушах раздался оглушающий грохот мощного взрыва, а мой летающий диск резко нырнул вниз и заплесал на воздушных волнах! Я знал, это был тот же смертоносный луч, который видел Карсон, — зелёный луч, своим ударом дестабилизирующий атмосферу, создающий настоящий вакуум, уничтожая воздух на своем пути, и убивающий

любое живое существо. Однако меня болтало из стороны в сторону, и преследующим меня черепахолюдям также пришлось резко наклонить свой диск, чтобы вновь нацелить смертельный луч. В следующую секунду второй зелёный луч выстрелил по мне.

Я вновь резко вильнул, уходя вниз, но в этот раз мутный луч прошёл мимо лишь в нескольких футах от края моего диска. Взрывная волна едва не перевернула мой летучий корабль. Отчаянно вцепившись в пульт управления, в тщетной попытке избавиться от безжалостных преследователей, чьи смертельные выстрелы сверкали вокруг меня, я чувствовал, как ускоряется бег крови, закипает гнев. Я то и дело бросал быстрые взгляды по сторонам, пытаюсь придумать план спасения. И тут я заметил, что у края моего собственного летающего диска установлена одна из больших металлических полусфер, похожая ну ту, из которой меня сейчас поливали лучом. Я к тому же увидел на стенке пульта управления передо мной зелёный штифт, которого не замечал прежде. С внезапной решимостью я резко развернул свой диск «лицом» к преследователям так, чтобы полусфера на его краю оказалась прямо напротив них, и надавил на зелёный штифт. Тут же из полусферы вырвался столб мутного зелёного луча, ударив навстречу врагам и пройдя едва не вплотную к ним. Когда моих ушей достиг грохот взрыва, я увидел, что вражеский диск нырнул и закачался, едва луч создал вакуум рядом с ним.

Он всё ещё приближался ко мне, и тогда я бросил собственный диск прямо ему навстречу, в воздухе между нами пересеклись и схлестнулись два смертоносных луча. Мы оба тут же отвернули в стороны, уходя от луча противника. Кружась, ныряя, стреляя, мы болтались под гигантской прозрачной крышей высоко над громадным лунным городом, что лежал в полумраке далеко внизу, — странная битва, каких здесь раньше не видывали. Однако я знал, что эта битва не может продолжаться долго, потому что мои противники были очень опытные в управлении большим летающим диском, и только сверхчеловеческими усилиями мне удавалось избегать их атак зелёным лучом. Зелёные столбы, вырывающиеся из наших дисков, рассыпали вокруг нас стремительную дробь грохочущих, как гром,

взрывов, и я знал, что если бы звук слышали в городе далеко внизу, то подлетели бы другие летающие диски. Зная это, я решил поставить всё на отчаянный маневр, который пришёл мне в голову и который, наконец, мог бы дать мне шанс уничтожить преследователей. Направив мой диск к качающемуся диску моих врагов, я выждал, пока их зелёный луч, молнией разрывая воздух, жажнет навстречу лишь несколькими футами выше моей головы, и тогда послал диск вниз, а сам при грохоте взрыва внезапно упал, обмяк на поверхности диска, тогда как его штурвал оставался в моей руке. Неуправляемый диск начал, вертясь, падать сквозь мглу, пока я распластался на нём. Я видел, что едва я сделал это, как с вражеского диска прекратилась стрельба, видел, что они плавно пошли вниз следом за моим падающим диском, словно хотели убедиться в моей смерти. Они скользили за мной, а я как мёртвый лежал на поверхности диска. Но когда они совсем близко подобрались к моему кувыркающемуся кораблю, я вцепился в штурвал, выравнивая его одним стремительным движением, и прежде чем идущий рядом диск успел свернуть, утопил пусковой штифт и послал столб зелёного луча прямо в группу лунных тварей в его центре!

Я слышал грохот разрыва и крики врагов, когда их поразила зелёный луч, я видел, как твари на нём вдруг сужились и зашатались, и пали мёртвыми, как их тела разбухали, трескались и взрывались прямо на моих глазах! Потом, раз не осталось никого живого, чтобы управлять, большой летающий диск ушёл в безумное глубокое пике и в следующую же секунду пропал во мгле, чтобы разбиться о лунную поверхность! Мой диск, плавно наращивая скорость, летел сквозь мрак, а я несколько минут недвижно лежал посередине его, охваченный ужасом. Я не помнил тогда даже о собственном спасении от такой омерзительной смерти, какая постигла черепахолудей в зелёном столбе света.

Когда я прогнал страх и взял себя в руки, я обнаружил, что диск всё ещё плавно летит куда-то сквозь мглу. Я снова послал диск вниз — вниз, пока блеск прозрачной крыши снова не отступил вдаль, пока я не смог опять различить множество гранёных зданий в громадном лунном городе подо мной. Пока я осторожно спускался, отворачивая с пути других летающих дисков, я начал убеждать, что бой, который я вёл высоко в

сумраке, не привлёк постороннего внимания. В городе внизу не поднялось никакой тревоги. Летающие диски всё так же порхали от крыши к крыше, и на металлических улицах про-

должали толпиться черепахи. Не нашлось ни одного подтверждения, что кто-либо услышал канонаду нашей битвы.

Удовлетворенный, что всё прошло скрытно, я осмотрелся, чтобы определить направление на огромную площадь, с которой пришел. И тут я понял, что высотные здания и улицы, над которыми я летел, по внешнему виду неотличимы одни от других, и ничто не помогло бы мне вспомнить, откуда явился. Я едва не поддался панике, когда осознал, что мои маневры во время боя во тьме полностью расстроили всё моё чувство направления, и теперь без какой-либо подсказки я ни за что не найду большую площадь, под которой располагалась шахта для путешествия на Землю! Я заблудился — заблудился в небе, над бескрайним городом лунных тварей!

Глава 7. В гуще опасностей

Холодный неконтролируемый ужас охватил меня, когда я понял, что утратил всякое представление о том, где нахожусь, и могу блуждать во мгле над колоссальным лунным городом, пока какое-нибудь неизбежное происшествие неминуемо не откроет меня толпам внизу. Тогда, заставив себя спокойно обдумать ситуацию, я постарался припомнить, в каком направлении уходил с площади, но обнаружил тщетность попытки: путали. Подниматься выше для более широкого обзора огромного города было бесполезно, так как чем выше я поднимался, тем более трудным делала такой обзор мгла над городом. В конце концов я пришел к выводу, что лучшим решением будет летать кругами в поисках Карсона и Трента, что я и делал, надеясь, что подобные поиски могут привести меня к большой центральной площади.

Направив летающий диск вниз у высоких кристаллоподобных металлических зданий, я вновь не спеша плавно взлетал над ними, внимательно высматривая какие-либо следы моих друзей. Я летел всё дальше и дальше над загадочным и, казалось, бесконечным городом лунных тварей, но всё это бескрайнее пространство представлялось одинаковыми, геометрически правильно повторяющимися рядами громадных зданий. Установленные на них кружки лучились слабым светом. Дороги между зданиями заполняли неисчислимые толпы черепахолюдей, а воздух над ним гудел от множества больших летающих дисков, подобных моему собственному. Я летал, занимаясь бесполезным осмотром, почти два часа, и уже начал было думать, что в результате моя миссия невыполнима, а Карсон и Трент убиты в стычке, на площади. Но вид гигантского строения, такого же, как остальные в этом странном городе, но неизмеримо большего, чем все, встреченные мной до сих пор, вымел эти мысли из головы.

Одинокий титанический кристалл металла со множеством углов и граней стен, унизанный мерцающими кружками и треугольными окнами, смотрелся великаном среди более мелких гранёных кристаллов окружающих его зданий, его громадный корпус поднимался на полных две тысячи

футов прямо к прозрачной крыше купола. Я решил, что здесь расположен самый центр жизни лунного города, тем более что громадная плоская крыша здания кишела от приземлявшихся и взмывающих дисков. Я понимал, что затея подойти к нему грозит немедленным разоблачением, так как небо над ним было переполнено дисками и улицы возле него черепахолдюдьми. Но во мне вдруг проснулась надежда, и я повёл летающий диск прямо к громадной угловатой стене, частично прикрываясь ею и плотным сумраком — тенями множества дисков, скользящих надо мной, садящихся и взлетающих с крыши огромного дома. Затем, с внезапно вспыхнувшей надеждой, я начал медленно подниматься вдоль стены строения, заглядывая в треугольные окна. И вот, когда я был посредине гигантского здания, я вдруг быстро остановил свой диск и впился взглядом в тёмное окно передо мной. Сердце мое учащенно забилося.

Я разглядел в полутьме белое человеческое лицо! Всего лишь на миг это лицо показалось в одном из треугольных маленьких окон в стене здания, но его нечёткий отсвет во мгле немедленно придал мне новую надежду. Я тут же сжал штурвал диска и подлетел к окну. В следующую секунду я завис точно напротив него, но, глянув вниз, заметил большую группу черепахолюдей, неподвижно стоявших возле мощной стены здания — настоящей толпы. Несомненно, это была стража, и сквозь сумрак они усталились прямо на меня! Я не мог рисковать, долго находясь у стены огромного здания. Смутные подозрения, возникшие у стражи, непременно бы возросли. С чувством, близким к отчаянию, я послал летающий диск вверх.

Однако когда я рванул вперёд, то над крышей громадного здания увидел кое-что, внезапно возродившее во мне надежду. Над этой крышей постоянно кружила масса улетающих и прибывающих дисков и, оставаясь среди них, я мог разглядеть круглый вход и лестницу, ведущую вниз. Осматривая гигантскую крышу, кружа в сумраке возле неё, я увидел, что охраняло ее полдюжины тварей, вооружённых лучевыми полусферами, но они направились к здоровенным летающим дискам, что минутой раньше приземлились на

дальнем краю крыши. Один из этих дисков был загружен множеством странных машин. Туда двигались не только стражники. Из внутренностей огромного здания выбежало несколько десятков черепахлюдей, которые тоже отправились к этому только что приземлившемуся диску, явно готовясь выгружать привезённую им технику.

Через несколько секунд все поспешили к этому диску, удаляясь от меня по обширной крыше, и я увидел, что возле лестницы нет охраны. Секунду я колебался, затем решительно послал свой гудящий диск к лестнице. Я скользнул вниз, диск мигом мягко лёг на крышу возле выхода, и тогда я спрыгнул с него, с опаской оглядываясь сквозь густой сумрак на группу черепахолудей возле свежеприбывшего диска в сотнях футов от меня у дальнего края крыши. Они явно не замечали моего приземления в густой мгле, и я тотчас же бросился к входу на лестницу, ведущую вниз, и, крадучись, быстро, но тихо стал спускаться по узкой металлической лестнице, что вела во внутреннюю часть величественного здания.

Ниже... Ниже, шаг за шагом, я крался насколько возможно тихо с пистолетом наизготовку вниз, пока не увидел, что в дюжине футов впереди лестница заканчивается широким коридор, куда выходило множество дверей. Из открытых дверей неслись звуки деятельности, гудение машин и глубокие голоса черепахидов, и, подбираясь к ближайшей, я крепко сжимал оружие. Я быстро достиг её, заглянул внутрь. За дверью открылось просторное помещение, тускло освещённое, как и широкий коридор, несколькими кружками, испускавшими слабый свет. Внутри угадывались громадные механизмы с двигающимися зубчатыми колёсами, лентами и цепями, оставшиеся для меня загадкой. Их обслуживало не менее дюжины черепахолудей, которые, по-видимому, изготавливали здесь полушария из металла, немедленно вызвавшие во мне воспоминания о смертоносных лучевых полусферах. Лишь секунду я наблюдал за ними, благодарный глубокой мгле во внутренностях гигантского здания, затем с бьющимся сердцем на цыпочках прокрался мимо открытой двери, не замеченный чудовищами, и двинулся дальше по коридору.

Мимо остальных открытых дверей я пробирался очень осторожно. Все большие мрачные помещения за ними были полны машин и черепахолюдей. Но я не встретил никого из них в сумрачном коридоре, однако догадывался, что недолго будет длиться моя удача, знал, что когда вернутся твари, поднявшиеся на крышу, в коридоре их будет полным-полно. Я торопливо и тихо крался дальше, прямо к лестнице, которая, как я мог видеть теперь, вела дальше вниз. По ней я спустился так же, как по первой, обнаружив ещё один длинный коридор, точно такой же, как тот, что только что миновал. В него тоже выходило множество дверей, но я быстро прошел до конца этого коридора, уже не заглядывая внутрь этих людных помещений. Казалось невероятным, что я незамеченным забрался так далеко, но я знал, что уровень того окна, в котором мелькнуло лицо, значительно ниже.

Я пробирался вниз по очередной лестнице, и ещё по одной, и ещё, шарахнувшись назад, когда шёл по третьей и увидел, что поддюжины черепахолюдей приближаются ко мне по нижнему коридору, таща с собой несколько механизмов. Я присел на лестнице с зажатым в руке пистолетом, но они не пошли туда. Вместо этого они ушли дальше по нижнему коридору, и когда их шаги по гладкому металлу затихли, я выбрался в холл и в полумраке двинулся к следующей лестнице, она должна была привести меня на уровень ниже, который, как я полагал, и был тем самым, который искал. Я спустился по последней лестнице, но, дойдя до последней ступеньки, встал как вкопанный. Хотя она, подобно всем остальным, вела в коридор, в этом коридоре была лишь одна металлическая стена — правая. Слева открывалось чистое пространство, и когда я подкрался и заглянул, то увидел, что внизу распахнулась пустота титанической комнаты, просторного круглого зала в сотни футов в диаметре и в высоту, а я находился почти у самого его изогнутого потолка, и только низенькие перила отделяли пол коридора, где я таился, от пустоты необъятной комнаты.

Этот громадный полутёмный зал, должно быть, занимал добрую половину здания, и я, увлечённо заглядывая вниз, созерцал тысячи низких металлических сидений, сейчас пустовавших, расставленных на его круглом полу, и их пустота

делала помещение ещё огромней. Лишь в центре оставалась круглая незанятая площадка, и там, вокруг низкого треугольного металлического столика, сидели три черепахочеловека, три чудовища, которые, как казалось, без слов изучали какой-то документ, начертанный на тонком металлическом листе, и множество маленьких моделей или механизмов, представленных перед ними. Они сидели в центре колоссального зала в полном молчании и, тем не менее, казалось, странным образом господствовали над ним, заполняли его целиком. Я недолго поглазел на них, затем, вспомнив о цели своего мероприятия и риске на шуметь, поспешно отвернулся. Я знал, что достиг нужного уровня, и знал, что комната, окно которой я заметил, должны быть где-то справа от меня. Теперь, торопясь по тёмному коридору, оставляя по левую руку гигантскую мрачную глубину зала, я заметил впереди другую ветвь коридора, отходящую под прямым углом вправо от того, которым я шёл, и почувствовал, что моё сердце вновь забилося с надеждой. Я поспешил повернуть за угол. И, обогнув этот угол, опрометчиво ринувшись вперёд, врезался в крупного черепахочеловека, идущего навстречу!

Я сбил его и упал следом, не устояв на ногах, и, не успев я поднять пистолет, как он схватил меня, вырвал оружие из моей руки. Мы сцепились в смертельной схватке! Едва я врезался в отвратительное панцирное тело, огромная когтистая лапа прижала меня. Я отлично понимал, что единственный крик чудовища поднимет тревогу, поэтому вцепился в змееподобную шею под головой рептилии удушающим захватом, в который вложил всю свою силу. Какое-то время, показавшееся мне бесконечным, мы оставались на месте молча, почти неподвижно, сойдясь в смертельном поединке посреди коридора. Огромные когтистые конечности твари с невообразимой силой сжимали моё тело, несмотря на то, что мои собственные руки сомкнули захват на его шее. Я терял силы, чувствуя, как вокруг меня сжимались безжалостные объятия, но слышал также напряжённый хрип чудовища, которое я душил. Наконец я почувствовал, как хватка моего противника слабеет. Он дёрнулся изо всех сил, чтобы освободиться от меня и от удушающего захвата. Он пытался освободиться, отделаться от меня, но его усилия ослабели, и он

ослаб, а я всё ещё продолжал душить его. Но вот чудовище внезапно осело и распласталось на полу. Я ещё какое-то время не разжимал рук, пока не убедился, что мой противник мёртв, и только тогда выпрямился, одичало шаря глазами по сторонам.

Ничто не нарушало окружающего меня сумрака коридора, никакой тревоги не прозвучало, но теперь звуки сверху стали ближе, и я понял, что твари с крыши возвращались в здание. Всё ещё тяжело дыша, я быстро огляделся и двинулся по коридору, который сворачивал направо. Тело моего последнего противника пришлось оставить лежать, где тот упал, хотя мне хотелось бы спрятать его, чтобы первый же проходящий мимо черепахочеловек не обнаружил бы его и не понял, что произошло. Я вошёл в очередной холл и нашёл, что хотя в него тоже выходили двери, за ними не было ни машин, ни черепахидов, в отличие от тех, что я видел прежде. Эти комнаты казались тёмными и пустыми. Вскоре впереди показалась голая стена — конец коридора. Но в самом конце оставались последние распахнутые двери, и одна из них должна была вести в комнату, окно которой я видел снаружи.

При том, что я очень осторожно крался к этой открытой двери, я в охватившем меня возбуждении не обращал внимания на приближающийся шум идущих вниз черепахоловцев, пока не оказался у её проёма, с бьющимся сердцем заглядывая внутрь. Внутри комнаты, куда я заглянул, было так темно, что некоторое время я мог различить лишь треугольный кусочек сумеречного света, что был тем самым окном. Я сделал шаг в открытую дверь, другой — и тут же рухнул на пол коридора, словно прижатый изнутри рукой какого-то невидимого великана! Уже в момент падения я понял, что произошло, понял, что проём этой на первый взгляд открытой двери затянут полотном невидимого нечто, сквозь которое не мог проникнуть ни один предмет. Но пока я падал, пока поспешно поднимался на ноги, я заметил движение в темноте внутри, увидел тёмные фигуры, кинувшиеся к невидимой двери, ко мне. Тусклый свет коридора высветил их, когда они подбежали, прямые тёмные фигуры, при виде которых я ахнул.

— Карсон...Трент... Хауленд! — закричал я и одновременно услышал крик ближайшего из них.

— Сзади! Осторожно! — кричал Карсон.

Я обернулся, а за мной стояли три громадные лунные твари! Когда я развернулся и увидел их, то уже знал, что они нашли в коридоре тело убитого товарища и устремились за мной, чтобы догнать в тот самый момент, как я нашёл моих друзей. Едва я повернулся к ним, когда огромные руки с зажатыми в них лучевыми полусферами вознеслись надо мной. Я молниеносно вскинул руки, но было слишком поздно для отражения их ударов, потому что несколько металлических стреляющих штук уже с сокрушительной силой опускались на мою голову. Я почувствовал, как качнулся, оступился и упал перед ними, и затем они и вообще всё вокруг исчезло, и тьма поглотила меня.

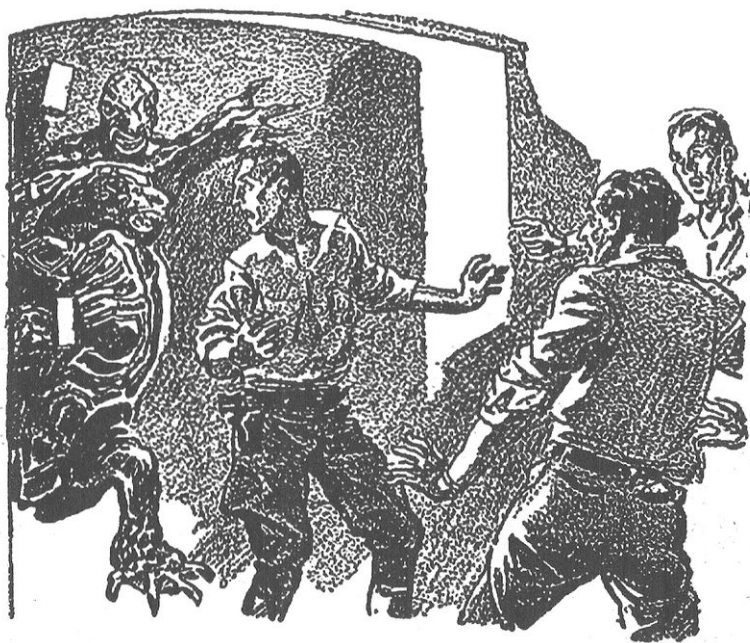
Глава 8. История Хауленда

Сознание вернулось ко мне в горячем тумане боли, и первым же ощущением была боль, бьющая по мозгам, как тупой удар огромной машины. Шевельнувшись, чтобы определить, куда я попал, я начал осознавать, что лежу на гладком, жёстком полу и что за моей спиной такая же гладкая стена. Тогда я с усилием открыл глаза. Я лежал в маленькой тёмной комнате, её потолок был на десяток футов выше меня. Треугольное окно открывалось в слабо освещённый, сумрачный простор. Не успел я пошевелиться, как услышал движение у другой стены, и ко мне подошли и склонились надо мной три фигуры, увидев которые, я не смог сдержать вздоха, память обо всем, что случилось, обрушилась на меня.

— Карсон... Трент... Хауленд! — воскликнул я снова. — Я нашёл вас, Карсон, а вы — нашли Хауленда!»

Карсон молча кивнул, и тогда заговорил Хауленд, который с выражением внимания и горячего сочувствия на лице наклонился, чтобы помочь мне сесть.

— И Карсон, и Трент, и ты нашли меня, — вздохнул он. — Вы добрались с Земли на Луну, чтобы найти меня, но только для того, чтобы стать узниками вместе со мной!

Я повернулся к Карсону.

— Когда тебя и Трента захватили в бою на площади, то привели сюда? — спросил я.

Он кивнул.

— Схватили, приволокли сюда и посадили к Хауленду лишь несколько часов назад, — сказал он. — А где был ты, Фостер?

Я торопливо рассказал ему, как ухитрился скрыться от лунных тварей, когда зазвучала тревога, спрятавшись в большом ангаре цилиндра под площадью; как прикончил стража в битве над шахтой и угнал диск, чтобы летать над лунным городом в поисках моих друзей; как на этом диске я решился пересечь огромный город и в сумраке, высоко над городом, сошёлся в отчаянной схватке с летающим диском разоблачивших меня черепахолюдей, и как затем, обнаружив, что заблудился, наткнулся на гигантское здание, в окне которого вдруг мелькнуло лицо, что сподвигло меня рискнуть отправиться вглубь этого здания в поисках друзей, только для того, чтобы меня раскрыли, избили до потери

чувств и заключили вместе с ними. Когда я закончил рассказ, мы какое-то время молчали, и я видел, что Хауленд о чем-то напряженно размышляет.

— Я и не мечтал, что Карсон и Трент, да и ты тоже сможете когда-нибудь отыскать меня, несмотря на все здешние опасности, — медленно произнёс он. — Я никогда не мечтал, что найдётся кто-нибудь, кто отважится отправиться с Земли на Луну следом за лунными тварями, что захватили меня.

— Это был план Карсона, — сказал я ему. — Ведь это он видел, что ты попал в плен, там, в лагере на Юкатане, и это именно он убедил нас последовать сюда, на Луну. чтобы спасти тебя и увезти обратно на Землю в доказательство угрозы, которая, как полагает Карсон, нависла над ней.

— Ты заподозрил это, Карсон? — быстро обернувшись к нему, спросил Хауленд, и, когда тот кивнул, взгляд нашего друга стал задумчивым, отстранённым. — Твои подозрения верны. Ты уже знаешь, что через несколько часов бесчисленные миллионы лунных тварей, что заполняют громадный город вокруг нас, начнут покидать его, начнут покидать Луну навсегда — первые орды отправятся на Землю. Это будет первая чудовищная атака против Земли, попытка захватить её и навсегда прекратить существование всей расы людей!

Он ненадолго умолк, глядя сквозь маленькое окошко на огромный неземной город с гранёными металлическими строениями, порхающими летучими дисками и черепахолюдми, во мгле бредущих по улицам. А затем он снова повернулся к нам.

— Карсон... Трент... Слушая вашу историю, у меня не было времени рассказать вам за тот час или около того, что вы провели здесь, — начал он, — и ты, Фостер, вы трое знаете, как меня захватили в плен лунные рейдеры в лагере на Юкатане. Карсон рассказал вам, как были убиты Виллингс и остальные, как меня схватили эти черепахи и на следующую ночь погрузили в цилиндр. Потом прозвучал сигнал, цилиндр с невообразимой скоростью понёсся сквозь бездну на огромном луче на Луну и сквозь лунную шахту, на диск под площадью. Затем дно цилиндра раскрылось, сложенные внутри летающие диски — я всё ещё оставался на одном из них — были извлечены и двинулись вверх сквозь огромный люк и полетели над лунным городом. Наш летающий диск

плыл над этим грандиозным городом, лежащим в лунной ночи. Город черепахолудей, как я понял, был построен на дальней от Земли стороне Луны и изумлял меня донельзя. Почему лунный народ застроил невероятным, воздухомнепроницаемым городом всю обратную сторону Луны, которую никогда нельзя увидеть с Земли? По какой такой причине они выстроили его здесь? Эти мысли тревожили меня, но прежде чем я мог обдумать ответы на них, мои похитители миновали огромные гранёные здания и достигли своей цели — отдельного громадного строения, высочайшего из всех, какие я видел — здания, в котором мы сейчас и сидим и которое представляет собой правительственный центр лунной расы. Спустившись к крыше, наш летающий диск накренился, заходя на посадку, а затем, после того как его на крыше проверили стражники, мы прошли во внутреннюю часть громадного здания... Мы прошли вниз по коридорам и лестницам, и залам, пока не достигли колоссального зала, что занимает большую часть этой огромной постройки. Он был полон. Целых три тысячи лунных тварей расположились в нём на выстроенных в ряды сиденьях. В центре вокруг треугольного стола сидели три черепахи, и я сразу понял, что это был великий совет, правящий всей Луной, и что центральная тройка была, без сомнения, его главой! Мои тюремщики сразу же препроводили меня к этой троице и тут же поспешно принялись объясняться, обращаясь к троице правителей и к тысячам других черепах. Тогда я оказался в центре внимания всех уродливых лунных тварей и стоял там, удивляясь, трепеща, пока басовитые голоса трёх лидеров не обратились ко мне... Как и в первый раз, я отвечал на английском, убеждая их, что мой язык очень отличается от их собственного. Они ненадолго задумались, после чего отдали краткий приказ. Меня немедленно вывели из громадного зала и повели вверх, к этой камере, и тот, кто отворял дверь, закрыл её за мной силовым полем, защищающим проём. Силовое поле совершенно прозрачно для вибраций света, тепла и подобных сил, но полностью непроницаемо для материальных вибраций; созданная так дверь надёжнее стальной. Окно было полностью открыто и открыто до сих пор, но сбегать невозможно, потому что оно установлено в отвесной

стене высокого здания и лежит в сотнях футов как от земли, так и от крыши. Затем мне дали полужидкую пищу, на мой вкус, что-то химическое, сделанное, очевидно, искусственно с помощью синтеза органических веществ непосредственно из природных элементов... Пребывая в одиночестве, я тщетно прилагал все усилия осмыслить эту странную ситуацию, в которой оказался. Цель чудовищ — разведка Земли. Кроме того, меня смущало существование огромной шахты и диска там, на Земле; земной гравитации здесь, на Луне; грандиозные приготовления и активность, наблюдаемые повсюду. Мои мысли были прерваны прибытием трёх лунных тварей, которых, как я обнаружил, послал великий совет для обучения меня языку. Указывая на предметы на улице, они затем называли их названия на своём странном языке, я повторял за ними, насколько хватало моего человеческого голоса. Таким способом я постепенно усвоил некоторые чужие слова и так нахватался зачатков этого языка, на котором научился сбивчиво изъясняться и мог понимать многое из их разговора... День за днём, час за часом они «беседовали» со мной, пока я не смог обмениваться идеями с «учителями». Они, частично жестами, сообщили мне, что им приказано научить меня языку лунных тварей, чтобы я мог ответить на вопросы великого совета, который я уже повидал. Этот совет называется Советом Трёх Тысяч, тогда как три лидера, которых я видел, называются Советом Трёх. Великий совет представляет всю лунную расу, как я заучил, тогда как Совет Трёх действует как администрация. Выучив это, я стремился узнать больше, расспрашивая моих инструкторов, по какой причине меня пленили, зачем лунные твари разведывали Землю. И, так как им не дали по этому поводу никакого приказа, они рассказывали мне достаточно много. И в этих разговорах, в многотысячелетней истории этих лунных тварей, которую они открыли передо мной без прикрас, я увидел, в конце концов, истинную грандиозную разгадку великой тайны, что меня занимала, и понял также, что всеобщая гибель нависла над ничем не подозревающей Землей! Узнал и то, что лунные твари не всегда обитали здесь, на Луне. Они пришли сюда в прошлые эпохи, пришли с нашей Земли!.. Да, с нашей родной Земли!

Глава 9. Сага миров

Эоны тому назад Земля сильно отличалась от той, какую мы знаем: планету почти полностью покрывали обширные моря, что сейчас отступили, моря, оставляя лишь кое-где маленькие участки земли. В этих морях, как нам известно, зародилась земная жизнь. Начинаясь с первых примитивных, желеобразных форм у дна этих морей, поднявшись по великой лестнице эволюции через беспозвоночные и позвоночные формы, эта жизнь развивалась — развивалась в доисторических панцирных рыб, в громадных ракообразных, в огромных морских моллюсков, чьи размеры и свирепость мы не можем даже вообразить. Жизнь, кишевшая и изобильная, жизнь, распространившаяся в тысячах различных форм. Но все они жили в море или рядом с ним!

Прошли эоны, прежде чем появились первые наземные формы, прежде чем первые сухопутные создания превратились в млекопитающих и, наконец, появился человек. Из огромного множества жизненных форм, водных и земноводных, развилась, в конце концов, уникальная раса, или вид разумных, которые стали доминировать над остальными. Это была раса амфибий, защищённых толстым панцирем и с большими когтистыми лапами, со змееподобной шеей и головой рептилии, раса, выглядящая для нас как большие черепахи. Она далека, очень далека от любых ракообразных или любых других видов, о которых мы хоть что-либо знаем. Раса, вышедшая из сумерек мира, забытой юности, память о которой исчезла на Земле. Итак, там, в давно мёртвом прошлом, эти черепахи возвысились до власти над всеми другими рептилиями и амфибиями, и морскими видами в том числе. Они поднялись на верховную позицию в мире, точно как, эпохами позже, возвысились люди, и создали цивилизацию, равную или даже превосходящую более позднюю цивилизацию людей...

Они построили города по всей поверхности Земли, странные земноводные города, разбросанные вдоль морских побережий, населённые земноводным, черепашьям народом. Однако поскольку моря Земли медленно отступали, они отказались от своей земноводной природы, стали полностью

сухопутными созданиями, хотя во внешнем облике не изменились. И их огромные города, их власть и их знания, их наука выросли до ещё более высокого уровня. Они постигали силы окружающего мира, электричество и радиацию, и тепло, строили ещё более громадные города, наконец, захватили всю Землю под своё влияние. От северных ледников до южных льдов черепахи царствовали над всеми. Они проникали даже в глубины космоса с помощью огромных телескопов и, преодолев эти глубины, совершили величайшее открытие; они открыли, что земная Луна была обитаема так же, как и сама Земля!..

Земная Луна была обитаемой, и обитаемой за многие эпохи до той самой Земли, которую мы знаем. Конечно, это не удивляет, если мы занимаемся изучением природы Земли и Луны. Благодаря Чемберлену и Мультиону³, которые первыми опубликовали эту теорию, мы знаем, что в отдалённом прошлом Солнце было большим огненным шаром, летящим в космосе без сопровождающих его планет; что некое другое солнце, некая другая звезда, проходя близко к нему сквозь пространство, вызвала в нашем солнце огромные приливные волны, которые, вместо того чтобы затухать, оторвались и вырвались из солнца вовне, формируя не слишком массивный огненный сгусток. Этот сгусток стал вращаться вокруг него, разделился в определённом порядке и сформировал восемь главных планет нашей Солнечной системы. В свою очередь, некоторые из этих планет, благодаря нестабильным условиям, выбросили ещё меньшие огненные сгустки, которые стали их лунами. Таким образом, огненный сгусток, что был земным, отделил малый одиночный сгусток, ставший нашей луной. Черепахи знали историю образования Солнечной системы...

³ В 1900 году американские астрономы Т. К. Чемберлен (1843–1928) и Ф. Р. Мультион (1872–1952) предложили планетезимальную гипотезу. Согласно этой гипотезе, планеты возникли из газовой струи, которая отделилась от Солнца в результате близкого прохождения мимо некоей другой звезды. Эта струя газа, по предположениям ученых, должна была закручиваться вокруг Солнца спиралью, постепенно охлаждаться, расширяться и дробиться на небольшие сгустки — «планетезимали». Они стали двигаться обратно к поверхности Солнца, но затем, имея тангенциальную скорость, сообщенную им проходящей звездой, начали двигаться вокруг Солнца по эллипсу (*Прим. ред.*).

Также они знали, что меньшие из их таких огненных масс остывали и отвердевали гораздо быстрее более крупных. По этой причине малая пылающая масса, что была Луной, отвердела и остыла гораздо раньше Земли. Её расплавленное вещество окаменело, её элементы сконденсировались в огромные моря и покрыли большую часть поверхности, и, согласно обычной эволюции мира, эти моря с их эрозией, вкупе с ветровой эрозией и погодой понемногу стирали безжизненные камни в крохотные частички в пыль, так что, наконец, поверхность Луны стала вполне подобна нынешней земной. Поверхность, по большей части покрытая великими океанами, но также и континентами, с высокими горами и глубокими долинами. Обо всём этом догадались владывающие на Земле черепахи, но теперь, когда они всмотрелись в Луну, они обнаружили, что та населена странной расой больших чёрныхwormов — существ, похожих обликом на огромных червей, но разумных и владеющих научными знаниями ещё большими, чем у них самих. С помощью мощных световых сигналов те сумели через бездну эфира наладить общение с этими существами, и от них узнали, как те появились на Луне в незапамятные времена. Потому что, когда лунная поверхность остыла, образовались большие континенты и моря.

На Луне также развилась жизнь, жизнь, мириады чуждых, её собственных форм, пока Земля всё ещё была огненной массой, на которой ничто не могло жить! И на Луне тоже некогда одна форма жизни стала доминировать над другими. Это была раса великих чёрныхwormов, чьи странные формы и быстрые движения отчасти являлись результатом низкой силы гравитации Луны, намного меньшей, чем на Земле. Эти wormы пришли к господству на Луне с помощью собственной науки и техники, когда Земля всё ещё была шаром жидкого пламени. Проходили миллионы лет, и наука и могущество wormов неуклонно росли...

Но, наконец, на их горизонте замаячила проблема, которая потребовала для преодоления всей их науки и техники. Луна быстро остывала, быстро отвердела в соответствии с законами эволюции миров, но, согласно этому закону, она по-прежнему продолжала остывать, становясь холоднее и холоднее. Так,

вормы знали, что огненное сердце Луны вскоре должно стать совершенно холодным, и тогда жизнь на этой планете стала бы невозможной, потому что после остывания воздух улетучился бы с неё. Её огромные моря сократились бы и исчезли гораздо раньше, хотя это ничего не значило для вормов, которые могли бы с помощью своей науки успешно наладить искусственное снабжение водой.

Если бы их мир стал полностью холодным, если бы их атмосфера улетучилась, что, как они знали, должно было случиться, ничто не спасло бы их от вымирания. Вормы не могли мигрировать на Землю, потому что та только начала твердеть и остывать, на её месте пока что был большой шар полурасплавленной лавы. Они знали, что им придётся разбираться со своими проблемами на Луне. В связи с этим они разработали потрясающий план, с помощью которого могли себя спасти. И этот план был не чем иным, как покрытие всей лунной поверхности, всего её шара огромным прозрачным воздухонепроницаемым покрытием, или крышей. Под этим покрытием они могли бы жить комфортабельно и в безопасности, потому что им не представляло трудности выстроить гигантские заводы для обеспечения такого города необходимой ему атмосферой. Однако даже для столь могущественного народа это означало титанический труд ради осуществления величественной идеи, но означало также, что они могли бы впредь жить в своем мире, не подвергаясь никакой опасности. Они немедленно принялись за работу.

У них ушли века на осуществление этого грандиозного проекта, века, на протяжении которых над воплощением плана трудились миллионы вормов. Наконец всё было закончено. На высоте нескольких миль над лунной поверхностью они поставили гигантскую прозрачную крышу, которая представляла собой прозрачный металлический сплав, прочнейший из всех, что были им известны, и которая беспрепятственно впускала несущие жизнь свет и тепло солнца, но была полностью воздухонепроницаемой. Тогда же они сконструировали большие атмосферные заводы, которые функционировали автоматически, восполняя и очищая атмосферу громадного герметичного пространства, раз и навсегда решив вопрос свежего воздуха. И вот огромная прозрачная крыша была установлена на громадные, расположенные в нескольких ключевых точках колонны,

что опасность её падения или случайного повреждения оказывалась ничтожной. За её пределом последние следы естественной лунной атмосферы покинули планету, оставив лишь полный вакуум над герметичной крышей, но внутри уwormов был отличный воздух.

Они жили так эру за эрой, в этом странном и величественном герметически запечатанном городе, пока Земля остывала и формировала свои континенты и моря, как когда-то Луна. И скоро на этой Земле, как я уже сказал, в мириадах кишаших форм зародилась жизнь — жизнь, что произвела, наконец, великую расу черепахолюдей, которые добились доминирования и правили в то время всей Землей. И, как я сказал, эти черепахи, с их развивающейся наукой, взглянули в космос и открыли странный народ wormов, чей прекрасный город лежал под громадной блестящей лунной крышей. Они вступили в контакт с помощью световых сигналов и дали wormам понять, что на Земле теперь тоже есть разумная раса.

То, что такая раса разумных существ развилась на Земле, стало неожиданностью для wormов огромного лунного города, потому что они очень давно утратили интерес к Земле и её диким созданиям. Однако теперь, с радостью приняв событие как нарушившее монотонность их жизни в воздухонепроницаем мире, они наладили отношения с черепахолюдьями Земли и, наконец, придумали план, с помощью которого представители двух рас могли бы посещать друг друга, с помощью которого они сумели бы пересечь пропасть между Землей и Луной. Обсуждая этот план, все его детали, обе расы начали конструировать аппараты, которые помогли бы им пересечь пустоту.

Эти аппараты, разработанные wormами, представляли собой громадные диски, которые выстреливали луч невероятной мощности. Известно, что свет оказывает ощутимое давление на освещаемые предметы. Существуют различные способы, с помощью которых физики измеряют это давление, различные небольшие приборы, такие как радиометры и им подобные, в которых что-либо сдвигается под этим давлением. Итак, диски, которые изобрели wormы, выстреливали гигантский световой луч, генерируемый аппаратами,

которые концентрировали давление огромного числа лучей в один единственный чудовищный луч. Вормы установили такой диск в глубокой вертикальной шахте на лунной поверхности, в то время как черепахи, следуя переданным инструкциям, собрали такой же диск в подобной же шахте на Земле. Тогда и было совершено первое путешествие через космическое пространство, осуществлённое десятью вормами.

Они вошли в специально сделанный для изоляции от холода космического пространства строго герметичный цилиндр, который был установлен на огромном диске в шахте Луны. Эта шахта находилась на той стороне Луны, что всегда обращена к Земле. Затем они все, кроме одного, ожидали в цилиндре. Этот один оставался снаружи возле ключа. Наконец раздался автоматический сигнал — удар колокола, который сообщил, что две шахты, одна на Луне и другая на Земле, обращены точно друг к другу, указывая одна на другую, как стволы двух гигантских пушек. Едва сигнал прозвучал, ожидающий у ключа ворм повернул этот ключ и запрыгнул в цилиндр, закрыв его за собой. В следующую секунду с диска ударил огромный луч, увлёк цилиндр ввысь и наружу через специальный шлюз, что был устроен в прозрачной крыше, понес его через великую пустоту между Землей и Луной почти со скоростью света, в точности как пустая пивная банка, если толкать её струёй воды из шланга, будет перемещаться на почти такой же скорости, с какой вырывается эта струя.

При броске через бездну эфира при помощи гигантского луча с его чудовищной скоростью перелёт большого цилиндра с Луны на Землю занимал лишь только миг...

Они пронеслись с Луны до Земли и попали прямо в громадную шахту в земной поверхности и влетели в неё. При прибытии их цилиндра автоматически включился встречный луч из диска под ними, который их быстро и плавно остановил.

Тогда представители народа вормов вышли из своего цилиндра — первые, преодолевшие пустоту, первые лунные существа, посетившие Землю; их приветствовали черепахи, толпой собравшиеся вокруг.

Сила притяжения Земли, конечно, была намного большей, чем на Луне, но это не составило проблем для вормов. Они легко преодолели и эту трудность. Покинув цилиндр, они

поднялись на маленький, привезённый с собой специально для этой цели, корабль, в который вмонтировали устройство, которое могло по команде увеличивать или уменьшать силу тяготения, усиливая или ослабляя, в зависимости от обстоятельств, собственными вибрациями вибрации силы тяготения. Поэтому вормы могли свободно передвигаться по Земле и могли исследовать города черепахолудей.

После первого посещения было множество таких визитов, вормы прилетали на Землю по лучу в своих цилиндрах, тогда как черепахолуды отправлялись на Луну в собственных цилиндрах. И великий народ вормов, чья наука продвинулась гораздо дальше, чем наука черепахолудей на Земле, обучал их великодушно и бескорыстно, допуская до собственной науки и знаний без подозрений и скрытности. И в те времена черепахолуды переняли великие знания существ, чья цивилизация покорила Луну, когда Земля ещё была огненной массой. Черепахолуды часто летали на Луну, исследуя многие чудеса города под куполом, что покрывал всю Луну, учились у великих учёных вормов секретам, которые те открыли, контролю над силами природы, которого те достигли. В то время на Землю с Луны прилетало множество вормов помогать и учить развивающуюся расу черепахолудей. Такое тесное общение между Землей и Луной, между двумя могучими и разумными расами непохожих существ продолжалось тысячелетиями, эрами, задолго до появления на Земле человека или его предшественников.

Так две великие расы жили вместе: одни, на Луне, другие — на Земле, древняя раса вормов — в древнем мире Луны, и молодая раса черепахолудей — на Земле. Следуя науке своих учителей с Луны, черепахолуды строили больше и больше городов. Им стало казаться, что они действительно повелители Земли, что ничто на Земле не смеет противиться их воле. Однако судьба, что по сей день утрюмо насмехается над нашими крохотными мирами, приготовила грандиозную катастрофу, что обрушилась на черепахолудей. И против неё не могла устоять вся наука и мощь двух миров. И этот катаклизм — оледенение.

Оледенение, мощнейшая из всех сил, что действуют на Земле, кардинально меняя лик планеты своим медленным

неотвратимым движением! Гигантская волна льда, ползущая к югу и северу от полюсов по лику Земли. На долгие эпохи льды сковали юг и север, отступая, когда полюса Земли наклонялись к солнцу, посылающая громадные полярные ледяные массы ползти по лику Земли к экватору. Исполинский поток неудержимого льда, неумолимо шествующий по всей планете из её полярных районов, ненадолго отступал, лишь когда земные полюса в очередной раз поворачивали к солнцу. Оледенение, что с невообразимой мощью срезало самые высокие горы на земной поверхности, — и эта колоссальная ледяная смерть напознала теперь на мир черепахоловдей!

Однако они быстро сплотились, чтобы противостоять смертоносному катаклизму, подбиравшемуся к ним с юга и с севера. Их первым побуждением было изобрести большие генерирующие тепло машины — машины, что излучали бы гигантские лучи интенсивного жара, которыми они попытались бы расплавить наступающие потоки льда. Но хотя их мощные лучи неустанно плавили ледяные массы, эти расплавленные массы замерзали бы снова, едва горячие лучи отворачивались от них. К тому же, растаяв, объемные ледяные массы затопили бы всё вокруг, так что работа мощных лучевых машин оказывалась невозможной. И тогда обитатели Земли поняли, что такие лучи никогда не смогут повернуть обратно ледник, даже если станут постоянно воздействовать на него, и они стали искать другие способы предотвратить катастрофу. Они не могли просить вормов с Луны о помощи в этом деле, в своей великой крайней нужде, так как с течением веков стали гордиться собственной наукой и мощью, отвергая тех, кто был их учителями, так что к этому времени некогда тесные связи между Луной и Землей почти полностью прекратились. Они должны были в одиночку сражаться в великой битве, и они воевали отчаянно.

Их следующим шагом стало создание мощного рва или траншеи, пересекающей обледеневшую часть; ров этот составлял мили в ширину и многие мили глубиной. Так они надеялись остановить наступление ледяных потоков. Используя огромные вибраторы, которые дробили материю, разрушая химические связи между атомами, отделяя один атом от другого, они выбили по всей окружности северного

и южного полярных районов гигантский ров, что тянулся на мили в глубину и на столько же в ширину. Огромные массы льда скатились в эти гигантские рвы, так что какое-то время им казалось, что план успешен и наступление гигантских ледников остановлено. Но всё же, неуклонно, медленно, безжалостно ледяные потоки двигались дальше, дальше, пока полностью не заполнили препятствующие им исполинские рвы, и двинулись дальше к экватору.

Неудержимые, льды простирались к северу и югу, и тогда черепахолюди увидели, что все их усилия напрасны, поняли, что не существует способа, которым можно остановить ледяные потоки в их титаническом шествии по лику Земли. К тому времени северные и южные города уже были погребены под гигантскими толщами льда. Громадные ледяные потоки вздымались над их городами, разбивая в прах взметнувшиеся ввысь строения, огромные, многоугольные и гранёные здания. Черепахолюди с юга и севера бежали из городов, и выходило так, что спасти расу можно было только улетев с Земли! И было лишь одно место, куда могли бы бежать все черепахолюди, и этим местом была земная Луна!

Но каким образом, спросили они себя, могут они надеяться найти пристанище на Луне? Ведь та была полностью застроена большим городомwormов, чья прозрачная и воздухонепроницаемая крыша закрывала всю поверхность Луны. Так велика была численностьwormов, что на довольно небольшой Луне никогда не хватило бы места для черепахолюдей. Сотнями миллионов, миллиардами клубилисьwormы в своём необычном просторном закрытом городе, и столь же огромные орды черепахолюдей надеялись получить их лунный мир себе. «Существует лишь один способ выжить, — решили черепахиды, — полностью уничтожить великий народwormов и захватить лунный мир».

Но как они надеялись осуществить это? Они задавали этот вопрос друг другу. Как надеялись они завоевать и уничтожить великий народwormов, который куда дальше их продвинулся в науке и технике и который был равен им по численности? Они могли бы послать по большому лучу отряд завоевателей-черепахолюдей, но такие захватчики никогда бы не вернулись. Они были бы немедленно уничтожены ужасным оружием, которым,

как они знали, вормы обладали. Никому из черепахолодей никогда не пришло бы в голову назвать чернейшим вероломством затею подлого уничтожения дружественных вормов, которые помогали им и поделились с ними своими научными знаниями. Разум черепахолодей холоден и лишён эмоций, у них нет понятия о праведности или неправедности. Проблемой стал лишь способ с помощью которого они смогли бы быстро уничтожить всю расу вормов и захватить их мир. Эта проблема казалась им неразрешимой.

Но, наконец, побуждаемые лютой угрозой ледников, что неуклонно наступали, черепахоледи нашли решение этой проблемы. Они отыскивали способ, которым вся могучая раса вормов на Луне могла быть уничтожена в единый миг. Они нашли путь, которым без малейшей опасности для себя могли мгновенно лишить жизни весь лунный мир. И этим методом, оружием, которым они сумели бы осуществить его, стал мощный импульс светового давления, что толкал их цилиндры к Луне и обратно, огромный луч, который вормы сами и придумали!

Сердцем плана черепахолодей стал тот факт, что воздушно-непроницаемый город на Луне, его мощная прозрачная крыша простирались над всей лунной поверхностью. Как я уже сказал, вормы, будучи воздуходышащими существами, как и черепахи, как и мы сами, как почти все формы жизни, сделали эту гигантскую крышу герметичной, так что их искусственная атмосфера не могла бы улетучиться из-под неё в вакуум внешнего пространства. Потому что вокруг и за пределами этого мощного щита лежал только абсолютный вакуум эфира и холод внешней пустоты, и они знали, что если какие-либо отверстия появятся в этой огромной крыше, вся атмосфера немедленно вырвется сквозь них наружу, в громадную внешнюю пустоту, в точности как воздушный контейнер, если открыть его в вакууме, немедленно лишится своего воздуха. Дыра в громадной крыше, действительно, привела бы к тому, что вормы моментально остались бы без воздуха и в тот же миг вся их раса была бы истреблена. Вот почему они очень аккуратно строили громадную крышу, чтобы сделать её полностью герметично запаянной и воздушнонепроницаемой.

Черепахоледи это хорошо знали, потому что многие из них посещали лунный мир, когда сношения между народом

вормов и ими были регулярными. Теперь они вспомнили это; и построили на этом основании свой грандиозный план. По этому плану, который теперь был окончательно сформулирован, следовало попросту проткнуть во многих местах огромную крышу вормов! Вся искусственная атмосфера этого лунного мира была бы незамедлительно отправлена в космос, и в тот же момент вормы оказались бы уничтожены. Тогда черепахолюди могли бы всеми своими ордами отправиться в лунный мир, отремонтировать пробитую крышу и завладеть Луной, и жить на ней в безопасности, пока грандиозные ледники сковывают поверхность Земли!

Таким был план черепахолудей, и им нужно было только оружие, которое приведёт его в действие, продырявит огромную крышу лунного мира. И в гигантском луче, что давлением света носил их цилиндры туда-сюда, они такое оружие обрели. Этот исполинский луч создавал громадное давление, благодаря огромному количеству лучей, чье действие концентрировалось в одном. Давление луча использовалось, чтобы толкать цилиндры между Землёй и Луной, но теперь черепахолюди планировали использовать его в своём грандиозном плане, чтобы пробить могучую крышу лунного мира. Потому что они знали: чудовищное давление гигантского луча могло бы пробить её насквозь, как мощная струя воды может пробить бумагу.

Так, черепахолюди запланировали уничтожение всех вормов одним ударом, и затем, не медля, начали приводить свой план в действие. Полностью скрыв эти приготовления и намерения от вормов на Луне, они подготовили сотни больших дисков, способных выстрелить мощный пучок лучей, собрав их в огромные батареи на одной стороне Земли и нацелив все на Луну. Они быстро построили и расставили множество мощных дисков, пока по-прежнему наступавшие с юга и севера злоеющие льды поглощали Землю. Наконец все диски были готовы, и черепахолюди ждали только, пока истекут несколько ночей до полнолуния, чтобы можно было вонзить сотни мощных пучков лучей с большой точностью. Они знали, что даже единственный большой пробой в крыше лунного мира немедленно убьет всех его обитателей, но желали не оставить тем шансов, и поэтому заготовили сотни дисков, что могли пробить эту крышу одновременно в сотне мест.

Несколько ночей ожидания... Наконец над Землей встала полная луна, и черепахолюди поняли, что их час настал. Одна великая раса с Земли приготовилась уничтожить другую великую дружественную и беспечную расу на Луне. Прямо в зенит поднималась полная Луна, и огромная сияющая крыша над ней в последний раз сияла во всём великолепии, в то время как зловещие толпы черепахолудей на Земле замерли в ожидании возле грозных батарей дисков. Они выжидали, пока Луна не окажется почти совершенно точно над головой. Тогда через всю половину Земли пронеслась вспышка сигнала, а в следующий миг сотни нацеленных дисков выпустили ослепительные лучи, отправив свои кошмарные стрелы прямо к Луне, к её огромной сияющей крыше!

Глядя в большие телескопы, черепахолюди наблюдали с Земли, как их лучи пронзают лик Луны в сотнях различных точек по всему диску. Они видели, как с неимоверной мощью те бьют сквозь воздухонепроницаемую крышу в поверхность Луны. И когда это произошло, когда разбилась вдребезги мощная крыша, из-под расколотой крыши вырвалась наружу вся искусственная атмосфера лунного мира. В этот миг вся жизнь на Луне погибла!

Вот так черепахолюди одним мощным ударом уничтожили целую цивилизацию!

Сотни гигантских лучей действительно прошли сквозь громадную прозрачную крышу, но столь чудовищна была их мощь, что они, вгрызаясь в лунную поверхность со всей ужасающей мощью, мгновенно выбили в сотнях мест громадные круглые ямы или кратеры, в точности как поток воды, бьющий с силой в поверхность Земли, выдавливает в этой поверхности большую яму.

Вот так появились сотни громадных кратеров, что испещряют видимую с Земли поверхность Луны, кратеров, которые всегда приводили в недоумение нашу науку. Существует мнение, что причиной этих кратеров стали огромные метеориты, бомбардировавшие Луну, но это не может быть так, потому что, если бы эти небесные тела ударили в Луну, когда та была твердой, сами метеориты, хотя наверняка полужасыпанные, до сих пор виднелись бы посреди больших кратеров. Ни одного такого метеорита мы не видим. Если, с

другой стороны, они попадали в Луну, пока та ещё оставалась под поверхностью полужидкой, кратеры, которые они пробили, закрылись и плавно заплыли бы. Но эти кратеры создали не метеориты и не вулканическая активность, а сотни гигантских лучей с Земли, с невообразимой силой, но не оставив своих следов.

Однако черепахолюди пришли в восторг от полного успеха этого великого плана и сразу же начали готовиться к переезду всем своим количеством на Луну, потому что незадолго до того огромный ледник подошёл к ним как никогда близко. В первую очередь на Луну в цилиндрах была послана группа черепахолудей, и их снарядили специальной аппаратурой, дающей им возможность безопасно прилуниться, ведь встречные транспортные диски на Луне конечно были сметены катастрофической мощностью сотен лучей, что разрушили обращённую к Земле сторону Луны. Эти первые черепахолюди благополучно достигли ближней стороны Луны и нашли сцену ужасной смерти. Под пробитой и расколотой крышей среди выбитых по всей этой стороне Луны гигантских кратеров лежали миллионы вормов, погибших мгновенно, когда их атмосфера улетучилась в пустоту сквозь дыры в громадной крыше. Разведчики, защищённые от вакуума воздухо-непроницаемыми кораблями, двинулись в облёт к дальней стороне Луны и нашли город, также полный мёртвых вормов. Но на другой стороне Луны огромная крыша осталась неповреждённой, так как только одну половину Луны, видимую с Земли, разбили гигантскими пучками лучей.

Черепахолюди на Земле, получив сообщение от экспедиции, начали приготовления к великой миграции всего населения, но прежде чем взяться за это, приняли знаменательное решение, а именно, что они осадут только на другой стороне Луны и не тронут ту, что обращена к Земле. Потому что, как они рассудили, если они обустроятся на Луне, восстановив крышу над той стороной Луны, что обращена к Земле, то и сами могут стать легкой добычей какого-нибудь ужасного рока. Потому что, если в будущем на Земле разовьётся ещё одна разумная раса, она сможет уничтожить всех обитателей Луны тем же самым способом, что использовали черепахолюди для истребления вормов. А если черепахолюди расположатся только на обратной стороне

Луны, которая всегда повернута в противоположную сторону от Земли, никогда и никакие существа, обосновавшиеся на Земле, не доберутся до них и не уничтожат их, пробив их огромную крышу лучами, и даже не узнают об их существовании.

Поэтому черепахолюди решили обживать только обратную сторону Луны, и с большой охотой пришли к такому решению, ведь вся обращённая к Земле сторона была теперь испещрена гигантскими кратерами. Затем на Луну отправилась более крупная экспедиция из тысяч участников, и они приготовили всё для переселения остальных. Во-первых, они загерметизировали гигантскую прозрачную крышу, все ещё остававшуюся целой над обратной стороной Луны, построили прозрачные стены от неё к поверхности так, чтобы та сторона оказалась полностью отделённой от обращённого к Земле полушария, разбитого, сокрушенного и брошенного на произвол судьбы. Они запечатали чуть меньше половины лунной поверхности на другой стороне, так как с Земли можно увидеть несколько более половины. Чуть дальше от точной границы встали ограждающие стены, расположенные так, чтобы их нельзя было заметить с поверхности Земли.

Сделав это, черепахолюди запустили большие атмосферные заводы, которые, в свою очередь, снова создали им атмосферу, обслуживая теперь лишь половину Луны. Благодаря своему нападению, черепахолюди получили «в наследство» странные подземные городаwormов, которые были неудобны для эксплуатации. В итоге на их месте черепахолюдям пришлось построить громадные, похожие на кристаллы, здания из металла, угловатые, многогранные и странные, напоминающие те, что были у черепахидов на Земле. Затем они решили сами преодолеть последнее препятствие, что оставалось для запланированного переселения с Земли. Этим препятствием стала разница в силе тяготения между Луной и Землей.

Так как сила притяжения на Луне была в одну шестую от земной, черепахолюди, привыкшие к большой гравитации Земли, не могли долго жить на Луне. Слабая гравитация фатально действовала на их внутренние органы. Несмотря на это, гости, которые официально прибывали с Земли на Луну, и те из wormов, кто приходил с Луны на

Землю, преодолевали эту преграду, строя корабли, на которых были аппараты, менявшие силу притяжения. Они увеличивали эту силу генерацией вибраций, которые настраивались так, чтобы увеличивать интенсивность вибраций гравитационного поля; и уменьшали её генерацией вибраций, настроенных, чтобы заглушать или уменьшать вибрации гравитационного поля.

Именно с помощью этих гравитационных машин черепахолюди посещали Луну в прошлом, а теперь они послали тысячи своих рабочих, чтобы увеличить силу тяготения до равной с Землёй. Теперь они начали строить специальные агрегаты, только гигантской мощности и размера, мощные генераторы, что были способны изменить силу тяготения на всей обратной стороне Луны, увеличив её до тех пор, пока она не сравнится с земной! Они построили эти громадные машины, затем разместили их под всей поверхностью другой стороны Луны, генераторы, что функционировали автоматически и постоянно, и таким образом сделали обратную сторону Луны подобной Земле, насколько это касалось гравитации. Теперь черепахолюди могли ходить по этой поверхности как хотели, беспрепятственно и без вреда для здоровья; они могли жить здесь, как на Земле.

Но вот всё было готово. Огромный воздухомепроницаемый город покрывал почти всю поверхность обратной стороны Луны. В нём поддерживалась искусственная атмосфера, гравитация также стала земной. Все было готово для финального шага их грандиозного плана — переселения полчищ черепахолюдей с Земли на Луну. Следовало сделать это быстро, потому что за это время гигантские ледники покрыли почти всю Землю; однако работающие на Луне черепахолюди встретились с другой проблемой. Как им провести эту бесчисленную орду с Земли на обратную сторону Луны? Их нельзя было доставить в цилиндрах прямо на другую сторону, потому что та сторона никогда не поворачивалась к Земле. Они могли разве что привести их на обращённую к Земле территорию, в безжизненную и безвоздушную пустыню, и после перевозить на воздухомепроницаемых кораблях до другой стороны. Они поступили так с первой тысячей рабочих, но не могли так же поступить с миллионами черепа-

хидов с Земли за то ограниченное время, что им оставалось. Поразмыслив об этой проблеме, черепахолуды на Луне снова решили её самым прямым образом.

Их решение было поистине достойно титанов. Они решили просверлить прямо сквозь Луну гигантскую шахту с земной стороны на обратную. Такая шахта с воздушным шлюзом, открываясь в сердце их громадного воздухонепроницаемого города на другой стороне, позволила бы им привести их полчища прямо с Земли на эту другую сторону, преодолеть космическую бездну в огромных цилиндрах, направляемых мощным лучом, и сквозь громадную шахту, сквозь Луну, перенести всех в герметичный город на другом полушарии. Так что, черепахолуды на Луне немедленно приступили к работе над этим грандиозным проектом и работали над ним, подогреваемые ажиотажем, чтобы завершить его вовремя, чтобы успеть эвакуировать их расу с Земли. Используя, как и прежде, мощные вибрации, которые разрушали материю через разрыв межатомных связей, они целенаправленно пробивали шахту сквозь лунный шар. Эта шахта вышла на земной стороне в огромный кратер, что мы называли Коперником, тогда как её конец в другом полушарии был как раз под громадной площадью, лежащей в центре их города.

Затем в конце шахты под этой площадью они поставили один из громадных дисков, испускающих пучки лучей сжатого света, диск, который мог направлять эти лучи вниз, сквозь шахту, сквозь Луну на Землю и вверх, прямо в огромную прозрачную крышу наверху. Конечно, луч, если развернуть его вверх из диска, мог бы пробить прозрачную крышу, мог продырявить её и позволить атмосфере огромного герметичного города улетучиться в космос и мгновенно уничтожить всех черепахолудей, как те уничтожилиwormов. Они не собирались использовать этот луч таким образом, но поставили туда большой диск и сделали возможным бить его лучами вверх, чтобы, если они захотят в далёком будущем с помощью этого луча посетить другие планеты, то могли бы это сделать, построив воздухонепроницаемый шлюз и воздушный клапан в крыше прямо над диском, и таким способом отправлять цилиндры вверх и в космос. Они почему-то боялись, что Земля никогда не будет снова пригодной для обитания, даже когда грандиозные ледники растают, и решили получить возможность добраться до других планет,

которых нельзя было бы достигнуть, посылая луч вниз. Однако они никогда не использовали этот восходящий луч и даже не соорудили над ним никакого воздушного шлюза. Со временем они отказались от мыслей о посещении других планет. Но луч по-прежнему мог бы стрелять вверх с помощью большого ключа возле люка на площади.

Итак, всё было готово для переселения черепахолодей всем их числом с Земли. На Земле приготовили гигантский круглый диск там, где сейчас раскинулся Юкатан, так как, за исключением тропического пояса, мощные ледники покрыли уже всю Землю. Они утопили свою шахту в центр высокого холма, поместив на её дно отправляющий диск, собрав там тысячи цилиндров, необходимых для транспортировки расы черепахолодей с Земли на Луну. Затем, когда всё было готово, первый из этих цилиндров был установлен на диск, а остальные стояли рядом. В цилиндр помещался большой летающий диск черепахидов. Эти летающие диски, движущиеся с помощью изменения гравитации, они уже использовали раньше. Теперь они заполнили весь цилиндр, и множество черепахидов разместилось на них. Потом они подождали, пока Луна не встанет прямо над головой, огромная шахта в ней не окажется точно на одной линии с шахтой в холме. Затем прозвучал большой колокол, генератор диска заработал, и в ту же секунду цилиндр и загруженные в него черепахолуды отправились через бездну эфира к Луне.

В один миг они со скоростью света промчались сквозь пустоту прямо в кратер Коперника, в огромную шахту, проскочили по ней сквозь Луну, сквозь большой клапан в шахте, который автоматически открылся перед ними и мгновенно захлопнулся позади, остановившись на стоянке под большим диском на центральной площади. Цилиндр был немедленно отодвинут в сторону, потому что, как только он пролетел сквозь пустоту, другой такой же гружённый цилиндр был отправлен за ним следом в те несколько секунд, что две шахты: на Земле и на Луне, оставались на одной линии.

Так каждую ночь, когда Луна и Земля смотрели друг на друга отверстиями стволов шахт, черепахолуды с Земли отправляли в полёт как можно больше своих цилиндров. И через несколько недель на Луну отправились последние из

них — отправились в последнем цилиндре. И итоге вся раса черепахолодей переселилась с Земли на Луну.

Какое величественное переселение бесчисленных миллионов существ из гибнущего мира в захваченный мир!

Глава 10. Уничтожить человечество!

Так черепахолоды спаслись от гибели, перебравшись с Земли на Луну. Обосновавшись в огромном городе на дальней стороне Луны, они жили, как на Земле. Воздух, которым они дышали, изготавливался искусственно на громадных атмосферных заводах и скапливался под огромной прозрачной крышей. Силу тяготения под их великим городом генераторами увеличили до земной. Черепахолоды нашли в воздухонепроницаемом городе на другой стороне Луны безопасное убежище от наплыва катившихся по Земле ледников.

Тем временем на Земле, как они теперь могли наблюдать, мощные волны ледника сковали всё, оставив свободной лишь маленькую часть земной тверди, сглаживая поверхность земли, стирая в порошок города черепахолодей. Однако безопасность на другой стороне Луны позволила черепахолодам, начинающим новую жизнь в чужом городе, крайне мало внимания уделять Земле. Постепенно они стали приспосабливаться к длинным, примерно в две недели длиной, лунным дням и ночам и с помощью науки изменили некоторые характеристики своих тел, стали способны жить обычной жизнью в сумраке лунных ночей, лишь слабо освещённых кружочками света, разбросанными по стенам зданий. Также они смогли не прерывать жизнь и движение в течение двух недель лунного дня. Фактически, они полностью привыкли к Луне, почти забыв, что когда-то населяли Землю.

Обращенная к Земле сторона Луны также осталась почти позабытой, так как вряд ли кто-либо устраивал вылазки из комфортабельного города на дальней стороне на безжизненную, первобытную, пустынную поверхность приземного полушария и её окрестностей. До сих пор оно всё ещё изрыто кратерами, и

среди этих кратеров встречаются останки огромного разбитого города вормов, некогда покрывавшего поверхность всей Луны. Эти огромные блестящие куски рухнувшей крыши, хотя они и разбросаны повсеместно по всей обращённой к Земле стороне Луны, гуще всего лежат вокруг кратера, что мы называем Тихо. Именно из-за этого, потому что их блестящая поверхность отражает сверкание солнечных лучей, Тихо и ярко сияющий район вокруг него представляют большую загадку для человечества и человеческой науки. Ведь люди на Земле не знают, что эти обширные сверкающие участки — последние обломки гигантской крыши вормов, что простиралась над всей земной стороной Луны.

Забытая черепахолюдми, которые и видеть её не могли из города на обратной стороне Луны, Земля жила своей жизнью. Огромные ледники, что покрыли почти всю её поверхность, доползли с севера и юга почти до экватора. Они сковывали планету целые эпохи, так что Земля представляла собой пустынный мир льда, большую замерзшую пустыню. Казалось, что догадки черепахолудей верны и Земля никогда больше не станет обителью жизни. Но, в конце концов, под действием солнечного тепла, ледники начали таять. Медленно, но неуклонно великий ледяной поток отступал к полярным районам севера и юга, пока не оставил всю поверхность земли, покрытую рубцами и рассечённую глубокими долинами и огромными моренными насыпями от прошедших по ней ледников, лежать согретой и пригодной для обитания. Ледяной ужас закончился, и Земля снова была миром, в котором могла цвести жизнь.

Жизнь, однако, почти исчезла с земной поверхности под этими потоками льда. Великая раса черепахолудей ушла, сбегала на Луну, а прочие формы жизни, огромные виды рептилий земной юности погибли подо льдом. Выжили только маленькие организмы. И теперь, когда лёд отступил и Земля потеплела, эти уцелевшие виды стали развиваться и множиться. Изменяясь в мириадах мимолётных форм, восходя по пути эволюции, прищипоренная недавними суровыми условиями, жизнь развивалась от ящеров к млекопитающим, пока, наконец, среди млекопитающих видов не появились первые примитивные существа, что стали предшественниками человека.

В конце концов, среди безликой массы изменчивых видов возникла раса людей, пройдя путь от троглодитов до современного человека. И люди стали повелителями Земли, не зная и не подозревая, что задолго до них эту роль на Земле играли черепахолюди, чья цивилизация и наука были столь же развиты, как человеческие, или даже ещё больше. Потому что, хотя люди обращали свои взоры в космос, как их предшественники задолго до них, хотя они видели и фотографировали гигантские кратеры, странные блестящие участки на Луне, они никогда не подозревали о подлинном ужасном происхождении этих кратеров и блестящих участков. Они никогда не догадывались, что именно там, на обратной стороне Луны, которую никогда не видели их глаза, раскинулся колоссальный воздухонепроницаемый город, где миллионы черепахидов всё ещё развивались своим путём.

Но и черепахолюди в своём городе знали об этой новой расе людей, что доросла до повелителей Земли, не больше. На долгое время они полностью утратили интерес к Земле, с которой пришли. В комфорте и безопасности своего странного города они заметили, что уменьшились ледники, предположили, что на Земле могут развиваться новые формы жизни, но не проявили достаточного интереса к возможности послать хотя бы одну группу разведчиков обратно на Землю. Огромный диск в центральной площади города и шахта, что шла от него сквозь Луну, не использовались в течение тысячелетий. Черепахолюди забыли Землю.

Так, забыв её, они жили в своём лунном городе, но, наконец, на горизонте их спокойной жизни замаячил тревожный призрак великой опасности, что грозила самому их существованию — опасности едва различимой и менее эффективной, чем ледники, что выгнали их с Земли, но в полной мере смертельной. Им грозило остаться без искусственного воздуха и водоснабжения. Потому что, как я уже сказал, на Луне нет ни воздуха, ни воды, а сохранилось лишь немного замёрзших паров, задержавшихся в кратерах. Однако черепахолюди, как и их предшественники вормы, производили свой воздух искусственно и снабжали себя водой с помощью крупных атмосферных и водяных заводов, установленных повсюду в их городе.

Эти большие заводы получали воздух и воду путём сложных процессов химического анализа и синтеза, производившихся в огромном масштабе. Для начала они брали большое количество определённых лунных минералов, содержащих водород, азот и кислород. Затем, обрабатывая всю добытую породу, изменяя её разрушающими веществом вибрациями, они разбивали химические связи атомов в этих минералах, отделяли атомы одни от других, разделяли вещества на исходные элементы. Выделенные таким образом атомы водорода, кислорода и азота отфильтровывали после первичного дезинтеграционного процесса в большие подземные ёмкости или контейнеры, где и хранились.

При необходимости газы откачивали из этих огромных хранилищ и автоматически смешивали атомы водорода и кислорода, два атома водорода и один кислорода, чтобы образовать H_2O или воду. При другом методе следовало в большом количестве скомбинировать четыре атома азота с одним кислорода, получая воздух. Это, конечно, лишь очень краткое описание технологии черепахолудей, которая в действительности более сложная. От этих больших центральных синтезирующих заводов воду направляли по трубам ко всем частям лунного города, тогда как воздух автоматически выпускался со строго установленной скоростью для восполнения атмосферы под гигантской крышей. Весь этот самый сложный процесс проводили автоматические производственные линии, требующие от черепахолудей лишь немного внимания. Они не видели причин, почему бы так не могло продолжаться вечно.

Но оказалось, что в скором времени эти процессы могут остановиться за недостатком элементов, которые им жизненно необходимы.

Всё более и более трудным становилось добывать исходные компоненты, которые дезинтегрировали, чтобы получить необходимые им азот, кислород и водород, так как только вполне определённые ископаемые можно было использовать в производстве с нужной степенью эффективности. Но этими ресурсами не слишком богаты лунные недра, и их уже использовали в течение долгих тысячелетий черепахолуды и до них вормы. Они забирались за ископаемыми,

что приносили им воду и воздух, всё глубже в недра Луны, но начали понимать, что эти некогда распространённые породы через какое-то время стали бы едва ли не окончательно недоступными, и Луна не долго осталась бы пригодной для их обитания.

Осознав это, они сразу же принялись подыскивать другое место спасения от гибели, что нависла над ними в очередной раз. Вполне естественно, что у них не было желания становиться вымершей расой — как минимум, не без решительной борьбы за выживание.

В первую очередь они подумали о других околосолнечных планетах, так как там, на их центральной площади, до сих пор стоял большой диск, чей луч мог бы отправить их в космос, как только они сконструировали бы в прозрачной крыше над ним необходимый воздухонепроницаемый шлюз. Но после обсуждения ситуации они поняли, что вопрос бегства на одну из других планет стоять не может, потому что, даже если она окажется пригодной для их обитания, потребовалось бы слишком много времени, чтобы переправить всё их несметное население с Луны. А они знали, что у них нет столько времени, знали, что их время весьма ограничено.

Сообрав это, они после истёкших эпох снова обратили свои мысли к Земле, к Земле, с которой ушли. Взглянув на неё сквозь бездну эфира, они увидели то, чего не замечали раньше, что огромные ледники давно исчезли, а сама Земля вновь стала тёплой и обитаемой. Переселить все их орды назад на Землю с Луны можно было в короткое время, так как диск в центре города мог отправлять их цилиндры прямо в огромную шахту сквозь Луну и затем на Землю. Также они полагали, что и шахта на Земле, и диск в ней должны быть по-прежнему нетронутыми. Они знали, что огромные ледники почти не затронули регион, где находится этот холм.

Следовательно, Земля снова стала для них безопасным убежищем, более того, ведь они были рождены там, и её сила тяжести по-прежнему оказалась бы привычной для них.

Одна мысль, однако, удержала их от немедленного бегства на Землю всей ордой. За время прошедших эпох на Земле могла развиваться какая-либо новая раса разумных существ,

с которой лунным тварям пришлось бы сразиться, когда они придут на Землю.

Поэтому они решили сначала отправить разведывательную экспедицию, чтобы определить, насколько земные условия пригодны для обитания, и чтобы разузнать силу и разумность расы, которая ныне повелевала этой планетой.

В результате, около сотни черепахолудей погрузились на летающие диски и двинулись к одному из больших цилиндров. Этот цилиндр установили в конструкцию под большим диском и запустили луч.

Секундой позже этот луч повлёк цилиндр вниз, сквозь шахту, сквозь Луну, и вынес на её земной стороне, а затем потащил через бездну, чтобы доставить до шахты в Юкатане и остановить в ней, мгновенно преодолев пустоту между Землей и Луной, когда две шахты оказались на одной линии, как бывало прежде.

Первая разведывательная партия черепахолудей прибыла в шахту в Юкатане, шахту, к которой рок привёл нашу собственную исследовательскую экспедицию. Затем из этой шахты на летающих дисках явились лунные рейдеры, убившие Виллингса и остальных, захватившие меня в качестве образца земной расы. Черепахолуды оперативно и научно принялись за разведку, забрав все инструменты, книги и бумаги из палаток, набирая образцы земли, воздуха и воды, собирая образцы птиц, животных и насекомой жизни, собирая всю возможную информацию в округе, чтобы увезти с собой к миллионам собратьев в огромном городе на другой стороне Луны. И на следующую ночь они отправились обратно в свой город, назад на Луну и сквозь неё, к громадному лунному городу на обратной стороне нашего спутника, назад со мной и со всеми собранными образцами и данными для великого Совета Трёх Тысяч, перед которым я был представлен и затем допрошен.

После этого меня заключили в громадном Здании Совета, и пришли черепахолуды, которые обучили меня их странному языку и рассказали эту великую сагу своей расы, невероятные хроники временных эпох и безбрежной пустоты космоса, ужасающей гибели миров, что я только что вам поведал. И слушая это великое сказание, я, Хауленд, понял, наконец, истинное

чудовищное значение этого краткого спуска на Землю лунных рейдеров, понял, в конце концов, что ужасная гибель — вот что нависло над Землей, так как эти черепахолюди готовятся в скором времени отправиться на нашу планету. Но когда я стал понимать их язык, то снова предстал перед Советом Трёх Тысяч для допроса.

Там, в присутствии великого Совета и вопрошающего Совета Трёх, они расспрашивали меня о состоянии дел на Земле. Я обнаружил, что они многое поняли из книг и газет, и инструментов, что рейдеры забрали из нашего лагеря, и которые они оказались способны разобрать. Но когда Совет Трёх начал расспрашивать меня, я категорически отказался им отвечать. Пусть я знал, что мой отказ не добыл бы Земле отсрочки, и что смертным должен был стать приговор, ожидавший меня за этот отказ, всё равно я ни на йоту не помог бы их чудовищному плану, исполнение которого означало бы уничтожение мира людей. И когда Совет Трёх понял это, меня отправили обратно в эту камеру, оставив в живых, чтобы их ученые могли ставить на мне эксперименты в надежде найти какой-нибудь способ, которым можно было поработить человеческий разум, не повредив тело, чтобы, когда они подчинят Землю, то могли бы сохранить от уничтожения достаточно социально развитые народы, чтобы те служили им как рабы и обслуга машин.

С тех пор как меня вернули обратно в камеру, прошло лишь несколько дней, а за то время, пока я пребывал в ней и изучал их язык, пошла на убыль длинная лунная ночь, и сияющий лунный день прошёл и тоже угас, чтобы снова уступить место сумраку ночи, сумраку той ночи, что сегодня нас окружает. Всё время ночи и дня, и новой ночи я без перерыва наблюдал грандиозные сборы, непрестанно идущие во всём величественном городе вокруг, видел летающие диски, наполненные огромным количеством оружия, инструментов и снаряжения, готовые к загрузке в большие цилиндры под площадью, чтобы в этих цилиндрах устремиться вниз, на Землю, в первую убийственную атаку на жителей нашей планеты.

Как я услышал от Совета, эта атака начнётся в ближайшие дни. Первые партии цилиндров отправятся по лучу на Землю, едва удар колокола укажет время, когда шахта на

Луне и шахта на Земле окажутся на одной линии. В эти последние дни я каждые двадцать четыре часа слышал далёкий гулкий удар, и каждый раз мне казалось, что этот звон возвещает гибель нашего мира. Несколько часов назад, когда я снова услышал этот гул, я понял, что следующий его раскат будет означать конец. Потому что на этот раз с ударом колокола, когда две шахты станут на одну линию, как это должно снова случиться уже через несколько часов, придёт время великой атаки, и лунные твари в своих цилиндрах ринутся вниз, к Земле, по большому лучу. Я и не мечтал, однако, слыша тот последний удар, что вы трое примчитесь с Земли по лучу с земного диска, чтобы отыскать меня. Я никогда не мечтал об этом, пока Карсона и Трента не привели и не заперли здесь вместе со мной, чтобы они тоже служили подопытными для экспериментов учёных черепахолудей.

Теперь, Карсон и Трент, и Фостер, вы знаете всё; вы знаете о смертельной угрозе, что нависла и сгустилась над нашей Землёй. Потому что уже сейчас, в огромном городе вокруг нас, черепахолуды завершают свои последние приготовления, собирая все летающие диски и войска, чтобы запустить к Земле. В ближайшие часы под площадью вновь ударит великий колокол, отмечая момент, когда шахта на Земле и шахта на Луне встанут одна напротив другой. И когда этот сигнал прозвучит, несчётная уйма цилиндров, наполненных чудовищными, неодолимыми ордами черепахолудей, отправится на Землю! Они явятся на нашу планету, чтобы уничтожить человечество, как уничтожилиwormов, чтобы разгромить человечество, поработать и уничтожить людей, и вновь стать повелителями Земли!

Глава 11. Битва за свободу

— Черепахолуды вновь станут повелителями Земли!

В молчании, что последовало за этим рассказом, казалось, что слова Хауланда звенели в маленькой камере вокруг нас, подобно звуку какого-то большого сигнального колокола, выносящего приговор Земле. Мне показалось, я увидел тогда в темноте стремительно сменяющиеся картинки;

казалось, видел сотни, тысячи цилиндров, мчащихся на не-
сущем луче с Луны к Земле; видел, как цилиндры выпускают
свой груз летающих дисков и черепахолудей, то, как летаю-
щие диски устремляются на север и юг, и на запад из шах-
ты в Юкатане, рассыпавшись по всему миру людей; видел
разбитые и разгромленные боевые корабли и артиллерию, и
самолеты, пасующие перед быстрыми и мощными летаю-
щими дисками, смертоносные лучи, миллионы мертвецов в
больших городах; видел, как поверхность Земли снова, как
в доисторические времена, покрыли гранёные постройки
городов черепахолудей, управляющих Землей от полюса до
полюса, и уничтожение расы людей; лишь немногих уцелев-
ших, безмозглых, оставленных, чтобы служить рабами чере-
пахолудям!

От этого чудовищного видения у меня закружилась го-
лова, тогда как Карсон и Трент, и Хаулэнд, стоявшие ря-
дом со мной, смотрели в пустоту мрачные и испуганные, как
и я. Через треугольное окошко в стене можно было видеть
огромный сумрачный лунный город, по-прежнему полный
черепахолудей и летающих дисков. С высоты башни мож-
но было оценить всю мощь орд лунных тварей, собирающих
силы для стремительной атаки на Землю. И под впечатлени-
ем всё ещё звучащей в наших головах титанической саги,
которую Хаулэнд только что изложил, вглядываясь в огром-
ный город, что стоял там, где зоны прежде был выстроен
странный городwormов, наши разумы были способны оси-
лить лишь одну великую истину из всего, что в них тесни-
лось, мы могли осознать лишь тот великий ужас, который
только что нам открылся.

— Черепахолуды снова станут хозяевами всей Земли, а
мы — единственные, кто мог бы предупредить землян, за-
перты здесь! — воскликнул Карсон.

— Заперты без надежды на бегство, — мрачно подтвер-
дил Хаулэнд. — И уже через несколько часов начнется их
атака. Скоро большой сигнальный колокол под площадью
ударит трижды. Это будет сигналом для летающих дисков
черепахолудей, и войска по всему городу двинутся к площа-
ди, загрузятся в цилиндры, чтобы, когда прозвучит одиноч-
ный гулкий удар, они могли бы ринуться к Земле.

— Но разве нет надежды на бегство? — вскричал я. — Неужели нет никакого способа, которым мы — единственные, кто знает всё это, могли бы остановить это губительное вторжение?

Хауленд задумчиво взглянул на меня.

— Есть такой способ, — медленно произнёс он, и много позже я вспомнил эти слова, — путь, которым угроза от черепашколюдей была бы устранена навсегда, если бы мы только сумели убежать отсюда. Однако как нам вырваться на свободу из этой камеры?

Мы безнадежно осмотрелись. Дверь камеры, которая казалась распахнутой и неохраняемой, на самом деле защищало вернее стали поле невидимой силы, сквозь которое не мог проникнуть ни один материальный предмет. И когда мы вернулись к окну, надежды не стало больше. Потому что окно, хотя и совершенно открытое и достаточно большое, чтобы мы сумели в него пролезть, выходило на отвесную стену высочайшего здания. Вниз и вверх уходили мощные стены, и сотни футов отделяли наше окно от переполненных улиц внизу, и почти столько же — от огромной крыши. К тому же стена, в которой было проделано наше окно, стояла абсолютно вертикально, хотя грань ниже неё была скошена внутрь, и выше также скошена внутрь, как огранка драгоценного камня. Мы знали, что пытаться бежать через окно без снаряжения означало бы лишь встретить мгновенную смерть.

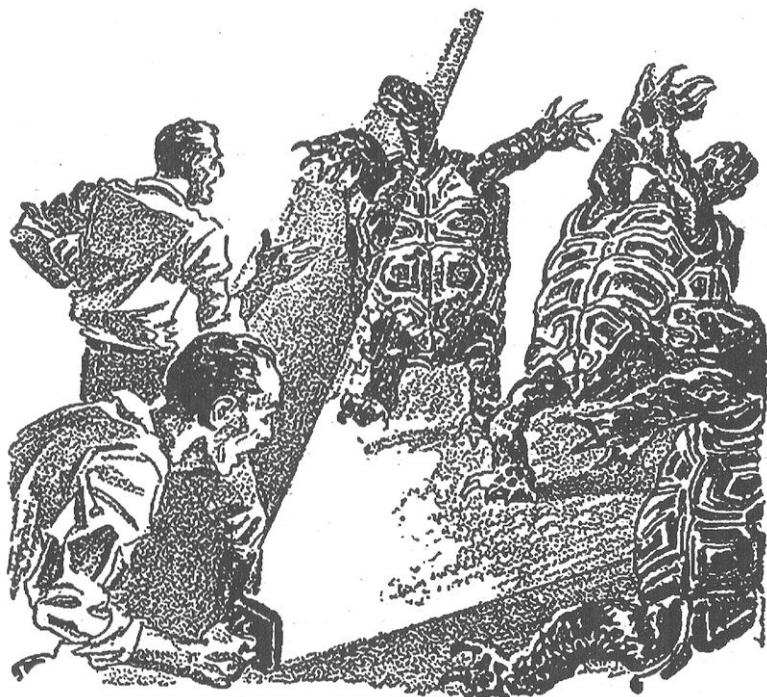
Однако мы не могли оставить надежду на бегство, надежду найти какой-нибудь способ вырваться из нашей тюрьмы и добраться до громадного ангара под площадью, добраться до одного из цилиндров и вернуться домой, чтобы предупредить землян. Мы исследовали каждый закоулок нашей тёмной камеры, досконально изучили дверь и окно, но тщетно. Нам не удалось отыскать ни одного способа бегства, хотя через коридор мы могли различать бесконечные хлопоты черепаших фигур, носивших оружие, инструменты и снаряжение из высокого здания на крышу, очевидно, для погрузки на летающие диски, что стояли там в ожидании главного сигнала, что призвал бы их и всех их собратьев со всего города к площади грузиться в цилиндры под ней. Мы знали, эти три предупредительных удара должны были прозвучать всего лишь через пару часов;

от этой мысли нас охватило безумное отчаяние. И тут Хауленд, который всё это время сидел неподвижно, погруженный в собственные мысли, поманил нас к себе.

— У нас есть лишь один шанс из тысячи убраться из этой камеры, — быстро заговорил он. — И пусть почти наверняка впереди нас ждёт смерть, мы должны использовать этот шанс. Каждые двадцать четыре часа два стражника приносят мне сюда пищу, и если они придут, как всегда, в ближайший час или около того, тогда мы и получим этот единственный шанс побега...

Он продолжил далее объяснять придуманный им план, а Карсон, Трент и я внимательно слушали. План, который он предлагал, был достаточно простым и настолько же безрассудным, хотя в то же время это был единственный вариант, при котором мы имели, пусть слабую, надежду на бегство из нашей камеры, так что без долгих разговоров мы с ним согласились. Представлялось возможным, что при любом раскладе один либо двое из нас сумеют вырваться на свободу, и мы договорились, что кто бы это ни оказался, он должен будет добраться до крыши, постараться угнать летающий диск и повести его к площади и ангару с цилиндрами под ней. Конечно же, вся схема предполагала совершенно отчаянную и дерзкую единственную возможность, хотя у нас был, как говорил Хауленд, шанс, и мы охотно ухватились за него. Затем, так как всё зависело от прихода стражников с пищей, нам оставалось лишь напряжённо ждать, когда придут наши стражи, и мы сможем применить схему в действии.

Сейчас, когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что последовавшее ожидание было едва ли не самым мучительным временем, какое я когда-либо проводил, — временем, в течение которого мы неподвижно и молча сидели в тёмной камере, дожидаясь прихода двух стражников. Карсон устоял на защищённом поле вход, Хауленд, Трент и я сидели напротив него, мы ожидали в молчании. И никогда, конечно, не случилось здесь более странной сцены, чем та, что мы должны были разыграть. Четыре бледных, неподвижных и молчаливых человека сидели в тёмной камере в стене громадного здания, где по коридорам сновали группы деловитых уродливых черепах, а множество других черепах

заполняло улицы окружающего его колоссального, едва освещённого города, где в воздухе с рёвом кружили летающие диски. И все готовились сбежать отсюда, с обратной стороны Луны, из-под гигантской прозрачной крыши, что её накрывала, ринуться вниз, на Землю, и обрушиться на народы Земли.

Медленно текли минуты. Ничего не менялось ни в постоянном полумраке города вокруг нас, ни в жизни этого города. А если черепахолуды не придут? Не могли ли они, озабоченные грандиозными сборами, забыть о нас, и не мог ли наш последний шанс оказаться уже потерянным нами? Напряжённо, переполненные отчаянием мы, ждали, уже зная, что лишь немногим более часа отделяет нас от трёх гулких ударов, которые должны прозвучать с площади, прежде чем лунные орды потекут по этой площади к огромному ангару под ней. Потом мы услышали, как бурная деятельность в городе за окном, в коридорах огромного здания замедляется, стихает, и стали встревоженно переглядываться. Приготовления черепахолудей были завершены, и их первая ударная группа была готова к старту!

Тут раздался шум, словно множество черепаховидов направилось вниз с крыши здания, шум многочисленных тяжёлых шагов и звуки глубоких, басовитых голосов, а затем снова воцарилось внезапная тишина во всём огромном здании и в городе внизу. Выглядывая из окна, мы могли видеть, что почти все сновавшие туда и сюда большие летающие диски уселись на крыши высотных зданий, что орды черепах собирались в толпы, растущие по всей длине улиц. Они ждали — ждало всё великое войско, которое в течение часа должно было погрузиться в цилиндры под площадью, чтобы устремиться к Земле! Когда осознание того, что наше время истекает, пронзило меня, я дёрнулся к окну с возгласом на губах, но прежде чем смог что-либо произнести, Карсон без слов резко отшатнулся от двери, за которой он наблюдал, и предупреждающе поднял руку.

— Черепахи-стражники! — прошептал он. — Они идут!

Его слова разорвали напряжённую тишину, мы какое-то время вслушивались и затем расслышали чёткий звук тяжёлых шагов, приближающихся по металлическому полу внешнего коридора, и глубоких басовитых голосов, быстро говоривших неподалёку. Сразу же мы запустили в действие разработанный нами план, потому что эти идущие к нам не могли быть никем иным, кроме как стражами, черепахами-стражами с нашей едой. Поэтому, бросившись на пол камеры, мы замерли абсолютно неподвижно. Я — возле самой двери, Карсон и Трент — чуть дальше от меня, а Хауленд — в темноте в другой стороне комнаты. Там, лежа недвижно, как трупы, с закрытыми глазами, мы с натянутыми нервами дожидались прихода черепахолов.

Минутой позже они уже стояли по другую сторону нашей невидимой силовой двери. Лежа лицом к ним, не двигая ни одним мускулом, движение которого можно было бы заметить, я чуть приоткрыл глаза и увидел сквозь ресницы наших тюремщиков, стоящих с той стороны. Я видел, как один потянулся к кнопке по ту сторону двери, услышал щелчок, и теперь, хотя все оставалось прежним, я знал, что силовую дверь убрали. Затем сквозь открывшийся дверной проём неспешно и насторожённо вошли крупные черепахолуды, и едва я увидел их, как чуть не заорал в отчаянии во весь голос. Потому

что это были не те два стражника, что приносили Хауленду еду и кого мы ожидали, на приход которых был рассчитан наш план! Их было пятеро четверо вооружённых лучевыми полусферами, что они держали наизготовку, последний невооружённый и, по-видимому, их командир, от его голоса и манер несло запахом власти. И едва я взглянул на него, как первая мелькнувшая мысль открыла мне, что за злая судьба обрушилась на нас. Эти стражники и их командир пришли в нашу камеру только затем, чтобы забрать нас в лабораторию черепах-учёных!

Моё сердце пронзил абсолютный холод, едва я догадался об этом, хотя даже сейчас я не двинул ни мускулом, когда четыре стражника и их предводитель вошли к нам. Я видел, как они остановились в изумлении, глядя на нас, лежащих ничком на полу, видел их оружие, всё ещё нацеленное прямо на нас, словно они опасались какого-нибудь сюрприза. Главный черепахочеловек, заподозривший какой-то подвох, заговорил, обращаясь к нам своим глубоким голосом, видимо, чтобы заставить нас встать, но мы не двигались. Мы оставались мёртвыми и неподвижными. Он протянул когтистую ногу или лапу ко мне, лежавшему к нему ближе всех, пошевелил меня ею; но я не реагировал. Тогда, очевидно, совершенно озадаченный, он наклонился ко мне, чтобы осмотреть. Этого-то я и ждал. Едва он склонился надо мной, едва его лицо оказалось близко, мои руки взметнулись и вцепились в него!

В следующий миг началась дикая битва — настоящая неразбериха в темноте маленькой камеры. Когда я схватил их вожака, четыре стражника немедленно повернули всё свое оружие в мою сторону, но не посмели выпустить лучи, иначе они заодно убили бы своего командира. И тут, пока всё оружие было направлено на меня, мои три товарища также вскочили и бросились на стражей! Затем мы закружились в крохотной камере в такой неистовой битве, какой я никогда не знал прежде. Все ещё удерживая черепахочеловека, с которым схлестнулся, я норовил дотянуться захватом до его змеиной шеи, которая, как опыт научил меня, была одной из самых слабых точек у этих панцирных чудовищ. Однако прежде чем я смог совершить захват, могучие конечности

моего противника схватили меня, сжали когтистыми лапами и тут же стали душить!

Пока я дрался как сумасшедший, я не мог видеть Карсона, раскачивавшегося в смертельных объятиях со своим врагом, всем напряжением мускулов пытаюсь не дать тому возможности привести в действие полусферу; но я видел Трента, который схватил одну из тварей за шею, отправил это существо на пол мёртвым и перескочил к следующему противнику, вознамерившемуся выскочить через открытую дверь; видел Хауланда, катающегося под стеной комнаты с ещё одним черепахочеловеком, тот, казалось, был ранен; слышал какофонию глубоких вибрирующих голосов и хриплых вскриков, шум дерущихся тел, лязг металла, когда оружие стражников задевало пол. Затем у меня потемнело в глазах, и я почувствовал, как безжалостный захват сжимает мое горло!

Я понял, что минуту спустя этот захват прикончит меня! Я вложил всю силу в последний рывок и изо всех сил врезал черепахочеловеку, державшему меня. Мощным ударом я разорвал удушающий захват и отправил противника кувыркком под дальнюю стену комнаты, и пока тот поднимался, быстро огляделся. В сию же секунду Хаулэнд и Трент рядом со мной тоже швырнули своих противников к дальней стене, уложив рядом с моим, а Карсон все ещё боролся со своим противников где-то за моей спиной. Всё это я разглядел, выпрямляясь, и следом увидел, как один из трёх чудовищ перед нами вдруг резко потянулся по полу к чему-то круглому и блестящему, к одной из смертоносных полусфер, которой он в следующий миг быстро взмахнул, наводя на нас!

В этот безумный миг я знал, что ничто не в силах остановить смерть из полусферы — смертельный луч, что рванется из неё к нам, однако я всё же собрался с силами для прыжка, понимая, что это безнадежно. Но пока я собирался, позади что-то негромко щёлкнуло, и широкий луч зелёного и мутного света вылетел из-за моей спины и ударил в троих черепахолоудей возле дальней стены комнаты. Раздался взрыв, что в тесноте помещения прозвучал громоподобно, просто оглушительно! И сразу же я увидел, как мои противники покачнулись, зашатались, рухнули расколотой, разбитой массой

на пол комнаты! Я стремительно обернулся, чтобы заметить, как в этот критический момент Карсон, повергший своего противника и оторвавшийся от него, резко опустил полусферу, чей луч уничтожил троих черепахидов напротив нас!

Задышающиеся, оборванные, с дикими глазами, мы медленно принялись оглядываться по сторонам, тревожно прислуживаясь. Взрыв зелёного луча в маленькой камере показался нам громоподобным, но очевидно, что малый размер камеры приглушил звуковой эффект, потому что в огромном здании вокруг нас не раздались звуки тревоги. Мы немного выждали, прислушиваясь, затем добрались до полусфер на полу, сжав их рукоятки и поставив пальцы на пусковые штифты. И только потом направились к двери. Мы вышли из нашей темницы, оставив тела пятерых черепахидов в темной камере, вышли в дверь, которую больше не закрывал невидимый силовой щит, чтобы обнаружить себя в тёмном коридоре, идущем влево, прямо к границе великого Зала Совета и коридорам, уходящим наверх.

— Меньше часа осталось, — прошептал Хаулэнд, когда мы прокрались по этому коридору. — Молитесь Богу, чтоб мы добрались до крыши до того, как прозвучат три удара колокола.

Его слова эхом отозвались в наших сердцах, когда мы молча двинулись дальше. Время стремительно бежало. Приближался момент, когда земной шар и лунный шар вновь окажутся на одной линии, что позволило бы лунным ордам рвануться к Земле.

Мы крались по коридору, пока не дошли, наконец, до места, где он вливался в большой коридор, лестница из которого вела вверх. Мы не видели пока что ни следа других черепахолоудей, но, хотя здание вокруг нас казалось странно затихшим, едва лишь мы выбрались в большой коридор, как бдительно осмотрели его на всю длину. Черепахолоудей видно не было, зато перед нами с другой стороны коридора открывался глубокий провал Зала Совета. Мы с опаской направились к нему, к низким перилам, что ограждали коридор от огромной глубины зала, затем заглянули за эти перила, чтобы на некоторое время позабыть обо всём ином, уставившись вниз.

Потому что там, на полу величественного полутёмного зала, чьи высокие изогнутые стены уходили от нас вниз на сотни футов, сейчас ряд за рядом стояли мириады сидений с безмолвствующими черепахолюдьми! Твари, что восседали на этих сиденьях странными молчаливыми рядами, и были тем самым великим Советом Трёх Тысяч, управлявшим всей расой черепах! Молча, внимая, они сидели там, далеко под нами, в то время как на свободной площадке в центре огромного пола находились три создания, которые, как я знал, составляли Совет Трёх. Сейчас один из них, стоя, глубоким сильным голосом обращался к трём тысячам вокруг него, голосом, что невнятно долетал до наших ушей.

Пока мы кралась по пустой галерее над громадным залом, до меня дошло, как это следовало понимать: сейчас, в преддверии титанической экспедиции обратно на Землю, под нами собрался весь Совет Трёх Тысяч. И спикер в центре собрания обращался к тем, что скоро должны будут подняться на крышу и понестись на летающих дисках к площади и в цилиндры под нею, что доставят их до Земли. Он, казалось, увещевал их, напоминал о силе, какой вскоре станут они на Земле, напомнил им о гибели, ожидающей всю их расу, если они не покорят, если не очистят Землю от человечества. Глядя на них, Карсон, Хаулэнд, Трент и я не могли оторваться, словно совершенно замороженные этой чуждой и торжественной сценой.

Мы наблюдали дольше минуты, но затем Карсон, бесшумно махнув нам, выпрямился, и мы тоже выпрямились, чтобы идти дальше и двинуться к крыше. Но пока мы вставали, сзади послышался тихий шорох, и вслед за тем, не успели мы развернуться, как нас схватили, схватили большими когтистыми лапами, сдавили, крепко удерживая! Уже с дикой яростью вырываясь из этого захвата, я понял, что нас обнаружила, группа черепах-стражников. Я слышал приглушённый возглас Хаулэнда, слышал, как остальные уже яростно сражались рядом со мной, тогда как я тоже бешено лупил тварь, державшую меня сзади. Вдруг я почувствовал, как мощные лапы стремительно подняли меня и перебросили через низкие перила, собираясь швырнуть на металлический пол в сотнях футов внизу, навстречу неминуемой смерти!

Глава 12. Вверх по стене

Сейчас я думаю, что ужас, который я испытывал в тот краткий миг, когда висел на волоске от смерти, так ошеломили меня, что я был не в силах пошевелиться. Вспоминаю, как мне, висящему по ту сторону низких перил, показалось, что далёкий пол огромной комнаты уже устремился мне навстречу, а многочисленные создания, слушавшие речь своих вождей, всё ещё не заметили нашей возни высоко над своими головами. И только я успел закрыть глаза и вручить себя в руки судьбы, как ощутил другой крепкий захват под плечи и, после мучительно длинного мига, почувствовал, что меня вытягивают через перила обратно. Когда я вновь коснулся пола коридора, я увидел, что меня спас Карсон, после того как могучим ударом вырубил державшую меня тварь.

Рядом со мной валялись ещё две твари, а Хауленд, обливаясь кровью из большой царапины с одной стороны головы, поднял руку с полусферой, чтобы обрушить её на голову последней твари. Карсон, как я понял, уклонился от первой атаки тварей, когда те подкрались к нам сзади, развернулся, отправляя их на пол стремительными ударами тяжёлого оружия, и вырубил двоих из них, Трент и Хауленд разобрались с двумя последними. К нашей удаче, драка, при всей её ярости, оказалась очень короткой, потому что твари, очевидно, решив, что сами поймают нас, не использовали своих полусфер, иначе в таком случае тревогу подняли бы все тысячи Советников далеко внизу. Однако так вышло, что наш яростный бой проходил высоко над ними, и ни одного звука не долетело до них, и никто не посмотрел в нашу сторону.

Некоторое время мы пробирались по коридору к узкой лестнице, ведущей на следующий уровень, потому что знали, что у нас остаётся мало времени, если мы собираемся добраться до площади и цилиндра под ней вовремя. С Карсоном впереди мы пробежали к лестнице, но резко остановились, едва бросив взгляд вверх. Там, в полутьме верхнего коридора, мы разглядели не менее четырёх стражников, засевших наверху лестницы. Кроме того, можно было видеть и слышать и другие группы черепахолов, что, казалось, неустанно патрулировали коридоры и лестницы, очевидно,

вплоть до самой крыши здания! Стало ясно, что нам никогда не достичь крыши, никогда не добратся до летающих дисков на ней; мы никогда не сможем пройти через бесчисленных стражей, что стояли между нами и крышей. Мы остановились в совершенном отчаянии.

Внезапно глаза Карсона загорелись.

— Нам не подняться к крыше изнутри здания, — прошептал он, — но шанс есть.

— Шанс попасть на крышу? — спросил Хауленд, и Карсон кивнул.

— Да, — сказал он. — Мы сможем подняться по внешней стене здания!

С секунду мы непонимающе таращились на него; затем он быстро указал на штабель механизмов и деталей, сложенный вдоль коридорной стены. Мы только что прошли мимо, не обратив на них внимания, но теперь глаза Карсона поднялись на нас.

— Там лежит дрель, — сказал он. — С ней и с металлическими прутьями, что лежат рядом с ней, мы сможем добраться наверх по стене!

Только когда он потянулся и быстро поднял инструмент, о котором говорил, мы поняли. Это был металлический предмет около восьми дюймов длиной с характерным сверлом из чисто белого металла более дюйма в диаметре и более твердого, чем металл зданий и улиц города. Белое сверло выдвигалось из корпуса в виде луковицы, на одной стороне которого нашлась маленькая кнопка включения, и когда Карсон тронул её, она заставила сверло быстро вращаться, и он приставил его к ближайшей металлической стенке. Мы видели, что белое сверло вгрызается в металл так же мягко и стремительно, как в дерево. Он указал на короткие металлические прутья, что стопкой лежали рядом, прутья, которые были достаточно толстыми, чтобы плотно войти в отверстия, проделанные сверлом, и тут до нас дошёл его план. Он был таким же безрассудным, как прежние, но мы понимали, что для нас это последняя возможность достичь крыши. Мы никогда не смогли бы пройти через бессчётных стражников, наводнивших верхние этажи.

Итак, каждый из нас схватил по три коротких толстых прута, а Карсон дрель, и мы побежали назад по коридору,

туда, где так и лежали четверо стражников, с которыми мы сражались минутой раньше. Один из них шевельнулся, выказывая признаки жизни, но в тот напряжённый момент мы не обратили на него внимания, спеша в ответвление коридора, ведущего к камере, из которой только недавно сбежали. Там валялись тела сражённых зелёным лучом, но мы перепрыгнули их, стремясь к треугольному окну. Затем Карсон, прихватив дрель, залез на окно, балансируя в его проёме быстро высверлил глубокие маленькие отверстия в металле стены над ним. В одну секунду отверстие было готово, и, вытащив дрель, он воткнул в дырку один из металлических прутьев. Как и до того, прут плотно вошёл в нее, образовав в результате надёжный колышек, выступающий на два фута из обширной гладкой стены над окном.

После того, ухватившись за этот колышек и стоя одной ногой в открытом окне, Карсон потянулся вверх и быстро проделал дрелью точно такое же отверстие в язде над первым. Он также вставил в него прут и затем взобрался на первый колышек, цепляясь за тот, что был наверху. С дрелью в руке он подтянулся выше, молниеносно сверля такое же отверстие, вставляя ещё один прут, и таким образом двигаясь вверх, шагая по большим ступеням, которые сам же соорудал в стене здания. Далеко под нами во все стороны раскинулся огромный лунный город, его кристаллические здания просвечивали сквозь мглу, их крыши усеивали летающие диски, а улицы переполняли черепахи. Однако в сумраке нас нельзя было разглядеть с этих улиц, очевидно, поэтому внизу не поднялась тревога, пока Карсон продолжал карабкаться вверх.

Потом Трент последовал за ним, вставляя свои колышки в отверстия, которые просверлил Карсон, взбираясь по мощной гладкой грани здания, вставляя свои колышки в готовые дырки, подтягиваясь от прута к пруту и затем вытаскивая за собой нижний и используя его снова, чтобы вставить в отверстие наверху. Хаулэнд так же, как Трент, следом за тем, двинулся вверх, точно так же используя свои прутья. Я подождал возле окна, пока Хаулэнд не поднимется надо мной на полдюжины футов, и тогда с бьющимся сердцем приготовился следовать за ним, последним из четверых протискиваясь в окно и вставляя один из моих трёх колышков в отверстие над ним.

Кольшек, как и все прочие, вошёл плотно, и я мигом воткнул следующий в дырку выше, взбираясь на первый прут, как делали остальные, и устанавливая третий в отверстие над собой. Затем, ухватившись за третий и быстро подтянувшись, я нагнулся и извлёк первый, выпрямился и установил его ещё выше над двумя, за которые держался. И так я следовал своим способом за тремя друзьями, Карсоном, Трентом и Хаулендом. Мы были похожи на четырёх больших летучих мышей, ползущих по вертикальной стене сквозь окутывающий мрак.

Вверх — вверх — кольшек за кольшком, дырка за дыркой, равномерно, неизменно, почти автоматическое движение вверх. Один раз я глянул сквозь сумрак на людные улицы далеко внизу, большие черепашины толпы, и тогда меня захлестнуло мучительное головокружение. Я крепче вцепился в свой кольшек и запретил себе смотреть вниз. Над собой я мог видеть Карсона, поднимающегося первым, к тому же с дрелью в руке. Сверля отверстия в мягком металле высокой гладкой стены, он неуклонно продвигался вверх с дрелью и кольшками, пока Трент, Хауленд и я по порядку следовали за ним. И, глядя вверх на него, я мог заметить высоко над собой слабый блеск огромной прозрачной крыши, горящие точки над ней, которые складывались в знакомые созвездия, сияющие, неизменные звезды.

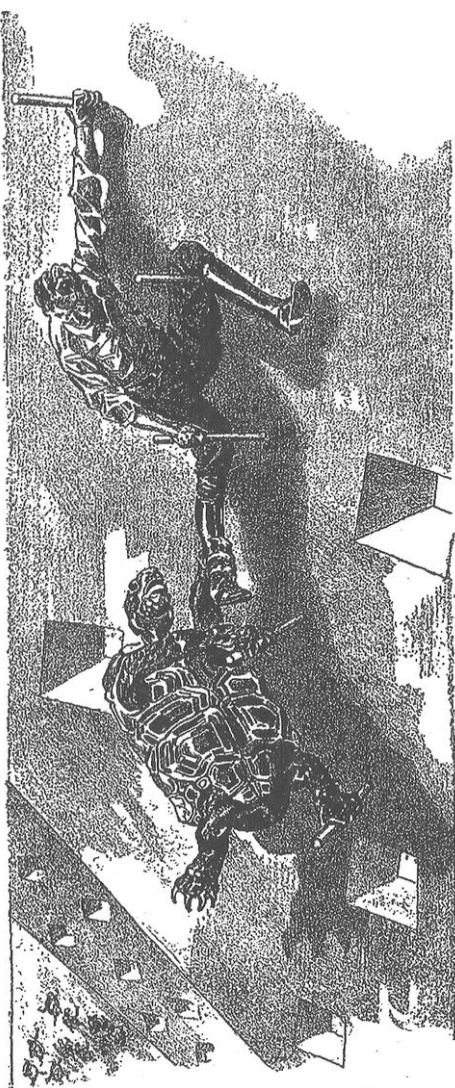
Может ли кто-либо из людей осилить невероятное путешествие, что мы совершали по громадной отвесной металлической стене здания? Вверх по зданию, внутри которого заседал великий Совет черепахолудей, зная, что, едва прозвучат три сигнала, этот Совет двинет свои великие силы к цилиндрам под площадью! Вверх... Вверх... Кольшек за кольшком, дырка за дыркой, пока Карсон там, наверху, не достиг точки, где огромная вертикальная грань здания отклоняется внутрь, пока я сам не окажусь более чем в ста футах над окном, через которое мы вышли. И как раз в этой точке, бросив короткий взгляд вниз, я увидел вылезающую из окна подо мной отвратную рептильную голову одного из черепахидов, уставившегося прямо на нас!

Когда мой взгляд встретил взгляд этих немигающих нечеловеческих глаз, я вздрогнул, облившись холодным потом от

страха, и вцепился в кольшики на стене. В тот миг, когда я оглянулся назад, я заметил большую рану на голове твари и сразу понял, что это был тот самый стражник, чьё движение я заметил, когда мы бежали обратно по коридору, и который очутился и отправился вслед за нами. Только секунду тварь глазела на нас, секунду, за которую я расслышал возгласы ужаса Карсона, Хауленда и Трента надо мной, которые тоже увидели преследователя. Затем голова пропала в окне, и меня пронзила мысль, что он пошёл поднимать тревогу. Но едва лишь я так подумал, как он снова появился внизу с такими же, как у нас, металлическими прутьями в лапах, прутьями, которые он вставлял в отверстия, подобно нам самим, один за другим!

Он лез по стене за нами!

Лихо раскачиваясь, он лез вверх за мной, перескакивая с прута на прут, от дырки к дырке. Он быстро подбирался ко мне, пока я, скованный ужасом, глазел на него. Крики Карсона и Хауленда помогли мне очнуться, и я, втыкая кольшики в отверстия над собой, принялся с отчаянными усилиями быстро

взбираться за ними. Вверх... Вверх... Быстро, лихорадочно, я карабкался, но все ближе ко мне снизу подбиралось чудовище, втыкая свои прутья в отверстия и с лёгкостью прыгая по ним на своих больших когтистых лапах. Глядя вверх, я видел, что Карсон и остальные уже забрались на отклонённую от вертикали грань стены, стремительно поднимаясь по этой наклонной грани, управляясь с дрелью и колышками, и я знал, что как только доберусь до этого склона вместо вертикальной стены, к которой сейчас прилип, смогу продвигаться вперёд быстрее, смогу ускользнуть от твари внизу. Выше... Выше... Я не осмеливался оглянуться на преследующего меня черепахочеловека, когда с частившим сердцем и разрывающимися легкими карабкался вверх. Наконец я был лишь в нескольких ярдах от наклонной части стены. И тут что-то крепко схватило мою лодыжку, и я посмотрел вниз. Тварь нагнала меня и в меня вцепилась!

Когда хватка её лапы сдавила мою ногу, я от неожиданности свалился с колышка, за который держался, на тот, на который поставил ногу. Вцепившись в этот колышек, пока черепахид подбирался выше, я со всего маху ударил его и почувствовал встречный могучий удар, когда преследователь пробился к колышку, за который я держался. Там, вцепившись вдвоём в единственный тонкий металлический прут, укреплённый на мощной вертикальной стене здания, мы сошлись в головокружительной схватке, какую и не представить. Мы изо всех сил колошматили один другого с одной целью — сбить противника с колышка, отправить его навстречу смерти на металлическом подножии высотного здания тысячами футов ниже. И с первыми же ударами черепахочеловек едва не победил, так как его удары на время вывели меня из равновесия, раскачали, и я боком скользнул с колышка, держась за него только одной рукой.

Пока я болтался на колышке, за него ухватился, чудовище занесло руку для удара, который окончательно снёс бы меня оттуда. Но тут я услышал сверху испуганные крики Хауленда и остальных, увидел, как они кинулись вниз ко мне по своим прутьям, и также холодный гладкий металл у подножия громадного строения далеко внизу. Тогда, несмотря на то, что рука моего противника замахнулась для решающего

удара, я быстро зацепился за колышек коленями и тут же повис на них, в то время как мы снова уже дрались и остервенело лупили друг друга. И едва сделав это, я тут же начал осознавать кое-что, от чего у меня кровь застыла в жилах. Колышку приходилось держать наш двойной вес!

Тонкий металлический прут, достаточно прочный, чтобы удерживать одного, медленно гнулся под двойным весом меня и черепахочеловека и через короткое время, совсем согнувшись, отправил бы вниз нас обоих. Однако, так как он гнулся под нами медленно, мы продолжали бешено колошматить друг друга, постепенно скользя к внешнему концу колышка, по мере того как тот сгибался, пока, захлебываясь безумием схватки, не уцепились за самый его конец. Тогда он вдруг полностью согнулся под нашим весом, и мы соскользнули с него, устремившись вниз! И ровно в тот самый миг, как это случилось, сверху протянулась рука, сжала мой воротник, моё плечо и медленно потащила меня вверх к колышку выше, то время как омерзительное тело моего противника с низким воем летело вниз!

Он падал, кувыркаясь и кружась, и секунды спустя мы увидели, как он ударился о голый участок металла у основания здания, незамеченный, казалось, никем из толпы, что заполняла улицы. Я обернулся, дрожа. Меня спас Хаулэнд. Он спустился сверху, чтобы поймать меня, как раз в тот миг, когда колышек подвёл. Сейчас он снимал нагрузку с колышка, на который вытянул меня, перенеся свой вес на следующий прут наверху, и когда Карсон и Трент посмотрели вниз, чтобы убедиться в моем спасении, мы продолжили наше восхождение по стене. Через секунды, двигаясь в том же порядке и тем же способом, что и прежде, мы миновали скос стены, и уже с большей лёгкостью поднимались следующую сотню или более футов, остававшихся между нами и крышей.

Мы всё ещё лезли вверх и вверх, Карсон всё так же сверлил отверстия, мы с колышками продвигались за ним, карабкаясь из последних сил, так как хорошо знали, что отпущенные нам минуты быстро подходят к концу. Весь громадный лунный город вокруг по-прежнему лежал в густом сумраке, летающие диски по-прежнему стояли на всех крышах, но

мы знали, что через какие-то минуты с площади полетят три громких сигнала. И тогда все орды сорвутся со зданий, и с того, по которому мы взбирались, тоже, и летающие диски понесутся и к площади, и к цилиндрам, и к нижнему диску. Так что мы почти в исступлении следовали за Карсоном в нашем странном и страшном подъёме, пока наконец он, будучи выше всех нас, не оказался в нескольких футах от крыши огромного здания.

Задержавшись здесь, он послал нам предостерегающий жест, и, прислушавшись, мы едва расслышали доносящийся с крыши звук глубокого баса голосов черепахолудей. Тогда Карсон медленно приподнял голову над уровнем крыши, всматриваясь и держась за самый верхний колышек, который только что установил. Мы напряжённо ждали, пока он наблюдал за крышей, потому что, окажись мы обнаруженными сейчас, единственного удара хватило бы каждому из нас, чтобы отправиться в вечность. Потом Карсон обернулся к нам, приказывая взглядом следовать за ним; затем он осторожно подтянулся во мгле и пополз на кромку огромной крыши, пока не исчез с наших глаз.

Трент сразу же полез следом, также оглядев крышу. Третьим был Хаулэнд, и я тоже двинулся вверх к последнему колышку. Я достиг его и медленно поднял глаза над уровнем крыши. В сумраке передо мной она расстилалась на сотни футов от края, к которому я приник, и я видел выстроенные на её поверхности ряды множества летающих дисков, что частично перекрывались или накладывались друг на друга. Они были загружены инструментами и снаряжением, и я видел, что на каждом через равные промежутки окружности стояло по четыре большие лучевые полусферы. Черепахолудей рядом не наблюдалось. Они по большей части до сих пор оставались в громадном здании под нами. Лишь возле выхода в центре крыши, откуда лестница уходила вниз, поджидал полный десяток вооружённых черепах-стражников!

Карсон, Трент и Хаулэнд перебрались через край крыши и прятались за большой кучей каких-то механизмов, что лежала между нами и летающими дисками, между нами и стражами у центрального входа. Тогда поспешно, с опаской поглядывая на стражей, последовал их примеру и я, подтянулся

над краем крыши, а потом уверенно и бесшумно пополз через открытое пространство под защиту этих механизмов, скорчившись за ними возле моих друзей. Затем, поманив нас к себе, Карсон напряжённо зашептал.

— Нам нужно забраться на один из летающих дисков! — прошипел он. — Он укроет нас от глаз охраны, лишь в диске они не смогут увидеть нас, и у нас есть считанные минуты!

— Тогда попробуем раздобыть ближайший, — объявил Хаулэнд, качнув головой в направлении диска. — Сейчас или никогда!

Присев на секунду за нашим укрытием и переглянувшись, мы выползли из-за него на открытую крышу, направляясь к ближайшему большому летающему диску. Я знал, что даже в сплошном сумраке мы были как на ладони для стражей в центре громадной крыши, и молился, чтобы они не обернулись в нашу сторону, пока мы ползем прямо к борту летающего диска. Однако стражники, казалось, внимательно глядели в проём выхода, в пространство за ним, и мы мигом достигли большого плоского края корабля и бесшумно перелезли через его низкий защитный борт, стремясь к центральному пульта управления. Сердце быстро стучало, я шёл напрямик к пульта, не отводя глаз от штифтов на нём, которые запускали двигатель. А несколькими секундами позже, секундами, что показались бесконечными, мы добрались до низкого плоского бочонка, на котором находилась контрольная панель управления. Мои руки легли на эту панель, прямо на штифты старта, и тут...

Бом-м-м! Бом-м-м! Бом-м-м!

Размеренно, величаво, жутко, разнеслись в этот страшный миг над колоссальным лунным городом три удара исполинского колокола, что призывали лунные орды в ангар под площадью к диску, к цилиндрам возле него. Три могучих раскатистых удара рока, предшественники той последней громовой ноты, что пошлёт лунные орды к нашей Земле! Три титанических удара, и, оглушённые ими, мы присели в центре летающего диска, слушая мгновенно раздавшийся снизу торопливый топот множества ног! Затем время словно остановилось, и через выход повалили толпы черепашолюдей, ринувшихся к летающим дискам. Едва они выскочили

на крышу, как сразу увидели нас. Они застыли на месте, уставившись на нас сквозь мглу, и затем их металлические полусферы поднялись, чтобы через всю крышу послать в нас десяток пучков смертоносных зелёных вакуумных лучей!

Глава 13 План Хауланда

В тот миг, когда лунные твари навели на нас свои полусферы, мои руки на штифтах контрольной панели большого летающего диска, на котором мы прятались, конвульсивно дёрнулись, и это спасло нас, потому что, едва зелёные лучи рванулись через крышу в нашу сторону, пришёл ровный гул работающего двигателя корабля, и я рванул штурвал, посылая летающий диск резко вверх в тот самый миг, когда смертельные лучи достигли точки, где мы только что были. Вслед нам снизу ударила чудовищная взрывная волна, когда эти лучи и десяток других, что выпалили по нам, пока мы взлетали, разозвались, словно связка гранат. Но наш диск был уже над крышей и с диким рёвом уносился в туман, удаляясь от всех, кто оставался внизу и окружал нас.

По всему величественному лунному городу в ответ на призыв тех трёх мощных ударов орды черепахидов высыпали на крыши, загружались на свои большие летающие диски и, куда ни глянь, повсюду диски взмывали вверх! И оттуда, и из дисков с огромной крыши, что теперь поднимались за нами, доносился тупой рёв низких голосов, когда они замечали наш корабль, в центре которого пригнулась наша четвёрка. А мы мчались сквозь мглу над великим городом. Почти в ту же секунду, как показалось, мы разом увидели сотни, тысячи, плоских больших кораблей, и они неслись к нам, стекались к нам отовсюду, неся на себе несчётные толпы черепахоловцев!

— Площадь! — завопил Хаулэнд, перекрикивая мощное гудение нашего корабля. — Смотри, где площадь — где диск! У нас всего несколько минут! Нам осталось сделать последний рывок!

Но мои руки уже лежали на штурвале, и я на полной скорости гнал большой летающий диск сквозь мглу над высокими

зданиями, над древним лунным городом к огромной площади и транспортному диску, что был целью для всех толпящихся вокруг летающих дисков. Едва мы взмыли, я поспешно указал Карсону на четыре зелёных штифта рядом со мной, управляющих зелёными лучами четырёх полусфер на борту нашего большого летающего диска, и он занял позицию возле этих клавиш. А я, переполненный отчаянием, вёл наш диск, со свистом разрезающий воздух.

Летающие диски черепахолудей приближались теперь с восьми сторон, но тут снизу и справа засвистели мутные зелёные лучи. Они прошли мимо нас, едва я дал боковой крен, и нас окатило ужасной взрывной волной, отчего наш диск стал раскачиваться из стороны в сторону! И едва мы выправились, как по нам выстрелили снова, с трёх больших дисков впереди, что отреагировали на наше приближение, устремляясь к нам и резко разворачиваясь нам навстречу. Я крикнул Карсону, бросил наш летающий диск резко вниз, и, едва мы пронеслись под ними, наши собственные лучи ударили вверх и чиркнули по их дну, когда те устремились вниз. Многочисленные черепахиды на них раздувались, рассыпались один за другим, взрывались телесно, когда среди них громыхали взрывы зелёных лучей!

Теперь воздух вокруг нас кишел летающими дисками, дисками, что стремились к нам со всех мыслимых направлений. Их широкие зелёные лучи остервенело прошивали воздух в попытках остановить наш дерзкий рывок к площади, их собственной цели. Невозможно представить, чтобы кто-либо мог прорваться через такую бурю летающих дисков и пронзающих лучей и выжить. Но, едва осознавая крошечный ад кипевшей вокруг битвы, я повёл диск напрямик через город. Карсон же играл симфонию смерти на зелёных штифтах — рассылал смертоносные лучи, разя направо, налево и вверх, заставляя множество расстрелянных дисков кувыркаясь падать на улицы города, запруженные толпами, наблюдающими чудовищную битву в небесах!

А потом на перехват нам помчался сплочённый отряд из дюжины летающих дисков, чьи лучи, перерезав дорогу, вынудили меня поспешно отправить наш корабль в стремительное пике, вниз, пока мы не оказались над самыми кры-

шами лунного города. Мы неслись не более чем в нескольких футах над его гранёными зданиями. А преследователи сидели у нас на хвосте! Вновь повсюду вокруг нас плясали лучи. И когда я в очередной раз уворачивался от них, у меня мелькнула идея. Я видел, что нас нагоняют, и дожидался, пока между нами и преследователями не останутся лишь ярды. Тогда, прежде чем они смогли бы точно навести лучи, я резко спикировал, стремительно ускользая от них. Однако, едва нырнув вниз, я молниеносно рванулся вверх, и прежде чем они успели повторить манёвр, весь отряд летающих дисков врезался в стену одного из огромных гранёных зданий!

Теперь мы, вновь набирая высоту, неслись на страшной скорости, безумно стремясь вперёд, пока мириады летающих дисков всё ещё мчали к нам со всего лунного города, вперёд и вверх, через этот город, прямо к площади, что была нашей целью! Быстрый бросок нашего могучего корабля... Мириады летающих дисков, налетающих на нас со всех сторон... Укол нашего зелёного луча и несмолкающий грохот взрывов, хриплые крики Карсона, Хауланда и Трента... Всё это слилось в моих ушах в один тупой громовой рёв, когда в хмельном безумии битвы я вёл наш качающийся большой диск к цели. Как молния, мы рвались вперёд. Огромный лунный город под нами на каждый наш выстрел исторгал безмерный бессмысленный рёв гнева и тревоги. Летающие диски всё ещё стремились к нам со всех сторон в безумной круговерти лучей. Затем другой большой отряд летающих дисков, заполненных черепахолюдьми, стреляя, вылетел нам наперерез, и прежде чем я мог отвернуть наш пикирующий корабль, два его первых диска уже были у нас под носом! Положение выглядело безнадёжным, но свирепым рывком я вывернул штурвал вверх, сметая нашим металлическим диском скопище тварей с их поверхностей, как лопата сгребает зерно!

Тут Хаулэнд изо всех сил заорал мне в ухо.

— Площадь! — кричал он. — Впереди площадь... и вход!

Но я уже и сам видел её далеко впереди, большой пустой плоский круг с огромным, блестящим, как чёрное стекло, диском посередине, большое отверстие возле него, и я быстро кивнул.

— Мы прорвёмся! — кричал я ему. — Мы сядем прямо у входа... рядом с переключателем!

Наш летающий диск пулей вырвался из множества тяжёло нагруженных кораблей, чьи лучи падали нам вслед. Мы оторвались от их первых рядов и спикировали к просторной пустой площади, к люку, возле которого был установлен большой ключ. Судя по всему, на самой площади и под ней не было ни одного черепахочеловека. Когда наш побег поднял тревогу, все диски сбились с согласованных ранее маршрутов и бросились за нами в погоню, вместо того чтобы лететь сюда. Но теперь, когда мы по финальной прямой шли к входному проёму, мириады смертоносных лучей, что в последние минуты гремели и полыхали вокруг нас адом смерти, вдруг исчезли. А все потому, что мы уже были так близко к громадному диску и переключателю, что черепахиды не могли больше обстреливать нас, не рискуя повредить или сломать сложный механизм запуска транспортного луча!

Мы метнулись вниз, и вот уже большой летающий диск опустился на поверхность площади возле входного люка. Мы соскочили с диска, достигли большого переключателя у входа, чей поворот вверх или вниз посылал вверх или вниз мощный луч с диска, и Хауленд немедленно схватился за него!

— Спускайтесь в цилиндр! — рявкнул он нам. — Колокол грянет в любую секунду, я включу луч!

Даже в тот сумасшедший момент, когда по всей площади из летающих дисков спускались орды черепахидов, Карсон, Трент и я лишь после секундного замешательства бросились по узкой лесенке в громадный зал и затем по узкому металлическому мосту в открытую дверь огромного цилиндра, что до сих пор оставался под диском, подвешенный над огромной шахтой. Мы влетели внутрь, Карсон положил руку на штифт, что должен был захлопнуть дверь цилиндра, когда Хауленд запустит генерацию луча и прибежит к нам. Глядя назад, мы видели руку Хауленда, сжатую на большом ключе, видели лунных тварей, орды черепах, сыплющихся ото всюду и разве что не на него, а в следующий миг раздался чудовищный раскатистый удар исполинского автоматического сигнального колокола, объявляя момент, когда диск на Земле и диск на Луне вставали на одну линию! Едва только

прозвучал удар, Хауленд повернул ключ. Но едва мы увидели, что он сделал, как вскрикнули враз охрипшими голосами и услышали вопли ужаса бросившихся к нему черепахидов, когда те тоже это увидели, слышали оглушительный тупой вой всего громадного лунного города, исполненный страха!

Потому что Хауленд повернул ключ в другую сторону!

В тот же миг громадный диск над нами мощно утробно загудел, и потом из него вырвался луч, но этот луч выстрелил вверх! Ударив всей своей адской мощью в огромную прозрачную крышу высоко над нами! И в тот миг, как он вонзился в крышу, проткнул её, разбивая вдребезги, на нас обрушился мощный рёв ветра, титанический громоподобный рёв всего воздуха лунного мира, рвущегося в безвоздушное пространство сквозь большую дыру, пробитую в крыше мощным лучом! Я видел, как рука Хауленда развернулась к нам в прощальном жесте, когда к нам пришёл грозный рёв вырывающегося воздуха, слышал, как в ответ на этот жест, этот предсмертный приказ, Карсон захлопнул дверь цилиндра, и тогда, в последний момент, Хауленд повернул ключ обратно — вниз!

Снова раздалось могучее гудение диска над нами, наш цилиндр, казалось, на секунды завис, пока воздух за его стенками, воздух внутри ангара и вне его, воздух всего лунного мира уходил в безвоздушный вакуум космоса сквозь гигантскую дыру в крыше. Сквозь люк наверху мы всё ещё видели Хауленда и черепахидов возле него, склонящихся, шатающихся, падающих, когда с громовым рыком, словно раскалывались миры, искусственный воздух лунного мира рвался вверх!

План Хауленда!

Я прокричал это вслух в те секунды, когда наш цилиндр висел под гудящим диском, когда Хауленд и все миллионы лунных орд над нами пали мёртвыми. План Хауленда! План, о котором он говорил нам в нашей тюрьме; единственный, план, с помощью которого можно было раз и навсегда устранить угрозу нашествия с Луны! Как эоны прежде черепахолюди убилиwormов, так и Хауленд убил всю черепахью расу на Луне одним могучим ударом, используя луч, который они собирались использовать для транспортировки своих орд на

завоевание других миров! Хауленд пожертвовал собой, но сумел спасти нас троих, повернуть ключ вниз! Пока я орал всё это... пока умирал лунный мир, гудящий диск, под которым был расположен цилиндр, вновь выпустил свой луч, теперь уже вниз, унося наш цилиндр в темноту громадной шахты!

Придавленный к полу между Карсоном и Трентом, я едва сознавал, как цилиндр с невообразимой скоростью мчится сквозь тьму; как в следующий миг вырывается в пылающий свет бескрайнего эфира; как фантастически быстро несётся сквозь украшенный горящими звёздами космос, прямо к колоссальному коричневому шару, что стремительно вырастал перед нами. Потом новый слепящий луч ударил нам навстречу. Мне показалось, что гигантская ладонь прижала меня к полу цилиндра, когда его чудовищная скорость замедлилась, и затем, когда луч исчез и цилиндр остановился, я услышал щелчок открывающейся двери. Ещё секунда и я почувствовал, как Карсон подхватил меня, помогая подняться. Я слышал его голос и голос Трента А затем тьма поглотила меня — я потерял сознание.

Эпилог

Ночь ещё царила над Землей, когда Карсон, Трент и я, наконец, выбрались на вершину высокого холма, в шахте которого остановился наш цилиндр. За четыре часа до этого мы свалились в эту шахту из космической бездны, вернувшись на стоянку под громадным диском, с которой начинали наше недлинное путешествие. Мы нашли всё таким же, как оставили, когда устремились отсюда в бездну эфира двадцать четыре часа назад. Наша верёвочная лестница всё так же свисала в шахту. После того как Карсон и Трент привели меня в чувство, мы отдохнули, а потом взобрались вверх по этой лестнице, и вот теперь снова стояли на вершине холма.

Стояли молча и неподвижно, и смотрели в одну сторону. На чёрном своде небес над головой горели сверкающие

тропические звезды, но не от них сейчас Карсон, Трент и я не могли отвести взор — а от сияющего серебром диска полной луны, клонящегося к западной четверти горизонта, — сияющего щита, на который мы трое взирали в молчании, пристально всматриваясь в него над освещёнными луной джунглями. На её кратеры, моря и горные цепи, прямо на центральный кратер, сквозь который пролетел наш цилиндр в безумном путешествии сквозь Луну на её обратную сторону в поисках Хауланда, и сквозь который мы возвратились на Землю, направленные рукой Хауланда в минуту его гибели вместе со всем лунным миром.

— Хаулэнд... — наконец прервал молчание Карсон, озвучивая свою мысль. — Мы нашли его, не так ли? — и в конце концов потеряли.

— Не потеряли, Карсон, — сказал я ему. — Хаулэнд пошёл по пути, который выбрал сам, даже с нами не посоветовавшись.

— Откуда я мог знать, что он задумал... — начал было Карсон и не смог продолжить.

— Мы не могли знать, что Хаулэнд собирался уничтожить всех лунных тварей их собственным аппаратом и при этом погибнуть с ними. — отозвался Трент. — Но теперь мы знаем... Весь мир узнает и запомнит...

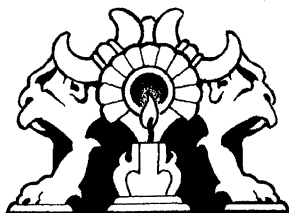
Вновь замолчав, мы снова уставились на сияющий лунный диск. И в этом молчании, наши мысли протянулись через великую бездну эфира к колоссальному городу на обратной стороне Луны, где только что встретили смерть миллионы черепахолудей, повторив судьбу иной расы, уничтоженной тем же способом зоны лет назад.

Слова Трента эхом всё ещё звучали у нас в ушах. Да мир узнает, и мир запомнит. Он узнает и запомнит, как Хаулэнд в одиночку уничтожил миллионы черепахолудей, когда те собрались принести гибель Земле. Человеческая цивилизация узнает и никогда не забудет, чем обязана человеку, который спас её, и который теперь лежит мёртвым на обратной стороне Луны.

ЛЕТАЮЩИЕ ГОРОДА

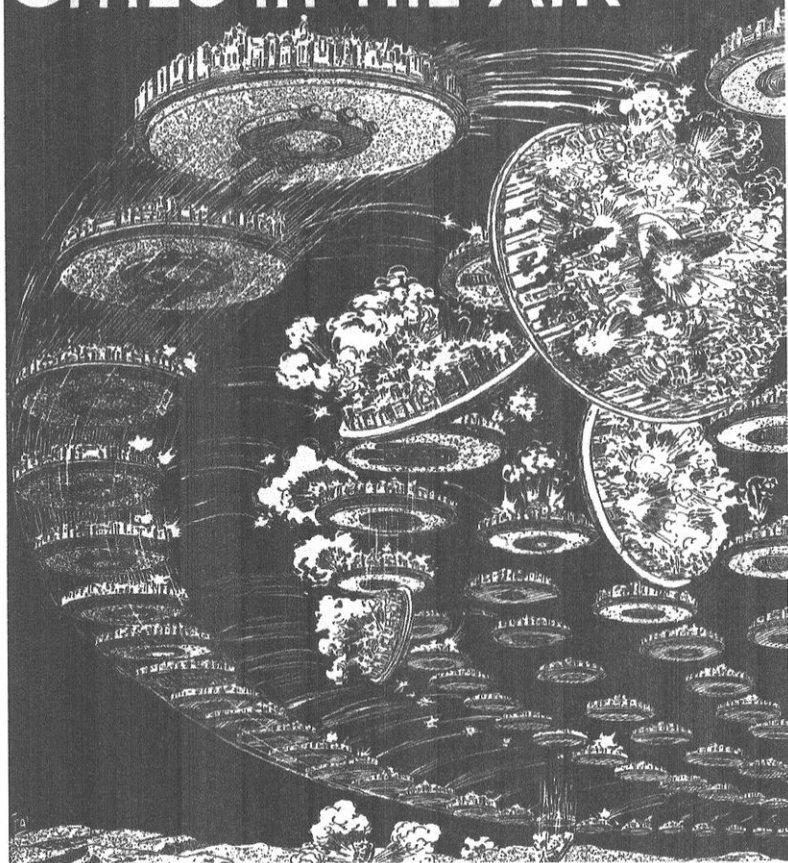
City in the Air

журнал «Air Wonder Stores», № 11-12, 1929

CITIES IN THE AIR

by
Edmond
HAMILTON

Глава I

— Капитан Мартин Брант, аэрокрейсер номер 3885 Американской Федерации!

Высокий и звонкий голос прозвенел на мостике моего скоростного крейсера, и я повернулся к аппарату громкой связи. Моя рука нажала на кнопку «ответить».

— Капитан Брант слушает!

— Капитан ВВС первого ранга Брант, получены сведения, что Европейская и Азиатская Федерации объединились в альянс для неожиданного массированного нападения на Американскую Федерацию. Европейский флот из пяти тысяч аэрокрейсеров движется через Атлантику к Нью-Йорку и другим городам Восточного побережья, в то время как Азиатский флот того же размера движется через Тихий океан к нашим западным берегам. Всем американским крейсерам, ведущим патрулирование к востоку от Миссисипи, включая ваш корабль, приказано идти на полной скорости к Нью-Йорку, где наши восточные авиаотряды собираются для противодействия флоту Европейской Федерации. По прибытии вы и все другие командиры эскадрилий обязаны немедленно доложить Первому главнокомандующему ВВС.

Приказ был получен, и я отвернулся от аппарата связи, чтобы встретиться взглядом с изумленным Маклином, моим первым офицером, который стоял за штурвалом крейсера рядом со мной.

— Курс на восток — полная скорость, Маклин! — отдал команду я. — Это война — война с Европейской и Азиатской Федерациями!

Маклин тут же повернул колесо штурвала, и как только он сделал это, наш длинный и узкий крейсер развернулся на месте в воздухе, а затем рванулся на восток стремительной серебряной стрелой. Наш корабль имел форму торпеды, он был построен из блестящего и сверхпрочного

сплава, с рядами прозрачных иллюминаторов по каждому борту, с прозрачным носовым отсеком командного мостика, где мы стояли, пока он буравил воздух с чудовищной скоростью, которая возрастала с каждой минутой. Я потянулся к телефону внутренней связи, и когда Хиллиард, мой молодой второй офицер, ответил из машинного отделения, я сообщил ему кратко о том, что только что сообщили. Раздались приглушенные нервные смешки ста человек экипажа, и спустя несколько минут главный двигатель вышел на полную мощность. Мы мчались в ясном небе высоко над землей на скорости более чем тысяча миль в час.

Я и Маклин стояли на мостике, и мои мысли были достаточно серьезными, несмотря на боевой азарт и невольное возбуждение. Война! Война, которую Федерация ожидала, которой опасалась на протяжении десятилетий. На Земле не было войн уже больше тридцати лет, после Третьей Воздушной войны 2039 года. Тогда мир между собой разделили три могущественные империи: Американская Федерация, состоящая из Северной и Южной Америки, с Нью-Йорком в качестве столицы; Европейская Федерация, которая включала всю Европу к западу от Кавказа и всю Африку, с ее центром в Берлине; и Азиатская Федерация, которая объединила Азию и Австралию под контролем коричневой и желтой рас, со столицей в Пекине.

И хотя на протяжении трех десятилетий на планете царил мир, это был непрочный мир, мир, обусловленный тем, что каждая держава боялась напасть на другую, опасаясь тут же быть атакованной третьей. Огромные воздушные флоты трех держав неустанно патрулировали небеса. Бдительно стерегли воздушные рубежи гигантские летающие крепости. В последнее время, однако, стало ясно, что происходит сближение между Европейской и Азиатской Федерациями, и такой союз может означать только нападение на нас — американцев. Поэтому мы стали еще более бдительны. И вот роковой час, которого мы ждали, наконец пришел, и две гигантские Федерации бросили на нас два могучих воздушных флота.

Глядя вперед, пока наш крейсер стремительно мчался в небесах, я молчал, как и Маклин, стоявший за штурвалом

рядом со мной, как и молодой Хиллиард, который только поднялся на мостик. Далеко под нами быстро катились назад зеленые равнины. Наши двигатели напевали свою непрестанную песню силы. Это были сверхмощные электрические двигатели, извлекающие электричество прямо из воздуха, использующие атмосферное электричество посредством больших трансформаторов, которые превращали его в электрический ток, чтобы дать нам энергию, а та, в свою очередь, могла дать нам почти неограниченную скорость и дальность полета. Двигатели вращали винты, заключенные в кожухи — импеллеры. Прогоняя через себя гигантские объемы воздуха и отбрасывая их назад с чудовищной силой, эти винты — импеллеры — позволяли нам развивать скорость более тысячи миль в час!

Чудовищная сила этих двигателей несла нас на восток.

Под нами складки Аллеганских гор с их пропастями и вершинами уступили место зеленым равнинам. Где-то на юге лежал Питтсбург, и на севере — Кливленд и Буффало, но направляясь прямо в Нью-Йорк, мы не видели их. Под нами, воздух кишел бесчисленными летательными аппаратами, большими пассажирскими лайнерами и громоздкими грузовиками, стройными частными аэропоятами, но на нашем уровне, выделенном для ВВС, только несколько крейсеров, типа нашего, двигались на Восток в сторону Нью-Йорка. Так что столкновение нам не грозило.

Миновав Аллегань, мы неслись над равниной, что лежит между ними и Восточными Аппалачами. Я смотрел вниз, на зеленый, тихий и пустой пейзаж, стремительно проносящийся под нами, и невольно задумался о том, что мог бы подумать гражданин, живший пятьдесят лет назад, увидев этот район густонаселенных в те времена земель, над которым мы сейчас пролетали, заброшенным и пустынным, как сейчас. Затем мы пронеслись к большим складчатым грядам Аппалачей, и когда мы пронеслись над их скалистой массой, Маклин поднял свою руку с рулевого колеса и указал на точки впереди.

— Воздушные форты! — сказал он.

На Нью-Йорк

Они быстро росли, превращаясь в циклопические конструкции по мере нашего приближения — гигантские кубы из матового металла, увенчанные куполами, каждый пять сотен футов в ширину, которые висели длинной изогнутой линией в воздухе перед нами, в пяти милях выше зеленой поверхности земли. Они висели неподвижно на расстоянии пяти миль друг от друга, образуя кольцо; металлические стены и купол каждого оцетинились мощными термопушками, подобными орудиям нашего крейсера, и узкими отверстиями смотровых щелей. Каждый из этих летающих фортов, как мы знали, был подвешен в воздухе при помощи могучей энергии космических лучей. Прошло уже полвека с тех пор, как был изобретен способ, позволяющий использовать космические лучи для нейтрализации силы тяжести. Было установлено, что лучи эти могут быть собраны и их силу можно направить на структуры, которые они должны были поддерживать. Силовые башни использовались для сбора этой безграничной энергии.

Гигантским кольцом они висели перед нами, линия их изгибалась направо и налево; это Великое Кольцо окружало и защищало Нью-Йорк. В наши беспокойные дни любой город имел такое оборонительное кольцо. Когда мы проходили в непосредственной близости от одного из этих фортов, на мостике прозвучал сигнал экстренного вызова, команда форта запрашивала наши данные.

Я ответил на вызов, и затем мы прошли мимо воздушной крепости, мимо отверстий в его стенах, через которые торчали готовые к бою стволы термических пушек. Мы услышали дружное «ура!» их расчетов, которым артиллеристы приветствовали наш крейсер. Эти форты могли маневрировать в пространстве в любом направлении, но не могли развить такую скорость, как крейсер. Они образовывали надежный рубеж обороны для Нью-Йорка, хотя не смогли бы в одиночку остановить вражеский флот. Но вот, далеко впереди, в центре кольца летающих фортов, мы мельком увидели серый блеск Атлантики, протянувшейся на восток, зеленый зигзаг береговой линии, узкие маленькие острова между большим островом и побережьем, место на карте, где располагался

Нью-Йорк пятьдесят лет назад. Зеленые и пустынные, как вся поверхность под нами, были эти места теперь. Едва я взглянул на них, как раздалось низкое восклицание Хилларида:

— Нью-Йорк!

Перед нами лежал огромный город. Над и под нами воздух был заполнен стаями крейсеров и торговых судов, которые приближались с севера, и запада, и юга. На данный момент мы взирали на город, забыв об опасности, которая принесла нас сюда. Мы были пленены и очарованы великолепием и непревзойденной красотой Нью-Йорка. Современный Нью-Йорк неизмеримо отличался от города на земле, что несколько десятилетий назад носил его имя. Это был город не земли, а воздуха. Это был город, чьи шпили, башни и пирамиды были собраны вместе на огромном металлическом диске, висящем на высоте пяти миль над зеленой поверхностью земли! Металлический диск в пять миль диаметром более чем в тысячу футов толщиной, на котором рос лес металлических зданий и башен! Колоссальный город, плавающий в воздухе, с восхитительными улицами и зданиями, людской сутолокой и суетой, город, вокруг которого роились бесчисленные воздушные суда.

Город в небе! Гигантские электрические моторы удерживали его над землей неподвижно, двигатели, которые поглощали энергию атмосферного электричества от бесчисленных стройных башен, выросших на Центральной площади, откуда в недра диска уходили тяжелые толстые кабели. Город нейтрализовал влияние гравитацию, используя отталкивающую силу концентрированных космических лучей. Человечество завоевало воздух по-настоящему, когда на смену хрупким самолетам XX века пришла антигравитация и электромоторы на атмосферном электричестве. Тогда появились воздушные форты, крепости в воздухе, и наконец, когда воздушные войны сделали жизнь на земле изощренным способом самоубийства, пришло время строительства гигантских металлических городов на огромных металлических дисках-основаниях, с могучими двигателями и гигантскими винтами в кожухах, позволявшими городам улетать от опасности, перемещаясь в воздухе в любом направлении, правда, с весьма умеренной скоростью.

Совещание

Такими сейчас были все города Земли: Чикаго, Сан-Франциско, Буэнос-Айрес, Берлин и Токио. Большие города, которые всегда висели в воздухе, обычно вблизи координат тех, исчезнувших в пучинах прошлого, городов Земли, от которых они унаследовали свои названия. Но воздушные города могли двигаться с места на место. Эти большие города, вмещали большую часть населения всех стран мира; земля использовалась только для добычи металлических руд и минералов, продукты и ткани создавались уже давно исключительно методами химического синтеза.

Каждый из крупных городов был защищен кольцом фортов, а также большими батареями термопушек на своих стенах. Сотня с небольшим таких огромных воздушных городов входила в Американскую Федерацию, вмещая в среднем около пяти миллионов жителей каждый. И в Европейской, и Азиатской Федерации вместе взятых, я знал, было более двух сотен могучих летающих городов.

Хотя огромный воздушный город Нью-Йорк и привлек все наше внимание, я увидел, что над ним, над суматохой массы самолетов в ожидании посадки, висели эскадрильи и эскадры крейсеров. Они висели тихо, неподвижными рядами, готовые защитить огромный город. Со всех уголков страны прибывали летающие корабли, чтобы присоединиться к этим авиаотрядам, крейсера, которые пришли с патрулирования над зелеными внутренними равнинами, от ледяного Лабрадора, из граничащего с джунглями Карибского побережья, — все они спешили ответить на призыв к оружию. Когда наш корабль приблизился к городу, мы направились вниз к центральной площади.

— Прямо вниз, на центральную площадь, Маклин, — сказал я. — Главнокомандующий будет там.

Маклин уже замедлил скорость нашего корабля. Мы снижались рядом со зданиями, окружающими Центральную площадь с высящейся в ее центре Главной Электростатической Силовой башней, поглощающей из воздуха статическое электричество и собирающей космические лучи для антигравитатора. Теперь он переключил всю мощностъ двигателей с горизонтальных импеллеров на вертикальные, которые держали

нас неподвижно в воздухе. Затем, по мере плавного снижения, он уменьшал обороты, пока мы мягко, как перышко, не опустились среди примерно сотни других крейсеров. Они выстроились огромным кольцом по краю площади, а в центре этого кольца, рядом с Силовой башней, нас ожидала группа военных, главнокомандующий Восточной Воздушной армией Ярнолл и командиры экипажей его эскадрильи.

Как только наш крейсер совершил посадку и винты импеллеров остановились, я открыл люк мостика и, шагнув на металл площади, направился к этой группе. Вокруг, на большой площади, как я отметил, собрались огромные, кипящие толпы, тысячи тысяч жителей города. Тысячи других глядели вниз из окон небоскребов, которые сверкали в лучах полуденного солнца. Эти люди, глядя на нас и наш могучий флот, мрачно нависший над городом, молчали, но из-за их спин до моих ушей доносился рев миллионов голосов и непрекращающиеся возбужденные крики. Затем я достиг места, где стояли главнокомандующий и группа офицеров. Моя рука взлетела к козырьку, отдавая честь, Ярнолл молча, отдал мне честь в ответ. И затем, не сводя с нас пристального взгляда, обратился к нам.

— Вы, командиры эскадрилий сил нашей Восточной Воздушной армии, должны знать, почему вы были вызваны, почему я по приказу Центрального Совета Федерации вызвал вас и все корабли сюда. Огромный флот Европейской Федерации, в два раза больший, чем наши силы, движется на запад через Атлантический океан к нам, и в течение часа мы должны сразиться с ним и уничтожить его. — Он замолчал, и в тишине, что упала на нас подобно каменной плите, рев толп жителей великого города, казалось, звучал где-то бесконечно далеко. Затем командующий продолжил: — В течение часа мы должны выиграть эту битву. В это время наша Западная армия из Сан-Франциско под командованием Второго главкома ВВС встретится с флотом Азиатской Федерации. И эти два сражения решат судьбу нашей нации. Если они будут проиграны, если любой из враждебных флотов прорвется, в течение нескольких дней наша нация будет уничтожена, наши города разрушены. Если мы одержим победу, но не уничтожим врага, а лишь

заставим отступить, мы выиграем для себя передышку, во время которой мы должны будем подготовиться к решающей битве. Поэтому я говорю вам, Верховный Совет говорит вам, что этот бой мы не должны проиграть! Флот, который мы должны остановить, имеет крейсеров в два раза больше, чем у нас. Мы можем рассчитывать, помимо себя, только на воздушные форты этого города, которые оборудованы новым оружием. Я приказал им передислоцироваться к востоку от города, чтобы оказаться между ним и противником. Этот город, когда мы вылетим из него, направится вглубь страны, на самой высокой скорости уходя от битвы, так же как Бостон и Чарльстон, Майами, Сан-Франциско, Лос-Анджелес и все наши большие города севера и юга. Наш флот и форты — единственная надежда страны в этой битве... Но при всем численном превосходстве противника, это сражение не должно быть проиграно! Мы являемся сыновьями американцев, сражавшихся в первой и второй, и третьей воздушных войнах, людей, которые отстаивали свою страну в тысячах воздушных боев, и теперь под контролем наших ста городов — треть мира. И теперь, когда остальная часть мира идет против нас, начинается последняя Воздушная война. Я говорю вам: бейтесь, как ваши отцы и деды сражались, и тогда флот Европейской Федерации будет разбит — иначе нам всем конец!

Воцарилась тишина. Затем на нас обрушился гром приветствий миллионов жителей столицы, которые, провожая нас в бой, желали нам удачи. Тогда мы все вернулись к нашим крейсерам, главком поднялся на борт флагмана, и через минуту его крейсер, с его тремя параллельными полосками серебра, от носа до кормы, отличающими его от всех остальных, поднялся вертикально вверх, после чего взлетели остальные наши корабли. Мы взмыли ввысь над ревущим городом. Теперь сотни боевых кораблей строились в боевой порядок, с флагманом во главе строя. Мы ненадолго зависли над мегаполисом, и затем, как только приказ прозвучал по громкой связи на всех кораблях флота, мы двинулись вперед, на восток, над серыми просторами Атлантического океана.

Маклин и Хиллиард стояли снова рядом со мной, крейсер шел вперед во главе эскадрильи, а мы задумчиво смотрели

назад. Мы видели Нью-Йорк, его могучие башни, великолепные на фоне заходящего солнца, которые удалялись от нас. Не только мы улетали от города, сам город удалялся в глубь страны, уходя от грядущей битвы. Теперь мы увидели выше большие форты, которые сосредоточились в большой двойной линии в десятке миль от побережья высоко над водами. Мы промчались над их строем, постоянно наращивая скорость. Выли моторы, экипажи кораблей и фортов кричали друг другу приветствия, канониры готовили к бою термопушки, ветры пронзительно завывали вокруг нас. Вскоре наш великий флот достиг максимальной скорости, стремясь навстречу битве, в которой наша Федерация должна была победить или пасть.

ГЛАВА II

Битва за Атлантику

Маклин, Хиллиард и я стоял вместе на мостике нашего крейсера. Эскадрилья, которой мы командовали, возглавляла одну из двух колонн нашего флота. Далеко позади нас протянулась линия кораблей, строго соблюдающих равный интервал между собой. Аппарат громкой связи сообщил голосом Ярнолла:

— Авиаотряды 1-6, занять позиции для разведки!

Мгновенно первые шесть эскадрилий, наша — одна из первых, выдвинулись вперед из общего построения. Наша и другие эскадрильи двигались прямо, мимо флагмана, отмеченного серебряными полосками, до тех пор, пока наши двести кораблей не образовали широкую, тонкую сеть на несколько миль впереди основной массы флота. Две из четырех эскадрилий разместились по правому и левому флангам, остальные четыре заняли позиции сверху и снизу, спереди и сзади. Наш флот двинулся на восток над серой и бесконечной равниной Атлантики, двигаясь, по приказу Ярнолла, со скоростью более восьми сотен миль в час. Разведчики патрулировали пространство вокруг, ограждая основную массу флота от любых неожиданностей.

За нами догорал малиновый закат. Бесконечный серый океан протянулся под нами. Мы спешили на битву через пустыню моря и неба. Хиллиард ушел вниз, чтобы занять свое место с экипажем, Маклин и я по-прежнему наблюдали за пустынным пространством впереди. Наши корабли гудели моторами, словно рой гигантских серебристых пчел. На борту крейсера царило напряженное молчание. Но перед нами по-прежнему не было никаких признаков врага, и казалось, что, несмотря на точные данные относительно его курса, мы пропустили его. Затем внезапно я затаил дыхание, но в следующий момент уже орал по громкой связи:

— Эскадрилья один — флоту. Разведчики Европейской Федерации находятся в поле зрения и идут к нам!

Линия темных точек впереди внезапно перечеркнула пустое небо длинная нить темных точек, несущаяся навстречу! С каждой минутой они становились больше, до тех пор пока не превратились в грозные торпеды аэрокрейсеров. Они отличались от наших только тем, что их мостики не были вынесены под выступающий прозрачный фонарь, а размещались прямо в корпусе, имевшем прозрачный нос. Это были разведчики европейского флота. Мы поняли, что они заметили нас, поскольку изменили свой курс. Их было пятьсот — нас двести. И они приближались, а позади них клубилось смертоносное облако других крейсеров, могучий европейский флот. Я едва успел сообщить информацию нашему флоту, и в следующий момент крейсера противника ворвались в построение нашей линии!

Воздух вокруг нас превратился в безумный хаос сражающихся машин. В тот первый момент линия наших крейсеров была порвана и смята. Затем Маклин бросил штурвал вверх, под мой хриплый крик, поскольку наш корабль нырнул вниз с тошнотворным ускорением, чтобы увернуться от двух европейских крейсеров, мчавшихся прямо к нам. Их пушки извергли поток термических снарядов. В тот же миг Маклин вывел нас из пике, мы оказались над ними, и теперь наши кормовые пушки запели свою песню. Один из крейсеров врага увернулся, но второму досталось три снаряда.

Мгновенно три ослепительны вспышки озарили корпус вражеского корабля — снаряды высвободили заключенную

в них чистую тепловую энергию. Это было наиболее смертоносное оружие современной воздушной войны, блестящие снаряды, в которых путем специальных процессов вибрации тепловых лучей были сосредоточены и «законсервированы». Снаряды, которые превратили грозный аэрокрейсер европейцев в дождь расплавленного металла, пролившийся в холодные воды серой Атлантики!

Но теперь наши собственные крейсеры. беспорядочно кружась, попали под обстрел линии врага. словно ястреб, наш корабль метался в хаосе схватки, заходя над кораблями противника и поливая их горячей смертью из килевых пушек. За несколько мгновений этого ада десятки кораблей рухнули в океан глыбами расплавленного металла. Но мы были хороши, уничтожив примерно вдвое больше машин врага, чем потеряли сами. Грозной стаей яростных соколов мы устремились за отступавшим врагом, но приказ, переданный по радио, остановил нас.

— Главный корпус Европейских сил приближается! Всем эскадрильям разведки — присоединиться к флоту!

В ловушке!

Маклин развернул крейсер, остальная часть наших разведчиков выстроилась за нами. Мы успели увидеть, что побитая Европейская разведка также отступает назад к собственному основному флоту. Этот могучий флот приближался с востока сейчас, его пять тысяч огромных крейсеров неспешно выстраивались в излюбленное европейцами боевое построение — кольцо. Разведчики заняли свои места в этом кольце. Тогда мы тоже встали обратно. на место во главе наших колонн, с флагманом главнокомандующего Восточной Воздушной армией перед нами. Медленно, с десятками миль воздуха между ними, две гигантские армады навигались навстречу друг другу.

Стоя на мостике с Маклином, пытаюсь заставить сердце стучать спокойно, я настороженно смотрел вперед, наблюдая, как наш флот и флот противника подкрадываются друг

к другу. Мы еще не вышли на расстояние, пригодное для ведения огня, так как термопушки имеют малую дальность стрельбы. Несмотря на численное превосходство два к одному, мы неуклонно двигались навстречу гигантскому кругу противника. Затем внезапно корабли европейского флота, все еще держа круговое формирование, взмыли отвесно, чтобы накрыть нас!

Когда они сделали это, по радио был передан приказ, и две огромные колонны нашего флота тоже ринулись вверх, едва не врезавшись в кольцо противника. Воздух был заполнен блестящими кораблями, аэрокрейсеры европейцев молниями метнулись нам навстречу. Был отдан новый приказ, Маклин бросил наш крейсер вправо, и весь наш великий флот разделился: две колонны зашли — одна слева, другая справа от неприятеля, зажимая его в клещи. Прежде чем наши противники успели нырнуть вниз, мы обрушили на них ураган огня.

Небеса над Атлантикой наполнились зловещим пламенем взрывов. Десятки, сотни, кораблей противника, а также, к сожалению, и наших, вспыхивали под ураганным огнем, плавилась от адского жара, рушились в воды огненными колесницами поверженных богов.

Нам удалось ошеломить врага, они потеряли сотни кораблей, в то время как их снаряды наши не больше десятка американских крейсеров. Наша эскадрилья обрушила на противника такой плотный шквал огня, что не только перодовые суда европейского флота обратились в сгустки пламени, но и шедшие им на подмогу аэрокрейсеры второго эшелона, не успевшие погасить скорость и влетевшие в это облако огня, превратились в дождь раскаленных обломков. Глядя на то, как вражеский флот превращается в пылающие капли расплавленного металла, я торжествующе прокричал:

— Мы побили их! Еще один удар, и...

Крик второго помощника прервал мои восторги, я обернулся назад на кольцо европейского флота. Наши две колонны сходились после смертельного удара, когда европейский флот разомкнул свое кольцевое построение. Один из их рядов охватил двойным кольцом наши колонны, а другой вклинился между ними! И затем, прежде чем мы смогли

осознать суть и масштаб угрозы, прежде чем мы получили приказ, отданный Ярноллом по радио, враг обрушился на нас, прижимая колонны друг к другу и давя на них с обеих сторон.

Мой крейсер вошел в безумный вираж: это Маклин пытался уклониться от выстрела, направленного в упор с одного из европейских кораблей. Термоснаряд взорвался впритирку к нам, обдав наш крейсер невыносимым жаром. И пока корабль выписывал в небесах безумные пируэты, канониры с остервенением вели ураганный огонь из всех пушек. Наш флот был раздроблен и окружен, мы попали в безжалостную мясорубку, и теперь каждый американский аэрокрейсер попал под огонь сразу с двух сторон!

Смерть и разрушение воцарились в равнодушных небесах над свинцовыми водами. Враг был со всех сторон. Одна из наших колонн сумела перестроиться, сформировав плотный шар. Воздух вокруг нас стал багровым от вспышек слепящего света, термоснаряды непрерывно рвались вокруг, в грохоте и реве пушек растворились все другие звуки во Вселенной.

Недолго мы смогли выстоять против этих масс крейсеров, которые копошились вокруг, и выше и ниже нас. Наш флот, разбитый на две части, отчаянно огрызался из всех пушек, но это была агония. Если мы не смогли бы вырваться из роковой ловушки, мы неизбежно должны были быть уничтожены. В этот момент из динамиков громкой связи прогремел приказ главкома.

— Формируем треугольник! На полной скорости уходим на север!

Мгновенно корабли позади и вокруг нас, маневрируя быстро под дождем снарядов, выстроились клином, с флагманом на острие, ринулись на подмогу окруженной части флота. На полной скорости наш клин рванулся навстречу врагу. Наш собственный крейсер шел вслед за флагманом. Казалось, мы таранили сплошную стену судов противника.

Наш крейсер потряс чудовищный удар. Это наш сверхпрочный корпус содрогнулся, когда мы протаранили на полной скорости европейский крейсер, огрызнувшийся залпом в попытке бежать от нас. Обломки врага падали в океан, как

и обломки множества других воздушных кораблей — вражеских и наших. Наш клин промчался сквозь ряды противника косой смертью, затем развернулся и пошел на второй заход. Десятки, даже сотни наших крейсеров и кораблей противника рушились вниз, обломки металла и куски окровавленной плоти, дождь смерти с кроваво-багровых небес!

Теперь, когда флот воссоединился и у нас вновь стало почти две тысячи судов, мы выстроились в один длинный прямоугольник с нашим флагманом во главе и двинулись в сторону рассеянной стаи европейских аэрокрейсеров, которых было почти четыре тысячи до сих пор, но и они образовали аналогичный строй. И вновь загрели термопушки, вновь два флота маневрировали, поливая друг друга огнем. Вновь в небесах закипела яростная битва. Наш крейсер, казалось, был заколдован, поскольку, проносясь через град сияющей смерти рядом с машиной главкома, мы всегда умудрялись уцелеть. И вновь Маклин, с холодным пламенем в глазах, швырял наш корабль в пекло боя — в пекло, неуклонно снижавшееся к холодным водам Атлантического океана далеко внизу!

Битва бушевала всего в нескольких ярдах от поверхности вод! Но по-прежнему, неуклонно поливая друг друга огнем, флоты снижались, пока воздушное сражение не стало подводным! Современный военный воздушный корабль — это также и боевая субмарина. Корпус герметичен, воздух подается из резервуара, где он хранится в сжиженной форме, а импеллеры под водой работают не хуже, чем в воздухе, разве что скорость существенно меньше, но все равно больше, чем у подводных лодок XX века, — так что не было ничего удивительного в том, что битва, начавшаяся на высоте пяти миль, перенеслась в воды Атлантики.

— Так держать! — скомандовал я, и Маклин отвесно бросил наш корабль к поверхности океана. — Следуем за главнокомандующим!

Руки Маклина прочно сжали штурвал, и волны понеслись нам навстречу, хотя даже теперь наши пушки продолжали поливать противника смертоносным дождем термоснарядов. Вниз, вниз — и затем наш крейсер раскаленной стрелой вошел в воду, и мгновенно исчез свет заката, сменившись зеленым

сумраком морских глубин. И тут же этот сумрак пронзили могучие лучи включенных мной прожекторов. Со всех судов, перед нами и позади нас, водную бездну пронзили такие же лучи. И теперь в глубинах загрохотали термопушки, и два флота накинулись друг на друга стаями безжалостных акул! Великая битва за Атлантику бушевала в глубинах Атлантики!

ГЛАВА III

В глубинах океана

Зеленая бездна глубин, которая поглотила нас, режущие ее лучи прожекторов, гул моторов, грохот пушек и крики смешались в единую фантасмагорию. Я погружался в глубины океана на моем крейсере уже много раз, но никогда принимал участия в подводном бою. И сейчас, когда два огромных флота сражались, в этих мирных глубинах, это казалось мне странным сном. Потом я увидел крейсер главного, рядом с ним шли другие наши суда темные длинные громады, сверкавшие в глубинах под нами, желтые лучи их прожекторов пронизывали зеленый сумрак.

Склонившись над штурвалом, Маклин вел крейсер вперед и на глубину. Теперь, глядя на право, я мог разглядеть в темноте длинные тени — корабли врага. И между двумя флотами в холодных глубинах бушевала огненная буря — тысячи смертоносных термоснарядов кипятили глубины Атлантики. А когда эти снаряды поражали цель, превращая грозный боевой корабль в ком расплавленного металла, чудовищные пузыри пара устремлялись к поверхности.

Битва продолжалась на все большей и большей глубине. В желтых лучах прожекторов и в ослепительных вспышках взрывов метались обезумевшие косяки рыб. Они отчаянно пытались вырваться из рукотворного ада. Но два флота упорно стремились вниз, осыпая друг друга тучами термоснарядов!

Наконец, Хиллиард прокричал по внутренней связи:

— Нам не выдержать больше! Крейсеру не выдержать такой скорости и температуры!

— Отставить панику! Держаться, пока держится главным! — прокричал я сквозь гул моторов и гром пушек. — Если погибнут оба флота — пусть так и будет!

Но я видел, что Хиллиард прав. Стены и прозрачный металл иллюминаторов обжигали на ощупь. Не только жар взрывов и кипение воды были тому причиной, но наша собственная огромная скорость: трение о воду выделяло тепло, которое едва ли не плавало корпус. Но наш флагман упрямо шел на глубину... Два флота по-прежнему погружались в бездну, но холодный покой океана был бесповоротно нарушен яростным кипением схватки.

Я видел, что крейсера Европейской армады страдают гораздо больше, чем наши этой ужасной подводной битве. В зеленой глубине они едва могли видеть друг друга, их оружийный огонь был хаотичен, а их численный перевес перестал быть преимуществом. Наши артиллеристы по приказу главнокомандующего сконцентрировали огонь на европейских судах, находившихся во главе колонны. Крейсера противника, шедшие следом, натыкались на расплавленные обломки своего же авангарда — и гибли десятками. Этот маневр, разработанный специально на случай подводной войны, оказался высокоэффективным, значительно сократив численность кораблей противника.

Но успех был недолог, европейцы почуяли неладное, и их флот начал перестроение, развернувшись и устремившись к поверхности. Мгновенно наш главнокомандующий отдал приказ. Наш флот бросился в погоню, стаяй огнедышащих акул преследуя флот агрессора. Теперь, когда мы устремились вверх, воды вновь стали зелеными и полупрозрачными. Затем мы вынырнули из зеленых сумерек океана, грохот пушек опять прогремел над волнами, и подводное сражение снова превратилось в воздушное!

В облаках

Конечно, это странное сражение то в небесах, то под водой было изнурительным кошмаром. Маклин, и Хиллиард,

Cities in the Air

by Edmond Hamilton

и я почувствовали себя увереннее, теперь, когда битва вновь перенеслась на высоту нескольких миль, — здесь можно было хотя бы отчетливо видеть цель.

Неожиданно оба флота замерли в воздухе. Замерли, но не прекратили огня. Два чудовищных металлических облака, мечущих друг в друга смертоносные молнии !

Схватка была ужасна. Оба флота не жалели снарядов, стремясь полностью уничтожить друг друга. Я пережил странное раздвоение личности, наблюдая, как зритель, как я же кричу хриплым голосом в микрофон, отдавая приказы канонирам, ведущим безудержный огонь. Я видел термоснаряды, которые непрерывно рвались вокруг нас, превратив окружающее пространство в один чудовищный пожар, в котором каждую секунду гибли сотни аэрокрейсеров.

Я знаю теперь, что эта битва, жуткая и странная, продолжалась считанные минуты. Но тогда они казались вечностью. Смутно я осознавал, что наши корабли гибнут быстрее, чем европейцы, которым вновь помогало их численное превосходство, нас осталось чуть больше тысячи, не более чем половина нашего первоначального числа. И, более чем в два

раза превосходя нас количеством, европейские захватчики методично поджаривали нас! Затем внезапно отмеченный серебряной полосой флагман повернул на запад, и в тот же момент из динамика прогремел голос Ярнолла:

— Отступление! Всем кораблям отступить на запад на полной скорости!

— Отступить! — Мой крик был исполнен недоверия, безумного гнева. Отступление! Значит, мы были разбиты, мы проиграли. Я видел, как Маклин вцепился в штурвал, а Хиллиард почти рыдает от ярости.

Несмотря на нашу ярость, дисциплина была нерушима, и с кораблем главкома во главе наши суда развернулись, сформировав Т-образный строй, длинную линию крейсеров, прикрытую сзади короткой линией, расположенной к длинной под прямым углом. Это построение защищало нас от европейских флота, который теперь торжествующе преследовал нас. Наши пушки все еще лупили по ним, но они уже шли на полной скорости по нашему следу. И вот даже гром пушек утих на какой то миг, мертвая тишина затопила наш корабль, Маклин и Хиллиард молчали рядом со мной, как и я, поддавшись апатии, глубокому разочарованию и отчаянию. Никогда, конечно, прежде американский флот не бежал домой, преследуемый торжествующим врагом.

Мы бежали, превратившись в набор мишеней для термопушек противника. Но, даже отступая, мы огрызались. Теряя корабль за кораблем, мы продолжали прорезивать ряды небесных дредноутов врага. И вот впереди должна уже была замаячить линия могучих воздушных фортов — последний рубеж обороны Америки. Теперь остатки нашего флота имели шанс спастись, получить убежище за этими гигантскими фортами. И теперь стало ясно, что именно эти форты были целью нашего отступления. Но фортов на месте не оказалось! Не было ничего, кроме гряды густых и плотных облаков!

— Форты ушли! Наш последний шанс пропал! — в отчаянии закричал я.

— Но это очень странные облака! — воскликнул Маклин. — Главком ведет нас в самую их гущу!

Засада в небе

Глядя недоверчиво вперёд, я увидел, что это было так: наш флагман шел к большой гряде облаков, ведя наш флот в их ворсистую белую массу. Пока я смотрел, не понимая, что к чему, крейсер с серебряной полосой на борту нырнул в облако и исчез в нем, а следом — мы и те, кто за нами, и весь наш флот! Маневр показался мне верхом идиотизма. Европейцам было достаточно окружить облако — и спокойно ждать, пока оно рассеется. Тем не менее я успел заметить, что даже уходя в облако, наши корабли продолжали отстреливаться от преследователей. Затем все утонуло в густой массе белого пара!

Я отчаянно пытался понять, что происходит, по отдаленному грому пушек понимая, что разгоряченные преследованием враги тоже нырнули в облако. Затем стремительный приказ:

— Всем кораблям стоять!—разорвал он тишину. А потом снова насупила тишина, нарушаемая лишь бормотанием моторов и лязгом металла — это сталкивались друг с другом ослепшие в облаке корабли. Оба флота беспомощно повисли в тумане, соприкасаясь бортами, но не способные вести бой, не видя друг друга.

— Всем кораблям американской Федерации — перейти в свободное падение!

Прежде чем утихло эхо приказа, Маклин дернул рычаг, и наш крейсер упал вниз, как камень, вынырнув из облака, в котором остались недоумевающие европейцы. И в тот момент, когда наши крейсеры вновь загудели моторами, прекратив свое стремительное падение, раздался громкий шипящий звук, подобный шипению мощной струи сжатого воздуха, и в то же мгновение мы увидели, как могучие облака рвутся в клочья, сдуваемые таинственным ветром. На месте облаков висел сбившийся в кучу европейский флот. И по обе стороны этой запутанной массы судов выстроились двойной линией наши гигантские воздушные форты!

— Воздушные форты!— Мой ликующий крик поддержали Маклин, Хиллиард и сотни голосов офицеров и рядовых на всех аэрокрейсерах Америки.

Воздушные форты! По обе стороны дезорганизованного Европейского флота висели они могучей двойной линией, и вражеский флот, потрясенный их появлением, повис в растерянности. Затем заговорили могучие орудия небесных крепостей! Чудовищный ураган огня сконцентрировался на беспомощных судах неприятеля.

Воздушные форты! Мы заманили врага в эту хитроумную западню. Новое военное изобретение, о котором вскользь упоминал главком на совещании, было устройством, позволявшим фортам создавать плотные искусственные облака. И главнокомандующий, делая ставку на это устройство, привел Европейский флот в это странное облако, в эту небесную засаду, а затем вывел наш флот оттуда. Когда гарнизоны фортов разогнали облако при помощи гигантских форсунок, европейский флот оказался перед их канонирами как на ладони!

Сейчас европейские корабли бесцельно метались и сыпались вниз, точно перезрелые яблоки! Их собственные снаряды

бессильно разбивались о могучую броню небесных крепостей. И в тот момент, когда европейские корабли сбились вместе, пытаясь сбежать из этой смертельной ловушки в воздухе, наш флагман рванулся к ним, и нам не нужно было даже отдавать приказа, чтобы последовать за ним. Наш флот стремился вверх, и наши снаряды добавляли жару в огненном аду тотального уничтожения, в который угодили захватчики.

— Они повернули!— воскликнул Хиллиард. — Они бегут!

Домой

Враг бежал! Как только наш флот накрыл огнем своих орудий европейские корабли, которых осталось чуть больше двух тысяч, они оказались не в состоянии вынести ураганный огонь сразу с трех направлений, и, не соблюдая боевого строя, беспорядочно рванулись вверх и на восток. И наш флот преследовал их, выметая огненной метлой с американских небес. В итоге сложенный и дезорганизованный, не способный к дальнейшему сопротивлению, европейский флот сбежал от нас, так как последовал приказ главнокомандующего остановить преследование. Ошеломленный противник все еще превосходил нас численно более чем в два раза, и мы не могли рисковать, удаляясь от линии фортов.

Когда мы прекратили преследование, то увидели, как европейские корабли, сбившиеся в рой, уменьшаясь, исчезают на востоке. Затем, собрав остатки нашего флота, мы отправились обратно на запад, к багровому закату, пока мы не поравнялись с линией воздушных фортов. Там каждый крейсер нашего флота огласили крики ликования, экипажи флота и гарнизоны фортов, не сдерживая себя, торжествовали победу. А затем, когда первая волна радости улеглась, из динамиков прозвучал голос Ярнолла.

— Офицеры и бойцы Восточной Воздушной армии, — сказал он, — мы сумели отразить первое нападение флота Европейской Федерации, и я получил сообщение от главнокомандующего Западной армией из Сан-Франциско. Он сообщает, что его собственный флот, вылетевший для отражения атаки

флота Азиатской Федерации, смог после битвы, столь же тяжелой, как эта, отразить атаку с помощью той же тактики, используя облачную западню. Таким образом, в этот день, и на западе, и на востоке мы добились невозможного, — он сделал паузу, и вновь крики ликования и торжества разорвали тишину закатных небес. Но вот вновь зазвучал его голос. — Мы выиграли сегодня, на востоке и западе, но то, что мы выиграли, это не больше, чем передышка. Могучие Европейская и Азиатская Федерации собрали все свои силы, чтобы уничтожить Американскую Федерацию. Их огромные флоты были уничтожены наполовину в этих двух сражениях, но и наши флоты тоже. И они не только превосходят нас еще вдвое, но могут построить новые корабли быстрее, чем мы. Несомненно, в течение недели, или даже меньше, последует новая атака, с запада и с востока, натиск, для которого они готовили и готовят некий колоссальный и страшный план, или оружие, о котором мы ничего не знаем. Это неизвестное устройство, по слухам, может дать им гигантское преимущество. Мы должны выступить против них, и мы уже не можем надеяться удивить их облачной засадой, подарившей нам победу сегодня. Тем не менее, независимо от силы, которую они направят против нас, независимо от гигантских возможностей нового оружия и угрозы нападения, независимо от грядущего исхода последней воздушной войны, начавшийся сегодня, вы, флот Американской Федерации, можете гордиться: это первое сражение выиграно. Вы боролись и победили!

Наступила тишина, затем последовал еще один потрясающий взрыв ликования. Вскоре ровным и правильным строем, наш флот двинулся на запад к закату, и к Нью-Йорку. Мы летели, сохраняя бдительность — на север и на юг вылетели патрули. Солнце скрылось за горизонтом. Костер заката догорел. Угли вечерней зари начали покрываться золой ночного сумрака. И к тому времени, когда наш флот приблизился к столице, Нью-Йорк превратился в сияющую пригоршню бриллиантов, плывущих в ночном небе. Могучий город, как мы узнали, начал двигаться на Восток, чтобы встретиться с нами, узнав результаты сражения, и теперь сверкал перед нами рукотворным созвездием, озаряя тьму ночи сиянием могучих прожекторов.

Вперед и вниз к могучему городу лежал курс нашего флота, и когда Маклин, Хиллиард и я смотрели вниз, мы увидели, как экипажи кораблей, которые приземлились на белой площади огромного воздушного города, сразу оказались в окружении ликующей толпы радостных горожан, подхвативших своих усталых защитников на руки и посадивших их себе на плечи. Весь великий город ликовал, хотя радость смешивалась с тревогой, поскольку все знали, что новое нападение не за горами. Так что, хотя город сверкал огнями праздничной иллюминации, когда наш флот опускался вниз к его башням и пирамидам, кажущимся волшебными дворцами, в сиянии плывущими сквозь ночь, его мощные прожекторы внимательно ощупывали небеса в поисках угрозы, и патрульные корабли висели над городом, бдительно отслеживая каждый воздушный корабль, приближающийся к столице.

Затем наш крейсер совершил посадку, и Маклин, Хиллиард и я сошли с него с нашим экипажем, под неразборчивые крики толпы, которая окружила посадочную площадку. Мы прошли, шатаясь от усталости, через эти толпы в наши казармы, чтобы провалиться в тяжелый, беспокойный сон...

Передышка окончена!

Мы проснулись, большее, чем десять часов спустя, вечером следующего дня. Наши офицерские квартиры располагались на одном из верхних этажей казармы-башни, и когда я встал и, одевшись, присоединился к Маклину и Хиллиарду у окна, нашим взглядам открылся бескрайний простор. Над нами, в сиянии послеполуденного солнца, сверкали узором окон металлические башни. Но над этими башнями по-прежнему, грозно реяли патрульные корабли. Внизу, на посадочных площадках, ожидали вылета корабли нашего флота. Их было двести пятьдесят только на центральной площади. Вокруг них копошились орды механиков, ремонтирующих и проверяющих огромные двигатели, заполняя жидким воздухом цистерны, снабжавшие экипажи воздухом для дыхания, набивающих магазины оружий блестящими термоснарядами.

Я озадаченно повернулся в сторону двух своих помощников.

— Странно, что они уделяют такое внимание этим двумстам пятидесяти крейсерам, — заметил я.

Маклин, кивнул, хмурясь.

— И наш крейсер среди них, — проворчал он. Тут дверь в нашу комнату открылась и внутрь, отдав резкий салют, шагнул вестовой.

— Капитан Мартин Брант, вам предписано немедленно прибыть в штаб-квартиру флота, — объявил он и добавил, обращаясь к остальным: — Всем офицерам крейсера и экипажам авиаотрядов 1-4 без промедления прибыть на их корабли!

Снова он отдал честь и исчез, оставив нас изумленно пялиться друг на друга. Быстро облачившись в свои черные мундиры, мы кинулись к лифту и вскоре сошли «на грунт». По многолюдным улицам к центральной площади текли потоки людей в черной униформе. Там, на площади, готовые взмыть в небо, ожидали двести пятьдесят крейсеров — то, что осталось от нашего могучего флота.

Экипажи поспешно погружались на борт, и когда Маклин и Хиллиард поднялись на наше судно, я направился к башне, в которой размещался штаб. Миновав несколько постов охраны, я прошел через несколько узких белых коридоров и оказался в большой круглой комнате, которая была резиденцией командования. Вдоль изогнутых стен сверкали белизной пластика и огоньками бесчисленных приборов пульты управления, которые контролировали подачу энергии к могучим двигателям летающего города. В центре комнаты высилась батарея из шести громоздких коммутаторов, которые контролировали направление движения города, позволяя направить в любую сторону его медленный и тяжеловесный полет, сверкающие ручки управления скоростью размещались рядом с ними. Над пультами огромное табло отображало карту мира, на которой множество красных кругов автоматически показывало положение воздушных городов всего мира.

Главкомандующий сидел перед этим табло, в то время как полдюжины его помощников напряженно склонились

над пультами. Ярнолл жестом указал мне на металлическое кресло рядом с собой, возле электронной карты, и несколько секунд молчал, словно взвешивая еще не прозвучавшие слова. Наконец, пристально посмотрев мне в глаза, он начал.

— Уже второй раз, капитан Брант, я вызываю вас к себе, но теперь я вызвал только вас, отправив остальных офицеров на корабли. Вы задаетесь вопросом, почему я сделал это... Победа, которую мы одержали, как я уже говорил, дала нам только передышку. Мы знаем, что две враждебные Федерации, хотя мы и нанесли им немалый урон, до конца не разбиты и готовятся нанести нам новый удар, которого нам не выдержать. Из Европейской Федерации на востоке и от Азиатской Федерации на западе мы получаем данные разведки о таинственном и сверхсекретном супероружии. Хотя сотни агентов были внедрены нами во все крупные города противника за несколько месяцев до начала этой войны, они были либо вычислены и уничтожены сразу, или были в состоянии сообщить только о неких грандиозных приготовлениях в Берлине и Пекине, после чего связь с ними была потеряна. Слухи, которые дошли до нас, указывают, что противником разработано новое, необычайное оружие, новое средство воздушной войны, которым они намерены уничтожить все наши летающие города одним ударом... Ждать, пока их оружие будет готово, для нас равносильно самоубийству. Мы должны остановить их и уничтожить их козырь в рукаве, должны нанести превентивный удар по Европейской и Азиатской Федерациям прежде, когда они ничего подобного не ожидают. И именно поэтому я вызвал вас. Я намерен провести рейд, нападение на Берлин и Пекин. Если мы можем нанести сокрушительный удар этим двум столицам, сможем повредить или уничтожить содержимое их арсеналов, которое держатся в большом секрете, мы, по меньшей мере, выиграем время для подготовки к обороне от их таинственного нового оружия. Даже сейчас двести пятьдесят кораблей готовы к вылету и ждут приказа, чтобы атаковать Берлин, в то время как из Сан-Франциско аналогичное число крейсеров готовится к рейду на запад, в Пекин. И я решил, что вы, капитан Брант, возглавите наш рейд на Берлин, поскольку ваше поведение в великой битве, которую мы выиграли вче-

ра, доказывает, что вы достойны командовать и сможете добиться желаемого результата. Сразу после битвы наши враги не ожидают налета от наших потрепанных ВВС, так что это ваш шанс, неожиданно проскочив через Атлантику, нанести ночной удар по арсеналам и заводам Берлина!

ГЛАВА IV

Отчаянный план

На мгновение, думаю, я застыл ошеломленный, молча переваривая услышанное и пытаюсь осознать дерзость этой авантюры. Затем я щелкнул каблуками, отдал честь, взгляд мой сверкал от восторга. Ярнол улынулся.

— План достаточно смел, — продолжал адмирал, — но это единственный шанс ошеломить наших врагов, повредить и, возможно, уничтожить их таинственное оружие, которое должно уничтожить нас. Двести пятьдесят крейсеров здесь, на Центральной площади, было полностью укомплектовано и приведено в боевую готовность, пока вы спали. Магазины их пушек набиты термоснарядами, их бомбовые отсеки полны сверхмощных бомб. Таким образом, вы можете вылетать прямо через Атлантику к Берлину. И если вы сможете достигнуть его с группой кораблей под покровом темноты, неожиданно, проскользнув через патрули и цепи воздушных фортов наших врагов, вы сможете нанести удар, который еще может спасти нас. Я знаю, и вы это знаете, капитан Брант, какие опасности лежат между вашими кораблями и их целью, и я не буду говорить про опасности, и не буду говорить о наших надеждах на ваш успех. Я просто приказываю... Вылет немедленно!

Пять минут спустя наши двести пятьдесят крейсеров, жужжа, как рой рассерженных пчел, поднялись в небо. Мой собственный крейсер, теперь флагманский, знакомые фигуры Маклина и Хиллиарда на мостике — все было до боли родным, но на мгновение я с невольной тоской подумал о том, смогу ли я когда-нибудь вернуться в Нью-Йорк. Могучий город проплывал под нами, толпы на улицах в молчании провожали нас

взглядами, массы зданий сверкали между землей и небом, как странная рукотворная Галактика, — этот город был домом для меня и был достаточно дорог мне, чтобы я, едва сдерживая слезы, смотрел на то, как он тает вдали.

Мы поднялись вверх, зависли, затем рванулись на запад, плавно набирая скорость, до тех пор пока Нью-Йорк не исчез за горизонтом. А затем я отдал приказ, и наши корабли развернулись, понеслись на юг и затем на восток, уже невидимые из Нью-Йорка. Это был необходимый маневр, потому что в Нью-Йорке были миллионы жителей, среди которых притаились тысячи европейских шпионов, которые, без сомнения, уже отстукивали кодированные послания в Берлин. Пусть они считают, что мы зачем-то улетели на запад.

Теперь, когда мы неслись над Атлантикой, я отдал еще один приказ, и наши крейсеры, все двести пятьдесят, быстро выстроились в компактный клин с моим кораблем на вершине. Это было лучшим вариантом построения для рейда, и наш маленький флот, взмыв вверх, мчался вперед и вперед до тех пор, пока мы не пронеслись над линией наших воздушных фортов, висящих над Атлантическим океаном бдительно охраняющих границу. Мы ответили на их запрос и быстро пронеслись над ними.

В течение нескольких минут они исчезли у нас за кормой, и наши крейсеры рванулись вперед, обгоняя звук, до тех пор, пока на скорости более чем тысяча миль в час мы не легли на курс на высоте восемь километров над поверхностью океана.

Мы двигались на восток, солнце рухнуло за горизонт у нас за кормой, ночь обрушилась на нас лавиной тьмы. В небе вспыхнули звезды. Мы были одни, на высоте, редко используемой воздушными кораблями. Хотя современные герметичные корпуса и автономное жизнеобеспечение и позволяли летать здесь, в почти что вакууме стратосферы, разреженный воздух требовал слишком мощных моторов. Поверхность океана была скрыта от нас вуалью облаков, треугольный клин нашего строя и холодные яркие звезды — больше вокруг не было ничего. Но не огни далеких звезд занимали наши мысли, а непосредственная цель нашего рейда. Вглядываясь в ночь вместе с Маклином, я вновь и вновь прикидывал наши шансы на успех.

Налет через океан на укрепленную столицу Европы, могучий и грозный летающий город, казался форменным безумием. Берлин охраняла гигантская цепь воздушных фортов и патрули, курсирующие над Восточной Атлантикой. Тысячи боевых кораблей. Тысячи термопушек. Могли ли мы, несмотря на это, добраться до Берлина и сбросить наши термобомбы на вражеские арсеналы?

Над врагом

Эти сомнения одолевали меня, а наш клин грозных металлических птиц с заунывным воем рассекал ночную стратосферу, но я решительно отогнал прочь злые мысли, вспомнив, что наша атака парализует врагов, лишив их таинственного преимущества, и что это будет означать для нашей Американской Федерации. Я повернулся к Маклину, который молча указал на циферблат, показывавший пройденное расстояние. Через несколько минут, я знал, берег Европы вот-вот будет под нами, но в ходе нашего полета мы ещё не встретили никакого другого воздушного судна — коммерческие рейсы прекратились с началом войны, в то время как мы были еще слишком далеко на западе для встречи с дальними воздушными патрулями Европейской Федерации.

Но встреча эта была не за горами, и результат нашей смелой экспедиции зависел от того, сможем ли мы проскочить их незамеченными. Если мы будем замечены ими, минуты будет достаточно, чтобы сообщить о нас по радио, а затем от всех европейских воздушных городов — Стокгольма и Лондона, Берлина, Марселя и сотни других, бесчисленные патрульные крейсера ринутся на нас в ответ на сигнал тревоги. И европейский боевой флот, защищающий Берлин, воздушный город, который мы решились атаковать, без промедления обратит нас в дождь из расплавленного металла огнем своих термопушек.

Но пока мы мчались на запад сквозь ночь, ни я, ни Маклин с Хиллиардом, сменяя друг друга на вахте, не видели ничего, кроме пелены облаков внизу, равнодушных звезд

вверху и клина наших крейсеров за кормой. Но вот я посмотрел вперед и вниз, направо по курсу, и похолодел. И тут же включил коммуникатор и отдал приказ:

— Европейские патрули впереди и внизу! Всем крейсерам уменьшить скорость на четверть!

Мгновенно наш клин замедлил полет, каждый крейсер быстро снизил скорость, и теперь нас не выдавал ни рев моторов, ни грохот раздираемого воздуха. Продвигаясь таким образом, так медленно и бесшумно, как только возможно, мы продолжали наш полет. Я указал вниз указательным пальцем в ответ на вопросительный взгляд Маклина.

— Патрули! — прошептал я ему. — Там под нами — перемещаются на север!

Далеко под нами они плыли в ночи, маленькие огни, сияющие чуть выше слоя облаков и двигавшиеся неуклонно на север. Двадцать или больше этих белых огней плавно передвигались, сформировав кольцо, и хотя мы не могли видеть крейсеров, сверкавших этими огнями, мы знали, что они могут быть только одним из Западных патрулей противника, летящих традиционным для Европейской Федерации кольцевым строем. Наблюдая за ними, Маклин и я бессознательно затаили дыхание. От нашего корабля и от всего нашего строя не было никаких звуков, кроме низкого гула моторов. Но и те сейчас гудели очень тихо, чтобы не привлекать ненужного внимания. Европейцы уходили на север. Наше присутствие над ними осталось незамеченным.

Я знал, что если бы они случайно повернули к нам, хотя бы одну большую конусовидную антенну аэропеленгатора, такую, какие расположены по бортам всех военных крейсеров и какими снабжены все воздушные крепости и летающие города, мы были бы обнаружены в тот же миг. Эти антенны позволяли на большом расстоянии обнаружить любой работающий электромотор. Фортуна благоприятствовала нам, и патруль, не заподозрив нашего существования, улетел на север, так и не повернув к нам ни одной антенны.

По моему приказу мы вновь набрали скорость. Я знал, что мы должны быть вблизи юго-западного побережья Англии. Наш курс пролегал над побережьем, вдоль линии между двумя могучими воздушными городами — Лондоном и

Парижем. Мы намеренно избегали и тот и другой на пути к Берлину. Скоро на нашем пути должна была развернуться цепь воздушных фортов противника. Мы пристально смотрели вперед, надеясь проскочить этот небесный рубеж незамеченными.

— Вряд ли они выставят вторую линию патрулей, — сказал я Маклину. — Как только мы проскочим линию фортов, мы будем иметь хорошие шансы.

Он кивнул.

— Им и во сне не снилось, что мы можем напасть сегодня, и если нас не засекут пеленгаторы фортов...

Он замолк внезапно, и в тот же момент, как и он, я посмотрел вниз и направо. Еще одно кольцо движущихся огней, там, в темноте под нами, двигалось на север. Но неожиданно оно сменило курс, направившись прямо к нам!

— Еще один патруль! — крикнул Маклин в микрофон, предупреждая команду корабля.

Еще один патруль — и он заметил нас! И вот двадцать крейсеров патруля ринулось вверх, к нам, а восемьдесят наших крейсеров рванулись им навстречу! Им не требовалось много времени, чтоб поднять по тревоге все ВВС Европы. И поэтому мы не теряли времени на артиллерийский огонь, решительно ринувшись на таран!

Грохот и визг разрывающегося металла расколол воздух под нами, а затем смятые и разбитые воздушные корабли посыпались дождем в пучину Атлантического океана! Все двадцать вражеских крейсеров и около двадцати пяти наших собственных рухнули в темные воды. Страшной ценой нам удалось избежать использования термопушек, огонь которых выдал бы нас с головой. И мы знали, что самопожертвование наших товарищей спасло нас. А затем пятьдесят пять уцелевших кораблей поспешили вверх, и дальше на восток.

Воздушные форты

Опять мы неслись на чудовищной высоте и скорости сквозь ночь, до сих пор потрясенные этой внезапной схваткой. И вновь я кричал в микрофон, отдавая приказы — предупреждения. Далеко впереди сверкали в ночи кинжальные лучи белого

света, сплетаясь в подвижную сеть, в опасную и губительную паутину. Эти лучи описывали в воздухе гигантские круги, было невероятно сложно проскочить между ними. Источником этих лучей были прожектора европейских фортов, выстроившихся в цепь на высоте четыре мили. Слепящий свет этих прожекторов казался непреодолимой преградой.

Невозможно было пройти над облаками, не попав в перекрестье этих лучей, а пройти значило попасть под ураганный огонь могучих термопушек. Нырять под облака было бессмысленно. Под облаками притаилась вторая цепь фортов, чьи прожектора соткали такую же паутину. Оставалась одна альтернатива — пройти через густой облачный слой, но, хоть это и скрывало нас от пушек воздушных фортов, было само по себе самоубийством, поскольку облачные слои между фортами неизменно таили в себе минные поля — скопления плавающих воздушных мин. Это были кубические контейнеры с термическими зарядами. Они были снабжены собственными антигравитационными приводами, собственными электростатическими электростанциями и собственными импеллерами. Эти боевые автоматы немедленно атаковали бы любой воздушный корабль, имевший несчастье пройти от них в непосредственной близости, и подрывали его. Но теперь, когда наши корабли замерли перед зловещей паутиной света, я взял микрофон и обратился к флоту:

— Наш единственный шанс — пройти в облаках, используя пеленгаторы, чтобы избежать воздушных мин. Пойдем в колоннах по три корабля.

По моему приказу наш клин перестроился в длинную тонкую линию, три корабля в ширину, а затем мы нырнули в облака. Мы ползли в клубящемся тумане, не видя даже друг друга. Но хотя мы не могли видеть форты, мы знали, что те висят впереди и выше нас, сейчас, и что слой облаков, в который мы вошли, наполнен стаями смертоносных мин. Маклин напряженно склонился над штурвалом, медленно и осторожно направляя наш крейсер. Хиллиард прощупывал облачную муть раструбами антенн пеленгатора.

Позади нас шли остальные крейсера, и хотя мы обменивались данными, на каждом корабле напряженно трудились операторы, прощупывая курс своими пеленгаторами, а не

опираясь только на данные идущих впереди. Я напряженно ожидал докладов Хиллиарда. И в момент, когда наш пеленгатор засек работу мотора мины справа, Хиллиард сообщил об этом быстро и четко, и я передал дальше эту информацию Маклину, который мгновенно отклонил наш корабль немного влево. И так — снова и снова.

Каждые несколько минут мы выполняли подобные маневры. За нами такой же воздушной акробатикой занимались остальные корабли. А над нами грозно гудели моторами могучие форты; одного разрыва в облаках хватило бы, чтобы их мощные прожекторы поймали нас, а их батареи превратили нас в воспоминание. Тем не менее мы ползли вперед, молясь, чтобы ни один из наших крейсеров не нарвался на мину, поскольку вспышка взрыва выдавала бы нас всех. Даже наш собственный корабль, едва уклоняясь от одной мины, которую Хиллиард вовремя обнаружил, едва не налетел на другую — большой куб металла, заключавший в себе ад конденсированного тепла и смерти, черпающий энергию из неистощимого потока космических лучей. И хотя Маклин успел увернуться, казалось невозможным, что все наши корабли проскочат это поле смерти без катастрофы.

Тем не менее мы ползли все дальше и дальше, через густой туман... Вскоре линия фортов осталась позади, гул их моторов становился тише, удаляясь. А потом мы, так же вслепую, прошли над второй линией фортов, висевшей под облаками. Еще какое-то время мы ползли сквозь густой, клубящийся пар, а затем я дал кораблям приказ подняться и сразу, тщательно, как всегда, наши крейсера начали осторожно выбираться из облаков вверх, пока вокруг нас не развернулось бескрайнее небо, озаренное холодным светом звезд, пока облачный лабиринт смерти не остался далеко позади и внизу.

На Берлин

— Все целы! — воскликнул я, обращаясь к Маклину. — Невероятно, что все наши корабли прорвались через это минное поле!

Маклин кивнул.

— Мы не сделали бы это, задействуй воздушные форты свои пеленгаторы. Но никому и не снилось, что кому-то придет в голову лезть через заминированные облака!

Я отдал по радио еще один приказ, и наши корабли вновь выстроились клином и устремились на восток, оставив позади смертоносные форты. Теперь, с Маклином и Хиллиардом, который присоединился к нам после работы с пеленгатором, мы внимательно изучали горизонт. Слой облаков под нами истончился до полупрозрачной дымки, а море под нами сменилось сушей. Под нами проплывали земли Юго-Западной Англии. Наш клиновидный строй отклонялся на юг, чтобы избежать встречи с парящим где-то здесь Лондоном. Затем, когда мы уже удалялись на восток, на той же большой высоте, как раньше, мы увидели большое скопление огней далеко на севере, массу белых огней, которые висели высоко над землей. Эти огни сливались в единое пятно мягкого света, пробивавшегося сквозь облака и туманы, а вокруг мошкаррой вились огоньки воздушных кораблей.

Не требовались возгласы помощников, чтобы я понял, что это Лондон. Великий город двигался на восток от своей обычной позиции над центром Южной Англии, удаляясь от цепи воздушных фортов и минных полей, которые охраняли его на западе. Но не Лондон был нашей целью, и мы оставили его позади, и он утонул в тумане за кормой. Гораздо ниже нас мы видели караваны грузовых судов, идущих к Лондону или от Лондона и сопровождаемых обычно примерно полудюжиной военных крейсеров, но они были далеко под нами, и, так как мы не включали огней и шли на огромной скорости, они не увидели нас.

Нас не искали, и это доказывало то, что штаб-квартира Европейских ВВС пока о нас ничего не знала. Похоже, им и в голову не приходило, что американцы могут решиться на столь дерзкую авантюру, как наш ночной рейд.

Пока наш клин рассекал воздух, я успел подумать о нашем втором флоте, который сейчас шел к Пекину, а затем мое внимание привлекло новое скопление огней по курсу, на юге. Это был Париж, большой воздушный город, большой, как Лондон, уступающий размером только трем колоссальным воздушным

столицам мира. Но не Париж был нашей целью. Уклоняясь от его прожекторов, мы оставили его позади, как ранее Лондон. Мы молнией пролетели над Францией. Иногда мимо нас проносились огни других летающих городов, но мы не обращали на них внимания. Наше путешествие подходило к концу.

Теперь под нами сновало взад-вперед множество воздушных судов, интенсивное воздушное движение центра Европы, но оно происходило далеко внизу, и на нас никто не обращал внимания, так же, как и мы не уделяли внимания ему, сосредоточившись на электрическом зареве у горизонта. Оно пока не могло затмить даже потускневших предутренних звезд, но с каждой секундой становилось все ярче и ярче. И, наконец, со своей высоты в десять миль, мы увидели, впереди, и внизу, на высоте четырех миль, огромное облако огней. И оно быстро росло в размерах, впереди и под нами, до тех пор, пока не превратилось в ослепительно сияющий, могучий город, плавающий в воздухе, огромный, как Нью-Йорк, и сверкающий так же ярко, как и наша столица.

— Берлин!

Наши возгласы в рубке подхватили сотни голосов на всех кораблях флота. Берлин! Во всем великолепии колоссальный, сияющий, он висел перед нами и под нами, могучий воздушный город, который был столицей Европейской Федерации, уступая в размерах только Нью-Йорку и Пекину. Он плыл между землей и звездами, его белые башни высились над могучим металлическим диском основы, в его центре — титаническая игла силовой станции, черпавшая электричество из воздуха. Луч сверхмощного прожектора ощупывал небо. И над городом реяли сотни боевых кораблей, сети патрулей, которые охраняли большой столицу со всех сторон.

Но наши собственные корабли, летящие медленно на огромной высоте, не были пока замечены патрулями под нами, ни разу не попали в луч прожектора. И когда по моему приказу наши корабли отновились, мы смогли разглядеть больше деталей в городе, плывущем далеко под нами. Можно было разглядеть огромные батареи термопушек на центральной площади и на круговой стене города, большие квадратные здания из металла — арсеналы, здание штаба ВВС Европейской Федерации. На площадях вокруг этих зданий лежали

длинные ряды блестящих сигар — крейсеров, которые исчислялись тысячами, и среди них были те, с кем мы сражались так яростно над водами и в глубинах Атлантики за день до того. И в любой миг на нас мог быть направлен раструб пеленгатора, в любой миг сигнал тревоги мог поднять в небо эти смертоносные армады.

— Крейсеры, и военные объекты и арсеналы будут нашей главной целью, — объявил я в этот напряженный момент, когда мы зависли над сияющим городом. — Электростатическая башня города настолько надежно защищена батареями термопушек, что мы никогда не сможем прорваться к ней, и построена из таких металлических сплавов, которые не поддаются нашим снарядам и бомбам, поэтому мы не можем надеяться уничтожить ее, и, таким образом, вызвать падение города на землю, отрезав его от источника энергии. Нашей целью должны стать крейсера и арсеналы, и мы будем атаковать их в два захода: вначале уничтожим восточный арсенал, а затем — западный, и, если все пойдет хорошо, можно затем успеть сбежать!

Внезапное нападение

Теперь, готовый к бою, находясь на милях выше летающего города, который сам парил высоко над землей, наш клин висел, как стая хищных птиц. Маклин, стоявший рядом, смотрел вниз также напряженно, как и я, Хиллиард ушел к канонирам. Мои пальцы лежали на четырех рядах белых кнопок, нажатие каждой из которых означало сброс термобомбы чудовищной разрушительной силы и мощности. Вся сцена незабываемо запечатлелась в моем мозгу: мрак ночи вокруг; сияющий круг колоссального летающего города под нами; патрули, роившиеся над ним; толпы, которые заполнили улицы, возбужденные известием о начале долгожданной войны, что должна уничтожить Американскую Федерацию.

Я отдал приказ, и наш клин обрушился на город!

Мы пикировали с головокружительной скоростью вниз, мой крейсер шел во главе строя. Сквозь милю пространства

мы мчались потоком сияющих стрел. Мы пронеслись сквозь опешившие патрули к Восточному арсеналу и крейсерам, расквартированным возле него, которые были нашей целью! Все наши корабли проскочили, без единого выстрела патрульных крейсеров, экипажи которых были слишком ошеломлены нашей стремительной атакой. Казалось, над миром повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь гулом наших двигателей. Затем, в один миг, здания арсеналов и ряды боевых кораблей оказались прямо под нами. Мои пальцы сыграли смертоносную мелодию на кнопках пульта, сбрасывая бомбы на Берлин. В следующий миг наш крейсер качнуло — из его металлического чрева посыпались бомбы. Каждый из наших крейсеров сбросил вниз смертоносные подарки, на арсеналы и корабли врага рухнули тысячи гигантских цилиндрических термобомб!

Еще до того как бомбы успели взорваться, наши корабли, как молния, ринулись вверх, но ударная волна и адский жар взрыва все же догнали нас, закружив могучие воздушные крейсера, словно осенние листья. Однако мы успели мельком увидеть, что примерно полтысячи вражеских кораблей погибли в чудовищной вспышке, а на месте Восточного арсенала зияет оплавленный кратер! И вся сияющая масса Берлина закачалась в воздухе от чудовищного удара, улицы и площади летающего мегаполиса наполнили вопли и крики, которые донеслись до нас сквозь чудовищный рев наших двигателей!

Наш строй уходил вверх на максимальной скорости, которую мы могли развить, и как раз вовремя, потому что канониры городских батарей пришли в себя, и могучие термопушки Берлина, расположенные возле башни энергостанции, открыли по нам ураганный огонь. Мы спланировали первый удар так, чтобы не приближаться к этим грозным орудиям, чтобы их расчеты ни о чем не подозревали до того момента, когда будет уже поздно. Но теперь, прятаться не имело смысла, нас поймали в свои перекрестья лучи мощных прожекторов, по нам лупили все пушки города, а на хвосте у нас висел патруль!

— На второй заход! — кричал я сквозь рев моторов и грохот рвущихся снарядов, когда наш крейсер прорывался вверх сквозь мелькание прожекторных лучей и вспышек разрывов.

— Пора снести Западный арсенал!

Высоко над городом флот вновь выстроился клином. Здесь было безопасно — снаряды бессильно разрывались в милях под нами. Мы двинулись на запад, презирая попытки полчищ патрульных крейсеров остановить нас. Эти крейсера рвались к нам, извергая шквал снарядов, но наши собственные артиллеристы не дремали, и вражеские суда раскаленным градом сыпались на город! Здесь, в вышине, вне досягаемости орудий зенитных батарей, отстреливая вражеские суда сверху, мы относительно спокойно прошли над городом, пока под нами не оказался Западный арсенал и ряды ожидающих взлета крейсеров противника. А затем я отдал приказ, и мы опять ринулись вниз!

Второй заход

На этот раз мы пикировали сквозь яростную бурю рвущихся снарядов. Наперерез нам мчались чудом уцелевшие крейсера от Восточного арсенала и сотни патрульных судов, в тщетной попытке предотвратить наш новый удар. Но, прорвавшись через этот ад, мы зашли на цель, моя рука коснулась кнопок, бомбы ушли вниз! И чудовищное пламя пожрало арсенал врага и суда возле него, обратив их в бесформенную массу расплавленного металла.

И теперь, когда бомбы были сброшены, наши крейсера рванулись вверх, чтобы бежать из города, который мы поразили двумя ужасными ударами, на Запад, снова к Атлантике. На нас обрушились снаряды, десятки крейсеров погибли, прежде чем удалось набрать высоту. Затем мы, зависнув на мгновение, помчались на запад, преследуемые лишь несколькими отчаянными крейсерами патруля вражеского флота. Под нами гигантский воздушный город Берлин полыхал двумя раскаленными кратерами на месте арсеналов. Великий город висел в воздухе — наши удары не могли уничтожить его металлическую основу и гигантские моторы. Но на его улицах начиналась паника, его пушки грохотали, его прожекторы прочесывали небо.

А мы торжествовали. Мы потеряли несколько десятков кораблей, но уничтожили два крупнейших арсенала и тысячи боевых кораблей противника. Казалось, флот противника слишком ошеломлен и дезорганизован, чтобы помешать нам уйти. Корабли противника тысячами стягивались к атакованной нами столице, на выручку городу шли грозные форты, покинув предписанные им места. В этой толчее и неразберихе у нас появлялся прекрасный шанс ускользнуть. Нам удалось воплотить в жизнь наш смелый, безумный план, и теперь многоголосое «ура!» сотрясало корабли американского флота.

— Мы сделали это! – кричал я Маклину, а наши крейсеры неслись к Атлантике. — Дали им жару! Мы уделали их!

— Мы победим!— восклицал Маклин, направляя наш крейсер вперед во главе строя.

Тут Хиллиард, ворвавшись на мостик, заорал:

— Мы сделали это, Брант, — мы уничтожили арсеналы и четверть их флота!

— И теперь мы возвращаемся на запад!—воскликнул я. — Домой... Но посмотрите! Там, выше нас!

Мои слова превратились в крик предупреждения. Ликование сменилось растерянностью и страхом. Два патрульных крейсера противника, которые до того тщетно гонялись за нами, кружили теперь высоко вверх. Они подкрались незаметно, без единого выстрела, и теперь разом рванулись на таран! Два чудовищных снаряда мчалось точно на наш крейсер, в попытке самоубийственной мести! Увидев это, я закричал, но было уже поздно!

Мой крик смешался с криками и руганью Маклина и Хиллиарда.

— Сверху! — кричал я.

Маклин успел уклониться от одного из мчащихся на нас воздушных дредноутов. Но в следующий момент, прежде чем он успел крутануть штурвал, второй крейсер врезался в нас! Раздался чудовищный грохот и лязг, на миг два искореженных корабля зависли в воздухе, а затем рухнули вниз, навстречу парящему городу!

ГЛАВА V

Плен

Падение вспоминается мне как некий кошмар, как бред, а не как реальное событие. Нас крутило вокруг всех осей разом, пол, потолок, стены менялись местами с тошнотворной скоростью. Потом крейсер падал боком, я повалился на палубу, меня швырнуло на стену, откуда-то доносились крики и ругань Маклина и Хиллиарда...

Черный мрак ночи вокруг нас, масса наших стремительных кораблей над нами, колоссальный блестящий город, на который мы падали, — все это крутилось вокруг нас в безумном вихре, в дьявольском калейдоскопе.

Казалось, прошел лишь момент, прежде чем я увидел большие массы огней, острые и тонкие башни города прямо под нами. Маклина и Хиллиарда отбросило от пульта, но я в последний момент успел схватиться за штурвал. Под бормотание все еще работающих двигателей я пытался посадить корабль. Мои пальцы нашли нужные кнопки... В этот момент я услышал хриплый крик Маклина, всего в нескольких десятках метров под нами оказалась гладкая поверхность одной из узких улиц города. В последней попытке совершить мягкую посадку я направил струю воздуха от наших ходовых импеллеров вертикально вниз. В следующий момент все утонуло в грохоте и вспышке яркого света, и я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, кто-то пытался привести меня в чувство, я открыл глаза. Я лежал на металлической скамье, под металлическим потолком, в комнате, залитой белым светом. Надо мной склонились Маклин и Хиллиард. Я попытался заговорить с ними — и ощутил адскую боль слева — вся левая сторона моей головы оказалась сплошным отеком. А затем, с помощью друзей, я сел, изумленно оглядевшись по сторонам. Затем память о том, что произошло, внезапно вернулась, и с ней пришел страх.

Ярко освещенный белый зал, в котором я находился, был камерой, вход в которую охраняли солдаты в зеленой униформе Европейской Федерации, разительно отличавшейся от наших черных мундиров. На поясах у наших стражников красовались

длинноствольные термопистолеты – ручное оружие, основанное на тех же принципах, что и термопушки, хотя, разумеется, меньшей мощности. Эти шестеро солдат Европейской Федерации держали термопистолеты наготове, пристально глядя на нас. И тут я увидел через открытую дверь справа от нас гигантскую площадь и огромные массивы зданий, возвышающихся над ней, и услышал рев толпы, собравшейся среди этих зданий я вспомнил все, что постигло нас, и крепко схватился за руку Маклина.

— Крейсер упал!—воскликнул я. — Я помню аварию, это Берлин, Маклин, и мы в плену?

— Схвачены, — тихо проговорил Маклин. — Вы, Хиллиард и я — единственные, кто сумел выжить, Брант, — и мы выжили, только потому что мы были на мостике, более менее уцелевшем, когда корабль разбился. Вы были без сознания, Хиллиард и я уже пришли в себя, когда европейские солдаты раскопали и схватили нас, притащив нас сюда, в центральную электростатическую силовую башню.

— Мы трое единственные выжившие? — переспросил я.— А наш экипаж?..

Маклин не отвечал, но его глаза сказали мне все, и ком встал в моем горле. Наш экипаж — сотни веселых ребят, которыми был укомплектован мой крейсер, каждого из которых я знал по имени, — все они погибли в катастрофе, в которой чудом выжили мы трое. Я почувствовал руку Маклина на моем плече, а затем нам напомнили о нашем положении. Открылась левая дверь, и в камеру шагнул офицер в зеленой униформе. Он отдал краткий приказ на общеевропейском языке, смеси латыни и немецкого, универсальном во всей Европейской Федерации, которым я слегка владел. Мгновенно наши охранники жестом направили нас к двери, из которой вышел офицер, и мы очутились в ярко освещенном, круглом помещении.

Это помещение было Центральной диспетчерской силовой башни, командной рубкой Берлина. Шесть постов управления, рычаги и кнопки, табло, экраны и пульты — все было так же, как у нас, в Нью-Йорке. И над всем этим размещалась гигантская карта мира, на которой отображалось текущее положение всех летающих городов. Рядом с этой

картой сидело с десятков или более мужчин, в той же зеленой форме, как наши охранники, но с металлическими эмблемами крыльев на рукавах. Это были военачальники Европейской Федерации, Военный Совет, собравшийся здесь, в центре управления Берлина.

Угрозы

Мы и они смотрели друг на друга в напряженной тишине, наши охранники, по-прежнему бдительные, стояли позади нас. Затем смуглый, черноволосый и черноглазый офицер, сидевший в центре, на рукаве которого красовались пять серебряных крыльев, знак главнокомандующего, обратился к нам на нашем родном языке.

— Вы, капитан, первый офицер и второй помощник с корабля Американской Федерации, который разбился на наших улицах, когда основной части ваших кораблей удалось сбежать, — объявил он, сняв камень с моей души. Все это время я очень переживал за судьбу остатков моего флота. Наши корабли благополучно бежали обратно через Атлантику! — ...и мы хотим знать, какие силы американцев были задействованы в этом рейде, и когда планируется следующее нападение?

Наши взгляды встретились, и я почувствовал напряжение, скрытое в глубине глаз врага.

— Я думаю, было бы лучше для вас ответить, — тихо сказал он, — не думайте, что молчание поможет вашим соотечественникам. Хотя вам удалось нанести удар нам здесь, в Берлине, в эту ночь, хотя другая группа ваших кораблей нанесла такой же удар в Пекине... Но это лишь два из двухсот летающих городов двух федераций, небольшая часть нашей великой силы. Мы знаем, что ваш флот потерял много кораблей в боях вчера, несмотря на их победу, и мы желаем знать, какие силы остались у вас!

И опять повисла тишина. Рядом со мной Маклин и Хиллиард стояли в том же напряженном молчании. Я видел, что гнев Европейского главнокомандующего нарастает, его рука

уже начала подниматься, чтобы отдать приказ нашим охранникам, и затем он расслабленно повалился обратно на свое место, мрачно улыбаясь.

— Наиболее неразумным курсом следуете, капитан. Можете мне поверить. Могу ли я считать, что ваши офицеры такие же ослы, как и вы?.. Ну, спешить некуда, и несколько дней медитации может изменить ваше решение... Вы должны помнить, что, если вы не станете сотрудничать в конце недели, мы будем вынуждены провести несколько неприятных для вас процедур! После этого вы измените вашу точку зрения, став более разумными! — в раздражении говорил он, коверкая фразы, тому же у него был жуткий акцент.

Он повернулся, отдал приказ на своем языке капитану гвардии у нас за спиной.

— Этих трех — в одну камеру на сотом этаже, с другим американцем, и если через неделю они по-прежнему будут упрямы, мы будем иметь дело со всеми четверьмя.

Сразу же наши охранники толчками погнали нас обратно к двери, через которую мы вошли, и потом через другую дверь, в короткий, широкий холл, и через него — к клетям огромного лифта. Нас затолкали в одну из них, под дулами термопистолетов, и затем взвыли моторы, загудели в кожухах винты импеллеров. и лифт помчался вверх, на сотый этаж башни. Из лифта мы попали в короткий коридор, который пересекал башню по диаметру — на этой высоте башня была не более нескольких десятков футов в поперечнике, сужаясь к игловидному шпилью энергоприемника.

По сторонам этого коридора с обеих сторон угрюмо блестя бронедвери тюремных камер. Возле одной из них мы остановились. Здесь один из наших охранников достал из кармана маленький инструмент, напоминающий электрическую зажигалку, из которого в незаметную скважину возле двери ударил тонкий луч. Дверь немедленно распахнулась, ее электронный замок узнал уникальную частоту виброключа. Такие вибрационные замки давно заменили старые, неуклюжие, и были гораздо надежнее, будучи настроены на уникальную для каждого частоту излучения. Наши охранники втокнули нас внутрь, угрожая пистолетами, и дверь, щелкнув, закрылась позади нас.

Мы очутились в небольшой камере, металлической, около десяти футов в длину и пяти в ширину, с двухъярусными нарами вдоль стен. Камера была снабжена одним узким оконцем без решетки, сквозь которое с высоты огромной башни открывался вид на панораму летающего мегаполиса. Когда наши глаза привыкли к полумраку камеры, мы заметили фигуру человека, стоявшего у окна. Он несколько мгновений смотрел на нас, а затем порывисто кинулся навстречу.

— Брант! — воскликнул он, разглядев наши лица в сумраке. — Брант. и ваши спутники были на кораблях, которые напали на город, но теперь вы в плену!

Но теперь, мои собственные глаза. привыкнув к сумраку, узнали человека, который принялся пожимать нам руки.

— Коннелл! — в изумлении воскликнул я. — Вы пленник! Нам сказали про какого-то американца. Но я думал, вы мертвы!

— Мертвым я мог бы быть и здесь — сказал Коннелл, вдруг помрачнев. — За четыре недели, что я пробыл здесь, Брант, — недели до начала этой войны. И теперь, когда началась эта война, я один могу спасти нашу Американскую Федерацию от уничтожения, а здесь через несколько дней меня ожидает смерть.

Я смотрел на него, удивляясь. Коннелл был капитаном крейсера сил Американской Федерации на протяжении нескольких лет и был моим другом. Год назад он таинственно исчез с действительной службы, никто не знал, куда он подевался, но за несколько недель до этой войны наш главнокомандующий сообщил нам в ответ на наши запросы, что Коннелл был направлен со специальной миссией, но, поскольку он не сообщал о себе несколько недель, то, несомненно, погиб. Встреча с ним здесь, в самом сердце Берлина, в одной тюремной камере, поразила меня, и тем более с его первых слов мы поняли, что он угодил в эту камеру еще до войны. Но теперь, жестом указав нам места на койках, Коннелл стал выпытывать у нас подробности о войне. Его глаза светились, когда мы описывали ему битву за Атлантику и рейд на Берлин, при том что наш вчерашний налет он сам видел из окна.

— Я видел, как флот Европейской Федерации вылетел на запад — сказал он, — и знал что он вернулся побитым и дезорганизованным, знал, что Америка выстояла. Но я не ожидал нападения на Берлин сегодня и был поражен, как и все в городе, когда вы разнесли бомбами оба арсенала. Большой удар, Брант, — большой и успешный удар по всей Европейской Федерации, но даже такой удар не сможет остановить угрозу, которую уготовили нам европейцы в сговоре с азиатами. Даже ста таких ударов не хватит, чтобы спасти Америку!

Он остановился, Маклин, Хиллиард и я замерли молча, ожидая в ужасе продолжения рассказа Коннелла. Через окно доносился шум мегаполиса, но мы не обращали на него никакого внимания. Но вот Коннелл продолжил...

Странный рассказ

Никто не знал, когда я покинул действительную службу, — что я был отправлен на секретную миссию по приказу главкома. Это было год назад. Уже тогда было очевидно, что Европейская и Азиатская Федерации готовились напасть на нас, и уже ходили слухи о некоем чудовищном супероружии. Сотни агентов направлялись в европейские и азиатские воздушные города, чтобы попытаться узнать характер этого нового оружия, и я был одним из тех, кого отправили в Берлин, так как я знал европейский язык весьма хорошо. Меня внедрили на флот Европейской Федерации, в попытке выяснить, что это за великий новый план составили наши враги и каким неведомым оружием они обладают. И так, под чужим именем, год назад я приехал в Берлин.

Восемь месяцев заняло внедрение в ряды офицеров европейского флота, восемь месяцев, которые я был занят, главным образом, созданием моей новой фальшивой личности гражданина Европы. Наконец, я был зачислен во флот мотористом. Конечно, как капитану нашего флота, мне прекрасно были знакомы все типы двигателей, и я не имел никаких трудностей в стремительном карьерном росте, продвигаясь

вверх по служебной лестнице от младшего механика до второго офицера. Потом, наконец, мне выпала возможность, которой я так долго ждал, постепенно теряя надежду. Мне было приказано прибыть с докладом в генеральный штаб, а там десяток высших офицеров устроили мне экзамен по разным типам пропеллеров и импеллеров. Им казалось, что я имел необычные способности и знания для простого унтер-офицера, ибо, как они сообщили мне, я оказался пригодным и был выбран для участия в Секретном Проекте. Меня отправили в один из секретных отсеков диска-основы города.

Я напал на след, который искал, и вскоре обнаружил огромный отсек в основании города, куда разрешалось входить только высшим офицерам и сотрудникам Проекта. Это были отсеки, в которых были размещены гигантские импеллеры, винты в кожухах, которые перемещают город в горизонтальной плоскости. Каждый воздушный город в мире имеет, как вы знаете, гигантские двигатели, которые перемещают его. Но, как вы знаете, мощности самых могучих двигателей хватает лишь для того, чтобы город полз в небесах со скоростью, достойной улитки. Это затруднительное положение, которое не может быть изменено, ибо, добавив больше двигателей, мы увеличиваем массу города, и можно начинать сначала.

Но теперь, как я понял, когда я впервые вступил в глубины этих отсеков, офицеры Европейской Федерации и изобретатели сумели решить эту проблему! Они разработали способ, который позволил им гонять их гигантские города почти со скоростью крейсера! Они сделали это путем разработки совершенно новой формы кожуха импеллера, способной оказывать бесконечно большее тяговое воздействие на воздух, и самих винтов, вращающихся на гораздо более высокой скорости. Таким образом, огромные города можно разгонять до скорости сотни миль в час, нуждаясь только в стабильности их вертикальной тяги, чтобы удерживать миллионы тонн массы в воздухе.

И это и было секретное оружие, великий план Европейской и Азиатской Федерации! Я сразу понял, что это позволит им уничтожить все города нашего народа. Понимаете, что это означает? Это означает то, что они могут собрать

вместе все десятки своих гигантских воздушных городов, превышающие нас числом сто к одному, и обрушиться с флотом городов на нас, перебравшись через океаны! С могучими батареями термопушек и неисчерпаемыми арсеналами снарядов и бомб. Наши тихоходные города окажутся бессильны, будут сметены с небес этой ордой, превращены в обломки дождем снарядов, разрушены бомбами, как старинные наземные города!

Их города готовятся к походу! Скоро они ринутся в бой — Берлин и Пекин, Рим и Токио, и сотни других — могучие воздушные крепости. Они распорядились, чтобы все люди, которые не участвуют в бою, спустились на землю и оставались там в специально построенных зданиях. Это также будет способствовать снижению веса городов. Это был их великий план, их большое оружие, и я знал, что таким образом они и в самом деле могут покончить с нами! Но мне было мало знать планы врага, я желал выведать секрет чудо-двигателя. Каждый из великих городов Европейской и Азиатской Федераций, как я узнал, тайно оснащался этими новыми винтами. Я понимал, что если бы я мог узнать их секрет, то мы могли бы оснастить такими же двигателями наши города, и у нас появился бы шанс выиграть эту войну, даже при численном превосходстве противника.

Поэтому я стремился всячески проникнуть в тайну, чтобы удостовериться в их конструкцию, которая ревниво охраняли европейские и азиатские власти. И наконец, едва ли месяц назад, я сделал это, добравшись до нового двигателя и разобравшись в его устройстве. Секрет был достаточно прост: вместо стандартного кожуха с размещенным внутри винтом они использовали целую батарею тонких труб, через которые воздух выбрасывался с чудовищным давлением, разгоняя город почти до скорости звука. Я узнал великий секрет, ради которого сотни наших агентов пожертвовали жизнью, но теперь нужно было бежать с этой тайной.

Если бы я смог добраться до Америки, наши инженеры создали бы аналогичный двигатель за несколько месяцев. Тем более что здесь он пока что еще не вышел из стадии экспериментов и испытаний. Но именно тогда, когда я попытался бежать, моя удача внезапно повернулась ко мне спиной. Меня

схватили сотрудники службы безопасности флота здесь, в Берлине, когда я уже паковал чемоданы. А когда безопасники выявили, что мое удостоверение личности выдано мне на основе поддельных документов... Я узнал их великий секрет, и теперь у меня не было шансов выйти на волю. Меня допрашивали высшие офицеры европейского воздушного флота, потом меня допрашивали их азиатские друзья. Они хотели знать, какие другие американские агенты, подобно мне, скрывались внутри их воздушных городов. Они знали, что эти агенты или большая часть из них были известны мне, и знали, что если я выдам их, они могли бы поймать их всех и тем самым предотвратить возможность того, что другой шпион выведает их большой секрет, как это сделал я. Я молчал. Наконец, после дней допросов и пыток, они убедились, что меня не сломить, и тогда они запихали меня сюда, сообщив, что убьют через несколько дней, если раньше я не пойду на сотрудничество. Я видел из окна, что огромный флот Европейской Федерации собрался здесь, в воздухе города Берлина, тихо и незаметно, и тогда я догадался, что они готовят нападение на Американскую Федерацию.

Новый двигатель еще не был готов, но они понадеялись на численный перевес своего флота и одновременную атаку азиатов. Думаю, что они предприняли это нападение так скоро, прежде чем их приготовления были полностью завершены, потому что опасались, что другой шпион мог обнаружить их большой секрет и бежать с ним. Поэтому они бросили свой флот против Американской Федерации, пытаясь внезапным натиском сокрушить наши силы и в то же время отвлечь нас от своего основного плана. Если это первое нападение окажется безуспешным, они просто доведут приготовления до конца, превратив свои города в несокрушимые летающие линкоры...

И этот план воплощается в жизнь, несмотря на ваш дерзкий рейд. Здесь и в Пекине, и в сотнях других городов Европы и Азии. Скоро на Америку обрушится флот, какого не видел свет, — флот городов, укрепленных, маневренных, вооруженных до зубов. И тогда придет конец для нашей Американской Федерации. Двести городов Европейской и Азиатской Федерации накинута на нас с Востока и Запада, с

миллионами жителей и гигантскими батареями термопушек. Они обрушат наши тихоходные воздушные города на землю, попросту уничтожат нас! Они несут разрушение и смерть!

Большая опасность.

«Разрушение и смерть!» — голос Коннелла, казалось, все еще звучал в тишине роковым набатом беды. Маклин и Хиллиард сидели рядом со мной в темной камере, храня молчание, как и я. А снаружи до нас доносился гул мегаполиса — мерный рокот его двигателей, рев взлетающих крейсеров, гомон толпы. Неожиданно для себя я вскочил на ноги.

— Разрушение и смерть, но должен быть способ предотвратить это! — воскликнул я.

— Каким образом? — Коннелл пребывал в унынии и апатии. — Мы, и только мы, знаем, что за угроза нависает над нашей нацией, знаем план врага. Но мы не в силах остановить работы, которые идут в каждом городе двух федераций!

— Но если бы мы могли предупредить наших! — сказал я. — Если бы мы могли передать то, что вы узнали, Американской федерации, можно было бы установить на всех наших собственных городах подобные двигатели — тогда наши города могли бы, по крайней мере, встретить атаку вражеских городов на равных.

— Но как это сделать? — спросил Коннелл. — Если бы мы могли бежать, новые двигатели можно было бы установить в наших городах за считанные дни, но бежать невозможно. Я провел здесь недели, Брант, с одной мыслью — бежать, но это безнадежно.

Окно в нашей камере не было зарешечено. Больше того, в него можно было спокойно пролезть. Но смысла в этом не было, как я убедился, высунув голову в окно. Там вверх и вниз уходила полированная поверхность металла — гладкая, как стекло, стена башни. Вершина башни терялась в небесах, а до площади внизу было не менее тысячи футов. И хотя были другие окна ниже и выше нас, каждое было отделено

десятью футами или больше от другого. Да и бежать с этажа на этаж не было никакого смысла — коридоры башни были битком набиты охранниками. Казалось, что, как Коннелл и говорил, не было никакой надежды бежать. Двери выглядели несокрушимыми, и в моем сердце начала воцаряться безнадежность.

В последующие часы эта безнадежность почти сломила меня. Когда пришел день и озарил сияющим светом гигантский воздушный город, который простирался далеко вокруг нас, наша беспомощность стала ощущаться особо остро. Далеко под нами, на площади, стояли крейсера, и мы могли бы угнать один из них, поскольку конструкция современных воздушных кораблей универсальна, а система управления автоматизирована настолько, что достаточно одного человека на мостике, чтобы вести корабль. Тем не менее добраться до кораблей казалось невозможным... И так прошел день, и наступил вечер, полный тоски и уныния.

Каждый день за окном кипела лихорадочная деятельность. Толпы рабочих разгребали обломки, оставшиеся после нашего налета, заваривали зияющую дыру кратера в металлической обшивке парящего мегаполиса, заново возводили здания арсеналов. Воздух наполняли стаи грузовых судов и боевых крейсеров, они садились и взлетали, проносились на восток и на запад. А где-то в недрах города уже устанавливали импеллеры нового типа, могучие двигатели, способные превратить мирный город в боевой корабль.

Именно знание об этом приводило нас в отчаяние. Хотя в настоящее время наступило затишье в ходе Великой войны, Европейские и Азиатские силы готовили свой решающий удар, и американцы тоже собирали силы для новой схватки. Мы знали, что это затишье перед страшной бурей. Перед схваткой, которой суждено было решить судьбу трех могучих народов Земли. И судьба Америки была предрешена, если мы не сможем сообщить нашему командованию то, что выяснил Коннелл. Но мы не могли этого сделать, и я часто жалел о том, что остался в живых.

Это была пытка для души и ума — осознавать свое полнейшее бессилие. За исключением того, что мы могли видеть из нашего окна город вокруг нас, мы были отрезаны от

мира, как будто находились на поверхности Луны. Дважды в день, на рассвете и в сумерках, наша дверь открывалась охранниками, которые приносили пищу, что была, как и в наших собственных городах, пастой из синтетических соединений искусственных белков, жиров и углеводов. Прошли десятилетия с тех пор, как эта питательная паста окончательно вытеснила натуральные продукты. Но хотя наши двери бывали, таким образом, открыты дважды каждый день, не было никакой надежды на бегство для нас. Два охранника передавали нам пищу, нацелив на нас термопистолеты. Еще двое дежурили в коридоре. Казалось, действительно, как Коннелл и сказал, что шансов нет, и отчаяние стало всепоглощающим.

И так проходил день за днем. Даже перспектива нашей собственной смерти не могла вывести меня из оцепенения, даже тот факт, что в конце этой недели, как я догадался, начнется великая атака летающих городов, я не мог разрушить собственную апатию.

Коннелл, Маклин, я — три бывалых офицера, не раз встречались со смертью, но нынешняя ситуация сломила нашу волю, подорвала наш дух. И только Хиллиард, мой молодой второй офицер, сохранил бодрость духа. Его страстная, норовистая природа упорно сопротивлялась глубокой безнадежности, которая поселилась в остальных, и час за часом он проводил, метаясь из угла в угол нашей тесной темницы, в стремлении разработать способ побега. И наконец, на четвертый день лишения свободы, он повернулся к нам с выражением истерического торжества на лице.

ГЛАВА VI

Дерзкая авантюра

— Придумал! — воскликнул он. — Двое из нас могут бежать — а возможно и все! Шанс из миллиона, со смертью в конце, может быть, но это — шанс!

— Но как? — Я был изумлен. — Как двое из нас смогут сбежать из этой чертовой клетки?

— Охрана! — воскликнул он взволнованно. — Два охранника, которые приносят пищу каждый день, на рассвете и в сумерках, если мы сможем одолеть их...

— Это бесполезно, Хиллиард. Даже если мы одолеем их, дальше их там сотни, если не тысячи! — пробормотал я.

— Но хотя бы послушайте, — настоял он, и поведал нам план, который он разработал. Я почувствовал, как некий проблеск надежды рождается во мне, и увидел, что надежда отражается на лицах Коннелла и Маклина.

— Это — шанс! И если мы можем сделать это, если я смогу добраться до нашей земли, это означает возможность спасения для Американской Федерации! Европейцам и азиатам нужно еще примерно две недели на переоборудование своих городов, за это время наши инженеры успеют переоборудовать и наши города по той же схеме! Можно сделать наши города даже более скоростными, более маневренными! — воскликнул потрясенный Коннелл.

Мы решили действовать в тот же вечер, рискнув всем ради этого единственного шанса. Ибо даже если только двоим из нас удастся бежать, Коннелл может быть одним из этих двух, и он сможет доставить через Атлантику свой секрет, а это означало шанс для нашей Федерации. И, зная это, остальные из нас были готовы на любой риск. Все могло сорваться из-за любой из тысячи мелочей, но другого шанса у нас не было. А значит, другого шанса не было и у Америки. И поэтому, готовые к бою, мы напряженно ждали наступления сумерек.

Для меня оставшиеся несколько часов этого дня были мучительной вечностью, казалось, что никогда солнце не ползло на запад так медленно. Из нашего окна мы могли видеть охватившую улицы и площади Берлина суету — город готовился к походу. На площади у подножия башни скапливалось все больше боевых кораблей, все новые и новые крейсеры прилетали и занимали свои места в рядах готовой к старту хищной армады. И один из этих кораблей мы собирались похитить!

За пределами камеры, в коридоре, время от времени слышался топот охранников, но те двое, что должны были принести нам пищу, все еще не появились. Что делать, если они не придут? Или что делать, если их будет больше двух,

или если там будет один охранник? Любой из этих случаев будет одинаково разрушительным для нашего плана! Мы пребывали в постоянном напряжении, и оно становилось все сильнее с каждой секундой, заставляя Маклина и меня, Хиллиарда и Коннелла балансировать на грани срыва. Наконец, когда тени заката упали на парящий город, снаружи, в коридоре, раздались шаги и голоса охранников, через миг дверь камеры открылась. Затем в камеру шагнули двое охранников с нашей едой, как обычно, держа нас на прицеле термопистолетов.

Глаза одного пристально сверлили нас, другой взял оба металлических контейнера синтетических продуктов питания, чтобы разместить их, как обычно, на стойке нижней койки стойки, с правой стороны комнаты. Маклин лежал на нарах этой стойки, притворяясь спящим. Остальные из нас утнездились на нарах с другой стороны, второй охранник держал нас на прицеле, в то время как первый начал ставить контейнеры у изголовья «спящего» Маклина. Но, как только он поставил их и отвернулся от «спящего», Маклин схватил его и ударил головой о стойку нар! Второй тут же направил свой пистолет туда, забыв о нас, и мы прыгнули на него! А затем Хиллиард и я повалили его на пол и выбили из руки пистолет, а Маклин и Коннелл скрутили другого! Схватка была молниеносной, и вот уже охранники лежали на полу, связанные, с кляпами во рту. И пока мы с Хиллиардом удерживали и связывали, заламывали руки и затыкали рты, Маклин и Коннелл освобождали европейских солдат от униформы.

Чуть позже Коннелл и Маклин сменили свою черную американскую форму на европейскую, зеленую. В коридоре слышался топот, мы быстро натянули на оглушенных охранников американскую форму. Коннелл и Маклин изображали теперь наших незадачливых стражей, Маклин был выбран из-за схожести его внешнего вида с одним из охранников. И теперь настал кульминационный момент наших усилий, тот момент, от которого зависело все! Мы привели в чувство наших охранников, добавили свои крики к их крикам, и затем Коннелл и Маклин накинулись на нас и на охранников в американской форме.

Мгновенно раздался топот, в камеру влетели охранники и увидели, как двое в зеленой форме борются с четырьмя в

черной. Это был момент, от которого зависело решительно все. Разум охранников действовал именно так, как Хиллиард предвидел, заставив их обратить внимание только на людей в черном. Они накинулись на нас, а Коннелл и Маклин спокойно выскользнули из камеры!

Неразбериха продолжалась недолго, вскоре изумленные охранники обнаружили, что вместе с двумя американцами избивают двух своих сослуживцев, в то время как два пленника благополучно исчезли! В следующий миг, ожесточенно ругаясь на своем языке, они выскочили из камеры и кинулись к лифтам! Мы слышали их яростную ругань, крики на этажах выше и ниже, топот множества ног. И затем, выглянув в окно, мы увидели две фигуры в зеленом, бегущие к ближайшему крейсеру. Это были Коннелл и Маклин!

Мы выкрикивали хриплые слова ободрения, забыв, что никто не может услышать их. Коннелл и Маклин забрались в крейсер и задраили за собой люк. Из здания выскочила толпа солдат в зеленом. Преследователи открыли огонь из своих термопистолетов, на броне крейсера расцвели ослепительные вспышки. Но уже загудели могучие двигатели корабля, уже закрутились в своих кожухах винты импеллеров, и металлическая сигара начала подниматься в воздух! Но солдаты кинулись к другим крейсерам, и те начали подниматься в небо следом за беглецами!

Корабль беглецов поднимался все выше. Но в погоню за ним уже взлетали десятки боевых кораблей, и гигантские термопушки уже нацелили на него свои смертоносные жерла! И поэтому в следующий момент, когда крейсер поравнялся с нашим окном, чтобы подобрать нас, когда я увидел Маклина сквозь пластик фонаря командной рубки, я заорал:

— Назад, Маклин! Не время для нас — лети домой с Коннеллом, ради бога!

Он увидел мои бешеные жесты, услышал мой крик, и на момент замешкался. А пушки европейцев уже нацелились на него! Вокруг начали рваться снаряды. Каким-то чудом ему удалось вырваться из пламенного ада, крейсер устремился на запад. Снаряды рвались там, где он был мгновение назад! Крейсер мчался в небесах стремительным метеором, а пушки лупили ему вслед.

Я что-то хрипло кричал, наблюдая за маневрами друзей, мчащихся зигзагом среди разрывов термоснарядов. Над городом были сирены тревоги, хищные стаи боевых кораблей устремлялись в небо, грохотали пушки. С замиранием сердца я и Хиллиард наблюдали за тем, как крейсер с нашими друзьями уносится на запад!

Крейсер уносился вдаль, уже оставив за собой преследователей, как вдруг зенитные батареи западной части города дали одновременный залп! Крейсер-беглец на миг остановился, словно замешкавшись, среди разверзшейся в небе огненной бездны. В следующий миг воздушный корабль, который был последней надеждой Америки, беспомощно кувыркаясь, начал падать вниз!

ГЛАВА VII

Великое Нашествие начинается.

Ошеломленные и парализованные отчаянием, Хиллиард и я смотрели из нашего окна на гибель наших друзей, на гибель надежды, гибель Америки. Как я припоминаю, первые несколько минут мы просто не могли понять, что произошло. В состоянии некоего умственного ступора мы наблюдали ликующую толпу на улицах и возвращение отправленных в погоню крейсеров. Именно рев ликующей толпы помог нам осознать, что именно случилось.

— Маклин и Коннелл, — прошептал я. — Маклин и Коннелл... И последний шанс, чтобы предупредить нашу Федерацию, это конец...

В глазах Хиллиарда стояли слезы.

— Наш последний шанс, — пробормотал он.

Оглядываясь назад, я думаю теперь, что не утрата наших шансов на свободу и даже не угроза, нависшая над страной, больше всего потрясли и парализовали нас в тот момент. Мы были буквально раздавлены гибелью друзей, особенно Маклина, который в эти дни чудовищных битв и дерзких рейдов стал нам ближе родного брата. Сидя в камере, беспомощные пленники, мы могли теперь лишь обреченно и бессильно наблюдать

за уготованной нам и нашей стране чудовищной участью. Дикий прорыв на свободу, дерзкий и неудачный, предпринятый нашими друзьями, ни на йоту не изменил планов вождей Европы. В конце отведенных нам десяти дней мы должны были быть расстреляны, если, конечно, не согласимся на предательство и не выдадим военные тайны Америки.

Мы понимали также, что, как и догадался Коннелл, в конце этой недели Европейская и Азиатская Федерации планируют начать их Великий Налет, атаку летающих городов. Очевидно, что они хотели получить информацию от нас только для того, чтобы использовать ее непосредственно для их нападения. Именно сейчас в недрах парящего мегаполиса завершался монтаж скоростных двигателей. Долгие месяцы экспериментов подошли к концу, новый тип винтов и труб-кожухов для них были испытаны и готовы к работе. Если бы Коннеллу удалось сбежать! Десяти дней хватило бы, чтобы каждый американский город был снабжен такими же двигателями!

Если бы Коннелл бежал! Но он не бежал, он и Маклин сгорели! Заключенные в нашей тесной клетке, Хиллиард и я, несмотря на приближающуюся гибель, пребывали в равнодушной прострации, бездумно проживая отведенные нам часы. У нас даже не возникало мыслей о новой попытке побега. Побег, впрочем, был невозможен: у наших дверей выставили вооруженный караул. Так мы и коротали свои дни в камере на вершине башни, ощущая себя уже мертвыми, а вокруг нас враги готовились к своему торжеству.

Но наконец, на восьмой день после побега Коннелла и Маклина и за два дня до даты нашей казни, произошло событие, которое вывело нас из оцепенения. За день до того с улиц исчезли толпы, остались только угрюмые военные в зеленой униформе. Гражданских эвакуировали на землю. Город больше не был городом, превратившись в гигантское боевое воздушное судно! Военные на улицах были заняты какой-то загадочной деятельностью. Они копошились на улицах, готовясь к чему-то.

Вдруг послышалось громкое шипение, город сотрясла вибрация, и в следующий миг громадный мегаполис рванулся вперед! Он больше не плыл по небу медленно и величественно,

как это подобает городу, — он мчался. Мы поняли: начался набег, атака, Великий Поход на Запад.

Военные на улицах возбужденно зашумели, а мы смотрели в окно, затаив дыхание. Ибо мы могли видеть теперь, по облачным массам, лежащим на расстоянии, что город рассекает воздух со скоростью более сотни миль в час — движется со скоростью военного самолета начала прошлого века. Но теперь на город обрушился ветер — ветер потрясающей силы, встречный поток, который качал башни и сдувал людей с улиц. Военные поспешили укрыться, улицы опустели. Город с шипением, напоминающим дыхание дракона, мчался по небу, взбивая облака и разрывая их в клочья струями воздуха из своих чудовищных двигателей, под заунывный рев ветра, врывавшегося в окна, со скоростью не меньше чем сто пятьдесят миль в час! И город продолжал набирать скорость!

Колоссальный город, ускоряясь, несся через земную атмосферу! Благоговеино, несмотря на то, что это было делом рук врага, Хиллиард и я, вцепившись в раму, смотрели в окно нашей камеры. Колоссальный город, пять миль в диаметре, с его площадями и улицами, с его гигантскими батареями термопушек, с колоссальной скоростью скользил над землей! А потом город начал маневры по высоте, то возносясь в ледяную высь, где мы замерзали и задыхались, то ныряя к земле и проносясь на бреющем полете над лесами и лугами! Затем он остановился в воздухе, лег на обратный курс, и повторял все маневры, пока, наконец, шипение не прекратилось и город не застыл в воздухе под торжествующий рев высыпавшей на улицы толпы людей в зеленых мундирах.

Последние приготовления

Хиллиард и я задумчиво смотрели друг на друга.

— Импелеры готовы! Теперь начнется... — безнадежно прошептал Хиллиард.

— Сотни городов! Вся Европа и вся Азия, теперь это чудовищный флот вторжения, — столь же безнадежно добавил я.

Еще два дня!

Это была мысль, что стучала молотом в моем мозгу и в мозгу Хиллиарда в те часы, которые последовали за испытаниями, в те часы, которые теперь неуклонно приближали нашу гибель и гибель нашей нации. Еще два дня! Еще два дня, в конце которых закончатся две недели нашего плена, срок ультиматума, поставленного нам. Еще два дня, а потом флот смертоносных воздушных городов Европы и Азии сметет с небес огнем своих термопушек беззащитные американские города. Еще два дня! И потом для нас и для всех американских городов и всех миллионов американцев — смерть!

Неудивительно, что следующие часы были наполнены самым черным и безнадежным отчаянием. Целую ночь после испытаний на улицах и площадях Берлина бесновалась ликующая толпа. Европейская Федерация, мы понимали, уже предвкушала радость победы, уже злобно торжествовала по поводу скорой гибели ненавистой Американской Федерации. И лихорадочно завершала переоборудование своих летающих городов.

Из арсеналов к батареям непрерывно подвозили громадное количество термоснарядов. Крейсера европейского военного флота, около двух тысяч, ещё лежали на своих посадочных площадках. Их инспектировали толпы офицеров в зеленых мундирах. Все гражданские суда скрылись в ангарах. Прилетели гигантские воздушные форты. Они совершили посадку на опустевших гражданских посадочных площадках, став дополнительной цепью батарей города! И, наконец, когда скорость и маневренность могучего города больше не вызывали сомнений, Берлин отправился в бой. Со всем своим новым, сугубо военным населением внутри металлических башен, он помчался на огромной скорости, то низко, то высоко над землей. Он проделывал головокружительные маневры, словно был не городом, а спортивным самолетом.

Всю ночь и весь следующий день (тринадцатый день нашего заключения) последние приготовления к битве по пути на запад продолжались. Наступила ночь, улицы были наполнены толпами фигур в зеленых мундирах; небо бороздили боевые крейсера. В эту ночь Хиллиард и я молча сидели, наблюдая толчею на улицах и площадях, иногда поднимая

глаза к равнодушным созвездиям, сверкающим россыпям звезд, которые, казалось, смотрели вниз с прохладной презрительностью на этот безумный шквал человеческих волнений и человеческой деятельности. Потом мы задремали... Нас разбудил рассвет. Это был последний рассвет, по крайней мере, мы так читали.

Теперь, казалось, были завершены все подготовительные мероприятия: гигантский город превратился в небесный дредноут. Толпы, которые копошились на его улицах на кануне, превратились в строгую, дисциплинированную армию. Напряженный и тихий город замер в небе, когда солнце приблизились к зениту утром того рокового дня. И мы, в нашей клетке, вдруг ощутили смутное и странное предчувствие. Из нашего окна мы неожиданно увидели приближающееся к Берлину темное пятнышко, оно росло в размерах, превратилось в гигантский темный диск, перед нами завис еще один гигантский летающий город!

Сбор городов

Мы услышали переполюх на улицах, когда город приблизился к нам. Потом наблюдали его торможение, пока, наконец, он не завис в полутора десятках миль к югу. Это был Лондон! Я сразу признал его, да Хиллиард тоже. Лондон! Гигантский воздушный город, который прилетел из Южной Англии, мог быть опознан не только по его размеру, но и по специфической архитектуре металлических башен и площадей. Мы могли видеть ясно его огромные батареи термопушек и Центральную башню с игловидным шпилем. А с севера приближался еще один город!

— Это сбор! — простонал Хиллиард. — Сбор всех воздушных городов Европейской Федерации! Это начало конца.

— Сбор перед началом нашествия, — вздохнул я.

— Боже, если бы смогли бежать Коннелл и Маклин! Если бы наши собственные города обладали скоростными двигателями и могли противостоять этой атаке! — Горечь переполняла слова моего друга.

— Спокойнее, Хиллиард. Это конец, я думаю, — конец для нашей Федерации, а также для нас — но мы еще живы, — сказал я, положив руку ему на плечо.

Теперь другой город завис севернее Берлина, и мы увидели, что это Стокгольм. И сразу же, как он остановился рядом с Берлином, два других города примчались из стран юга — Женева и Рим. И затем с запада прилетели другие, Париж, Брюссель и Амстердам. С востока спешили Москва, Гельсингфорс и Ленинград. Город за городом, слетались, со всех сторон света, заполняя небо. Через час, во второй половине дня, их было уже более ста. Они летели со всех уголков земли, на которой господствовала Европейская Федерация. Из мрачных восточных степей, с солнечных отрогов Пиренеев, от ледяных морей Арктики и от засушливых саванн Африки летели они и собирались в огромный круг, центром которого была их столица — Берлин! Огромные летающие города, каждый из которых рассекал воздух на той же огромной скорости, каждый из которых нес батареи гигантских термопушек, способных одним залпом уничтожить любое воздушное судно, каждый из которых был увенчан силовой башней, обеспечивающей его неисчерпаемыми запасами энергии. Как и жители Берлине, миллионы горожан остались на земле, в кварталах, специально подготовленных для них. Сбор городов! Наконец, с приходом заката, подлетели последние города собрались все!

Из нашего окна они выглядели как единый гигантский город — летающий Вавилон диаметром в сотни миль! В воздухе висела металлическая равнина, утыканная силовыми башнями, оцетинившаяся орудиями, переполненная солдатами и офицерами в зеленых мундирах. И когда кроваво красный закат озарил эту металлическую равнину, парящую в небесах, мой разум внезапно освободился от той смеси апатии и стоицизма, что побуждала меня равнодушно ожидать смерти.

— Мы не должны сидеть здесь. как идиоты, когда гибель угрожает нашей нации! — закричал я. — Поскольку они начинают сегодня — поскольку наше время истекло, и мы сами умрем сегодня — мы должны сражаться и забрать на тот свет как можно больше этих тварей в зеленых мундирах!

Но теперь Хиллиард осадил меня.

— Это бесполезно, Брант. Осталось несколько часов, затем они начнут атаку, а флот городов Азиатской Федерации ударит с Востока по нашим городам. И в любой момент, прежде чем атака начнется, они могут прийти за нами...

— Но я им не дамся! — воскликнул я, закипая от холодной ярости. — Если мы должны умереть, мы сделаем это, прихватив с собой побольше врагов!

Как тигр в клетке, я метался из угла в угол по камере. Из коридора доносились голоса охранников, и в любой момент я ожидал, что двери распахнутся, впуская расстрельную команду. За окном заканчивал свое построение самый могучий воздушный флот в истории — флот гигантских городов, миллионы тонн смертоносного металла, готовый к броску на запад. Мой взгляд метался по камере, пока не остановился на нарах, прикрепленных к стене узкими полосками металла. И, увидев эти полосы, я вдруг пережил миг озарения, миг, когда надежда воскресла во мне и разгорелась безумным пламенем решимости.

— Эти полосы металла! — воскликнул я, указывая на них. — Это наш шанс спастись! Скорее всего, мы погибнем, но в ином случае мы точно погибнем!

Быстро, почти бессвязно, я объяснил ему идею, озарившую меня. Я слышал его дыхание, остановившееся, когда он понял, что я предлагаю. Потом я увидел, что его глаза сияют, когда он понял, что это все-таки шанс, пусть и стремящийся к нулю, и что другого шанса у нас нет, и не будет... Мы подцепили одну из металлических полос и попытались оторвать ее нижний конец от стены. Этот нижний конец казался частью самой металлической стены, мы выбивались из сил, но у нас не получалось. Мы должны были работать максимально тихо, иначе звук мог выдать нас охране. Казалось, что мы никогда не сможем разорвать чертову штуковину. Остановившись передохнуть на мгновение, мы вновь, превозмогая боль в спине и усталость, принялись за работу. На один страшный момент нам показалось, что полоска только согнется, не сломавшись, но в следующий миг с тихим скрежетом она оторвалась от стены и оказалась в наших руках.

ГЛАВА VIII

Единственный шанс

Мы напряженно вслушивались в звуки, доносящиеся из коридора, но пока нашу возню, судя по всему, никто не заметил. Приложив еще усилия, мы смогли обзавестись еще одной металлической полосой. Каждая полоса имела около трех футов в длину. Согнув эти полоски буквой Г, мы получили два грубых крюка. Затем из кожаных ремней нашей портупей соорудили канаты — десяток футов длиной. Канаты получились тонкими — оставалось лишь надеяться, что они выдержат. Потом мы привязали канаты к самодельным крючьям — ни один альпинист в истории, наверное, не использовал такого грубого снаряжения. Задыхаясь от наших судорожных усилий, мы добрались до окна.

Ночь воцарилась над миром, до самого горизонта протянулись огни летающих городов. На площадях Берлина под нами разместился европейский боевой флот. Прямо под нами застыл десяток крейсеров, чьи капитаны были сейчас на совещании в штабе. Площадь была пуста и безлюдна. На мгновение я остановился у окна, глядя на огромные массы гигантских воздушных городов. Затем, собрав все свое мужество, я полез в окно.

Сидя верхом на подоконнике, под напряженным взглядом Хиллиарда, я закрепил импровизированный крюк за подоконник. Затем, держась за кожаную веревку, скользнул из окна и повис на веревке на высоте сотни футов над площадью. Я качался, как маятник, но металлический крюк, зацепленный за подоконник, держал мой вес. Скользя по веревке, я нащупал ногами подоконник этажом ниже. Еще один миг — и я стоял на этом подоконнике, а потом скользнул в окно.

Окно, в которое я вломился, выходило в один из больших верхних коридоров электростатической башни, но я знал, что отправиться обратно в здание, теперь кишашее толпами охранников, было бы шагом навстречу смерти, однако я не планировал делать это. Дергая за веревку, я наконец, сумел заполучить свой крюк, и тут же начал прилаживать его на подоконнике. А снаружи уже спускался Хиллиард. Вниз, вниз — как две странные мухи... Мы ползли вниз от окна к

окну. Никто на улицах не заметил две крошечные фигуры, ползущие по стене башни; площадь была безлюдна и окутана тьмой.

Гораздо больше была опасность того, что нас заметят через окно из самой башни. Тем не менее мы ползали по-прежнему вниз и вниз, молясь о том, чтобы линия окон тянулась до самого основания башни. Вниз и вниз, двигаясь все более поспешно, несмотря на ужасные опасности; так поспешно, что однажды крюк Хиллиарда сорвался, но мой друг успел вцепиться руками в подоконник и чудом избежал гибели.

Но теперь, когда нам осталось спускаться всего десятки футов, пламя надежды полыхало в наших сердцах. На площади под нами по-прежнему стояло без охраны несколько крейсеров. Их экипажи, судя по всему, находились в башне. Этаж за этажом вниз — самый странный спуск, который когда-либо предпринимали люди. Площадь была уже рядом, а окно камеры — где-то высоко и вдали. Город под нами и висящие вокруг него города были наполнены гулом. Шли последние приготовления к набегу. Мы поспешно преодолевали последние этажи. И тут, когда мы были уже всего в нескольких ярдах от поверхности, сверху раздались негодующие крики.

— Вниз быстрее, Хиллиард! — прокричал я. — Они пришли в нашу камеру и подняли тревогу!

— Ближайший крейсер ниже! — воскликнул он, скользя вниз по импровизированной веревке. — Мы успеем!

Вскоре вся башня загудела от криков охраны, словно осиное гнездо. Волна криков прокатилась по башне сверху вниз. И, когда мы добежали до крейсера, из окон башни по нам открыли огонь! Термопули рвались вокруг, ослепляя и обжигая. Но, ведя огонь с большой высоты и в сумерках, стрелки не смогли причинить нам большого вреда. Вскоре мы уже залезали в открытый люк аэрокрейсера. Но теперь сигнал тревоги гремел по всей башне, и когда мы забрались в крейсер, с площади донеслись топот и ругань!

В следующий миг я уже пытался разобраться в европейском пульте управления, чтобы поднять в воздух покинутое судно. Наконец двигатель загудел, взвыли на полных оборотах винты, крейсер рванулся вверх. Мы взлетели по

наклонной, стремительно набирая скорость, а под нами площадь наполнилась толпами зеленомундирников! Верх! Быстрее и быстрее, пока не завывали сирены тревоги по всему городу, пока не проснулись расчеты орудийных башен, пока европейский флот не сел нам на хвост!

Выше и выше, пока мы не помчались сквозь фиолетовый сумрак стратосферы, как метеор, а потом устремились на запад, догоняя солнце. От Берлина за нами уже гнались сотни смертоносных крейсеров! Но неожиданность нашего побега помогла нам, и ни одна батарея вражьих городов не успела открыть по нам огонь, прежде чем мы ускользнули в ночь!

— Мы ушли от батарей городов! — прокричал я Хиллиарду, сквозь рев моторов и вой ветра. — Если мы стряхнем погоню с хвоста, останется только перескочить через Атлантику!

— Но сейчас у нас на хвосте весь их боевой флот! — воскликнул Хиллиард, оглядываясь. — А за ним сотни городов! Все! Разом!

Через Атлантику

Несмотря на смертельную опасность, от которой стыла кровь, когда Хиллиард прокричал эти слова, я бросил назад последний взгляд. Там, за нами, за первой сотней кораблей, которые преследовали нас, шли две тысячи кораблей европейского флота. Они не преследовали нас, а просто шли на запад согласно их плану, сформировав строй в виде гигантского полумесяца! И за ними мы могли видеть теперь все сотни гигантских воздушных городов Европейской Федерации, сосредоточенных в колоссальный круг вокруг Берлина; они шли на запад позади полумесяца их флота, сияя огнями; они набирали скорость, которая уже возросла до двухсот километров в час!

Великая атака началась!

Только мгновение я смотрел назад, на это колоссальное зрелище, никогда не виданное человеком, понимая, что в этот момент другая такая же армада воздушных городов

надвигается на Америку через Тихий океан со стороны Азии. Наша скорость росла, вскоре мы потеряли армаду врага из виду, оставшись с сотней преследователей на хвосте!

Я отправил Хиллиарда в машинное отделение. Сам я стоял на мостике, крепко сжав штурвал, ощущая жуткое одиночество в бескрайнем разряженном воздухе стратосферы. Мы обгоняли вращение Земли, солнце вставало на западе! В его свете под нами сверкали воды океана. Они блестели в лучах заката, ставшего нашим рассветом. Мы были над Атлантическим океаном, и теперь, когда надежда уже согрела меня, неожиданно начались сбои в работе наших могучих двигателей! Я чувствовал, что наш крейсер потерял скорость, перегорели предохранители, не рассчитанные на такую нагрузку. Но мгновение спустя моторы вновь взревели — Хиллиард на ходу перемонтировал схему. Только мгновение мы потеряли, но за это мгновение погоня стала ближе!

Словно некий призрак или демон, с тихим гулом двигателей и зловещим шипением воздушных струй мы мчались на запад. Но преследователи неуклонно приближались. Хотя Хиллиард работал как сумасшедший в машинном отделении, пытаясь выжать что-нибудь еще из наших движков, он был один и не мог сделать работу десятка механиков. Погоня была уже рядом; стало ясно, что без боя нам не уйти. Всего несколько сотен миль отделяло нас от родных берегов, но на то, чтобы преодолеть эти мили, нужны были минуты, которых у нас не было. Несколько аэролинкоров противника уже подошли к нам на дистанцию, достаточную для ведения эффективного огня.

И в тот миг, когда я осознал это, сзади раздался грохот залпа, и вокруг нас разорвались первые снаряды. Хотя они прошли довольно далеко от нас, я понимал, что каждый новый залп будет точнее предыдущего. Так что, как только десяток их орудий прогрехотал снова, я стремительно бросил крейсер вниз, сквозь облака, и, как только преследователи ринулись за нами, я вновь направил наш крейсер вверх!

Это был маневр, который дал нам моментальное преимущество, но, едва вынырнув из облаков, преследователи вновь напали на наш след. Нам удалось уйти от них лишь на мгновение, и вновь продолжилась безумная погоня сквозь

закат. И снова они были близко, и опять загрохотали пушки, и я повторил свой последний маневр. Я нырнул вниз, в облака, и рванулся вверх снова, и их корабли последовали за мной. Но, когда я проходил сквозь облака, я остановил свой корабль, он замедлился и затем повис неподвижно в воздухе, и тут сердце мое сжала ледяная лапа страха! Полсотни кораблей, как я и рассчитывал, проскочила вверх, но еще половина подкрадывалась сзади! Я оказался в ловушке между их судами, между молотом и наковальней!

Зависнув в облаках, парализованный приступом страха, я неожиданно осознал, что это конец. Корабли противника приближались к нам со всех сторон. Бежать было некуда, все пути к отступлению были отрезаны. Один миг отделял нас от гибели в пламени рвущихся термоснарядов. Один миг!

Громкий крик прозвучал рядом со мной, и я увидел Хиллиарда, который указывал пальцем вверх и в сторону. Среди облаков сверкнула металлом стремительная сигара, обрушив на наших врагов шквал снарядов!

— Американские корабли! — закричал я, вторя Хиллиарду. Больше сотни крейсеров заходили на врага с востока и с запада, и как грохотали их пушки! Вокруг нашего беспомощного суденышка закрутилась безумная свистопляска воздушного боя. И прежде чем мы смогли понять, что происходит, европейцы бежали, бежали обратно на Восток, под защиту своей чудовищной армады, под защиту тысяч боевых кораблей и сотен летающих городов.

Один из американских крейсеров приблизился к нам и завис рядом, люк к люку. Входной люк открылся, в нем стоял...

Я не мог поверить своим глазам.

— Маклин! — Я заплакал, когда узнал его. — Маклин! Живо! Вы прорвались?

— Брант... Хиллиард! — Он был не менее взволнован встречей. — Так это вы! Мы были отправлены на патрулирование, увидели ваш корабль, который атаковали другие европейцы, решили разобраться...

— Мы бежали из Берлина, но... Мы думали, вы с Коннеллом погибли, увидев ваш крейсер, подбитый и падающий

— Это был всего лишь трюк, — усмехнувшись, ответил Маклин. — Когда они дали по нам залп, мы пальнули ответ

не глядя. Получилась большая вспышка от всей этой чертовой кучи снарядов. Тут мы сделали вид, что падаем, и они развернулись и убрались восвояси.

— Но Коннелл! Коннелл с его Великой тайной? Что-нибудь, удалось? Все европейские города летят сюда через Атлантику!

Вместо ответа Маклин молча шагнул из люка в люк — перебрался на наш крейсер. Люк его корабля закрылся за его спиной. Оказавшись у нас на борту, он спокойно и серьезно сказал:

— Коннелл сделал все, что необходимо: мы готовы встретить европейцев и азиатов, города которых летят сюда! Наши города оборудованы не хуже и готовы к бою! В течение десяти дней после нашего возвращения были предприняты все усилия по переоборудованию наших городов с использованием сведений Коннелла; каждый американский город теперь оборудован новым двигателем, не уступая врагу ни скоростью, ни маневренностью. И теперь все наши города выстроены в боевой порядок и ждут нападения наших врагов.

ГЛАВА IX

Битва воздушных городов

Сотни крейсеров наших ВВС, рассекая воздух, шли на запад с потрясающей скоростью, а Маклин, Хиллиард и я стояли вместе на мостике флагмана. Под нами серая зыбь Атлантики была видна кое-где в разрывах облаков, над нами сверкали россыпи звезд. Океан закончился вместе с облаками, небо светлело, под нами замелькали холмы, потянулись долины. Я смотрел на север и юг в поисках Нью-Йорка и других прибрежных городов, которые должны были висеть там, но ничего не было видно.

— Все наши воздушные города, собравшись вместе, наносят удар к югу от Великих озер, от Буэнос-Айреса до Виннипега, все там, — пояснил Маклин.

— Вы думаете, что воздушные города Европейской и Азиатской Федераций собираются напасть одновременно с

обеих сторон? — спросил я у него, пытаясь перекрычать ревущие моторы.

Он решительно кивнул.

— Несомненно. Азиатские города сейчас над Тихим океаном и поддерживают связь с европейскими, непрерывно корректируя курс, чтобы нанести синхронный удар с Востока и Запада. Они знают, что наши собственные города собрались вместе, и должны знать, что они оснащены новыми двигателями, но они идут...

— Два к одному, двести городов на наши сто. Боже, какая это будет битва!

Но теперь Хиллиард ворвался в наш разговор, указывая на массу, висящую в воздухе, к которой мы летели. Потрясающая скорость, на которой мы бороздили воздушный океан несколько часов, потихоньку снижалась. Прерии промелькнули под нами, а потом быстро ушли назад и в сторону отроги Аллеганов. Темная масса на горизонте росла, приближаясь. Бесчисленные воздушные корабли роились вокруг. Коммуникатор захлебывался от входящих сообщений, патрули запрашивали у нас пароли и коды. Маклин отвечал на эти вызовы, непрерывно дежуря у аппарата, но на данный момент я не уделял особого внимания всей этой радиобюрократии, глядя вперед с замиранием сердца на невероятную картину, раскинувшуюся прямо по курсу. Гигантская серая масса была флотом. Флотом американских летающих городов!

Сотни могучих воздушных городов Американской Федерации висели в воздухе на высоте мили над зеленой равниной, в круговом строю, с Нью-Йорком, наиболее колоссальным из них, в центре! Города, которые уже давно висели в воздухе над Северной и Южной Америкой от моря до моря, воздушные города, чьи имена были именами давно исчезнувших городов Земли, которые когда-то возвышались на поверхности этих континентов. Бостон и Лос-Анджелес, Рио-де-Жанейро и Чикаго, Мехико и Квебек, Вальпараисо и Майами — эти и десятки других висели в этом строю титанов. Все воздушные города Американской Федерации были собраны здесь для решающей битвы!

Они казались единым супергородом, металлическим континентом, висящим в воздухе. Насколько глаза могли видеть,

простирались леса башен, увенчанных игловидными шпилями. И везде среди этих башен, повсюду, вокруг каждого города-диска и в его центре, возвышались батареи гигантских термопушек. На площадях притаились грозные кубы воздушных фортов, готовые в любой миг самостоятельно взмыть в небо, словно огромные звери, готовые к прыжку. Исреди улиц и башен, между батареями и вокруг воздушных фортов, кишели миллионы жителей, с волнением и страхом ожидая грядущий Армагеддон. А перед этой армадой городов повисли в воздухе несколько тысяч боевых кораблей — все, что осталось от обоих, западного и восточного, флотов американских ВВС.

Именно к этому флоту лежал наш путь. Мы пронеслись над городами. Когда наш крейсер пролетал над ними, я увидел, что они были действительно выстроены в круг, центром которого был Нью-Йорк. Наш путь лежал к центральной силовой башне столицы. Возле нее вся сотня наших крейсеров опустилась вертикально вниз и совершила посадку. Здесь, как и в Берлине, центральная площадь была зарезервирована для кораблей главнокомандующих обоих воздушных флотов и для кораблей их эскорта; так что, хотя огромные толпы собрались на улицах и площадях, вокруг наших кораблей не было никого. Через несколько минут поступил приказ, и вся наша троица, Маклин, Хиллиард и я, направилась к центральной башне.

Подготовка к битве

Пройдя через несколько постов охраны, мы оказались в кабинете главнокомандующего. Среди знакомых пультов, панелей и щитов управления я заметил новый пульт неизвестного мне назначения. Главнокомандующий внимательно изучал карту, рядом с ним стоял офицер, в котором я признал Коннелла. Тот тоже признал нас, и тут же кинулся нам навстречу, крепко пожимая нам руки.

— Брант! Я получил доклад Маклина о вашем побеге и спасении, вы — герои, и я рад, что вы с нами! Благодаря

тому, что вы сделали в Берлине, чтобы помочь Коннеллу и Маклину бежать, у нас появился шанс! — воскликнул Ярнолл.

— Я сделал не более, чем другие. Но вы знаете о приближении врага? Вы знаете, что города европейцев уже идут сюда?

Он кивнул.

— Они и азиаты с запада, Брант, и мы ожидаем их здесь. Мы надеемся, благодаря вашей четверке, задать им такого жару, что впредь они не рискнут связываться с нами. Вот их позиции на карте.

И он повернулся к большой электронной карте, на которой была изображена вся земная поверхность, красные круги отмечали положение городов. Теперь, однако, все круги городов Американской Федерации были сосредоточены вместе к югу от белого контура Великих озер. Но с востока, через Атлантику, к нам ползли сотни красных кружков — воинствующие города Европы. И с Тихого океана ползла аналогичная масса из сотен маленьких красных кружков, которые были городами Азиатской Федерации.

Карта отображала их координаты в режиме реального времени. Это было сделано с помощью специальных сверхмощных пеленгаторов, настроенных и подготовленных для обнаружения гигантских электростатических двигателей воздушных городов. Эти пелингаторы мгновенно регистрировали любое перемещение каждого города. Их данные обрабатывались сверхмощными калькуляторами, которые вычисляли точные позиции и скорость движения городов. И эти калькуляторы, в свою очередь, были подключены к проекторам, выдающим картинку на экран. Таким образом, карта служила реальной моделью мира.

Такие карты использовались давно всеми тремя федерациями. Но теперь в кабинете Ярнолла хватало и новых приборов. В глаза бросились шесть огромных экранов вокруг кресла над пультом управления города. И, в то время как главнокомандующий быстро объяснял нам, их цели и конструкцию, я убедился, что они обеспечивают прекрасный обзор во всех направлениях. Это были мощные электрические перископы. Четыре больших аналогичных экрана было установлено на четырех стенах кабинета, и еще один — прямо перед креслом главнокомандующего, в то время как

шестой был установлен перед креслом его первого помощника. Изображение, передаваемое телевизионными камерами на эти экраны, открывало круговую панораму окружающего город пространства.

Отсюда можно было видеть все, точно с вершины высокой башни. Это было совершенно необходимо, теперь, когда город превратился в боевой воздушный корабль с приличной скоростью и маневренностью, и его нужно было пилотировать, словно боевой аэрокрейсер. Когда я сказал об этом, главнокомандующий, изучавший карту, внимательно посмотрел на меня.

— Пилотом Нью-Йорка в завтрашней битве будешь ты! — безапелляционно заявил он.

— Это огромная честь, доверить мне управление движением города, хотя я никогда не водил в бой города. Но Маклин и Хиллиард здесь... Я хочу, чтобы они остались здесь, и мне нужна сотня крейсеров на площади, — ответил я.

— У тебя есть план? — спросил главнокомандующий.

— Не больше, чем идея, идея, которая может помочь нам, если битва пойдет неудачно для нас, если их удар будет сильнее, чем мы рассчитываем. Даже тогда она может показаться слишком безумной...

Ярнолл кивнул, дав согласие, и затем Маклин и Хиллиард присоединились к двум десяткам или более механиков и инженеров в черных мундирах, которые были заняты у больших приборных щитов, выстроившихся вдоль изогнутых стен. Они тщательно тестировали аппаратуру, заменяли предохранители, возились с проводами и трансформаторами. А Ярнолл, Коннелл и я заняли три металлических кресла возле электронной карты и экранов обзора. Главнокомандующий будет сидеть в центре, отслеживая красные кружки на большой карте, напряженно наблюдая за их движениями, как адмирал нашего могучего флота колоссальных городов, готовый направить их и наши крейсера в сражение. Коннелл сел справа, перед микрофонами. Ему предстояло поддерживать связь между сотнями городов и тысячами кораблей, связывая их в единое целое.

Приближение битвы

Мое место было слева — мои руки легли на рычаги и кнопки, позволявшие мне швырнуть гигантский город в водоворот головокружительных маневров, разогнать его или затормозить, поднять ввысь или снизиться почти до самой поверхности земли. Большие батареи Нью-Йорка были под моим контролем — все термопушки города подчинялись моим командам, достаточно было произнести условную фразу в черный мундштук микрофона. Большие батареи всех наших других городов подчинены своим пилотам, но, как и Нью-Йорк, находились под общим командованием Ярнолла. В городе Сан-Франциско на всякий случай находился резервный штаб и второй командующий.

Таким образом, мы трое должны были командовать силами Америки в величайшей из битв в истории человечества. Ярнолл мрачно следил за картой — города противника находились уже только в сотнях миль от нас. Мы сидели молча. Из города снаружи доносился привычный, будничный шум. Наконец Ярнолл включил обзорные экраны.

Мгновенно экраны ожили и засветились, как будто мы смотрели с верхушки шпиля на всю массу городов. Со всех сторон громоздились титанические конструкции, поднятые в небо человеческим разумом. Ниже нас размещался экран, над которым стояли наши кресла, который казался люком, через который мы могли видеть зеленые равнины далеко внизу. На самом деле под нами располагалась металлическая толща дисковидной основы города. Но совершенное качество изображения на экранах заставляло забыть о том, что от мира вокруг мы отделены прочными металлическими стенами.

— Вражеская армада появится в поле зрения в течение пятнадцати минут, — сообщил Ярнолл.

На карте две группы красных кружков напозлали на нас с востока и запада. На экранах мы видели, как, злое еще сверкая, начинают ворочаться в поисках цели орудийные башни наших городов. Я понял, что готов начаться бой, который будет означать уничтожение половина мира. Это был действительно Армагеддон, когда на Земле не осталось

более мирных уголков; когда каждая нация бросилась в бездну воздушной войны, мотыльком ринулась в пламя этого последнего конфликта!

Теперь однако Ярнолл коснулся другой кнопки, и на силовой башне засверкали сигнальные огни, и такие же огни засверкали на башнях других городов. Повинуясь этим сигналам, миллионы горожан спешили в укрытия в недрах башен, вскоре на улицах остались только солдаты и офицеры в черной униформе, занимавшие свои места по боевому расписанию. Толпы разошлись по укрытиям тихо, несмотря на напряженное волнение, потому что они знали, что это необходимо для их более эффективной защиты. Для них не было убежища на поверхности земли, когда в воздухе над ним сошлись бы в схватке силы всех стран мира.

Затем главнокомандующий отдал краткий приказ, и Коннелл передал его флоту, крейсерам, висящим над нами, разделенным на две колонны, тысяча или больше кораблей в каждой, которые направились — одна на восток и другая на запад. Они удалились далеко за пределы огромного кольца городов и выстроились полумесяцами, прикрывая собой это кольцо. Затем мы вновь уставились на карту. Армады врага стремительно надвигались на нас, от кольца американских городов каждую из них отделяло уже не более ста миль. Мы напряженно вглядывались в обзорные экраны электроперископов.

— Они будут использовать флот для первой атаки. Они будут пытаться уничтожить наши крейсера, прежде чем бросят в атаку города. — уверенно сказал Ярнолл. Я кивнул. — Это даст им большое преимущество, когда города перейдут к атаке. Но наши крейсера сумели разбить их однажды, невзирая на их превосходство два к одному...

Я резко оборвал себя, услышав судорожное дыхание Ярнолла и Коннелла и ощутив нервную дрожь, которую в этот миг ощутил, наверное, каждый американец. Далеко на западе, чернея на фоне неба, появились линии черных точек, которые очень быстро росли в размерах. Это был флот боевых кораблей наступающих сил Азиатской Федерации. Напряженно мы наблюдали за его приближением. Затем мы посмотрели на восток, чтобы увидеть движущийся полумесяцем Европейский флот. Они летели, медленно приближа-

ясь к нашей линии крейсеров, висевшей к востоку и западу от наших городов. А за ними возникли гигантские черные тучи, затмившие солнце. Это были армады могучих летающих городов!

ГЛАВА X

Первое столкновение

На миг и только на миг воздушные флоты замерли, словно оценивая друг друга, и, казалось, все в мире замерло, предчувствуя чудовищную битву. Огромные массы наших городов висели высоко над землей, над ними блестели ряды наших собственных крейсеров, которые готовы были вступить в неравную схватку с громадными воздушными армадами Европы и Азии — это было достаточно захватывающим зрелищем! Но затем два крейсера флота противника направилось к нашему флоту; и, как только они сделали это, их флот вдруг рванулся вверх, сохраняя общий порядок, чтобы обрушиться на наши силы сверху! Мгновенно Ярнолл отдал приказ; и тут же голос Коннелла донес его до нашего флота. Наши корабли бросились наперерез врагу. Закипела яростная схватка.

Через наши экраны мы видели крейсера, окутанные пламенем и дымом, видели ослепительные взрывы термоснарядов.

Но на востоке и западе наши крейсера уступали противнику в числе минимум вдвое и, несмотря на ожесточенное сопротивление, были постоянно вынуждены отступать к кольцу городов. Все ближе и ближе к нам откатывалась линия боя, все больше американских судов, пылая, таранили крейсера врага, все более жарко полыхали над облаками разрывы множества термоснарядов. По-прежнему, еще далеко за кипящей схваткой, с востока и с запада неуклонно напозала на нас масса враждебных городов! Ярнолл отдал еще один приказ, бросив в бой крейсера резерва, которые тут же понеслись на врага стаями гончих. Сотня — на восток, и сотня — на запад. Но, достигнув схватки, они взмыли над ней, и из них ударили струи пара, укрыв воздушное сражение гигантским облаком!

Ярнолл задействовал огромные проекторы искусственных облаков, которые спасли нас в нашей первой великой битве над Атлантическим океаном! И как только кипящий водоворот схватки скрыли облака, Ярнолл направил в бой еще корабли, которые заняли позицию над схваткой. Затем все наши собственные крейсера вынырнули из облаков, оставив там европейские и азиатские корабли в слепой путанице. В следующий миг наш флот обрушил на пойманных в облаке врагов ураган орудийного огня! Только на мгновение нам удалось поймать их в эту ловушку, но пока они пребывали в растерянности в клубящемся густом тумане, мы обрушили на них настоящую лавину огня. Поэтому когда, чуть позже европейские и азиатские корабли вынырнули из облачной ловушки, их было не больше, чем наших крейсеров — с численным перевесом противника было покончено!

Но, вынырнув из коварного облака, они не спешили в бой. Вместо этого они отступили к грозному строю своих городов. Одновременно аналогичный приказ Ярнолла заставил отступить к городам и наш флот — почти две тысячи кораблей, примерно столько же, сколько осталось у врагов, европейцев и азиатов вместе взятых. По нашим городам прокатилась волна сдержанного ликования. Но крики «ура» скоро стихли — на нас надвигались города!

С востока, заполонив половину неба, приближался гигантский кольцевой строй городов Европейской Федерации. Нам троим, сидевшим перед обзорными экранами, была отчетливо видна эта наползающая с востока масса смертоносного металла: Париж, Лондон, Москва, Каир, Рим — все огромные воздушные города Великой Европейской Федерации. Их столица по-прежнему находилась в центре — Берлине.

И на западе, на наших экранах, маячил не менее гигантский круг воздушных городов Азиатской Федерации. Пекин, третья по размеру из столиц мира, в центре скопища городов надвигался на нас — с Шанхаем, Бомбеем, Токио, Рангуном и другими мегаполисами Азии. Два грандиозных круга городов приближались к нам, застывшим в мрачном ожидании. Я вдруг поймал себя на мысли, какое изумление испытал бы человек, живший сто лет назад, если бы увидел эту картину.

Но некогда было думать об этом, нужно было заняться нашими артиллерийскими батареями. Хотя это, безусловно, был спектакль, какого прежде не видел никто и никогда, — зрелище могучих городов, сошедшихся в небесах в смертельной схватке!

И как ни странно, в Берлине и Пекине за такими же экранами сейчас тоже сидело по три человека, также напряженно всматривавшихся в панораму битвы...

— Они не собираюсь объединять силы! Они собираются ударить одновременно с востока и запада! — воскликнул я.

Ярнолл кивнул, его глаза изучали экраны:

— Что-либо или ...

Армагеддон!

Он не успел закончить свою мысль: раздался грохот, гром невероятной силы, залп тысяч могучих термопушек противника! Мгновением позже снаряды просвистели у нас над головой и обрушились на наши города. Они взорвались с чудовищным грохотом и жаром, оставив после себя оплавленные металлические кратеры. Большая часть снарядов, впрочем, прошла мимо, полыхнув вспышками взрывов где-то внизу. Дистанция эффективного огня еще не была достигнута, наши пушки молчали. Ярнолл, сжав кулаки, наблюдал за приближением армад врага. Мгновение спустя на нас обрушился новый залп, большая часть снарядов опять не долетела, но множество пылающих ран покрыло металлическую плоть наших городов!

Я с тревогой смотрел на главнокомандующего. Он никогда не отдаст приказ открыть огонь? Он застыл как статуя, уставившись на экраны, и его губы были сжаты. В этот момент я осознал груз ответственности, который судьба возложила на его плечи, ужасающую участь вождя трети человечества в схватке с остальными двумя третями. Он сидел, в напряженном безмолвии наблюдая, как с двух сторон на нас надвигается гибель. Через миг на нас должен был обрушиться новый залп. Но в тот самый миг он отдал приказ, тут же переданный Коннеллом всем нашим городам, и наши батареи ответили.

Залп тысяч орудий, казалось, сотряс весь мир! И через мгновение тысячи наших снарядов обрушились на города врага, разрывая и плавя металл.

Армады врага на миг замешкались в воздухе, но затем они двинулись вперед, и их батареи загремели в ответ на наш удар. Мир утонул в грохоте их залпа. Артиллерия всех наших городов ударила снова, чтобы обрушить новый шквал огня и смерти на наших врагов! Воздух между нами и армадой был наполнен снарядами, которые сталкивались уже друг с другом, порождая кипящие огненные облака. Но большая часть из них поражала свои цели! Батареи всех трех гигантских армад гремели, и бесчисленные фонтаны огня и света поднимались в небо над городами трех наций, салютуя безумному празднеству взаимострельбы! Фонтаны огненной гибели, истребляющей и разрушающей все вокруг! Тем не менее эти первые мгновения битвы были удачны для нас. Теперь, когда два больших круга Европейских и Азиатских городов подошли ближе, я увидел, что два из крупнейших европейских городов, Париж и Лиссабон, объаты пламенем и вот-вот рухнут! Шквал нашего огня оказался достаточно мощным, для того чтобы сквозь десятки метров металла добраться до их двигателей!

Я повернулся к Ярноллу.

— Париж и Лиссабон! Им крышка!

Он кивнул головой, глаза его пылали:

— Все батареи, развернутые на восток, сосредоточиться на Париже и Лиссабоне!

Голос Коннелла донес его приказ до наших городов, батареи возобновили свою смертоносную работу с новой силой.

Но теперь все их снаряды были направлены на Париж и Лиссабон, и в этих покалеченных городах бушевал ад. Волна огня прокатилась по обреченным городам, плавя их силовые башни. Рвались их собственные снаряды в магазинах батарей и в арсеналах. Другие города Европейской армады спешили им на помощь. Мадрид, Лондон и Москва обрушились на нас, но наши артиллеристы продолжали добывать добычу. И вот мы увидели, как завалился на бок объятый огнем Париж, как он, кувыркаясь, помчался к земле! В один миг он потерпел крушение, превратившись в бесформенную гору оплавленного металла!

Я слышал, как рев торжества прокатился по нашему городу. Крики «ура!» стали еще громче мгновением позднее, когда Лиссабон рухнул, пылая. Но после торжествующих криков вновь загрохотали пушки.

Азиаты добивали Омаху. Пушки обреченного города по-прежнему грохотали в ответ; но батарея за батареей они умолкали под шквалом снарядов Пекина и других городов Азиатской Федерации. Наконец, Омаха накренился боком и, охваченный огнем, повторил участь Парижа и Лиссабона!

Избегая засады

Теперь, казалось, во всем мире не было ничего, кроме грохота пушек и разрывов снарядов. Три армады городов методично уничтожали друг друга. Мы втроем напряженно наблюдали за этим адом, разверзшимся в небесах. Ярнолл пытался предугадать действия противника, Коннелл орал в микрофон, перекрикивая грохот чудовищной битвы. Армады противника подошли к нам вплотную, казалось, ничто не в силах противостоять этой лавине смерти. Но Амстердам и Мадрид уже качались, обреченные рухнуть, накренилась и рухнула силовая башня Гонконга! Но и мы уже потеряли Нью-Орлеан! Завалился на бок Сент-Луис.

Но в тот момент яростное восклицание Ярнолла ударило нас, по и без того напряженным нервам: мы увидели, как враг перестраивается в два полумесяца, рогами к нам. Они пытались взять нас в клещи, сделав легкой добычей для своих орудий. Если бы им это удалось, мы были бы неизбежно уничтожены. Но, даже до того как я распознал этот маневр, Ярнолл уже отдал приказ.

— На север. на полной скорости, всем городам! Не менять строя!

Вся масса наших городов рванулась на север! Я до отказа выжал один из рычагов, в недрах Нью-Йорка взревели двигатели, и гигантский город начал набирать скорость. Оглушительно шипели извергаемые импеллерами струи воздуха, толкая вперед миллионы тонн металла! И пока Нью-Йорк мчался

на север под моим контролем, все его батареи продолжали непрерывный огонь по противнику, поскольку армады врага устремились за нами, осыпая нас бесчисленными снарядами!

Теперь враг видел наш стремительный бросок на север, и, как только их командиры догадались, какова наша цель, они направили свои полумесяцы к нам с еще большей скоростью, чтобы не дать нам сбежать! Началась безумная гонка – гонка летающих городов. Мы мчались на север, молотя друг друга из пушек, и, казалось, удача перешла на сторону врага! Северные рога европейского и азиатского полумесяцев были уже перед нами! Северный рог азиатского Полумесяца — Шанхай, Коломбо и Сингапур; северный рог Европейской армады — Москва, Брюссель и Алжир, надвигались на нас, грозя отрезать путь к спасению. И в этот момент, когда только чудо могло помочь нам проскочить, Ярнолл приказал сосредоточить огонь на сходящихся краях ловушки!

Наши пушки грохотали с удвоенной яростью; нас могло спасти лишь полное уничтожение преграждающих нам путь городов. Таким образом, игнорируя все другие города, мы обрушили всю мощь наших батарей на тех, кто преградил нам путь. Противник обрушил на нас ураган снарядов с флангов, но мы упрямо игнорировали запад и восток, направляя все свои залпы на север! Это стоило нам немалых потерь. Сент-Луис, Майами и Сизл рухнули вниз, горя и плавясь. Все, кто в них оставались, нашли смерть в пламени взрыва собственных снарядов при столкновении с землей!

Но тактика Ярнолла оправдывала себя: угрожающие рога полумесяцев были обломаны, Сингапур, Коломбо и Брюссель были направлены в горнило уничтожения нашим ужасающим огнем. Остальные города этих двух полумесяцев упрямо ползли навстречу друг другу, наперерез нам. С Москвой и Шанхаем на восточной и западной стороне ловушка продолжала смыкаться, а мы продолжали выжимать все что возможно и невозможно. из наших двигателей и пушек. На мгновение мне показалось, что мы успеем проскочить.

Но враг тоже напряг свои силы. Шанхай и Москва почти врезались друг в друга; и затем, резко затормозив, переключили свои винты на обратную тягу. Они неожиданно остановились, перед нами сомкнулась зловещая стена городов!

Но ничто теперь не могло остановить нашу огромную массу, так ужасна была наша скорость и так близко были мы к линии противника. Я видел эти города, надвигающиеся на нас, услышал хриплые восклицания Ярнолла и Коннелла рядом со мной; и затем с потрясающим грохотом, что казался грохотом столкновения двух миров, наша армада врезалась в стену городов перед нами!

ГЛАВА XI

Город против города

Все звуки битвы, даже грохот орудий главного калибра и рев перегретых двигателей, утонули в грохоте столкновения, в визге и лязге мнущегося и рвущегося металла. Гигантские массы городов ударили друг в друга. Нью-Йорк в центре построения пошатнулся от ужасного толчка, переданного ему. Затем на экране к северу от меня я увидел титанические металлические массы, которые рушились вниз. Москва с Сиднеем и Алжиром, и Бостон с Детройтом превратились в глыбы искореженного металла.

Но даже это невероятное столкновение уже не могло остановить нас, наш строй с Нью-Йорком в центре проскользнул сквозь возникшую брешь! Мы вырвались, прорвали окружение ценой ужасающего столкновения.

По приказу Ярнолла мы тут же перестроились в колонну с Нью-Йорком во главе. В то время как большой круг армад противника оставался все еще позади нас, ошеломленный нашим колоссальным ударом, наш строй рванулся вперед. Наша колонна змеей обвилась вокруг строя противника, опасной, жалеющей змеей! Мы зашли с востока на кольцевой строй врага. Икогда наша длинная линия могучих городов пронеслась мимо них, все наши батареи ударили разом.

Преимущество теперь было с нами, так как в их большом круговом формировании более половины городов просто не могли достать нас. И мы спешили воспользоваться шансом! Я вел Нью-Йорк во главе колонны, держа город за пределами досягаемости вражеских орудий. Наши залпы методично

превращали строй врага в груды пылающих развалин, рушащихся на землю. Амстердам, Вена, Каир и Мадрид пали под концентрированным огнем наших батарей; но мы потеряли Буэнос-Айрес.

— Надо добивать их, пока они не перестроились! — воскликнул Ярнолл.

— Но они делают это сейчас! — крикнул я ему сквозь гром пушек, гул моторов и шипение винтов. — Они выстраиваются в линию!

На большом экране было хорошо видно, что командиры противника пытаются выстроить свои города в колонну. Мы видели маневры их городов, знали, что они делают это, поэтому, находясь на их фланге, наша линия вела непрерывный ураганный огонь. И теперь, хотя Квебек упал, наши пушки послали Копенгаген, Иокогаму и Калькутту в ад; проскочив мимо европейцев, мы принялись за азиатов. Их орудия угрюмо грохотали в ответ, однако в данный момент их собственный оружейный огонь мешал их маневрам. Мы обрушивали вниз город за городом, не давая агрессору ни малейшей пощады.

Но удача не длилась слишком долго, и внезапно круг наших противников разомкнулся, превратившись в колонну, в два раза длиннее нашей. И теперь их батареи грохотали, стремясь смести нас с небес! Я услышал резкий приказ главнокомандующего рядом со мной. Два флота гигантских городов мчались друг на друга, ведя огонь из всех орудий!

Прямо на Нью-Йорк мчался во главе их линии могучий Пекин третья из трех больших воздушных столиц. Два гиганта были равны по силам; и сейчас мы затеяли дуэль в воздухе, так что практически я практически забыл о судьбе армады позади нас. Нью-Йорк наполнился ужасающим пламенем от разрывов азиатских термоснарядов. Но в то же время наши артиллеристы работали как сумасшедшие. Пекин тонул в разрывах. Оплавленные кратеры возникали на месте его башен. Далеко позади противник перестраивался, теперь во главе его строя встал Берлин. Но так ужасна была битва, которую мы вели с азиатской столицей, что мы забыли почти все остальное.

Позади нас города тоже вели схватки друг с другом: Чикаго сражался с Лондоном; Константинополь обрушился

вниз под огнем Денвера и Вальпараисо; Монреаль, из числа наших городов, полыхал, так как он стал мишенью для всех гигантских батарей Берлина. Город за городом рушились с небес, но ярость битвы не утихала. Высоко над колоссальными линиями городов сцепились в схватке флоты воздушных крейсеров.

Армагеддон пришел наконец на землю!

Хотя города Европы и Азии по-прежнему превосходили нас числом, мы сильно уменьшили масштабы этого превосходства в результате своих маневров. Теперь яростная битва шла почти на равных.

Прямо впереди наших линий маячила огромная гряда облаков, дрейфующих к югу от озер на севере. Ни одна из наших линий не пожелала войти в эту массу тумана, и обе армады устремились вниз.

Опять в Берлин

Мы неслись вниз, продолжая артиллерийскую дуэль с Пекином, и пушки не умолкали ни на миг! Вниз, вниз — до тех пор, пока не начало казаться, что через миг мы врежемся в землю! Зеленые равнины приближались с ужасающей скоростью. В последний момент я рванул рычаг на себя — и в ответ Нью-Йорк рванулся резко вверх. Я видел, что Пекину тоже удалось выйти из пике. Позади нас города, которые непосредственно следовали за нами двумя линиями, выходили из пике, грохоча орудиями. Но в хвосте колонн было немало городов, которые не смогли проделать этот маневр и разбились, были уничтожены ударом о земную твердь!

И время этих сумасшедших маневров пушки продолжали грохотать. Нью-Йорк и Пекин были охвачены пламенем, изъезжены сотнями кратеров, но продолжали осыпаться друг друга снарядами. Позади нас, после дуэли, которая достигла масштаба и интенсивности нашей, Чикаго одолел Лондон, и гигантский город, пылая, обрушился на землю! И, пока города падали в огне, воздушные флоты почти полностью уничтожили друг друга — ни у нас, ни у противника почти не

осталось крейсеров. Они почти полностью уничтожили друг друга в безумной ярости атак!

Все слилось в безумном хаосе битвы. В рубке грохотал голос Ярнолла, отдающего приказы, и неистовый голос Коннелла гремел в динамиках, донося эти приказы до каждого американского города. Гремели пушки. и выли могучие моторы. Перед нами замаячила новая масса облаков. Снова наши две линии нырнули вниз, чтобы не входить в эти облака. Но, когда мы бросились вниз, линия противника, повинувшись некоей команде, резко рванулась вверх и скрылась в клубящемся тумане!

В следующий момент мы тоже развернулись, преследуя их; но было слишком поздно — тот момент дал им, с их огромной скоростью, преимущество, к которому они стремились. В тот момент, бросаясь в месиво облаков, они получили преимущество: они были впереди, а также над нами! И затем их линия, изгибаясь, устремилась к нам! Пока мы тормозили, чтобы избежать столкновения, они взяли нас в кольцо. Они, наконец, выполнили свой план, им удалось окружить наши города.

Когда их кольцо замкнулось, мы трое были ошеломлены. Затем, со всех сторон разом, на нас обрушились снаряды! Мы стали идеальной мишенью для всех европейских и азиатских артиллеристов вокруг нас, мы стали мышью в мышеловке. И теперь Ярнолл вскочил на ноги, его взгляд, как, впрочем, и наши с Коннеллом, наполнил ужас агонии.

— Они получили нас! Это конец! Нам не вырваться!

— Не вырваться? Не разорвать это кольцо? — переспросил я дрожащим голосом.

Он покачал головой, его глаза горели мрачным пламенем обреченности.

— Нет... Их кольцо замкнулось, и у нас в запасе только обломки наших городов на земле, но мы попробуем прорваться выше и ниже!

Он отдал краткий приказ, и, после того как Коннелл передал его всем, наши города синхронно рванулись вверх. Но кольцо окружения следовало за нами с той же скоростью, не прекращая артиллерийского огня. Тот же результат имела попытка уйти вниз. И теперь, под ужасающим, ураганным огнем противника, все больше и больше американских городов превращалось в обломки, дымящиеся на зеленой равнине внизу!

Титанический круг вражеских воздушных городов во-круг нас и наш флот городов были окутаны пламенем разрывов, пушки грохотали тысячей яростных гроз; плавился металл, рушились башни, все это сливалось в видение ада на наших экранах!

Ярнолл, с мучительным выражением, застывшим на лице, искал выход, хотя бы крохотную лазейку к спасению. Ряды наших городов стремительно таяли. Лос-Анджелес, Виннипег, Панама и Нэшвилл рушились вниз один за другим. И хотя наши батареи еще грохотали, наши окруженные города все еще сражались, Нью-Йорк все еще держался в воздухе и все еще осыпал врага дождем снарядов, нас уничтожали слишком методично и слишком стремительно! В страшной битве, бушующей высоко в сумерках между землей и звездами, уцелело вряд ли более шестидесяти из ста наших воздушных городов, в то время как нам по-прежнему противостояло не менее ста, с учетом всего того страшного урона, который мы нанесли противнику! И с каждым залпом наши шансы таяли, неуклонно стремясь к нулю!

Наконец я встал, как будто некая новая сила снизошла и наполнила меня мрачной, отчаянной решимостью.

— Это конец, Ярнолл! Конец для всех наших городов! — прокричал я.

— Конец! — мрачно согласился он. — Нам никуда не уйти! Мы только можем встретить его в бою!

И тут я встретился с ним взглядом.

— Есть ещё сто крейсеров моего резерва! Крейсера, которые я попросил для моего плана. Это — безумие, но это наш единственный шанс!

— Ваш план? — мерцание надежды вновь появилось в его глазах. Но когда я объяснил, свой план в нескольких путанных словах, его глаза расширились от изумления, и он воскликнул:

— Это безумие, Брант! Вы никогда не сделаете это!

— Но это наш последний шанс. Это последний шанс спасти наши города! — прокричал я сквозь гром канонады.

Он остановился, затем сжал мою руку.

— Ступай, Брант! Примите сотню крейсеров... и да может вам Бог!

Я прокричал призыв, обращаясь к механикам и инженерам, выжимавшими все, что возможно, из двигателей и винтов. Двое из них тут же заняли мое место и место Коннелла. Маклин и Хиллиард, которые работали с ними, подбежали к нам, и мы вчетвером помчались сквозь коридоры башни к лифтам, и оттуда — к крейсерам.

Стоя на площади, я мимолетно отметил, что панораме сражения была присуща некая зловещая красота. Вокруг сверкали огни — полыхали пожары, багрово светились раскаленные кратеры, ослепительно сверкали взрывы термоснарядов. На фоне этого огня меркли и огни городов, и звезды в глубинах неба. Оглушительно грохотали пушки, каждый залп был словно звук крушения мира! Сквозь этот грохот порой пробивались крики, стон и плач — в недрах города были люди, много людей. А с высоты на все это равнодушно взирали звезды.

Все вокруг казалось горами развалин. Но башня и другие важные объекты города были выстроены из тугоплавкого сплава, неуязвимого для термоснарядов. И хотя снаряды много раз рвались здесь и там, на краю площади и в ее центре, хотя металл площади был изрыт множеством кратеров, лишь немногие из сотни размещенных здесь крейсеров, которые только и ждали приказа на вылет, были серьезно повреждены. И теперь Маклин, Коннелл, Хиллиард и я, заняли место на мостике крейсера номер один. Затем Маклин прыгнул к пульту управления, а я начал отдавать приказы в микрофон, пытаюсь перекрычать грохот сражения. В следующий момент наша сотня крейсеров рванулась вверх, в самую гущу битвы.

Вверх, сквозь пламя взрывов, вверх, ради безумной попытки совершить невозможное. Вокруг рушились на землю наши города. Атланта, Кливленд и Мехико падали, гигантские массы огня, груды оплавленного металла, вращающиеся безумно, неслись вниз сквозь тьму к разрушению и гибели на поверхности земли! Не более пятидесяти городов оставалось у нас, и все они имели не больше шансов уцелеть, чем муравей, попавший под паровой молот. Они падали все чаще и чаще, это был конец нашей нации, это была тотальная гибель!

Но не трата времени на отчаяние, я бросил нашу флотилию к кольцу городов противника, сжимавшемуся вокруг наших городов. Маклин за штурвалом, стиснув зубы, вел наш корабль и тех, кто за нами, сквозь ужасный бой, сквозь бури снарядов, сквозь огонь и мрак. Корабль за кораблем позади нас гибли и рушились на землю расплавленными метеорами! Мы мчались сквозь эту адскую ночь — последние воздушные корабли на этой планете, все остальные сгорели в пламени битвы. Но не крейсера противника, а снаряды, летящие с обеих сторон, делали наш полет игрой в русскую рулетку!

Но вот мы достигли нашей цели, добрались до Берлина, откуда исходили приказы, откуда враги руководили нашим уничтожением. Мы снижались, не замеченные никем, — в мясорубке битвы городов всем было просто не до нас. Здесь и там разрывались снаряды, титанические батареи Берлина грохотали в ответ. Десяток крейсеров, все, что осталось от нашей сотни, плавно снизился возле силовой башни! Когда мы опускались, я разглядел стеклянный шар на вершине шпиля, узнав в нем телевизионную камеру электроперископа, такого же как у нас, а затем мы зависли в воздухе, возле окон пятого этажа.

Паря рядом с башней, мы все еще не были замечены никем. Площадь под нами была пуста, улицы озаряли только разрывы снарядов. Балансируя там, в темноте, мы могли видеть, что окна были ярко освещены. Охранники роились в верхних уровнях силовой башни, занятые своими делами. Затем мы подошли вплотную к окну, и тогда Маклин и Коннелл, Хиллиард и я прыгнули вперед, через это окно, с термопистолетами наготове! И в то же момент поток американцев в черных мундирах хлынул в каждое окно пятого этажа!

Мгновенно охранники кинулись к нам с оружием в руках. Но, прежде чем они успели открыть огонь, полыхнули разрывы наших термопуль. Охранники рухнули на пол бесформенными кучами, та же участь постигала и остальных, кто попадался нам на пятом этаже; неожиданность нашего нападения очень помогла нам. Грохот битвы снаружи был так ужасен, что мы без потерь заняли пятый этаж, а также проникли на четвертый и на шестой.

— Коннелл и Хиллиард! Возьмите половину наших людей и охраняйте проходы, чтобы никто не проник сюда сверху и снизу! Маклин, держи корабли на этом уровне, здесь они неуязвимы для пушек, и охраняй башню от вторжений извне!

Раздав приказы, с другой половиной нашего отряда, числом примерно сто пятьдесят человек, я бросился к подъемникам. Уничтожив элементы управления лифтами, мы устремились вниз. До нас донеслись звуки боя — переполошились охранники на верхних этажах, и теперь Хиллиард и его люди отражали нападение. Мы ворвались на четвертый этаж. Мы оказались полным сюрпризом для охранников, но удивиться толком они не успели — наши пули скосили их всех. И то же самое повторилось на третьем этаже; и на втором, а затем, с замиранием сердца, мы ворвались на первый этаж!

Перебив охрану, раньше, чем она успела схватиться за термопистолеты, мы ворвались через холл в большой круглый зал, командную рубку Берлина! Под нашими выстрелами рухнули опешившие охранники, и мы были внутри! Помещение было битком набито людьми в зеленой форме, которые не ждали нас, и были очень удивлены, правда, недолго, потому что они разделили участь охранников, упав на пол кучами обгорелого тряпья. В центре помещения находился огромный шар из матового стекла! Мы знали, что этот шар заключает внутри себя карты, экраны и пульта — это и был пункт управления Берлина; и теперь в этом шаре открылось отверстие люка, и оттуда вылезли трое в зеленой униформе. Это были военные вожди врага, главнокомандующий Европейской Федерации и два его помощника, которые вместе с ним осуществляли управление всей армадой европейских и азиатских городов!

Захваченный город

Когда вражеский главнокомандующий увидел меня, его смуглое лицо вспыхнуло от удивления. Он и его товарищи бросились к нам, выхватывая термопистолеты. Но мы оказались быстрее, и на полу стало на три кучи обгорелой плоти больше —

так закончился жизненный путь вождей наших врагов! Я быстро отдал приказы, направив своих людей к большой панели коммутатора занять места обслуживающего персонала, в то время как остальные бросились к большой двери, которая вела из башни на площадь. Они забаррикадировали эти двери, а я забрался в большой стеклянный шар в центре зала.

Внутри я обнаружил огромную электронную карту мира, кресла, а рядом с ними было шесть рычагов и регулятор скорости, которые контролировали скорость и направление полета Берлина. Когда я занял место перед ними, я обнаружил, что сам шар представляет собой единый обзорный экран, позволяющий отчетливо видеть сразу во всех направлениях. И теперь, глядя в него, я мог видеть, что снаружи вокруг наших городов продолжает стягиваться смертоносное кольцо блокады, управляемое отсюда, из Берлина. По-прежнему грохотали пушки, неся нашим городам неминуемую гибель. Отсюда я мог видеть всю битву, хотя даже в тот же момент я слышал, звуки перестрелки между моими людьми и охраной на несколько этажей выше. Но вот раздался топот множества ног, ругань, сильные удары в наружную дверь!

Игнорируя все это, я захватил контроль над городом, наблюдая за битвой с помощью шара-экрана. Я рванул ручку скорости на себя, одновременно опустив вниз один из рычагов направления; и, как только я сделал это, я увидел, что Берлин теперь поднялся вверх над кольцом городов и завис немного выше их уровня. И тогда, потянув рычаг в обратную сторону, я накренил его и бросил боком, на висевшую под ним Женеву. На колоссальной скорости я швырнул город вперед, метаясь дисковидным основанием прямо в силовую башню Женевы! И сбрил эту башню — она упала, точно колос под серпом жнеца!

Когда Берлин промчался сверху, я увидел, как Женева нерешительно замерла в воздухе позади нас на мгновение, а затем рухнула на землю! Я скосила большую электростатическую силовую башню, чей коллектор космических лучей создавал поле антигравитации, держа город в воздухе, и Женева рухнула на землю пылающей кометой! И затем, повинувшись мне, Берлин помчался вперед, над большим кольцом вражеских городов, снося их силовые башни. Стокгольм, Кейптауне и Бухарест

упали, и никто не оказал мне сопротивления, враг не ожидал атаки со стороны собственной столицы!

Я мчался вперед и вперед, превратив захваченный город в пылающий меч праведной мести, повергая вниз один за другим все новые и новые города. Смутно я осознал, что выше перестрелка прекратилась. Коннелл, Хиллиард и их люди перебили охранников на верхних этажах башни и бросились вниз защищать входные двери, которые сейчас штурмовали снаружи. Огромная толпа безумно бушевала у стен башни — все увидели, как их город разрушает их собственную армаду! Но в диком волнении, охватившем меня, я игнорировал все это. Ни у одного воина в истории не оказывалось в руках такого чудесного меча, каким сейчас владел я.

Европейские и азиатские города уносились прочь в дикой панике, дезорганизованные и обреченные; поскольку там не знали, что делать, привыкнув во всем полагаться на команды из Берлина, который теперь стал их Немезидой. И как только они сбились в дезорганизованную массу, половина сотни американских городов сосредоточила свой огонь на этой массе! Сверху на врага неслась масса Берлина, сзади грохотали американские пушки, было отчего сойти с ума!

Наперерез Берлину из этой массы охваченных паникой городов ринулся Пекин, побитый, в шрамах кратеров. Видимо, его командир решил спасти от уничтожения спятившей европейской столицей азиатские силы. Казалось, ничто не сможет предотвратить лобового столкновения двух гигантов, но в последний момент я сумел резко увести Берлин вверх. И затем мы встретились с Пекином, точнее, основание Берлина встретилось с силовой башней Пекина, отправив его пополнять компанию оплавленных развалин внизу! Тем не менее даже в падении азиатская столица продолжала вести по нам огонь!

Победа!

Я обрушился на удирающие города противника, точно ястреб на кур! Десятками я косил силовые башни, уничтожая города европейцев и азиатов, пришедшие сюда, чтобы

уничтожить мой народ. Они были напуганы и сломлены, не помышляя более о продолжении войны, тем более что американские пушки грохотали, не умолкая, заставив многие города упасть в пламени на твердь земли! Но теперь снизу доносился дикий грохот и звон металла; и тут Хиллиард закричал:

— Они вышибают двери, Брант! — Он пытался перекричать грохот и крики снаружи. — Мы попытаемся сдержать их, но...

— Продержите их пару минут! Пару минут! — прокричал я в ответ.

Я вновь бросил Берлин на города противника, кося башни, так что города гибли десятками, а выжившие в ужасе обращались в бегство. Их осталось с полсотни, и ими теперь занимались американские пушки. Умолкли батареи Берлина, все его офицеры и солдаты были слишком заняты штурмом башни! Половина европейских и азиатских городов была уничтожена. Но теперь надо было что-то делать с обезумевшей толпой, яростно штурмующей двери башни!

Потянув рычаги на себя в последнем усилии, я бросил город вперед на максимальной скорости и затем обрушился сверху на массу европейских и азиатских городов, бросил массу Берлина вниз, на них, в последней атаке, от которой они тщетно пытались бежать. Так были сметены с неба последние европейские и азиатские города, не считая самого Берлина! И как раз тогда, когда я обрушил громаду Берлина на последний из оставшихся вражеских городов, заставив его рухнуть на американскую землю, рухнули двери башни под натиском обезумевшей толпы в зеленых мундирах!

Коннелл и Хиллиард, и все наши люди были отброшены через холл в центральный пост управления, где я сидел. Через мгновение город вновь мог оказаться в руках врага! Но, увидев это, нажал рычаги бросил город вниз! Затем, с огромным усилием, я вырвал этот рычаг из гнезда! Башню наполнили дикие крики ужаса, город сорвался в пике, помчавшись навстречу неминуемому уничтожению!

Наши враги в этот миг ужаса забыли о борьбе, а я с Коннеллом и Хиллиардом и те, кто остался от нашего безумного десанта, бросились вверх по узкой лестнице. До второго этажа большой башни и ее окна, рядом с которым висел наш

крейсер. Он спустился сюда с высоты пятого этажа и ждал нас, несмотря на то, что город стремительно несея вниз! Мы прыгнули через окна в открытые десантные люки.

И в следующий момент, сразу после того как наши крейсеры покинули обреченный город, Берлин врезался в землю под нами и с потрясающим грохотом превратился в груды искореженного металла!..

Мы направились к пятидесяти уцелевшим американским воздушным городам, которые по-прежнему висели высоко в небе. Мы взлетели над ними, и теперь они лежали под нами — гигантские диски, покрытые шрамами, с бесчисленными кратерами оплавленного металла! Их улицы вновь наполняли огромные толпы. Люди оглядывались, как будто не могли поверить в то, что живы, потрясенные своим спасением, изумленно смотрели на пустое небо, где незадолго до того грохотала смерть. В тот момент, когда мы зависли над городами, высоко над ними, в тот момент невероятного облегчения и возрождения радости, казалось, что весь мир застыл в изумленном и радостном молчании, как после пронесшейся над ним чудовищной грозы. В этом радостном безмолвии объединились люди и ночь, облака и ветер, земля и звезды. А потом тишина сменилась громогласным ликующим криком!

Рассвет новой эры

На рассвете следующего дня наши города были готовы вернуться на свои привычные места. Всю ночь они висели вместе, наполненные плачем и ликованием, скорбью и торжеством, но с рассветом начали расходиться. И мы впятером, сидели перед обзорными экранами на посту управления Нью-Йорка, в недрах силовой башни, наблюдая, как разлетаются города. Побитые и израненные, изъеденные кратерами, город за городом проходили они перед нами. Вашингтон уходил первым. Его улицы и площади, были наполнены ликующими толпами. И в диких криках этих людей мы могли слышать наши имена, их рев был данью уважения нам. Они видели в нас своих спасителей. Затем Вашингтон

на полной скорости двинулся от нас на юго-восток и исчез.

Теперь мимо нас строем проходили другие города. Питтсбург и Гватемала, Такома, Чикаго и Филадельфия, Рио-де-Жанейро, Канзас-Сити и Ванкувер — один за другим, и могучее «ура!» их обитателей сотрясало небеса. Они уходили на север и юг, на восток и запад, до тех пор пока Нью-Йорк не остался один на месте битвы, зависнув высоко над землей. Тогда Ярнолл перевел взгляд на нижний экран, на землю, усеянную оплавленными обломками.

— Мы победили, — протянул он. — Американская Федерация победила, но какой ценой? Две трети городов мира разбито, уничтожено. Миллионы людей нашли свою смерть, половина наших собственных городов погибла.

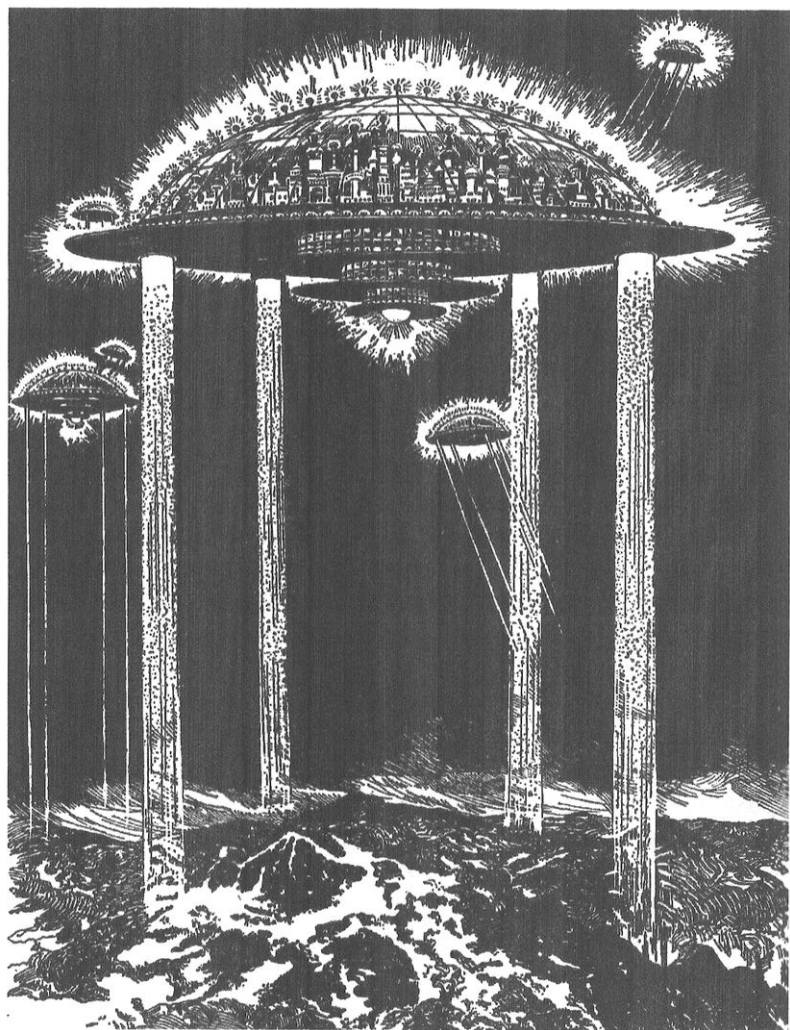
— Это так, Ярнолл, но это было необходимостью, а не нашей волей. Они напали на нас без предупреждения, они работали против нас чудовищное оружие, они хотели уничтожить нас поголовно. У нас просто не было выбора.

— Я знаю это, Брант. Но я рад тому, что эта величайшая из всех войн является последней.

— Последняя война на Земле! — откликнулся Маклин задумчиво. — Теперь, когда мертвы воинственные вожди наших врагов, их люди присоединятся к нам в Единой Федерации, чтобы навеки положить конец всем войнам, забыть всю нашу вражду...

— Так и будет, — согласился я. — Но мы никогда не сможем забыть, что произошло.

И пока другие молча сидели, молча. Я повернул рычаг контроля скорости: загудели моторы, зашипел выбрасываемый винтами воздух, и Нью-Йорк двинулся на восток, в сторону восхода солнца. Он летел все быстрее и быстрее, стремительно проносясь над бескрайними зелеными равнинами. На улицах и площадях бушевал стихийный праздник, ликующие толпы не спешили расходиться. Но мы пятеро, в сердце города, в большой башне, сидели тихо и неподвижно. Глядя в синее безоблачное небо, мы зачарованно смотрели на то, как разгорается рассвет, навстречу которому мчался город. Это Солнце Мира восходило над истерзанной войнами планетой.

ЗАХВАТЧИК ИЗ БЕЗДНЫ ВРЕМЕНИ

The Time-Raider

журнал «Weird Tales», № 10, 1927 — № 1, 1928

ГЛАВА 1. Тайна Кэннелла

Начиная эту хронику, я должен заметить, что не могу изложить полную историю этих событий. В моем повествовании будут пробелы, много пробелов, на всем протяжении моего рассказа, и вся эта история — не более чем хроника моих встреч с Захватчиком из глубин времени, и повествование о людях, в чью жизнь вмешалась эта грозная сила. Так что мой рассказ — не больше чем описание личного опыта, с небольшими отступлениями, описывающими общую картину событий.

Научную сторону вопроса прекрасно осветил доктор Лэнтин в своей эпохальной монографии о перемещении во времени и в своей работе по проблеме электронного ускорения. Моя задача проще — описать то, что мы пережили, с позиций обычного человека. Хотя были опущены некоторые важные детали по причинам, которые будут открыты позднее, две упомянутые работы и настоящее повествование дают довольно полное представление о том, что произошло.

С самого начала! Но где, и когда это началось? Годы назад в прошлом или эпохи спустя в будущем? Место истинного начала этой истории раскрыло бы много тайн, но мы не знаем. Так что я начну с момента, когда эти события вторглись в мою жизнь, коснувшись вашего покорного слуги непосредственно. И моментом этим стала Тайна Кэннелла, как ее тогда было принято называть.

В газетах того периода вы обнаружите щепотку фактов, растворенную в море слухов и домыслов. Профессор Фердинанд Кэннелл, из Музея Нью-Йорка, необъяснимо исчез в джунглях Индокитая, исчез из мира людей, как будто растворился.

В то время Кэннелл, несомненно, был одним из величайших археологов мира. Номинально, сотрудник большого Музея Нью-Йорка, он был неутомимым исследователем и организатором раскопок, носившимися по всему миру в поисках доказательства своих странных гипотез. Создав себе славу

первооткрывателя своими раскопками дравидийских древностей Южной Индии, он блестящие подкрепил ее такими достижениями, как исследование гигантских каменных построек Зимбабве.

После столь блистательного начала, Кэннел избрал предмет своего интереса город Ангкор, в самом сердце камбоджийских джунглей. Ангкор уже давно рассматривают как колоссальный вызов современной науке. Гигантский город, мегаполис древнего мира, чьи стены из серого камня были покрыты утонченной скульптурой и изумительными барельефами, населяли некогда миллионы жителей. Но город был мертв, мертв давно, необратимо и необъяснимо. Тысячу лет огромные руины лежали в джунглях, погруженные в тишину, населенные только змеями, летучими мышами и тиграми. Его прошлое, история его строителей были загадкой, которую Кэннел вознамерился решить. Поэтому он отплыл в Гонконг, а доктор Лэнтин и я были среди провожавших, когда его корабль отчалил от берега. Я знал Кэннелла недавно, а с Лэнтином они были близкими друзьями в течение многих лет. Их дружба восходила к студенческим годам и продолжалась после того, как они углубились каждый в свою отрасль науки: Кэннелл принялся искать осколки прошлого народов и цивилизаций, в то время как Лэнтин, с его интересом к радиохимии, нашел себя в лаборатории Большого Научного фонда Нью-Йорка. Я был его лаборантом.

При всей их теплой дружбе, между собой они представляли разительный контраст. Белокурый гигант, лет тридцать пяти или тридцатишести, с прищуренными голубыми глазами и привычкой разговаривать с пулеметной скоростью. Кэннелл, был моложе. Лэнтин был брюнетом среднего роста, с тихим голосом и мягкими манерами. Его серые глаза казались приветливо дружелюбными, но в моменты гнева их наполнял стальной блеск. Вместе мы помахали на прощание Кэннеллу, и несколько недель спустя получили телеграмму из Сайгона, в Индокитае, кратко сообщавшую о том, что он прибыл. Затем он отправился вверх по реке Меконг в джунгли, чтобы по сети извилистых речушек добраться до Ангкора. Последний этап путешествия он плыл на каноэ, с группой из семи или восьми туземцев. Более никого в его экспедиции не было.

Больше о Кэннелле ничего не было слышно, пока, неделю спустя смертельно напуганные туземцы из его экспедиции не объявились без него в маленькой деревеньке выше по течению реки. Задыхаясь от суеверного ужаса, они рассказали, что на третью ночь по достижении Ангкора, белого господина утащили демоны, обитающие в руинах. Демонов ни один из них не видел, но они слышали отчаянные крики белого господина, и он пропал, не оставив никаких следов. Было ясно, что могучие духи мертвого города были возмущены вторжением, и наказали белого человека, который осмелился нарушить их покой, поэтому благочестивые туземцы сразу бежали с места так быстро, как только могли.

Услышав этот рассказ, несколько французских плантаторов направились к Ангкору, заставив упирающихся туземцев сопровождать их, но не нашли никаких следов Кэннелла, который, казалось, провалился сквозь землю. Его палатки и снаряжение были найдены нетронутыми, что подтверждало историю аборигенов относительно их внезапного бегства.

Поисковая партия вернулась и выдвинула предположение, что на Кэннелла напал тигр, и, что услышав крик ученого, суеверные туземцы тут же придумали себе демонов. Хотя это объяснение было ошибочным, оно представлялось настолько рациональным и правдоподобным, что было принято властями в Сайгоне как официальная версия.

Родственники Кэннелла были немногочисленны, друзей, кроме Лэнтина, у него, в общем-то, не было. Газеты быстро потеряли интерес к исчезновению исследователя, археологические журналы выразили сожаление, отдав должное его блистательным открытиям. Но это было все. Скоро новые восходящие звезды воссияли на небосклоне науки. И Кэннелл был забыт.

Время шло своим чередом. Дни... месяцы... годы....

ГЛАВА 2. История Кэннелла.

Я пропускаю период до той июньской ночи, когда, по прошествии более трех лет после исчезновения Кэннелла,

водоворот драматических событий затянул меня. Лэнтин и я работали в лаборатории, когда телефонный звонок отвлек нас от проблем науки. Мы как раз достигли критической точки в нашем эксперименте, и поэтому Лэнтин не стеснялся в выражениях, пока шел к назойливо трезвонящему аппарату. Я не помню, как и что он говорил в трубку, но когда он оторвался на миг от нее, имя, сорвавшееся с его губ, поразило меня ударом тока:

— Кэннелл!

Я вскочил, и он повернулся ко мне с изумленным лицом, все еще держа трубку телефона возле уха.

— Я буду через десять минут! — наконец прокричал он.

— Боже, Уиллер, это Кэннелл! — воскликнул он.

— Что? — тупо переспросил я ошеломленно и растерянно.

— Кэннелл в моей квартире. Он говорит, что ждет нас. Где его черти носили все эти три года?

Но я уже схватил шляпу, и через мгновение мы были на улице, ловя такси. Холостяцкая нора Лэнтина располагалась у самой крыши высотки, и мы желали добраться туда как можно скорее.

Всю дорогу Лэнтин молчал. Он был явно очень взволнован, но мое волнение быстро улеглось. В конце концов, я решил, это может быть глупая шутка, хотя и бессмысленно злая. Тем не менее, Лэнтин признала голос, но прежде чем я смог спросить его об этом, подоспел лифт. Когда кабина остановилась на самом верхнем этаже, Лэнтин кинулся к двери своей квартиры. Влетев пулей в прихожую, он остановился. Стоя за ним, я посмотрел через его плечо. Там был человек, человек, который при нашем появлении вскочил на ноги и кинулся к нам. Это был Кэннелл, я признал его сразу. Кэннелл — но изменившийся.

Его лицо было усталым и измученным, и вместо нетерпения и радости выражало неземной ужас. Страх и напряжение пропитали археолога насквозь, изменив походку и жесты, сделав всю его фигуру какой-то сжавшейся и съезженной, а взгляд затравленным. Пока я изумленно разглядывал его, он бросился к Лэнтину и заключил друга в объятия.

— Слава богу, ты приехал! — измученно простонал человек, которого я знал как бесстрашного путешественника и авантюриста.

Мы стояли в оцепенении, а он рухнул в кресло и обреченно закрыл лицо руками, точно ребенок, прячущийся от воображаемого чудовища. Лэнтин, наконец, нарушил странную паузу.

— Где ты был, дружище? Три года! Ради бога, Кэннелл, что случилось? Где ты был все это время? — начал он тормозить сжавшегося в кресле друга.

Кэннелл смотрел на нас, и лицо его, только что выражавшее отчаяние и страх, вдруг преобразилось, и теперь его выражение стало задумчивым и в то же время горько-ироничным.

— Три года? Может, и так. Только не для меня!

Лэнтин и я обменялись обеспокоенными взглядами. Не сошёл ли наш друг с ума? Чем было вызвано его странное исчезновение?

Кэннелл увидел нашу озабоченность и верно интерпретировал этот обмен взглядами.

— Я знаю, что вы думаете, и иногда я сам думаю, что я в самом деле сумасшедший. Как хорошо было бы, если бы это было так, — мрачно сказал он. Но прежде чем мы успели хотя бы что-то переспросить, его настроение вновь изменилось, и он указал нам на кресла рядом с собой. — Но вам обоим я могу рассказать, что я видел, что случилось со мной. Я не мог рассказать другим... Нет! Они бы никогда не поверили, и может быть, даже вы не поверите. Но это все правда... правда, я говорю вам! — Его голос сорвался, превратившись в то ли стон, то ли крик. — Вы знаете, почему я отправился в Ангкор, что я планировал сделать там. Я поднялся вверх по Меконгу на пароходе, а затем нанял туземцев сопровождать меня остальную часть пути на каноэ. Мы долго петляли в лабиринте речек, речушек, ручьев, заброшенных каналов, заросших тростником, пока, наконец, не достигли большого озера, затаявшегося в глубине леса. Вскоре Ангкор предстал перед нами в своем таинственном величии... Нет смысла даже пытаться описать это место. Я видел большую часть руин великого прошлого и великих зданий современности, но Ангкор возвышается над всеми самыми великолепными творениями рук человеческих. Это огромный город, величественный ансамбль храмов и дворцов из серого камня, город, чьи изумительные барельефы и зубчатые стены уже тысячу лет тонут в безмолвии смерти и забвении, погружаясь в зеленое море

джунглей. Буквально акры разрушенных зданий, квадратные миля руин, и в самом сердце этого величественного запустения — дворец, Ангкор Тхом, стены и террасы которого так же безмолвны и разрушены, поглощены зеленой пеной джунглей... Глубокий ров окружает город, за ним — мощенная массивными и гладкими каменными плитами дорога. Изумительное шоссе связывает город и Величественный Храм, Ангкор Ват. В отличие от дворца и города, храм не превратился в руины, остался почти таким же, как должно быть, был во времена, когда город был жив и великолепен. Храм поднимался на огромную высоту, его стены гордо возвышались над джунглями. Когда я вошел в него первый раз, могучее величие места было настолько удивительным и убедительным, что я почувствовал смирение и страх... Священное безмолвие обрушилось на меня подобно океанской волне, затопило с головой. Я вдруг осознал, сколь ничтожны и бессмысленны были все мои устремления и желания. Первые два дня я провел, поверхностно изучая дворец и город, блуждая среди затопленных джунглями рухнувших зданий. Но в третий день я, наконец, решился исследовать сам Храм, к которому туземцы опасались даже приблизиться. Стены древнего святилища покрывали миля изумительных изображений в рост человека, образующих чудесные барельефы: воины, короли и слоны, сражения и церемонии — гигантская галерея скульптурных шедевров. Я задержался возле них, поглощенный их великолепием, потерял счет часам, пока солнце не склонилось к горизонту, а затем резко пришел в себя и помчался в свой лагерь... Я пробирался через сумрак храмовых галерей, запинаясь об рухнувшие колонны и обломки скульптур в полумраке, пока не достиг крытого дворика, за которым началась великая мощенная дорога. Было уже совсем темно, но я остановился на минуту, так как луна взошла и, озарив руины серебряным светом, наполнила пейзаж неопишуемой меланхоличной красотой. Несколько минут я стоял, очарованный, но все же заставил себя двинуться дальше... Я прошел через дворик, а затем внезапно остановился и изумленно огляделся по сторонам. Станный звук сверху, звук, который напоминал далекий пронзительный свист, заставил меня ощутить необъяснимый ужас. Этот свист звучал мгновение, слабый и

жуткий, затем стал гораздо громче, словно несколько человек пронзительно свистели в разных тональностях, на разные голоса. Ожидая увидеть птиц, я посмотрел вверх, но никаких птиц не было. Воздух был тяжелым, и с середины дня стоял штиль, но теперь порыв ветра налетел на меня, легкий бриз, превратившийся вдруг в сильный ветер, а затем бушующий шторм, сорвавший с моей головы солнцезащитный тропический шлем и едва не сбивший меня с ног. Свист превратился теперь в завывание демонов, в хор проклятых душ, стонущих и кричащих в адской бездне! И тогда, на высоте примерно сорок футов надо мною, под аккомпанемент этого inferнального хора появилось ЭТО!.. Оно было скрученной массой густого серого пара, выглядя в лунном свете, как дрейфующее облако. Но эта дымная масса была живой, она шевелилась и двигалась, и она пела многоголосьем демонического хора. И в глубине этого облака зловещими дьявольскими глазами сияли три зеленые сферы, расположенные треугольником, одна выше двух других. Свет этих сфер зеленого пламени затмевал луну... Внезапно свет этих сфер сменил свой цвет, из зеленого став фиолетовым, не менее зловещим и ярким. И в то же мгновение само облако изменилось. Туман преобразился в мускулистую серую плоть, в клубок мышц и щупалец с пылающими фиолетовыми глазами. Тварь текла, непрерывно меняя форму, словно мерцающая твердость и плотность, то вновь становясь призрачной. Она сжималась и растягивалась, сворачивалась, вытягивалась, закручивалась и корежилась, мои глаза не могли уследить за калейдоскопическим мельканием форм. Но всегда три маленьких ослепительных шара фиолетового пламени висели неизменно в центре этой странной штуки... Вряд ли прошло больше минуты с момента появления ЭТОГО, как вдруг наступила тишина, адский концерт умолк. Затем, прежде чем мой изумленный взгляд сумел разглядеть это странное существо, которое висело в воздухе надо мной, оно вдруг оказалось рядом, прямо над моей головой. И из его клубящейся массы ко мне устремилось извивающееся щупальце! Я отшатнулся и закричал. Но щупальце уже обвило меня, оторвало от земли и потащило прямо к центру массы, навстречу пылающим фиолетовым огням. Чудовище было холодно на ощупь. Это был холод бездны, холод межзвездной пустоты, холод небытия. Этот холод полностью

парализовал меня, в то время как фиолетовые огни-глаза твари усталились на меня, словно изучая... Все это заняло несколько мгновений, и теперь похитившее меня чудовище вновь начало подниматься над землей. Оно по-прежнему держало меня крепко, и пурпурные шары вновь стали зелеными, а сама тварь вновь напоминала клубящееся облако. Но щупальца крепко сжимали меня, из глубины этого «облака» вновь зазвучал пронзительный свист, а вокруг бешено ревел ветер... В то же время, глядя вверх, я увидел луну, мчащуюся по небу с невероятной скоростью, которая метеором пронеслась через зенит и канула за горизонт на западе. Затем на востоке в небо стрелой взметнулось солнце, чтобы молнией прочертить небосвод. На полминуты, по моим ощущениям, над Ангкором воссиял тропический день. И полминуты спустя вновь настала глубокая ночь!.. Меня охватил смертельный ужас при виде носящихся по небу светил, этой чехарды солнца и луны, дня и ночи. И в первый раз смутное понимание происходящего пронзило мой утомленный и шокированный разум. Неужели это непостижимое чудовище, которое похитило меня, — этот зловеющий сгусток живого тумана — тащил меня куда-то сквозь время? Он уносил меня в будущее каким-то непостижимым способом... Солнце мчалось по небу обезумевшей кометой, затем слилось в золотую полосу в небе, дни и ночи мелькали, точно страницы листаемой книги. Через несколько минут они стали неразличимы, слились в зеленые сумерки, сквозь которые я смутно видел землю внизу. Теперь мы начали двигаться и в пространстве — Ангкор уплывал в сторону... Ветер гремел в моих ушах тысячью громов. Земля смутно мелькала внизу. И все это время я беспомощно висел под брюхом таинственной твари, прочно опутанный ее щупальцами. С внезапным всплеском отчаянной храбрости, я начал выпутываться из охватившей и сдавившей меня живой сети. Медленно моя рука, сантиметр за сантиметром, высвобождалась из стальной хватки. Прошла, казалось, вечность, прежде чем я смог дотянуться до автоматического пистолета в кобуре на поясе. Наконец, я смог снять оружие с предохранителя, подтянуть поближе, прицелиться прямо в центр пылающего треугольника огней, и нажать на спуск... Пуля пропела свою короткую песню, на миг заглушив свист чудовища и завывание ветра. Щупальца разжались, и я камнем полетел вниз... С

высоты сто футов я рухнул в океан, камнем пошел ко дну, но сумел вынырнуть. Была ночь, и тварь исчезла, уносясь в будущее. Вода была соленой — я упал в воды открытого моря. Нигде не было видно берега, и я экономил силы, стремясь просто удержаться на плаву. Больше двух часов я болтался в океане, как пробка, погружаясь в отчаяние и борясь с искушением обрести покой на дне, среди водорослей и рыб, как вдруг заметил на горизонте огонь, слишком яркий и низкий для звезды. Он рос, приближаясь, до тех пор, пока я не смог разглядеть смутные очертания корабля. Он шел мимо, и я, напрягая последние силы, поплыл в его направлении... Силы мои были на исходе, корабль шел мимо, его огни сияли равнодушно, на палубе никого не было видно. Я не услышал никакого ответа на свои отчаянные крики. Но когда корабль уже удалялся, я услышал грохот снастей — матросы спускали на воду шлюпку. Я понял тогда, что спасен... Корабль оказался нефтяным танкером, идущим из Гонконга в Галвестон. И как я узнал, он подобрал меня в открытой части Тихого океана, в трехстах милях к востоку от Манилы. Тварь, кем или чем бы она ни была, утатила меня довольно далеко... Я представился, как единственный выживший при крушении частного грузового парохода, подрабатывавшего случайными фрахтами, каковых судов немало в тех широтах. Я не осмелился рассказать мою историю этим морякам, дабы они не заперли меня, как сумасшедшего. Тем не менее я, очень осторожно, начал задавать наводящие вопросы, и один из ответов потряс меня. Я был унесен в будущее на три года! Три года! И всего несколько минут для меня. Я оказался выброшен из своего времени, и наверняка уже считался погибшим!.. Я стал матросом, отрабатывая проезд до Галвестона, хотя мне трудно было правдоподобно играть роль моряка. Мы пересекали Тихий океан и направлялись к Панаме. Это случилось ночью, когда мы были всего в нескольких сотнях миль к западу от канала. Я никак не мог уснуть на своей двухъярусной койке на юте. Ночь выдалась довольно спокойной, только стук машин и плеск волн разрушали тишину. Затем спокойствие ночи разорвал знакомый мне свист и дьявольский хор... Свист и завывание становились все громче, заставляя меня съежиться от ужаса на койке. Наконец, чудовище, казалось, спикировало на палубу, и тишину ночи разорвал истошный крик. Дьявольский

концерт стал тише — чудовище удалялось. Я выскочил на палубу, испуганно озираясь. Жуткое живое облако — грабитель и захватчик, странствующий во времени, — уносилось на север. И его дьявольское пение становилось все тише, пока совсем не утихло... Я рухнул на палубу, сердце колотилось в груди, точно собираясь выскочить наружу. Я знал, что судно только что подверглось нападению безжалостного чудовища из глубины времен... чудовища, идущего по моему следу. Два часа спустя выяснилось, что бесследно и необъяснимо исчезли два матроса. Но я не сказал морякам ничего. Репутация сумасшедшего вряд ли могла бы мне помочь. Зато теперь я знал, что тварь охотится за мной, что на мне стоит некая метка, некая печать, и чудовище преследует меня сквозь пространство и время! Я знал, что он пришел за мной и, не найдя меня, похитил двух моряков, оказавшихся на палубе. Но я ничего не сказал... В итоге офицеры корабля свалили все на внезапный шторм. Так и записали в вахтенном журнале. Но экипаж был напуган, матросы перешептывались о дьяволах и демонах... Корабль благополучно пришел в Галвестон. Моей матросской зарплаты хватило, чтобы добраться до Нью-Йорка, до вашей квартиры... остальное вы знаете. Кто-то чудовищный преследует меня, гонится за мной сквозь время. Я знаю, что это существо, если это, конечно, существо, способно пролететь сквозь три года за пару минут, оно идет по моему следу! Где искать убежище от непостижимого преследователя, способного свободно перемещаться сквозь пространство и время? Дважды я ускользнул от его щупалец, но я боюсь, что третий раз окажется для меня фатальным. И рано или поздно тварь придет!

ГЛАВА 3. Захватчик!

Тишина наполнила комнату, когда Кэннел закончил свой рассказ. Я сделал глубокий вдох и вопросительно посмотрел на Лэнтина; мой разум кипел, но физик уже спокойно допрашивал археолога.

— Эта штука, которую ты называешь захватчиком и чудовищем, я не очень хорошо понял твоё описание, Кэннелл. Ты подразумеваешь, что это было просто туманным газом или паром, который мог становиться твердым, и обратно, и притом живым и разумным?

— Я имел в виду именно это, — ответил Кэннелл — Тварь является, несомненно, живой, разумной и могущественной. Она способна принять твердую или газообразную формы. При этом три огненных шара в её центре при смене формы меняют цвет. И я считаю, что треугольник огней этоместилище разума захватчика, его мозг и органы чувств... Такая тварь и в самом деле может существовать. Лэнтин, мы с тобой — разумные существа из твердой и жидкой материи. Что мешает Природе создать разумное живое существо из газа? И, кроме того, я полагаю, что оно лишь выглядитгазообразным, путешествуя во времени. Ветры, которые сопровождают его появление, несомненно, вызваны тем, что материализуясь в нашем времени на миг, а затем вновь дематериализуясь, оно оставляет за собой пузыри вакуума, куда и врывается воздух с адским свистом и завыванием.

— Но откуда оно пришло? Куда оно пыталось тебя утащить? — спросил Лэнтин.

Лицо археолога потемнело.

— Думаю, что оно пришло из далекого будущего, — задумчиво протянул он. — Кто может сказать, какие твари будут населять Землю через миллионы лет? И может быть, кто-то там, в будущем, начал охоту на людей прошлого! Цель этих рейдов мне не понятна, но кто может сказать точно, зачем мы им? Возможно, для принесения в жертву неведомым богам, или в качестве рабов, или даже еды. Это тайна. Только одна вещь ясна для меня: тварь явилась из будущего, и пыталась утащить меня туда!

Я вклинился в разговор.

— Но как? Вот что меня интересует. Как можно путешествовать во времени? Я слышал много теорий по этому вопросу, но тут мы имеем дело с фактами, и возникает вопрос, как оно это делает, какая сила и каким способом переносит захватчика сквозь время?.. У вас нет догадок или предположений о том, как это делается, Кэннелл?

Кэннел замолчал на пару минут, его лицо стало задумчивым.

— Преобразование в газообразную форму, когда это существо путешествует во времени, представляет собой существенную деталь, — сказал он. — У меня есть догадка о природе той силы, которая переносит захватчика сквозь время. Я был в тисках его щупалец только несколько минут, но я заметил кое-что, наводящее на размышления. Я сформулировал нечто вроде грубой теории относительно метода путешествий во времени, и даже записал свои соображения.

Сунув руку во внутренний карман, он вытащил оттуда стопку мятых и грязных листов исписанной бумаги.

— Моя гипотеза... — начал он, затем вдруг оборвал речь на полуслове и застыл. Удивленные, мы вслушались в тишину, но, кроме городского шума и нежного шороха занавесок, которые колыхал бриз, не слышали ничего. Из соседней комнаты донесся слабый перезвон часов.

На миг Кэннел расслабился.

— Я думал, я слышал, — пробормотал он, затем резко остановился и вскочил на ноги, его глаза выражали дикий испуг.

Мое сердце внезапно заколотилось от страха. Из-за окна донесся пронзительный свист, свист, перешедший в адский рев и завывание! Занавески забили под яростным порывом ледяного ветра, холод бездны ворвался в комнату. Свет внезапно погас. Раздался крик Лэнтина:

— Свет!

Физик побежал к выключателю. Ветер завывал безумно и дико, снизу доносились испуганные крики соседей. Темный силуэт Кэннелла обрисовался на миг на фоне окна. Задержавшись на пару секунд, археолог шагнул на крышу и механически, словно марионетка, двинулся навстречу источнику адского воя.

— Кэннелл! Вернись! — истошно закричал я, бросившись к окну. Возле окна я столкнулся с Лэнтином. Мы, шатаясь, шагнули к окну вместе, но тут же отпрянули.

На фоне пылающих огней города, на краю крыши отчетливо вырисовывалась фигура Кэннелла, к которому приближалось... Что же именно? Оно было неуловимо текучим,

гипнотическим круговоротом форм, в центре которого сиял треугольник пылающих фиолетовым пламенем огней. Тварь приблизилась к Кэннеллу. Из недр калейдоскопа форм к ученому рванулось гибкое щупальце, и, подхватив его беспомощную фигуру, мгновенно втянуло ее в свои клубящиеся недра. Серая масса зависла на мгновение, затем фиолетовый свет огней превратился в зеленый, и в тот же момент вновь оглушительно завыл ветер, и адский свист и пение наполнили ночь. Чудовище поднялось над крышей, унося Кэннелла и растворилось в ночи, исчезнув без следа.

Но перед исчезновением мы услышали крик Кэннелла, доносившийся сквозь свист и вой, крик, искаженный движением сквозь время.

— Лэнтин! Следуй за... — последнее слово донеслось до нас, словно из бесконечных глубин неведомого. — Захватчиком!

ГЛАВА 4. Сквозь время!

— И вы действительно хотите попробовать это? – спросил я недоверчиво.

— Да, — спокойно ответил Лэнтин. — Я собираюсь найти тайну путешествия во времени и спасти Кэннелла.

Я посмотрел на него с сомнением. Один день прошел с тех пор, как Кэннелла похитило непостижимое существо, которое он назвал Захватчиком. И вот, в той же комнате, мы обсуждали эти загадочные события. Вскоре после того, как нашего друга схватило неведомое чудовище я обессилено рухнул на диван. Мой разум не выдержал, я провалился в странное забытье, то ли обморок, то ли сон. В этом состоянии я провел почти сутки. Но, как только мои силы слегка восстановились, передо мной и Лэнтином встал вопрос: что делать дальше?

— Путешествие во времени кажется невозможным, — сказал я. — Мы видели, как был похищен Кэннелл, и мы видели Захватчика. Но, в конце концов, у нас нет доказательств того, что он путешествует во времени. Что если Захватчик просто умеет становиться невидимым? Безумная

идея, я признаю, но не настолько, как путешествия во времени.

— Ты не веришь собственным словам, Уиллер — ответил мой друг. — Ты слышал историю Кэннелла, и в глубине сердца ты веришь ему. Я считаю, перемещение Захватчика во времени совершенно достоверным фактом, ибо это единственный способ объяснить, куда исчезли три года жизни нашего друга. Ты заметил, что Кэннелл не казался старше, после этих трех лет? А затем еще одно, главное доказательство: явился сам Захватчик, такой, как описал наш друг и именно таким способом, как он описал.

— Мы видели это, — признал я, — но все же, Лэнтин, идея перемещения сквозь время по желанию кажется абсурдной. Конечно, я слышал фантастические идеи по этому вопросу, но как может кто-нибудь действительно справиться со временем, наиболее неизменной и безжалостной силой мироздания?

Лэнтин пристально посмотрел на меня и ответил.

— Такое достижение выходит за рамки нашей науки — признал он. — Но это может быть возможным для науки будущего. Ты видишь мою логику? Помни, Уиллер, только в последние несколько лет наша наука вообще узнала хотя бы что-то о времени. Ранее время считалось одной из последних тайн, которая никогда не может быть раскрыта. Но теперь, после недавних работ Эйнштейна, Лоренца и Минковского, мы начинаем узнавать что-то о времени. Мы узнали, к примеру, что это лишь еще один аспект пространства, и что четыре измерения любого объекта — это длина, ширина, толщина, и продолжительность. Мы знаем, что время не является фиксированным и неизменным, но относительным и разным, что время Венеры не время Земли, и что время Сириуса отличается от того и другого. И помни, все это мы узнали в течение последних нескольких лет! Но что будет постигнуто нами в следующие тысячи лет, следующие десять тысяч лет, следующий миллион? Разве не разумно предположить, что люди будут продвигаться дальше и дальше в своих знаниях, касающихся этого неуловимого, непокорного времени? До тех пор пока не научатся управлять временем, получают возможность путешествовать в нем по своей воле, и, таким образом, совершать экспедиции в нашу эпоху?! Разве не возможно, что люди смогут сделать это в грядущих столетиях?

— Разве люди смогут это сделать? — с сомнением повторил я. — Быть может. Но то, что мы увидели, не было человеком, Лэнтин. Захватчик очень далек от человека, в любом понимании этого слова.

— Это так, — признал мой собеседник. — Но это ничего не доказывает. Захватчик, возможно, продукт миллионов лет эволюции, либо гость с другой планеты, странствующий сквозь время и хватающий жертв в каждой эпохе Земли. Ты помнишь, что Кэннелла захватили в Ангкоре? И что тысячу лет назад Ангкор был могучим городом. Кто знает, может быть, Захватчик возвращался из эпохи величия Ангкора, просто прихватив нашего друга по пути? Это странное дело, Уиллер, но одно очевидно для меня: Захватчик — пришелец из далекого будущего, и он унес Кэннелла в свою эпоху!

— Но метод... — настаивал я. — Способ путешествий во времени? Как это осуществить на практике? Кэннел говорил о теории, которую он имел относительно этого вопроса. Он отдал тебе свои записки

— Я просмотрел эти записки, — подтвердил Лэнтин. — И, не смотря на грубый и фрагментарный их характер, я думаю, что в них кроется секрет путешествия во времени. Кэннелл знал азы современной физики, Уиллер, и выводы относительно Захватчика являются правдоподобными. Согласно его теории, так как время — четвертое измерение континуума, нет причин, запрещающих двигаться в этом измерении. Мы можем двигаться, как мы желаем в трех других, вверх-вниз, вправо и влево, назад и вперед, так почему бы не в четвертом, то есть, в «раньше» или «позже»? Кэннел выдвинул идею о том, что Захватчик движется во времени, ускоряя движение электронов. Атом, как известно, это в основном пустота, между крохотным ядром и вращающимися вокруг него электронами. Кэннелл считал, и я думаю, что он был прав, что движение электронов является основой движения в измерении времени... Позволь мне воспользоваться примером. Предположим, что всякое движение на Земле и в обозримом космосе остановилось и замерло. Солнце, Луна и звезды, корабли, часы и поезда, реки и люди — все формы движения, все и вся остановились и замерли полностью, так, что мир застыл. Тогда будет ли время? Нет движения, нет

перемен — нет и времени! Так что движение во времени есть функция от движений в пространстве... Это касается любого тела, любого объекта. Возьмите металлический шар, например. Он неуклонно движется вдоль измерения времени, от прошлого к будущему, только потому что электроны, составляющие его, постоянно движутся в пространстве, постоянно вращаются вокруг ядра с одной и той же скоростью. Если их остановить — наш шар выпадет из времени, зависнет в одном мгновении! Но, предположим, вместо того чтобы остановить движение электронов, вы ускорите его? Шар помчится в будущее! Все вокруг него по-прежнему будет двигаться вдоль измерения времени с прежней скоростью, но он будет перемещаться быстрее, обгоняя вещи вокруг. И чем больше мы ускорим электроны, тем дальше в будущее мы его забросим... Таким же образом, если электроны раскрутить в обратную сторону, металлический шар отправится в прошлое. Таким образом, очевидно, что такой принцип может применяться практически и позволяет создать машину времени.

— Кажется разумным, — признал я. — Но трудно представить, как можно ускорить или обратить вспять движение электронов? Пока ни один человек даже не видел электрона, настолько они ничтожно малы. Тогда как управлять ими?

— Ты упомянул трудности... — ответил Лэнтин. — Но их можно преодолеть, Уиллер. Как ты говоришь, никто никогда не видел электрона, но при этом люди сделали некоторые странные вещи с электронами. Они сфотографировали их следы в камере, наполненной водяными парами, и смогли рассчитать их траектории и скорость, даже не видя их. И совсем недавно, один американский ученый смог направить пучок электронов по своему желанию. Он назвал это «катодными лучами». Когда это уже сделано, не кажется невозможным управлять их движением и внутри атома другим способом, ускоряя или обращая его вспять.

— Но есть еще одна деталь, — продолжал возражать я. — Даже если нам удастся достичь невозможного и найти способ путешествия во времени, как найти Кэннелла? Как можно найти его, не зная ни времени, ни места, куда его уволок Захватчик? Это кажется поиском иголки в стоге сена, только в тысячу раз сложнее.

Вместо ответа Лэнтин принес из кабинета и поставил передо мной большой глобус.

— У меня есть теория на этот счет, — сообщил он. — Обрати внимание на линию, которую я нарисовал, — добавил он, указав на глобус, на поверхности которого через Тихий океан тянулась линия, начерченная черным карандашом. — Кэннелла забрали в Ангкоре, как мы знаем. Он вырвался из щупалец Захватчика и упал в воду, в открытой части Тихого океана, в точке в нескольких сотнях миль к востоку от Манилы. Я отметил точку здесь, Кэннелл узнал широту и долготу этого места и записал координаты. Разве не разумно предположить, что когда Захватчик выронил Кэннелла, от боли или от удивления, после его выстрела, он летел по прямой линии к своей собственной базе, или дому, или логову? Конечно, он двигался сквозь время оже, но в пространстве, вероятно, направлялся прямо к дому. Так что если нарисовать прямую линию от Ангкора в эту точку земного шара, и затем продолжить эту линию прямо по всему миру, то разумно предположить, что где-то на этой линии мы найдем логово Захватчика... Кэннелл говорил, что когда чудовище напало на корабль и улетело с двумя матросами, которых оно захватило, оно удалилось на север. Поэтому от этой точки к западу от Панамы, представляющий позицию судна, я нарисовал еще одну линию прямо на север. Обе линии пересекаются в одной точке — в южном Иллинойсе. И если моя теория верна, где-то рядом с точкой пересечения — гнездо чудовища, так что мы знаем «где», но, к сожалению, не знаем «когда». Так что если мы сможем овладеть перемещением во времени, то сможем найти чудовище и освободить его жертв. Это призрачный шанс, конечно, но единственный.

Я молча размышлял над его словами. Но я чувствовал вопрос в его глазах и почувствовал его желание, прежде чем он его высказал.

— Уиллер, ты мне поможешь? Вместе мы сможем это сделать, сможем найти этот секрет путешествия во времени и найти Кэннелла. Я знаю, что он не был твоим близким другом, но я прошу помочь, больше мне просить некого. Кто поверит в эту бредовую историю? Но ты всё видел сам, и ты знаешь, ты понимаешь... И если мы могли бы работать над этим вместе...

Не отвечая, я шагнул к окну и посмотрел на город. Внутрь меня шла борьба. Пока мы говорили, ночь опустилась на Нью-Йорк и зажгла сверкающие огни города, словно волшебные огненные цветы. День прошел с того момента, как на наших глазах был похищен Кэннелл. Всего двадцать четыре часа!

Я, должно быть, пробормотал это вслух при Лэнтине.

— Всего за двадцать четыре часа для нас, Уиллер. Но как долго для Кэннелла, интересно? Тысячи, десятки тысяч, миллионы лет? Интересно, найдем ли мы его живым...

Он остановился, но мысль была ясна. Где был Кэннелл теперь? В какой адской дыре неведомых эпох? Я вспомнил страх на лице Кэннелла, то, как сам испугался, когда Захватчик смотрел вниз на нас. Готов ли я сразиться с этим неведомым и непостижимым ужасом? Хватит ли у меня мужества?

Стоя у окна, я боролся со своим страхом. Наконец, я протянул Лэнтину руку.

— Я с тобой! Если мы сможем открыть секрет Захватчика, мы отправимся искать Кэннелла!

ГЛАВА 5. Машина времени

У меня нет намерений излагать детали работы, которая занимала все наше время в течение нескольких недель. Теорию таких путешествий в своем трактате изложил Лэнтин. Практическую часть мы изложили намеренно запутанно и невнятно, не считая путешествия во времени благом для современного человечества. Наиболее важную часть наших открытий — «волну времени», мы упоминаем лишь вскользь.

Есть причины, из-за которых, ни д-р Лэнтин, ни я не желаем, чтобы кто-либо повторял наш эксперимент. Таким образом, неизбежно, что часть этого повествования будет намеренно размытой.

Я могу сказать, что без записок, которые оставил нам Кэннелл, мы бы никогда не достигли успеха. Эти записки, краткие, написанные человеком, далеким от физики, все же смогли указать нам верный путь. Мы занялись ускорением электронов в

составе атома — все наши усилия были сосредоточены на решении этой задачи.

К счастью, Лэнтин имел практически неограниченный денежный фонд, и мы смогли использовать несравненные ресурсы его большой лаборатории, чтобы продолжать наши поиски. Работая день и ночь, в условиях полной секретности, мы искали силу, способную ускорять и замедлять электроны на их орбитах.

Тянулись бесплодные недели напрасных экспериментов, и, казалось, успех не ближе, чем когда-либо. Фонд начал проявлять к нашим странным опытам закономерное любопытство, которое мы не могли удовлетворить. Мы перебирали все известные поля и излучения — без толку. В конце концов, сочетая видимый свет с неким другим диапазоном электромагнитных волн, мы добились успеха.

Я говорю «мы», но это был триумф Лэнтина. Вспышка его озарения позволила создать то сочетание волн разной длины, которое мы называли «волнами времени», с их помощью мы могли ускорять, и замедлять и разгонять электроны по собственному желанию. Теория Кэннелла была доказана. Предметы, на которые мы направляли пучок этих волн, — исчезали, чтобы через несколько секунд возникнуть ниоткуда. Мы наблюдали переброску в будущее!

Экспериментируя с волной, вскоре мы научились забрасывать предметы и в прошлое — проблема путешествия во времени была решена. Тогда Лэнтин и задумал постройку настоящей машины времени, хронолета, машины, снабженной генератором «волн времени», герметичной и способной самостоятельно перемещаться в пространстве. Такая машина была необходима для нашей миссии, а сила, необходимая ей для передвижения в пространстве, была случайно открыта нами в ходе одного из экспериментов. Мы обнаружили, что можем получить поток электронов столь плотный и мощный, что он мог прекрасно послужить в качестве реактивной тяги, удерживая машину в воздухе и толкая ее в нужном направлении. Регулируя направление и силу этого потока, мы получали прекрасную скорость и маневренность.

Работа пошла. Через шесть недель после захвата Кэннелла, наш хронолет был почти готов. Это был самый странный

аппарат, какой можно себе представить — короткий, толстый цилиндр из стали, сужающийся на каждом конце. Его наибольший диаметр был около пяти футов и общая длина — примерно пятнадцать футов. Иллюминаторы из толстого стекла были размещены на регулярной основе по всей длине корпуса. Герметичный двойной люк находился сверху.

Внутри дно цилиндра было прикрыто плоской палубой и покрыто обивкой. Из-за малого диаметра цилиндра мы должны были находиться в нем сидя или лежа. Генераторы волн времени и двигательного луча управлялись с пульта в носовой части аппарата. Небольшие квадратные переключатели служили для управления. В задней части корпуса был размещен аппарат для производства кислорода, который делал нас независимыми от наружного воздуха на несколько часов, хотя обычно наш аппарат вентилировался наружным воздухом. Маленький нагреватель занимал место рядом с кислородным генератором.

Хронолет весил несколько тысяч фунтов. Мы держали его постройку в тайне. Корпус, приборы и детали делали разные фирмы, сборку осуществляли мы сами, у Лэнтина. Готовую машину установили на крыше, прикрыв от лишних взглядов полотном и деревянными щитами.

Сначала мы провели испытательный полет, тестируя способность машины двигаться в пространстве. Дождавшись ночи, мы влезли в машину и взлетели, поднявшись примерно на пятьсот футов над уровнем крыш. Затем, сделав пару кругов над домом, Лэнтин на полной скорости направил машину на восток. Со свистом раздирая воздух, мы промчались над Атлантикой со скоростью более пятисот миль в час, словно гигантская пуля. Решив отложить испытания генератора волн времени до реального старта, мы вернулись на крышу, никем не замеченные.

Через несколько дней после этого испытательного полета мы загрузили в машину наше снаряжение. Мы взяли с собой полный комплект туристского снаряжения, а так же большой запас консервов и сублимированных продуктов. Из оружия — пару крупнокалиберных автоматических винтовок с кучей магазинов. Помимо винтовок, каждый из нас имел на поясе кобур с мощным автоматическим пистолетом.

Наконец, мы погрузили на борт детали, из которых несложно было, при необходимости, собрать новый генератор волн времени. Мы не хотели сесть на мель в океане времени при каких обстоятельствах.

Каждая деталь была проверена. Через два месяца после похищения Кэннелла мы были готовы к старту в будущее, к погружению в пучину времени!

ГЛАВА 6. В будущее!

— Настал час zero, Уиллер, — объявил Лэнтин, высунув голову из люка хронолета. Наш странный аппарат был подготовлен для полета в будущее, он был установлен на крыше жилого дома. Была ночь. Именно это время суток мы выбрали для старта в неведомое.

Я остановился на краю крыши полюбоваться напоследок панорамой XX века. Безлунное небо было полно звезд, но их сияние меркло перед блеском огней большого города. Легкий ветерок освежал мое лицо. Внизу в бухте, завывая гудками и урча моторами, буксиры выводили в море трансокеанский лайнер. Стоявший в дельте реки броненосец резал ночь лучом прожектора.

Я развернулся и неохотно последовал за Лэнтином в машину. Полулежа на мягкой обивке, мой ученый друг настраивал приборы. Я закрыл за собой люк, и его крышка с лязганьем отрезала нас от внешнего мира. Затем я занял свое место на полу.

Руки Лэнтина порхали над пультом, нажимая кнопки и поворачивая выключатели. Внезапно, после нажатия очередной кнопки, хронолет поднялся в воздух и завис на высоте примерно пятьдесят футов над крышей. Тихое мелодичное гудение и легкая вибрация наполнили машину, звук создавал невидимый поток электронов, который удерживал нас в воздухе.

Под давлением ветра наша машина дрейфовала, теперь она болталась в воздухе прямо над улицей. Я посмотрел вниз через иллюминатор в полу: автомобили и пешеходы,

озаренные светом фонарей с высоты, выглядели не более чем букашками.

— Следует испытать генератор волн времени, до того как мы направимся в путешествие в пространстве, — неожиданно объявил Лэнтин.

Я кивнул, и руки моего друга снова запорхали над пультом. Он повернул большую ручку, и машину наполнило гудение, сменившееся внезапным ревом ветра. В тот же момент на меня обрушились ошеломляющие ощущения падения. На мгновение мне показалось, будто бы лечу в бездну. Наваждение продолжалось не более мгновения, но когда мой разум очистился, рев ветра перешел в невыносимо высокий визг — мы мчались сквозь время.

Я посмотрел вниз на улицу и отметил, что автомобили и люди вдруг исчезли. Вместо них были туманные размытые полосы, и даже они исчезли, как только наша скорость движения сквозь время увеличилась. Огни города быстро мерцали, затем их мерцание прекратилось — став ровным, тусклым сиянием.

Я посмотрел вверх, через один из иллюминаторов, и, несмотря на то, что был теоретически готов к подобным картинам, ахнул от изумления. Весь небосвод двигался, звезды, прочертив огненные полосы, клонились к западу. Восток озарился светом, Солнце метнулось вверх и помчалось к зениту.

Ветры завывали тысячей безумных ураганов, и я едва расслышал голос Лэнтина.

— Мы движемся сквозь время, все отлично! — кричал он, его голос казался комариным писком. — Пора лететь на запад!

Я не ответил, но увидел, как здания и улицы под нами скользят к востоку, поскольку наша машина уносилась на запад. Солнце стремительным метеором нырнуло за горизонт. Прежде чем мы пересекли Гудзон, тьма вновь поглотила нас, и когда мы пролетали над лутами Джерси, я увидел звезды снова горящими в небе. Но они неслись гораздо быстрее, чем раньше. Мы мчались сквозь время все быстрее и быстрее.

Солнце теннисным мячиком летало по небу, тьма и свет кружились в безумном хороводе, адский вой ветра приветствовал нас, мчащихся сквозь время и пространство. День и ночь сменяли друг друга так быстро, что я почти не мог

различить землю под нами. Мы летели в пространстве со скоростью сто пятьдесят миль в час, на высоте нескольких десятков метров над вершинами холмов.

Скоро день и ночь слились, уступив место вечному зеленоватому сумраку, через который мы промчались ураганом. Я взглянул на циферблаты приборов, которые регистрировали наше движение во времени, и обнаружил, что мы ушли в будущее уже на четыре месяца, и что с каждой минутой мы ускоряем свой полет сквозь время в два раза. Пролетая над Северной Пенсильванией, я увидел под собой снег и лед. Вскоре их серость сменилась зеленью весны. Сезоны мерцали под нами все быстрее, пока их зеленые и белые вспышки не слились в уныло-однообразный серый фон.

К тому времени, как мы прошли над западным Огайо, наш хронолет мчался в будущее со скоростью почти десять лет в минуту. На этой скорости мы почти не видели человеческой деятельности. Были лишь размытые, расплывчатые контуры городов, которые становились все призрачнее и туманнее.

Уже скоро Лэнтин замедлил наш полет через пространство и начал уделять пристальное внимание физическим особенностям страны под нами. Он постоянно сверялся с картой, и, наконец, после ряда остановок мы зависли возле истока двух небольших рек. Остановившись, мы все еще мчались сквозь время, пока, пытаясь перекрычать ветер, Лэнтин не крикнул:

— Стоп!

Мы достигли той точки в пространстве, где, по расчетам Лэнтина, находилось таинственное логово Захватчика. Мы пристально изучали землю под нами. Серая муть вечного межсезонья заменяла лето и зиму, поскольку мы продолжали двигаться во времени, не было ни городов, ни зданий — только однообразная серая равнина, от горизонта до горизонта. По показаниям приборов, мы умчались в будущее на двенадцать тысяч лет. Я услышал изумленное восклицание Лэнтина, который смотрел в иллюминатор, на север. Мне стало любопытно, я посмотрел туда же, куда и он. На севере появились пятна ослепительной белизны, они слились в белую линию, и белизна начала напоздать с севера, затопляя всё и вся.

Волна белизны неуклонно катилась к югу. Она двигалась очень медленно, учитывая скорость нашего полета сквозь века. Вокруг нас ревел ветер, а перед нами простиралась монотонная белая пустыня. Край этой пустыни лежал прямо под нами. Наконец, я признал материал блестящей глади.

— Лед! — крикнул я в ухо Лэнтину, и он сначала посмотрел вниз, а затем кивнул. Несколько секунд он изучал пейзаж, а потом утвердительно заявил:

— Ледниковый период!

Слова друга прочистили мой разум. Ледниковый период! И это объясняло белый прилив с севера, этот невиданный ледяной потоп, катящийся на юг. Могущественная сила льда меняла лицо Земли, стирая в порошок горы, меняя долины рек, так уже не раз бывало в истории нашей планеты. Когда то такой ледник гнал первобытных людей к экватору. Теперь история повторялась. Очарованно, я смотрел на натиск белой массы, ползущей на юг. В то время как мы висели высоко над его поверхностью, ледник прополз под нами и заполнил все видимое пространство, от горизонта до горизонта. Воздух в кабине стал вдруг холодным, стены начал покрывать иней, и нам пришлось включить обогреватель. Мы продолжали полет в будущее, но гладь льда оставалась неизменной.

Я подергал Лэнтина за рукав, указывая на ледяной простор под нами.

— Вернемся?

— Нет! — прокричал он, перекивая ураган. — Я собираюсь немного покружиться!

С этими словами он отключил генератор волн времени. Циферблаты сейчас указывали, что мы забрались на 15 тысяч лет вперед. Вой ветра стих, мы могли разговаривать нормальным голосом.

— Тут нет ничего, кроме льда, — сказал Лэнтин. — И мы не можем сказать, как долго это будет продолжаться. Я думаю, что лучшим планом было бы сделать большой круг над местностью, поискать Захватчика и его логово. Если мы не увидим ничего, мы можем отправиться вперед еще на пару веков.

Я согласился, и мы, поднявшись на пару миль, повернули на запад, начав описывать гигантский круг. Сколько мы не

вглядывались в окружающий пейзаж, вокруг не было ничего, кроме льда.

Мы пролетели пару сотен миль и уже разворачивались, когда Лэнтин издал внезапный возглас и поспешно остановил машину.

— Смотри! — воскликнул он взволнованно, указывая на север.

Сначала я мог видеть только море льда, но постепенно мои глаза разглядели черное пятно у горизонта. Я не успел сказать ни слова, Лэнтин нажал на кнопку, и мы понеслись стрелой к загадочному острову тьмы посреди слепящей белизны.

По мере приближения цвет пятна изменился, из черного став зеленым. И когда мы приблизились, мы увидели, что лед закончился и начались зеленые поля и холмы, долины, с участками корявых, низкорослых деревьев.

Мы летели на север, пока не исчезли ледовые поля позади нас, и леденящий холод не уступил место летнему теплу. И первые карликовые деревья сменились могучими гигантами леса, хотя леса было немного, внизу преобладали луга и зеленые травянистые холмы.

— Не могу понять, что эти субтропики делают севернее ледника? — спросил я.

— Это странно, — признал Лэнтин, — но объяснимо. Ты помнишь исследователя, который обнаружил теплую, затерянную долину где-то на Аляске? Она нагревается паром, буквально, от внутреннего жара Земли. Тепло Земли нагревает воду родников и рек в этой впадине, создавая тепличный климат субтропиков. Возможно, то же самое произошло здесь, какой-то выход раскаленной магмы, или что-то в этом роде. Странные вещи таят в себе недра нашей планеты, Уиллер.

— Может, вы и правы, но тут нет никого живого, — меланхолично заметил я.

И осекся на полуслове, заметив город!

Это был город из сказки, город из сна. Неровные, зубчатые силуэты зданий вырисовывались на фоне неба, как небоскребы Нью-Йорка. Все здания имели одинаковый вид и размер, за исключением одного, которое возвышалось в центре, доминируя над пейзажем. Наша машина опустилась на землю, и мы внимательно разглядывали мегаполис будущего.

— Нам надо изучить место на расстоянии, узнать, что мы сможем, об этом месте, — пробормотал я. — Думаете, это логово Захватчика?

— Может быть, — сказал он. — Но мы должны действовать осторожно, Уиллер. Нельзя идти в этот город, не зная, что за люди населяют его. Нельзя рисковать хронолетом, так как это единственный способ вернуться обратно в наше время. Лучше всего спрятать машину неподалеку от города и затем идти пешком, по дороге изучая все, что возможно. — Так мы и решили. Вновь поднявшись в воздух, мы полетели очень низко над землей, выискивая укрытие. Наконец, мы обнаружили нагромождение скал дикого вида и гряды холмов милях в пяти от города, где можно было укрыть машину. На склоне одного из этих холмов мы обнаружили укромную полянку среди низкорослых корявых деревьев, и выбрали это место для нашего тайника, осторожно опустили машину на землю. Мы вылезли наружу, разминаясь после часов, проведенных в неудобном положении в тесноте нашей машины, а затем мы приступили к маскировке хронолета, укрыв его под кучей сучьев и ветвей, так что случайный прохожий ни за что не угадал бы в этой куче бурелома рукотворного сооружения. Затем, мы наскоро перекусили и начали собираться на вылазку в город.

Винтовки мы оставили в машине, так как они были слишком тяжелы и громоздки для того, чтобы тащиться с ними через густой подлесок, росший вдоль склонов вокруг нас, но мы вооружились пистолетами, мощными, почти такого же калибра, как и винтовки. Затем мы спустились по склону, бросив прощальный взгляд на место, где была спрятана наша машина. Мы пошли на север. Холмы становились все более пологими, пока не превратились в пологие дюны. В конце долины мы обнаружили лесок из невысоких и толстых корявых деревьев. Мы старались идти бесшумно, чтобы не привлечь к себе внимания треском ломаемых веток и шорохом листьев под ногами. Лес постепенно превратился в заросли кустарника, которые неожиданно закончились, словно обрезанные, и мы с Лэнтином оказались в чистом поле.

Инстинктивно мы посмотрели на запад. Солнце садилось, и мы увидели, что город был не очень большим, но при

этом состоял из гигантских зданий, нагроможденных рядом друг к другу. И над ними возвышалось титаническое здание, не меньше двух тысяч футов высотой и не меньше пятисот футов шириной.

Позади нас неожиданно раздались крики. Через поля к нам неслась группа мужчин, не меньше десятка, они были в доспехах, размахивали мечами и потрясали копьями. Их глаза блеснули, и они по-волчьи завывали на бегу.

Бежать было поздно и некуда, я схватился за пистолет и начал стрелять. В спешке я промазал, а потом пистолет заклинило, и я оказался безоружным. Коротко рывкнул пистолет Лэнтина, один из нападавших упал, но остальные, всем скопом, накинулись на нас.

ГЛАВА 7. Город цилиндров

Надо мной смутно мелькнуло бородатое смуглое лицо, перекосенное от ярости. Я попытался выстрелить, но пистолет был выбит из моих рук. Затем на меня навалились, заломив мне руки за спину и скрутив их. Я ожидал удара копья, который должен был оборвать мою жизнь.

Удара не последовало. Те, кто держал меня, обратились к кому-то, очевидно, их лидеру, высокому человеку в дорогих на вид доспехах и без копья. Они разговаривали на непонятном для нас языке, но темой разговора явно было наше происхождение. Вождь подошел ко мне поближе, критически осмотрел мои мышцы, затем отдал краткий приказ. Он так же осмотрел Лэнтина и отдал другую команду. Меня поставили на ноги и, подталкивая в спину уколами копья, погнали на запад, в сторону города. Рядом со мной вели Лэнтина, но мою попытку поговорить с ним пресекали на корню тычком копья и грубым окриком.

Поэтому мы безмолвно и понуро брели в сторону города, пока наши похитители говорили и шутили на своем родном языке. Сумерки спустились на землю, стемнело быстро, и когда мы приближались к городу, огни вспыхнули на вершинах зданий, пылающих золотым и алым сиянием. И высоко над ними,

зловеще фиолетовым светом, сверкал огонь на вершине таинственной циклопической башни — центрального здания.

Мы вышли на дорогу, гладкую и широкую, с твердым покрытием и двинулись вдоль по ней. По обеим сторонам от дороги, гудели и вибрировали какие-то гигантские механизмы, но в сумерках я лишь смутно различал их очертания, как и людей, выглядевших иначе, чем наши смуглые похитители, которые смотрели на нашу процессию насмешливо и злобно и поздравляли наших похитителей с удачной охотой, судя по тону их голосов.

Здания стояли в линию вдоль дороги, и я увидел, что все они были одной и той же конструкции — монолитными цилиндрами без окон и дверей, за исключением одного открытого входа у основания. Они были из белого камня, слегка мерцавшего в сумерках, разных размеров, но совершенно одинаковой формы.

Из дверей этих зданий струились потоки света, доносились крики и смех. Все больше и больше мужчин, облаченных в доспехи, попадалось нам на пути. Но были и другие — люди всех цветов кожи, одетые в белые халаты на голое тело, которые двигались механически, как автоматы. Я вздрогнул, когда один из них проскочил мимо меня мимоходом, достаточно близко, для того чтобы увидеть его лицо, и оно было совершенно лишено любого выражения. Глаза были пусты, без малейших признаков мысли или чувства, они лишь автоматически смотрели вперед, нащупывая дорогу, свободную от препятствий. Этот человек казался скорее мертвым, чем живым. Трупом, в который злая воля вдохнула нечестивое подобие жизни. Все или почти все подобные ему несли инструменты или сосуды, контейнеры и корзины своего рода, и было легко видеть, что они — рабы.

Теперь, я заметил разбросанные тут и там, среди зданий, башенки из металла на верхней части которых размещались шары из блестящего материала, похожего на стекло. Башни эти стояли через интервалы вдоль дороги, и каждая из них была не менее тридцати футов в высоту, подобием миниатюрной Эйфелевой башни, в то время как светящийся шар на вершине каждой был примерно пять футов в диаметре. Некоторое время я был озадачен их характером и целью, но забыл о них, когда мы вступили в загадочный город.

Не было четкой грани между городом и предместьями. По мере нашего продвижения к центру здания становились больше, дорога превратилась в широкий проспект, ведущий прямо к подножию циклопического цилиндра — центрального здания. Здания тут располагались дальше от дороги, но ближе друг к другу.

В небе с гудением сновали летательные аппараты, которые я в сумерках не мог разглядеть детально. Они, казалось, взлетали с крыш и садились на крыши, так что я не мог видеть их пассажиров.

Улицы наполняли толпы, не обращавшие на нас внимания, толпы рабов в белых одеждах и охранников в доспехах. Сама улица была освещена сияющими лампами на вершинах металлических столбов, установленных вдоль нее. Эти лампы излучали мягкий пульсирующий свет. Это был тот же свет, что струился из входных дверей зданий, природа этого света оставалась для меня неизвестной.

Вот наши похитители остановились перед большим зданием, которое было отделено от дороги широким газоном. Краткий приказ был отдан, и двое охранников схватили меня за плечи и потащили к зданию, в то время как остальные двинулись к центральному зданию, уводя Лэнтина. Охранники жестко и грубо пресекали нашу последнюю попытку прорваться друг к другу.

Высокий арочный вход, прорезавший цилиндрическую стену, вел внутрь здания, которое было одним из самых больших в городе. За дверью начиналась широкая пологая лестница, но мои охранники не повели меня туда, а оттащили к притаившейся на некотором расстоянии узкой и низкой двери. Через нее они втокнули меня внутрь, и я, споткнувшись, обнаружил себя внутри длинного коридора, по которому меня и повели дальше.

По всей длине коридора располагалось множество закрытых дверей, у последней из которых бездельничали четверо охранников, удостоивших нас безразличным взглядом. Мои конвоиры бросили им несколько слов, те кивнули и открыли дверь, которую они охраняли. Меня грубо втокнули внутрь, так что я упал, а затем дверь лязгнула, закрываясь, у меня за спиной.

Я поднялся на ноги и посмотрел вокруг. Сама комната была совершенно ничем не примечательной, около двадцати квадратных футов площадью, с гладкими каменными стенами, без окон. Ее освещали несколько ламп, вмонтированных в потолок. Зато компания внутри была крайне необычной. И у этой компании мое появление вызвало живейший интерес.

Они различались чрезвычайно, по внешнему виду и выражениям лиц. Все были одеты в рваные костюмы из грубой ткани, за исключением одного неуклюжего парня, который носил тунику из кожи. Я был удивлен, увидев, что все они носили на поясе мечи и кинжалы, разных размеров и разновидностей. Загорелые и бледнокожие белые, плюс пара негров, они выглядели как банда опытных убийц, и после тщательного изучения меня, занявшего секунду, продолжили блуждать по комнате, точно тигры в клетке. Они говорили мало и недоверчиво смотрели друг на друга.

Пока я разглядывал их, один из их числа подошел и сам сел рядом со мной. Это был стройный, темноволосый молодой человек, одетый в рваный плащ из зеленого сукна со следами серебряной оторочки и бриджи до колен из того же материала. Как и остальные он носил на поясе длинную прямую рапиру. Он поймал мой взгляд, направленный на его одежду и смутился, так что я невольно улыбнулся. А затем заговорил со мной на английском языке.

— Разрази меня гром, — протянул он мягким, томным голосом. — Не виню вас, милостивый государь, за разглядывание моего мундира, но знайте, приличного портного здесь днем с огнем не сыщешь!

Невероятно удивившись, я наклонился к нему.

— Вы говорите на английском! Но как вы сюда попали? Что за место этот город? И зачем нас привезли сюда?

В ответ на шквал моих вопросов он озабоченно нахмурился.

— Что мы здесь делаем? — повторил он. — Вы прекрасно знаете, также как и я, почему мы здесь.

— Нет! — резко ответил я, и его взгляд стал еще более озадаченным.

— Но вы же из ямы, — возразил незнакомец. — Так же, как и все остальные! — Он указал рукой в направлении прочих, собравшихся в комнате.

— Яма? — я повторил это слово, озадаченный, и, увидев, что я не понимаю, мой собеседник оживился, а в его глазах вспыхнул свет.

— Ты не из охранников и не из ямы, — пробормотал он. — Но если ты пришел извне...

— Я был схвачен за пределами города и меня притащили сюда, — объяснил я ему. — Но почему?

— Ты здесь, чтобы сражаться, — объяснил незнакомец.

— Сражаться?! С кем?

— С любым из нас, — ответил он, указывая на мужчин в комнате. — Это...

Но прежде, чем он смог закончить предложение, раздался внезапный звон металла, и дверь комнаты распахнулась. Вошел один из охранников и отдал краткий приказ на своем таинственном языке. Сразу же люди начали выходить из комнаты в коридор. Шагнув туда, следом за своим новым другом, я обнаружил, что вдоль стен выстроилось примерно десятков пять вооруженных стражей. Мы прошли по коридору, но вместо того чтобы покинуть здание, свернули направо и продолжали свой путь до большой лестницы, где наших охранников сменила другая группа.

Когда мы вступили на эту лестницу, я повернулся к моему спутнику и спросил его,

— Ты англичанин, не так ли?

Он склонился в изящном полупоклоне.

— Виконт Чарльз Денхэм, капитан армии его Величества короля Георга Третьего, к вашим услугам, — предствился он тихим голосом.

Слова его для меня прозвучали как раскат грома. Солдат короля Георга Третьего? Человек из прошлого, живший за полтора века до моего родного времени? И здесь, через пятнадцать тысяч лет в будущем, в этом незнакомом городе! И значит, все эти странные воины тоже пленники из разных времен!

Но, прежде чем я успел разобраться в ситуации, лестница закончилась, наша странная компания поднялась по ней до конца. Через головы стоявших передо мной, я смог разглядеть большое помещение, озаренное багровым светом ламп. Оттуда доносились музыка, подобная хрустальному

перезвону, и звонкий смех, совсем не похожий на хриплый хохот наших стражников. Затем нас ввели внутрь.

ГЛАВА 8. Горожане

Окрик охранника остановил нас, у меня появилось время, чтобы оглядеться по сторонам. Это был круглый зал, у самой стены которого мы переминались в ожидании дальнейших событий. Зал был громаден — метров девяносто в диаметре. Пол был гладким, из черного камня, напоминающего мрамор, в то время как изогнутые стены были из того же белого камня, что и внешние стены здания. Высота зала была в сотни футов, он занимал всю нижнюю половину здания, верхняя же часть делилась на множество более мелких помещений... В стены и потолок были вмонтированы во множестве ярко светящиеся лампочки, заливавшие зал каскадами багрового сияния.

В зале было около сотни людей, мужчин и женщин. Они возлежали на диванах вдоль стены, за длинными, изгибающимися параллельно стене столами из зеленого металла, словно римляне во время одного из своих пиршеств. Их вид изумил меня: они не были похожи на кого-либо из людей, которых я видел, с тех пор как попал в город. Эти люди были высокими и совершенно пропорционального сложения. Все они были золотовласыми, мужчины и женщины. Они были одеты в короткие одеяния или туники из блестящего цветного шелка, и некоторые из них носили круглые украшения из мерцающих драгоценных камней.

С внезапным трепетом я осознал, что впервые вижу женщин в этом городе, ибо их не было ни среди охранников, ни среди рабов. Но прежде чем я смог задуматься над этим фактом, его вытеснили новые впечатления.

Пирующие, как я увидел, пили из прозрачных кубков яркие цветные жидкости. Я не видел твердой пищи на столах, но там было множество чаш, графинов и амфор, наполненных яркими жидкостями. Длинные шеренги в белых одеждах, механически движущиеся рабы, перемещались за

спиной у пирующих с подносами, убирая пустые сосуды и выставляя на столы полные.

Я отметил еще две вещи, прежде чем мой краткий обзор был прерван. Во-первых; ни одно из лиц пирующих нельзя было назвать красивым, несмотря на идеальную правильность их черт. Сквозь внешнюю молодость и красоту сквозило Зло. Печать порока лежала на этих лицах и превращала их из ангельских в демонические. Я чувствовал, что за их шутками и смехом таится холод праздной бессердечности.

На другой стороне зала от меня, в алькове, собрались музыканты, рабы, которые управляли сложным инструментом, в котором вода падала на тонкие пластины из металла, то по одной капле, то ручейком, производя мелодичный перезвон серебряных колокольчиков, складывающийся в тревожную, но гармоничную мелодию.

Мои товарищи созерцали сцену, как и я, но было видно по выражению их лиц, что они не увидели ничего нового. Я хотел знать, для чего мы тут, и, вспомнив англичанина, собрался возобновить прерванный разговор. Но как раз когда я собирался сделать это, пришел ответ на мои вопросы, и не в форме чьих-то объяснений, а в виде самого хода событий.

Один из мужчин, возлежавших за столами, встал и произнес краткий приказ. Сразу же большой черный раб шагнул в зал, схватил булаву из металла и ударил ей в гигантский гонг. Болтовня и песни за столами смолкли, все взоры обратились на нас. Я почувствовал их взгляды, оценивающие нас, и невольно вздрогнул. Затем командир стражи пролаял приказ. И сразу двое мужчин, те, кто стояли рядом со мной шагнули в центр зала и встали друг напротив друга.

Шепот пронесся по рядам зрителей. Пирующие за столами взволновались в предвкушении зрелища, их ропот выдавал азарт и предвкушение. Не обращая внимание на происходящее вокруг, двое мужчин в центре зала уставились друг на друга.

Один из них, гордый, смуглый, с длинным носом и блестящими глазами, был одет в свободный бурнус и носил плотно скрученный тюрбан на голове. Он выхватил из ножен длинный, изогнутый симитар и закружил его над головой, испустив яростный боевой клич. «Араб, — подумал я. — Может

быть, один из той самой орды, которая пронеслась под зеленым знаменем пророка по трем континентам, как вихрь».

Он выглядел жутко — его клинок описывал со свистом сияющие круги над головой, но его соперником был угрюмый гигантский норманн, в кожаном колете, голубые глаза которого сверкали огнем безумия. Он размахивал в воздухе большим топором в одной руке, прикрываясь маленьким-круглым щитом.

С оружием наизготовку, они осторожно приближались друг к другу, кружась, как осторожные тигры, выискивая возможность напасть. Я отвернулся и увидел, что пирующая публика жадно и азартно взирает на бойцов, и в этот момент я понял смысл слов англичанина о том, что мы здесь, чтобы сражаться. Мы были гладиаторами и должны были убивать друг друга на потеху публике. И что я мог поделать с этим?

Публика за столами начала бесноваться, и я вновь обратил внимание на борьбу в центре зала. Клинок араба проскочил мимо щита и вонзился викингу в плечо. Но гигант в кожаных одеждах устоял. Хотя кровь хлестала из раны, он стиснул зубы и продолжал молча кружить вокруг противника, прикрываясь щитом от жалящей стали и крутя в руке тяжелый топор. Напряженная тишина была нарушена криками пирующих, зрители кричали и верещали, давая своим любимчикам подсказки и, похоже, делая на них ставки.

Внезапно араб вновь бросился в атаку, и его клинок рассек другую руку северянину, но тот быстро отступил, и нога араба поскользнулась на крови, растекшейся на ровном полу, и он зашатался, пытаясь восстановить равновесие. В то же мгновение тяжелый топор раскроил ему череп. Араб упал, заливая пол кровью. Норман отступил, тяжело дыша, под восторженные крики и аплодисменты зрителей. Викинг вернулся к нашей группе, рабы выскочили и очистили пол, и по команде еще двое из числа нашей группы сошлись в смертоносном поединке.

Через пять минут один из них лежал мертвым в луже крови на полу, другой ковылял к нам, припадая на раненую ногу. И еще одна пара заняла их место.

Для пятого боя были вызваны мой знакомый англичанин и невысокий японец в стеганых кожаных доспехах. Японец

был вооружен двумя короткими, широкими мечами, с которыми он обрушился на Денхэма, вооруженного хрупкой на вид, тонкой рапирой. Тем не менее англичанин увернулся от всех ударов. Молниеносный выпад рапирой решил исход боя. Возвращение Денхэма сопровождалось овацией. Я крепко пожал его руку, ощутив неожиданную близость с собратом по языку, затерянному, как и я, в этой дьявольской дыре в безднах грядущего.

Осталось всего несколько из нас, кого еще не вызывали. По знаку и команде командира стражи на арену вышел итальянец со злыми, змеиными глазами. Затем командир указал на меня. Я беспомощно озирался, отказывался поверить в реальность происходящего. Лицо командира побагровело от гнева. Он шагнул ко мне. Денхэм подталкивая меня, быстро зашептал.

— Вы должны сразиться с Тальери, — сказал он, указав на итальянца, и волна ледяного холода захлестнула меня на мгновение, а затем отступила.

— Возьмите мой клинок, — продолжал англичанин. — Но будьте осторожны! Тальери — один из наемных дуэлянтов на службе у Чезаре Борджиа, опасный противник, знающий кучу подлых трюков!

Все еще не ощущая реальности происходящего, я, сжав рукоять рапиры, шагнул навстречу итальянцу.

— Удачи! — крикнул мне Денхэм, стоя позади меня, но я не стал оглядываться.

Я смутно видел пылающие алым пламенем огни ламп и искаженные азартом и жестокостью лица болельщиков за столами. Все плыло у меня перед глазами, пока я не встретился взглядом с противником. Холодный и жестокий взгляд Тальери, его издевательская ухмылка вернули моему разуму ясность. Я отчетливо понял: при первой же возможности он меня убьет.

Я поднял рапиру. В студенческие годы у меня была репутация хорошего фехтовальщика, но с тех пор прошло много лет без практики. Да и рапира, слишком длинная и гибкая на мой вкус, не внушала мне особого доверия. Я оглянулся на миг и увидел, что Денхэм обнадеживающе улыбается мне. А потом итальянец двинулся мне навстречу, скривив губы в издевательской ухмылке.

При первом же столкновении наших клинков я понял, что передо мной мастер, с большим опытом фехтования, при этом не ограниченного спортивными правилами. Так что я бросил все мои усилия на то, чтобы парировать его молниеносные выпады. До сих пор удивляюсь тому, что мне удалось это сделать!

Он атаковал меня, казалось, разом со всех сторон. Я парировал удары скорее инстинктивно, чем осознанно. Дважды его клинок рассек мою рубашку. Но после этой первой серии ударов итальянец отступил, и мы закружили, осторожно присматриваясь друг к другу.

Снова он напал, направив молниеносный финт в мое сердце. Пока моя рапира отбивала его клинок, нож в левой руке итальянца устремился снизу в мой левый глаз. Это был удар, который я не мог парировать, но инстинктивно я крутанула головой, так что смертоносное лезвие лишь поцарапало мне левый висок. Кровь на моем лице вызвала ажиотаж и шум за столами.

Но теперь во мне темной волной поднялся гнев, и я перешел от обороны к наступлению. Он слегка отступил, но я уже очень устал и понимал, что бой скоро завершится. И, если я чего-то не придумаю, завершится не в мою пользу. Арена гладиаторских боев в этом городе грядущего вдруг поплыла у меня перед глазами, сменившись на миг яркой картинкой из памяти. Нашим студенческим спортзалом и тренером по фехтованию, объясняющим один из самых сложных приемов. Безумием было пытаться применить этот трюк с чужой непривычной рапирой, усталым, на скользком от крови полу, но это был мой единственный шанс.

Улучив благоприятный момент, я бросился в атаку, одновременно открываясь, так чтобы казалось, что легко поразить меня прямо в сердце. Тут же Тальери поспешил кинуться на меня. Мой клинок метнулся навстречу, слегка отклоняя его удар, и одновременно его инерция довершила дело, бросив итальянца прямо на острие моего клинка. Острие моей рапиры с треском вошло ему между ребер. Я рванул клинок, и мой противник рухнул на пол мертвым.

Под оглушительные аплодисменты и рев из-за столов я, пошатываясь, побрел назад туда, где меня ожидал Денхэм,

который был сердечно рад моей победе. Да и остальные гладиаторы смотрели на меня теперь с уважением.

Усталый и измученный, я равнодушно наблюдал еще два боя. Когда они были закончены, был отдан еще один приказ, и нас вывели из зала, на ту же лестницу, по которой мы пришли. Но оттуда нас повели по другому коридору, там разбили на пары и растолкали по отдельным камерам каждую пару.

Я надеялся быть помещенным в одну камеру с англичанином, но Фортуна устала мне помогать, и я оказался в паре с гигантом викингом, который убил араба в первом бою. Нас грубо втокнули в камеру, и толстая металлическая дверь с громким лязгом закрылась у нас за спиной.

ГЛАВА 9. Пленник в городе грядущего

Десять дней я провел взаперти в этой камерке с яростным гигантом-скандинавом. Бежать было невозможно — камера была лишена окон, проветриваясь через две металлические трубы, а дверь была заперта снаружи. Хотя окон не было, днем наружная стена камеры становилась прозрачной, впуская внутрь солнечный свет. Это объяснило мне отсутствие окон в зданиях-цилиндрах. Очевидно, что стены зданий были прозрачны изнутри и абсолютно непрозрачны снаружи.

Я нашел другие доказательства научных достижений этой эпохи в продуктах питания, что предоставлялись нам дважды в день. Не было никакой еды, кроме золотистой маслянистой жидкости, при этом безвкусной. Тем не менее я обнаружил, что она содержит все необходимые элементы питания для человеческого организма, так как ни разу не ощутил голода, не употребляя ничего, кроме этой жидкости.

Я нашел, что мой сокамерник — товарищ по несчастью, достаточно скучный. Он был угрюм и суров, а в отношении меня еще и крайне подозрителен. Думаю, что он считал меня шпионом... Я обнаружил, что он знает немного английский, странный, архаичный английский, но в объеме, достаточном, чтобы

вести разговор. На все мои вопросы парень отвечал с холодным и надменным выражением лица. К этому времени я был убежден, что Лэнтин прав, и мы нашли логово Захватчика, который приволок сюда Денхэма и остальных. Но когда я спросил сурового северного парня, который был моим сокамерником, как он попал сюда, ответом на мой вопрос стало отчуждение и ледяная подозрительность.

Зато он научил меня странному языку этой эпохи. Этот язык, я узнал, был языком Кан Лар, а светловолосая раса господ, правителей города, были кан-ларас. Сам язык был не труден для изучения, и в те долгие часы заточения я приобрел неплохой словарный запас.

Иногда норманн переходил от молчания к рассказам о своей жизни — о набегах и грабежах, о кораблях, увешанных щитами, рассекающих волны в поисках добычи, о нападениях на прибрежные города и села, о бесконечных поджогах и грабежах, убийствах и насилии. Его холодные глаза вспыхивали яростным пламенем, когда он говорил о таких вещах, а любые мои попытки прервать вопросами эту бесконечную сагу о жестокости и разбоях вызывали у него ярость.

Шли дни, и через прозрачные стены я наблюдал за монотонным чередованием дня и ночи. Я много думал о Лэнтине в те дни. Какая судьба постигла его в гигантском здании? Был ли он жив? Смогу ли я вновь увидеть его, или я обречен погибнуть на потеху публики в очередном гладиаторском поединке?

Одна история случилась в те дни моего тюремного заключения, которая до сих пор заставляет меня содрогаться, когда я вспоминаю ее. За прозрачной стеной нашей камеры раскинулся зеленый газон, и большую часть времени я проводил, глядя на него. Очень немного людей проходило мимо, обычно это были рабы, и очень редко — кан-ларас. На восьмой день заключения я бездумно наблюдал за приближавшимся рабом.

Он нес инструмент, который выглядел так же, как обычная садовая мотыга, и направлялся ко мне обычной механической походкой, свойственной всем рабам в белых одеждах. Он приблизился, я увидел его лицо. Это был Тальери — итальянец, которого я убил восемь дней назад, но теперь это

был раб с пустыми глазами и механической походкой. Он приблизился ко мне, так что я мог видеть его ничего не выражающие глаза, затем, двигаясь словно механическая кукла, повернул в сторону и удалился вдоль стены здания.

Несколько часов я пребывал в смятении, пытаюсь найти увиденному другое объяснение, кроме очевидного. Я знал, что я убил итальянца в ту ночь, поскольку мой клинок пронзил насквозь его сердце. Но здесь он был, работая в качестве раба для кан-ларас. Неужели таково было происхождение всех местных рабов? Они тоже были по сути своей мертвы?

Несколько часов я мучился в поисках разгадки, а угрюмый северянин не спешил просветить меня. Наконец, я решил, что эта тайна выше моего разума — и изгнал ее из своего разума.

Еще два дня, долгие как вечность, я томился в этой клетке. Я чувствовал, что я должен вскоре сойти с ума, если ничего не изменится. А потом все изменилось — Судьба швырнула меня в водоворот таких опасностей и приключений, какие я и Лэнтин не могли себе и представить.

ГЛАВА 10. Храм Захватчика

В тот день я чувствовал напряженную суету за пределами нашей камеры. В коридоре то и дело раздавался громкий топот охранников, носившихся туда-сюда с непонятной мне целью.

Наконец наступил вечер — закат. Я стоял возле прозрачной стены и любовался игрой красок. Неожиданно город охватило движение. Стаи самолетов пронеслись по небу к центральному зданию. Огромные толпы вооруженных охранников и пустоглазых рабов, заполнив улицы, потекли туда же.

Опустилась тьма, и вся активная деятельность прекратилась. Наступила гробовая тишина. Теперь город казался вымершим. Два часа мы напряженно вслушивались в эту тишину, тревожно ожидая дальнейших событий. Однажды я вроде бы услышал отзвук далекой музыки, но решил, что

это мне почудилось. Затем внезапно, раздался шорох сандалий и возня возле дверей. Кто-то открывал камеры.

Наша дверь тоже открылась настежь, в коридоре стояло с десятков охранников. Их командир приказал нам выходить, чему мы оказались несказанно рады. В коридоре мы встретили Дэнхема и других — скованных цепью в один строй, друг за другом. Норманн и я были прикованы в конце ширенги, а затем мы отправились наружу в сопровождении двух шеренг охранников с обеих сторон от нашего строя.

Большая улица была совершенно пуста, когда нас вывели на нее. Залитая малиновым светом фонарей, она убегала вдаль, за пределы города, туда, где был спрятан наш хронолет. При мысли о нем меня охватило яростное желание бежать отсюда — из этого города и из этой дурацкой эпохи назад, в XX век. Но я был скован цепью с другими пленниками этого неуютного грядущего, и нас вели в другую сторону — к циклопическому зданию в центре города.

Оно вырастало перед нами, по мере того как мы приближались к нему. Блестящий, сияющий зловещими огнями цилиндр из гладкого камня, тысяча футов в диаметре и полмилия высотой. Это здание было покрыто сияющими багровым пламенем квадратами, в шахматном порядке чередовавшимися с темными квадратами. И мы шли прямо к этой таинственной и зловещей цитадели. Примерно в четверти мили от здания ведущая к нему гладкая улица превратилась в плавно поднимающийся пологий пандус. Мы шли вверх, пока не оказались у подножия стен. Там располагалась стрельчатая арка ворот, по обеим сторонам которой несли вахту вооруженные охранники.

Мы прошли через арочный вход и попали в длинный тоннель, стрельчатый, как арка, ведущая в него, пробитый в толстом монолитном камне стены. Этот тоннель был сто футов в длину — такова была толщина стен! Масштаб здания пугал, и, чтобы успокоиться, я сосредоточил внимание на багровом свете в конце этого тоннеля.

Через несколько мгновений мы достигли конца тоннеля и вышли из него внутрь огромного цилиндрического сооружения. Шок, который я испытал от увиденного, заставил меня пошатнуться. Необъятность помещения, где мы оказались, подавляла.

Внутри циклопической башни не было деления на этажи и отдельные помещения — был один зал чудовищных размеров, стены которого, озаренные багровым пламенем ламп, терялись во мраке наверху. Лампы не столько рассеивали мрак, сколько горели зловещим багровым пламенем, создавая мрачную и зловещую атмосферу.

Начиная от стен и на двадцать футов к центру комнаты, пол был из черного камня — плоским, непрерывным кольцом гладкого материала. Внутри этого кольца был единый, огромный диск из полированного металла, гладкий, как лед, более девятисот метров в диаметре. И за исключением нас, стоявших на черном кольце возле входа, не было ничего и никого на черном металлическом круге, не было людей, столов, алтаря — ничего, кроме уныло черного металлического диска.

Я огляделся повнимательнее и увидел в первый раз людей из города. В толще стен были вырезаны гигантские балконы, один над другим, тонувшие в дымке, наполнявшей здание. И эти балконы наполняли толпы — горожане, охранники и рабы собрались там, глядя на нас сверху. Нижний балкон, который размещался на высоте лишь нескольких футов над полом, был небольшой, выдвинутой над залом галереей. На этой галерее, расположенной не слишком далеко от меня, я увидел трех золотоволосых кан-ларасов, выглядевших явно старше остальных. Двое из них были облачены в малиновые мантии, третий — в черную. Они сидели спокойно, глядя свысока на зал. Эта низкая галерея и три балкона непосредственно над ней были заполнены кан-ларасами, в то время как на балконах выше собрались охранники в доспехах и рабы. Единственным входом на эти галереи была узкая винтовая лестница из черного камня, которая начиналась от черного кольца у основания циклопической башни и вилась вверх, исчезая во мраке.

Несколько групп гладиаторов, наподобие нашей, в сопровождении вооруженных охранников толпились у входа. Один из старцев в малиновой мантии поднялся и отдал приказ. Мои знания языка были слишком элементарны, чтобы понять его, но когда он закончил и сел на свое место, радостный шум пронесся над толпой на балконах.

Прежде чем я успел осознать происходящее, командир стражи, который надзирал за нашей группой, пролаял краткий приказ. Сразу восемь человек оказалось на металлическом диске. Они тут же обнажили оружие и сошлись в серии яростных поединков.

В течение нескольких минут четыре поединка закончились, но только трое бойцов вернулось из центра зала. Им тут же вручили доспехи и оружие — такое же, как у охранников. Я начал понимать цель этих боев. Гладиаторские бои служили системой отбора — сперва пробные поединки, типа тех, в которых я принимал участие. Выжившие в этих боях сражались друг с другом. Победители вливались в армию го рода, пополняя ряды стражи. Но с кем должна была воевать эта армия?

Бои продолжались. На арену каждый раз попадало по восемь человек, и моя очередь неуклонно приближалась. Ни Денхэм, ни я еще ни разу не были вызваны, но мое сердце билось быстро, я ожидал каждый раз, что окажусь среди следирующих восьми. Буря мечей бушевала в центре зала, ряды гладиаторов таяли. Одни облачались в доспехи стражников, других — мертвых, утаскивали рабы. Горожане радостно потешались, глядя на то, как люди убивают друг друга. Охранники азартно кричали, подбадривая своих любимчиков и делая ставки. Бои продолжались, пока не осталось только двое — я и Денхэм.

Рабы уносили погибших. Я стоял потрясенный. Остались только двое — я и англичанин, человек, в котором я почувствовал друга!

Бесновалась толпа, мигали огни, звучали сигналы и команды. Охранник кольнул меня мечом, выталкивая на металлический диск. А я не мог прийти в себя, потрясенный злым коварством Фортуны. Из всех людей в городе я должен был сразиться с единственным человеком, кого я знал и любил. Прошло всего несколько секунд с момента завершения последнего боя, и цепь, сковывавшая меня, со звоном упала на пол. Вместе с Денхэмом я вышел на арену. Громкие аплодисменты и поощрительные крики доносились с балконов. Наш бой был последним, и зрители хотели захватывающего представления.

Мы стояли в центре арены лицом друг к другу. Одновременно мы вытащили рапиры из ножен, и тут же, не сговариваясь, вложили их обратно... Не говоря ни слова, Денхэм шагнул ко мне, и, положив руку мне на плечи, поднял голову, обратив к кровожадной толпе на трибунах дерзкий взгляд.

Вой ярости сотрясал галереи. На нас сыпались насмешки и угрозы, но мы продолжали стоять так, готовые встретить вместе любой оборот событий.

К нам кинулось примерно полдюжины охранников, которые утащили нас с арены под гневное завывание и улюлюканье толпы. Нас отвели к основанию винтовой лестницы и оставили там под охраной.

Злобные крики наконец утихли, зал наполнила странная музыка. Музыка эта была тревожной, ее низкие раскаты наполнили гигантский зал. Все огни в зале потускнели, сумрак наполнил громадное здание.

Музыка утихла, наступила тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Затем, на нижней галерее, поднялся старец в черной мантии и начал говорить торжественным тоном, нараспев.

Его глубокий, сильный голос наполнил собой все пространство внутри здания, производя завораживающее впечатление. Он не то читал молитву, не то произносил некое заклинание. Слова доносились до нас искаженными из-за расстояния и многократного эхо, так что я почти ничего не мог разобрать. Но эффект был налицо – благоговейная тишина и ощущение того, что на нас надвигается некая неведомая и могущественная Сила.

Несколько минут его голос грохотал, затем старец внезапно умолк. Вновь на минуту воцарилась тишина. И тут раздался чудовищный грохот — металлический диск, только что служивший ареной, скользнул в паз, оказавшись крышкой гигантского люка. В центре зала теперь зияла пропасть, казавшаяся бездонной. Взглянув туда, я испытал приступ головокружения и тошноты.

Каменное кольцо, на котором мы стояли, было оправой этого чудовищного люка. Стены этого гигантского каменного колодца отвесно уходили вниз на неизвестную глубину. Где-то там, в глубинах этой бездны, слабо мерцали загадочные рубиновые

огни. И именно туда уходила, теряясь во тьме, узкая винтовая лестница, продолжение которой вело на балконы и трибуны.

Денхэм оттащил меня от края бездны. Смутно я понял, что все в здании теперь скандировали тот же вызов, который до того изрек старец в черных одеждах. Словно в ответ на эту молитву-заклинание откуда-то сверху в бездну ударил ослепительный тонкий фиолетовый луч. Мгновение он озарял зал призрачным сиянием, затем, с порывом холодного ветра и тихим, но пронзительным свистом, откуда-то сверху в зал спустился бесформенный сгусток клубящегося тумана — Захватчик!

Он спускался вниз до тех пор, пока не повис на одном уровне с нами над самым центром бездны, плавая в воздухе без особых усилий. Он висел там, и его серая масса меняла форму, клубилась, переплетаясь сама с собой, в то время как в ее центре висело три маленьких шара фиолетового света, яркие и немигающие. Над балконами пронесся благоговеиный вздох.

Песнопение стало громче, сильнее, и в него теперь вплелся хор ветров, дьявольская песнь самого Захватчика. На миг фиолетовые шары его «глаз» стали пурпурными, и сам он обрел плотность и твердость, но тут же опять стал бесформенным облаком тумана. Еще один жестокий порыв ветра пронесся по залу, и внезапно Захватчик исчез.

Вверху, на балконах продолжали петь, вновь и вновь повторяя слова зова. Я увидел море белых лиц, обращенных к месту, где исчез Захватчик. Прошло несколько минут. Пение продолжалось.

И вновь, с порывом ветра и тонким свистом, над центром бездны повис Захватчик. Опять его зеленые шары изменили свой цвет на фиолетовый, и его облачная масса обрела твердость и определенность очертаний. Но теперь в его щупальцах беспомощно висели люди. Захватчик выгрузил свою добычу на каменном ободу шахты и вновь вернулся на свое место, зависнув над центром бездонного колодца.

Пение стало громким, торжественным, и я увидел, как пленники Захватчика озираются по сторонам с благоговеиным ужасом. Их было пятеро — два азиата в кожаных куртках с длинными тонкими усами, гунны или татары, и три древних грека в коротких белых туниках.

Снова раздался тихий звон, прорвавшийся через пение, и как будто подчиняясь ему, Захватчик поднялся вверх и исчез во тьме. Несколько мгновений еще горел фиолетовый свет, затем он потух, и пение прекратилось. Ярko вспыхнули лампы, и свет заполнил зал. Толпы на балконах начали покидать свои места, поток людей тек вниз по узкой лестнице. Прежде чем они успели спуститься, однако, охранники сковали пятерых пленников Захватчика, а также вновь надели кандалы на нас с Денхэмом. Наша маленькая группа теперь стояла на самом краю ужасной пропасти. Около двадцати футов ниже нас находилась небольшая платформа, от которой вниз, во тьму, уходила винтовая лестница. Мгновение я размышлял, как мы спустимся на эту платформу, но вопрос решился сам собой. Охранник нажал на рычажок на стене, и вниз выдвинулась складная металлическая лестница. По приказу охранника мы спустились к началу винтовой лестницы, ведущей в пропасть. Тотчас складная лестница втянулась в паз, из которого она выскочила, а над нашими головами с громким лязгом закрылась крышка гигантского люка, отрезав нам путь наверх. Но охранники все еще сопровождали нас. По узкой винтовой лестнице мы начали свой путь в мрачную пропасть.

Нашим единственным светом теперь были лампы, вмонтированные в гладкую стену вдоль лестницы, но они давали едва ли достаточно света, чтобы разглядеть пару ступенек. Низкий бортик ярд в высоту, ажурный и хрупкий на вид, с множеством отверстий, был нашей единственной защитой от бездны слева. Но охранники, спереди и сзади нас, скованных в цепочку, неумолимо вели нас вниз, вниз, вниз...

ГЛАВА 11. Город на дне пропасти

Вскоре тусклый свет жемчужно засиял далеко внизу, и свет этот озадачил меня. В мире выше, как я знал, скоро должен был наступить рассвет, но как он мог проникнуть сюда?

Вскоре мы достигли конца цилиндрической шахты. Она внезапно обрывалась отверстием в своде гигантской, необозримой пещеры. Эта пещера была целым маленьким мирком,

под ее сводом плыли, клубясь, облака. Но лестница не закончилась вместе с шахтой. Ее блестящая металлическая спираль ввинчивалась в облака. Это было жутким зрелищем — видеть, что гигантская витая лестница, как большой штопор, ввинчивается в туманную равнину облаков, пронзая ее насквозь, как некий путь богов с небес на землю. И эта конструкция была достойна богов. Ни один известный мне металл или сплав просто не выдержал бы своего веса, создай из него такую лестницу. А эта висела себе спокойно без каких-либо опор!

Эта лестница, казалось, бросала вызов законам механики. Она была не меньшим инженерным чудом, чем здание над ней. Пока я восхищался инженерными чудесами, свет вокруг нас разгорался все ярче, словно здесь, в пещере, мы могли видеть рассвет облака же рассеялись. И там, под нами, раскинулась громадная пещера, которую ее обитатели называли «ямой».

Подземелье под городом Кан-Лар в целом имело форму бутылки, горлышком которой была шахта а основной частью «яма». Это была пещера — четыре мили диаметром и милую высотой от дна до свода. Свод этот светился. Глядя на него, пока мы спускались вниз, я увидел, что в нем были вмонтированы десятки блестящих шаров из стекла, из которых лился поток света, золотого света, солнечного света.

Лестница упиралась в дно пещеры в самом ее центре. И я увидел, что весь объем пещеры был занят городом. Масса однообразных каменных зданий жалаась к стенам гигантского подземелья. В центре этой массы, непосредственно под нами, располагалась огромная площадь. От нее к стенам разбегалось девять улиц, точно спицы колеса. По этим улицам двигались толпы людей — жители ямы.

Так я впервые увидел город ямы, город Захватчика, и его народа, над которым нависала его тень. И, глядя вниз, я подумал, что если там, в толпе, были Лэнтин и Кэннелл, то я сумею их найти.

Вновь наши охранники приказали нам идти вперед, и мы пошли. Но теперь только низкий бортик на каждой стороне защищал нас от бездны, и не было стены на правой стороне, чтобы за нее цепляться. Но наши охранники не обращали на это внимание. Им такие спуски и подъемы были привычны.

Пока мы спускались, Денхэм объяснил мне шепотом устройство огней на крыше пещеры. Он сказал, что это были просто своего рода линзы, которые направляют в пещеру лучи солнечного света с поверхности земли. Я уже видел стеклянные шары на пьедесталах в городе цилиндров, но лишь теперь понял их назначение. Эти шары собирали солнечный свет, неизвестным мне способом направляя его в пещеру, где подобные же шары вновь излучали его. Таким образом, жители пещеры жили в едином ритме дня и ночи и жителями поверхности, могли наслаждаться светом солнца, годами не видя самого светила.

Мы спускались все ниже и ниже, и теперь я увидел в конце лестницы высокие, тяжелые металлические ворота, покрытые длинными острыми шипами наружу. На примыкавшей к лестнице стороне этих ворот несли вахту пятьдесят охранников, вооруженных длинными копьями и любопытно выглядевшими маленькими цилиндрами из блестящего металла, которые они носили на ремне и которые, как я догадался, были оружием неизвестного науке моей эпохи типа. Когда мы спустились – охранники открыли ворота... Наши собственные конвоиры оставили нас, бесцеремонно вытолкнув на площадь.

И ворота тут же закрылись у нас за спиной.

Стоя там, я забыл все, наблюдая сцены вокруг меня. Площадь была переполнена, ее наводняла толпа. В ней были мужчины каждой расы, и земли, и каждой эпохи, мужчины далекого прошлого. и мужчины моего собственного времени — всех их захватил и приволок сюда Захватчик, смешав в единую, разноязыкую, пеструю массу. Здесь были тысячи, десятки тысяч мужчин, но, даже среди охранников и рабов, не было женщин. Все были сравнительно молодыми людьми, лишь некоторые были несколько старше среднего возраста, и почти все имели вид воинов.

Мужчины тысяч разных веков проходили перед моими глазами, мужчины, которые были пронесены через века, и принесены сюда тем же чудовищем, что захватило Кэннелла. А мы — пять новичков, Денхэм и я, стояли перед ними.

Захватчик зачем-то принес их всех сюда, зачем-то заточил их в этом подземелье под Кан-Ларом. Живой панорамой

прошлого они струились передо мной, блестящей, варварской толпой.

Многие из них принадлежали, неизвестным мне народам, но многих других я мог признать по одежде и оружию. Там были египтяне — бритоголовые мужчины в длинных белых одеждах, странно безучастные и молчаливые в этой шумной толпе. Они носили короткие мечи и луки. Я видел ассирийцев с волчьими лицами, чернобородых мужчин с горящими глазами, одетых в странную броню.

Бородатые испанцы бродили с надменным выражением лиц, словно их галеоны все еще правили морями. Неуклюжий дикарь, одетый в вонючие шкуры, выполз с гигантской корявой дубиной в руке. У него были огромные надбровные дуги и выступавшая вперед челюсть, выдававшие в нем неандертальца. За ним стояли два крестоносца — рыцари в кованых доспехах и белых плащах с крестами, опиравшиеся на тяжелые щиты.

Рядом я увидел компанию индейцев с луками и томагавками. Группа древних греков хохотала над какой-то шуткой. Тихие и непостижимые китайцы, чьи глаза стали еще уже при взгляде на гуннов из нашей компании, стояли не подалеку. Высокий и тощий траппер из староамериканских времен, в замшевой куртке, с огромным ножом на поясе, оживленно беседовал о чем-то с венецианским капитаном в блестящем шлеме. И везде, всегда вместе сбившись в маленькие группы, были римляне, легионеры в доспехах, с нагрудными знаками, в шлемах, с бронзовыми короткими мечами, смотревшие на всех остальных с нескрываемым высокомерием.

Чья-то рука опустилась на мое плечо. Я невольно вздрогнул. Но это был Денхэм, англичанин из XVIII века, про которого я забыл, потрясенный сборищем воинов всех эпох и народов.

— Странное местечко, не так ли? — спросил он, улыбаясь, указывая на разношерстную толпу. Прежде чем я смог ответить, он продолжил: — Вам лучше прийти со мной.

— Куда? — спросил я.

— Почему бы не в казармы? — ответил он. — Вон те здания! Но вы, сударь, здесь новичок, и лучше будет, если я

буду сопровождать вас. Вдобавок я хочу вас познакомить с моими друзьями.

Он посмотрел на меня испытующе.

— Надеюсь, что вы не из друзей Этого... — и он умолк, красноречиво посмотрев вверх

— Захватчика? Туманной, воющей твари? — спросил я, и когда он кивнул, ответил: — Скорее, я его враг! Я здесь, чтобы отыскать двух человек.

— Найти двух человек здесь? — удивился Денхэм, указывая на столпотворение вокруг.

— Это невозможно! И что вы сделаете, когда найдете? Попытаетесь бежать? Это невозможно. Как вы попадете на лестницу, в город? Как выберетесь из города? И даже если вы добьетесь невозможного, и вырветесь отсюда, вам будет некуда идти — вокруг города необитаемая пустошь, где не проблема выследить беглецов.

— Неважно, — сказал я ему. — Как только я вырвусь из города, я могу сбежать!

Он посмотрел на меня с внезапным интересом.

— Тогда, возможно, мои друзья и я смогли бы помочь вам... — пробормотал он, но затем оборвал себя на полуслове. — Я должен увидеть их, прежде чем обещать больше...

Я кивнул. Новое направление мысли захватило меня. Мы свернули на одну из узких радиальных улиц. Та же многоликая, разноязыкая, вооруженная толпа, что и на площади, наполняла улицу. Хотя, как я отметил, многие говорили на языке кан-ларас, который служил местным эсперанто, помогая понимать друг друга выходцам из разных стран и эпох.

Большинством зданий на улице были казармы, хотя имелись и винные лавки, и питейные заведения, из которых на улицы вываливались шатающиеся и горлающие песни посетители. Пищей, как поведал мой спутник, здесь служила та же золотая жидкость, что и наверху. Кан-Ларас синтезировали ее из органических веществ, содержащихся в почве. Таким образом, цикл продуктов питания, когда растение поглощает вещества из почвы, а животное питается растениями, чтобы быть съеденным нами в свою очередь, был полностью ликвидирован в Кан-Ларе и заменена синтезом питательной жидкости прямо из почвы. Эту желтую жидкость, как я узнал, изготавливали

рабы. Она перекачивалась по трубам в город ямы и подавалась разношерстной орде в винных лавках и питейных заведениях, служа еще и выпивкой. В небольших дозах она была пищей, в больших — опьяняла, в еще больших — становилась опасным наркотиком. И так как эта жидкость раздавалась свободно, было неудивительно, что тут процветало пьянство и регулярно случались дебоши и массовые драки.

Тут часто случалось кровопролитие, и жизнь стоила очень дешево. Охранники не обращали на эти бои внимания — выживали сильнейшие, что и требовалось хозяевам подземного города. Возбужденное кольцо зрителей собиралось вокруг каждого поля боя; они крича, подбадривая любимчиков, делали ставки и гоготали. Мы наблюдали исход одной из таких дуэлей. После победитель утащил куда то тело побежденного.

— Куда уносят трупы? — спросил я.

— К основанию лестницы, — ответил Денхэм. — Есть железное правило, что в любой битве, где человек убит, победитель должен отнести тело своего противника на лестницу и передать охранникам.

— Но почему? — спросил я. — Для захоронения?

Денхэм мрачно улыбнулся.

— Вы видели рабов в городе? — поинтересовался он. — А вы заметили, какими странными они были, как пусты их глаза и как неестественны движения? — Когда я кивнул, он продолжил: — Ну так вот, рабы верхнего города — это мужчины, которые здесь были убиты. — На мой возглас ужасов он повторил свое утверждение. — Сударь, — воскликнул он. — Вы не знаете власти Кан-Ларас! Для их науки — это детская забава!

— Но как это делается? — спросил я.

— Спросите их, — мрачно ответил он. — Они могут принести дыхание жизни в мертвые тела, заштопать раны, которые стали причиной смерти. Они могут заставить мертвецов снова жить, но даже их наука не может вернуть их души. Они просто живые трупы, ходячие мертвецы, машины. Живые и мертвые — для Кан-Ларас мы все просто рабы!

Я вздрогнул. Сама идея казалась мне тошнотворной. Тем не менее я знал, что англичанин говорил правду, ибо я вспомнил убитого мной Тальери, которого видел работающим на

газоне, после того как я его убил. Это было изобретение, которое бы вызвало гордость у самого Сатаны: поднять мертвых к жизни и использовать их в качестве слуг. И я знал, что это лишь один из примеров тошнотворного Зла, которое скрыто за улыбками золотоволосых кан-ларас.

Во время этого разговора мы продолжали перемещаться от центра пещеры к ее стене. Наконец, вблизи этой стены-Денхэм свернул к одной из низких и длинных казарм. Я последовал за ним внутрь.

Все здание было единым длинным помещением, огромным бараком. Вдоль стен размещались трехъярусные металлические нары, на некоторых из этих лежанок имелись одеяла или меха. Посреди барака стоял длинный металлический стол, за которым угрюмо восседала разношерстная, подвыпившая компания.

Денхэм приветствовал их, и в ответ они что-то промывали, глядя на меня равнодушно и слегка недружелюбно. Я последовал за моим спутником в дальний конец зала, где он забрался на одно из спальных мест и жестом пригласил меня присоединиться к нему.

— Сейчас моих друзей тут нет,— объявил он. — Но они вернутся вскоре.

Внезапное любопытство побудило меня задать вопрос.

— Как вы попали сюда, Денхэм?— спросил я. — Это был Захватчик?

— Естественно, — ответил он. — Это был Захватчик, как вы называете его. Он притащил нас всех сюда, будь он проклят. Тогда как раз случился мятеж в колониях Его Величества...

— Американское восстание? — спросил я, стремясь вспомнить события восемнадцатого века.

— Конечно, — ответил он. — Мы были расквартированы в Филадельфии, под началом старого дурака, Хоу. Он любил карты, бутылку и дам. А нас снедала жажда битвы, и раз мы не могли драться с повстанцами, мы вскоре начали биться друг с другом... Как-то ночью мы весело проводили время с бутылочкой, и у меня возникли разногласия с одним парнем из числа голландских наемников. Мы оба немного перебрали к тому времени. Черт бы побрал тот погребок! Мы спорили все жарче и жарче, пока он не заявил, что наш командир

— дурак. Честно говоря, это было и мое мнение, но я не мог позволить голландцу так отзываться об офицерах армии Его Величества, и это кончилось тем, что мы покинули погребок, чтобы разрешить наш спор на языке клинков... Прежде чем мы успели толком начать, был адский шум ветра, большие серые облака с горящими зелеными глазами, как представляется, что-то обрушилось на нас, и затем мы выпали из реального мира. Когда мы пришли в себя, мы стояли в большом Храме, с десятком других. Конечно, мы не знали тогда, что мы проскочили сквозь время, но мы поняли, что это чертовски странное место... Они привели нас сюда, в яму, и тогда мы возобновили наш спор, позаимствовав мечи у двух прохожих. К счастью, я проткнул насквозь своего оппонента. Собралась большая толпа вокруг. Вот тогда я и встретил Д-Алора — одного из моих друзей, о которых я говорил.

Как только Денхэм закончил свой рассказ, я почувствовал внезапно огромную усталость, ибо не спал много часов. Я зевнул и протер глаза, и Денхэм сразу вскочил.

— Немедленно на нары, сударь, — приказал он мне. — Немедленно спать.

— Но как же Лэнтин? — спросил я. — Он мой друг! Он где-то в городе, я уверен, и я должен найти его.

Денхэм с сомнением покачал головой.

— Как он выглядит? — спросил англичанин.

Когда я описал Лэнтина, лицо Денхэма немного посветлело.

— Пожилой мужчина, говорите? — переспросил он с сомнением, и когда я кивнул, продолжил: — Это облегчает поиск. Здесь пожилых можно пересчитать по пальцам. Но тебе пора спать, а я найду своих друзей, и мы пойдем искать вашего приятеля. Если кто-нибудь, может найти, то это мы сможем.

Я попытался поблагодарить его, но он лишь покачал головой с улыбкой и вышел из комнаты. Я упал в койку и закрыл глаза. Сонливость победила меня, голоса и смех за столом слились для меня в монотонный гул. И даже этот гул исчез из моего восприятия, и я провалился в бездонный омут сна.

ГЛАВА 12. План побега

Золотой свет снова струился из окна, когда я, наконец, проснулся и понял, что проспал двое суток. Я поднялся с нар и встал, потягиваясь.

В зале был только один человек, кроме меня, человек, который сидел за столом неподалеку. Когда я посмотрел на него, он повернулся, увидел меня и вскочил, кинувшись ко мне.

— Лэнтин! — воскликнул я, протянув к нему руки. Он схватил их. Его глаза сверкали.

— Где ты был? — спросил я с нетерпением. — В городе, здесь, все это время?

— Все время с тех пор, как оставил тебя, — подтвердил он. — Они привезли меня прямо сюда, Уиллер, и конечно, когда я попал сюда, я сразу понял, что мы нашли логово Захватчика. Твой друг Денхэм отыскал меня несколько часов назад и сказал мне, где ты, но, когда я пришел сюда, я увидел, что ты спишь, как убитый, и не стал тебя будить.

— Надо было будить, — сказал я ему. — Но где Денхэм сейчас?

— Он скоро вернется, — ответил мой друг. — Он сказал, что он пойдет и приведет своих друзей, которые помогли ему найти меня.

— А Кэннел? Он здесь? — с нетерпением спросил я.

Лицо моего друга помрачнело.

— Не знаю, — признал он. — Я искал его, но как найти одного человека в этом городе? Мы даже не знаем, что он здесь, Уиллер. Он мог быть убит давно, в какой-нибудь драке.

— Не стоит терять надежду, — заверил я его. — С помощью Денхэма у нас есть немало шансов найти его.

Лэнтин с сомнением покачал головой, но, прежде чем он смог ответить, наш разговор был прерван появлением Денхэма и трех его друзей. Когда они подошли, я рассмотрел эту троицу с нескрываемым интересом.

Один из них был явно римлянин, невысокого роста, крепкий человек, смуглый, мускулистый, одетый в доспехи и шлем. Человек рядом с ним был краснокожим и длинноволосым, с глазами черного орла, одетый в шкуру пятнистого зверя, стеганую хлопковую броню и головной убор из перьев.

Он нес странный длинный меч, деревянный, с лезвиями из вставленных в дерево острых осколков обсидиана. Меч и помог мне идентифицировать народ и эпоху. Я видел такие мечи среди руин ацтеков в Мексике.

Но все же не эти двое, а третий человек, был тем, кто завладел моим вниманием. Он словно сошел со страниц Дюма, в своей широкополой шляпе, кавалерийских ботфортах, с длинной шпагой. Он грохотал шпорами и оглушительно смеялся. У него были горящие глаза, его белые зубы блестели из-под черных усов... Пока я пялился на него, довольно грубо, я думаю, он улыбнулся мне и воскликнул, демонстрируя отвратительный английский:

— Mon Dieu ⁴, это парень, который убил свинью Тальерри?

Когда Денхэм кивнул, «мушкетер» импульсивно протянул мне руку, и я был рад пожать ее. И затем Денхэм, наконец, представил нам своих друзей.

— Шевалье Рауль Д'Алор, — сказал он, указывая на «мушкетера». — В прошлом капитан в армии Генриха IV, короля Наварры и Франции, но теперь житель нашего города, — и усмехнулся, глядя на скривившееся лицо француза. — Иксчтиль Касикетлакопан, — он указал на индейца.

Я оказался прав в своих догадках. Ацтек! Один из той жестокой Орды, которая смела майя и тольтеков навсегда, только для того, чтобы быть, в свою очередь, раздавленной беспощадным стальным сапогом Кортеса. Вождь поклонился мне, серьезно и молча, но не сказал ни слова.

Денхэм обратил взор к римлянину.

— Гонорий Арминий, ранее центурион в легионах Цезаря Тиберия. — И римлянин коротко поклонился. Затем, по предложению англичанина, мы сели в конце стола. — Д'Алор говорит на английском языке так же, как и я, — продолжал Денхэм. — Мы обучили английскому Иксчтиля и Гонория, так что вы можете говорить свободно. Я сказал моим друзьям, что вы, как и мы, готовы попытаться бежать. Хотя, естественно, они хотели бы услышать это из ваших собственных уст.

— Это так, — заверил я их. — Мы прибыли сюда, чтобы найти одного человека, и если мы сможем найти его, мы вытащим его отсюда, несмотря на Захватчика.

⁴ Божь мой (франц.)

— Захватчик? — переспросил мушкетер, и Денхэм вставил краткое объяснение.

— Так они называют это, — пояснил он французу, указав пальцем вверх.

Француз рассмеялся.

— *Sacré* ⁵, это имя зверя! Эх, Гонорий?

Римлянин молча кивнул, и Денхэм продолжал:

— Не так давно мы рассматривали различные планы побега, но ни один не был практически осуществим. Есть много препятствий. Необходимо добраться до лестницы, избегая охранников. После подъема будет необходимо пройти через весь город цилиндров, хотя это не должно быть слишком сложным. Но вот вы вышли из города, что тогда? Как пережить бескрайние льды?

— Давайте разберем всё по порядку, — сказал я. — Вы должны помнить, что мы почти ничего не знаем об этом месте. Почему все эти люди собраны в этой эпохе и городе? Кто-нибудь знает, за исключением Захватчика? Какова цель всего этого?

— Вы не знаете? — спросил Денхэм в изумлении. — Я думал, вы в курсе! Эти люди, тысячи воинов в городе, собраны здесь Захватчиком, чтобы действовать в качестве его армии, его наемников. Орда, собранная против врагов Кан-Ларас, чтобы уничтожить врагов, которых бояться кан-ларас!

Я ахнул от удивления. Денхэм обратился к легионеру.

— Расскажите ему, Гонорий. Вы были здесь дольше, чем любой из нас.

Центурион говорил по-английски с сильным акцентом.

— Некоторые вещи я слышал, но, правда это или нет, я не могу сказать. Тут был один человек, которого я знал, с первого дня, перс. Прежде чем он был убит в пьяной драке, он рассказал мне, что однажды, в городе наверху, один из кан-ларас был пьян и выболтал ему историю своей расы...Как вы знаете, бескрайние поля льда лежат вокруг этой земли, посреди которой находится город Кан-Лар. Ну, в общем, перс сказал, что эти поля льда не бесконечны, что далеко на юге есть другие зеленые земли, и в них — могучий народ и могучий город, названный Ком. Он сказал, что давно кан-ларас жили в этом городе, но

⁵ Проклятьс (франц.)

проблемы возникли между ними и другими людьми Кома из-за Захватчика. Больше он и сам не знал, но говорил, что из-за этой проблемы кан-ларас бежали из города на север на летучих кораблях, под предводительством Захватчика, который и привел их к этой теплой земле. В Кома про это место ничего не знали... Так эти изверги и поселились здесь и построили город цилиндров, который лежит над нами. Они и сейчас планируют вернуться в Ком, и уничтожить там всё и вся. Но этого они сделать не могли, будучи слишком малочисленны. Тогда Захватчик, который для них Бог и король, говорил с ними и сказал, что он принесет им мужчин из прошлого, чтобы сделать пленников их воинами и их рабами. Захватчик может путешествовать по желанию сквозь время... Не спрашивайте меня как!.. Он принес сюда тысячи воинов из всех веков и стран... Под своим городом кан-ларас обнаружили огромную пещеру, большое полое пространство, образованное внутренними сдвигами земной коры в глубокой древности, и в этом подземелье было решено разместить захваченных. В эту пещеру была пробита шахта, вокруг входа в шахту был насыпан вал, а над валом возвели Храм Захватчика, соединив его с подземельем гигантской лестницей. Кан-ларас стали отбирать среди своих пленников самых сильных и свирепых, делая из них охранников для остальных. Кроме того, они поощряли бои между пленниками, оживляя тела погибших своим дьявольским искусством, делая из мертвых — рабов... Так, неуклонно, Орда здесь в яме вырастала в количестве, пока не переполнила подземелье... Вскоре людей будет достаточно, чтобы достичь цели Захватчика, и орды кровожадных грабителей хлынут на юг, чтобы обрушиться на ничего не подозревающий Ком, разграбить, сжечь и уничтожить его. На крыше Храма размещен целый флот летучих кораблей, предназначенных для этого набеге. Они сделали так же странное оружие, и поэтому, когда час пробьет, они откроют ворота и позволят Орде подняться по лестнице на крышу. Там войско погрузится на летучие корабли и помчится на юг, неся смерть и разрушение. Такова будет месть кан-ларас тем, кто изгнал их.

Гонорий остановился, я посмотрел на Лэнтина, а затем снова на римлянина. Это было истинной подоплекой деятельности Захватчика?

— Но неужели пленники будут это делать? — спросил я. — Неужели они захотят подчиняться кан-ларас?

Гонорий расхохотался, и Д'Алор ответил за него.

— Ха, друг, вы новичок здесь и не знаете этих людей. Они являются Злом, я говорю вам. Они похваляются всегда тем, что они будут делать, когда придет время набега, они жаждут наступления этого дня! Захватчик отравил их души. Они, как тигры, ждут возможности накинуться на беззащитную жертву.

— Это так, — подтвердил Лэнтин. — За то короткое время, что я был здесь, я обнаружил, что это так. Нет никакой надежды на благородство этой орды, наоборот, все здесь жаждут грабежа и убийства!

Внезапно заговорил Денхэм:

— Думаю, некоторым из нас удастся выбраться из ямы, — не торопясь начал он, — ибо у меня есть план, который неплохо проработан. Но что потом? Как вы думаете, возможно было бы добраться до крыши храма и украсть одну из летающих платформ? Или украсть одну из кан-ларских воздушных лодок? Если мы могли бы сделать это, мы могли бы улететь на юг, предупредить Ком об опасности, а потом вернуться сюда с подкреплением и сокрушить проклятый Кан-Лар!

В первый раз вождь ацтеков покачал головой и сказал.

— Не получится, — он говорил по-английски короткими рублеными фразами. — Я был на крыше храма и знаю. Единственный способ достичь крыши — узкая лестница, что вьется по спирали вверх внутри храма. И лестница ведет непосредственно через логово Захватчика!

— Но что мы сможем сделать тогда? — спросил англичанин. — Было бы глупо пытаться украсть одну из кан-ларских воздушных лодок, они всегда поднимаются и садятся на крышах зданий, и мы никогда не сможем добраться до них незамеченными.

Лэнтин первым нарушил молчание.

— А если есть спрятанная воздушная лодка в горах за пределами города, тогда все несколько проще, не так ли? — Когда все согласились, он продолжил: — Уиллер и я спрятали там воздушную лодку, на которой прилетели сюда из нашего времени.

Заговорщики уставились на нас с недоверием и надеждой.

— Вы утверждаете, что вы прибыли в эту эпоху из собственного времени на машине? — спросил Денхэм. — Что вы прибыли сами и не были захвачены, как все остальные?

Лэнтин кивнул в подтверждение, а затем кратко описал захват Кэннелла, наше путешествие сквозь время и наше пленение. Они слушали очарованно, и когда он закончил, Д'Алор спросил, с трепетом в голосе:

— И вы сделали эту машину сами? Вы нашли секрет Захватчика, способ путешествовать сквозь время?

— Это так, — ответил Лэнтин. — Мы сделали машину и полетели выручать нашего друга.

— Боже! — воскликнул мушкетер. — Да это шанс вырваться на свободу! Если бы мы все могли выбраться из этой ямы, сбежать из города и добраться до вашей машины, мы могли бы вернуться домой. Вернуться во Францию!

— Нет! — решительно отрезал Денхэм. — В первую очередь, не все из нас смогут бежать из ямы. У меня есть план, согласно которому некоторые из нас смогут бежать, но остальные должны остаться здесь. И еще одно... Даже если каждый из нас вернется обратно в свое время, где гарантия, что Захватчик не вернется за нами? Все мы знаем, что Захватчик мог отметить нас своей меткой. И до тех пор, пока он не уничтожен, нам нет смысла возвращаться домой.

— Но что тогда делать? — спросил француз.

— А вот что... — протянул Денхэм. — Мы вчетвером поможем Лэнтину и Уиллеру бежать из ямы. Только двое могут преуспеть в побеге, таков мой план. Мы четверо поможем им добраться до лестницы. И так как только они убегут, им надо лететь на юг. Все равно, машиной могут управлять только они. Если они смогут добраться до машины, они доберутся до Кома, приведут подмогу и уничтожат Захватчика. И спасут нас, если мы доживем до того времени.

— План — это хорошо, — одобрил римлянин. — Мы вчетвером должны остаться, пусть они идут. Когда вы планируете сделать попытку? — спросил он Денхэма.

— Мы должны подождать, пока не наступит безлунная ночь, ибо тьма будет способствовать попытке. Лучше всего — в восьмую ночь с сегодняшнего дня.

— Но ваш план... — нетерпеливо поинтересовался француз. — Как вы собираетесь штурмовать лестницу?

— Таким образом. Мы должны сделать металлические крючья и длинные, прочные веревки. В ночь, которую мы выбираем для попытки, мы четверо соберемся у нижних ворот лестницы, в то время как Лэнтин и Уиллер должны занять позицию на краю площади, непосредственно под нижними витками спиральной лестницы. Затем мы пошумим у ворот, отвлекая охрану. Когда на шум сбегутся местные и начнется драка или бунт, как это тут частенько бывает, пусть наши друзья кидают крюки. Если удача благоволит нам, крюки зацепятся, и они смогут подняться на лестницу, выше ворот и охранников, — объяснил англичанин.

— Но охранники наверху? — недоумевал француз. — Как миновать их? И что делать с верхним люком? Он будет закрыт, и как они пройдут через него?

— Нет, — возразил Денхэм. — Если мы устроим достаточно большую бучу у ворот, охранники сверху примчатся сюда. У них есть система связи, и, если они подумают, что Орда собирается атаковать ворота, наверху откроют люк, и охрана сверху спустится вниз. Люк будет открыт, вся охрана будет здесь, никто не мешает нашим друзьям покинуть город и добраться до машины.

— Но мы встретимся с охранниками, спускающимися по лестнице! — воскликнул я.

— Не бойтесь!, — заверил меня англичанин. — Когда прозвучит призыв о помощи, охранники выше не будут спускаться по лестнице, поскольку это будет слишком долго. Они съезжают вниз по сброшенным сверху тросам. Дважды, с тех пор как я здесь, были беспорядки около ворот, и каждый раз охранники, чтобы подавить бунт, спускались по канатам.

— Все же, господа, нам нужно помнить: среди охранников нет трусов! — добавил Д'Алор. — Никто никогда не смог обозвать трусом меня и остаться в живых, но я семь раз подумал бы, перед тем как спускаться по тросу с такой высоты!

— Но что делать, если некоторые из охранников пойдут по лестнице? — спросил я.

Денхэм покачал головой.

— Я не думаю, что они будут делать это.

— Но если? — настаивал я.

Он пожал плечами.

— Вам придется драться на лестнице.

Мы, нахмурившись, посмотрели друг на друга, а затем раздался оглушительный хохот француза.

— В чем проблема? — воскликнул он. — Возьмите хорошую шпагу, сударь, и если вы встретитесь с кем-нибудь на лестнице, проткните его. Если вы окажитесь сильнее, вы убьете ваших врагов, а если ваши враги сильнее, они убьют вас. Что больше тут можно сказать?

Я не мог устоять, мрачно улыбнувшись, равно как и остальные, но Лэнтин вдруг стал совершенно серьезным.

— Но Кэннелл? — спросил он. — Что насчет моего друга? Мы пришли сюда, чтобы спасти его, вы знаете, и не можем оставить его.

— Есть восемь дней, чтобы найти его, — отметил Денхэм. — И если вы не сможете найти его в это время, мы будем пытаться найти его после того, как вы сбежите. Если он здесь, в яме, мы найдем его к тому времени, как вы вернетесь.

Наш разговор был внезапно прерван ввалившейся толпой жильцов казармы, которые рассматривали нашу маленькую группу подозрительными взглядами.

— На улицу, господа! — прошептал Денхэм. — Нам не нужны слушатели.

Мы вышли из помещения на улицу. Пещера была залита светом, стеклянные шары на крыше сияли ярче, чем само солнце. Независимо от метода, который кан-ларас разработали для сбора и передачи в подземный город света и тепла солнца, он был удивительно эффективным.

Позади нас маячила серая каменная стена ямы, перед нами на многие мили тянулись сложенные из каменных плит казармы. И на центральной площади ввинчивалась вверх серебристой змеей титаническая и невероятная винтовая лестница. Толпа на улицах была необычно взволнована. Словно электрический ток пробегал сквозь разношерстную людскую массу. Это всеобщее возбуждение удивило меня. И я увидел, что мои товарищи удивлены аналогичным образом. Седеющий моряк в вылинявшей, бесформенной одежде, который мог плавать с Дрейком или Хокинсом, остановился перед нами.

— Хо, брат! — закричал он, обращаясь к Денхэму. — Ты слышал новости?

— Новости! Какие новости? — спросил Денхэм, нахмутив брови.

— Час назад охранники из города приказали заточить все мечи, чтобы все оружие было наготове. Говорю тебе, парень, скоро мы идем на Ком, чтобы разграбить его! Разрази меня гром, мы сотрем их в порошок! — И с злорадным смехом моряк пошел дальше.

Денхэм повернулся к нам, лицо его побледнело.

— Вы слышали? — спросил он. — Это значит, что у нас мало времени. Мы не можем теперь ждать безлунной ночи. Мы будем вынуждены рискнуть в первую же ночь, когда будет облачно. И если мы потерпим неудачу, эти орды демонов обрушатся на незащищенный город. Захватчик готовится ударить!

ГЛАВА 13. В Яме

Часы, дни, которые последовали за этим, я помню теперь, как один яркий сон, но даже в то время, мне казалось, что все вокруг тонет в дымке нереальности. И, хотя город в Яме был адом для тех, кто долго прожил в нем, но для меня в течение следующих нескольких дней он был городом чудес.

Я успел вдоволь побродить по этому городу, пока мы ждали. Каждый день мы напряженно ожидали ночь, но всегда, когда ночь приходила, город заливал мягкий лунный свет. Не было и речи о попытке побега при таком ярком освещении. И мы ждали, понимая, что может выйти так, что никакой попытки не будет...

В течение восьми дней я изучал пещерный город, обычно в компании кого-нибудь из наших друзей. Когда это было возможно, мы предпочитали держаться вместе, так как вместе представляли собой весьма сильную компанию, чьи пять мечей заставляли агрессивную публику держаться на расстоянии.

Несмотря на это, мы дважды были вовлечены в бои, и оба раза нам удалось одержать победу, хотя не удалось из-

бежать ран. Это было кровавое и жестокое общество, дикая и незаконная вольница; мир волков в человеческом обличии. Но атмосфера свободы и отсутствия привычного социального лицемерия опьяняла. Продукт цивилизации, я был брошен сейчас в жизнь, где сила и мастерство владения оружием были мерилom человека, и где все споры урегулировались с помощью клинков. Заточенные в переполненной Яме, мы были вольными, свободными от какого-либо права или этикета. Вскоре я научился куражиться так же смело, и хмуриться так же свирепо, как любой обитатель ямы. И, в постоянной практике с моими друзьями, я хорошо овладел мечом. А еще в мою жизнь вошла настоящая, преданная, крепкая дружба. Четверо мужчин, из четырех разных веков, разные по характеру и манерам, стали самыми близкими друзьями для меня и Лэнтина.

С самого начала я ощутил симпатию к Денхэму, ибо он был мне почти что современником, мне легко было понять его, а ему меня. Утонченный аристократ старой английской школы, элегантный в манерах и выглядящий франтом, он был ужасно быстрым в бою. Его тонкая рапира решала исход боя раньше, чем его противник успевал моргнуть. Он пытался выглядеть, как подобает джентльмену, и это было источником постоянных дружеских насмешек, которые мы отпускали, глядя на его попытки привести в порядок потертый и рваный мундир. Но, в ответ на все наши смешки, он лишь улыбался тихо и продолжал свою работу.

Совсем другим был Д'Алор, хотя он был мне не менее симпатичен. Ругань, смех, крик! Он никогда не был тихим, и всегда отличался волчьим аппетитом. Он очень быстро обижался, и часто было проблемой удержать его от бессмысленных ссор, но так же быстро он забывал обиды, причем напрочь. Больше, чем остальные из нас, он любил сражаться, и был в своей стихии в Яме. Иногда он заявлял, что если бы не отсутствие вина и женщин, то хотел бы навсегда остаться здесь.

На несколько лет старше, чем остальные из нас, был римлянин, который побывал с его легионом на всех дальних границах империи, от Парфии до Британии. Он никогда не волновался и никогда не был растерян, спокойный, бесстрашный ветеран, который помог мне понять, какова была

причина величия его народа, который создал величайшую империю в истории и наложил печать своего языка и обычаев на половину мира.

Самым странным из четверых был конечно ацтек. Тихий, даже робкий, когда не надо было драться; но я никогда не видел такой тигриной ярости, какую он проявлял в бою. Он имел громкую славу смертоносного бойца, даже в этом городе воинов, и его опасались самые бесстрашные. Он умело орудовал своим пилообразным мечом, и я всякий раз вздрагивал, видя рваные раны, наносимые этим смертоносным оружием. Он был самым надежным и верным другом для друзей, но для тех, кого он ненавидел, он был самым страшным врагом.

Мы бродили по городу, искали Кэннелла, но так и не нашли его. Я начал думать, что, в конце концов, он не в Яме. Возможно, мы упустили его в столпотворении Орды, или он был убит и теперь блуждает живым мертвецом по городу Кан-Лар как один из рабов в белых одеждах.

Но Лэнтин не верил в это. Он искал от рассвета до темноты каждый день и был удивлен тому, что не смог найти своего друга. Он не сопровождал нас, предпочитая искать в одиночку, и, хотя мы опасались за его безопасность, он никогда не попадал в переплет. Его очевидные возраст и мягкость, возвышенность его природы, укрывали его незримым щитом, так что никто не нападал на него, не из страха, но скорее из инстинктивного уважения, свойственного даже самым грубым натурам.

Дни пролетали, и, работая в редкие часы, когда мы были одни и никого не было поблизости, нам удалось сделать металлический крюк и сплести длинную веревку. Крюк был похож на тройной рыболовный крючок, достаточно большой, чтобы зацепиться за лестницу. Он был сделан из обломков металлических стульев. Вербку, одну длинную и очень крепкую, мы сплели из полосок разорванной ткани, навязав по всей её длине узлов, чтобы облегчить восхождение. Вербку и крюк спрятали под нары француза, в хитро устроенный маленький тайник.

На восьмой день облака, наконец, скрыли луну. Мы все, кроме невозмутимого Гонория, заметно волновались. И наконец,

свет померк, и стигийский мрак опустился на город, тьма, на рушаемая лишь тусклым багровым светом редких ламп.

Час прошел и еще, и еще. Потом Денхэм поднялся с койки и неспешно вышел из комнаты, затем, в течение нескольких минут — Д'Алор и ацтек. На койках храпели отборные головорезы из разных стран и эпох, но оба наших товарища прошли через всю казарму к двери, не разбудив никого, так что Лэнтин, Гонорий и я последовали за ними. Римлянин нес крюк и веревку, скрыв их под плащом.

Мы вышли из темной казармы на улицу, почти столь же темную. Багровые шары фонарей не столько рассеивали, сколько подчеркивали мрак вокруг. Несколько пьяных еще шаталось по улице, но большинство из тысяч жителей под земного города спали в своих казармах.

Денхэм, Д'Алор и Иксчитьль ожидали нас, и, не говоря ни слова, наша маленькая команда быстро зашагала по темной улице к площади и лестнице.

ГЛАВА 14. Вверх по лестнице

Когда мы вышли на площадь, оказалось, что она почти полностью пуста. Над нами смутно вырисовывались витки спиральной лестницы, и там, где лестница касалась пола ямы, мы увидели багровые шары фонарей, которые освещали высокие запертые ворота. Прячась в тени, мы прошли к дальнему краю площади, и в темноте Лэнтин и я заняли позиции непосредственно под нижним витком спиральной лестницы, который висел в воздухе на высоте около тридцати футов над нашими головами.

Даже с того места, где мы стояли, мы слышали топот охранников, патрулировавших вход на лестницу. Также мы слышали болтовню и хриплый смех других охранников, которые несли вахту возле ворот. Говоря шепотом, Денхэм объявил:

— Будьте готовы к попытке в любой момент. Но будьте уверены, что все охранники на лестнице дошли до ворот.

— Если мы сумеем вернуться с подкреплением, — спросил я торопливо, — где мы можем найти вас?

Он задумался на мгновение, а затем сказал:

— Вы знаете высокий барак на северном краю Ямы, прямо под стеной?

— Который с крышей? — спросил я, и он кивнул. — Да, этот. Ну мы, вчетвером, будем ночевать на этой крыше. Можно залететь прямо в шахту на вашей летучей машине и забрать нас с крыши в темноте, чтобы здесь никто ничего не заметил. Но сначала надо заручиться помощью от людей Кома, как мы планировали.

— А Кэннелл? — спросил Лэнтин. — Вы будете искать его?

— Не бойтесь, — ответил Д'Алор. — Мы найдем его.

Спокойным голосом Гонорий прервал наши речи.

— Время делать нашу часть работы, — сказал он Денхэму, и англичанин кивнул.

— Прощайте, — сказал он нам. — Я знаю, вы сделаете все, как надо.

Пожав нам руки, друзья скрылись во тьме.

Минуту или около того Лэнтин и я стояли молча, слушая разговоры охранников на лестнице выше нас, а затем, внезапно, пронзительный крик от центра площади разорвал тишину. Это был Д'Алор.

— Тысяча чертей! Все на выход! Мы идём грабить Ком!

Крик разорвал тишину, а затем неоднократно повторился, но громче, к голосу француза добавился рев трех друзей. Крики заставили забеспокоиться охранников у ворот, и один из них заорал, чтобы француз прекратил кричать. Но было поздно. Услышав крик, по улицам уже катилась толпа головорезов. Они услышали крик и подхватили его, думая, что час набега настал.

— Вперед, на Ком! — ревели они, бросившись к воротам лестницы. В свете фонарей мы видели бушующее людское море, море лиц, перекошенных жаждой битвы и грабежа. Со всех девяти улиц бежали они, каждый с мечом в руке, жаждущая обещанного Великого Грабежа.

Они начали ломать ворота, требуя начать набег немедленно. Крики орды слились в тысячеголосый гул:

— Свободу! В поход нас на Ком!

Когда начался весь этот шум и гам, встревоженные крики у ворот привлекли внимание охранников на лестнице. Те

из стражей, которые патрулировали верхние части лестницы, побежали вниз, чтобы помочь своим собратьям у ворот. Именно этого Лэнтин и я ожидали. Я поднял металлический крюк, раскрутил над головой, предварительно привязав к нему веревку, и затем метнул к краю лестницы над нами.

Он ударился о внешний край лестницы с громким звуком, который заставил мое сердце подскочить. Я боялся привлечь к себе внимание охранников у ворот, даже несмотря на шум толпы. Но крюк просто упал рядом со мной.

Прежде чем я смог бросить его снова, я услышал предупреждающий шепот Лэнтина, и в следующий момент группа в составе полусотни разъяренных воинов промчалась прямо перед нами, чтобы принять участие в штурме ворот. Они пробежали, не видя нас в темноте, и следом за ними промчались еще человек пять или шесть. Затем, дождавшись момента, когда лестница опустела, я вновь швырнул крюк, на сей раз удачно. Он уже начал было соскальзывать, но все же чудом зацепился за одно из отверстий в бортике, по краю лестницы.

Я поспешно ухватился за веревку и торопливо начал подниматься вверх. Карабкаясь вверх, я вскоре достиг бортика, перелез через него, и упал, задыхаясь, на мгновение на лестнице. Затем, склонившись над бортиком, подал сигнал Лэнтину, которого я мог видеть, но смутно в темноте. Уперевшись кое-как в противоположный борт, я с большим трудом вытянул друга на лестницу. Затем, выкинув веревку и крюк как можно дальше, я постоял примерно минуту неподвижно, переводя дух.

На всей площади и ниже нас в алом зареве фонарей бурлило людское море. Жители города штурмовали тяжелые ворота, а охранники отгоняли их длинными копьями. И со всех длинных улиц, которые уходили во тьму, доносился топот множества ног и крики возбужденных мужчин. Бунт, который разожгли наши друзья. Лишь несколько мгновений я наблюдал сцену ниже, затем мы с Лэнтином начали наш подъем.

По мере того как мы поднимались вверх по круто наклонной спирали, картина бунта внизу уменьшалась в размерах, превращаясь из бурлящего людского моря в маленькую

лужицу. Но то, что ниже бунт был еще не подавлен, стало очевидно, когда, прежде чем мы прошли десять витков спирали, тонкий луч синего света вспыхнул у ворот, луч, направленный вверх.

Я вспомнил слова Денхэма относительно сигнализации охранников и спросил у себя, не был ли этот луч сигналом. Меньше чем через минуту луч исчез, но, пока мы бежали вверх по виткам большой спирали, слабый звук донесся с высоты — лязг открываемого люка, который отсюда был едва слышен.

— Люк в храме! Они открыли его! Они идут в шахту! — воскликнул я.

Лэнтин не отвечал, задыхаясь от тяжелого подъема. Всего за несколько минут мы промчались примерно до середины этой громадной лестницы. Внезапно что-то с шипением пролетело вниз, сквозь спиральные витки лестницы. Шипение повторилось, и теперь я увидел, что оно было вызвано падающими вниз тросами.

Я схватил Лэнтина, бросившись плашмя на лестницу. И через несколько секунд, выглядывая осторожно через низкий бортик, увидел темные фигуры, мчащиеся вниз по тросам, одна за другой. Когда они проскочили мимо нас, мы вскочили на ноги и помчались вверх со всех сил.

— Стражники сверху, — сказал я моему спутнику — Будем надеяться, что все ушли вниз.

Мы бежали круг за кругом по спирали, вверх и вверх. Звуки бунта в яме уже не были слышны, и мы добрались до крыши пещеры и вала, который окружал шахту. Стена вала возвышалась уже недалеко, слева над нами.

Я думаю, что мы прошли две трети длины лестницы, когда Лэнтин внезапно остановился как вкопанный. Когда я повернулся, он поднял руку, словно хотел предупредить меня.

— Слышишь это? — спросил он шепотом.

Я слушал напряженно и в один момент услышал звук, который остановил его. Он был ритмичным, регулярным и, казалось, шел из точки на некотором расстоянии над нами.

— Стража! — прошептал он. — Некоторые из них идут вниз по лестнице!

Мое сердце готово было остановиться при мысли о бое на узкой лестнице над бездной. И каждую минуту, что я стоял

в нерешительности, топот ног раздавался все ближе и ближе. Почему они спускались по лестнице вместо тросов, я не знал, хотя, скорее всего, они просто начали спуск еще до получения сигнала снизу. Но, независимо от причин, они подходили все ближе и ближе. Мой разум, на миг впавший в ступор перед лицом смертельной опасности, снова действовал с неистовой скоростью, и я развернул вторую веревку, которая была смотана вокруг моего тела. Бортник по краю лестницы, через равные промежутки, был прорезан сквозными отверстиями. В одно из них я и продел веревку, надежно закрепив и снабдив петлями на конце. Лэнтин сразу же понял мой замысел, и, пробормотав «Хорошо!», поставил ногу в одну из петель, в то время как я сделал то же самое с другой.

Шаги приближались, хотя в темноте мы не видели никого. Прodeв ноги в петли и надежно ухватившись за веревки, мы сиганули с лестницы в темную бездну шахты. Мы раскачивались на веревках на расстоянии двадцати футов ниже лестницы и на высоте почти две тысячи футов над городом Ямы.

Вскоре появились марширующие охранники, и я перестал дышать от страха, когда они проходили мимо места, где наши веревки были привязаны. Если бы хотя бы один из них заметил веревку и небрежно полоснул ножом, мы бы полетели вниз. Но охранники прошли мимо, и я отчетливо слышал команду их командира двигаться быстрее, когда они прошли мимо нас. Дождавшись, пока они удалятся, мы начали выбираться вверх. Медленно и предельно осторожно мы взбирались по раскачивающейся над пропастью веревке, до тех пор пока наши руки не сжали бортник, ограждающий лестницу, и мы перевалились через него, рухнув на ступени.

Рукоять моей рапиры при этом громко звякнула о металл. Потрясенный, сжавшийся от ужаса, я лежал, ожидая конца, но охранники либо не слышали этот звук, либо не придали ему значения. Их шаги постепенно стихли, удаляясь. Я поднялся на ноги, тяжело дыша.

— Проскочили, прошли по лезвию! Если бы они нас заметили, нам был бы конец! — прокомментировал Лэнтин.

Отвязав веревку, я снова смотал ее вокруг моего тела и подошел к Лэнтину.

Он стоял неподвижно, вглядываясь в темноту. Когда я шагнул к нему он воскликнул вдруг:

— Берегись, Уиллер!

Я инстинктивно бросился плашмя на лестницу, тяжелый нож пролетел в воздухе над моей головой, и упал, звякнув о стену. Я вскочил на ноги и повернулся, выхватывая рапиру из ножен. На пять ступеней ниже по лестнице от нас стоял охранник, высокий смуглолицый парень, которого я едва видел в сумраке. В мгновение ока я понял: он услышал звон от удара моей рапиры о лестницу, вернулся и наткнулся на нас.

Охранник издал хриплый крик и побежал ко мне. Его длинное копьё было нацелено в мое сердце. Но теперь у меня был клинок, и, увернувшись от копья, я нанес удар ему в горло — выше доспехов. Удар был верным, и мой противник рухнул с лестницы, издав страшный крик, жуткий и пронзительный. Снизу донеслись встревоженные крики других охранников. Нельзя было терять ни единой секунды.

Звон оружия, крики и топот доносились снизу. Нас обнаружили.

Я знал, что мы очень близко к вершине лестницы, но, хотя мы знали, что металлическая крышка люка открыта, не было никакого света сверху. В храме казалось так же темно, как и в шахте.

— Только бы не было охранников в верхней части лестницы, — пробормотал я на бегу. Лэнтин не ответил, и по его измученному дыханию я понял, что он выбивается из сил от нашего долгого, тяжелого подъема. И с противоположного края лестницы, с другой стороны ее спирального витка, уже доносились крики и звон оружия. Потом крики смолкли на мгновение, охранники поняли, что их товарищ убит. Затем с воплями гнева они помчались за нами.

Мы, шатаясь как пьяные, преодолели последний виток лестницы. Из тьмы появилась складная лестница, соединявшая винтовую лестницу с помещением Храма. Признаков присутствия охранников не наблюдалось, но я все же вытаскивал рапиру из ножен и поднимался очень осторожно, пока мы не шагнули на черный каменный пол кольца, ограждавшего шахту. Густая тьма царила в гигантском здании, и полная тишина свидетельствовала, что Храм пуст. Лэнтин стоял

рядом со мной, снизу приближались разъяренные охранники. Я начал лихорадочно шарить руками по стене в поисках спасительного рычага.

Внезапно мои руки нашли его, и я рванул его вниз, до отказа, и простонал с облегчением. С громким щелчком складная лестница втянулась в стену.

— Это задержит их, — сказал я моему другу, который подбежал ко мне и схватил меня за руку. Когда мы пробежали вокруг стены к выходу, я объяснил в нескольких словах, что я сделал. Было очень хорошо для нас, что я вспомнил, как складывается и раскладывается эта лестница. До нас доносились исполненные бессильной ярости вопли — преследователи обнаружили, что оказались в тупике.

Проскочив через арочный тоннель входа, мы оказались, наконец, на открытом воздухе. На мгновение забыв о храме позади нас, мы с замиранием сердца остановились, вдыхая воздух, наслаждаясь бесконечностью неба над головой, вместо каменного свода.

Тьма царила над городом цилиндров, тьма, усугубляющаяся отсутствием луны или звезд. От места, где мы стояли, на восток убегала улица, но беда была в том, что на улице было полно охранников.

Я повернулся к Лэнтину, но прежде чем я успел что-то сказать, мы оба инстинктивно прижались к стене храма. Звук шагов на площадке возле здания, тихий и неслышный, звучал для нас как раскаты грома!

Мы прижались к стене в тоннеле входа. Из храма едва слышно доносилась ругань охранников, которые еще не выбрались из моей ловушки. Затем две фигуры появилось у входа в тоннель, две призрачные белые фигуры, которые двигались сквозь тьму.

— Рабы! — пробормотал Лэнтин, и по белым халатам и механическому характеру движений незнакомцев я понял, что он прав. Они прошли мимо нас, точно две заводные куклы — механические и лишенные разума и воли. Нас они не удостоили ни малейшего внимания. Они прошли мимо нас в глубину туннеля.

Я поспешил за живыми мертвецами, держа рапиру за лезвие дюймах в шести от рукояти. Подкравшись к ним сзади, я

нанес два быстрых удара рукоятью по черепам. Рабы упали. Лэнтин подбежал ко мне, мы сняли с ходячих трупов их белые одеяния и напялили поверх одежды. Я вздрогнул с глубоким омерзением, когда коснулся ледяных на ощупь тел рабов. Мертвые рабы Кан-Ларас! По крайней мере, я надеялся, что мои удары освободили их от их страшного посмертного рабства.

Замаскировавшись, мы поспешили из туннеля вниз по пандусу, на широкую улицу, освещенную багровым заревом фонарей. Мы прошли некоторое расстояние вдоль улицы, прежде чем встретили первых охранников, и когда мы встретили их, мы изменили нашу походку, стараясь копировать механические движения, а лицам придать пустое и бессмысленное выражение.

Мы прошли беспрепятственно. Никто из охранников даже не взглянул на нас. Мы вздохнули с облегчением, хотя еще долго сохраняли механическую походку и безразличное выражение лица.

Когда мы подходили к краю города, улица почти опустела. Здания стали меньше размером и располагались дальше друг от друга; и мы были недалеко от места, где красные огни на улице заканчивались, и улица превращалась в дорогу.

Внезапный звук заставил меня схватить Лэнтину за руку. Из Храма над городом доносился тревожный набат, звон огромного колокола, сигнал тревоги! Он прозвучал несколько раз, и улицы наполнились яростными криками и грозным ревом боевых труб.

— Охранники! Кто-то нашел их там на лестнице! Они идут за нами! — прошептал я в отчаянии.

— Быстрее! — пробормотал Лэнтин, не оборачиваясь. — Мы почти выбрались из города.

Так и было. Мы приближались к концу освещенной части улицы, здания по обе стороны становились все меньше и меньше. Через несколько минут город закончился.

— Мы за городом! — невольно воскликнул я.

— Бога ради, Уиллер, молчи! Охранник смотрит на нас! — прошептал Лэнтин, побагровев. Мое сердце чуть не остановилось, когда, взглянув влево, я увидел человека, охранника в полном вооружении, который стоял в дверях небольшого здания, одного из последних на краю города. И он с подозрением

смотрел в нашу сторону. Без сомнения, его внимание было привлечено невероятным зрелищем — говорящими друг с другом мертвецами. Я проклял себя за глупость.

Мы вышли из города, с замирающими от страха сердцами. Оказавшись за пределами уличного освещения, мы скинули сковывающие движения халаты рабов и припустили рысью в ту сторону, где была спрятана наша машина.

Далеко позади нас в городе утихли крики наших преследователей. Мы были в открытой местности, дорога закончилась, мы бежали через поле к холмам, где был спрятан наш хронолет.

— Опасность миновала! — радовался я, когда мы приближались к холмам во мраке ночи. — Им никогда не найти нас!

— Найдут, если охранник, который видел нас, расскажет о разговорчивых мертвецах, — ответил Лэнтин.

— Даже тогда, — начал я, но вдруг оборвал себя и оглянулся. — Лэнтин! — закричала я в панике. — Лэнтин!

Из города к нам приближались сто или более мужчин, неся с собой множество пылающих багряным пламенем фонарей, свет которых зловеще играл на доспехах и наконечниках копий. Пока до них было более мили, но разрыв между нами быстро уменьшался, так как они шли прямо по нашему следу.

— Трава! — Я ахнул, осознав очевидное; — они могут нас легко отслеживать по следу!

Трава была сухой и ломкой, мы вытоптали в ней отчетливую тропку, и найти нас сумел бы даже пятилетний ребенок. И завывания преследователей за спиной свидетельствовали о том, что они взяли наш след.

Мы бежали, выбиваясь из сил, но погоня неуклонно приближалась, находясь уже меньше чем в миле от нас. К этому времени мы знали, что должны находиться недалеко от долины, где наша машина была скрыта. Вот тогда и началась настоящая гонка.

Я слышал, как задыхается на бегу Лэнтин. Длинный подъем по лестнице из ямы и поход через город подорвали его силы, и его выносливость была почти исчерпана.

Сквозь тьму маячила темная масса перелеска. Мы были у цели, но надо было в темноте пробраться сквозь чащу. Когда мы сделали это, Лэнтин обессилено рухнул на землю.

— Иди дальше, Уиллер. Ты можешь уйти. Я не могу идти дальше, — простонал он.

Я оглянулся и увидел, что наши преследователи продвигаются широкой линией через лес, освещая чащу заревом огней, так что мы не могли скрыться от них в тени. Здесь не было травы, и мы не оставляли следа, но шансов отсидеться у нас не было.

— Я не могу оставить тебя здесь. Если ты останешься, останусь и я, — ответил я Лэнтину.

— Иди! — приказал он. — Ты все сможешь сделать без меня. Поспеш!

Я посмотрел назад, колебался пару секунд, а затем быстро нагнулся и, подхватив друга, поставил его на ноги и поволок к машине.

Я не оглядывался назад, но длинные лучи красного света резали тьму возле меня, когда наши преследователи и их огни появились из рощи. Они увидели нас, раздались крики и улюлюканье. Через несколько шагов я был на месте на дне долины, на склоне, где был спрятан хронолет. Из последних сил я полз на склон.

Внизу хищно сверкали мечи и копья преследователей. Я из последних сил тащил Лэнтина, а он уговаривал меня бросить его и спастись одному. Преследователи были от нас не более чем в ста ярдах. Я раскидал гору сучьев и убедился, что машина цела. Открыв люк, закинул Лэнтина внутрь. Я уже забирался в машину, когда десятки преследователей вынырнули из мглы, завывая, потрясая копьями, озаряя сумрак багровым сиянием фонарей.

Они остановились, увидев меня, на расстоянии примерно пятнадцати метров. Трое ближайших подняли их тяжелые копья, занеся их для броска. Три смертоносные металлические молнии метнулись ко мне.

Но не успели достигнуть цели, порыв ветра внезапно налетел на меня, а затем охранники, фонари, и даже три копья в воздухе исчезли — это наша машина рванулась сквозь время!

ГЛАВА 15. Полет надо льдами

Мы перескочили через два дня и ночи, перед тем как Лэнтин решился остановиться. К тому времени мы включили привод для движения в пространстве и повисли в воздухе на высоте нескольких метров, неподвижно в пространстве и времени.

Было раннее солнечное утро, долина была спокойна и безмятежна. В течение двух дней, через которые мы проскочили, охранники отказались от поиска и вернулись в город. Я удивлялся тому, как они объяснили сами наши внезапное исчезновение.

Теперь я скользнул вниз в машину и закрыл верхний люк. Рухнув на мягкую обивку, ощущая чудовищную усталость, я попытался выразить Лэнтину благодарность за спасение моей жизни, поскольку, замешкайся он на миг, я был бы сражен копиями. Но друг не стал слушать меня, заявив, что если бы я не дотаскил его, он вообще не оказался бы в машине.

Через несколько минут Лэнтин вернулся к пульту управления, и, описав большой круг, наша машина понеслась на юг. Вскоре далеко впереди блеснул лед, и через несколько минут после этого зеленая долина скрылась за горизонтом позади нас. Мы мчались над унылой ледяной равниной, рассекая воздух, как метеор. Час за часом мы летели над полями блестящей белизны. Холодный воздух заставил нас включить обогреватель, и даже с ним было не слишком тепло. Ниже — от горизонта до горизонта — лишь отдельные снежные дюны и торосы нарушали унылую монотонность пейзажа.

Наконец, прямо по курсу мы увидели у горизонта загадочную темную линию. Мы уменьшили нашу скорость и, снизившись, понеслись навстречу загадочной черной стене.

Казалось, она росла по мере нашего приближения, пока не развернулась под нами, более величественная, чем любой горный хребет. И это действительно была рукотворная стена.

Но что это была за стена! Гигантский металлический барьер, высотой и толщиной с хороший горный хребет, тянулся с востока на запад, от горизонта до горизонта. Колоссальный барьер из металла, толщиной в милю и полторы в высоту. В

сравнении с этой стеной, Китайская стена и могучие стены Вавилона были игрушками.

Видимо, эта стена остановила ледник. На север от барьера тянулись бескрайние поля льдов. Но на его южной стороне не было льдов. Травянистая лесотундра с небольшими лесами карликовых деревьев простиралась к югу.

Повиснув над могучим барьером, мы обследовали его. Однако вокруг нас не было никаких признаков жизни. Ни звука, ни движения. Только белая гладь на севере, травянистые пустоши на юге, и стена между ними.

Лэнтин проговорил взволнованно:

— Ты видишь стену, Уиллер? Она была построена здесь как плотина, чтобы сдержать натиск ледника, чтобы остановить лед. Но как она построена? Кто бы мог подумать, что люди могут создавать такие вещи, как это!

Теперь я видел, что Лэнтин был прав. И я был поражен, с благоговением взирая на достижение потомков. Чем были, Великая Китайская стена и марсианские каналы в сравнении с этим? Здесь, в далеком будущем, мы видели еще одно достижение человеческого гения в деле завоевания природы человеком. Человек сумел остановить ледник!

Час мы висели над колоссальным барьером и лишь потом вспомнили о нашей миссии и снова понеслись на юг. Когда мы взлетели, ниже мы не видели никаких признаков жизни, ничего, кроме мрачных арктических равнин с редкой растительностью.

Но вскоре Лэнтин позвал меня, и, когда я посмотрел на юг, я различил мерцание света, марево, рябь воздуха. Мы промчались дальше, постепенно снижаясь.

Далеко впереди мы увидели ярко-зеленый ковер, и по мере приближения я разглядел небольшие участки белого на зеленом странно регулярной формы. Как только мы подлетели ближе, эти белые пятна превратились в здания, окруженные садами. Снова Лэнтин остановил машину, и мы смотрели вниз, недоумевая. Существовала граница, незримая прямая линия, отделяющая сады от тундры. К северу от этой линии было холодно, там лежали равнины, открытые всем ветрам, и была низкорослая, арктическая растительность; южнее же невидимой линии, казалось, лишь в нескольких

метрах от мрачной тундры, начинался край пышных тропических садов, протянувшийся на юг, насколько хватало глаз. И неувимое мерцание, казалось, начиналось от этой линии. Если вы когда-нибудь видели мерцание нагретого воздуха над железнодорожными путями или над горячим песком в теплый день, вы поймете меня. Это было так же, неувимо, мимолетно — странная рябь в воздухе, под нами.

— Не могу понять, — вздохнул Лэнтин, указывая вниз на невидимую линию, отделяющую арктических мир от тропиков. — Сады — всего в нескольких футах от холодной лесотундры.

— Я тоже. А еще... В машине холодно, как на полюсе, даже с обогревом. А под нами — сады!

Он покачал головой, и мы полетели дальше на юг, стуча зубами от холода над равниной, напоминающей солнечную Флориду в разгар лета. Утопающие в зелени газонов и садов, белые здания стали более многочисленными. Мы могли видеть, что они были различной формы: некоторые как конусы, другие кубической формы, а еще сферические, словно большие глобусы из белого камня, частично погруженные в землю. Конусообразные здания были наиболее многочисленными, хотя там было много других конструкций. Но нигде не было зданий цилиндрической формы.

Воздух под нами продолжал загадочно мерцать. Мы летели с пониженной скоростью, менее чем в миле над землей, и под нами исчезли газоны и сады, уступив место переполненному зданиями огромному городу. Широкие улицы этого города были заполнены множеством людей и машин. Но не было никаких признаков летательных аппаратов.

По мере приближения к центру здания становились больше. Посреди города вырастал гигантский конус центрального здания — планировка города напоминала Кан-Лар. Мы изменили наш курс, направившись вниз, к колоссальному центральному зданию. Оно было гладким усеченным конусом без окон и видимых входов, и на вершине конуса была плоская, круглая платформа в несколько сотен метров в диаметре. Мы направили машину прямо к этой платформе.

— Сядем здесь. Это Ком, без сомнения, — объявил Лэнтин.

Я кивнул головой, но не ответил, мое внимание было занято чем-то еще. Когда мы спускались по наклонной, плавно

вниз, к конусу здания, с умеренной скоростью, я заметил, что странное мерцание света, которое озадачило нас, становится интенсивнее. Оно, видимо, висело устойчиво выше конуса, на высоте нескольких десятков ярдов над его вершиной. Меня осенило, я понял, что это такое.

— Лэнтин! Это мерцание! Это крыша, прозрачная крыша! Останови машину!

Лицо его посерело, он попытался изменить курс. Но, прежде чем его руки легли на рычаги, последовал чудовищный удар. Грохот и лязг оглушили меня, потом меня швырнуло головой о стенку, и сознание померкло.

ГЛАВА 16. Перед Советом города Ком

Сквозь пульсирующую тьму и боль пробивался свет. Однообразное монотонное гудение наполняло пространство. Я повернулся, борясь с наваждением, и открыл глаза.

Я лежал на мягком матрасе, на низкой узкой платформе из металла. Надо мной был высокий белый потолок, и, как только я смог слегка приподняться, опираясь на одну руку, я смог провести обзор остальной части комнаты, в которой я лежал.

Светлое просторное помещение, с белыми стенами и наполненное солнечным светом. В одном конце комнаты были высокие открытые окна, без стекла или затвора. Через них струились свет и мягкий воздух. Кроме кровати, на которой я лежал, и двух металлических стульев простого дизайна, комната была пуста. Здесь царила простота, но это была суровая, чистая простота, которая была приятна для глаз.

Теперь память вернулась ко мне, и с ней пришел внезапный страх. Где Лэнтин? Он выжил в катастрофе? Я попытался встать, но не смог, и тут дверь в одной из стен скользнула в сторону, и в комнату вошел человек. Высокий и властный на вид, с темными волосами и открытым молодым лицом, он мог показаться молодым, но что-то в его глазах выдавало тот опыт, что приходит с годами. Он был одет в короткую белую тунику, с тремя узкими полосами пурпура. Когда он увидел, что я проснулся, он подошел ко мне.

Приветливая улыбка осветила его лицо, когда он обратился ко мне на языке кан-ларас.

— Ты проснулся, Уи-лаа-ер? И твой друг тоже пробудился.

— Лэнтин! — воскликнул я. — Он в порядке? Он не сильно пострадал?

Вошедший улыбнулся.

— Не больше, чем вы. Вы хотели бы видеть его?

Я охотно согласился и попытался подняться, но он заставил меня лечь обратно.

— В этом нет необходимости, — сказал он и коснулся скрытой кнопки у подножия металлической платформы, на которой я лежал. Сразу же платформа бесшумно и мягко всплыла в воздух, зависнув на высоте четырех футов над полом. Когда мой новый друг положил руку на её край, она медленно поплыла по воздуху.

Он увидел мое удивление и объяснил:

— Металл хлориум. Тот же материал, который мы когда-то использовали для наших воздушных лодок. Он невесом, под влиянием определенных сил. — Затем в раздумье добавил: — Меня зовут Кетра.

Легко перемещая по воздуху мою платформу, он двигался к двери комнаты, когда я остановил его жестом.

— Можно я на минутку выгляну из окна? — попросил я. Вместо ответа он шагнул к окну и легко подтолкнул рукой туда же мою платформу. Я приподнялся и посмотрел с нетерпением наружу.

Я сразу увидел, что нахожусь на одном из верхних этажей огромного здания конуса, куда мы пытались опуститься, когда мы разбились. Ниже и все вокруг наполняли белые здания до горизонта, выглядевшие, как тысячи огромных геометрических моделей, конусов, сфер и кубов. С высоты я мог наблюдать огромные толпы пешеходов на улицах и потоки автомобилей странной конструкции на поднятых над землей трассах эстакадах. Огромная толпа двигалась вокруг центрального здания, где мы находились. Я повернулся к Кетре.

— Это Ком? — спросил я.

Он кивнул:

— Ком.

Я указал на толпы на улицах.

— Вас здесь миллионы? — поинтересовался я.

Его лицо стало мрачным, когда он тоже посмотрел на массы людей.

— Это редкость, толпа, как эта... Но во время великих событий наши люди собираются вокруг этого здания, которое является резиденцией Совета Кома, чтобы узнать, какие решения приняты.

Он отвернулся от окна, с лицом торжественным и строгим, и небольшим толчком направил мою платформу к двери. Минув длинный коридор, мы оказались в комнате, которая была точной копией той, где я пришел в себя. И там, стоя и глядя вниз через открытое окно, как я только что делал, был Лэнтин. Он повернулся, увидел меня и нахмурился. Кетра нажал кнопку, моя платформа опустилась на пол, и при содействии моего друга я поднялся кое-как на свои ноги.

— Ты в порядке, Уиллер? — спросил Лэнтин быстро. Я заверил его, что да, но слабость и головокружение, которые я чувствовал, были очевидны. Лэнтин печально усмехнулся.

— Каким дураком надо было быть, чтобы разбиться прямо об эту крышу! — Он указал на голубое небо, и, подойдя к окну рядом с ним, я посмотрел вверх с любопытством.

И я увидел то же мерцание в небе, что я заметил сверху, неуловимые, колеблющиеся вспышки света, что, как я знал теперь, было вызвано сверканием лучей солнца на плоской прозрачной крыше.

— Крыша покрывает весь город? — спросил я у Кетры.

— Весь Ком лежит под ней, — согласился Кетра. — Без нее как могли бы мы выжить?

Он очертил в воздухе широкий жест, как бы охватывая город и тонущие в садах предместья.

— Но как она построена? — спросил я. — Как поддерживается? Это стекло, или иной материал?

— Это не материал, — ответил он, поразив меня. — Это силовое поле.

Я посмотрел на него недоверчиво.

— Поле? Оно было твердым, когда мы врезались в него.

— Да, это поле. Это причина, по которой это почти невидимо, сверху или снизу, — улыбнулся Кетра.

— Это экран электрических сил, накрывающий куполом нашу страну. Он спроектирован и рассчитан так, что, под держиваемый кольцом генераторных станций, экранирует некоторые колебания эфира и позволяет другим беспрепятственно проходить внутрь. Например, он не пропускает материи, такой как воздух, или как ваш аппарат. Весь воздух город получает через специальные шлюзы. С другой стороны, он позволяет вибрациям света и теплового излучения проникать внутрь, и поэтому наш город освещен и нагревается на солнце сам. Без такого щита мы жили бы в городе мрачном и холодном, как равнины, которые окружают его.

— Значит, мы врезались в невидимый энергетический щит, — сказал я и покачал головой. — Он казался достаточно твердым, когда мы ударились в него.

— Самой мощной силой в мире невозможно пробить его, и это счастье, что вы летели не на высокой скорости, иначе вы бы погибли. Когда это случилось, мы обнаружили, вас обоих, лежащих бессознательно в вашем аппарате, вверху на силовом щите, и, так как мы можем нейтрализовать его по своему желанию в любой точке, мы смогли доставить вас в город.

— А наша машина цела? — встревоженно воскликнул я.

Кетра покачал головой.

— Она едва ли повреждена, — заверил он нас. — Нос был помят, но это мы уже отремонтировали.

Он остановился на миг, а затем сказал поразительную вещь:

— Ваша машина делает вам честь, отличная конструкция. Сожалею, что после создания этого аппарата и путешествия так далеко в будущее вы не смогли найти вашего друга.

Я ахнул и посмотрел на Лэнтина. Его лицо вытянулось от изумления.

— Я не говорил ему, Уиллер. Я клянусь, что я не говорил! Кетра улыбнулся.

— Ни один из вас не говорил мне. Но вы пролежали бессознательно не один день, и в это время мы узнали все, друзья мои, и узнали, как вы пришли сюда, чтобы предупредить нас об опасности с севера, об угрозе того, кого вы называете Захватчиком.

— Но как? — застерянно спросил я.

В ответ он коснулся кнопки в стене и указал нам на стулья около окна. Слуга в зеленой униформе принес металлическую шкатулку и передал ее Кетре.

Это была продолговатая коробка из черного металла, ярд длиной, не более. Наш компаньон коснулся элемента узора на полу своей ногой, обутой в сандалию, и небольшой квадратный участок пола выдвинулся вверх на четырех ножках, или опорах, образуя столик. Установив шкатулку на этом столике, наш друг открыл ее.

Внутри был маленький блестящий аппарат, состоящий из плоской коробочки, на котором был установлен рожек подобный раструбу мегафона, но гораздо меньший. Из коробки торчал гибкий шнур, разделенный на своем конце на три отдельных шнура, каждый из которых был снабжен металлическим наконечником. Установив этот прибор на стол, Кетра вынул из шкатулки три или четыре небольших бесформенных объекта, серых и морщинистых, меньше размером, чем бейсбольный мяч.

Кетра обратился к нам.

— Этот механизм, — сказал он, указывая на блестящий аппарат, — является тем, что мы называем мозгосканером. Как вы знаете, мозг сохраняет в своих извилинах неизгладимую, неизменную запись каждого слова и действия. Когда мы вспоминаем вещь, мы просто считываем эту запись, которую мы вызываем в памяти. И этот аппарат, при подключении к человеческому мозгу посредством нервной системы, считывает записи памяти.

Быстрым движением он прикрепил три металлические пластины к своему телу — одну выше лба, одну на шее, и еще одну на затылок.

— Эти пластины осуществляют непосредственный контакт с нервной системой через кожу, и к ним я присоединяю три шнура от мозгосканера.

Это было сделано, он нажал переключатель на коробочке под раструбом, и сразу металлический голос раздался из этого раструба, на кан-ларском языке.

Голос Кетры прервал речь прибора.

— Это отчет о моем опыте в течение последних нескольких часов, и, если его не остановить, прибор перескажет всю

мою жизнь. Его также можно использовать для того, чтобы извлечь из памяти нужные конкретные сведения, даже о событиях, которые я осознанно не помню. Механическая, идеальная память! — Он щелкнул выключателем и снял пластины. — И это еще не все, — добавил он, в то время как мы изумленно уставились на маленький механизм.

— Это, — он взял в руку один из сухих серых предметов, — человеческий мозг, мозг одного из великих мужей нашего народа, который умер пять веков назад. И все же его память и все мысли и ощущения жизни доступны нам с помощью мозгосканера.

Он быстро установил над засушенным мозгом полые полушария из металла и подключил к ним шнуры аппарата. Щелчок переключателя — и мертвый голос прибора начал излагать мысли и чувства человека, умершего пять веков назад! Я невольно вздрогнул, и Кетра отключил аппарат.

— Это покажется вам странным, — сказал он, — но вы увидите мудрость применения такого аппарата. Когда великий человек умирает... человек, умственные способности которого выше остальных из нас, его мозг удаляется и затем хранится в здании, зарезервированном для этой цели... Тысячи мозгов сохранились, и каждый из них доступен на все времена, с помощью мозгосканера, чтобы помочь нам знаниями, опытом, воспоминаниями. Таким образом, когда человек умирает, его разум не умирает, но остается записью, чтобы мы по необходимости могли с ним проконсультироваться.

— И пока мы были без сознания, вы использовали мозгосканер на нас? Узнали нашу историю, узнали, почему мы прилетели сюда? — подытожил я.

— Это так, — сказал он, и его лицо омрачилось. — Мы стремились узнать, кто вы — первые, кто пришел к нам за долгие века. И от мозгосканера мы узнали вашу удивительную историю, и мы знаем все, что вы пришли сказать нам, касающееся Чудовища, которое вы зовете Захватчиком. И это знание собрало эти толпы ниже, дожидаться решения Совета.

— Но что или кто — Захватчик? — воскликнул я. — Что это такое, Кетра? Вы знаете?

— Я знаю, — сказал он просто, и задумчивое выражение упало тенью на его лицо. — Я знаю, — повторил он. — И все

здесь, в городе, знают, и чтобы вы тоже знали, я расскажу вам всю историю. Скоро заседание Совета, и там мы будем решать, что делать дальше. Но пока я расскажу вам, в какую историю вы попали.

Он умолк на миг, а потом начал повествование таким голосом, словно пересказывал некую Священную книгу.

— Вот история кан-ларас — народа цилиндров, служителей Зла, несущих погибель и рабство. Знайте, люди из прошлого, что давным-давно, хотя и не в столь седой древности, как ваше время, наши люди обитали в четырех могучих городах, каждый из которых был почти столь же велик, как Ком. Еще не пришли с севера льды, и страны вокруг этих городов были зелеными и цветущими, но никто не жил в этих странах, все предпочитали жизнь в огромных городах. Люди уже научились делать пищу из почвы, как мы делаем сегодня, и поэтому не было необходимости пахать земляники жить на ней. В четырех великих городах обитали все люди на Земле... В каждом городе здания были построены по единой для города форме. Здесь, в городе Ком, все здания были конусовидной формы, и поэтому этот город стал известен как город конусов, и мы, его жители, звались народом конусов. Другой город был город кубов, третий город сфер и четвертый, город цилиндров... Каждый из этих четырех городов был свободной и независимой державой, каждый управлялся Советом, избираемым его жителями. Так и возникли соперничество между городами и ожесточенная ревность. Каждый стремился превзойти других, их научные достижения, и каждый стремился сохранить свою кровь от смешения с другими... А в городе цилиндров, Кан-Ларас, жили люди цилиндров. Они постепенно превратились в светловолосую расу, а мы были темноволосой расой. И два других города отличались также друг от друга и остальных... Эпохи прошли... А затем с севера покати́лась могучая волна льда, потрясая все земли. Он катился к четырем городам до тех пор, пока он не обрушился на город кубов. В отчаянии народ кубов попросил у нас убежища, и оно было предоставлено им. Они переселились в Ком, и лед стер с лица Земли их город. Потом лед сокрушил город сфер — и его народ также нашел убежище в Коме, который был самым южным из всех четы-

рех городов. И, наконец, лед навис над городом цилиндров, и его народ — кан-ларас, были вынуждены искать убежища в Кома. Но им это очень не нравилось. Однако лед было не остановить. Он неуклонно двигался на юг, до тех пор пока он не начал угрожать сокрушить Ком и оставить наш народ бездомным и обреченным на гибель. Но люди Кома нашли способ остановить ледник... Они разожгли атомный огонь глубоко под поверхностью земли, и вздыбилась земля на пути льда, и были созданы горы умом и рукой человека. И, дабы укрепить стену, мудрецы народа Ком преобразовали электронную структуру и ядра атомов вещества, обратив камень в металл, воздействуя на горы особым лучом трансмутации. Так стена из металла остановила лед. Далеко, по обе стороны, лед pokračился дальше, но город и страна вокруг устояли. Для борьбы же с холодом был создан силовой щит. Он пропускал свет и тепло солнца, но не пропускал холодных ветров с ледника. И, таким образом, казалось, мы одолели саму природу... Люди из других трех городов поселились в Кома, и каждый народ строил собственный тип жилища — куб, или сферу, или цилиндр. Все смешались, вступая в браки, и стали единой расой, за исключением кан-ларас — народа цилиндров. Они по-прежнему блюли расовую чистоту, хотя и ненавязчиво... С годами ученые Кома обретали все больше и больше мудрости. Они нашли способы укрепления своих тел таким образом, чтобы жить веками. Они разослали своих исследователей на другие планеты, они достигли дальних звезд. Они узнали тайну создания жизни, и они узнали, как победить смерть. Уход души из тела они не могли контролировать — есть мудрость выше возможностей и разума человека, но тело само по себе они могли сохранить, как движущееся и живое, хотя бездушное... Казалось, действительно, что все уже познано, и наука достигла пределов. И затем, без ведома других людей, ученые кан-ларас решили покорить секрет времени. Когда им удалось найти способ контроля времени, перемещения во времени, они создали Чудовище — непостижимую, бесформенную тварь, не существо и не машину, не живое и не мертвое. Чудовище могло преобразоваться в сгусток тумана и паров, и в этой газообразной форме могло путешествовать сквозь время. И это Чудовище они наделили

разумом, установив в нем три шара света, вместилище чувств. Это Чудовище вы называете Захватчиком... Это произошло при моей жизни, несколько десятков лет назад. Когда кан-ларас и их творение предстали перед Верховным Советом, я был членом этого Совета... Они объяснили силу их творения, они показали его жизнь, его интеллект... И они предложили Совету план, который Чудовище сделало возможным... Они отметили, что, поскольку Чудовище может путешествовать сквозь время, оно может летать в прошлое или в будущее и захватывать людей из любой эпохи, перенося их в наше время, делая нашими рабами. В наших городах жили только свободные люди. Тут не было рабов, поскольку почти все работы делали машины... Нас ужаснул этот нечестивый план. Совет отклонил этот план и предупредил кан-ларас, что, если они не разрушат то, что они сделали, Совет будет искать его и уничтожит его сам. Кан-ларас покинули Совет в ярости, но позже они пообещали уничтожить Чудовище в течение определенного периода времени, говоря, что они желали изучать его, прежде чем сделать это. Но пока они носились со своим детищем, Чудовище обрело огромную силу и разум, оно стало божеством кан-ларас, существом, каждое слово которого, для них было законом. Вновь Совет потребовал уничтожения их создания, и снова они согласились сделать это. Но втайне, ночью, вскоре после этого, народ цилиндра сел на воздушные лодки и вместе с Захватчиком бежал из города. Мы не знали, куда они исчезли, но разослали разведчиков для поиска. И когда все наши разведчики вернулись без результатов, мы решили, что они бежали с их злым богом на другую планету, и поэтому вопрос отпал. Мы всегда считали, что ледники на севере лежат сплошным слоем до самого полюса, и даже не искали их там. Но теперь, благодаря мозговому сканеру, которым мы воспользовались, пока вы были без сознания, все люди в городе знают об опасности, что висит над ними, знают, что Чудовище и изгнанники собрали тысячи свирепых воинов из разных эпох и собираются натравить эту орду на наш город, чтобы грабить и убивать наш народ. Скоро Совет соберется, чтобы решить, что делать...

Кетра закончил, и я молча размышлял над его удивительной историей. Лэнтин первым нарушил тишину.

— Два вопроса непонятны для меня: почему вы говорите на том же языке, что кан-ларас, и почему нет цилиндрических зданий в городе? Вы говорили, что у каждого народа свой собственный дизайн жилья здесь, но здесь нет цилиндров.

— Когда они бежали, цилиндры были снесены. Никто не захотел жить в них. Что касается нашего языка, все четыре города говорили на одном языке. Вы считаете этот язык кан-ларским потому, что вы слышали его у них, но это же и язык людей Кома.

Прежде чем мы смогли задать больше вопросов, прозвучал удар колокола.

— Совет начинается, — пробормотал Кетра. — Вас вызывают на его заседание.

Он жестом пригласил нас последовать за собой и повел по коридору, к маленькому лифту, который был странно знакомым. Кетра нажал кнопку, и мы начали плавный, бесшумный спуск. Когда лифт остановился, мы вышли из него в небольшой холл. Следом за Кетрой мы шагнули через высокий арочный проход в большой амфитеатр, полукруглый зал с возвышающимися друг над другом трибунами, с рядами кресел. В каждом кресле сидел человек, одетый как Кетра, и взоры всех мгновенно сосредоточились на нас. На возвышении в центре восседало четверо мужчин, старше остальных, и там было еще одно кресло, которое пустовало. Слуга быстро разместил два складных сидения на помосте, где устроились я и Лэнтин. Кетра шагнул на трибуну и начал заседание.

Он говорил тихим голосом, но по выражениям на лицах членов Совета было легко видеть, что его слова вызвали интенсивный интерес. Он проанализировал историю города, которую уже кратко рассказал нам, и затем указал на опасности, которые угрожают городу. Он закончил утверждением, что следует навязать врагу битву на его территории, а не ожидать нашествия.

Когда он закончил, возникло много вопросов относительно средств, необходимых для битвы. Оказалось, что воздушные лодки не использовались уже очень давно, из-за сложности полетов под силовым щитом, и поэтому было трудно найти достаточное количество машин, готовых к вылету.

Но Кетра отмахнулся в ответ на эти возражения. Большой флот воздушных судов мог быть построен в течение нескольких дней, заявил он, если люди Ком сосредоточат на этом все свои силы. Что касается оружия, проблема решается тем же путем и в те же сроки.

— А как быть с Чудовищем? Помните, оно является могучим, настолько могучим, что мы можем даже не догадываться. И оно может путешествовать во времени, а мы нет! — возразил крепко сложенный темноволосый депутат.

— Когда мы построим наш воздушный флот, мы оборудуем каждую воздушную лодку приводом времени, который изобрели наши друзья из древней эпохи. Таким образом, мы сможем преследовать врага не только в пространстве, но и во времени.

Были другие возражения, другие вопросы, но Кетра ответил на все. Ему удалось убедить Совет нанести удар по врагу, раньше, чем беспощадная орда обрушится на город. Мы были вызваны выступать дважды, чтобы предоставить информацию о противнике, и наконец, после нескольких часов обсуждения, Совет проголосовал подавляющим большинством голосов, решив построить Великую Воздушную Армаду, оборудованную для путешествия во времени. Как только строительство будет завершено, флот будет снабжен оружием и выступит на север под руководством Кетры, неожиданно напасть на город цилиндров, подавить кан-ларас и уничтожить Захватчика.

ГЛАВА 17. Битва и то, что случилось после

Через шесть дней после заседания Совета могучий флот воздушных судов взмыл в небо и закружил над городом. Характер невидимого силового щита над городом был изменен, чтобы сквозь него мог пролететь любой летательный аппарат. Пять сотен воздушных лодок реяло над городом. По конструкции они были такими же, как те, что я видел в городе цилиндров — длинные, плоские и узкие, заостренные

с обоих концов и с низкой стенкой вокруг борта для защиты пассажиров.

Люди Кома сотворили чудеса в эти шесть дней, построив полтысячи летающих машин и оснастив их аппаратами волн времени. Каждую машину оборудовали таким аппаратом, скопировав устройство нашей машины. Лэнтин и я летели в нашей машине, однако изрядно усовершенствованной местными учеными. И большую часть нашего времени, в течение этого периода, мы занимались производством временных приводов и обучением обращению с ними местных инструкторов. Эти немногие, в свою очередь, научили многих других, и к тому времени, как мы были готовы выступить, по крайней мере один человек на каждой воздушной лодке умел пилотировать ее во времени.

План нашей компании был достаточно простым. Мы должны были напасть на город цилиндров, уничтожить его и Захватчика. Я думаю, что на самом деле ни один из членов нашей экспедиции не желал встретиться с Захватчиком, но я знал, что, несмотря на страх, наши воины станут подчиняться приказам Кетры без возражений. Я мало разбирался в принципах действия оружия, которым ученые снабдили экипажи воздушных судов. Кетра говорил нам что-то о звуковом луче. Интенсивный пучок звука, который направляется на объект, пока мишень не будет разрушена внутренними колебаниями. Это был принцип двух камертонов, вибрирующих в унисон. Я слышал упоминания о других видах оружия, предназначенных для борьбы с Захватчиком, но не видел ни одного из них.

Теперь, когда великий флот кружил над белым городом Ком, к нашей машине подлетела одна огромная воздушная лодка. Это был флагман, длинный и черный. На носу этой лодки стоял Кетра в белых одеждах. Он наклонился, отдал приказ в рупор, затем его машина понеслась по наклонной вверх и на север, быстро увеличивая скорость. Весь флот последовал за ним, сохраняя боевое построение. Мы шли бок о бок с флагманской машиной, так как должны были руководить высадкой в городе цилиндров.

К моменту, когда Ком исчез за горизонтом позади нас, флот летел на высоте почти две мили, клином, с нашими машинами на острие клина.

Около полудня мы миновали Великую Стену, которая сдерживала ледник. Вскоре она исчезла позади, и мы понеслись на север над полями льда.

Солнечные лучи, падающие вниз почти вертикально на лед, создавали ослепительные блики. Оглядываясь назад, я увидел, как столкнулись две воздушные лодки, пилоты которых не справились с управлением, оказавшись среди этого слепящего блеска. Обе машины рухнули на лед. Примерно шесть машин ринулись к месту аварии, но основная часть флота неумолимо мчалась вперед.

Все же нам пришлось снизить скорость, чтобы флот не отстал. Закат пришел, арктический закат, с малиновым солнцем, опускающимся за ледяной горизонт и заливающим небо и лед сиянием, алым, как кровь. Внезапно Лэнтин вскрикнул, глядя в бинокль.

Я подскочил к нему, и когда он вручил мне бинокль, я увидел далеко впереди маленькое скопление черных точек на фоне багрового заката. Но уже и Кетра тоже увидел их, и группа машин, отделяясь от основного флота, ринулась вперед. Среди них были и мы.

Мы приблизились к таинственным точкам, и они выросли в размерах, из точек став воздушными лодками, такими же, как у нас. При виде нас они развернулись, чтобы бежать на север. Двум из них это удалось. Семь оставшихся, увидев, что бежать невозможно, приняли бой. Вначале удача была на их стороне, они неожиданно развернулись и помчались прямо к нам, в плотном строю. Лэнтин, чьи руки так и мелькали над элементами управления, едва успел спасти нас от столкновения, уведя машину вверх. Воздушным лодкам позади нас не так повезло, синие лучи нападавших сбили четыре наши машины на лед. Семь машин противника, невредимые до сих пор, прошли под нами и развернулись, чтобы нанести еще один удар. Но теперь мы были готовы, эффект внезапности исчез. Неожиданно воздух наполнился глухим низким гудением, гулом, от которого закладывало уши. Я видел бойцов на наших воздушных лодках, нацеливших какое-то оружие на машины врага. Тут я сообразил, что это и есть звуковой луч. Семь лодок противника бросились на нас, и я мельком разглядел, что они набиты головорезами с мечами

и в доспехах, под командованием увешанных бриллиантами кан-ларас. Синие лучи врага ударили снова, обрушив на лед две наши машины, но тут гул наших звуковых лучей стал буквально невыносим. И пять из семи машин врага взорвались, разлетелись на куски! Это была сила звука, могучая, хотя и незримая.

Поддетели основные силы флота и зависли в воздухе. Кетра остановил свою машину в воздухе возле нас, я открыл люк в крыше нашей машины и встал, высунувшись наружу, чтобы услышать его.

— Это была разведка! — прокричал он. — Патруль кан-ларас. И двое сбежали прочь! Они предупредят остальных!

— И что вы намерены делать? Вы не отмените нападение? — прокричал я.

— Нет! Мы идем им навстречу. Но теперь они об этом знают.

— Но что насчет наших друзей? Мы обещали спасти их из ямы, — спросил я.

— Мы отправим лодку для них, — распорядился он. — Это можно ускорить, так как враги покинули свой город, можно попробовать спуститься в шахту. Но вы нужны мне, чтобы привести флот к городу!

Решение было принято быстро. По приказу Кетры воздушная лодка подлетела к нам. Мы дали пилоту и двум его помощникам точную информацию, которая позволяла им достигнуть храма и спуститься в яму, где они должны были спасти наших товарищей, забрав их с крыши, где те ожидали нашего возвращения. Пилоту было поручено лететь к городу цилиндров, описав широкий круг, чтобы избежать встречи с любой из воздушных лодок противника, и, если город был пуст, как мы были уверены, он сможет легко проникнуть в храм и яму. Он обещал добросовестно выполнять наши инструкции и ушел в сумерках к северо-западу.

Настала ночь, и по приказу Кетры флот снова начал двигаться, ускоряясь, к северу, но осторожно, выслав во всех направлениях десятки стремительных разведчиков.

Мы мчались в темноте без огней, по компасу. Полночь пришла и прошла, мы летели на север над безграничными ледовыми полями, и начинало казаться, что кан-ларас испугались и

уклонились от воздушной битвы. Я сменил Лэнтина на контроле нашей машины, в час после полуночи, и он завалился спать.

Беззвучный могучий флот воздушных лодок неуклонно стремился вперед. Монотонно, бесконечно плыли под нами поля льда, никто не нападал на нас, меня начала одолевать странная апатия. Полулежа перед пультом управления, я держался рядом с воздушной лодкой Кетры, направляя машину сквозь крошечный мрак. Взгляд на циферблат сказал мне, что мы были в ста милях от края ледника, и я слегка встряхнулся. Затем в полумили впереди вспыхнул ослепительный лазурный свет, раздался дикий грохот, потом наступила тишина

Странный звук наполнил воздух. Лэнтин, разбуженный грохотом, вскочил и кинулся к пульту.

— Это наши разведчики, — закричал я. — Кан-ларас атакуют их, и один был уничтожен.

Пока я говорил, в воздухе сверкнули две сиреневые вспышки. Две наши машины, объятые пламенем, рухнули на лед. А затем из темноты вынырнул флот врага.

Корабли противника казались призрачными и туманными, они возникли прямо среди строя нашего флота. Я инстинктивно бросил машину вверх, вынырнув из месива начавшейся схватки. Мы были безоружны, звуковые лучи не могли быть использованы через стены нашей закрытой машины, и поэтому оставаться в центре боя было бессмысленным самоубийством.

На мгновение мир был заполнен грохотом, когда встретились два флота, и их воздушные лодки поражали друг друга лучами, таранили друг друга, взрывались в воздухе, падали на лед, объятые пламенем. Сражение распалось на мириады отдельных схваток.

Далеко растянувшись во тьме ночи, вокруг нас, два флота смешались, и мы были не в состоянии действовать единым фронтом. Вспышка синей молнии ознаменовала гибель двух воздушных лодок, лодки людей Кома, рухнувшей на лед, и лодки кан-ларас, взорвавшейся в воздухе. Лучи сверкали, пламя полыхало, озаряя ледяную пустыню. Воздушные лодки, наполненные головорезами кан-ларас в доспехах, украшенных драгоценностями, и суда с облаченными

в белое воинами Кома сшибались в смертельных поединках. Грозно гудели звуковые лучи, и все больше и больше лодок кан-ларас взрывалось в воздухе. Хорошо, что жители Кома построили свои лодки из материала, неуязвимого для звуковых лучей, так как иначе множество их собственных машин погибло бы в горячке боя от их же собственного оружия.

Битва продолжалась не больше минуты. Она шла с переменным успехом. Неожиданно каждая из машин Кома озарилась белым светом. До нас донеслись крики ужаса и ярости. Машины же кан-ларас стали невидимы! И теперь наших друзей убивали лучи, бьющие ниоткуда.

— Смотри! — закричал Лэнтин, указывая в иллюминатор.

Гораздо выше нас, висели шары света, света, который был идентичен с туманным светом, которым светились машины Кома.

— Там воздушные лодки с аппаратом, который демаскирует наших друзей, пока их собственные машины остаются темными! Они должны быть уничтожены, или все будет кончено!

Я посмотрел вокруг, ища машину Кетры, но он, наверное, погиб в битве, которая бушевала ниже. Не было машин союзников рядом с нами, так что я бросил навстречу зловещим шарам нашу машину.

Мы налетели на них на полной скорости, идя на таран. Наша машина влетела в первый призрачный шар и разорвала в клочья прятавшуюся там воздушную лодку. Пылающие обломки рухнули на лед. Я развернулся и выбрал следующую мишень.

Вокруг сверкали смертоносные лучи, но наша скорость спасала нас. На втором заходе мне удалось выбить сразу две цели, куча обломков на льду стала больше. И еще один заход...

Мы уносились в темноту, а позади рушились с небес последние машины кан-ларас. Наши друзья из Кома догадались, что мы делаем, и присоединились к нашей охоте. И с уничтожением этих машин, скрытых в призрачных шарах, исчез предательский свет. Мы так и не узнали, что это было. Несомненно, кан-ларас разработали метод подсвечивания наших машин и затемнения своих. Возможно, это был какой-то незримый луч. Независимо от характера, свет был смертельным оружием в битве ночью, превращая наши машины в мишени. Но теперь, с

исчезновением этого света, ход сражения переломился в нашу пользу. Звуковые лучи превращали флот врага в дождь металла и плоти, льющий на землю. Наконец, не больше тридцати машин остались от кан-ларского флота, в то время как вокруг них кружилось почти двести наших лодок, поражающих врага смертельными звуковыми лучами.

К нам подлетела лодка, и я увидел, что в ней был Кетра, которого мы уже сочли погибшим. Он остановил свою машину рядом с нашей, и я открыл люк, а Лэнтин радостно закричал:

— Победа! — указывая вниз, где гудящие звуковые лучи завершали кровавую жатву.

Кетра ответил:

— Мы выиграли, но где Захватчик?

— Скрылся в храме, — ответил Лэнтин. — И мы должны уничтожить его и спасти наших друзей.

— Мы сделаем это, — заверил меня Кетра. — Но сначала...

Внезапно он замолчал, казалось, начал напряженно прислушиваться к чему-то. Я тоже прислушался и различил сквозь гул лучей и грохот взрывов звук, что звучал для меня, как барабаны судьбы.

Сперва это был шепот ветра, шепот, который становился громче и громче, превращаясь в пение демонов и адский рев. Порыв ветра закрутил в воздухе нашу машину, словно осенний лист. Дьявольский хор заглушил все звуки. Затем, на сто футов ниже нас, ворвался в бытие Захватчик!

Мгновение он висел ниже нас — вихрь тумана, три шара зеленого пламени, лучезарно светящиеся в темноте. Затем он снизился над битвой, расширился, превратился в облако, вобравшее в себя уцелевшие машины кан-ларас. Потом из его зеленых глаз-шаров вырвались ослепительные лучи изумрудного пламени. Машины Кома, которых коснулись эти лучи, исчезли, просто исчезли, превратившись в облачко быстро угасающих искр. Раздались истошные крики, но тут из воздушной лодки Кетры на Захватчика упала туманная черная сеть. Это было хитросплетение таинственных силовых полей, но Кетра не успел. Прежде чем сеть накрыла Захватчика, тот исчез, унося в своем туманном чреве уцелевших кан-ларас.

— Ушел! — воскликнул Кетра. — Удрал сквозь время, с выжившими слугами! За ним! Немедленно за ним!

Из десятков воздушных лодок ниже нас раздался грозный воинственный клич, и флот Кома с громким хлопком исчез, нырнув в пучину времени. Кетра и его воздушное воинство отправились в погоню. Я знал, что половина воздушных лодок унеслась в прошлое, половина в будущее, и в поисках Захватчика, таков был наш план на случай, если потребуются погоня во времени.

— Закрыть люки! В погоню! — азартно закричал я.

— Подождем! — осадил меня Лэнтин.

Серый свет зари разгорался на востоке, и на этом фоне я увидел на севере черную пылинку, которая неслась к нам. Это была воздушная лодка, та самая, которая отправилась на выручку нашим друзьям в яме.

Машина подлетела к нам, и я увидел в ней пилота и его двух помощников, но не наших друзей. Еще до того как пилот докричался до нас, предчувствие катастрофы наполнило меня.

— Яма! — отчаянно кричал пилот, пытаясь удержать свою машину возле нашей.

— Что яма? Что с нашими друзьями? — кричал я.

— Они в безопасности пока, — ответил пилот, — но орды выходят из ямы!

— Что? — кричал я.

— Они идут, — повторил он. — Мы полетели прямо к городу, как вы поручили, и обнаружили, что вражеский флот улетел на юг, чтобы встретиться с вами. Город в растерянности, все кан-ларас мужчины и все охранники улетели с флотом, и только рабы и женщины все еще оставались в городе. Мы направились в храм и нашли шахту. Я пошел вниз, и забрал ваших четырех друзей с крыши, и они сказали мне, что после ухода охраны орда штурмует ворота лестницы. Я видел это, паря над ними в темноте. Они сошли с ума, жаждут грабить и убивать. Они кричат, что они воспользуются летающими платформами на крыше храма и отправятся на юг грабить Ком.

Я ахнул. Безжалостные орды ямы обрушатся на беззащитный Ком! Я знал, что яме были люди — негодяи, способные управлять летающими платформами; если они

доберутся до них, они обрушатся на город за пределами льда лавиной смерти и разрушения. Кетра и все его люди были где-то во времени, сражаясь с Захватчиком!

— Где вы оставили наших друзей? — воскликнул Лэнтин.

— На краю ямы, в храме, — ответил пилот, и мы обменялись быстрыми взглядами, полными одной и той же мысли, которая пришла к нам.

— Они просили остаться там, — добавил пилот.

Лэнтин быстро проинструктировал пилота.

— Следуйте за Кетрой! У вас есть привод волн времени? — пилот кивнул. — Затем вернитесь и верните Кетру и его силы! Если орды смогут добраться до крыши храма и захватить летающие платформы, это конец для всех в Кома!

Пилот колебался.

— А вы?

— Полетим в храм! Уиллер и я, с нашими друзьями, постараемся удержать орду в яме до тех пор, пока вы вернетесь с Кетрой и флотом. Летите!

Пилот принял приказ, нажал переключатель, и его машина исчезла, нырнув во время. И теперь, под моим контролем, наша машина помчалась на север к городу цилиндров.

Думаю, что ни до, ни после, нам не доводилось летать быстрее. Машина мчалась низко над землей, пейзаж под нами — бесконечные валы льда, казалось, стал смазанным и размытым. Мы неслись по небу, как комета, и через несколько минут зеленая земля сменила пустыню льда, а затем блестящий белый город цилиндров возник перед нами.

Я приземлился возле храма, в небольшой роще вблизи циклопического здания. Мы выскочили и побежали вверх по пандусу и вниз, через туннель входа в помещение храма. Металлический люк был не на месте, и перед нами зевала бездна, которая была шахтой, ведущей в яму. На другой стороне храма, стоя на кольце обода шахты, собралась группа людей, казавшихся крошечными, игрушечными фигурками, там, в необъятной пустоте храма. Мы побежали вокруг черного обода к ним. Денхэм и трое его товарищей бросились вперед, чтобы встретиться с нами, крепко пожав наши руки.

— Где же ваши люди? — спросил Денхэм. — Где люди Кома? Орды готовятся выйти из ямы! Слушай!

Я прислушался. Из глубины шахты, приглушенный расстоянием, доносился рев — дикий крик тысяч воинов, клич орд безумцев. И этот рев время от времени перекрывался чудовищным грохотом ударов и лязгом металла о металл.

— Они вышибают ворота, — пояснил Денхэм. — Через несколько минут они будут на лестнице. Но где помощь, которую вы должны были привести?

В нескольких словах я рассказал о битве, в которой мы приняли участие, и начатой Кетрой погоне во времени.

— Мы должны удержать их в яме, до тех пор пока Кетра и его силы не вернутся. Если эти полчища смогут добраться до крыши храма и захватить летающие платформы, страшная гибель ожидает Ком! — сказал я.

— Нельзя ли закрыть металлический люк-пол храма? — предложил Лэнтин. — Вернуть его на место и закрыть шахту?

— Как? — спросил Денхэм. — Мы искали, но не могли найти тайное слово, или как он там перемещается.

— Но складные лестницы! Вы можете убрать их, Лэнтин и я так и сделали, в ночь, когда мы бежали! — предложил я.

— Посмотри! — предложил Денхэм, указывая на место, где была маленькая раскладная лестница. Я посмотрел, и отчаяние охватило меня. Складная лестница была удалена, и вместо нее в каменном жерле шахты были вырезаны ступени — соединяющие храм с винтовой лестницей, ведущей в яму!

— Охранники сделали эти ступени, после того как вы бежали, вероятно, потому что не желали, чтобы кто-то проделал трюк, который вы устроили. Мы слышали про ваши подвиги, — усмехнулся Денхэм.

— Но что мы можем сделать, чтобы держать их в яме? — спросил я в отчаянии.

— Гонец отправился за Кетрой. Надо сдерживать толпу до прихода подкрепления, — ацтек говорил спокойно, серьезно. — Нас пятеро. У нас пять клинков, а лестница узкая...

Минуту мы молчали ошарашенно. Идея, которую он выдвинул, была потрясающей в своей дерзости. Затем Д'Алор расхохотался.

— Хорошо! — воскликнул он. — Почему бы и нет! Икстль прав. Мы здесь — пять клинков, и узкая лестница. Мы преподнесем им урок фехтования, да?

Внезапно меня охватило безрассудное бесстрашие.

— Да! Устроим им представление! — воскликнул я.

Римлянин прервал нас.

— Тогда спустимся по лестнице! Мы встретим их в самом низу, если это возможно, и потом, когда они заставят нас отступать вверх... Это даст нам дополнительное время, и будем надеяться, войнство Кетры успеет добраться вовремя.

Мы побежали к ступеням, вырезанным в камне, но Денхэм остановил нас восклицанием.

— Смотрите! — Он указал на доспехи, висевшие на некотором расстоянии вдоль стены храма. — Доспехи охранников! Нам стоит надеть их, прежде чем мы начнем эту битву!

Мы оценили мудрость его предложения и поспешно начали надевать доспехи и шлемы. Только римлянин, который уже был одет в доспех легионера, не присоединился к нам.

А потом мы бросились к ступеням, ведущим к началу винтовой лестницы. Вниз по лестнице мы бежали стремительно, не обращая внимания на бездну под нами. В яме становилось светло, по мере того как рассвет разгорался над миром, и я через туман теперь смог разглядеть бушевавшую орду, которая бесновалась у входа на лестницу. До наших ушей доносился грохот тарана, которым вышибали ворота, лязг, а потом раздался грохот падающей конструкции из тяжелого металла, восторженный рев кровожадной толпы.

Мы мчались вниз и вниз до тех пор, пока чуть не свалились с лестницы, утратив координацию движений от усталости. И вновь римлянин пробудил в нас боевой дух и силу своими невозмутимостью и спокойствием. Он опять объяснил нам, почему нам необходимо занять позицию в нижней части лестницы. Мы, наконец, достигли четвертого витка спиральной лестницы над поверхностью земли, на высоте, примерно, две тысячи футов выше дна ямы. И там римлянин остановился.

— Встретим их здесь, — ответил он.

Рев снизу стал оглушительным, мы торопливо заняли наши места на лестнице. Гонорий встал на ступень ниже остальных, его тяжелый короткий меч замер в его руке, спокойный взгляд был нацелен в глубину ямы. Я обнажил рапиру. Мое сердце колотилось дико, но я стремился казаться

спокойным, как римлянин. Денхэм, под безумный рев толпы, спокойно достал табакерку, с остатками нюхательного табака, и предложил нам каждому по щепотке. Мы отказались, он улыбнулся застенчиво и изящно поднес табак к носу.

— Ха, Иксчитьль, — хлопая ацтека по спине, радостно закричал Д'Алор. — Это драка получше, чем в яме?!

Вождь мрачно улыбнулся в ответ, перекинув пилообразный меч из руки в руку, но не сказал ни слова, и француз повернулся ко мне.

— Что с ним? — он указал на Лэнтина. — У него нет меча?

В тревоге я повернулся к своему другу, ибо я почти забыл о нем.

— Тебе лучше вернуться на крышу храма. Жди прилета Кетры и направь его к нам. Здесь может быть жарко, знаешь, так что не рискуй.

Другие поддержали мою идею, но Лэнтин категорически отказался.

— У меня есть это, — заметил он, показывая нам автоматический пистолет, который он прихватил с собой из машины. Наконец, мы решили разместить его на лестнице, позади и выше нас, где он мог использовать своё оружиенаилучшим способом, ведя прицельный огонь.

Мы уже заняли наши позиции, когда внизу со страшным грохотом рухнули ворота. Полчища жаждущих крови, беспощадных головорезов всех времен и народов хлынули на лестницу. Они неслись вверх в полном беспорядке, толкаясь, давя друг друга. Многие в этой давке были вытолкнуты с лестницы, упали и разбились. Но они шли... и от нас их отделял лишь один виток металлической спирали.

Денхэм обнажил свой клинок, мы шагнули так, что встали в одну линию: римлянин в центре, с мушкетером и ацтеком на левом фланге, и мы с Денхэмом на правом.

И орда, вынырнув из-за поворота, ринулась нам навстречу. Когда они увидели нас, по толпе пронесся крик изумления, и на миг они остановились. Повисло молчание, они смотрели на нас. Я бросил взгляд на моих товарищей. Лицо Гонория был суровым, но невозмутимым, и он держал меч твердо, разглядывая толпу орлиным взглядом. Д'Алор побагровел, его глаза сверкали. Иксчитьль наклонился вперед

напряженно, как тигр перед броском, а Денхэм рядом со мной стоял вальяжно, опираясь на рапиру и глядя на толпу с улыбкой, насмешливой и презрительной.

Только мгновение продолжалось молчание, пока орда изначала нас. Затем они увидели, что нас всего пятеро, и, зарывав как звери, они кинулись на нас, едва ли не дерясь друг с другом за право покончить с нами.

Вверх неслась волна зверей в людском облики, волна, ошетилившаяся мечами и копьями. По-кошачьи гибкий египтянин и огромный китаец были во главе этой толпы, а за ними бесновались еще тысячи, жаждущие дорваться до летающих платформ, чтобы безнаказанно убивать и грабить.

Как будто во сне, я видел жестокие лица, скалящиеся на нас, и было столкновение стали со сталью, звон смертоносного меча, который привел меня в чувство. Д'Алор и Гонорий сделали шаг вперед и двумя ударами, которые были стремительны, как вспышки молний, сразили египтянина и китайца. Но по их телам пришли другие, и на мгновение воздух, казалось, наполнился вьюгой мечей, от которых я уворачивался, которые я парировал. На меня бросился огромный воин в средневековой кольчуге, заноса для удара над головой огромный двуручный меч. Но пока он поднимал свое оружие, моя рапира сверкнула, и он упал с красным пятном на горле. Кто-то в белых одеждах занес копье для броска, но первый удар римского меча лишил копье наконечника, а второй лишил самого копейщика головы. Дюжина ножей отскочили от моих доспехов и шлема, но два или три отведали моей крови, нанеся не опасные, но болезненные раны. И теперь, потрясенная нашим ожесточенным сопротивлением, толпа отхлынула, в то время как мы стояли, задыхаясь.

У наших ног лежало десятков или более мертвых или умирающих головорезов. Пока ни один из нас не был ранен сколь-либо серьезно, за исключением Д'Алора, у которого сильно кровоточило разрезанное запястье. Узость лестницы была нашим спасением, поскольку одновременно лишь несколько человек могли атаковать нас, при этом преграждая дорогу остальным. Но я понимал, что бой только начался. Толпа ломилась вверх. И не было ни Кетры, ни его могучего флота. Я вновь сосредоточил все свое внимание на орде.

Дикарь с дубиной кинулся на меня и оказался столь проворен и ловок, что у меня вскоре отваливались руки от усталости в попытках достать его. Я слышал звон клинков и брань, язвительные насмешки доблестного мушкетера, стоны раненых и крики падающих с лестницы. И перекрывающий все остальные звуки битвы боевой клич ацтеков.

— Алала! — и снова. — Алала! Алала!

Ступени стали скользкими от крови, и мы отступили на несколько ступеней вверх. Это дало нам дополнительное преимущество, поскольку мы стояли на сухом и твердом металле, в то время как наши противники скользили по крови и на внутренностях своих предшественников. Тем не менее они напирала, заставляя нас отступать, вверх и вверх по лестнице.

Мы отступили уже в шахту, где каменная стена справа давала нам дополнительную поддержку. В полумраке шахты было труднее видеть нас, а противники были более четко видны для нас на фоне света из ямы ниже.

Оборванный горбатый маленький человек прополз под ногами тех, кто бился с нами, и ткнул меня дротиком. В суматохе битвы мы отступали до тех пор, пока я не оказался рядом с низкой стеной, которая ограждала нас от бездны. Теперь, когда дротик метнулся вверх, я успел пригнуться, и, ударом в шею, покончить с коварным горбуном. Но, когда я начал распрямляться, надо мной нависла большая фигура — черный гигант, который занес над головой тяжелый, с рукоятью, отделанной рогом топор. Он стоял на бортике ограждения, балансируя с невиданной ловкостью, от его удара я просто не успевал уклониться.

Со страшным криком он бросился на меня... и рухнул в бездну, отброшенный назад невидимым ударом. Выстрел Лэнтина спас мне жизнь.

Но орды шли и шли, отгоняя нас вверх и вверх, давя числом. Казалось безумием, что пять воинов смогут выстоять против тысяч. Они теснили нас виток за витком, так что мы сражались то на левой стороне шахты, то на правой. Время от времени противники могли отступить на несколько мгновений, и это давало нам драгоценные мгновения отдыха, но противники снова насапали, оттесняя нас. Они бросали своих собственных

мертвых и умирающих в бездну, чтобы лестница оставалась сухой и не была загромождена трупами.

Мы уже были очень недалеко от храма, и каждый из нас имел большую коллекцию кровоточащих ран. Ацтеку рассекли щеку, и Гонорий был ранен в ногу копьем. Д'Алор тоже был весь в крови и прекратил издеваться над противниками, сражаясь теперь в мрачном безмолвии. Только Денхэм оставался практически невредимым и двигался по-прежнему очень быстро. Его тонкая, словно игла, рапира, мелькала здесь и там с прекрасной скоростью и точностью, всегда разя в нужном месте, с точностью и необходимой силой. И он до сих пор презрительно улыбался, когда его клинок сеял смерть.

Полдюжины раз пистолет Лэнтина спасал одного из нас от смерти, лая безжалостно и мрачно, когда мы были бессильны справиться сами. Но мы становились все более усталыми, орда теснила нас все сильнее и сильнее. А вся спираль лестницы, от самого дна ямы, была наполнена смертоносным людским потоком, неумолимо текущим вверх.

Наконец мы достигли конца лестницы и стояли на черном ободе шахты. Когда мы больше не могли сдержат противников, мы, неожиданно для врагов, побежали к винтовой лестнице, которая шла внутри храма от балкона к балкону, до самой крыши здания.

И там наша борьба началась заново, ибо, когда орды ворвались в храм, головорезы не потекли в город рекой, как я надеялся, а продолжали двигаться в сторону крыши, где были летающие платформы, которые должны были нести их в богатый добычей, могучий Ком. Они могли обрести свободу, но этого им было недостаточно. Они жаждали богатства, ожидающего их в Комере. Так что схватка на лестнице закипела вновь, даже более ожесточенная, чем раньше.

Они давили нас сейчас, и мы вряд ли могли сдержат этот натиск. Потом, когда бой кипел уже на расстоянии всего ста футов до потолка циклопического здания, крик триумфа вырвался из глоток орды. Отважный Д'Алор упал, оглушенный ударом по голове большой булавой. Гонорий бросился вперед, чтобы оттащить его обратно, и сам получил удар той же дубиной. Казалось, что наша битва закончилась, когда

раздался резкий грохот выстрелов сзади, и шесть или семь наших противников рухнули вниз, сраженные последними выстрелами Лэнтина.

Невольно толпа отхлынула назад на несколько шагов, и мы воспользовались случаем, чтобы оттащить мушкетера и легионера к нашим ногам. Гонорий был цел и невредим, да и Д'Алор быстро пришел в себя. И теперь толпа ниже замерла на мгновение в нерешительности, не зная, сколько пуль ещё осталось у Лэнтина, лишь двое мужчин выскочили из их массы и стояли перед нами.

Один был гибкий, смуглый малаец, который размахивал блестящим крисом и зывал к остальным возобновить нападение. Но был и другой, который привлек мое внимание, белокурый гигант с длинными, развевающимися волосами, который яростно кричал и махал боевым топором, призывая товарищей следовать за ним в атаку.

Это был Кэннелл!

Кэннелл, ради кого мы ринулись в бездну веков! Кэннелл, которого мы напрасно искали в городе ямы. У него была большая, наполовину зарубцевавшаяся рана на виске, а глаза его были наполнены жаждой крови, так что я мог видеть, что он не узнал нас.

Я был отброшен в сторону, и кто-то прыгнул на меня сверху. Это был Лэнтин, и прежде чем мы могли остановить его, он миновал нас и помчался к Кэннеллу, крича, что мы пришли сквозь время, чтобы его спасти.

— Кэннелл! — закричал Лэнтин, бросаясь к нему с распростертыми объятиями. Нам казалось в этот момент, что его убьют, но не было удара, будто изумление парализовало толпу. Я видел, как Лэнтин протянул руку Кэннеллу, увидел, как жажда крови оставила бывшего археолога. Его взгляд прояснился, когда он увидел Лэнтина, разум вернулся к нему.

Он ахнул и шагнул навстречу Лэнтину, узнав его. Затем мы издали стон отчаяния, поскольку малаец, о котором мы забыли, оправился от изумления, и теперь кривое лезвие его криса должно было ударить нашего друга в спину.

Я закричал и кинулся вниз к Лэнтину, но слишком поздно, чтобы отвратить подлый удар. Кэннелл оглянулся на крик, увидел угрожающее лезвие и взревел. Он не имел никакого

оружия в руках, но метнулся к малайцу, перехватил его руку с грозным кривым кинжалом, и затем оба потеряли равновесие, сорвались с лестницы и рухнули в бездну, сцепившись в единый клубок, вниз через интерьер храма, в темноту огромной шахты, на дно ямы далеко в глубинах земли.

Я добежал до Лэнтина, схватил его и потащил обратно, и когда орда оправилась от удивления, он был уже позади нас. Они взвыли от ярости и, потрясая оружием, бросились на нас.

Обрушив бурю мечей, они стали теснить нас, пока мы не оказались на самом верху. За спиной был высокий, сводчатый зал, и на его другой стороне лестница продолжилась. Мы отступили, пробежали через эту комнату под улюлюканье торжествующий орды, несущейся за нами по пятам, и когда мы достигли лестницы, снова вступили в бой.

Вверх через полдюжины таких залов, через мрачные, большие залы с узорами огня на их стенах, мы непрерывно отступали. Логово Захватчика, вот чем были эти мрачные залы. И, наконец, узкая лестница на крышу, последний рубеж нашей безнадежной войны, осталась у нас за спиной, и мы стояли, преграждая путь орде, на последнем рубеже.

Позади нас на просторах гигантской крыши стояли открытые овальные платформы из металла, огромные, сложенные в стопки, одна на другой.

Тут было достаточно летающих платформ, чтобы нести всю орду грабить Ком. И орда торжествующе взревела, увидев эти машины.

Если мы боролись отчаянно раньше, теперь мы сражались словно берсерки, в последнем всплеске сил. Наши клинки сверкали, плетя нити смерти от врага к врагу, мы использовали последние силы, чтобы удержать орду на последнем рубеже.

— Mon Deiu! — воскликнул Д'Алор. — Это конец, друзья!

Я повернулся, чтобы ответить ему, а затем остановился, парализованный ужасом и отчаянием. Наверху в воздухе заунывно взвыло, раздался пронзительный свист и демонический вой. Жестокий порыв ветра ударил нас, и холод, ледяная стужа вечности, заморозила меня до костей. Чудовище возвращалось в свое логово — безжалостный искусственный

разум, рукотворный демон, покоривший само Время, наш враг и бог наших врагов, Захватчик!

— Боже! — простонал Лэнтин, позади меня. Схватка за мерла, все напряженно уставились вверх. Тварь вынырнула, вихрясь холодным туманом, потом три шара зеленого пламени стали фиолетовыми, и Захватчик плавно, вальяжно, стал опускаться вниз, к нам. Триумфальный вой вырвался из глоток воинов орды на лестнице. Этот вой прокатился вниз, сквозь храм и шахту, до самого дна ямы.

Мы проиграли. Кетра проиграл. Захватчик каким-то образом уничтожил или обманул Кетру во времени и явился обратно в свое логово, чтобы уничтожить нас и вести свои орды на летающих платформах, чтобы обрушить их на Ком лавиной смерти. Медленно Захватчик спускался к нам, пока орды мародеров с радостным предвкушением наблюдали за происходящим. Извиваясь, скручиваясь, он опускался, пока не повис на высоте в скудные двадцать футов над нами, и мы ждали, беспомощные, смертоносной вспышки центральных шаров.

Внезапно Д'Алор шагнул вперед и, выкрикнув дерзкий боевой клич, поднял меч с пола, раскрутил над головой и метнул в Захватчика, словно копье! Клинок атцека пронзил клубящуюся тварь. По туманному телу рукотворного демона времени пробежала судорога. Он извивался и корчился, метался и бился в конвульсиях. Его глаза-шары засверкали фиолетовым огнем, метнув в нас смертоносные лучи.

Лучи не достигли нас! Между нами и Захватчиком повисла, возникнув ниоткуда, прозрачно-черная сеть, которую фиолетовые вспышки не могли пробить, бессильно угасая. Я быстро развернулся и увидел: позади и чуть выше повисла воздушная лодка Кетры. Она опустилась к нам, и мы вошли на нее. И в то же мгновение появились в воздухе вокруг нас, вокруг храма и выше, неисчислимые воздушные лодки, могучий флот города Ком.

На Захватчика обрушились черные сети. Черная фата скрыла его от взглядов, хотя было видно, как он бьется и мечется внутри этого кокона. Затем сети стали сжиматься, пока не превратились в черный шар диаметром пять футов, в который был заключен поверженный Захватчик. Затем из

флагманской лодки и из всех лодок флота вырвались струи оранжевого пламени, которые ударили в черный шар, тот яростно вспыхнул на мгновение, а затем исчез. В воздухе дрейфовал только блестящий туман, а затем он тоже исчез!

После флот победителей направил на Храм и город свои звуковые лучи. Воздух наполнился зловещим гулом. Земля под нами заволновалась, как море, а затем рухнула в подземные каверны, город с грохотом и ревом провалился в подземные пустоты, исчез в большой яме, разверзшейся под разрушительной вибрацией звуковых лучей.

От великолепного, но порочного города осталось лишь облако пыли. Пыль висела какое-то время, потом осела, исчезла. Теперь перед нами лежал кратер — огромная и черная яма. В этой огромной яме навек исчез город цилиндров, с его безжалостными хозяевами, бездушными рабами, и с ним вместе исчез город ямы и тысячи свирепых воинов, которые теснили нас вверх по лестнице, стремясь принести разрушение и смерть мирному городу.

Стоя в летающей машине Кетры, мы молчали. И тишина стояла вокруг нас. Из зависших в воздухе машин не доносилось ни слова, ни крика, словно воины Кома сами не могли поверить в победу, в то, что Зло повержено и в мире не осталось ни Захватчика, ни орды головорезов, которую он притащил из прошлого, ни жестокого и порочного народа, стоявшего за этим кошмаром...

На востоке восходило солнце...

ГЛАВА 18. Восемь минут!

Через несколько часов, во второй половине дня, мы попрощались с Кетрой и его людьми. На зеленой земле вокруг кратера, где совсем недавно возвышался город цилиндров, стояли воздушные лодки, готовые для длительного полета домой над ледяными пустынями. Наш хронолет лежал позади нас, благодаря тому, что в последний момент, перед тем как город рухнул от вибрации звуковых лучей, один из разведчиков Кетры обнаружил нашу машину и

сумел поднять ее в воздух. И теперь, с нашими четырьмя друзьями, мы прощались с Кетрой.

Но перед этим мы выслушали от него историю, куда удивительнее, чем наша собственная, о том, с чем столкнулись его летающие лодки, когда они последовали за Захватчиком в будущее. Они преследовали чудовище почти до конца мира, уйдя во времени так далеко, что Солнце выросло, став красным и холодным гигантом, а Земля превратилась в холодную пустыню вечных сумерек. Мы узнали, как Кетра и его люди сражались в этом мертвом мире с уцелевшими кан-ларас, которых они уничтожили. И как Захватчик ускользнул от них во времени, чтобы противостоять нам на крыше храма. Он рассказал, как гонец, посланный сквозь время нами, наконец нашел его и вернул...

Кетра и все его люди предлагали нам отправиться с ними в Ком, но мы отказались. Нестерпимая ностальгия, тоска по нашему времени овладела нами, а наши четверо друзей желали вернуться в свои родные века.

— Вы, люди прошлого, мудры, — подытожил Кетра. — Это не хорошо, если человек должен оставить свою собственную мелодию и играть чужую. Секрет путешествий во времени — злой секрет. Когда наш флот вернется в Ком, мы демонтируем все генераторы волн времени. Цель достигнута, Захватчик уничтожен, никто из нас снова не решится отправиться в прошлое или в будущее.

— Вы правы, — с сожалением согласился Лэнтин. — Ибо хотя мы прорвались сквозь века, мы не могли спасти нашего друга. И когда мы вернем наших четверых друзей в их собственное время и вернемся в свое, мы тоже уничтожим эту машину. И секрет путешествия во времени будет оставаться тайной.

Мы пожали руку Кетры — каждый из нас. Экипажи сотен воздушных лодок отдали нам прощальный салют. Затем мы забрались в хронолет и задраили люки. С нашими друзьями он оказался переполнен, но Лэнтину кое-как хватило места, чтобы манипулировать элементами управления, и машина взлетела, покружила над воздушными лодками, стоявшими на земле, а затем быстро помчалась на юго-запад.

Мы молнией пронеслись над ледяными пустынями, и как только достигли нужной точки, нырнули во время, быстро уносясь в прошлое.

Три часа спустя, по нашим часам, мы висели над огромной высокогорной страной, проникнув в прошлое, в год 1520 от рождения Христова, за четыреста лет до нашего времени. И под собою мы видели белый город Теночтитлан, столицу ацтеков. Мы снижались сквозь тьму, ибо мы прибыли ночью. Ближе к краю города блеснула гладь огромного озера, и над пирамидами храмов яростно плясало злое пламя пожара. На темных улицах царил переполох, и до нас доносились рев ожесточенного боя, крики раненых и протяжный звон тетивы луков. Тут и там гремели залпы аркебуз или пушек.

Иксчиль наклонился к иллюминатору. Он смотрел вниз с напряженным интересом.

— Это мой народ, — сказал атцек, обращаясь к нам. — Мой город, мое время.

Под покровом тьмы мы посадили машину на плоской белой крыше, и Иксчиль вышел. Он поклонился и попрощался с нами. Д'Алор, Денхэм, Гонорий, каждый молча пожал руку индейца, а затем ацтек повернулся ко мне. Он взял свой меч с клинком-пилой из осколков обсидиана и протянул его мне, рукоятью вперед.

— Возьми, — сказал он мне. — Я не могу дать больше ничего, но этот клинок может напомнить о нашей борьбе на лестнице, друг, в твоём времени!

Я взял оружие, пробормотал слова благодарности, и он склонил голову серьезно, потом повернулся и, спрыгнув с крыши, рванулся в битву на улице ниже, мчась с ожесточенной спешкой. Д'Алор первым нарушил молчание.

— Вот это воин! — воскликнул он. — И теперь он ушел. Но это был друг!

Мы поднялись с крыши, над темными улицами, где конкистадоры Кортеса сошлись в схватке с горожанами. Хронолет поднялся в небо, а затем устремился на восток на максимальной скорости.

В часы, которые последовали за этим, мы летели над серой зыбью Атлантики со скоростью около десяти километров в минуту, затем мы снова нырнули в прошлое, еще дальше,

продолжая двигаться в пространстве, пока зеленый сапог Италии не вытянулся под нами. Мы вернулись в первый век нашей эры, как можно более точно в год, откуда был похищен Гонорий.

Мы оставили его там, на склоне холма, за пределами города Рима. Перед разлукой он снял свой тяжелый короткий меч и протянул мне.

— Иксчтиль дал тебе меч, — объявил он, — вы вернули меня домой. Я не могу сделать меньше, — а потом отступив и сказал просто: — Vale⁶!

А затем мы стартовали в будущее, оставив его.

Мы отправились в первый год XVII века в южную Францию. И с помощью Д'Алора, направлявшего наш курс, воскликая на каждый знакомый ориентир на земле, мы наконец отыскивали маленькую деревеньку, где он пожелал сойти.

— Тут я находился, когда меня схватил Захватчик, проклят он будь вовек! — воскликнул француз. — Но теперь мне пора!

Вновь хронолет опустился на землю, в поле за пределами деревни, на рассвете. Д'Алор открыл люк машины, а затем заколебался.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Когда я был в яме, я горел желанием вернуться в свое время, но теперь я хотел бы, чтобы мы могли остаться вместе, друзья. Но Кетра прав. Каждому человеку — свое время!

Он достал из ножен свою длинную тяжелую шпагу.

— Это тебе, друг, — сказал он мне. — Как и Иксчтиль и Гонорий, это все, что я могу дать. Хотя не думаю, что тебе нужно напоминания, чтобы ты не забыл нашу битву на лестнице! — Тут он рассмеялся. — Мой Бог, какой был бой!

Он пожал руки Денхэму, Лэнтину и мне и с показной веселостью хлопнул каждого из нас по спине, затем быстро вышел из хронолета и встал рядом с ним. Я смотрел на него, когда люк закрывался, а потом наш хронолет быстро поднялся ввысь. И, глядя вниз, я увидел, что его одинокая фигура все еще стоит там, где мы покинули его, размахивая шляпой в последнем жесте прощания, и ветер рассвета треплет его волосы.

⁶ До свидания (лат.).

И вновь мы мчались над свинцовыми водами Атлантики. И вновь мы буравили время до тех пор, пока в поле зрения не появилось побережье Нью-Джерси. Мы прошли почти сквозь двести лет, циферблаты зарегистрировали тот факт. Наш хронолет достиг 1777 года, когда был захвачен Денхэм. Мы предложили ему приземлиться в Англии, но он отказался.

— Я солдат, — сказал он. — Если бы я вернулся в Англию — это было бы дезертирство. Позвольте мне сойти в Филадельфии, или где-то поблизости.

Мы опустили на землю глубокой ночью, посреди зимы.

Денхэм вышел из машины, и мы последовали за ним. Ночь была безлунной, но звезды сияли очень ярко, их свет заставлял снег блестеть. Было очень холодно, и мы, дрожа, стояли там.

— Последнее прощание, — вздохнул Денхэм. — Будь я проклят, если мне это нравится. Подумайте об этом, Уиллер: Иксчтиль, Гонорий и Д'Алор уже мертвы и стали прахом, а вы еще не родились! А их нет, нет уже много веков!

— Нет, Денхэм, — возразил я. — Они живы, только отделены от нас временем, а также пространством. По крайней мере, мы извлекли один урок, узнали, что неизменность времени является заблуждением, в конце концов, и что люди любой эпохи остаются людьми!

— Это так, — сказал он. — И у меня никогда не было лучших друзей, чем Иксчтиль и Д'Алор, Гонорий, Лэнтин и ты. С тех пор как мы впервые встретились в городе цилиндров, Уиллер, случилось многое. Но не дай бог нам встретиться снова... Так что... Прощайте!

Пожав нам руки, он, как и три других наших друга прежде, достал из ножен и передал мне свою изящную рапиру.

— У вас есть четыре клинка, Уиллер. И каждый из разного времени. Может быть, они будут напоминать вам обо всем, что мы пережили вместе, в городе цилиндров и в яме под ним. Я только сожалею, что мы не смогли найти вашего друга Кэннелла вовремя, чтобы спасти его. Но такова судьба.

— Это была судьба, — задумчиво повторил Лэнтин, — и он умер благородно. Так что отчасти я смирился.

Лэнтин и я сели в машину. Когда мы взлетали, Денхэм прокричал:

— Прощайте, Уиллер! Прощайте, Лэнтин! Удачи!

Я ответил, помахав ему рукой в иллюминатор, и мы оставили его. Мы полетели на север, в сторону нашего времени, в наш год, месяц, день, когда мы стартовали. Мы вернулись на Манхэттен, в теплую темноту летней ночи, и, на минуту зависнув над лабиринтом зданий, мягко приземлились на крыше, с которой начали наше путешествие.

Хронолет остановился, и мы вышли на крыше, глядя вокруг изумленными глазами. Сцена была та же, как когда мы улетали, панорама города огней вокруг нас, блестящие звезды выше, и прожекторы корабля, стоявшего на якоре.

Лэнтин вернулся с крыши в свою квартиру. Он включил свет, потом позвал меня. Когда я вошел в комнату и встал рядом с ним, он указал на часы над камином. Я посмотрел, и странное чувство охватило меня.

Мы стартовали с крыши в десять часов ровно. А теперь было почти то же самое время — тот же год, месяц и день, но на восемь минут позже.

Восемь минут!

Мы ушли в будущее на пятнадцать тысяч лет, побывали в плену, в городе цилиндров и в городе Ямы. Мы встретили друзей, спланировали и осуществили смелый побег, бежали к нашей машине сквозь мрачную ночь, преследуемые охранниками, и затем летели на юг, над бескрайними льдами. Мы провели несколько дней в городе Ком, на фоне чудес науки грядущих эпох, вновь отправились на север с большим боевым флотом Кетры, встретились и сражались с кан-ларас и сдерживали хищные тысячи головорезов Ямы в битве на большой лестнице, с нашими друзьями. Мы видели, как Захватчик был уничтожен. Мы нырнули сквозь эпохи, чтобы повиснуть над чудо-городом ацтеков, в то время как ацтеки и испанцы сражались на его улицах. Примчались в Рим, в дни его имперской славы, а потом побывали в семнадцатом веке во Франции, попрощались с нашим другом в Америке, доставив его во времена Войны за независимость, а затем вернулись на ту самую крышу, с которой стартовали. Из далекого прошлого в далекое будущее, мы носились сквозь время, от Рима Цезарей до могущественного города Ком.

А в нашем мире прошло всего восемь минут!

Эпилог

Так закончилось наше великое приключение, и поэтому эта повесть подходит к концу. Мы разрушили хронолет и сожгли все наши письменные записи об экспериментах, связанных с ним. Человечеству не принесет пользы умение путешествовать сквозь эпохи.

Но поскольку мы считали, что часть того, что мы узнали, принадлежали к миру науки, Лэнтин и я, в этой истории и в наших двух технических работах, рассказали о части того, что мы видели и сделали. Читая эти строки, люди не смогут построить хронолеты или создать нового Захватчика, но они могут задуматься и создать что-то, что сделает лучше наши собственные жизни, наш собственный мир.

Ныне Лэнтин и я живем спокойно в небольшом коттедже на Лонг-Айленде. Тем не менее, помимо нашей работы в фонде и наших контактов с нашими друзьями, я не думаю, что любой из нас вызывает интерес в окружающем мире или у наших коллег. Думаю, что лучшие часы для каждого из нас — это те вечера, когда мы можем сидеть спокойно вместе, перебирая в уме те вещи, что мы видели и сделали в том далеком времени, которого мир не увидит еще пятнадцать тысяч лет.

Мы часто говорим о странном существе, воплощении ужаса, которое мы назвали Захватчиком. Вспоминаем так же о кан-ларас и их городе цилиндров, варварском городе ямы, о вавилонском столпотворении, которому стали свидетелями. Мы вспоминаем город Ком и народ этого города. Иногда, глядя в наш камин, в длинные зимние вечера Лэнтин заводит разговор о Кэннелле, которго мы пытались спасти, промчавшись сквозь сто веков, о тех, кто пожертвовал собой, чтобы спасти друга.

Когда рано или поздно приходит конец нашим речам, мы смотрим на четыре меча, висящих на стене. Четыре странных клинка, из четырех разных эпох. Один — толстый короткий меч из бронзы, с иззубренными краями, другой — пилообразное оружие, подобное которому вы можете увидеть во многих музеях, но я видел его смертоносную силу! Третий клинок — длинная шпага, с инкрустацией в виде серебряной геральди-

ческой лилии — клинок с тяжелой рукояткой. И последний — тонкая, гибкая рапира, которая отняла полсотни жизней в нашем последнем безумном бою.

Где они теперь, наши четверо друзей, которые стояли с нами на большой лестнице, когда шесть мужчин сдерживали натиск тысяч, те, кто сражались плечом к плечу с нами до тех пор, пока наши союзники не уничтожили сам Кан-Лар и Захватчика? Неужели мы в самом деле никогда не увидим их снова?

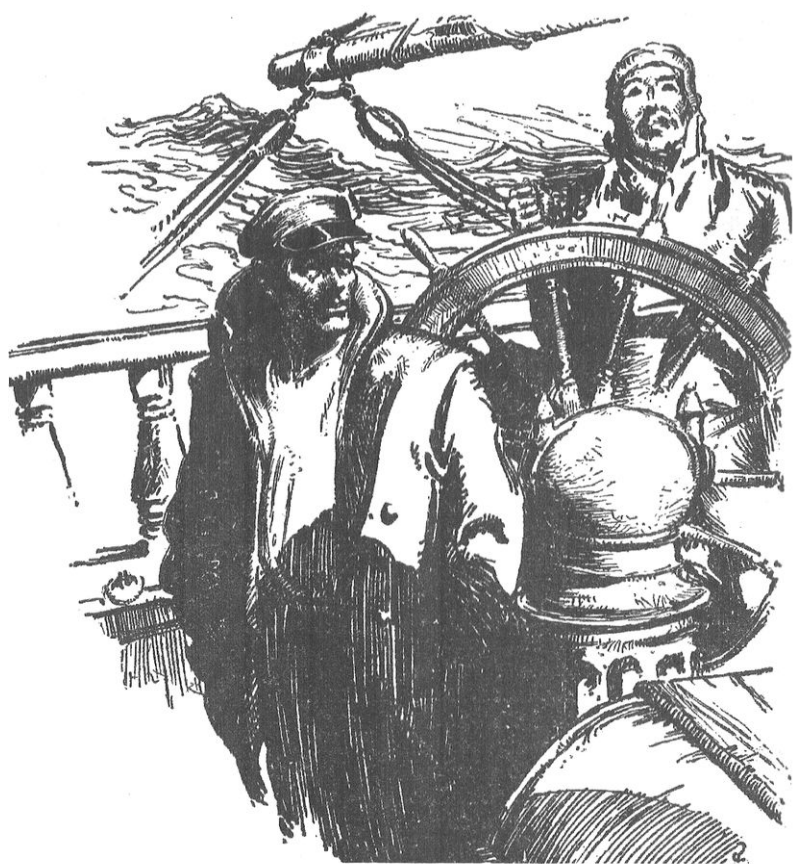
Не знаю. Но есть одна вещь, не ведомая даже высшей мудрости Кетры из Кома. И это то, что есть Сила, могущественнее силы простого человека, есть Мудрость выше его, Тайна, которую ему не постичь. И если по ту сторону врат смерти лежит вечный мир, мы еще встретим там наших друзей, еще раз пожмем друг другу руки, в дружбе, перед которой бесильны время и пространство!

ОЗЕРО ЖИЗНИ

The Lake of Life

журнал «Weird Tales», № 9-11, 1937

Глава 1. Легион Проклятых

Едва заметно колышущаяся равнина океана раскинулась под медного цвета солнцем. Сильный ветер дул в сторону западного побережья экваториальной Африки, лежащего где-то за горизонтом. Под жестокими ударами бури шхуна «Отважная» неслась на восток. Ее паруса цвета слоновой кости выгнулись дугой, нос отважно разрезал швыряющиеся пеной океанские волны.

Кларк Стэннارد застыл у фок-мачты, его темное мужественное лицо окаменело. Нахмурившись, он повернул голову к востоку и долго вглядывался в линию горизонта. Сильные порывы ветра как будто пытались сорвать с него белоснежную рубашку и парусиновые брюки, звенели в снастях, завывая у него в ушах. Он никак не мог избавиться от болезненной, фатальной уверенности в том, что шхуна несет его и пятерых членов экипажа к катастрофе, которая закончиться их гибелью.

Кларку казалось, что он видит на горизонте низкое зеленое и, тем не менее, смертоносное побережье французского Конго, где далеко от берега, посреди джунглей, прорезанных кишачими хищной жизнью реками, лежали неведомые земли, пропитанные зловонными испарениями мангровых болот, заселенные племенами, враждебными европейцам, — именно туда Кларк и стремился. Почему он согласился отправиться в это странное путешествие в поисках легендарного Озера Жизни? Существует ли вообще это легендарное озеро со сверкающими водами, дарующими бессмертие, и его страшные, не похожие на людей хранители?

— Корабль слева по курсу!

Кларк резко повернулся к Эфраиму Куэлли, суровому, молчаливому и костлявому моряку-янки, стоящему у штурвала «Отважной». Тот показывал на бушующее море на севере. Он быстро прошел назад по наклонной белой палубе.

Куэлл снова ткнул костлявым пальцем на север и хрипло пробурчал:

— Похоже, французская канонерка.

— Канонерка? — оцепенев, переспросил Кларк.

И скользнул взглядом по северному горизонту. Только теперь он увидел корабль — приземистую, низкую серую посудину, упрямо рвущуюся на юг, прямо к ним, и ветер разрывал шлейф серого дыма из ее труб.

— Французский сторожевой катер! — воскликнул Кларк и бессознательно сжал кулаки, его рот вытянулся в жесткую линию. — Добавьте парусов, Куэлл! Мы должны добраться до устья Бембы прежде, чем французы догонят нас, иначе наша экспедиция закончится здесь и сейчас!

— Мы и так несем больше парусов, чем можно в такую погоду, — нахмурившись, заметил тот.

— Ты хочешь следующие несколько лет провести во французской тюрьме? — грубо поинтересовался Кларк. — Мы направляемся вверх по течению. Это запретные земли, и французы засадят тебя в кутузку только за попытку проникнуть в эти края. Единственный шанс спастись — это войти в реку до того, как они отрежут нас от побережья, и тогда, немного поднявшись по течению, мы окажемся вне их досягаемости.

Капитан не пытался больше протестовать, но его костлявое лицо превратилось в зловещую маску. Повернувшись, Куэлл начал выкрикивать приказания. Четверо моряков — команда маленькой шхуны — бросились к мачте и занялись рифами топселя.

Когда ветер ударил в парус, «Отважная» резко накренилась, почти утопив бушприт в пенящихся волнах, а затем понеслась вперед с невероятной скоростью, словно полетела, подгоняемая порывами ветра. Тонкий столбик дыма на севере стал ближе. Одновременно впереди у горизонта появилась зеленая полоса — линия джунглей.

— Это берег, — объявил Кларк, всем своим телом подавшись вперед. — Вон там, немного к северу, устье Бембы. Рули туда, Куэлл.

— Мы можем проскочить, — пробормотал он, косясь на зловещный дым на севере. — Мы должны проскочить!

Четверо остальных членов экспедиции поспешили к рулевому колесу, спотыкаясь на наклонной палубе. Первым рядом с Кларком оказался Майк Шинн, бывший боксер, приземистый с бочкообразной грудью, рыжий, с грубым, но веселым лицом. Добравшись до Кларка, он восторженно закричал:

— Святая мать, да эта старая посудина сейчас взлетит! И чего мы так торопимся?

— Проблемы? — поинтересовался подошедший вторым лейтенант Джон Морроу на свой спартанский манер.

Он был бывшим американским офицером — худой, обычно молчаливый молодой человек с глубоко запавшими глазами и мрачным взглядом.

Кларк, нахмурившись, показал на столб дыма на севере.

— Много неприятностей, которые вот-вот нас настигнут. Это французский сторожевой катер, и, судя по всему, он идет прямо к нам. Если лягушатники поймут, что мы пытаемся войти в устье Бембы и отправиться в запрещенную страну Кириду, они бросят нас в тюрьму.

Линк Уилсон, загорелый, высокий долговязый ковбой из Техаса, с холодным видом произнес, растягивая слова:

— Я присоединился к экспедиции и проделал весь этот путь не для того, чтобы гнить в иностранной каталажке!

— И я тоже! — прохрипел последний член экспедиции, присоединяясь к остальным.

Это был Черный Каин, бывший знаменитый гангстер и бандит. Он посмотрел на север, и в взгляде его бледных глаз на темном, хищном лице не было ничего, кроме ненависти.

Затем гангстер объявил:

— Я натворил достаточно... чтобы у них не было желания брать меня живым. Если они подберутся к нам достаточно близко, я разберусь с ними с помощью одной из машинок, что мы погрузили в трюм перед отправкой.

Техасец похлопал себя по бедру и снова заговорил, растягивая слова:

— Я достану свои сорок пятые раньше, чем ты доберешься до пулеметов.

Кларк Стэннард прищурился, затем решительно объявил:

— Прекратите эти разговоры. Мы не сможем отбиться от канонерки. Мы должны обогнать их, и тогда спасемся. Никакой стрельбы, понимаете?

Черный Каин посмотрел на него угрюмо, ничего не говоря. Гангстер, как и все прочие здесь, был наемником, а Кларк Стэннард был предводителем, и именно он отдавал приказы, которым остальные должны были повиноваться.

Сам Кларк с самого начала безумной экспедиции понимал, что он предводитель отряда совершенных безумцев, который чудом собрал старый Туз Брэнд. Другие, наверное, и не согласились бы участвовать в столь отчаянном предприятии. Все они были людьми, оказавшимися за пределами цивилизованного общества, прошлое каждого было омрачено черной тенью.

Черный Каин — бандит и гангстер, чья слава затмила славу Диллинджера⁷ и Флойда⁸, оставляя кровавый след, прошелся по всей Америке. Линк Уилсон — высокий, растягивающий слова ковбой из Техаса, в пограничном салоне в перестрелке убил двоих и был объявлен в розыск. Майк Шинн, рыжеволосый боксер, был отстранен от ринга за запрещенные приемы. Лейтенанта Джона Морроу выгнали из армии за то, что он отправил в нокдаун своего командира во время ссоры из-за женщины. А капитан Эфраим Куэлл — тощий, молчаливый янки был когда-то владельцем большого прибрежного пассажирского лайнера, но после того как случился пожар, который

⁷ Джон Герберт Диллинджер (1903 — 1934) — американский преступник первой половины 1930-х годов, грабитель банков, враг общества номер 1 по классификации ФБР. За время своей преступной деятельности ограбил около двух десятков банков и четыре полицейских отделения, дважды бежал из тюрьмы, а также был обвинен в убийстве полицейского в Чикаго, однако не был за это осужден. Уголовные деяния Диллинджера и попытки его ареста активно освещались в американской прессе того времени и, в определенной степени, привели к совершенствованию работы Федерального бюро расследований США. Фигура Диллинджера вместе с другими преступниками периода Великой депрессии занимает выдающееся место в американской популярной культуре. Его история, наряду с историями Бонни и Клайда, Малыша Нельсона, неоднократно экранизировалась и нашла отражение в многочисленных романах и театральных постановках.

⁸ Чарльз Артур «Красавчик» Флойд (1904 — 1934) — американский грабитель банков начала 30-х годов, враг общества номер 1 по классификации ФБР. Чарльз Артур Флойд родился 3 февраля 1904 года в местечке Бэртоу, штат Джорджия, США. В 1911 году семья переехала в Оклахому, где Чарльз провел свое детство. Также Флойд некоторое время жил в Арканзасе и Канзасе.

уничтожил его судно и унес множество жизней, шкипер-янки навсегда потерял свой шкиперский сертификат.

В самом деле Кларк Стэннард считал пятерых своих спутников легионом проклятых — группой людей, волей случая оказавшихся на самом дне, теми, кому терять больше было нечего. У них не было иного выхода, как присоединиться к этой фантастической экспедиции, которая отправилась на поиски Озера Жизни. Никто из них не верил в существование этого озера, но старый Туз Брэнд вовремя сделал каждому из них предложение, и все они без зазрения совести присоединились к безумным поискам. И Кларк с горечью сознавал, что по праву принадлежит к этому отряду отчаявшихся, потому что тоже был в отчаянии, поставив свою жизнь на кон, в надежде, что найдет легендарное озеро.

— Вон та черная точка и есть устье Бембы? — неожиданно гнусавым голосом поинтересовался капитан Куэлл.

«Отважная» была всего в миле от низкого зеленого берега. А в устье реки они вполне могли натолкнуться на песчаные отмели и белые буруны, какие часто отмечают устья экваториальных рек.

Повернувшись, Кларк Стэннард вновь взглянул на нагоняющую их канонерку. Она плыла с севера, обгоняя их с пугающей скоростью, но пока находилась еще милях в двух.

— Мы успеем проскочить в реку, — объявил Кларк. — Но они наступают нам на пятки.

Банг!

Облачко белого дыма взвилось с палубы канонерской лодки, и снаряд врезался в морскую гладь чуть впереди шхуны.

— Они стреляют по нашему курсу, чтобы остановить нас, — выкрикнул Кларк. — Держитесь прежнего курса, капитан!

Через несколько секунд канонерка еще раз выстрелила. Снаряд ударил много ближе, обдав палубу солеными брызгами. Серые чайки, парившие низко над поднимающимися волнами, дико раскричались.

— Того и гляди они подстрелят нас! — воскликнул Черный Каин.

Шхуна словно на крыльях влетела в широкий, неглубокий залив, который образовался в устье реки.

«Через несколько минут мы войдем в реку и окажемся в полной безопасности, — подумал Кларк. — А канонерская лодка, опасаясь сесть на мель, не сможет последовать за нами».

Эфраим Куэлл вытянул руку вперед и воскликнул:

— Видите эти буруны? Там слишком мелко, пока не придет прилив, мы не сможем войти в реку!

Надежды Кларка на спасение начали таять. Бурун впереди был большим, словно пасть голодного зверя, а за ним расстилались спокойные воды желтой Бембы, теряющиеся в зеленых мангровых болотах. И свернуть было нельзя, потому что похожие буруны были и слева и справа. Они словно перегородили реку, сверкая белой пеной. Бушующие волны накатывали на буруны, и над ними тенью в воздухе висела туманная водная взвесь.

Капитан Куэлл закричал, заглушая своим голосом злоеющий рев стихии.

— Мы не пройдем тут, пока не начнется прилив!

Банг! Канонерка была всего в полумиле от них. И третий ее снаряд разорвался в снастях шхуны.

— Они сделали нас, черт побери! — сжал кулаки Черный Каин.

Тогда Кларк повернулся к шкиперу янки.

— Нет... Мы постараемся проскочить через эти буруны! Там, с южной стороны, похоже, есть подходящее местечко. Рули туда!

Капитан Куэлл пожал тощими плечами и, крепче взявшись за штурвал, повел шхуну к месту, на которое указал Кларк. Она, подхваченная волной, на полной скорости врезалась в полосу пенной воды у бурунов.

Рев ветра, крики пикирующих чаек и рев бурунов впереди были просто оглушительны. Серая французская сторожевая канонерка, преследующая их, выстрелила еще раз, промахнувшись всего на несколько ярдов. Теперь впереди ничего не было видно, кроме бушующей пены прибоя.

— Веселее, чем поездка на водяном желобе на Кони! — радостно воскликнул Майк Шинн.

— Лучше держись крепче! — наорал на него Кларк.

Тощее лицо капитана Куэлла скривилось в жуткой ухмылке, когда шхуна нырнула в белое облако брызг и пены

бурунов. Неожиданно волна дрожи прокатилась по всему корпусу судна. Потом корабль содрогнулся, и всех, кто находился на палубе, швырнуло на леера.

— Мы пробили днище! — закричал Эфраим Куэлл. — Сейчас у нас нос отвалится... мы и десяти минут не протянем.

Шхуна резко накренилась, словно налетела на мель. Казалось, волны, нагоняющие сзади, вот-вот разобьют ее на куски. Их грохот был оглушающим.

Кларк Стэннارد, весь в кровоподтеках, контуженный, с трудом встал на ноги. Остальные пятеро путешественников тоже кое-как сумели подняться. Никто из них не испугался, но все держались настороже в ожидании дальнейшего развития событий. Казалось, еще немного, и шхуна проскочит опасное место. Командный голос Кларка заглушил грохот:

— Грузите оборудование и запасы на баркас! Мы отправимся на нем вверх по реке, надо убраться с борта этой посудины до того, как команда канонерской лодки нас арестует! Поспешим!

Кларк бросился спускать на воду большой баркас, в то время как пятеро его спутников бросились в трюм и вскоре вынырнули назад, сгибаясь под тяжестью винтовок, коробок с боеприпасами, съестных припасов и медицинских принадлежностей, которые они тут же побросали в баркас. Не было никакой паники, никаких признаков отчаяния, но все старались действовать как можно быстрее, не желая попасть в руки французов.

Сторожевая канонерка все это время держалась на безопасном расстоянии за пределами бурунов. Когда припасы были перегружены в баркас, корпус шхуны снова затрещал, предупреждая что ей осталось недолго. Все шестеро поспешили занять места на борту баркаса.

— Отдать концы! — скомандовал Кларк.

Эфраим Куэлл и Линк Уилсон принялись выбирать канаты. Когда киль шлюпки коснулся пенящегося прибоя, Майк Шинн, Черный Каин и Кларк разом налегли на весла, пытаясь как можно быстрее увести шлюпку от шхуны, которая вот-вот должна была развалиться и пойти на дно.

Каннерка снова выстрелила, целясь в самую середину бурунов. Искателей приключений оглушил грохот и ослепили

брызги пены. Кларк начал выкрикивать приказы, и все налегли на огромные весла.

Баркас пулей пролетел мелководье и, двигаясь толчками под ударами весел, заскользил в сторону широкого устья реки. Вскоре он оставил позади пенный водоворот и вошел в желтые воды широкой, спокойной реки. Перед беглецами открылись островки, поросшие густым кустарником, между которыми протянулись болота, покрытые мангровыми зарослями. Все шестеро быстро гребли, спеша вверх по течению к первому повороту русла, в надежде как можно быстрее оказаться вне досягаемости пушек французов.

— Мы сделали это! — воскликнул Кларк. — Но нужно спешить дальше, не то команда канонерки тоже может спустить лодку и отправиться следом. А нам нужно подняться километров на двести по реке, прежде чем доберемся до страны Кириду.

— Боже! — печально простонал Майк Шинн. — Это столько же предстоит гребти!

— Ты вскоре поймешь, что лучше так, чем если мы оставим лодку и пойдем по джунглям пешком...

Солнце спустилось в кроваво-красный туман за спиной путешественников, неуклонно двигавшихся вверх по течению. Влажность, духота и облака злобных москитов не давали никому расслабиться. По обе стороны реки протянулись непроницаемые мангровые заросли — переплетение серых ветвей, покрытых тусклой зеленой листвой. Птицы кричали в зарослях и высоком камыше на илистых отмелях.

Кларк устался на гладь реки, подсвеченную алыми лучами заката. Его вахта на веслах как раз закончилась. Он очень надеялся, что экипаж канонерки не пожелает преследовать беглецов на лодках вверх по реке. Пусть лучше думают, что Кларк и его спутников отправились на верную смерть, прямо в руки диких племен, обитающих в Кириду. И могут оказаться правы.

Темное лицо Кларка скривилось в гримасе отчаянной решимости. Ни французские законы, ни кровожадные дикари не должны помешать экспедиции в джунгли таинственного Кириду к легендарному Озеру Жизни. Он должен принести сверкающую воду этого озера старому Тузу Брэнду. И неудачи он не потерпит!

Глава 2. Озеро Жизни

Впервые Кларк Стэннард узнал, что у Туза Брэнда на уме, в Нью-Йорке несколько недель назад. Он был удивлен, что тот послал ему записку с предложением о встрече, а не позвонил... вот только никак не мог понять, чего старый мультимиллионер хочет от нищего молодого авантюриста вроде него. Но незамедлительно выполнил просьбу старика, надеясь заработать денег, которые были ему отчаянно нужны.

Последние десять лет Кларк путешествовал по всему миру, участвуя в различных авантюрах и экспедициях, совершенно не заботясь о семье, остававшейся дома. Но теперь, когда неожиданно умер его отец, мать и сестры неожиданно столкнулись с бедностью, а младший брат стал калекой в результате несчастного случая, и ему требовалась дорогостоящая операция, предложение Туза Брэнда было единственным способом быстро заработать необходимую сумму. Поэтому Кларк и ухватился сразу за необычное предложение.

Он мало знал о Брэнде... Не больше любого, читающего газеты. «Старый Туз» — так называли Джона Брэнда в деловых кругах — был третьим по богатству в Америке. Пятьдесят лет он считался самым жестким и беспощадным магнатом в стране. Его разветвленные финансовые интересы словно спрут опутали всю страну.

Туз Брэнд принял Кларка, сидя на подушках в постели, в роскошной спальне своего мрачного особняка на Пятой авеню. Старик был полностью лысым, морщинистым. У него оказался пожелтевший череп, заостренное лицо и тонкая шея, которые делали его похожим на древнего, грязного стервятника. Поерзав в постели, мультимиллионер хищно уставился на молодого человека пронизательными ярко-голубыми глазами.

— Стэннард, насколько я знаю, вы дважды совершали поездки на французскую территорию центральной Африки, — обратился старик к гостю уверенным, пронзительным голосом. — Мне сказали, что вы знаете те края, как любой следопыт, живущий в тех землях.

Кларк признался, что это и в самом деле так. Но вынужден был добавить:

— Я знаю местность до границ Кирибу, а о том, что лежит дальше, не имею никакого понятия. Ни один белый человек, отважившийся пересечь границу этой страны, не вернулся. Исчезла даже картографическая экспедиция, которая пыталась составить карту тех мест. Она несколько лет назад отправилась туда на аэроплане.

Кадык Туза Брэнда несколько раз дернулся, когда он встретился взглядом с гостем. Затем он спросил:

— Вы когда-нибудь слышали о странном озере, которое, как предполагают, существует на территории Кириду и зовется Озером Жизни?

Кларк удивленно кивнул.

— Я слышал множество легенд. Некоторые племена туземцев считают, что эти истории — выдумки, и, чтобы не разувериться в них, ни одному белому не позволено заходить на земли Кириду.

Туз Бранд кивнул и попросил:

— Тогда расскажите мне все, что вы об этом слышали.

— Хорошо... Во всех рассказах, ходящих среди племен Центральной и Западной Африки, говорится, что озеро лежит где-то в стране Кириду. Туземцы говорят, что это озеро светится в темноте, считают, что воды этого озера содержат саму Сущность Жизни, и тот, кто выпьет воды из него, станет бессмертным. Но в этих историях также говорится, что никто не может пить воду из Озера Жизни, во-первых, потому что до него трудно добраться. Оно окружено горами, именуемыми Кольцом Смерти. Ни одно живое существо не способно пересечь эти горы, поскольку существует джу-джи или заклинание, которое убивает мгновенно. А потом сказки еще добавляют, что если кому-то и удастся пересечь горы, то он не сможет выпить воды из Озера Жизни, так как его охраняют загадочные существа, которых называют Хранители. Туземцы много рассказывают о них... говорят, что они страшные и очень сильные и... еще говорят, что это не люди...

Глаза Туза Брэнда засверкали от переполнивших его эмоций. А потом он прохрипел надтреснувшим голосом:

— Да, да, именно такие истории я и читал. Скажите мне, Стэннард, что вы сами об этом думаете?

Кларк задумчиво прикусил губы.

— Ну, может, кольцо гор в Кириду и в самом деле существует, и озеро в центре их есть. Негры слышали, а кое-кто и видел его.

— А что вы думаете о том, что воды озера содержат Сущность Жизни? — нетерпеливо спросил Туз Брэнд. — О том, что, выпив воды из того озера, можно продлить себе жизнь?

Кларк внимательно посмотрел на миллионера.

— Скорее всего обычные сказки.

И тут Туз Брэнд подскочил как ужаленный и буквально выплюнул:

— Почему вы так уверены?! Вы же знаете, что ни один белый никогда не видел этого озера. Почему же вы так уверены, что воды озера не обладают великой силой?! — а когда черные брови Кларка сошлись в недоумении, мультимиллионер с чувством продолжил: — Так подумал и я, впервые услышав легенду об Озере Жизни, и стал по крупицам собирать информацию о нем. Я убежден, что озеро существует и что его воды в самом деле обладают невероятными свойствами. — Глаза старика полыхнули новой мечтой. — Это должно быть чем-то большим, чем просто легендой. У человечества всегда существовали легенды о том, что где-то существует тайное место, в котором содержится Сущность Жизни, потенциальное бессмертие. Древние евреи считали, что это — Древо Жизни, но греки, а позже арабы говорили, что это или источник, или озеро. Крестоносцы искали это озеро в Сирии, а Понсе де Леон⁹ в Америке. Почему подобного не может быть? Ученые до сих пор точно не знают, как зародилась жизнь на Земле. Тем не менее наука утверждает, что гипотеза о том, что жизнь возникла из вод легендарного озера, не более фантастична, чем любая другая теория. И если это озеро действительно было источником жизни Земли, если его сияющие воды содержат чистую Сущность Жизни, то тогда тот, кто выпьет воды из него, выйдет за рамки обычного человеческого существования...

⁹ Хуán Пóнсе де Лóн (ок. 1460 — 1521) — испанский конкистадор с титулом аделантадо, который основал первое свропсйское поселение на Пуэрто-Рико и во время поисков источника вечной молодости открыл в 1513 году Флориду.

Кларк с изумлением посмотрел на возбужденного старика. А Туз Брэнд резко и безапелляционно заявил:

— Я собираюсь отправить экспедицию в эту часть Африки, чтобы обнаружить Озеро Жизни.

— Но такая экспедиция невозможна, — с изумлением сказал Кларк. — Туземцы считают всю страну Кирибу священной и убьют любого белого человека, который войдет туда. И поскольку подобное вторжение вызвало бы большие волнения среди туземцев, французские колониальные власти строго-настрого запретили любые исследования страны Кирибу. Конечно, расширить географические и научные знания — достойная цель...

— Да к черту эти научные знания! — пронзительно воскликнул Туз Брэнд. — Экспедиция, которую я посылаю, никакого отношения не имеет к «научным знаниям». Эта экспедиция должна добыть для меня воду из Озера Жизни. Возможно, ей и в самом деле удастся продлить мне жизнь, хотя бы на десяток лет...

Кларк ошеломленно уставился на этого иссохшего человека, голос которого то и дело ломался, переходя в хриплый шепот:

— Стэннард, я никогда в своей жизни ничего не боялся, но сейчас я боюсь. Я боюсь смерти. Мои врачи сказали, что я проживу год или два, и что они ничем не смогут помочь. Но я не хочу умирать. Я не должен умереть! Ведь я еще и не жил! Я всю свою жизнь потратил, собирая деньги, и никогда у меня не было времени жить и наслаждаться. Вот почему смерть нужно отложить на некоторое время, по крайней мере. Я хочу жить! Если медицина не может мне помочь, то я поищу спасение где-нибудь в другом месте. А Озеро Жизни — это шанс. Его воды могут помочь мне продержаться еще много лет, десятилетий, если, конечно, вы сумеете ее привезти.

— Если я сумею ее вам привезти? — пораженно повторил Кларк. — То есть вы имеете в виду...

Туз Брэнд кивнул. В этот момент, по мнению Кларка, он еще больше напоминал грифа.

— Да. Я выбрал вас, чтобы возглавить экспедицию. Вы знаете ту страну, знаете, как можно добиться требуемого.

Так вот, я хочу сделать вам предложение. У вас будет снаряжение и люди — все, что нужно для путешествия в Африку. Вы проникнете на неисследованные территории, отыщете Озеро Жизни и принесете мне флягу воды. Если вам это удастся, я заплачу вам полмиллиона долларов.

— А если я не принесу воду? — поинтересовался Кларк. — Если я не смогу найти озеро, или меня там убьют?

— Тогда ни вы, ни ваши наследники ничего не получите, — объявил Туз Брэнд. — Только когда вы вложите мне флягу с живительной влагой в руки, вы получите свою награду. Я считаю, что вода этого озера продлит мою жизнь, даже если ее воздействие окажется не столь уж целительным, так что я в любом случае оплачу эту флягу. — В уголках глаз старика появились морщинки, и выражение его лица стало хитровато-лукавым. — Но не думайте, что вы сможете принять мое предложение, а потом обмануть меня, Стэннард. Не думайте, что сможете всучить мне флягу с обыкновенной водой, так как, в отличие от любой другой воды на Земле вода этого озера светится. Так что я сразу узнаю, если вы попытаетесь меня обмануть, и тогда вы ничего не получите. — Миллионер наклонился вперед, он был напряжен. — Ну, вы принимаете предложение?

Кларк понимал, что вынужден принять отчаянное решение. И никакого значения не имело, что молодой авантюрист не верил, будто вода Озера Жизни способна подарить бессмертие. Но, с большой вероятностью, озеро со светящейся водой и в самом деле существовало в сердце Кириду. Фосфоресценция или радиоактивность вполне могли заставить воду светиться. Так что, если озеро существует, Кларк сможет добраться до него и привезти флягу воды до того, как старик умрет. Тогда он получит полмиллиона. Этого более чем достаточно, чтобы обеспечить будущее его несчастной семьи.

Тем не менее подобное путешествие — смертельно опасная авантюра. Он прекрасно знал, насколько сложно будет любому белому человеку пробраться в страну Кирибу, избежав гибели от рук фанатиков и диких племен. Но если его убьют в диких землях во время поисков озера, то какая польза от этого будет его сестрам, брату и матери?

Лицо Кларка окаменело, когда он принял окончательное решение.

— Я согласен, — сказал он старику, а потом добавил: — Мне понадобится четыре или пять человек. Мы проникнем в страну Кириду, поднявшись вверх по течению Бембы. Нельзя будет использовать туземных носильщиков, поскольку никто из них не пойдет по собственной воле в священную страну. К тому же я не знаю, где вы найдете людей, согласных присоединиться к столь рискованному мероприятию...

— Я найду людей, — надтреснутым голосом с готовностью пообещал Туз Брэнд. — И это будут люди, которые не отступят ни перед какой опасностью.

И Туз Брэнд подобрал таких людей. Окольными путями и с помощью агентов, он собрал пятерых авантюристов, согласившихся последовать за Кларком Стэннардом даже в гости к самому дьяволу. Им тоже пообещали неплохо заплатить, но только если они вернутся с результатом.

Миллионер зафрахтовал шхуну и закупил все необходимое, в соответствии со списком Кларка. Через две недели после встречи с ним экспедиция безумцев отправилась в Африку на поиски Озера Жизни.

Глава 3. Горы Смерти

Бум! Бум! Бум!

Разрывая удушающий полдень притихших джунглей разносился пульсирующий звук, похожий на грохот огромных, приглушенных гонгов. Черное сердце Африки пульсировало от ненависти и угрозы! Ее пагубный шепот был зловещим обещанием.

Бум! Бум! Бум!

Майк Шинн передал свое весло лейтенанту Морроу и, тяжело дыша, пополз обратно на корму баркаса, стирая пот со лба веснушчатым кулаком.

— Как бы я хотел, чтобы эти проклятые барабаны замолчали, — выдохнул он. — От этой гребли хочется повеситься. А тут еще и барабаны день и ночь!

Черный Каин повернул в его сторону свое небритое хищное лицо и прорычал:

— Присоединяюсь. Можно подумать, что в этом лесу тысячи джазменов...

Кларк Станнард скривил бурое от солнца лицо и угрюмо объявил:

— Эти барабаны — телеграфная система джунглей. Туземцы следят за нами с того самого момента, как мы пробрались сюда.

Длинная лодка медленно скользила по глади одного из верхних притоков Бембы. Справа и слева от нее виднелись черные заводи футов по сто, а дальше поднимались неприступные мангровые заросли, за которыми высились громадные деревья. Это были настоящие джунгли, экваториальный лес, который покрывал все сердце Черного континента. Огромные баньяны, баобабы и черное дерево сплелись водоедино, превратившись в монолитное растение с помощью змеевидных лиан, резиновых лоз и искривленных пальм.

И вся эта безумно пышная растительность буквально кишела жизнью. Несколько раз за последнюю неделю путешественники слышали далекие трубные ругады слонов. Щебет птиц и верещание лемуров лишь на мгновение смолкали, когда над джунглями разносился гневный рев леопардов. Словно огромные субмарины мимо лодки проплывали потревоженные бегемоты. В камышах плескались крокодилы, а в тени ветвей клубились облака москитов.

Прошло восемь дней с тех пор, как авантюристы отправились вверх по Бембе. Восемь дней жары, москитов и тяжелой гребли — плавание вверх по течению в глубь запретной страны Кириду. Сначала путешественники плыли по широкому руслу, затем свернули в узкий неисследованный приток. Кларк прикинул, что они находились на триста миль внутри страны. И то, что они находились в самом сердце Кириду, указывали зловещие раскатистые удары сигнальных барабанов. Этот гулкий грохот не давал им покоя уже пару дней.

— Надеюсь, мы когда-нибудь достигнем конца этого чертового ручья, — проворчал Кларк. — Тогда попробуем сориентироваться, где же горы, которые, как предполагают, окружают Озеро Жизни.

Эфраим Куэлл нарушил обычное хмурое молчание и сказал:

— Конечно, по таким чудным водам я никогда еще не ходил... А мы тут охотимся за озером, вода которого дарует бессмертие, да еще и окруженное горами, которые они называют Горами Смерти.

— И все это бредни старого Брэнда, — прохрипел Черный Каин. — Но, будем надеяться, все окупится. Что до меня, то я хотел бы выбраться из этой страны живым, иначе мне и деньги будут не нужны. Похоже, тут становится слишком жарко.

Лейтенант Морроу, орудуя веслом, сухо заметил:

— Там может быть нечто большее, чем просто легенды. В конце концов, наука не имеет ни малейшего представления о том, как на самом деле жизнь зародилась на Земле.

— Я бы продал тебе свою долю от этого предприятия прямо сейчас за дюжину бутылок холодного пива., — хмыкнул Майк Шинн.

— И я бы продал все за добрый глоток текилы и хорошо выглядящую мучасча¹⁰, — протянул Линк Уилсон с ленивой улыбкой.

Кларк ощутил в них дух бунтарства, поэтому с уверенностью заявил:

— Там должно быть какое-то необычное озеро. И где бы оно ни оказалось, мы отыщем его.

Но Кларк не мог обвинять спутников в том, что они ни во что такое не верят. Его собственный трезвый разум отвергал саму возможность существования подобного озера. И только отчаяние заставляло его цепляться за надежду, ибо если ее не будет, то не останется никакой надежды получить деньги, в которых так нуждалась его семья.

Вот так они и плыли — шестеро измученных, небритых мужчин в костюмах хаки и грязных пробковых шлемах. Тем не менее они гнали длинную тяжелую лодку вверх по течению все более суживающегося ручья. И никто не жаловался, однако нервы у всех были на пределе, и не последнюю роль в этом сыграл монотонный бой барабанов.

К полудню ручей сузился до неглубокого потока, едва в тридцать футов шириной. Листва огромных деревьев нависла над ним, приглушая обжигающие лучи солнца, так

¹⁰ Дсвушка (исп.) (Прим. перевод.).

что теперь приходилось грести в зеленоватой полутьме. Путешественники буквально задыхались от тяжелого дыхания джунглей... А затем они неожиданно перестали грести, положив весла на борта, — ручей закончился, превратившись в болотистый омут.

— Все, дальше лодка не пройдет! — воскликнул Майк Шинн. Кларк, соглашаясь, кивнул.

— Дальше пойдем пешком. А пока нам нужно где-то причалить и высадиться на берег...

Путешественники вытащили тяжелую лодку через топкую, черную грязь и камыши папируса на твердую землю. Опустив лодку, они остановились, тяжело дыша, и хлопали, тщетно пытаясь разогнать извергов-москитов.

Кларк внимательно оглядел джунгли и вскоре заметил здоровый баньян, возвышавшийся гораздо выше остальной части леса.

— Собирайте вещи, разделите их между собой, а я пока поднимусь на этот баньян, он выше остального леса. Если где-то рядом есть горы, то я обязательно увижу их.

На нижнюю часть огромного баньяна было довольно трудно подняться, но потом стало намного легче. Наверху был словно иной мир — зеленый мир с пятнами солнечного света и, словно паутиной, заплетенный виноградными лозами, среди которых притаились птицы с невероятно ярким оперением. Кларк добрался до самого высокого места, куда смог залезть, оказавшись футами в двухстах над землей. А потом он взглянул на север и на восток.

Перед ним, насколько хватало взгляда, простиралась зеленая крыша джунглей, залитая ослепительным солнечным светом. А вдали виднелись крутые темные горы, поднимающиеся как минимум на десять тысяч футов над дымящимся лесом. Огромные мрачные валы, уступы и гребни клыков утесов. Сердце авантюриста забилось сильнее, когда он увидел их, ведь, как оказалось, мифические Горы Смерти и в самом деле существовали.

Кларк в волнении уставился на них. Если существуют горы, то, возможно, внутри горного кольца есть и озеро? Иначе откуда бы взялся этот кольцевой горный хребет? Потом взгляд скользнул по серебряной нити реки, протянувшейся через

джунгли к горам. Он осторожно достал компас и прикинул направление, а потом начал осторожно спускаться. Внизу Кларк обратился к остальным:

— Горы Смерти лежат на восток-северо-восток отсюда. До них не более сорока миль, мы сумеем добраться туда завтра к вечеру.

Путешественники взвалили на плечи тяжелые мешки, в которые разложили весь свой груз, и взяли в руки автоматические винтовки. Патронташи они забросили на плечи, а боеприпасы для крупнокалиберных пистолетов держали под рукой.

Кларк показал на уходящие на восток следы стада слонов.

— Идем по этой тропе. У нас ушло бы несколько дней, если мы сами прорубали бы себе дорогу.

Они отправились вперед по извилистой тропе, которая, как туннель, вела вперед через густые зеленые джунгли. Сжимая винтовки в руках, путешественники внимательно изучали стены растений по обе стороны, готовые в любой момент отразить нападение туземцев.

Но проходили часы — долгие жаркие часы, и никакого нападения не происходило. Барабаны, казалось, били быстрее, громче, но путешественники упорно двигались в сторону гор. Грохот, казалось, исходил со всех сторон: он звучал впереди, сзади, по бокам. Звук барабанов говорил о том, что туземцы собираются с силами, чтобы прикончить незваных гостей, и Кларк это знал.

Изредка в просветах между деревьями путешественники видели темные, мрачные бастионы таинственных гор. А когда наступила ночь, они устроили лагерь на небольшой поляне. Но костер разводить не стали. Все уже отчетливо видели далекий горный хребет и скальные уступы на фоне черного неба, усыпанного россыпями звезд.

— Откуда взялись здесь горы, стоящие кругом? — удивленно спросил Майк Шин. — Они выглядят так, словно это поставленный невесть кем огромный забор.

— Я понятия не имею, почему эти горы стоят кольцом, — признался Кларк. — Раньше я ни о чем подобном не слышал. Возможно, завтра, когда доберемся до места, узнаем больше.

— Когда завтра мы доберемся до этих гор, у местных барабанщиков могут появиться по нашему поводу совершенно

иные идеи, — растягивая слова, протянул Линк Уилсон. Он сидел с винтовкой на коленях, потягивая папиросу, свернутую из оберточной бумаги.

Путешественники все время прислушивались — в ночной тьме джунглей пульсация барабанов звучала намного громче, переполненная ненавистью и угрозой. Еще им казалось, что слышен неясный шепот, шепот скрытного движения в лесу, призрачный шорох фантомных орд.

Шесть человек спали в ту ночь поспенно, все время ожидая атаки невидимых туземцев. Но те так и не пошли в атаку, а когда наступил кроваво-красный рассвет, путешественники угрюмо собрали свои вещи, чтобы отправиться дальше.

В полдень они сделали привал менее чем в пяти милях от основания горы. Отсюда можно было хорошо рассмотреть крутые, бесплодные, темные склоны без пятнышка растительности. Чувство благоговения охватило людей Кларка, когда они увидели эти неприступные скалы.

Но как только путешественники двинулись вперед, Эфраим Куэлл внезапно остановился и гнусаво воскликнул:

— Послушайте!

Кларк замер рядом с остальными, прислушиваясь, но ни один звук не нарушал зеленые сумерки неподвижных, влажных джунглей.

— Барабаны замолчали, — с дрожью в голосе проговорил Куэлл.

— Благодарю Господа за это! — выдохнул Майк Шинн.

Но загорелое лицо Кларка напряглось.

— Когда ниггеры перестают бить в барабаны... Это означает только одно: они готовы к атаке. Они уже должны быть где-то рядом с нами, в джунглях. Так что поспешим в сторону гор! — а потом голос его зазвучал совсем резко: — Быстрее!

Путешественники со всей возможной скоростью двинулись вперед по широкой звериной тропе, тяжелые пакеты били их по спине, винтовки они держали наготове.

Вдруг впереди в джунглях блеснуло копье, словно полоса света. Линк Уилсон нырнул, крутанулся и выстрелил в сторону вспышки, звуку выстрела вторил крик агонии.

А через мгновение рев диких голосов донесся из окружающих зарослей.

— Амафука килима амафука!

И в тот же миг ливень копий из зеленого леса обрушился на незваных гостей. Но, как ни странно, ни одно копьё не попало в белых. В тот же момент, когда тощий техасец выстрелил, Кларк Стэннард крикнул своим людям:

— Засада! В джунгли!

Затем сам поспешил к деревьям, остальные, не прекословя, последовали за ним. Остаться на открытом месте означало подставлять себя под удар копий, на который они не смогли бы толком ответить.

Путешественники ворвались в зеленый полумрак зарослей, который, казалось, был переполнен черными воинами, затаившимися в засаде. И те выглядели в этих странных сумерках отвратительно, кошмарно: высокие чернокожие воины в головных уборах, их тела были раскрашены с ног до головы мертвенно белой краской, так что казались скелетами. Притаившиеся в сумрачном лесу туземцы были поражены тем, что на них неожиданно напали белые люди, которых они полагали добычей. А через мгновение лесная чаща превратилась в арену дикого хаоса схватки. Копья и стрелы разрезали воздух с отвратительным свистом, ему вторило стаккато винтовок, из которых открыли огонь европейцы.

Майк Шинн первым опустошил обойму и воспользовался своей тяжелой винтовкой как дубинкой. Взревев от ярости, он обрушил ее на голову ближайшему негру. Линк Уилсон отступил к дереву, по его руке, все еще сжимающей ружье, текла кровь из нанесенной копьем раны. Однако он левой рукой с легкостью выхватил пистолет и начал стрелять с огромной скоростью, словно озлобленный волк. Неожиданно прямо перед собой Кларк увидел отвратительное лицо, на котором был нарисован череп, и выпустил в лицо негру последнюю пулю, а потом крикнул своим людям, чтобы те собрались вокруг большого дерева.

Они очистили от врагов небольшой участок джунглей, но другие с диким ревом неслись к ним по тропе и через лес. Путешественники тут же перезарядили свои ружья — все, кроме Черного Каина, начавшего рыться в своем рюкзаке.

— Килима амафука! — в отчаянии закричал какой-то чернокожий.

— Вот они! — завопил Эфраим Куэлл.

Кларк и четверо из его людей снова вскинули винтовки, и сквозь звук выстрелов было слышно, как копья били в гигантский ствол, возле которого они стояли. А негры, раскрашенные под скелетов, подступали.

— Отойдите! — закричал Черный Каин.

Бандит вытащил из мешка пистолет-пулемет Томпсона, который привез с собой. Он воткнул магазин и передернул затвор. Невидимый свинцовый меч ударил в наступающую орду «скелетов», кося черных, как фермер спелую пшеницу. Всего мгновение понадобилось Каину, чтобы заменить барабан, и снова лес огласился дикими воплями. Наконец, негры не выдержали и бросились врассыпную, прочь от этого града смерти.

— Этому им нечего противопоставить! — радостно заявил Черный Каин, при этом на лице его играла волчья ухмылка. — Теперь они узнают, что такое белый человек!

— Мы пока всего лишь распугали их, — покачал головой Кларк. — Их там в джунглях сотни. Мы должны поскорее выбраться отсюда, или нас перебьют. Быстро добраться до гор — наш единственный шанс выжить.

И путешественники поспешили отступить, пробираясь дальше через густые джунгли. Никто не был тяжело ранен, но Кларк знал, что пройдет всего несколько минут, и дикари отправятся от неудачи...

— Они — амафука, а это означает «люди смерти», — сообщил он, когда они двинулись, — и кричали они: «Килима амафука!» — «Горы смерти». Есть шанс, что они суеверны и не сунутся в горы следом за нами. Нам бы самим только туда добраться.

Лейтенант Морроу холодно и невозмутимо кивнул в знак согласия.

— Если они последуют за нами в горы, то наша песенка будет спета, — равнодушно сказал он.

— Мальчик, мне не было так весело с тех самых пор, как я застрял в Среднезападном Национальном во время ограбления, — прохрипел Черный Каин, ласково баюкая автомат, когда они сквозь полумрак джунглей отправились в сторону гор.

Копья вновь заблестели в зарослях за спиной у путешественников, когда амафука начали постепенно приходить в себя после свинцового дождя. А потом чернокожие снова гневно завопили. Тогда Кларк и его люди на мгновение остановились и, развернувшись, дали в заросли еще один залп, после чего резко прибавили шаг. А впереди, едва различимые среди зелени, возвышались темные и неприступные горы — путешественники постепенно приближались к краю джунглей. Шум боя разогнал птиц, обезьян и маленьких зверушек, которые в дикой панике разбежались при приближении людей.

Вскоре европейцам пришлось снова остановиться и отстреливаться от негров, чтобы удержать их на расстоянии. Винтовка Кларка раскалилась в его руке. Вонь горелого пороха, смешанная с промозглым запахом джунглей, была ему в нос. А затем, совершенно неожиданно, за деревьями, всего в сотне ярдов он увидел основание темного склона скал.

— Бегите туда! — закричал он. — Если мы доберемся до тех скал, то, вероятно, получим возможность уйти. Негры, скорее всего, не осмелятся преследовать нас там.

Шестеро авантюристов проломились через заросли и подлесок. Несколько секунд — и они оказались на узкой полосе травы между джунглями и первыми отрогами голых скал. За ними тянулись ввысь бесплодные утесы, скрывающую огромную тайну.

Амафука продолжали орать в джунглях, так как отлично видели белых людей, бегущих в сторону скал... А Кларк, остановившись в двадцати футах от скалы, вдруг увидел то, что в один миг заставило его коричневое лицо приобрести болезненный серый цвет.

— Стойте, ради бога! — воскликнул он, резко взмахнув рукой.

Остальные замерли и с недоумением уставились на него. Кларк криво усмехнулся и указал вперед дрожащим пальцем.

— Смотрите...

Пара диких свиней, выскочивших из джунглей прямо перед ними, метнулась в сторону утесов. Оба животных были поражены мгновенным, непостижимым способом. Как только они ступили на уступ, из камня ударила вспышка белого

света, а может, и огня. Свиньи оказались сожжены самым непостижимым образом.

— Недаром туземцы называют эти горы — Горами Смерти! — воскликнул Кларк. — Смерть ждет любое живое существо, ступившее на их склоны...

Глава 4. В сердце тайны

Шесть человек, замерев от ужаса, обреченно смотрели на скалы. В мрачных склонах, вздымавшихся впереди, затаилась неведомая опасность — загадочная и смертоносная ловушка, в которую они едва не угодили. Голова Кларка Стэннарда безумно закружилась. Боже! Что за невидимая сила скрыта в этих камнях, раз молнии били из них, убивая все, что приближалось?

В мозгу Кларка смертным приговором вновь прозвучали слова, который он сам произнес не так давно:

«Ни одно живое существо не сможет пересечь эти горы, ибо существует джу-джи, или заклинание, убивающее мгновенно».

И как бы невероятно это ни звучало, это был факт. Горы Смерти встали перед путешественниками смертоносным барьером, который не мог пересечь ни один человек.

— Дикари идут сюда! — воскликнул Эфраим Куэлл.

Кларк развернулся вместе с остальными. Разрисованные амафука, издали напоминающие ожившие скелеты, пробирались через заросли в сторону белых людей. Негры вопили, угрожающе трясли копьями, их глаза горели жаждой крови.

— Килима амафука!

— Хорошо орут! — воскликнул Майк Шинн. — Видимо, хотят, чтобы мы бросились вверх по склону!

Амафука пробирались через джунгли единой массой, явно желая оказаться на расстоянии броска копья от белых людей. Кларк начал громко выкрикивать приказы, так как медлить было нельзя. Его люди опустили на колено и открыли шквальный огонь из винтовок, стараясь стрелять как можно быстрее. А потом пистолет-пулемет Черного Каина вновь взвыл, словно огромная гремучая змея. Невидимая

смерть хлестнула по дикарям, сметая их обратно в джунгли. Следующие за погибшими спотыкались о тела и ружейные пули, как смертоносные пчелы, впивались в них. Но разбушевавшиеся туземцы не собирались отступать. И все же их атака захлебнулась...

Наконец Кларк выпрямился, тяжело дыша, и оглядел свой отчаянный экипаж. Лица его спутников были покрыты пороховым нагаром, одежда разорвана. Выглядели они дико. Черный Каин подкурил сигарету, не сводя внимательного взгляда с джунглей. Губы Линка из Техаса были крепко сжаты, глаза смотрели угрожающе.

Но даже в этот отчаянный момент Кларк чувствовал гордость за своих товарищей. Может, они и были людьми вне закона, но они являлись настоящими людьми! Ни на одном лице не заметно даже признака паники. Они выглядели столь же опасными, как загнанные в угол пантеры.

— Мы должны выбраться отсюда, — быстро сказал Кларк. — Эти амафука будут ждать ночи, а потом снова нападут, чтобы прикончить нас.

— Не знаю, куда мы сможем пойти, — гнусаво объявил Эфраим Куэлл. — Я почему-то не рвусь штурмовать эти горы.

— Именно этого от нас и хотят проклятые ниггеры! — гневно фыркнул Майк Шинн.

— О восхождении не может идти и речи, — быстро заверил боксера Кларк. — Бог знает, что за странная сила цепляется к ним, но это смертельно. Все выглядит так, словно в этих горах скрыт огромный электрический заряд, который убивает все, с чем соприкасается. Наш единственный шанс — двинуться вдоль подножия гор, держась подальше от амафука, пока не найдем какую-то дыру или ущелье, через которую сможем пробраться в круг гор. Я не думаю, что негры последуют за нами внутрь периметра скал.

В итоге шестеро авантюристов решили осуществить этот план. Дикари в джунглях вновь зашевелились, но Кларк приказал дать залп, быстро загнавший чернокожих назад в лес. Отряд отправился дальше, двигаясь на восток.

Взгляд Кларка скользнул мимо пиков и контрфорсов в тщетных поисках прохода среди скал. Его сердце сковал ледяной холод, потому как в каменном барьере нигде не было

ни разрыва, ни прохода. Жуткие амафука скользили в глубине джунглей следом за ними. Более получаса продолжался этот отчаянный марш. А солнце между тем стало постепенно склоняться к западу.

Затем белые люди остановились, услышав приглушенный ревуший звук впереди, пульсирующий в определенном ритме. Эфраим Куэлл выглядел испуганным.

— Этот рев звучит словно... — начал он.

— Смотрите, там в скалах проход! — воскликнул лейтенант Морроу, указывая куда-то вперед тощим пальцем.

Кларк тоже уже увидел проход, и в его сердце вновь появилась надежда. В полумиле скалы были рассечены глубокой расщелиной, которая, расширяясь, уходила вглубь горного кольца.

Авантюристы поспешили вперед, переполненные надеждой. Глухой непрерывный рев впереди оглушал. Линк Уилсон все время косился на темные фигуры амафука, идущие в ногу с ними в ближайших зарослях.

— Что-то тут не так! — пробормотал долговязый техасец. — Они должны знать, что мы направляемся в сторону прохода. Почему не пытаются остановить нас?

— Это очевидно. Они попробовали наши пули, и не хотят больше, — с ликованием ответил Майк Шинн.

Но через несколько минут, подойдя ближе к расщелине, искатели приключений остановились с криками отчаяния. На их пути лежала река, текущая из джунглей в пропасть. И какая река! Глубокий, бушующий поток ярдов сто шириной, который стремительно бежал между берегов, заваленных мертвыми деревьями и мусором. Он несея с ужасным грохотом, падая в пропасть, окруженную смертельно опасными скалами. Сама пропасть была лишь трещиной, стены которой поднимались вверх на тысячу футов. А внизу пенилась вода...

Надежды Кларка Стэннарда рассыпались, превратившись в черное отчаяние. А потом он вспомнил, что видел эту реку с вершины огромного баньяна, когда впервые пытался увидеть Горы Смерти. Теперь этот поток преградил дорогу, и переплыть его совершенно невозможно.

— Вот и конец нашего путешествия, — спокойно заявил лейтенант Морроу, покачав рыжей головой. — Мы не сможем отсюда выбраться.

— Я знал, что нас нечто остановит, — стиснув зубы, пробормотал Линк Уилсон. — Они знают, что загнали нас в угол.

Амафука, как только белые люди остановились, последовали их примеру, перекрыв дорогу назад и отрезав Кларка и его группу от реки, по которой те приплыли. Негры опустились на корточки и принялись ждать, словно хотели узнать, что предпримут дальше белые авантюристы.

— Они ждут темноты, — прохрипел Черный Каин. — Когда стемнеет, они нападут, и мы не сможем уйти.

— Да, все это выглядит, как последний раунд... — заметил Майк Шинн, почесывая затылок.

Взгляд Кларка отчаянно метнулся вдоль бушующей реки, проследил за ней до места, где она срывалась в пропасть.

— Отправимся на небеса, — воскликнул он. — Они могут броситься на нас в темноте. Но мы не будем стоять тут и ждать нападения. Мы отправимся по реке, через проход в горах, так и доберемся до озера. — Авантюристы с недоверием посмотрели на своего командира, а он снова заговорив, ткнув пальцем туда, где вода срывалась в пропасть: — Гляньте, там рыба, прыгающая в воду над пропастью. Это значит, что река безопасна, не несет смертоносный заряд, как остальная часть гор... Вероятно, вода течет по руслу, и если мы не станем касаться скал, то останемся в живых...

— Хотите спуститься по реке? — с удивлением переспросил Майк Шинн. — Вы в самом деле сошли с ума? Ни один пловец и минуты не выживет в этом адском потоке!

— А мы не собираемся плыть, — возразил Кларк, показав на стволы мертвых деревьев, скопившихся на отмелях вдоль берега. — Можно сделать плот из бревен плавуна и использовать лозу, чтобы связать их воедино.

— Это мы сумеем сделать, — кивнул Эфраим Куэлл. — Материала тут больше, чем нужно.

— Отправиться вниз по горной реке на хлипком самодельном плоту? — изумился Шинн.

— Но это наш единственный шанс, — развел руками Кларк. — Мы должны сбежать от амафука до наступления темноты, а для этого нужно успеть проскочить в каменный круг. Другого выхода просто нет. Куэлл, ты и Морроу

поможете мне с плотом, — приказал он. — Каин, ты, Линк и Майк останетесь здесь на страже.

Бывший капитан армии янки полез вниз по грязи на от-
мели вместе с Кларком. Они быстро выбрали мертвые де-
ревья подходящего размера. Вытащив топоры из-за пояса,
путешественники начали работать под палящим солнцем.
Во все стороны полетели стружки, пот пропитал рубашки.
Они старательно обрезают и укорачивали стволы.

Отчаяние и осознание смерти, которая их ожидает, если
не удастся выбраться из западни, вынуждали выкладывать-
ся до последней унции сил. Одно за другим бревна были по-
догнаны друг к другу. Потом их быстро скрепили с помощью
длинных лоз, выуженных из кучи мусора. Неожиданно на
берегу загремели выстрелы, а потом затрещал пистолет-пу-
лемет.

— Дикари наступают! — закричал Майк Шинн. — Они
увидели, что мы делаем... Они знают, еще чуть-чуть — и мы
сбежим!

Кларк бросился назад. Некоторые из негров добрались до
места, откуда был виден строящийся плот, и поняли, что бе-
лые люди собираются отправиться дальше.

— Куэлл, ты и Морроу закончите связывать бревна, —
прокричал Кларк обращаясь к двум мужчинам внизу. —
Остальные будут сдерживать дикарей, пока вы закончите.
Но ради бога поспешите!

Казалась, вся орда негров готова обрушиться на них. Ту-
земцы обезумели от ярости, когда увидели, что жертвы гото-
вятся выскользнуть из рук, и их лица, раскрашенные под че-
репа, превратились в маски ярости. Кларк бросился вперед
и, встав между техасцем и Майком Шином, открыл огонь,
добавив выстрелы своей винтовки к трем винтовкам и пи-
столету-пулемету спутников.

Но на этот раз амафука вышли из джунглей. Они пере-
прыгивали через своих мертвецов, а их пронзительные кри-
ки заглушали грохот волн. Неожиданно Томпсон Черного Ка-
ина смолк, а потом он полез в мешок. Он выудил какой-то
овальный объект, а потом швырнул его в сторону дикарей.

Грохот был страшный! Граната взорвалась посреди ту-
земцев, разметав их в разные стороны. Завывая от ужаса,

негры ринулись прочь. А потом еще одна граната взорвалась среди них.

— Я решил, что эти две гранаты будут кстати, вот и прихватил их с собой, — Черный Каин хищно рассмеялся.

— Поспешите, Куэлл! — прокричал Кларк, обращаясь к двум мужчинам внизу. — Они в любой миг бросятся на нас. Они снова идут сюда!

Амафука были безумны в своей ярости. Они в очередной раз рванулись вперед, размахивая копьями. Их дикие крики раскололи воздух. С замиранием сердца Кларк Стэннард осознал, что на этот раз туземцев не остановить. Черный Каин скривился в безрадостной улыбке, доставая свой тяжелый автоматический пистолет.

— Плот готов! — неожиданно заорал Куэлл.

— Бежим! — крикнул Кларк остальным.

Искатели приключений разом бросились к берегу, около которого качался на бурлящей воде плот из тяжелых бревен, кое-как связанный жесткими лианами. Морроу стоял на нем с двумя длинными шестами в руках, а Эфраим Куэлл застыл возле рулевого весла, держа его наготове.

Майк Шинн и техасец перепрыгнули на плот, за ними последовали рычащий гангстер и Кларк. Затем последний схватил один из длинных шестов и вместе с Морроу, навалившись на шесты, оттолкнулись от берега. Однако тяжелый, неуклюжий плот качнулся, двигаясь очень медленно.

Амафука накатились на берег темной волной. Яростный визг разорвал воздух, когда они увидели, что жертвы сбежали. Плот качнулся, уходя в течение основного потока. Бурлящая вода подхватила его и закружила с такой силой, что люди попадали на нетесанные бревна. Вращаясь и рыская из стороны в сторону, плот с огромной скоростью понесся по бешеному потоку к узкому горлу водопада.

— Куэлл, попробуй нас развернуть! — взревел Кларк. — Если мы врежемся в стены пропасти, то погибнем!

Тот всем телом навалился на огромное, сырое рулевое весло, пытаясь должным образом развернуть плот в бушующем потоке. Его костлявое тело напряглось, лицо покраснело. Казалось, Куэлл был на пределе своих сил. Но все же ему удалось повернуть нос плота. Амафука продолжали надрывно орать

на берегу, но они остались далеко позади, и теперь плот раскачивался на пенных волнах, несясь прямо в пропасть.

В момент, когда они нырнули в глубокую тень между скал, Кларку Стэннardu, стоявшему на коленях на самом носу плота, показалось, что их неожиданно перенесло в другой мир — мир странных сумерек и грозно ревущих звуков. Теперь по обе стороны от плота высились громадные каменные стены, а река, словно обезумев, неслась между ними. Ее оглушительный рев гулко отдавался от стен, напоминая хриплый рев титанов.

Река резко повернула, а неповоротливый плот не успел. Он отлетел к одной из каменных стен, но попытаться оттолкнуться от нее означало бы неминуемую смерть.

— Не давайте плоту тереться о камни! — невзирая ни на что, прокричал Кларк, в первую очередь обращаясь к Морроу. Сам он стоял на коленях, выставив свой шест как копьё, чтобы оттолкнуться от пролетающей мимо стены, если только выпадет подходящий шанс. Морроу сделал то же самое. Куэлл продолжал отчаянно бороться с рулевым веслом, навалившись на него весом всего тела.

Но вот шесты разом ударили в каменную стену — и белые вспышки силы, напоминающие огонь, опалили их кончики. Кларка и бывшего офицера отдачей едва не сбросило с плота. Но они удержались, а плот откатнулся от стены и, кружась, полетел в пропасть.

Дальше все шло так же — кошмар, безумное путешествие между отвесными стенами. Приходилось снова и снова отталкиваться шестами от стен. Кларк краем глаза взглянул на Шинна, Линка Уилсона и Черного Каина, сгрудившихся посреди плота. Лицо боксера окаменело, техасец прищурился так, что глаза его превратились в щелчки, а суровое лицо Каина набылчилось.

— Нос плота вот-вот отвалится! — завопил Эфраим Куэлл, перекрывая грохот воды.

Лозы, стягивающие бревна, начали расползаться под ударами разрядов тока. Плот угрожающе закрипел.

— Ему нужно продержаться еще чуть-чуть! — воскликнул Кларк. — Судя по всему, это безумное путешествие должно вот-вот закончиться!

Он знал, что благодаря огромной скорости потока плот уже преодолел несколько миль и находился теперь где-то в самом сердце Гор Смерти. Но пока он по-прежнему неслись по бурлящему потоку.

Через несколько мгновений вода взревела намного громче. Взглянув вперед, Кларк увидел, как она, описав длинную дугу, падает в пропасть. И плот устремился в эту бездну с головокружительной скоростью...

— Что ж, мы идем! — закричал Майк Шинн, сверкнув глазами.

Казалось, плот на мгновение балансировал на самом краю, а затем с диким, тошнотворным свистом полетел вниз. Темные каменные стены с огромной скоростью пролетали мимо. Дикий рев воды оглушал, и ощущения были как в падающем самолете — по крайней мере, так показалось Кларку.

Он видел, как Куэлл бесплодно работал своим рулевым веслом, пытаясь стабилизировать плот, который разваливался буквально на глазах. Они неслись вниз, дальше и дальше, и Кларк мог поклясться, что видит, как сияет солнце за пределами каменного русла.

Плот пролетел вперед, словно странный летательный аппарат, врезался в воду под невероятным углом, в один миг вырвавшись на солнечный свет из сумрачной расселины. Теперь впереди простиралась огромная долина.

— Мы добрались! — констатировал лейтенант Морроу. — Мы прошли через эти чудовищные горы.

— Боже мой, вы только посмотрите на это! — словно безумец воскликнул Майк Шинн, указывая на запад. — Это — город!

Кларку Стэннardu показалось, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. Перед ним, залитая солнечным светом, лежала долина, окруженная кольцом Гор Смерти, — долина миль пятьдесят в поперечнике, где были и леса, и луга. Именно в эту странную долину и принесла их безумная река.

Но самым удивительным оказалось то, что неподалеку от стены нависающих гор высился удивительный, фантастический город с кроваво-красными куполами и крышами, окруженный высокой алой стеной. Невероятный красный

город, скрытый от всего мира. Кларк удивился: быть может, жители этого города и сочинили легенду про Озеро Жизни?

— Плот разваливается! — заорал Эфраим Куэлл. — Дальше нам придется плыть самим!

Он прилагал бешеные усилия, чтобы направить плот к ближайшему безопасному берегу, но бревна расплзались у него под ногами, и вскоре плот должен был окончательно развалиться.

— Берите свои рюкзаки... И в первую очередь винтовки и патронташи! — приказал Кларк своим спутникам.

Бам!

Едва смолкли его слова, плот врезался в подводную скалу. В тот же миг лопнули оставшиеся лозы, бревна разлетелись в разные стороны, и люди оказались в воде.

Глава 5. Город малиновых куполов

Единственное, что спасло Кларка и его спутников, так это то, что скала, на которую налетел плот, находилась недалеко от берега. Если бы плот развалился посреди пенящегося потока, они неизбежно утонули бы. А так Кларк вынырнул из водного потока с тяжелым рюкзаком в руке и, сделав несколько гребков, нацупал ногами дно. Тут уже было не так глубоко, и он мог стоять.

Куэлл и лейтенант Морроу уже вылезали из воды, да и Линк Уилсон, отчаянно загребая, двигался в их сторону. Черный Каин боролся с течением и при этом тащил за воротник Майка Шинна. Бывший боксер продемонстрировал свою огромную силу, вытащив гангстера в спокойную воду. Потом они буквально выползли на берег, выбросили на сухое место свои промокшие рюкзаки, после чего несколько минут стояли, задыхаясь.

Кларк, остановившись, уставился на запад, на странный город, который он впервые увидел в момент, когда плот налетел на скалу. С того места, где он теперь оказался, Кларк видел только алые верхушки самых высоких куполов и башен, которые придавали кровавость блистающему красному

закату. Остальные путешественники тоже застыли, глядя в сторону странного города.

— Город здесь, в самом сердце Гор Смерти... — пробормотал Кларк. — Кто бы мог себе это представить? Это означает, что тут живут люди...

— Да, и, возможно, эти люди будут не рады видеть нас, — нахмурившись, проворчал Черный Каин. — У нас есть пиштолеты и несколько сотен патронов.

И все же у Кларка впервые появилась надежда на успешный исход экспедиции. Они совершили казавшееся невозможным — проникли за непреодолимый барьер неприступных гор. Если сияющее озеро действительно существовало, теперь они так или иначе найдут его. Теперь он был уверен, что озеро должно существовать, так как легенда о Горах Смерти оказалась правдой.

— Напоминает злую шутку. Даже если мы добудем то, за чем явились, отсюда нет выхода, — гнусаво произнес себе под нос Эфраим Куэлл. — Мы не сможем подняться на эти горы, и не сможем вернуться назад по чертовой реке.

— Неужели все именно так? — спросил Майк Шинн, почесывая свою рыжую голову. — Никогда не думал об этом.

— Решим эту задачу, когда придет время, — резко объявил Кларк. — Сейчас нам в первую очередь нужно разведать, что это за красный город, и, если его обитатели дружелюбно отнесутся к нам, поинтересоваться у них, где находится Озеро Жизни.

— Так и сделаем, — одобрительно кивнул Черный Каин. — Будем решать проблемы по мере их поступления.

Выбравшись на сушу, путешественники направились по травянистой равнине, где встречались заросли кустов и рощицы деревьев, в сторону красного города. Взгляд Кларка скользил по кольцу скал. Теперь, когда они были «внутри», его неожиданно поразила мысль о том, что эти горы напоминают гигантские лунные кратеры, сформировавшиеся в результате ударов колоссальных метеоритов.

— Кто-то идет! — неожиданно прошептал Линк Уилсон. — Вон там!

Кто-то шел им навстречу. Кларк прошептал команду. В итоге он и его люди присели, затаившись в ближайшем

кустарнике, сжимая в руках автоматическое оружие. Потом они слышали стук копыт. Глаза техасца при этом свернули...

Стук копыт стал громче, однако стало ясно, что всадники едут медленно. Осторожно выглянув из зарослей, Кларк увидел, что с востока к ним приближается группа людей на лошадях. Вскоре они остановились в кустах, в сотне ярдов от места, где затаились путешественники, и спешились.

Кларк увидел, что местные жители — белые. Они носили черные металлические шлемы, напоминающие остроконечные колпаки, и короткие вязаные кольчуги из проволоки. На поясе у каждого висел длинный меч. Он услышал, как Майк Шинн хмыкнул, с удивлением разглядывая воинов.

— Не высовывайтесь, — предупредил Кларк. — Они не выглядят дружелюбными.

— Мне тоже так показалось, — пробормотал бывший боксер. — Посмотрите-ка на их кислые рожи.

Стройный молодой человек, который, по первому впечатлению, командовал людьми в черных доспехах, отдавал приказы низким, властным голосом. Группа распалась. Двое остались возле лошадей, а остальные стали скрытно пробираться по зарослям на запад, мимо места, где засел Кларк с его людьми.

Вскоре стало ясно, что люди в черных доспехах следят за красным городом, поскольку они все время смотрели в сторону его башен и куполов, казавшихся алыми даже на фоне алого же заката. Они то и дело касались рукоятей мечей и двигались с крайней осторожностью. Выходит, они явились из иного места или из другого города. Так что Кларк решил, что стоит и дальше оставаться незамеченными.

Но его планам не суждено было сбыться. Один из людей в черной броне заметил их. Он случайно бросил взгляд в сторону Кларка и его спутников, а потом что-то прокричал, тыкая пальцем в их сторону. Все воины в доспехах разом обернулись. Их стройный молодой предводитель выкрикнул какую-то команду, и все бросились в сторону путешественников, на ходу обнажив мечи. Лица воинов были мрачными. Прятаться больше не было возможности, и европейцы вскопили на ноги.

— Огоны! — воскликнул Кларк.

Их пистолеты выплюнули поток огня прямо в центр группы людей в черных доспехах, но шум выстрелов перекрыл грохот кольта сорок пятого калибра Линка Уилсона. Пятеро из воинов в черной броне упали, и одним из них оказался стройный предводитель. Остальные резко остановились, очевидно, они никогда раньше не сталкивались с огнестрельным оружием.

Развернувшись, они побежали назад к лошадям, бросив пятерых погибших. Черный Каин вскинул руку с пистолетом, собираясь пальнуть им в спину, но Кларк ударил его по руке, и тот невольно опустив руку, так и не выстрелив.

— Больше никакой стрельбы! Мы их отпугнули, теперь стоит поберечь боеприпасы!

— Посмотрите, как драпают! — радостно осклабился Майк Шинн. — Нокаутированы с первого удара!

Однако Кларк не чувствовал никакого ликования... да, они отбили атаку, но теперь их обнаружили. Его смуглое лицо помрачнело. Но все же, взяв себя в руки, он зашагал в сторону убитых, чтобы посмотреть, кого же они подстрелили. Первый, над кем он склонился, имел белую кожу. У него был длинный орлиный нос и тонкие губы. Меч его был из отличной стали и неплохо выкован. Броня оказалась из бронзы, выкрашенной в черный цвет.

— Вон тот все еще жив, — заметил лейтенант Морроу. Он как раз склонился над молодым предводителем отряда, который упал. Осмотрев его, Кларк увидел, что пуля только слегка задела череп незнакомца, оглушив его.

— Избавим его от страданий, — прохрипел Черный Каин, поднял пистолет

— Не стоит, — резко объявил Кларк. — Мы можем получить информацию от этого парня, узнать об Озере Жизни.

Он стащил черный бронзовый шлем с головы молодого человека, который все еще находился без сознания. И замер от удивления. Из-под шлема вылился густой поток шелковистых сине-черных волос, которые упали, обрамляя бледное лицо.

— Х-хорошее д-дело! Д-да эт-то ж-же д-дамочка! — заикаясь, заметил Шинн.

— Да, обычная шляпка! — с удивлением согласился Черный Каин. — И она командовала воинами, когда они решили броситься на нас?.. Надо же...

Грудь девушки поднималась и опускалась под черной кольчугой, а затем в какой-то момент ее глаза широко распахнулись. Они были большими, голубыми, а взгляд, казалось, метал искры, словно грозовое летнее небо. Черты лица воительницы были точеными, чувствовалась, что за ними скрыта сила. Когда девушка взглянула на Кларка, она задумалась, словно пытаясь сообразить, что же с ней произошло. А потом, вспомнив, попыталась подняться. Ее белое лицо залилось краской гнева, а рука принялась шарить вокруг в поисках меча, выпавшего из руки, когда она упала.

Кларк попытался схватить ее, но это оказалось равносильно борьбе с дикой кошкой. Стройная незнакомка извивалась, словно безумная, размахивая руками и ногами, а ее голое колено уперлось ему в живот. Взгляд ее был переполнен яростью и ненавистью, в то время как он по-прежнему старался не удерживать запястья девушки, не причиняя ей особого вреда.

— Прекрати! — грубо бросил Кларк. — Никто тут тебя не обидит.

Естественно, девушка не могла понять его английский. Но она с шипением прорычала слова, которые Кларк, к собственному удивлению, частично понял. Юная воительница говорила на языке, похожем на арабский, который он знал. Быть может, этот язык был прародителем арабского.

— Красные собаки! — прошипела она. — Какую магию вы использовали, чтобы убить моих людей? Дайте мне мой меч, и посмотрим, кто победит!

— Не было никакой магии, — ответил ей Кларк на арабском. — Мы убили ваших людей, потому что они напали на нас. Мы не красные.

Для нее его современный арабский должен был звучать достаточно странно. Тем не менее девушка продолжала сопротивляться, не собираясь расслабляться. Ее точеные ноздри раздувались от ярости.

— Ты пытаешься обмануть меня! — бесновалась она. — Даже сейчас ты пытаешься взять меня в плен, чтобы отдать

Фраго. Он вознаградит вас за то, что вы с помощью магии захватили Лураин, дочь Кимора!

— Что это она, черт побери, несет? — нетерпеливо спросил Майк Шинн. — Вы, кажется, слушаете ее лепет, шеф.

— Она думает, что мы пришли из этого малинового города, — быстро объяснил Кларк своим спутникам. — Несомненно, воины в черной броне принадлежат к народу, являющемуся врагом тем, кто живет в красном городе.

Потом он повернулся к расшвирупевшей девушки и решительно объявил ей:

— Послушай меня, Лураин. Я говорю правду. Мы не из красного города и вообще не из этой земли. Мы явились из-за гор.

— Ложь на лжи! — прорычала та. — Все люди знают, что ни одно живое существо не может пересечь горы и остаться в живых. Все знают, что эти горы убивают. Хотя вы и в самом деле носите странную одежду и странно вооружены, но я знаю, что вы — псы Фраго. И словно ваш хозяин ищете проклятого знания, хотите испить из запретного озера!

— Озеро? — воскликнул Кларк Лураин, а сердце его взволнованно забилося в груди. — Вы имеете в виду Озеро Жизни? Где оно? Где-то в этом красном городе?

— Ты, богохульник, отлично знаешь, где лежит это озеро, — проговорила Лураин, наградив его полным ненависти взглядом. — Много поколений вы и ваши предки стремитесь захватить его и испить его запретной воды.

— Боже мой, Озеро Жизни... по крайней мере, что-то вроде того... и в самом деле тут есть! — взволнованно объявил остальным Кларк на английском. — И эта девушка знает, где оно. Если мы сможем найти выход...

Неожиданно револьверы снова оказались в руках у Линка Уилсона. Все путешественники разом обернулись, поскольку с запада послышался стук копыт. Кларк заметил, что в глазах Лураин сверкнула надежда.

— Те, кого мы разогнали, вернулись с подкреплением! — воскликнул Кларк. — Быстро прячемся.

— Поздно, — проворчал Эфраим Куэлл.

Вскоре в поле зрения появилась сотня всадников, уверенно скачущих со стороны малинового города. Эти люди

носили красные доспехи вместо черных. Стоило Лураин один раз взглянуть на них, как всякая надежда на ее лице исчезла.

Красные всадники, повинуясь командам своего командира, разделились, окружая Кларка и его спутников. Потом они замерли, не слезая с лошадей и взяв мечи наизготовку самым зловещим образом.

— И что теперь станем делать? — прорычал Каин.

— Подождем, посмотрим, что будет, — спокойно ответил ему Кларк. — Их слишком много для того, чтобы мы с легкостью разогнали их. Подождем... тем более что они пока не нападают.

Предводитель красных всадников спешился и подошел к путешественникам. На вид ему было лет тридцать. У него было гладкое белое лицо и хитрый взгляд.

Когда же он увидел девушку, которую все еще держал Кларк, лицо его расплылось в широкой, довольной улыбке. Но интерес и сомнения появились на нем, когда он вновь посмотрел на группу из шести искателей приключений.

— Кто ты, незнакомец? — спросил он, обращаясь к Кларку на том же самом варианте арабского, который использовала девушка. — Ты не из нашего города К'Аамма. Ты не из Дордоны, иначе ты не убил бы черных, которые тут лежат.

— Почему ты решил, что это мы их убили?

— Мы знаем, — уверенно объявил предводитель красных. — Часовые на городской стене слышали странные, резкие звуки, доносившиеся с этого места, а потом увидели, как разведчики черных в ужасе убегают от вас. Именно поэтому мы и выехали на разведку... Я — Драл, третий капитан в армии великого царя Фраго, — добавил он. — Скажите мне, незнакомцы, откуда вы взялись? Как вы убили этих черных, если у вас нет мечей?

— Мы пришли из-за гор, — спокойно ответил Кларк. — Мы убили черных с помощью своего оружия.

Драл взглянул на пистолеты, и его улыбка стала насмешливой.

— На самом деле эти штуки не похожи на оружие.

— Тем не менее это оружие много могущественнее, чем вы подозреваете, — спокойно сказал Кларк. — Смотрите!

Большая красная птица кружилась над кустарником не-подалеку. Кларк поднял пистолет и выстрелил. Птица упала на землю.

Драл и его люди отпрянули, а лошади стали переминаться, дико вытаращив глаза.

— Воистину это оружие власти, — пробормотал третий капитан. Казалось, он что-то напряженно обдумывает. И когда он снова заговорил с Кларком, в голосе его слышались странные нотки почтения. — Фраго, правитель К'Ламма, с радостью приветствовал бы вас, незнакомцы. А если честно, он с радостью будет приветствовать всех, кто пленил эту дикую кошку — дочь нашего старого врага Кимора.

В его взгляде загоралась ненависть, когда он смотрел на Лураин. Кларку этот взгляд не понравился.

— Мы захватили девушку не для вас или Фраго, — резко объявил Кларк. — Она — наша пленница, а не ваша.

— Мы могли бы отобрать ее у вас, незнакомцы, — объявил Драл, краснея от гнева.

— Вспомните о птице, которая только что погибла, — демонстративно напомнил Кларк. — Вы уверены, что сможете забрать у нас девушку?

Кларк увидел, как сомнение и другие непонятные ему эмоции борются на лице третьего капитана. Было видно, что он боится пистолетов, но совершенно уверен в том, что должен взять в плен Лураин. Однако пока он всего лишь любезно улыбнулся и объявил:

— Пусть так и будет. Девушка — ваша пленница. Я предлагаю вам и вашей пленнице отправиться со мной в К'Ламму.

Теперь настала очередь Кларка сомневаться. Так или иначе, он не хотел насильно вести девушку в город ее смертельных врагов. Но понимал, что сейчас, окруженный красными воинами, не сможет ее отпустить. Кроме того, пока она считалась его пленницей, Кларк мог ее защитить, и Лураин находилась в относительной безопасности. Помимо того, он очень хотел увидеть этого Фраго — правителя малинового города К'Ламма. Почему-то казалось, что единственная надежда достичь таинственного озера лежала за стенами красного города.

— А сможет ли Фраго помочь мне добраться до Озера Жизни? — спросил он Драла напрямую.

Внезапно торжество промелькнуло в глазах Драла, но он постарался сдержаться.

— Фраго и сам хочет добраться до сияющих вод озера. На протяжении многих веков жители К'Ламма стремились испытать вод бессмертия, но нам мешают черные псы — люди сгнившей Дордоны.

— Конечно, — с яростью воскликнул Лураин. — И ни один богохульник не доберется до священного озера, пока жив хоть один человек в Дордоне! И даже если все мы умрем, Стражи не пропустят вас!

Постепенно Кларк начал понимать, что тут происходит. Город Дордона находился где-то внутри этого гигантского кратера, а Озеро Жизни — рядом с Дордоной, поскольку эти черные воины, видимо, считали себя защитниками священных вод. А если так, то нет никакой надежды достичь желаемого, напавившись в Черный город. И раз воины К'Ламма хотят того же самого — добраться до озера, то лучше отправился вместе с ними. По крайней мере, так ему казалось. Несмотря на то, что третий капитан офицер был весьма неприятной личностью, он не разделял суеверие относительно вод озера, а значит, местные жители могли стать хорошими союзниками.

— Мы отправимся с вами в К'Ламм, — сухо сообщил Кларк Дралу. — Но вы должны помнить: девушка — наша пленница.

— Пусть будет так, — согласился тот, подав какой-то знак своим воинам, тут же опустившим мечи, однако его глаза при этом зловеще сверкнули.

Третий капитан выкрикнул несколько приказов, всадники перестроились и несколько из них пересели за спины своих товарищей. Путешественникам достались освободившиеся лошади. Руки Лураин были связаны, поэтому ее усадили в седло перед Кларком.

Линк Уилсон глубоко вздохнул, поудобнее устраиваясь.

— Приятно вновь оказаться в седле, — пробормотал тощий техасец, и глаза его радостно сверкнули.

Кларк кратко рассказал спутникам о своем решении. Черный Каин кивнул в знак согласия.

— Похоже, что мы прямоиком направляемся в притон местного босса, — прохрипел он. — Ну а если он, черт возьми,

попытается закрутить гайки, то мы всегда сможем пробить себе дорогу, перестреляв этих олухов.

— Вперед! — крикнул Драл.

С дикими криками весь отряд красных воинов сорвался с места. Кларк со спутниками следовали за ними, прямо на восток к городу с алыми башнями и куполами.

Лураин, словно каменная, застыла в седле перед Кларком. Он видел ее лицо, точеное, белое, гордое, жестокое и равнодушное. Девушка знала, что ее везут в цитадель злейших врагов, но не выказывала никаких признаков страха. Она восседала в седле, как королева. И в сердце Кларка Стэннарда зародилось невольное уважение к маленькой дикой кошке, несмотря на то, что она пыталась убить его, и тем самым поставила путешественников в очень неудобное положение, лишив возможности разобраться в ситуации и принять соответствующую сторону.

Линк Уилсон держался в седле словно кентавр, а его лицо светилось от удовольствия. Черный Каин ехал молча, мрачно поглядывая на город, раскинувшийся перед ними. Куэлл, Майк Шинн и лейтенант Морроу держались позади.

Впереди лежал огромный город, чьи крыши, купола и стены были ослепительного красного цвета, режущего глаз. Его окружали сады и луга. Где-то за стенами, как считал Кларк, гостей извне дожидался Фраго — таинственный правитель, который, как и сам Кларк, мечтал добраться до Озера Жизни. Однако вести себя гость должен очень осторожно, если хочет выбраться из этой забытой богом долины.

Когда они подъехали к стенам, металлические ворота распахнулись, и наружу выехал большой отряд всадников. Затем копыта коней отряда Кларка и его «почетного эскорта» застучали по мостовой — гости въехали в красный город К'Ламм.

Глава 6. Царь К'Ламма

Город К'Ламм был круглым и не слишком большим — не более двух миль в диаметре, окруженным стеной сорок

футов в высоту. Здания и мощеные улицы были из камня, окрашенного в красный цвет. Большая часть зданий имела плоские крыши, и почти повсюду были устроены павильоны и навесы. Крайне взволнованные жители наблюдали за проезжающей кавалькадой.

Кларк видел, что половина горожан носила малиновые доспехи и длинные мечи. Шлемы воинов, архитектура и оружие — все выглядело средневековым. Как будто цивилизация в этом месте, отрезанном от внешнего мира, не продвинулась дальше средних веков. Тут было много женщин в скудных белых туниках, которые едва прикрывали колени и левую половину груди.

— По-моему, здесь полно милovidных дамочек, — заметил Майк Шинн, видя, как бывший боксер внимательно изучает толпу.

— А кроме того, тут полным-полно тренированных воинов, — угрюмо напомнил ему Кларк. — Так что, Майк, постарайся держать себя в руках.

— Какого черта! Мы могли бы одной гранатой разметать эту толпу, — глумливо заявил Черный Каин. — И ни у кого в этой толпе нет револьвера.

Мужчины и женщины К'Ламма пришли в ярость, увидев пленную девушку в черных доспехах, сидевшую на лошади перед Кларком.

— Смерть Лураин из Дордоны! — кричали они, возбужденно потрясая кулаками и мечами. — Убейте проклятую ведьму! Пытайте ее!

Лураин не смотрела ни вправо ни влево. Она держала себя так, что Кларк Стэннард невольно исполнился к ней уважением.

— Ты наша пленница, — прошептал он наклонившись к ее уху. — Они не должны забрать тебя у нас.

— Я не боюсь ни их, ни тебя, — прорычала Лураин, не оборачиваясь. — Придет день, когда все красные погибнут.

В конце широкой аллеи, по которой они ехали, виднелось самое большое здание в городе. Это была шестиугольная алая башня, тупая и усеченная, около ста футов высотой — довольно уродливое сооружение. Гости спешили перед башней, и третий капитан в красном подошел к ним.

— Владыка Фраго уже проинформирован о вашем визите и ждет, — спокойно сообщил он.

— Веди, — сухо сказал Кларк. — Наша пленница отправится с нами, — а когда они направились к башне, сказал своим людям: — Держитесь поближе друг к другу, будьте наготове и ничего не предпринимайте. Пока они не нападут.

Следом за Дралом гости прошли в здание, мимо воинов в красных доспехах, вниз по коридору. Третий капитан, гремя доспехами, двигался за Кларком и девушкой. Та шла с высоко поднятой головой в сопровождении шести авантюристов, поглядывающих вокруг с любопытством. Наконец они вышли в большой круглый банкетный зал с красными каменными стенами, освещенными заходящим солнцем через узкие щели окон. Всюду по залу были расставлены столы, но только возле одного, стоящего на возвышении, были люди. Возле него в одиночестве сидел человек в красном шлеме и доспехах, на его груди сверкал огромный драгоценный камень. За спиной владыки маячил морщинистый старик с хитрым лицом.

— Чужеземцы с пленницей, великий царь, — объявил Драл, а потом сделал паузу, поклонившись сидевшему за столом. Тот встал.

— Вы, может быть, и незнакомцы, — проговорил Фраго, обращаясь к Кларку. — Но я с радостью поприветствую того, кто пленил Лураин из Дордоны.

Фраго, царь К'Ламма, был попросту огромен — больше шести футов ростом, а плечи имел не менее широкие, чем Майк Шини. Блестящая красная броня только подчеркивала массивность его фигуры. Лицо царя было властным, но не просто, а высокомерно властным, на нем читалось осознание своей абсолютной власти, а также врожденная сила. Квадратный подбородок, беспощадный рот, широкие ноздри, большие черные глаза с пронизательным взглядом, в глубине которых сверкали огоньки ненависти.

— Приготовьтесь к неприятностям, — пробормотал Кларк по-английски. — В любой момент может начаться.

Драл подробно доложил обо всем своему господину. Фраго внимательно выслушал подданного.

— Так ты утверждаешь, что эта девушка — твоя пленница? — прищурившись, поинтересовался он у Кларка.

Тот коротко кивнул.

— Да. Мы взяли ее в плен, и она — наш трофей.

— Ну, а почему незнакомцы из-за гор решили рискнуть жизнью и проникнуть в наши земли? — задумчиво спросил Фраго. — Уже много лет никто не мог пересечь Горы Смерти. Что же привело вас в наши края?

— В большом мире за пределами гор есть легенды о странном светящемся озере, находящемся в этих краях, — ответил Кларк. — Мы пришли в поисках этого озера, и как только найдем его, вернемся в свой мир, взяв образцы воды.

— Легенды, которые ты слышал, были правдой, незнакомец, — подтвердил Фраго с изменившимся выражением лица. — Это блестящее озеро и в самом деле существует, но оно не в К'Ламме. В течение многих лет мы тоже пытаемся добраться до него, — а потом, лукаво посмотрев на Кларка, добавил: — Может, нам стоит стать союзниками? Драл говорит, что у вас странное и очень сильное оружие. Вместе мы, несомненно, победили бы в сражении за Озеро Жизни.

— Вам никогда не победить нас, красная собака! — неожиданно прозвучал серебристый голос Лураин. — Даже если вы разобьете нас в битве, есть еще Хранители!

— Хранители? — переспросил Фраго, а потом рассмеялся. — Хранители всего лишь легенда! Их не существует! На протяжении веков эта легенда удерживала дордонов вдали от озера, но нас это не удержит. Нет! — Ноздри царька яростно раздулись, его глаза пылали дьявольской одержимостью. Кларк внимательно рассматривал волчье лицо человека, живущего исключительно собственными амбициями и, похоже, принимающего желаемое за действительное. А Фраго тем временем улыбнулся ему. — Поговорим об этих вещах попозже, незнакомец. А пока располагайтесь в К'Ламме. Сегодня мы устроим праздник в вашу честь, а пока можете располагаться в лучших комнатах моего дворца.

— Наша пленница отправится с нами, — сухо объявил Кларк.

— Пусть ваша пленница отправляется с вами, — спокойно согласился царь. — Но предупреждаю: вам стоит хорошенько охранять эту дикую кошку. Не думаю, что она сможет выйти из этого дворца. — В его глазах сверкнули веселые огоньки. — Нет, я не думаю, что она может устроить какой-нибудь фокус, если ее не охранять. Драл проводит вас в ваши апартаменты. До вечера, чужеземцы.

Кларк изящно поклонился. Потом, взяв за руку обремененную Лураин, последовал за учтивым капитаном из большого банкетного зала. Пятеро его спутников зашагали следом, и Драл провел их по широкой каменной лестнице по коридорам на верхний этаж в апартаменты из четырех больших комнат. Там повсюду на стенах висели гобелены, на которых были изображены бои красных и черных воинов. Имелись стулья и диваны, а узкие, больше напоминающие бойницы окна выходили на плоские красные крыши К'Ламма, поблескивающие в лучах заката. Драл поклонился и оставил путешественников, прикрыв за собой двери. Лураин подошла к окну и застыла, молча разглядывая раскинувшийся перед ней город.

— Ну и как по-твоему все прошло? — поинтересовался Черный Каин. — Этот парень, похоже, упертый придурок.

Кларк кратко пересказал все, о чем они говорили с Фраго.

— Насколько я понимаю, лучший вариант — действовать заодно с царем, пока мы не сориентируемся, — закончил он. — Он тоже хочет добраться до озера и, видимо, тоже считает, что вода этого озера и в самом деле дарует бессмертие. Также совершенно очевидно, что люди Лураин мешают красным добраться до озера. Они и нам не позволяют сделать этого. Наш единственный шанс добраться до Озера Жизни — помочь Фраго.

— Тогда почему ты не отдал девушку царю красных? — поинтересовался лейтенант Морроу. — Тогда бы он был уверен в нас, как в надежных союзниках.

— Ее тогда, скорее всего, убили бы или замучили, — возразил Кларк. — Это очевидно.

— Ну и что? — равнодушно пожал плечами бывший офицер, его лицо скривилось, когда он добавил: — А вот то, что мы оставили ее себе, может подорвать доверие к нам... Не в первый раз женщина нарушает планы...

— Да вы бессердечный типчик, — заметил Майк Шинн. — Вы бы с легкостью отдали эту девушку на заклание.

— Мы не станем отдавать ее, — решительно заявил Кларк. — Я хотел бы расспросить ее об Озере Жизни.

Он подошел к Лураин, и девушка повернулась, вызываясь посмотреть на него. Глаза у нее были ярко-синие.

— Лураин, расскажите мне, где находится Озеро Жизни? — поинтересовался Кларк. — Если ты все расскажешь нам, мы, быть может, отпустим тебя.

— Вы? — с недоверием посмотрела на него Лураин, шагнув к американцу. Кларк тут же кивнул, подтверждая свои слова.

— Да, так мы и поступим. Не могли бы вы рассказать нам, как добраться до озера?

Лураин подобралось так быстро, что навязчивый аромат ее сине-черных волос ударил ему в голову, она подняла голову и уставилась на Кларка.

— Я не смогу открыть вам тайну священного озера, — медленно и спокойно проговорила она. — Не могу ничего рассказать.

И тут ее рука с быстротой молнии метнулась к поясу, она выхватила нож из ножен на поясе Кларка, а потом ударила его в самое сердце.

Глава 7. Предательство Фраго

Инстинкт может спасти человека тогда, когда любая поддержка может оказаться фатальной. Не первый раз в своей жизни Кларк видел, как смертоносная сталь движется к его сердцу. Его разум и тело действовали мгновенно. Американец резко подался назад, так что нож просвистел мимо, прорезав переднюю часть его рубашки, только обжег его грудь, словно раскаленный провод. Но прежде чем Лураин вдавила клинок и дернула его вверх, загорелая рука Кларка перехватила руку девушки за запястье. Он резко дернул ее, при этом действовал совсем не нежно. Холодный, жестокий гнев переполнял американца. Нож со стуком выпал на пол из выкрученной руки. Голубые глаза Лураин сверкнули на бледном до белизны лице, но она не вскрикнула от боли или страха. Ненависть пульсировала в ее взгляде.

— Вот так ты хотела обмануть меня? — резко выплюнул Кларк. — Ты бы убила меня, чтобы только я не добрался до вашего священного озера?

— Да, я бы так и сделала! — голос Лураин ударил его, как кнут. — Ты же стал союзником Фраго, и это поможет другим богохульникам из К'Ламма, жаждущим добраться до озера... Ты заслуживаешь смерти!

— Я предупреждал тебя, — с горечью заметил Морроу, обращаясь к Кларку. — Все женщины одинаковы. Они пытаются играть нами.

— А дамочка весьма нервная! — проговорил Черный Каин. Уважение и восхищение читалось в светлых глазах гангстера.

— Так и есть, — усмехнулся Линк Уилсон. — Напоминает мне о маленькой Мех в Аква Прейта, которая пыталась пырнуть меня ножом, когда...

— Черт, мы можем обойтись без твоей автобиографии, — прохрипел Кларк. — Принесите веревку. Свяжем ей руки. Она опасна.

Когда они закончили, Лураин сидела и с ненавистью смотрела на них.

— Кто-то должен будет остаться и присмотреть за ней, пока мы будем на банкете, — заметил Кларк. — И дело даже

не в том, что она может убежать, а в том, что я не доверяю Фраго. Куэлл, ты останешься?

— Присмотрю за ней, — нахмурившись, кивнул тот. — Так или иначе, у меня все равно не те манеры, что подходят для званых пиров.

Быстро темнело. К'Аамм превратился в массу темных плоских крыш, залитых лунным светом. Лишь кое-где окна и двери сверкали огоньками. Отдельные звезды начали зажигаться над могучим барьером Гор Смерти. Авантюристы побрились, почистили одежду и постарались, насколько возможно, привести в порядок свой гардероб. Слуги принесли горящие факелы. Потом появился Драл. Его длинный меч позвякивал при каждом шаге.

— Лорд Фраго ждет вас в пиршественном зале, — произнес он, а потом с удивлением поглядел на связанную девушку.

Огромный круглый банкетный зал ярко сверкал, залитый светом факелов, когда Кларк Стэннард и четверо его спутников вошли в зал следом за Дралом.

Теперь столы, расставленные по залу, были завалены мясными блюдами и фруктами, а также заставлены кувшинами с черным и желтым вином. За столами сидело более сотни мужчин и женщин, знатных аристократов средневекового К'Аамма. Все мужчины носили красные металлические кольчуги и мечи. Женщины были в хитонах из того же цвета ткани, подобно остальным местным прелестницам, которых путешественники видели ранее, но в более богатых, расшитых золотом и драгоценными камнями. Верхняя часть груди и руки женщин были обнажены, как в старинных критских костюмах. Они пили и смеялись наравне с мужчинами. Но все в зале разом замолчали, с любопытством уставившись на вошедших путешественников — пятерых незнакомцев, которые впервые за всю историю этой земли преодолели цепь смертоносных гор.

— Добро пожаловать на наш пир, чужеземцы, — приветствовал их голос Фраго. — Вот места для вас, там вино, мясо и женщины, ибо мы относимся к вам как к своим, так как надеемся, что вы станете нашим союзниками во время похода, который мы скоро начнем.

Лицо красного царя казалось открытым и искренним. Но Кларк задался вопросом: не показалось ли, что глаза того странно блеснули с непонятным весельем?

Американец сел на высокий черный металлический стул, стоящий возле самого Фраго. Его четыре спутника расположились рядом. По другую сторону от Кларка оказалась высокая томная красотка, которую представили как Ялу — сестру Фраго. Несмотря на свою внутреннюю настороженность, американец не мог не восторгаться ее угольно-черными волосами, гладкой кожей цвета слоновой кости и точеной фигурой. Женщина выглядела как настоящая принцесса К'Аамма. Взгляд ее бархатистых черных глаз встретился с его любопытным взглядом.

Однако вместо того, чтобы и дальше разглядывать красавицу, Кларк повернулся к Фраго, почувствовав, что самое время раскрыть тайны, которые окружали со всех сторон.

— Вы по-прежнему хотите, чтобы мы стали вашими союзниками во время похода к Озеру Жизни? — напрямую спросил он.

— Именно так, — подтвердил Фраго. — Вы имеете оружие, неведомое здесь, что гарантирует нам победу, хотя я уверен, что мы и без того смогли бы раздавить людей Дордоны.

— Где лежит озеро? — напрямую спросил Кларк.

— Оно под нами, — ответил Фраго.

— Под нами?

— Да, — кивнул красный царь. — Глубоко под этой огороженной горами землей под лигами твердой скалы есть большая пещера, и в ней плещется сверкающее Озеро Жизни.

— И как же тогда вы надеетесь добраться до него? — поинтересовался Кларк.

— Существует только один путь к озеру, — объяснил Фраго. — Это подземный ход, начинающийся в городе наших врагов, в Дордоне, недалеко от восточного края этой земли. Река, текущая через горы, пересекает всю долину и стекает в эту яму... Давным-давно, — продолжил Фраго после долгой паузы, — наши предки пришли сюда из внешнего мира. Они перебрались через горы, так говорят легенды. Видимо, тогда горы не были столь смертоносны, как сейчас. Наши предки исследовали эти земли и обнаружили бездну, куда

падала река, а потом спустились в пещеру, где находилось Озеро Жизни. Потом они узнали, что, если выпить воды из озера, можно стать бессмертным. Но им запретили пить из озера... Запретили странные, нечеловеческие существа, обитающие под землей на берегу озера и охраняющие его. Эти существа — Хранители — приказали людям вернуться на поверхность и никогда не спускаться к озеру и не пить его воды. Испуганные люди так и поступили. Легенда гласит, что после этого Хранители вдохнули смертельную силу в окружающие долину горы, чтобы больше никто из обитателей внешних земель не мог прийти сюда... А люди, оказавшиеся здесь, основали город вокруг входа в подземный мир. Они назвали город Дордона, возвели храм возле ямы, ведущей в подземное царство, и объявили богохульством одну только мысль о том, чтобы спуститься вниз на поиски Озера Бессмертия. И, поработанные этим суеверием, они убивали всех, кто думал иначе. А все потому, что они преклонялись перед Хранителями, верили в их существование, хотя никто, кроме первых исследователей озера, их не видел... Но прошло много времени, поколение сменяло поколение, и однажды в Дордоне случился бунт. Многие люди говорили: «Почему мы должны умирать, когда у нас под ногами озеро, воды которого даруют бессмертие? Давайте отбросим предрассудки, спустимся и выпьем воды, и не важно, разрешат нам это Хранители или нет». Правители города обрушили на повстанцев всю свою мощь, и тем пришлось бежать к западной границе долины. Там они основали новый город — К'Аамм... И с тех самых пор мы, живущие в К'Аамме, хотим вернуться, покорить обитателей Дордоны и спуститься к Озеру Жизни. Но у нас не хватает сил победить фанатиков. Однако за прошедшие годы множество людей бежало из Дордоны в наш город, так как понимали, что глупо стариться и умирать, когда бессмертие буквально в двух шагах. Теперь мы достаточно сильны, чтобы напасть на фанатиков, раздавить суеверных черных, и пусть даже по их телам проложить себе путь к берегам сияющего озера, испытать его воды и обрести бессмертие!

— Вы действительно верите в то, что вода этого озера дарует бессмертие? — с недоверием в голосе поинтересовался Кларк Стэннард.

— Я уверен! — сверкнув глазами, ответил Фраго. — Если мы выпьем этой воды, то никогда не умрем, потому что вода этого озера содержит саму сущность жизни. По крайней мере, наши предки, побывавшие на берегах озера, были в этом уверены.

— Тем не менее вы нисколько не боитесь встречи с легендарными Хранителями, если доберетесь до озера?

Фраго презрительно рассмеялся.

— Хранители не пугают нас, поскольку мы не уверены в том, что они до сих пор обитают на берегу озера. Ни один человек не видел их в течение веков, и даже те немногие, кто видели, не были ими убиты. Думаю, что даже если Хранители и существуют, то не смогут нас остановить.

«Похоже, я имею дело со упрямым скептиком», — подумал Кларк. Странно, что Фраго так скептически относится к страшным Хранителям, ведь сам американец не слишком сильно верил в миролюбие таинственных созданий, стоящих на страже бессмертия.

— Почему вы хотите заручиться нашей помощью, если у вас самих достаточно сил, чтобы подавить сопротивление Дордоны? — напрямую спросил Кларк.

— Мы хотим, чтобы вы стали нашими союзниками вовсе не потому, что нам нужна ваша помощь, — так же откровенно ответил ему Фраго. — Но не хотели бы, чтобы вы со своим странным оружием оказались на стороне наших врагов. Вы, странники, станете бессмертными, как и мы...

Черные глаза Фраго блеснули странным светом, его кулаки крепко сжались, а голос задрожал от волнения:

— Быть бессмертным... Только подумайте! Шагать по миру, не боясь смерти, оставляя позади поколение за поколением! Если мне когда-нибудь будет суждено отвесть воды бессмертия, я приложу все силы, чтобы выбраться из этой долины, и буду править... — Тут он резко остановился и, прищурившись, уставился на Кларка. Потом он продолжил более спокойным тоном. — И что вы станете делать, незнакомец, после того как я рассказал вам, каково положение дел? Вы присоединитесь к нам, чтобы атаковать Дордону?

Кларк заколебался. Инстинкт самосохранения подсказывал ему не брать на себя никаких обязательств.

— Думаю, мы присоединимся к вам, — медленно и осторожно сказал американец. — Но прежде, чем дать вам слово, я должен переговорить со своими спутниками. И если мы присоединимся к вам, то наша награда должна быть больше, чем глоток сверкающей воды.

— То есть девка из Дордоны, эта Лураин, пыталась построить вас против меня? — с подозрением спросил Фраго. — Неужели она попыталась сделать из вас союзников обреченных людей?

— Час назад она попыталась прикончить меня, — едко сообщил Кларк. — Так что нет никакой опасности, что я стану ее союзником.

Тем не менее ему показалось, что тлеющие искры подозрения сохранились в глазах Фраго. Услышав о нападении, красный царь рассмеялся и воскликнул:

— Мы еще поговорим об этом утром! Не стоит портить праздник.

Он поднял руку, подавая сигнал. Из алькова послышалась музыка, постепенно становясь все громче, более зажигательной, а затем дюжина стройных девушек в мерцающих вуалях выскользнула в центр освещенного факелами зала. Они начали танцевать в пространстве между столами, покачиваясь, кружась под варварскую музыку, их белые руки взлетали и падали, словно ткали ажурный занавес.

— Гуляем! — радостно рявкнул Майк Шинн, заглушив дикую музыку. — Это лучше, чем ночной клуб!

— Не радуйтесь раньше времени, — растягивая слова, произнес Линк Уилсон, повернув свое загорелое лицо в сторону ближайшей смеющейся девушки. — Жаль, что придется беседовать с ними с помощью знаков.

— Скажу, что это хорошая награда после похода по этим проклятым джунглям, — пробормотал Черный Каин себе под нос, хохотнув, но Кларк отлично расслышал его слова.

А вот лейтенант Морроу сидел, пил и угрюмо оглядывался, с горечью взирая на кружившихся перед ним девушек.

— Вы не пьете, явившийся из внешнего мира? — нежным голосом поинтересовалась Яла, сестра Фраго, протягивая американцу бокал черного густого вина. — Неужели наше вино такое плохое в сравнении с тем, что пьют во внешнем мире?

Кларк взял бокал, попробовал. Плохо очищенное вино было крепким, но, как ни странно, душистым. Томным взглядом Яла одобрила, когда он допил бокал до дна. Повинуясь ее небрежному жесту, ближайший слуга тут же снова наполнил бокал Кларка.

— Да, пейте до дна! — прогремел могучий голос Фраго, перекрывая музыку. — Мы пьем за тот день, который скоро наступит. День, когда мы — обитатели К'Ламма — наконец доберемся до сверкающих вод, которые сделают бессмертными всех нас!

— За этот день! — закричали уже изрядно опьяневшие гости, осушая бокалы и с грохотом ставя их на столы.

Во второй раз поставив пустой бокал на стол, Кларк Стэннارد неожиданно почувствовал пьянящее возбуждение. Вино запело в его венах, и жизнь неожиданно показалась дикой, сладкой и захватывающей. Замечательно, что он оказался на этом пиру...

А осушив еще один бокал, американец подумал, что его отряд — отличная команда. Да и местные, похоже, не так уж плохи, поскольку, когда Майк Шинн встал и заревел ирландскую песню, они смеялись и аплодировали. Морроу много пил, а тощий техасец обвил рукой талию одной из симпатичных девушек, против чего та, похоже, не возражала. И только хищное, темное лицо Черного Каина по-прежнему казалась настороженным. Видимо, гангстер не собирался расслабляться. Но что же так его тревожит? Ведь они находились в кругу друзей...

Сам Фраго, расплывшись в широкой улыбке, наблюдал за происходящим, и, похоже, был очень доволен. Чертовски умный ход... А ведь, во имя небес, Кларк и его спутники наверняка помогли бы ему победить суеверных обитателей Дордоны. Тем временем Яла подседа поближе к Кларку. Ее белые плечи и грудь при каждом вздохе призывно поднимались из красного хитона, а взгляды ее задумчивых черных глаз пьянили сильнее, чем вино.

— Многие ли мужчины внешнего мира имеют такие красивые черты лица, как у вас, господин? — прошептала она.

— Немало, — рассмеялся Кларк. — Но зато, я уверен, во всем внешнем мире не найти такой прекрасной девушки, как вы, принцесса.

Опустив веки, она скользнула ближе, и тонкие пальцы с атласной кожей коснулись его руки. Кларку показалось, что между ними проскочила искра. Но когда он наклонился к Яле, то краем глаза заметил нечто странное: девушка бросила взгляд в сторону Фраго, словно спрашивала его о чем-то. Затянутый винной дымкой разум Кларка подал тревожный сигнал.

Только сейчас он понял, что вот-вот напьется до неменяемого состояния, поскольку к этому времени выпил уже то ли четыре, то ли пять бокалов черного вина. А Яла с мягкой улыбкой преподнесла ему еще один.

— Вино поможет вам расслабиться, господин из внешнего мира. Я хотела бы послушать ваш рассказ... Так что пейте.

Кларк взял бокал. Но потом его наполовину затуманенное сознание понеслось галопом. Яла однозначно пыталась напоить его, и американец был уверен, что это делается по приказу Фраго. Тем не менее он взял бокал. Но, сделав это, постарался выглядеть более пьяным, чем был на самом деле, и сделал вид, что его взгляд затуманился, а язык стал толстым и неповоротливым — он начал говорить, запинаясь.

— Мне не следует больше пить, — словно с трудом выдавил он. — Иначе я не смогу стоять на ногах.

— Но вы же не захотите лишиться меня дальнейших комплиментов? — Красивый рот Ялы очаровательно улыбался.

Кларк пьяно рассмеялся, хотя на самом деле уже протрезвел и пребывал в полной боевой готовности.

— Никогда... Я никогда не говорю «нет» госпоже... Вот!

Американец одним глотком осушил бокал. От пьянящего вина накатило онемение, но Кларк напрягся, ни на миг не растерявшись. Тем не менее теперь ему легче было стимулировать поведение пьяного. С хриплым смехом он отшвырнул пустой бокал.

— Яла, я мог бы делать вам комплименты целую ночь, — задумчиво произнес Кларк. — Ты самая... Самая красивая женщина... Которую я когда-либо знал...

Его глаза стали непроизвольно закрываться. Кларк снова поймал многозначительный взгляд, брошенный Ялой своему брату. Потом она потянулась к Кларку и тихо зашептала ему на ухо.

— А не расскажите ли вы мне что-нибудь о себе, но подробнее и в другом месте? — поинтересовалась она.

— Конечно, именно это нам и нужно... Местечко, где потише, — сонно пробормотал Кларк. — Моя голова... Нет, это смешно...

— Пойдем с мной, — тихо прошептала она. — Я отведу тебя в тихий уголок... И там вы сможете мне все рассказать.

Когда она осторожно взяла его под руку и помогла ему встать на ноги, Кларк покачнулся, моргая по-свиному, взглянул на зал, залитый светом факелов, где было полным-полно буйных и шумных пирующих. Но его взгляд на самом деле был весьма проницательным. Американец заметил, что Шинн и Линк Уилсон веселились со своими новыми друзьями в красных одеждах. Морроу все еще много пил. Только Черный Каин по-прежнему был начеку, внимательно наблюдая за происходящим.

Ни один из пирующих в грохоте смеха, звоне бокалов и криков не заметил, как Кларк покинул зал вместе с Ялой, поддерживающей его. Однако Фраго внимательно наблюдал за ними.

Пошатываясь, Кларк вместе с принцессой К'Ламма прошел по затемненным коридорам с каменными стенами и, наконец, оказался в комнате, где все дышало откровенной женственностью. На окнах были шелковистые желтые занавеси. Большую часть комнаты занимал огромный мягкий диван, обитый шелком, а над ним — огромное окно, выходившее на крыши К'Ламма, залитые звездным светом.

Яла бросила несколько слов, и две покорные, милые на вид девушки, ожидавшие их в этой комнате, тут же удалились. Красная принцесса подвела Кларка к дивану, и он сел, пошатываясь, глядя, как она наливает ему еще один бокал черного вина из огромной бутылки.

Она налила вина и себе, но, когда пила, ее глаза внимательно следили за Кларком поверх бокала. Потом поднесла бокал к его губам, и кончики ее пальчиков коснулись его щеки.

— Выпей со мной за нашу... дружбу, — пробормотала она.

Кларк выпил. Его разум, казалось, помутился, когда новая порция алкоголя хлынула в кровь, но каждый нерв его тела был напряжен и готов к любым неприятностям. Но,

чтобы не выдать себя, американец захолопал глазами, словно был настолько пьян, что ему трудно было разглядеть девушку. Она подвинулась поближе к Кларку.

— Неужели вино не делает меня... красивее? — провокационно спросила она, мягко обняв его за шею.

— Для этого не нужно вина, — пробормотал Кларк, а затем прижал губы к ее полуоткрытым устам, его руки обняли ее обнаженные плечи, от которых исходил приятный аромат.

Американец знал, что поцелуй был притворным как с его стороны, так и со стороны девушки. Но все происходящее тем не менее казалось ему дико захватывающим. Потом девушка немного отстранилась, задумчиво посмотрела на него и соблазнительным тоном спросила:

— Господин, скажи мне, я красивее, чем та девушка из Дордона... та, которую вы взяли в плен... Лураин?

— Намного красивее, — заикаясь заметил Кларк, опустив веки. — Она просто маленькая дикая кошка.

— А не просила ли Лураин вас и ваших людей помочь людям Дордоны в грядущей войне? — быстро спросила Яла. — Она предлагала вам что-нибудь, чтобы заставить вас войти в союз с дордонцами?

Теперь Кларк знал причину поведения Ялы. Фраго был слишком подозрителен! И, похоже, подумал, что Кларк может договориться с пленницей, согласиться помочь Дордоне и предать жителей К'Аамма! Вот и подослал сестру, чтобы она опоила его и выведала все тайны.

— Лураин не просила меня помочь жителям Дордоны, — заплетающим языком проговорил Кларк. Потом он закрыл глаза и застыл напротив Ялы. — Я... не слушал ее, если она и делала мне какое-то предложение, я его не слышал. Попади мы в Дордону, она попыталась бы убить меня и моих людей. Мы... собираемся помочь Фраго покорить ее город...

Кларк услышал, как Яла со свистом выдохнула, после чего прошептала:

— Вы, господин из внешнего мира, очень устали. Вы должны отдохнуть.

Кларк позволил себе упасть, словно бревно, на мягкую кушетку, когда Яла выпустила его. Затем услышал, как девушка

быстро встала, затем наклонилась над ним, и лежащий с закрытыми глазами американец почувствовал ее теплое дыхание на своем лице. Кларк всхрапнул, сделав вид, что погрузился в тяжелый пьяный сон.

Удовлетворенная увиденным, Яла подошла к двери и крикнула что-то неразборчивое. Вскоре Кларк услышал топот тяжелых ног. В комнату вошли два человека. Первый голос, услышанный Кларком, принадлежал Фраго. Видимо, красный царь дожидался где-то неподалеку.

— Слышали? — быстро спросила Яла. — Он на нашей стороне и не имеет ничего общего с негодяями из Дордоны.

— Да, слышал, — подтвердил Фраго. — Я был подозрительным, потому что он не передал нам дордонскую принцессу. Но теперь нет сомнения, что он оставил девочку себе просто потому, что она ему понравилась.

— Ты говоришь про мужланку, которая дерется, словно дикая кошка! — пренебрежительно бросила Яла. — Неужели кто-то захочет такую женщину?

Фраго перебил голос его компаньона. Судя по всему, это был высохший старый советник, которого Кларк видел рядом с царем, когда впервые встретил его.

— Лучше перебить незнакомцев сегодня. Они могут доставить нам проблемы. Мы достаточно сильны, чтоб победить дордонцев и пробить себе дорогу к озеру самостоятельно. Нам не нужна помощь чужеземцев!

— Нет, мы не станем убивать их, Шама... Пока не станем, — возразил Фраго. — Их оружие очень сильно, по крайней мере, так говорил Драл. Они могли бы убить многих из нас, прежде чем удастся с ними справиться... Мы давно готовили нападение на Дордону. Так почему бы не использовать незнакомцев, чтобы добиться цели еще проще?.. — продолжил он жестким голосом. — Через четыре дня мы отправимся в поход, и пришельцы с нами. Новые союзники пойдут в бой в первых рядах. А как только мы победим дордонцев, и путь к озеру будет открыт, мы перебьем чужаков.

Глава 8. Схватка у ворот

Все, что на этот момент мог сделать Кларк Стэннارد, это оставаться неподвижным, изображая пьяный сон и выслушивая вероломные откровения своих новых «союзников», хотя американца охватила ярость, когда он услышал о коварных планах Фраго использовать чужеземцев, а потом избавиться от них. Тем не менее, ему удалось сдержаться и продолжить притворяться крепко спящим в пьяном ступоре. Хотя мышцы и напряглись, когда красный царь подошел к дивану и посмотрел на него сверху вниз.

— Пьяный дурак! — пренебрежительно бросил Фраго. — Если это типичный образец мужчин из внешнего мира, нам будет не трудно победить их после того, как обречем бессмертие, испив воды из озера.

— Я не так уж в этом уверен, — пробормотал старый советник, Шама. — Этот человек и его товарищи отважны и хитры, иначе не смогли бы пройти через Горы Смерти, которые раньше не мог преодолеть ни один человек.

— Он с легкостью попал под чары моей сестры, — отмахнулся Фраго. — Ты, сестричка, молодец. Все сделала так, как я просил. Хотя, понимаю, задача оказалась не из приятных.

— Может, и нет, — ответила Яла со смехом. — Может, он и дурак, но совершенно не похож на наших людей. До похода на Дордону четыре дня. За это время я успею насладиться его обществом.

— Это — твое дело, — равнодушно заметил Фраго. — Лучше вернуть его обратно в выделенные им покои, пока остальные чужаки не схватились его. Шама и я вернемся к пирующим.

Кларк услышал, как ушли вероломный правитель и его престарелый советник. Потом Яла достала флакончик с какой-то едкой жидкостью и потрясла им перед носом Кларка.

— Просыпайтесь, господин из внешнего мира, — нежным голоском проворковала она. — Вы не должны дольше тут оставаться... Мой брат может рассердиться.

Кларк был достаточно осторожен, чтобы притвориться, что медленно просыпается. Он поморгал и стал изумленно протирать глаза.

— Еще вина, — попросил он заплетающимся языком. — Надо больше вина, и я расскажу тебе, как ты прекрасна.

— У вас будет такая возможность в ближайшие дни, — с провокационной улыбкой заверила Яла. — А сейчас вы должны вернуться в свои комнаты и выспаться. Кажется, вы опьянели от моей красоты... или от вина!

Она подошла к двери и позвала слуг. Кларк, пошатываясь, поднялся на ноги. Вскоре появился воин в малиновых доспехах.

— Этот солдат проводит вас до ваших комнат, — показала на него Яла. — До завтра, господин из внешнего мира.

Ее пальцы коснулись Кларка, словно давая ласковое обещание. Он пьяно икнул и вышел в коридор. Воин провел спотыкающегося и покачивающегося гостя по длинным коридорам, лишь кое-где освещенных факелами, до лестницы, ведущей на верхний этаж. Там он откланялся и ушел. Но брошенный по сторонам быстрый взгляд подсказал Кларку, что солдаты в доспехах тщательно охраняют вход на верхний этаж, однако держатся в тени, так что случайно проходящий по коридору человек может их и не заметить. Это еще раз подтвердило, что Фраго не собирался рисковать. И теперь трудно будет сделать то, что Кларк собирался сделать...

Эфраим Куэлл с удивлением посмотрел на Кларка, когда тот ввалился в хорошо освещенную комнату и захлопнул за собой дверь. Взгляд Куэлла скользнул по растрепанным волосам главы экспедиции, его раскрасневшемуся лицу, а Лураин, все еще сидевшая в кресле, куда Кларк усадил ее перед уходом, наградила вошедшего презрительным взглядом.

— В Библии говорится, что вино, как лжец, до добра не доведет, — заметил Куэлл скривившись, отчего стал выглядеть еще противнее. — Тебе стоило бы помнить об этом, прежде чем ты отправился на этот пир.

— Я не так уж и пьян, — прохрипел Кларк. — Зато я многое узнал и теперь не дам за нашу жизнь и ломаного гроша. Нам нельзя тут оставаться.

Куэлл вскочил.

— Ступай вниз и собери остальных, — приказал ему Кларк. — Старайся особо не привлекать внимание. Но постарайся не затягивать!

Тот смерил своего командира оценивающим взглядом, потом кивнул и выскользнул из комнаты. Кларк быстро пересек комнату, подойдя к Лураин. С того самого момента, как он узнал о вероломстве Фраго, мысли его неслись галопом. Единственный план, который удалось придумать, казался слишком отчаянным. Но это был единственный план, который помог бы добраться до Озера Жизни. Причем действовать нужно было прямо сейчас.

Если он позволит себе и дальше оставаться в К'Ламме, то хочет он того или нет, но путники вскоре превратятся в пешек Фраго, а потом их перебьют. Был только один возможный ход, который позволит избежать этого и получить доступ на берег озера...

Когда Кларк подошел, глаза Лураин сверкнули ненавистью. К удивлению девушки, он разрезал связывающие ее веревки.

— Лураин, нам надо поговорить, и сделать это придется прямо сейчас, — быстро произнес он. — Я выяснил, что Фраго собирается убить меня и моих людей, как только мы поможем ему захватить город Дордону.

— Я рада! — в сердцах воскликнула девушка. — Теперь вы поняли, насколько коварны эти красные твари. Они убьют меня, но вы тоже все передохнете.

— Послушай! Ты и твои люди явились сюда шпионить за жителями К'Ламма, чтобы узнать, когда Фраго собирается напасть на ваш город? — спросил у нее Кларк, не обращая внимания на ненависть, которой сквозило каждое слово девушки. — Так вот. Могу сказать: красные воины нападут на ваш город через четыре дня.

— Через четыре дня? — прошептала Лураин. Лицо ее неожиданно стало мертвенно-белым. — Нам и не снилось, что он решатся напасть так скоро...

— Точно, — прохрипел Кларк. — Они могут победить, если мы не предупредим людей в Дордоне...

— Вы хотите сказать, что можете мне сбежать и предупредить жителей Дордоны? — воскликнула девушка со слабой надеждой в голосе.

— Да, — мрачно подтвердил Кларк. — И более того, мы сами будем сражаться на стороне жителей вашего города.

Вы видели, каким мощным оружием мы обладаем. Может оказаться, что наша помощь поможет вернуть вам удачу. Но у всего есть своя цена.

— И какова же цена за вашу помощь? — поинтересовалась Лураин.

— Цена будет такой: когда мы спасем вашу Дордону, ты отведишь меня к Озеру Жизни, чтобы я мог взять образцы — заполнить флягу сверкающей водой. За эту цену мы поможем вам.

— Нет! — Лураин подскочила. Она аж подпрыгнула и лицо ее пылало от гнева. — Во имя всего святого, я не позволю заплатить такую цену! Поколение за поколением мы в Дордоне добросовестно исполняем заповеди Хранителей. Страшным богохульством считается спуститься к озеру. Позволить вам так поступить означало бы совершить ужасное кощунство. Я отвергаю ваше предложение. Я лучше умру!

— Но все жители Дордоны погибнут, если мы их не предупредим, — заметил Кларк. — Да, все ваши соотечественники умрут, когда Фраго поведет свои войска на ваш город. Атака будет неожиданной и, без сомнения, увенчается успехом. И тогда красный царь сможет спуститься к озеру и напиться от пуза.

— Там есть Хранители. Они уничтожат Фраго и его орду, если они осмелятся спуститься к озеру, — уверенно заявила Лураин.

— А вы так уверены, что Хранители все еще там? — поинтересовался Кларк. — Вы уверены, что они существуют? Судя по тому, что я слышал, их не видели уже много веков.

— Хранители существуют! — непоколебимая вера юности звучала в голосе девушке. — Хотя жители красного города и сомневаются в их существовании, они живы и до сих пор охраняют священное озеро. Их возможности безграничны, и они убьют каждого, кто подойдет к берегу, сомнений нет.

— Но тогда почему бы не согласиться позволить мне спуститься к озеру? — быстро поинтересовался Кларк. — Если Хранители есть, они не позволят мне прикоснуться к его сияющим водам. Ведь так? Вы ни в чем не будете виноваты, потому что предупредили меня. И, согласившись пропустить меня к озеру, вы спасете много жизней обитателей Дордоны.

Лицо Лураин выражало сомнение, нерешительность, ведь ей предстояло решить судьбу своего города. Кларк ждал ее ответа. Он надеялся, что слепая вера девушки окажется достаточно сильна, и она прикажет пропустить их к озеру, то есть позволит им умереть. А уж с Хранителями они как-нибудь разберутся. Наконец девушка заговорила, и голос ее теперь звучал тихо, она словно выдавливала из себя каждое слово.

— Так и есть. Хранители убьют вас, когда вы спуститесь к озеру. Если я позволю вам этот сделать, то ваша смерть грехом ляжет на мою душу. Но жители Дордоны будут вовремя предупреждены об атаке Фраго... Да, я согласна, — она продолжала с отчаянной решимостью на лице. — Помогите мне выбраться из К'Ламма и выиграть в этой войне жителям моего города. А когда мы достигнем Дордоны, я покажу вам дорогу к священному озеру.

— Хорошо! — воскликнул Кларк, его сердце забилося быстрее. — Теперь нам нужно безопасно выбраться из К'Ламма...

Неожиданно открылась дверь и появился Эфраим Куэлл. Выглядел он угрюмым, а за ним следовало четверо других спутников Кларка. Майк Шинн был сильно пьяным, ревел какую песню. Линк Уилсон тоже перебрал, но лейтенант Морроу и Черный Каин были трезвыми. Первый потому что алкоголь не влиял на него, а второй потому что не пил.

— Договорились, шеф? — прохрипел Черный Каин. — Что-то не так?

— Многое не так, — отрезал Кларк, и рассказал своим спутником все, что узнал о замыслах Фраго. Гангстер зло выругался.

— Предательство? Может спустимся и перестреляем их к чертовой матери?!

— Я бы лично придушил этого грязного обманщика! — яростно проревел Майк Шинн.

— Слушайте сюда! — рявкнул Кларк. — У нас есть все, чтобы избежать этой ловушки, не заботясь о мести Фраго. Мы собираемся выбраться отсюда и присоединимся к народу Дордоны.

После чего быстро рассказал о договоре, который заключил с Лураин. Девушка из Дордоны стояла напряженной и бледной, пока Кларк беседовал со своими спутниками.

— Отличная идея! — воскликнул Черный Каин и рассмеялся. — Мы оплатим Фраго его же монетой, когда перейдем на сторону жителей Дордоны, а потом нас пропустят к берегу озера.

— Но как нам выбраться из К'Ламма? — быстро спросил лейтенант Морроу. — Как выбраться из дворца?

— Мы не сможем просто так спуститься вниз и выйти в город, — сказал Кларк. — Охранники по всем коридорам. Они сразу поднимут тревогу. Но надо как-то выбираться отсюда...

Он указал на одно из больших открытых окон, выходивших в темный город. Еще через окно было видно звездное небо.

— Выберемся через него, спустимся по веревке, за дворцом я заметил загон, а за ним — огромную конюшню дворцовой стражи. Очевидно, что лошади там и в ночное время. Если сможем добраться отуда, то можно попытаться прорваться через город верхом.

— Отличная идея, — согласился Линк Уилсон. — Мы можем и дальше отправиться верхом.

— А что станем делать, если ворота в городской стене закрыты? — поинтересовался Морроу.

Кларк пожал плечами.

— А с чего им быть закрытыми? Сомневаюсь, что местные закрывают ворота каждую ночь. Они ведь ничуть не опасаются нападения со стороны Дордоны.

Шестеро авантюристов действовали очень быстро. В то время как Эфраим Куэлл стоял на страже у двери, остальные срывали со стены гобелены и превращали их в тяжелую, крепкую веревку. Потом привязали один конец к тяжелому сундуку, сбросив второй в темноту снаружи. После этого искатели приключений быстро собрали свои вещи. Кларк выглянул из окна. Во дворе дворца не оказалось часовых, хотя было слышно, что нечто происходит в передней части здания. Однако во дворе возле конюшни никого видно не было.

Кларк на мгновение замер, залюбовавшись открывшейся ему сценой. Луна поднималась над стеной гор на востоке, заливая серебристым светом затерянные земли, отгороженные от внешнего мира. И красный город К'Ламм спал в лунном

свете — море тускло сверкающих крыш, улиц и площадей. Тряхнув головой, Кларк разогнал сковывающие его чары.

— Поторопимся, лунный свет сделает нашу задачу более трудной, — негромко произнес он себе под нос. — Лураин, следуйте за мной и постарайтесь держаться поближе.

— Да, Стэннард, — прошептала она, пытаясь и в самом деле держаться как можно ближе к Кларку и прислушиваясь к тому, о чем говорили между собой искатели приключений.

Кларк перескочил через каменные оконные перила и тихонько скользнул вниз по веревке и, окунувшись в лунный свет, спустился на землю. Он сразу метнулся в тень и замер с пистолетом в руке. Ни один тревожный звук не нарушал ночную тишину. Затем по веревке спустилась Лураин. Ее черная металлическая кольчуга блестела в серебристом лунном свете. Майк Шинн и лейтенант Морроу последовали за ней, и через мгновение искатели приключений стояли в тени стен дворца. У всех в руках были пистолеты.

Потом они неспешно направились к задней части дворца, осторожно ступая по каменной мостовой. На улице не было стражей, да и у ворот конюшни их не оказалось. Ворота скрипнули, и Кларк проскользнул внутрь.

Внутри оказалось двенадцать лошадей, и так как путешественники были для них чужими, животные начали нервно бить копытами, трясая головами так, что Кларк в отчаянии остановился, пытаясь найти правильное решение. Но тут Линк Уилсон заметил седла и уздечки, подвешенные в одном из углов сарая, после чего они быстро взнуздали лошадей.

Лошади фыркали и били копытами — грохот этих ударов о мостовую гулко разносился по ночным улицам. Кларк выругался про себя, когда они снова подошли к нервным скакунам. Линк Уилсон заговорил с лошадьми тихим, успокаивающим, монотонным голосом. И вскоре экс-ковбой оседлал одну из них, Морроу и Лураин тоже, в то время как остальные стояли на месте. Кларк заметил, что девушка двигалась так же бесшумно и быстро, как и любой из мужчин, ее лицо не выказывало ни капли страха в серебряном свете. И снова восхитился ее гордым, непоколебимым мужеством.

Кларк погладил по гриве одну из беспокойных лошадей и быстро набросил ей на спину высокое седло странной кон-

струкции, потом взнуздал. Куэлла также удалось забраться на жеребца, но Майку Шинну и Каину повезло много меньше, им никак не удавалось оседлать лошадей.

— Помоги Майку, Линк, — быстро прошептал Кларк, обращаясь к тейхасцу. Пока он выполнял приказ, Кларк поспешил помочь гангстеру.

— В этого коня, похоже, сам дьявол вселился! — прошептал Черный Каин, когда Кларк подошел к нему. — Хотел бы я вместо этих лошадей получить добрый восьмицилиндровый драндулет.

Кларк забрал седло у гангстера и набросил его на спину ближайшей лошади.

— Гвардия! — неожиданно выкрикнула Лураин серебристым голосом.

Кларк обернулся, все еще держа лошадь за гриву. В полуоткрытых дверях стояли два охранника в доспехах, привлеченные шумом в сарае, пытаясь понять, что происходит. Потом, обнажив мечи, они с криками бросились вперед. Черный Каин автоматически вскинул пистолет и выстрелил. Грохот выстрелов в замкнутом помещении прозвучал оглушительно, и оба гвардейца замертво упали на пол.

— Пора делать ноги! — воскликнул бандит. — Нужно как можно быстрее убраться отсюда!

— Еще стражники, — снова раздался высокий голос Лураин, говорила она с печалью и страхом. Тем не менее без промедления подхватила меч одного из застреленных стражей.

Крики тревоги раздались со стороны дворца, а потом зазвучал лязг доспехов. Тем временем Кларку пришлось использовать все свое умение, чтобы обвязать подбрюшье брыкающейся лошади. В конце концов ему это удалось, и тогда он позвал Черного Каина.

— Вот! Готово!

Теперь шум раздавался по всему дворцу, крики, звон оружия и доспехов доносились со всех сторон. Казалось, весь город устремился к конюшне. Кларк вскочил в седло. Когда он дернул вожжи, то увидел во дворе конюшни двадцать или тридцать красных стражников, которые со всех ног бежали к искателям приключений. В руках у них в лунном свете сверкали обнаженные клинки.

— Мы должны пробить себе путь через них! — закричал Кларк. — Вперед!

И пришпорил своего скакуна. Нервное животное не понадобилось в большем и буквально вылетело во двор конюшни. Рядом скакал Линк Уилсон — техасец, сидевший в седле как влитой.

Они поскакали прямо на группу стражей, попытавшихся преградить дорогу. Кларк увидел их обнаженные клинки, а потом услышал грохот револьверов, сразу перекрывший грохот копыт и вопли тревоги. Линк Уилсон вытащил один из своих кольтов и тоже открыл огонь. Трое стражников упали на землю, когда их скосили тяжелые пули.

Беглецы налетели на следующую группу охранников — бешеный вихрь всадников и коней, стражей, мечей и копий. А потом Кларк с его людьми прорвались через строй гвардейцев и понеслись по широкой улице, ведущему к городской стене.

Однако следом за беглецами бежали новые стражи, сверкая мечами в лунном свете. Кларк поднял пистолет и выстрелил, скорее чтобы привлечь внимание, а не кого-то убить. Но пистолеты Линка Уилсона снова «заговорили». Он увидел, как Лураин, пригнувшись к шее лошади, отбивает мечом удары копья одного из стражей. Стражник упал, и она проехала прямо через него, а потом маленькая группа понеслась прочь по широкой улице.

— Отродье К'Ламма не сможет выстоять против нас, Стэннард! — выкрикнула Лураин своим серебристым голосом, подгоняя свою лошадь.

— Яйяпии! — заорал Линк Уилсон, экс-ковбой, опьяненный происходящим, в то время как его лошадь галопом неслась по мостовой.

— Весь город взбаламучен! — прокричал лейтенант Морроу, подгоняя свою лошадь.

Они вихрем пронеслись по широкой, темной улице, и вслед им доносились безумные крики ярости. Несколько человек пыталось остановить беглецов, заступив дорогу, но отлетели в сторону.

Звон копыт по каменной мостовой, хор криков и приказы дикими криками отдавались в ушах пока Кларк, его

люди и девушка из Дордоны неслись по улице К'Ламма, залитого лунным светом. Впереди зажигались новые факелы, и их свет, мерцая, скользил по городским стенам.

— Посмотрите! — завопил Эфраим Куэлл, перекрывая грохот копыт. — Ворота!

— Быстрее! — дико закричал Кларк, когда он увидел то, на что указывал шкипер-янки.

Большие ворота в городской стене были открыты, как и догадался Кларк. Но теперь, встревоженные шумом во двореце, стражи возле них спешно пытались затворить огромные створки, чтобы не дать беглецам улизнуть.

Глава 9. Дордона

— Если они закроют ворота, мы окажемся в ловушке! — воскликнул Кларк.

Они отчаянно рванулись вперед. Из квадратных башен, возвышающихся по обе стороны ворот, выбежало несколько дюжин солдат и выстроилось в линию перед воротами. За этим строем подюжины красных воинов попытались затворить ворота.

— Нам нужно прорваться! — рявкнул Кларк. — Сейчас или никогда!

Они врезались в строй и увязли, поскольку подюжины воинов в красном повисли на лошадях путешественников, уцепившись за уздечки и удила, пытаясь колоть беглецов мечами и копьями. Обезумевшие животные всеми силами пытались вырваться.

Кларк почувствовал, как один из клинков рассек его предплечье, затем увидел искаженное злобной гримасой лицо красного воина, который хотел уколоть его. Пистолет сам по себе скользнул в руку, палец надавил надавил на курок, и воин упал с дырой в голове. Кларк снова выстрелил, пытаясь убрать людей, державших узду его лошади. Рядом прогремел револьвер Линка Уильсона. Черный Каин с ледяной маской убийцы палил во все стороны по тем, кто пытался вытащить его из седла.

— Дордона! Дордона! — зазвенел серебряный голосок Лураин, яростно и быстро орудующей мечом.

Ворота были почти закрыты! А тем временем со стороны дворца приближалась масса солдат. У Кларка возникло неприятное ощущение, что они пойманы в ловушку. Потом он услышал хриплый крик:

— Прочь с моей дороги, подонки! — орал Эфраим Куэлл, расшвыривая нападавших. Он не стрелял, а яростно лупил рукоятью тяжелого пистолета нападавших по головам.

Он первым прорвал строй. А затем Кларк увидел, что тощий янки устремился к полудюжине воинов, пытавшихся затворить ворота. Эфраим разогнал их, раздавая удары револьвером и топча конем. А потом янки выскользнул из седла и потянул за створку ворот, стараясь открыть их пошире.

Он приоткрыл ворота на несколько ярдов, навалившись на них всем телом. Тем временем воины вновь собрались и бросились на янки, коля его своими мечами. Куэлл отшатнулся.

Кларк закричал, и его голос зазвенел, перекрывая безумный грохот. Остальные беглецы отчаянно рванули вперед. Лошади, обезумев от иступленной борьбы, тоже поспешили в сторону приоткрывшихся ворот, которые, как им казалось, обещали долгожданную свободу.

Пистолет Кларка громыхнул в последний раз — обойма закончилась, но воин, особенно наседавший на Куэлла, упал. Линк Уилсон изогнулся в седле и, подхватив узду лошади шкипера-янки, помог ему забраться в седло. Прежде чем стражи смогли обрушиться на путешественников с новой силой, они выскользнули за ворота. Ошалевшие от битвы и стрельбы лошади понеслись со всех ног. Только Кларк и Лураин на мгновение замешкались в узких воротах. Когда все вылетели на залитую лунным светом равнину, неистовые горожане остались позади. За беглецами никто не гнался, но лошади неслись по морю травы в лунном свете словно безумные. Дикий шум красного города остался далеко позади.

— Мы туда скачем? Где эта твоя Дордона? — крикнул Кларк Лураин, пытаясь перекричать свист ветра.

— Мы скачем правильно, — крикнула в ответ она. — Мой город лежит к востоку отсюда... Мы доедем до реки, а потом, двигаясь вдоль нее, доберемся до моего города.

Лошади, постепенно успокоившись, перешли на галоп. Кларк несколько раз оборачивался, но никаких признаков погони не обнаружил.

Однако ни один из беглецов не вышел невредимым из схватки у ворот. У Майка Шинна шла кровь из пореза на лбу. У Черного Каина один из рукавов был нарезан на ленточки, остальные тоже имели неглубокие колотые и резаные раны. Только Эфраим Куэлл, который скакал, плотно застегнув куртку из-за ветра, похоже, не пострадал.

Кларк наклонился к девушке из Дордоны, скачущей рядом с ним. У нее был глубокий порез на голом колене, но, честно говоря, рана была не серьезная. Они то и дело оглядывались, напряженно вглядываясь туда, где за горизонтом остался К'Ламм, залитый лунным светом.

— Они непременно устроят погоню, но ночью нагнать нас не сумеют. И не осмелятся отправиться под стены Дордоны с небольшими отрядами, — заметила Лураин, а потом рассмеялась. — Хотела бы я сейчас увидеть лицо Фраго.

Скоро впереди в тусклом лунном свете замаячила низкая линия темных деревьев, обозначившая реку, до которой беглецы добрались за четверть часа. Глухой рев потока звучал громко, так как река с огромной скоростью неслась в сторону Дордоны.

Путешественники все еще ехали вдоль нее, когда первые лучи рассвета осветили горизонт. Надежды Кларка окрепли. Каждый удар копыт приближал их к Дордоне, где в пещере ожидало Озеро Жизни. Теперь у него был шанс добраться до воды, дарующей вечную жизнь.

Эфраим Куэлл неожиданно вывалился из седла. Беглецы тут же осадили лошадей, и Кларк поспешно подбежал к янки. Лицо того превратилось в жуткую, жестокую маску, глаза закрыты. На пальто расплывалось темное пятно. И когда Кларк расстегнул его, то увидел две глубокие раны от ударов мечом.

— Боже мой! Куэлл оказался тяжело ранен, когда придержал ворота, не дав им закрыться! Но он ничего не сказал нам! — воскликнул Кларк.

Взгляд янки скользнул по лицу Кларка. Казалось, он едва сдерживал боль. А потом лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Я... похоже, готов кинуть якорь, — пробормотал Куэлл. — Жизнь убегала из моего тела, пока я ехал...

— Куэлл, ты не умрешь! — с отчаянием возразил Кларк. — Мы довезем тебя до Дордоны, и ты будешь здоров.

— Нет, поздно... — прошептал моряк. — И... Я не против. С тех пор, как мой корабль сгорел и они забрали сертификат, я... Я не забочусь о своей жизни...

Взгляд его остекленевших глаз замер на восточном горизонте, где разгоралась заря. Оттуда — с востока — налетел ветер, пригибающий траву. Губы янки зашевелились, и он почти неслышно заговорил:

— Небо прекрасно... и хороший ветер... сегодня...

Потом голова Куэлла откинулась, и глаза его стали стеклянными, словно пуговицы — он был мертв. Кларк оставил его и поднялся на ноги. Американцу казалось, что в горле у него застрял ком, который никак не получалось сглотнуть, но он постарался говорить так, чтобы голос звучал сурово.

— Майк... Черый Каин... не спускайте глаз с горизонта на юге и западе. Линк, Морроу и я похороним его.

В тусклом свете зари они выкопали могилу под деревом рядом с ревущей рекой, используя саперную лопатку, которая нашлась в одном из рюкзаков. Белый туман, спустившийся на долину, сделал мир волшебным, нереальным. А потом путешественники опустили тело Эфраима Куэлла в неглубокую могилу и засыпали его.

— Ну, а теперь по седаам! Вперед! — скомандовал Кларк.

Они поскакали дальше вдоль реки, через клубящийся белый туман.

— Рад, что мы похоронили его там, где он сможет услышать журчание воды, — пробормотал Линк Уилсон, растягивая слова.

— Да, — вздохнул Майк Шинн. — Куэлл был хорошим парнем. Он был отличным парнем.

Через час Лураин неожиданно натянула свои поводья и указала вперед.

— Там Дордона!

В пяти милях впереди поднималась восточная стена большого кратера — могучий горный барьер, нависающий над долиной. И под самыми крошащимися утесами раскинулась

древняя Дордона. Черный, безмолвный, словно высохший колодец город. Некогда он был великим, но сейчас, купаясь в утреннем белом тумане, являл собой странный контраст по отношению к К'Ламму, из которого они бежали.

За черными зубцами местами обвалившейся стены поднимались старинные башни и крыши из тусклого черного камня. И все они несли следы непогоды, которой противостояли веками. Путешественники проехали к воротам, выходящим на дорогу, идущую вдоль берега реки, которая текла дальше прямо к огромному зданию в центре города, увенчанному черным куполом.

Ворота в черной стене распахнулись, когда они приблизились. Воины в черных доспехах стали махать мечами над головой и выкрикивать здравицы Лураин. Когда путешественники въехали в город с мрачными, разрушенными зданиями, мужчины и женщины приветствовали их радостными криками.

— Лураин! Принцесса Лураин вернулась! — кричали они.

Кларк Стэннارد, оглядываясь по сторонам, сразу понял, что бывшее величие Дордоны осталось далеко в прошлом. Многие здания были давно заброшены и уже превратились в руины. Зеленая трава пробивалась между плитами тротуара. Да и людей на улицах было намного меньше, чем в красном городе. Кларк чувствовал отчаяние жителей, скрытое за сиюминутной радостью, читал безнадежность, написанную на их бледных лицах, и затаившийся Великий Страх.

— Похоже, мы поступили правильно, вернув им эту девушку, — заметил довольный Майк Шинн.

— Судя по всему, у них не хватит людей, чтобы правильно организовать оборону города, — куда менее радостно сказал лейтенант Морроу, обращаясь к Кларку. — Этот город слишком велик для нынешнего населения, а стена местами разрушена.

Тот мрачно кивнул.

— Из того, что говорил Фраго, выходит, что население этого города стабильно сокращается в течение длительного времени.

— Мы поедем в Храм Пещеры, — Лураин обратилась к Кларку. — Мой отец, владыка Кимор, скорее всего там.

Путешественники двинулись вслед за девушкой к огромному храму с черным куполом, расположенному в центре

города. Этот храм возвышался над ним и выглядел самым старым зданием на Земле. Плиты, которыми была вымощена площадь перед храмом, были вытертыми, а оконные проемы раскрошились по краям...

Гвардейцы забрали лошадей путешественников и распахнули перед ними двери храма. Лураин повела их внутрь. У нее была тонкая мальчишеская фигура, а клинок на поясе звенел при каждом шаге. Кларк и его люди внезапно остановились, как громом пораженные. Интерьер храма представлял собой один огромный зал, тусклый и сумрачный. Единственным источником света были окна, больше напоминающие бойницы. И еще зал гудел от громкого, пульсирующего и вибрирующего звука — оглушительного рева воды.

Река снаружи врывалась в храм через щель в одной из стен. Она проносилась с огромной скоростью по глубокому широкому каналу к огромному черному отверстию, футов сто в поперечнике, находящемуся в центре зала, а затем с вибрирующим грохотом низвергалась в отверстие.

Путешественники подошли поближе к яме и встали на самом краю пропасти. Кларк заглянул в непроницаемую тьму бесконечной бездны. Он смог разглядеть, что вертикальные стены ямы были грубыми, и в них вырублены ступени узкой спиралевидной лестницы. Вход на эту лестницу был забран решеткой, которую охраняло несколько воинов в черных доспехах. Вода падала вниз во тьму настоящим водопадом.

— Боже мой! Должно быть, это лестница ведет прямо к пещере, где находится Озеро Жизни! — с удивлением воскликнул Кларк.

— Скажем, я не слишком-то хотел бы отправиться туда, — с благоговением заметил Майк Шин. — Для меня эта шахта напоминает вход в чистилище.

Лураин подошла к краю ямы, за спиной двигалась дюжина уроженцев Дордоны в черных доспехах.

— Мой отец, — представила она одного из сопровождающих.

Кларк повернулся и оказался лицом к лицу с владыкой Кимором, правителем Дордоны. Ему было, по меньшей мере, лет шестьдесят, высокой, прямой как стрела, с великолепно развитой мускулатурой. У него были совершенно седые волосы и

белая клочковатая борода, лохматые белые брови, нависавшие над внимательными синими глазами.

— Добро пожаловать, чужеземцы! — громогласно объявил он. — Моя дочь рассказала, что вы помогли ей сбежать из К'Ламма и предупредили нас о нападении, которое Фраго планирует через три дня. Мы ожидали, что в течение нескольких недель нападений не будет. У нас нет времени на подготовку.

Немного помолчав, Кимор продолжил:

— Мы в Дордоне будем благодарны вам, если вы можете нам в предстоящем сражении. Лураин сказала, что вы пришли из-за гор и обладаете странным оружием огромной силы. Вы можете очень помочь нам, и мы готовы наградить вас по-царски...

— Мы просим только одной награды, — сказал Кларк, с удивлением взглянув на Лураин. — Я говорил вашей дочери. Мы хотим, чтобы нам позволили спуститься к озеру и взять образцы его воды. Ради этого мы и присоединились к вам.

Услышав это, владыка Кимор смертельно побледнел. Его глаза засверкали так, словно он был оскорблен до глубины души. В этот момент он больше напоминал сходящего с ума от ярости фанатика. Резким движением царь выхватил меч из ножен. Остальные дордонцы, стоявшие у него за спиной, тоже выглядели переполненными гневом и тоже обнажили свое оружие.

— Что вы требуете за свою помощь?! — громовым голосом переспросил владыка Кимор. — Вы просите, чтобы вам разрешили совершить величайшее святотатство, после которого ни один человек не имеет права жить?! Да сама ваша просьба, высказанная в этом храме, уже святотатство! А богохульников в этом городе убивают!

Глава 10. Вниз по лестнице

Пистолет Черного Каина словно сам по себе прыгнул ему в руки, остальные последовали его примеру, в то время как дордонианцы шагнули вперед с занесенными мечами. Лица их кривились от гнева.

— Не стреляйте! — в отчаянии воскликнул Кларк. Одновременно Лураин прыгнула вперед, загородив дорогу соотечественникам.

— Подождите! — вскрикнула она. — Это чужеземцы извне, они не из наших земель! Они не понимают, что их просьба — кощунство! Они не станут просить о подобных вещах, если поймут, что к чему!

— Вот так-то ты выполняешь условия сделки! — воскликнул Кларк, повернувшись к девушке.

— Я не понимаю тебя, незнакомец, — холодно заявила она, а потом повернулась к Кимору. — Ты простишь их невежество, отец?

— Они должны быть убиты за это, — в ярости ответил Кимор, но тем не менее медленно и неохотно вложил меч в ножны, после чего объявил: — Однако они будут прощены, потому что они — чужеземцы, не знающие законов. Но пусть только повторяют свое богохульство, пусть хотя бы взглянут алчно на священную дорогу, и будут казнены.

— Похоже, эта девка дважды обманула нас, — прохрипел Черный Каин. — Может, нам стоит силой проложить себе дорогу вниз, в эту яму? Все это выглядит как самоубийство, но мы попробуем, если вы прикажете.

— Уберите оружие, — велел Кларк остальным. — Их слишком много, а начни мы стрелять, сюда сбежится весь город. Рано или поздно мы спустимся в эту бездну.

Потом он повернулся к Кимору и Лураин. Девушка, казалось, не испытывала никаких эмоций, встретив его обвиняющий взгляд, переполненный горечью.

— Мы отменяем нашу просьбу, так как она противоречит вашим законам, — объявил Кларк, обращаясь к свирепому правителю Дордоны.

— Вы бы сделали это в любом случае, — угрюмо заметил тот. — Должен сказать вам, что многие века ни один человек не входил в подземный зал. — А потом продолжил. — Вам выделят жилище, дадут еду и вино. Если вы согласитесь помочь нам в борьбе против красных, ваша помощь будет приветствоваться. Но поможете вы или нет, вам не пройти в эту шахту. Вам запрещено отныне заходить в храм. Под страхом смерти.

— Мы понимаем, — спокойно проговорил Кларк. И он снова наградил Лураин презрительным взглядом.

Два воина в черных доспехах по приказу Кимора проводили гостей из храма и провели их по разрушающимся улицам. Жители города с любопытством наблюдали за чужеземцами.

Кларка переполняли самые горькие мысли. Лураин обманула его. Она, похоже, изначально не собиралась выполнять свое обещание. Они были в Дордоне, но как никогда далеко от сияющего озера. Два воина довели гостей до древнего одноэтажного здания из черного камня, пообещав, что скоро принесут еду и питье. Внутри здания оказалось множество темных, мрачных комнат. И мебель, и пол были покрыты толстым слоем пыли, что лишь подчеркивало древность этого места.

— Напоминает какой-то мавзолей! — проворчал Майк Шинн, с отвращением швырнув в угол свой рюкзак и усевшись.

— Что станем делать? — с иронией поинтересовался Морроу у Кларка.

— Мы собираемся пробраться в шахту, так или иначе. Попадем туда в любом случае, действуя силой или хитростью, — заявил тот. — Подождем вечера, проберемся в храм и спустимся вниз. Охранники у лестницы не смогут нам помешать. А когда мы спустимся в шахту... Думаю, они слишком суеверны, чтобы преследовать нас.

— Но будут поджидать нас, когда мы отправимся назад, — напомнил Линк Уилсон. — То есть, если нам удастся вернуться.

— Тогда нам придется пробивать себе путь силой, — мрачно сказал Кларк, а потом добавил: — Лураин нарушила нашу сделку, поэтому наше обещание помочь горожанам Дордоны больше ничего не стоит. Если мы получим колбу воды из озера, то нас тут больше ничего не будет удерживать. Вот и постараемся как можно скорее убраться отсюда...

День тянулся невероятно медленно. Искатели приключений осмотрели дом, даже прогулялись по ближайшим улицам разрушающегося черного города. Со стороны могло показаться, что они делают это от нечего делать. На самом же деле они осторожно разведали дорогу к храму, прикинув

маршрут, следуя по которому были бы не так заметны. Еще обнаружили, что местные жители стараются избегать их, поглядывая на гостей из внешнего мира с тщательно скрываемой ненавистью. Видимо, новости об их богохульстве быстро разнеслись по городу...

Наступила ночь. Кларк долго смотрел, как над древним городом встает луна. После того, как прошло несколько часов, приказал, чтобы его спутники приготовились. Пора было отправляться в храм. Но как только он шагнул из дома в темноту, то заметил движущуюся фигуру. В тот же миг американец метнулся вперед и сдался незнакомцу горло.

— Шпион! — воскликнул он. — Если они узнают о наших планах, то мы погибнем, — а потом прохрипел на языке Дордоны, обращаясь к своему пленнику. — Один крик, и ты умрешь.

— Отпусти меня... Я не буду кричать, — выдохнул незнакомец.

— Лураин! — удивленно воскликнул Кларк. — Что происходит! — Он вытащил девушку на освещенное место, уставился на ее белое лицо и выпученные глаза. — Ты шпионишь за нами?

— Нет. Я пришла, чтобы выполнить обещание, которое дала, и отвести вас к священному озеру! — выдохнула девушка. Кларк замер, словно молнией пораженный. — Зачем ты, Стэннард, сказал моему отцу, что собираешься спуститься к озеру? Это был безумный поступок.

— Но ты обещала мне, что я спущусь туда... — растерянно ответил Кларк.

— Ты не понимаешь, — сбивчиво продолжала Лураин. — Я дала обещание, но я имела в виду, что тайно проведу тебя вниз. Если бы мой отец узнал этом, он убил бы нас обоих за святотатство... Даже не посмотрев на то, что я его дочь. Я думала, ты понял это и будешь молчать об озере, пока не придет подходящее время, когда я смогу выполнить свое обещание.

— Господи! Я недооценил тебя, Лураин, — в расстройстве заявил Кларк. — Я ляпнул об озере, не подумав, поскольку не понимал, как тут обстоят дела. Сожалею, но у меня не было времени как следует все обдумать, мы приехали сюда в большой спешке.

— А мне пришлось сделать равнодушный вид, когда ты начал упрекать меня, — вздохнула она. — Но ты прав, со всей этой спешкой не было времени подумать. Однако теперь я пришла, чтобы выполнить обещание и отвести вас вниз, в пещеру Озера Жизни. В этом случае грех падет на мою голову, а не на отца и его людей. И мой грех будет искуплен, когда Хранители прикончат нас всех за совершенное святотатство.

Она дрожала, хотя ее голос звучал уверенно. Кларк Стэннард, нахмурившись, уставился на нее.

— Вы в это верите?.. Считаете, что мы оба умрем там, Лураин? И все-таки собираетесь исполнить свое обещание?

— Что ж... Я дала вам слово и собираюсь выполнить его. А моя смерть... она не имеет никакого значения.

Неожиданно даже для себя самого Кларк обнял девушку и прижал к себе, так что почувствовал биение ее сердца.

— Лураин, ты не умрешь... больше никто из нас не умрет, — ободряюще объявил он. — Нет никаких Хранителей. Они скорее всего лишь легенда. Но даже если они существовали, ты должна помнить, что у нас тоже есть оружие.

Она ничего не сказала, но Кларк понял, что она не верит в то, что оружие незнакомцев сможет помочь против таинственных Хранителей. Он повернулся к четырем мужчинам, стоявшим в темной комнате, напряженно прислушиваясь к их разговору.

— Вы останетесь здесь, — сказал Кларк своим спутникам. — Я должен вернуться к утру с флягами воды... если, конечно, все пойдет хорошо.

— Почему бы и нам не пойти с тобой? — поинтересовался Черный Каин.

Когда Луриан поняла вопрос, то только покачала головой.

— Нет. Я проведу туда только тебя, Стэннард. Если твои люди пойдут с нами, их убьют, как и нас. Но они, как и ваше оружие, необходимы моему народу, чтобы отразить нападение Фраго.

— Помните, вы обещали помочь черным в борьбе против Фраго, — обратился Кларк к своим спутникам. — И не важно, вернусь я или нет.

Кларк вытащил из своего рюкзака свинцовую колбу, затем остановился перед четверкой спутников.

— Удачи вам ребята, на тот случай, если я все-таки вернусь, — спокойно сказал он.

— И тебе того же. Думаю, ты сделаешь все как нужно, — вздохнул Майк Шинн, и они пожали руки друг другу.

— Выйдем через черный вход, — прошептала Лураин, обращаясь к Кларку. — Следуй за мной... И постарайся не шуметь.

Они вышли на тихую заднюю улочку, скрытую в переплетении теней. Девушка, как теперь увидел Кларк, была вооружена коротким, заостренным металлическим стержнем. Она повела его по безлюдным переулкам среди руин древних зданий, но двинулись они не в сторону большого храма, а к большому каменному зданию, находившемуся в четверти мили от купола...

Кларк последовал за девушкой в руины. Она провела его через комнаты, засыпанные обломками камня, а потом стала на колени в дальнем углу. Кларк присел на корточки рядом с ней, с удивлением высветив своим крошечным фонариком каменные плиты пола.

— Нужно выкопать эти блоки, — прошептала Лураин, указывая на пол. — Давай я подержу твой светильник.

— Но я не... — начал было Кларк, а потом остановился, словно прислушиваясь. Судя по всему, Лураин знала, о чем говорила.

С помощью металлического прута, который она принесла, американец довольно быстро вынул четыре большие плиты, под которыми открылась темная нора. Подобные отверстия он видел в стене шахты, уходящей к подземной пещере. Как только отверстие открылось, Лураин нырнула туда, и Кларку ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. Покрутив лучом фонарика, он обнаружил, что находится в вырубленном в твердой скале туннеле, который был ему по плечо.

— Этим ходам много сотен лет, — объяснила Лураин. — Их вырыли заговорщики, хотевшие добраться до шахты, а потом спуститься по лестнице к озеру. Эти мятежники в какой-то момент покинули Дордону и основали город К'Ламм. Они не могли попасть в шахту из храма, так как верхняя площадка лестницы, как ты видел, круглосуточно охраняется. Вот и выкопали туннель, который выводил на лестницу в

шахте значительно ниже... Но когда они закончили работу, мы обнаружили этот туннель, — продолжила девушка. — Те, кто копал, были перебиты раньше, чем смогли воспользоваться плодами своих трудов. Проход был заложен и его расположение засекретили. Однако правители Дордоны знали о нем, и я, как дочь правителя, тоже знаю. Это единственный способ, которым мы сможем попасть в шахту. Если бы мы попытались пробраться на лестницу шахты через храм, нас бы сразу убили.

В сердце Кларка снова появилась надежда добиться своей цели.

— Идем дальше...

Он пошел впереди, освещая дорогу лучом фонарика. Через некоторое время они услышали глухой рев, который становился все громче и громче. Кларк сразу понял, что это шум водопада, подающего в бездну. Он заволновался. Лураин, шедшая следом, дрожала всем телом.

Наконец они добрались до конца прохода, где присели, онемев от открывшегося зрелища. Туннель выходил в шахту футах в двадцати ниже пола храма. Справа внизу виднелись узкие ступени винтовой лестницы, протянувшейся вдоль стены шахты. А в десяти футах, поблескивая в слабом свете фонарика, блестела масса воды, падающая вниз на неведомую глубину. От ее рева закладывало уши. Холодные пенные брызги били в их побледневшие лица.

Кларк, двигаясь очень осторожно, выполз на каменные ступени. Они были не шире четырех футов и покрыты слизистым зеленым мхом, мокрым от висящей в воздухе водной взвеси. Поглядев вверх, он увидел часть купола большого храма, а также нескольких воинов в доспехах, несущих стражу возле верхней площадки лестницы.

Зато посмотрев вниз, Кларк ничего не увидел... ничего, кроме темной бездны, куда рушилась вода, и вокруг этого потока, извиваясь, уходила в темноту винтовая лестница. Сердце американца сжалось, когда он осознал, что придется спускаться в эту тьму по ненадежной, скользкой каменной лестнице. Однако Кларк попытался взять себя в руки — где-то там внизу находился источник Вечной Жизни, который он так давно искал.

— Ну что Лураин, спускаемся? — поинтересовался он у девушки, повысив голос, чтобы перекрыть рев водопада. — Или ты хочешь подождать меня здесь?

— Нет, Стэннард... Я пойду с тобой, — ответила она. — Я обещала довести тебя до самого озера.

С опаской, чувствуя, как натянут каждый нерв, Кларк шагнул вниз, пытаясь нащупать ногой следующую ступеньку. Он не осмелился использовать фонарик рядом со стражей в большом зале и погасил его. Влажный, поросший мхом камень скользил под ногами, и американец в любой момент мог поскользнуться и полететь вниз. У Кларка закружилась голова, когда он попытался еще раз посмотреть вниз, туда, куда уносилась в своем жутком падении вода водопада.

Они с Лураин стали медленно спускаться по спиральной лестнице, которая все дальше и дальше уводила во тьму. Путешественники спускались почти в полной тьме. Брызги жалили в щеки, порывистый ветер завывал вокруг. Грохот падающей воды просто ошеломял. Тем не менее с каждым шагом они спускались все ниже, нащупывая очередную ступеньку, двигаясь все дальше и дальше в царство вечной тьмы, к мистическому Озеру Жизни и его легендарным Хранителям.

Глава 11. Искушение

Путешественники находились в полной темноте — словно в стигийской бездне, где от воя ветра и грохота падающей воды был напряжен каждый нерв. Глядя вверх на отвесные стены чудовищной шахты, Кларк видел лишь небольшую искорку — почти незаметный проблеск света в огромном помещении храма наверху. Пенные брызги и туман не давали рассмотреть детали.

В конце концов американец решил, что они отошли на безопасное расстояние и включил фонарик. Яркий тонкий луч света ударил во тьму, но совершенно ее не рассеял, а лишь помог мраку стуситься. Однако луч высветил поросшие мхом ступени узкой лестницы, на которой стояли Кларк

со своей спутницей. Потом он высветил неровную стену шахты и Лураин — голые руки и ноги, черную металлическую тунику, мокрую от брызг, и бледное лицо, кривящееся от страха.

Кларк сжал ее руку, словно желая подбодрить, а затем продолжил осторожно спускаться. Круг за кругом они двигались по винтовой лестнице. Зеленый, покрытой слизью мох на ступеньках был очень толстым и предательски скользким. Неожиданно американец поймал себя на мысли о том, что на самом деле многие столетия никто не спускался по этой лестнице. И мысль эта заставила его затрепетать. Он и Лураин были первыми, кто за бесчисленные века рискнули спуститься к Озеру Жизни...

Кларк попытался было считать витки спиралей, чтобы тем самым хотя бы примерно определить глубину шахты. Но шло время, и вскоре он потерял счет виткам. Разум цепенел от рева воды, кроме того американец помнил, что любое неправильное движение может привести к гибели. Все его мысли были сосредоточены на спуске. В какой-то миг Кларк попытался вспомнить, зачем они спускаются в эту пугающую бездну, и не смог.

В какой-то момент они остановились, чтобы передохнуть, прижимаясь к грубой каменной стене. И вновь Кларк задался вопросом: насколько глубоко они под землей? Должно быть, уже спустились на несколько тысяч футов. «Боже, как глубоко в недра земли уходит этот туннель?» А потом, передохнув, путешественники снова двинулись по кругу, продолжая спуск по бесконечной спирали.

— Посмотри, Стэннард! — неожиданно воскликнула Лураин, перекрывая грохот водопада, она указывала куда-то вниз в пропасть. — Там свет!

— Нет, я не... Да, я вижу это! — воскликнул Кларк, глядя вниз. Он выключил фонарик и только тогда смог различить слабое свечение, исходящее откуда-то из глубин земли.

Это был тусклый, туманный, белый свет, кажущийся люминесцентным, рассеянным из-за брызг и тумана.

— Слава богу, мы, похоже, приближаемся к озеру! — воскликнул Кларк, ощутив необычайное волнение. — Согласно легенде, вода Озера Жизни сверкающая, светящаяся.

— Да, мы уже недалеко от священного озера, и теперь смерть где-то рядом, — поежилась Лураин, ее точеное белое лицо скривилось в гримасе ужаса.

Кларк взял себя в руки и поспешил дальше по винтовой лестнице. Его охватило лихорадочное волнение, ведь он уже неподалеку от цели, ради которой пройдено огромное расстояние. Позади шла мужественная девушка, уверенная, что идет на верную смерть.

Свечение становилось все сильнее и сильнее. Громовой звук водопада, казалось, изменился, от тупого оглушительного рева он перешел в грохот всплесков. Теперь, благодаря слабому свечению снизу, Кларк видел ступени, по которым ступал.

Вскоре далеко внизу он увидел дно шахты — неровный каменный пол, на который с грохочущим плеском в белой пене брызг обрушивался водяной столб. Потом пенящаяся вода утекала через отверстие в дне шахты.

Минут через пятнадцать Кларк и Лураин стояли на дне, на последней ступеньке лестницы. Из-за тумана водных брызг одежда их промокла насквозь, а грохот безостановочно падающих вод отдавался в ушах. Слабое свечение, которые они заметили, исходило из отверстия рядом с ямой, куда стекала вода. Это была арка футов пятнадцати в высоту, а за ней лежал природный туннель, по которому текли дальше вспенившиеся воды реки.

Над потоком по карнизу, нависающему над стремительно несущейся водой, протянулась настолько узкая тропинка, что по ней с трудом можно было пройти по одному. Кларк осознал, что таинственное свечение исходит из глубин этого туннеля.

Туннель протянулся не более чем на тысячу футов, а затем неожиданно вывел в огромную светящуюся пещеру. Кларк и Лураин поспешили вперед и вскоре оказались на пороге гигантской пещеры. И оба замерли в страхе и восторге.

— Озеро Жизни! — выдохнул Кларк напряженным, хриплым шепотом.

— Я совершаю грех даже тем, что смотрю на него! — выдохнула Лураин, в ее взгляде читались благоговение и религиозный страх.

Сцена выглядела ошеломляюще. Перед ними была гигантская пещера. Путешественники стояли у ее восточной стены и не могли рассмотреть западную из-за дымки светящегося тумана. Черные каменные стены, раздавшись, уходили в стороны, теряясь в тумане. Кларк предположил, что гигантская пещера простирается на десятки миль в длину и ширину. Она, должно быть, лежала глубоко под землей внутри кольца Гор Смерти.

Посреди колоссальной пещеры располагался источник света, но понять, что он собой представляет, удалось не сразу. От того места, где они стояли, на тысячу футов протянулся каменный пол, а дальше лежало огромное озеро, вода которого светилась, испуская чистый, кажущийся жидким свет. Озеро простиралось насколько хватало глаз. Его дальний берег терялся в туманной дымке. Да, это было то самое озеро живого света.

Вспенившаяся вода, вытекающая из туннеля, откуда только что вышли Кларк и Лураин, впадала в озеро, тут же тоже становясь светящейся. Озеро Света делала ее таковой, как только она попадала в него.

Через несколько мгновений Кларк почувствовал, что его благоговение сменяется диким ликованием. Боже мой, у него все получилось! Он преодолел бесчисленные опасности, чтобы добраться к этому сияющему озеру, которое раньше казалось только легендой. Американец воспрянул духом, и теперь его загорелое лицо буквально светилось триумфом.

— Пойдем, Лураин! — позвал он, коснувшись обнаженной руки девушки.

— Хорошо, Стэннард, — кивнула она. Голос дордонианки прозвучал тихо, а ужас все еще оставался в ее глазах. Однако Лураин двинулась следом за Кларком, когда он направился напрямик к берегу. Она готовилась к смерти, считая ее неизбежной.

У Кларка не было времени, чтобы успокоить спутницу. Он спешил вперед по шероховатому, неровному каменному полу. Но сделав первые несколько шагов в сторону берега озера, путешественники замерли, так как увидели на берегу нечто.

Это оказалась статуя, большая фигура из бледного камня, возвышавшаяся на пьедестале, стоящем на самом

берегу Озера Жизни, повернувшись лицом к выходу из туннеля, чтобы любой, пришедший к озеру, столкнулся с ней лицом к лицу.

— Боже, это... это не человек... — пробормотал Кларк, заворуженно глядя на статую.

— Она изображает Хранителя! — воскликнула Лураин, смертельно побледнев. — Это своего рода знак, напоминающее о том, что они наблюдают за нами.

Да, прообразом каменной фигуры послужило вовсе не человеческое существо. Тело существа казалось человеческим, создание было двуногим и стояло вертикально. Но оно имело слишком мягкое тело и полные руки и ноги, заканчивающиеся ластами. Голова была круглой, напоминала луковицу, без каких-то видимых ушей. Лицо было округлым и чужеродным. Два больших круглых глаза, плоские ноздревые проемы и прямой широкий рот.

Но выражение каменного лица! В нем читалась необъятная и чуждая мудрость, лежащая за пределами всего человеческого. Однако доминирующими были усталость и боль. Существо казалось больным, унылым, переполненным бесконечной усталостью, разочарованием, глубоким и полным отчаянием.

Усталость и разочарование на этом чужом, вырезанном из камня лице были настолько выразительными, что заставили Кларка поежиться. Эта статуя, судя по всему, была символом какой-то древней и страшной трагедии, некоего бедствия, случившегося давным-давно. Одна рука была поднята в предупреждающем жесте, выставив наружу ладунь. Больные, усталые глаза на каменном лице, казалось, пытались передать какое-то сообщение. Кларк ощутил благоговейный страх, который словно смертоносный яд пополз по его венам... С трудом он отвел взгляд от лица неземной фигуры.

— Это образ Хранителей, — испуганным шепотом повторила Лураин. — Стэннард, посмотри... Рука статуи вытянута, словно преграждая нам путь к Озеру Жизни. Это словно древняя заповедь человечеству: предупреждение, чтобы люди держались от озера подальше.

— Не бойся из-за статуи, Лураин, — сказал ей Кларк, заставив отвести взгляд от пугающей фигуры. — Если Хранитель выглядел как эта статуя, то, должно быть, такие существа жили на Земле миллионы лет назад. Они вымерли в далекой древности. Возможно, они и в самом деле поставили здесь эту статую, но сами должны были исчезнуть давным-давно.

— Нет! — переполненная ужасом, вскрикнула Лураин. — Хранители бессмертны, Стэннард. Они где-то здесь, они до сих пор живут. Они наблюдают за нами даже сейчас...

Он страха ее глаза едва не вылезали из орбит. Девушка застыла, мелко дрожа и глядя на сверкающее озеро, над которым расползался светящийся туман, словно ожидая увидеть странных существ, подобных изваянному из камня.

Но Кларк, отбросив в сторону испуг и изумление, охватившие его в первый момент при виде статуи, решительно направился к озеру. Девушка медленно последовала за ним.

С округлившимися от удивления глазами она следила за тем, как он добрался до края светящейся воды.

Американец опустился на колени у края мерцающего озера, вытащив свинцовую флягу, а затем наклонился к светящейся воде. Интересно, что заставляло ее светиться подобным образом? Возможно, в воде в виде взвеси были радиоактивные вещества?

Маленькие завитки и искрящиеся частички поднимались с водной поверхности. И когда Кларк вдохнул странный светящийся туман, повисший над озером, то почувствовал, как, набирая силу, кровь несется у него по венам. Вдыхать этот туман было равносильно тому, что пить вино. Вдохнув пропитанного влагой озера воздуха, американец почувствовал себя моложе, переполненным живой энергией и даже самой жизнью. Боль и усталость отступили, словно он сбросил тяжелый плащ, который до того давил на плечи. Кларк замер, прислушиваясь, как новая жизненная сила гудит и бурлит в его теле. И тут американца охватили сомнения, поскольку ему показалось, что в этот миг он заглянул в жуткие бездны чужеземного знания, познал невообразимые, потрясающие тайны Вселенной.

— Это озеро... Боже мой, неужели легенды говорят правду? — задумчиво пробормотал он, окидывая окружающее диким, как у безумца, взглядом. — Эта вода, судя по всему, и в самом деле способна даровать бессмертие. Если ее выпить...

«Но тогда, если я выпил ее...» — В тот же миг Кларк едва не сошел с ума от этой мысли.

Он забыл про Туза Брэнда, забыл об истинной цели поисков. Он, первый человек в течение многих веков, добравшийся до этих скрытых, светящихся вод, и если они и в самом деле могли подарить бессмертие, то теперь оно у него в руках.

Бессмертие! Жить дальше без страха смерти, после того как скрытая сущность жизни пропитает тело. Словно богу шагать по миру, наблюдая, как сменяют друг друга эфемерные поколения, парить на головокружительной высоте знаний и силы, чувствуя, как огонь бессмертной жизни течет по венам. Вся его сущность приказывала как можно быстрее испить волшебной воды и навсегда отринуть призрак смерти.

Кларк Стэннارد почувствовал, какие невообразимые новые возможности открываются ему. Он будет бессмертен!

Сможет бродить по Земле и по крупицам собирать мудрость человеческой расы, в то время как другие будут рождаться, жить и умирать. А рано или поздно он станет править всеми народами Земли, поскольку никто не сможет сравниться с ним в мудрости...

Светящаяся, мерцающая вода манила его, обещая удивительное. Кларк загипнотизировано уставился на нее. Он в одиночку выиграл это приз — единственный за множество прошедших веков. То, что больше всего желал любой человек — бессмертие, лежало у его ног, и нужно было только потянуться...

Медленно рука Кларка со свинцовой флягой скользнула к светящейся воде. Все его тело напряглось, пытаясь удержаться от безумного позыва, закрыв глаза, окунуться в волшебную воду подземного озера. Опустив в него флягу, Кларк наполнил ее. А затем так же медленно понес ее ко рту.

— Стэннард, ради бога, не пей! — задыхнулась от ужаса Лураин, увидев это. Она дернула Кларка за свободную руку. — Не пей воды озера, Стэннард! Я люблю тебя и знаю, что ты в глубине души, сам того не сознавая, любишь меня... Так не совершай этот ужасный грех! Бессмертие не для нас!

Кларк отступил, опустив флягу. Однако взгляд у него все еще был горящим, а голос стал резким, нечеловечески хриплым.

— Никогда не умирать, — пробормотал он. — Жить дальше и дальше, и дальше, и дальше.

Его рука дрожала от напряжения, когда он вновь попытался поднести к губам свинцовую флягу.

Глава 12. Атака

Когда Кларк откинул голову назад, уже готовый прилечь к горлышку фляги, он услышал вырвавшийся из глубин сердца крик Лураин и, неожиданно для самого себя, застыл, словно окаменел.

В какой-то миг в его поле зрения попала чудовищная статуя, стоявшая на берегу озера. При этом Кларку показалось,

что ее глаза смотрят на него. Снова на американца обрушилось ощущение ужасной трагедии, усталости и унылого отчаяния, только в этот раз оно было во много раз сильнее. Как ни странно, американец был уверен, что источником этого ужасного чувства была статуя.

Застыв, он всмотрелся в пугающие каменные черты статуи. На этот раз ему показалось, что нечеловеческий лик переполнен горьким разочарованием, усталостью, чувством непоправимой трагедии. В какой-то миг Кларку даже показалось, что каменные губы зашевелились, прошептали ему:

«Не пей воды! Есть глубины страдания, о которых ты не подозреваешь, и ты откроешь двери в черные бездны, если решишься испытать сияющей воды бессмертия».

Боже, неужели эта каменная статуя и в самом деле что-то нашептывала ему? Как будто во сне, Кларк уставился на усталое лицо неведомого существа.

«Довольствуйся жизнью и смертью, и не ищи вечной жизни. Ночь хороша после того, как закончился день, и смерть хороша после того, как закончилась жизнь. Кто захочет вести бесконечную жизнь, никогда не достигнув ночи?»

Умоляющий крик Лураин пробился к нему издалека, когда он застыл, уставившись на лицо каменной статуи.

— Стэннард, ради меня не пей!

«Бессмертие! — пело желание в его крови. — Если ты выпьешь этой воды, ты никогда не умрешь!»

«Тебя ждет ужас, ужас, который тебе и не снился», — нашептывала каменная фигура.

Неожиданно придя в дикую ярость, Кларк неуклюже отшвырнул свинцовую флягу прочь. Ее сияющее содержимое разлилось. Обернувшись, он схватил рыдающую Лураин.

— Лураин... Боже мой, я почти сделал это! Я чуть не выпил! — Американец задохнулся. — Эта статуя... Что-то в ее взгляде сказала мне... Мне показалось, что статуя говорит со мной, предупреждая не пить, или случится что-то страшное...

Несколько мгновений он сидел, обнимая рыдающую девушку, гладил ее волосы, успокаивал. А когда поднял взгляд, вновь посмотрев на сверкающую гладь озера, оно больше не манило его. Дикая жажда ушла, и теперь Кларка совсем не тянуло испытать воды бессмертия. Он был уверен, что вода эта

и в самом деле даст бессмертие, но дикое желание обрести вечную жизнь выгорело дотла.

Теперь он осознавал это, всей своей сущностью впитав послание, которое передал ему лик каменной фигуры, поведав истину о том, что бессмертие не та вещь, которую стоит искать, а, наоборот, та, которой стоит сторониться. Затем, все еще глядя на светящиеся воды, Кларк напрягся.

«Что же делать, если Фраго все-таки достигнет озера? Что случится, если орды из К'Ламма окажутся достаточно сильными, и их злой царек, разгромив дордонцев, доберется до воды бессмертия? До сих пор возможность такого поворота событий не слишком беспокоила Кларка, поскольку он не верил в волшебную силу озера, но теперь... Теперь он знал, что если Фраго и его волки в человеческом обличии достигнут озера и выпьют воды, то станут бессмертными.

Кларк содрогнулся, представив катастрофу, к которой может привести подобное. Он вспомнил о том, на что намекал Фраго, когда американец был гостем в К'Ламме. «Когда мы выпьем воду из Озера Жизни, мы, бессмертные, отправимся во внешний мир...»

Таков был план Фраго, и красный царь сделает это. Перед мысленным взором Кларка встало ужасное видение: бессмертные орды К'Ламма надвигаются на цивилизованный мир двадцатого века. Рано или поздно они станут править миром, так как их ничем не убить, и многие поколения людей превратятся в их рабов.

— Нет, этому не бывать! — с отчаянной решимостью воскликнул Кларк, и тут же помрачнел. — Фраго и его люди не должны добраться до озера!

— Фраго? — Лураин вздрогнула и внимательно посмотрела на него. — Я почти забыла о красном царе. Но через три дня он нападет... Стэннард, мы можем остановить его?

— Мы должны, — твердо заявил Кларк, пытаясь что-то рассмотреть в далекой дымке. — Если мы оплошаем, то рано или поздно раса бессмертных тиранов станет править нашим миром.

— Но, если хранители существуют, — начала было Лураин, и голос ее дрогнул, хотя теперь сомнение читалось во взгляде девушки.

— Хранители давным-давно поставили эту статую как предупреждение. Однако, похоже, их давным-давно нет, — сказал ей Кларк. — Мы должны полагаться только на наши собственные силы, Лураин. Нам придется отвадить Фраго от озера.

Однако во взгляде девушки читалось сомнение, смешанное со страхом. Она прошептала в ответ:

— Я никогда не верила, что Фраго удастся испытать воды озера, даже если бы они убили всех в Дордоне, поскольку считала, что Хранители существуют, обитают здесь и остановят их... Но они не остановили тебя, когда ты собирался испытать воды... Если бы Хранители существовали, они должны были бы уничтожить тебя, остановить. Но они ничего не сделали. Они не появились. И я боюсь, что если ты прав и Хранителей не существует, то Фраго может победить и доберется до озера! В Дордоне много меньше сил, и мы не сможем должным образом отразить его нападение.

— Мы заставим их убраться туда, откуда они пришли, — заверил Кларк. — Пойдем, Лураин. Мы должны как можно быстрее выбраться на поверхность. У нас только два дня на то, чтобы подготовиться к нападению.

Он взял девушку за руку, и, все еще удивляясь светящемуся озеру и огромной пещере, побежал в сторону туннеля. Вскоре они в полной темноте начали восхождение по винтовой лестнице под грохот водного потока.

Через какое-то время они приблизились к поверхности, и смогли различить мерцание лунного света наверху, в храме. Судя по всему, ночь еще не закончилась. Достигнув бокового туннеля, они проскользнули туда. Грохот воды остался позади, а они последовали дальше. Вскоре Кларк выбрался в темную залу старого здания. Следом за ним появилась Лураин.

— Теперь самое время поговорить с твоим отцом, Кимором, — пересилив себя, напряженно заявил Кларк. — Чтобы организовать врагам достойную встречу...

— Вы увидите Кимора прямо сейчас! — раздался свирепый голос из темноты.

— Это отец! — воскликнула Лураин.

Из темноты выскочили воины. Они бросились на Кларка и девушку, скрутив их, прежде чем американец смог достать пистолеты. Затем их вытащили на улицу.

Там разом вспыхнули факелы, отбрасывающие красный и дрожащий свет. Кларк увидел с десятков воинов в черных доспехах, среди которых был Кимор — царь Дордоны. Ястребиное лицо правителя кривилось от ярости, его белая борода дрожала, когда он оглядел плененную парочку.

— На вас проклятие Хранителей! — пронзительно завопил он. — Вы совершили запретный, безобразный поступок, вошли в священный чертог! Ты — чужеземец и ты, девка, которая больше не моя дочь, умрете во искупление черного греха, который совершили! — потом он повернулся к девушке и заговорил, вытянув в ее сторону дрожащую руку. — А твой грех много больше, ибо именно ты привела этого человека в священный чертог, воспользовавшись ходом, которые многие поколения назад вырыли заговорщики! Когда ты покинула дворец сегодня вечером, я вспомнил об этом древнем проходе и пришел сюда со стражами. И мы обнаружили, что ты посмела раскопать вход и превратилась в богохульника!

— Подождите-ка! — переполненный отчаянием воскликнул Кларк. — Послушай-ка меня, Кимор! Да, мы пробрались в шахту и спустились к Озеру Жизни, но мы не пили воду из него. Мы не совершали никакого святотатства!

Кимор ударил Кларка по лицу.

— Ложь! Ложь! Вы не ходили к священному озеру, потому что иначе Хранители убили бы вас! Вы вошли в священный предел, и за это святотатство ты умрешь... Ведите их в храм! — крикнул он воинам. — Приведите людей, чтобы они увидели две казни, который сейчас состоится на ступеньках храма. Так будет со всеми, кто совершит святотатство и нарушит древние заповеди Хранителей!

— Там нет никаких Хранителей! — в отчаянии воскликнул Кларк. — И вы будете нуждаться в помощи, чтобы сдержать Фраго и орду из К'Ламма, не пустить их к озеру, когда они сюда явятся!

— К храму! — в ярости вновь рявкнул Кимор, не прислушавшись к словам американца.

Кларка и Лураин, все еще связанных по рукам и ногам, потащили по улицам Дордоны к куполу храма, возвышавшемуся неподалеку. Теперь факелы зажгли на всех улицах.

Множество горожан высыпало на улицу. Возбужденные толпы воинов в черных одеждах собирались на площади перед храмом. Новость о схваченных святотатцах распозалась как пожар.

Горожане столпились на площади. Они наблюдали за тем, как беспомощных Кларка и Лураин швырнули на широкие ступени храма. Лица горожан кривились от праведного гнева и в мерцающем свете факелов казались чудовищными масками. То и дело раздавались бессмысленные гневные выкрики.

— Смерть богохульникам!

— Я травил тебя в это, — с отчаянием прошептал Кларк, тщетно пытаясь разорвать веревки, стянувшие его руки. — Лураин, если бы я только мог тебя спасти...

— Стэннард, я не боюсь умереть вместе с тобой! — ответила ему девушка.

Тем временем Кимор вышел вперед и, указав на пленников, заговорил, обращаясь к толпе:

— Убить святотатцев! — приказал он.

Бах! Бах!

Грохот выстрелов оборвал крики разбушевавшейся толпы. Воины, подступавшие к беспомощным пленникам с клинками наголо, резко обернулись. Толпа в панике расступилась, и четверо искателей приключений в потрепанных костюмах вышли вперед.

Вел их Черный Каин. Его суровое, хищное лицо кривилось в угрожающей усмешке, в руках он сжимал автоматические пистолеты. Техасец Линк Уилсон поигрывал двумя кольтами сорок пятого калибра. Худое лицо лейтенанта Морроу было трудно рассмотреть. Последним был Майк Шинн. Голос Черного Каина вывел Кларка из оцепенения.

— Мы слышали шум, а потом увидели, что вы в беде, шеф, — прохрипел бандит. — Что тут происходит?

Он и трое остальных искателей приключений подошли к ступеням храма. Все четверо держали оружие наготове.

— Они хотят спасти осужденных! — в ярости воскликнул Кимор. — Схватим им и уйдем вместе с их другом, как осужденных за богохульство!

— Подожди, отец!.. — взмолилась Лураин, но вопли безумного старика заглушили ее дальнейшие слова.

— Хватайте их... люди Дордоны!

Воины, оправившись от первоначального удивления, попытались встать между осужденными пленниками и подступающей четверкой. Черный Каин, убрав пистолеты, вскинул автомат.

— В сторону, ребята! — прохрипел он.

— Нет, Каин, погоди! — воскликнул Кларк. — Нет!

Неожиданно все застыли: толпа воинов с факелами, осветившими храм и улицы вокруг, четыре авантюриста, два пленника — все замерли на месте. Откуда-то издалека донесся рев тысяч дикарей, которому вторили отдельные истошные, испуганные крики. А затем из темноты полуразрушенного города вынырнул окровавленный воин на коне. У него на шее и груди было более десятка ран. Выехав на освещенное пространство, он вывалился из седла и, прокатившись по каменной мостовой, оказался почти у самых ног Кимора.

— Они напали! — с хрипом выдохнул умирающий воин. — Орды К'Ламма уже захватили стены, и теперь Фраго ведет их вглубь города...

Глава 13. Напитки Фраго

Крик ужаса вырвался из сотен глоток. И как бы вторя ему, раздался громкий свирепый крик с окраины города. Каждый стоявший на площади почти физически ощутил, как воины К'Ламма вливаются в город.

Кларк Стэннард замер, как и все остальные на площади, словно парализованный, пытаясь осознать то, что произошло. Видимо, Фраго догадался, что Кларк и Лураин предупредят горожан Дордоны о том, что красные воины запланировали нападение через три дня. Вот и вышло, что он не стал ждать, собрал армию и словно вихрь обрушился на Черный город. Неожиданность и ночное время позволили врагам быстро прорваться внутрь.

По улицам в сторону храма уже неслись безумные воины Фраго — дикие всадники К'Ламма, их красные доспехи и

окровавленные мечи блестели в свете факелов. Они мчались прямо на людей, столпившихся возле храма, рубя и коля всех встречающих, напоминая демонов, прорубая себе дорогу через беззащитных горожан прямо к ступеням храма.

— К обороне! — закричал Кимор, пытаясь перекрыть гам на площади. — Будем стоять до последнего! Красные негодяи не должны войти в священный предел!

— Дордона! Дордона! — ответил ему дикий хор. Выхватив мечи, черные воины бросились навстречу красным.

Все новые и новые всадники Фраго вылетали на площадь из боковых улиц. В рассеянном свете факелов огромная площадь перед храмом превратилась в хаос сражающихся людей. Блеск окровавленных мечей слепил, словно молнии.

Кларк и Лураин по-прежнему лежали на ступенях храма, связанные и беспомощные. Американец изо всех сил пытался разорвать свои путы.

— Каин! Майк! Сюда! — с отчаянием закричал он, пытаясь перекрыть грохот битвы.

Он увидел, как четверо его товарищей попытались пробиться через площадь, ставшую полем битвы, постепенно приближаясь к своей цели.

В это мгновение новый отряд всадников К'Ламма ворвался на площадь с запада. Во главе их Кларк заметил Драла — бессовестного и хитрого капитана армии Фраго. Оказавшись на площади, он сразу же заметил беспомощных Кларка и Лураин. Драл что-то крикнул своим людям, и они тоже принялись прорываться к лестнице в храм. Меч красного капитана поднимался и опускался с огромной скоростью. Совершенно очевидно, что они собирались первыми добраться до лестницы и прикончить американца с девушкой до того, как до них доберется Черный Каин, пока они лежат связанные и совершенно беспомощными.

— Стэннард, они убьют нас! — воскликнула Лураин, заметив приближающийся отряд.

— Каин! — крикнул Кларк, и увидел, что Черному Каину и другим искателям приключений пробиваться еще ярдов пятьдесят, не меньше.

Потом Кларк увидел, что Линк Уилсон, высокий техасец, все это время державшийся за спиной Черного Каина, понял,

какая опасность угрожает Кларку и Лураин. Ковбой рванулся вперед. Подскочив к одному из всадников в красной броне, он поднырнул под меч и ловким движением вышвырнул его из седла. Затем приемом, присущим только выходцам из Техаса, развернул своего скакуна и, послав его галопом через площадь, врезался в всадников Драла. К этому моменту те были всего лишь в сотне футов от подножия лестницы. Когда Уилсон пронесся мимо Кларка, тот заметил, каким огнем горят глаза его товарища, словно до этого техасец пребывал во сне и только сейчас по-настоящему проснулся. А еще Кларк слышал, как тот захватски завопил, подгоняя коня.

— Адиос, партнер!

За несколько мгновений до того, как врезаться в гущу врагов, Линк бросил поводья и снова выхватил свои кольты сорок пятого калибра. Загрохотали выстрелы. Драл и трое его спутников, вскинув руки к темному небу, вывалились из седел. Красный отряд распался. Всадники закружили вокруг Линка Уилсона, вылетая из седел один за другим. Но они не отступали, нанося ему яростные удары мечами, а он, не отступая, грохотал огромными кольтами в клубы порохового дыма и вспышках выстрелов, натужно смеясь и сверкая взглядом.

Черный Каин, Майк Шинн и лейтенант Морроу, рванувшись вперед, все же пробились к Кларку и Лураин, после чего Морроу сразу же занялся веревками, стягивающими их руки и ноги.

— Линк, сзади! — неожиданно заорал Черный Каин. — Сзади!

Через бурлящую битву к техасцу рвалась дюжина крепких всадников К'Ламма. Они двигались единой массой. Во главе этого отряда был сам Фраго, его высоко занесенный меч блестел.

— Посмотри! У тебя за спиной сам царь! — снова закричал Черный Каин, но его предупреждение оказалось напрасным.

— Боже, Фраго прикончил его! — словно обезумев, вскрикнул Майк Шинн.

Клинок Фраго ударил в спину Линка Уилсона, и техасец выпал из седла.

И тогда Черный Каин, безумно взыв, бросился в сторону красного царя.

— Я прикончу тебя, Фраго... Клянусь богом, я прикончу тебя.

Сердце Кларка сжалось от дикого гнева, когда он стал свидетелем гибели техасца, принесшего себя в жертву, устроив эту безрассудную атаку, чтобы спасти их с Лураин. Тем не менее он придержал разбушевавшегося бандита.

— Нет, Каин... Тебе его не достать! Отступаем в храм... Это наш единственный шанс, в противном случае мы точно проиграем битву красным!

К сожалению, это была правда. Огромные силы Фраго и неожиданность атаки смели последнее сопротивление обитателей Дордоны. На площади осталось всего несколько групп черных воинов, окруженных врагами, но вскоре и они пали.

Воины, во главе которых двигался красный царь, смели последних защитников Дордона, на чем битва возле храма и закончилась. Оставшиеся в живых несколько черных воинов погибли один за другим...

Фраго что-то прокричал своим воинам, и те развернулись в сторону храма. Не было никакой возможности пробиться через сотни воинов, так что единственным укрытием для Кларка и его спутников оказался храм, на ступенях которого они находились. Поэтому они, развернувшись, помчались к его дверям.

— Мой отец... Кимор... Я видела, как его убили! — Лураин заплакала. Затем нагнулась и подхватила большой меч, напоминая в этот момент разъяренную дикую кошку. — Мы скоро умрем, но я умру счастливой, если смогу убить Фраго.

По дороге к зданию Кларк и лейтенант Морроу тоже подхватили мечи, поскольку их боеприпасы почти закончились. Потом послышались волчьи крики орды из К'Ламма, следующей за Фраго к храму.

Искатели приключений едва успели проскочить внутрь и задвинуть засовы на дверях. Уже через мгновение солдаты в красном начали биться о внешнюю дверь, прорываясь внутрь. Был отлично слышен голос Фраго, призывающий выбить двери.

— Они поймали нас в ловушку, — холодно констатировал лейтенант Морроу. — Город захвачен, завоеватели возле храма и в любом случае ворвутся сюда через несколько минут.

— Когда они ворвутся сюда, — прохрипел Черный Каин, — я разберусь с Фраго. Он убил Линка, и теперь он мой.

Хищное лицо гангстера теперь больше всего напоминало морду разъяренного тигра. За время путешествия они с ковбоем, как ни странно, превратились в приятелей. Ненависть и стремление к жизни горели в его глазах.

Кларк повернулся спиной к большим дверям, за которыми бесновалась толпа воинов в красном. Его взгляд быстро обыскал интерьер храма, залитый светом из узких окон в высоком куполе. В центре зала темнела огромная темная яма, куда с непрерывным грохотом низвергались воды реки. Запретные врата, ведущие в шахту, сейчас никто не охранял. Стражи-дордоницы, прежде охранявшие его, выбежали из храма, чтобы вступить в бой после первого же сигнала тревоги.

— Они будут здесь через минуту! — крикнул Морроу, увидев, что бронзовые двери выгнулись от ударов снаружи.

— Господа, думаю, нам следует спуститься вниз и там постараться сдержать врагов, — быстро сказал Кларк. — Там, внизу, у нас будет больше шансов. Хотя у нас почти нет надежды на спасение, мы, по крайней мере, сможем продать свою жизнь как можно дороже.

— Отлично, — хищно осклабился Майк Шинн. — Они дорого заплатят за наши шкуры!

— Пошли! — приказал Кларк, схватил Лураин за руку и потащил ее к шахте.

Двери храма все больше прогибались внутрь. Засов, удерживающий их, медленно выгибался, двигаясь к точке разрыва. Кларк через весь зал бросился к верхним ступеням спиральной лестницы. Майк Шинн, продемонстрировав огромную силу, одним движением вырвал стержень, запиравший решетку, преграждающую вход на лестницу.

— Патроны закончились, — проворчал рыжий стрелок, отбросив в сторону ставший бесполезным автомат.

— У меня тоже, — объявил капитан Морроу и крепче сжал рукоять меча, который прихватил снаружи.

Кларк толкнул Лураин на верхние ступени лестницы, а Морроу и Майк последовали за ней, но Черного Каина рядом не оказалось. Кларк повернулся и увидел, что огромный

гангстер затаился у входных дверей и не собирается следовать за остальными в шахту с водопадом.

Каин стоял рядом со входными дверями, наблюдая, как те все сильнее вздуваются от ударов извне. Бандит все еще сжимал в руке автомат, а кроме того, выудил откуда-то помятую сигарету. Поджег ее и затянулся, ожидая, когда двери рухнут, не выдержав напора красных воинов.

— Сюда, Каин! — позвал Кларк, перекрывая гул водопада. — У тебя же нет шансов... Толпа сметет тебя! Там, на ступенях, мы сможем сдержать их...

— Я останусь здесь, — прохрипел Черный Каин, не оборачиваясь. — У меня осталась одна обойма, и я потрачу ее на Фраго, прежде чем они доберутся до меня, — потом он покосился на Кларка, Шина и Морроу через плечо. — Приятно было путешествовать с вами...

Кларк развернулся, готовый броситься к бандиту, чтобы утащить его на лестницу силой. Но в этот момент засов сломался и двери храма рухнули. Внутрь хлынул поток воинов в красных одеждах, оцетинившихся мечами. Фраго был в первых рядах. Бычьим голосом он завывал:

— Вперед... Мы уже почти добрались до Озера Жизни! Через несколько минут нам удастся испить воды бессмертия!

Но когда воины К'Ламма вломились в храм, они увидели Черного Каина. Он стоял перед ними, широко расставив ноги, сигарета висела у него на нижней губе, а автомат искал цель.

Фраго быстро среагировал, сообразив, что в руках у гангстера какое-то оружие, и бросился в сторону. Но в тот же миг автомат в руках гангстера ожил, выплевывая огонь. Одна из пуль задела бок царя, другие врезались в ряды воинов в красном. Полдюжины из них повалились на пол, настигнутые свинцом.

Кларк увидел, как Черный Каин, опустошив обойму, швырнул Томпсон в лицо наступающих, но они захлестнули гангстера, изрубив его тело в куски, а потом промчались дальше по мертвым телам. Фраго снова занял место впереди своих воинов, но теперь лицо царя кривилось от боли.

— Люди К'Ламма! — взревел он. — Теперь только эти чужеземцы стоят между нами и бессмертием!

Проверив, Кларк обнаружил, что в его пистолете осталось три патрона, и решил оставить парочку для себя и Лураин. Такой выход много лучше, чем позволить схватить себя, оказавшись во власти Фраго.

Он выстрелил в царя красных, потом метнулся назад на лестницу. Но Кларк спешил и толком не прицелился, а Фраго чуть сместился, в результате чего пуля прошла мимо, убив воина, следовавшего по пятам за ним.

— Спускайтесь по лестнице! — приказал Кларк Лураин, Шинну и Морроу. — Внизу нам будем намного проще сдерживать их.

Они поспешно начали спускаться по лестнице. Трое мужчин и стройная девушка в доспехах быстро спускались по винтовой лестнице, извивающейся вдоль стены шахты, через центр которой вниз в клочьях пены неся поток воды.

Вслед за ними двигался авангард красной орды, сотни воинов, жаждущих бессмертия. Их вел Фраго, и его голос ревом разносился по шахте.

Ежесекундно рискуя, Кларк, Лураин и двое их товарищей бегом спускались вниз, перепрыгивая со ступеньки на ступеньку. Задышавшись, добрались они до дна шахты, где падающий поток разбивался о каменный пол, а потом стекал через горизонтальный туннель к Озеру жЖизни. Искатели приключений остановились только в горизонтальном туннеле на узкой дорожке над потоком.

— Вот тут мы сможем сдерживать их дольше всего, — выдохнул Кларк. — Тут они не смогут навалиться на нас всей массой!

— Тогда мы тут и умрем! — уронила Лураин, крепко вцепившись в плечо американца, лицо ее горело: — Стэннард, я не боюсь!

Кларк поцеловал ее, с силой прижавшись своими губами к ее губам. Но на сердце его лежал камень.

— Знаю, что ты, Лураин, боишься смерти. Но, если мы не сможем сдержать их, то эти мерзавцы станут бессмертными, а это будет означать ужас для внешнего мира!

Лейтенант Морроу с печально взглянул на девушку и Кларка.

— Думаю, это что-то, знать, что женщина, которую ты любишь, готова умереть вместе с тобой... — задумчиво произнес он. — Завидую я тебе, Стэннард.

— Ну, похоже, это мой последний бой, — ухмыльнулся Майк Шинн, помахивая большим стальным засовом, который раньше запирал вход на винтовую лестницу в шахте.

— Вот они! — неожиданно закричал Кларк.

Показался передовой отряд воинов в красных доспехах, и вел его сам Фраго. Проследив путь потока, они увидели узкую тропу над потоком.

— Туда! — заорал царь. — Этот путь должен привести нас к Озеру Бессмертия!

В тот же миг Кларк, Морроу и Шинн встали в ряд, полностью перегородив тропу. Потом клинки Кларка и офицера ударили словно молнии, а Майк Шинн, крутанув металлический прут, обрушил его на шлем ближайшего воина, и череп под шлемом лопнул, как разбитое яйцо.

На мгновение воины К'Ламма подались назад, явно не ожидая столь яростного сопротивления. Тогда Фраго, побавив от ярости, с криком бросился вперед, и они ринулись вперед, сверкая глазами, словно волки во тьме.

— Эй ты, трус! — взревел Майк Шинн, размахивая огромным засовом, словно тростинкой. — Мы ждем тебя!

Кларк орудовал мечом, как безумный, нанося удары один за другим, но поток атакующих не уменьшался. Узкая тропинка между туннельной стеной и ревущим потоком оказалась залита кровью.

Американец почувствовал, что один из клинков ударил его в плечо, а потом в бедро. Он осознавал, что истекает кровью. Рядом с ним сражался лейтенант Морроу, худое лицо которого вытянулось, глаза горели, и он рубил и колол на военный манер, словно держал в руках не меч, а кавалерийскую саблю. Майк Шинн напоминал безумца, его лицо казалось диким, глаза горели ледяным пламенем, он наносил удар за ударом засовом. И после каждого удара один из его противников замертво летел в смертоносный поток.

— Их так еще полным-полно! — перекрывая рев воды, заорал Шинн.

— Берегись, Морроу! — неожиданно крикнул Кларк, но было поздно.

Нога Морроу скользнула в крови, и, когда он поскользнулся, воин в красной кольчуге ударил его прямо в сердце. Молодой офицер упал как подкошенный.

В следующий миг меч Кларка рассек горло его убийцы. Но вражеский клинок рубанул ногу Кларка ниже колена. Он пошатнулся от боли, ощутив новую волну слабости из-за потери крови. Американец упал бы, если бы Лураин не поддерживала его, и даже нанес противнику ответный удар.

Все это время Фраго хитрил, держась чуть позади, убеждая своих людей, выкрикивая обещания бессмертия, скрытого в водах Озера Жизни, до которого теперь было рукой подать. И охваченные жаждой бессмертия воины К'Ламма двинулись вперед, заставляя Кларка, Майку и Лураин отступить. Им пришлось пятиться, отбиваясь, пока не оказались в конце туннеля у входа в гигантскую пещеру, посреди которой сверкало и искрилось заветное озеро. При виде его сияющих вод, добраться до которых жители К'Ламма мечтали многие поколения, их охватила дикая, звериная ярость.

Кларк стоял рядом с безумно кричащим Шинном, удерживая Лураин у себя за спиной и сражался, как сумасшедший. Он понимал, что в том состоянии, в котором они находятся, долго не выстоять, а потом ничто уже не сможет остановить орду Фраго, рвущуюся к озеру. Но все равно был переполнен дикой решимостью сражаться, пока стоит на ногах.

А потом меч одного из врагов со всего маха ударил плащом по лбу Кларка. Кровь потекла у него из глаз, американец качнулся назад, а потом без сил рухнул на черный каменный пол пещеры и откатился в сторону. Он видел, как Лураин склонилась над ним, отчаянно пытаясь привести в себя.

А Майк Шинн пока сдерживал врагов. В одиночку, обливаясь кровью, хлещущей из дюжины ран, ревя, словно огромный грызли, он крутил своей импровизированной огромной металлической «булавой». И хотя обезумевшая орда из К'Ламма хотела прорваться к озеру, они не могли пройти мимо одинокого воина.

Тогда вперед выскочил сам Фраго. Взмахнув рукой, он метнул свой клинок как копье, и тот насквозь пробил горло

Шинна. На мгновение толпа нападавших застыла, когда рыжий гигант покачнулся. Потом он зашатался. Его голос стал сдавленным, превратился в булькающий шепот.

— Думаю... Мне кажется... Это колокольный звон...

Но вот ноги его подкосились, и Шинн рухнул на грудь мертвых воинов в красном, павших от его руки. С дикими, торжествующими криками люди Фраго, отшвырнув в сторону тело врага, хлынули в сторону озера.

Они метнулись в сторону светящейся воды, не обратили никакого внимания на лежащего в стороне Кларка, над которым склонилась Лураин. Воины в красном неслись вперед, не обращая внимания на каменную статую странного создания с переполненным страданием лицом. А добравшись до берега озера, они опустили на колени и стали взахлеб пить.

— Они пьют! — рыдая, закричала Лураин. Но притупленный разум Кларка воспринимал происходящее отстраненно.— Стэннард, они станут бессмертными!

В это мгновение случилось нечто поистине ужасное. Фраго и его люди, напившись и поднявшись на ноги, стали меняться! Сначала их тела начали светиться, потом стали серыми. Несмотря на свое полубессознательное состояние, Кларк с ужасом наблюдал за происходящим. А царь Фраго, словно не замечая изменений, происходящих с ним самим и людьми К'Ламма, громко и торжествующе закричал:

— Бессмертные! Теперь мы бессмертные!

Глава 14. Хранители

Ликующему крику Фраго вторил громовой рев светящейся орды, напившейся из озера. Покачиваясь, словно пьяный, Кларк поднялся на ноги. Измазанный кровью, он выглядел ужасно и пугающе. Медленно он вытащил из-за пояса пистолет. Незамеченный торжествующей толпой, американец нацелил пистолет в грудь Фраго.

В голове обезумевшего Кларка была только одна мысль: убить Фраго. У него в обойме было только две пули, оставленные для себя и Лураин. Теперь же, пьяно раскачиваясь,

он нажал на курок и послал два свинцовых заряда в грудь врага.

После двойного резкого треска пистолетных выстрелов наступила напряженная тишина. Все уставились на царя красного города, да и сам Фраго, опустив голову, с недоверием уставился на свою грудь. Из большого отверстия в туловище, как раз там, где расположено сердце, потекла струйка крови, мерцающая, как вода в озере.

И тогда Фраго засмеялся! Он смеялся громко, дико, переполненный торжествующим весельем. Потом вытащил из ножен меч, который убрал всего несколько минут назад и неспешным шагом подошел к Кларку и Лураин. Человек, сердце которого только что пробили две пули, смеясь, прошелся по берегу озера.

— Дурак! — громким голосом с издевкой обратился Фраго к Кларку. Его лицо победно сияло. — Неужели ты думаешь, что твое оружие теперь сможет убить меня?

— Боги! — ахнула Лураин. — Теперь, когда он испил воды озера, он никогда не умрет, и убить его невозможно!

Да, судя по всему, Фраго и его люди действительно стали бессмертными! Осознание этого молнией пронзило разум Кларка. Теперь он понял реальный ужас случившегося. Чистая сущность жизни, проникая в тело человека захватывает каждый его атом, и невозможно ее погасить... И неважно, если даже будут разрушены жизненно важные органы. Неважно, если человека изрубят на мелкие кусочки, каждый из этих кусочков останется живым, сохранит часть общего сознания. И теперь невозможно убить Фраго и его светящихся последователей. Они будут жить до самой гибели Земли. Ничто не сможет помешать им или остановить их. Ничто не сможет загасить странное, новое пламя жизни, пропитавшее их тела.

— А теперь ты и эта девка из Дордоны... умрете! Сдохнете прямо сейчас! — закричал Фраго, шагнув к паре, замершей от ужаса. — И тогда мы, бессмертные, выйдем из этой долины, окруженной горами, и завоюем весь ваш мир!

— Завоюем весь мир! — взывала орда из К'Ламма единым хором сотни светящихся головорезов. — Нас теперь нельзя убить! Мы завоюем весь мир!

Фраго взмахнул мечом, готовый обрушить его вниз. Сияющее лицо царя К'Аамма кривилось от ненависти. Кларк резким движением отодвинул Лураин себе за спину до того, как меч обрушился на них.

Но меч так и не упал. Кто-то в задних рядах бессмертной орды отчаянно завизжал, и все разом обернулись, даже сам Фраго. Кричащий указывал на сверкающую поверхность озера, скрытую искрящимся туманом. Что-то надвигалось из этого молочного облака. Что-то огромное и темное — громадная масса с величественной медлительностью вытекала из туманной дымки, двигаясь по поверхности к берегу, где стояли захватчики.

Масса становилась все больше и больше. Вскоре она стала тысячу футов в ширину и столько же в высоту. Приглядевшись, Кларк понял, что различает смутные очертания зданий в ней.

Сотня воинов на берегу разом вздохнула, и в этом звуке слышался страх. К тому же никто из них не сдвинулся с места, стоя на берегу озера, словно парализованный.

Перед ними и в самом деле был плавающий город, созданный из черных пластин неизвестного металла, который плавал на воде, словно пробка. Сам город покоился на огромной пластине из того же черного металла. Здания, стоящие на этом основании, были черными, кубическими, без крыш и строгих очертаний, они, казалось, на глазах менялись.

На краю пластины, на которой возвышался город, застыли тысячи странных существ, тела их пылали той же бессмертной, лучезарной жизнью, что Фраго и его орда. Но эти светящиеся существа лишь отдаленно напоминали людей.

Кларк услышал, как сдавленно всхлипнула Лураин, когда поняла, кто перед ней. Эти существа были точной копией каменной статуи, возвышающейся на берегу. Они выглядели как амфибии, ходили на задних лапах, как люди, но головы у них были вытянутыми, словно луковицы, а руки больше напоминали ласты.

— Хранители! — прохрипела Лураин. — Хранители явились!

— Слишком поздно, — пробормотал Кларк сквозь крепко сжатые зубы. — Они не смогут убить Фраго и его воинов. Они пришли слишком поздно!

Но плавучий город приближался и остановился, только когда край его плиты коснулся каменного берега озера. И пока Фраго и его люди стояли, парализованные страхом, Хранители торжественно, не спеша перебрались на берег.

Они шли странной, безмолвной процессией. Предводитель их двинулся туда, где рядом с Кларком и Лураин застыл Фраго. За ним два Хранителя несли странный прибор белого цвета, больше всего напоминающий странную коробку. Вся сцена казалась сверхъестественным кошмаром, который неожиданно стал реальностью: мутное, мерцающее озеро, плавающий остров из черного металла, на котором раскинулся неземной город, толпа человекообразных существ и группа парализованных страхом людей, которые не в состоянии были даже пошевелиться.

Предводитель Хранителей остановился, встав лицом к царю К'Ламмы. Только теперь Кларк смог хорошенько рассмотреть лица этих существ. Как и каменная статуя на берегу, все они имели низкий лоб, большие круглые глаза, плоские ноздри и прямой широкий рот. Американцу они казались совершенно одинаковыми.

И все их лица несли на себе печать огромной и чуждой людям интеллектуальной мощи. Также на их лицах читалась нечеловеческая усталость и разочарование, глубокое и полное отчаяние. Казалось, эти создания пережили ужасную трагедию, и теперь их взгляд навсегда пропитан ядом. По крайней мере, так показалось Кларку. Также показалось, что он прочел во взгляде светящихся глаз ужасные воспоминания о нечеловеческом стремлении, трагедии и отчаянии.

— Хранители! — хрипло выдавил из себя Фраго, его сверкающее лицо скривилось от ужаса.

Предводитель нечеловеческих существ заговорил тихим, торжественным шепотом, отчего создавалось ощущение, что говоришь с мертвецом, который давным-давно мертв.

— Да, Хранители — те, в кого вы верили, но, презрев веру, решили стать бессмертными, — медленно произнесло странное существо. — Вы искали бессмертие... И теперь оно — ваше! — торжественным голосом продолжил предводитель. — Мы могли перебить вас издалика, когда вы только подошли к берегу озера. Но увидев, что сердца

ваши обратились к злу, мы позволили вам выпить из озера, чтобы вы познали судьбу, которая страшнее, чем смерть. Чтобы вас ожидала та же судьба, что и нас... Да, мы тоже согрешили и испили воду озера! — Тут голос странного существа задрожал. — Давным-давно наша раса амфибий правила Землей. Тогда человечества еще не существовало. А потом мы нашли место, куда некогда упал гигантский метеорит. Он разметал землю, воздвигнув горы, ограждающие эту долину, и принес на Землю нечто чуждое — сияющий элемент, который раздувает жизнь из малейшей споры. Чтобы добраться до метеорита, нам пришлось спуститься в эту шахту, вырезать ступени в ее стенах. А потом мы нашли Озеро Жизни, вода которого светилась; оно содержало в себе этот чуждый элемент. Мы выпили воду, как и вы, и почувствовали, как неугасимая жизнь наполнила наши тела, точно так же, как наполнила ваши. Да, мы совершили этот грех. Ибо это и есть величайший из грехов! Вечная жизнь — самое страшное, что может представить себе живое существо, поскольку через бесчисленное число веков сама жизнь станет претить вам... И когда мы поняли, на какие вечные страдания обрекли себя, то решили, что никто больше не станет пить воду этого озера; никто больше не совершит отвратительный грех, который совершили мы. Именно поэтому мы распорядились, чтобы люди, поселившиеся наверху, над озером, не пили эту воду... — Предводитель Хранителей вытянул руку и ткнул пальцем в парализованного Фраго. — Но вы нарушили древнюю заповедь. Вы пили. Ты и твои последователи обрели бессмертие. И ваш грех намного больше нашего, потому что вы испили чашу бессмертия не ради обретения новых знаний, а для того чтобы обрести власть над внешним миром. А посему мы изолируем Озеро Жизни от внешнего мира, чтобы никто больше не смог явиться сюда так, как это сделали вы, и испить живительной воды. И то, что нам придется теперь сделать, обречет на страшную судьбу не только нас, но и вас. Но мы будем приветствовать то, что случится, хотя это будет вовсе не смерть, но нечто близкое к смерти... настолько, насколько сможет приблизиться к ней бессмертный.

Потом предводитель Хранителей повернулся к Кларку и Лураин, которые, пока он говорил, обращаясь к Фраго, оставались на месте, словно замороженные.

— Только вы двое не будете подвержены наказанию, поскольку не пили воды из озера, когда достигли его раньше. Мы наблюдали за вами издалека и готовы были наказать, если бы вы выпили хоть глоток. Но вы отказались от черного дара этого сверкающего озера... Поэтому мы даруем вам жизнь. Поспешите наверх, а потом постарайтесь как можно быстрее добраться до кольца гор. Если вы станете медлить, то погибнете, когда мы совершим то, что намерены сделать.

Хранитель протянул руку в сторону темного туннеля, ведущего к шахте.

— Идите... и поспешите!

Кларк, едва стоящий на ногах, толкнул Лураин мимо Фраго и светящихся Хранителей в сторону темного туннеля, а потом, хромая, с трудом побрел за ней. Они оглянулись, только когда вошли под темные каменные своды. Люди и Хранители, сияя как воды озера, стояли неподвижно. В пещере царила напряженная, неестественная тишина. А потом два Хранителя, сопровождавшие предводителя, склонились над белой коробкой.

Кларк, пошатываясь, вошел в туннель. Он шатался из стороны в сторону, но Лураин самоотверженно поддерживала его. Вскоре они очутились в шахте и принялись карабкаться вверх по лестнице под аккомпанемент грохота водопада. Кларк поскользнулся и упал на ступенях, и девушке пришлось приложить немало сил, чтобы вновь поставить американца на ноги. Последнюю часть дороги Лураин почти что тащила его на себе.

— Поспеши, Стэннард... Нам нужно добраться до храма! Скоро произойдет что-то страшное.

— Иди... Ты иди, Лураин, — выдохнул он, когда снова споткнулся. Но девушка отчаянно цеплялась за него.

— Нет! Мы успеем спастись или погибнем вместе!

Это был дикий кошмар. Все происходящее больше всего напоминало сон. Кларк изо всех сил боролся, пытаясь как можно быстрее подняться наверх. Не обращая внимание на грохот водопада, девушка из Дордоны, сжимая в одной руке

клинок, поддерживала его другой и буквально тащила по лестнице вверх.

А потом, совершенно неожиданно, свет и холодный воздух ударил им в лицо, и, Кларк к собственному удивлению, обнаружил, что они вылезают из шахты в зал храма, заваленный мертвыми телами. Качаясь от усталости, путешественники выбрались из храма. Над павшей Дордоной разгорался рассвет...

Ни одного человека не было на улицах черного города! Его защитники все погибли, сраженные ордой Фраго. А выжившие из войска красного царя застряли глубоко под землей на берегу Озера Жизни.

Лураин в безумной спешке поймала двух оседланных лошадей, которые, фыркая, бродили по пустынным улицам. Потом помогла раненому Кларку забраться на одну из них, а сама легко запрыгнула в седло второй. После этого они поскакали по улицам, направляясь к ближайшим воротам, а оказавшись за пределами города, двинулись по травянистой равнине.

— В горы! — крикнула Лураин. — Держись, Стэнннارد, осталось немного!

Поддавшись панике людей, лошади как угорелые помчались по равнине в сторону крутого, темного вала Гор Смерти, возвышавшегося не так уж далеко от опустевшей Дордоны. Казалось, ноги скакунов едва касаются земли, но Кларк так толком и не рассмотрел дорогу, потому что у него все плыло перед глазами. Иногда он сам себе казался ракетой, несущейся через бескрайние просторы межпланетного эфира.

Беглецы находились в нескольких сотнях футов от ближайших предгорий, когда из подземных глубин вырвался звук, словно кто-то раздирал саму плоть земную. Лураин закричала, и лошади понеслись еще быстрее, если такое было возможно.

Когда они оказались на скалистом склоне, позади полыхнуло голубое зарево, и Кларк понял, что предводитель Хранителей осуществил свою угрозу. Утробный подземный рев стал намного громче. Горы задрожали, и Лураин, оставив свою лошадь и придерживая за узду лошадь Кларка, выскользнула из седла. А потом они, повернувшись, затаив дыхание, уставились на равнину.

Земля по всей круглой долине пятидесяти миль в диаметре ходила ходуном, словно море в шторм, а гул становился все громче и громче. Расположенный неподалеку город Дордона качался, как корабль на огромных волнах. А потом по всей равнине протянулись огромные трещины, которые постепенно начали расширяться.

— Земля тонет! — в ужасе выдохнула Лураин.

Почти сразу после ее слов вся долина в кольце гор провалилась вниз с ужасным грохотом. Дордона исчезла, засыпанная землей и камнями. Далеко-далеко мелькнули алые башни. К'Ламм тоже был разрушен в жутком катаклизме.

Но вскоре поднявшиеся со дна долины облака пыли скрыли от беглецов картину разрушения. Прошло много времени, прежде чем гул землетрясения затих. А когда пыль начала оседать, Кларк и Лураин замерли потрясенные.

— Боже! — пробормотал американец. — Долины больше нет!

— Хранители выполнили свое обещание! — воскликнула девушка. — Они уничтожили Озеро Жизни и навечно замуровали в камне Фраго с его ордой! Они использовали силы, которые заставили обрушиться потолок той огромной пещеры!

Да, теперь в кольце Гор Смерти остался только кратер, заваленный обломками горной породы, причем уровень долины опустился на несколько тысяч футов, в сравнении с прежним. Миллионы тонн породы похоронили все, что было в пещере.

— Озеро Жизни погребено навсегда! — заплакала Лураин. — И Хранители, и орда Фраго — все оказались под тоннами тонн камня...

— Да, — пробормотал Кларк, а потом вздрогнул всем телом, представив весь ужас судьбы, на которую обрекли Хранители Фраго его людей. Быть раздробленными, похороненными под толщей камня, и в то же время живыми... Навсегда живыми...

Эпилог

Бельгийский офицер колониальных войск, отвечающий за маленький торговый пост на реке Убанги, расслаблялся

за бутылочкой джина на веранде бунгало. Но сразу вскочил со стула и взглядом, полным недоверия, уставился на двух людей, неожиданно вышедших из зеленого мрака джунглей. Они с явно заметным сомнением двинулись в сторону поста.

Один из пришельцев был молодым человеком крепкого телосложения в рваной военной форме. У него были коротко подстриженные волосы, а лицо осунулось от усталости. Другой была удивительная красивая девушка с длинными черными волосами и голубыми глазами. Ее ноги и руки были обнаженными, а из одежды имелась только туника, поверх которой была надета странная кольчуга черного цвета.

— Mon Dieu! — пробормотал офицер, ошарашенно глядя на них. — Я грежу наяву... Мне снится сон... — А потом в его глазах вспыхнули искорки. — Я узнал тебя, мсье... Ты тот самый парень с фотографии в газете! Вчера речная лодка привезла свежую почту. Ты же тот самый господин Стэннард, который возглавил экспедицию в страну Кириду!

— Да, это я, — признался Кларк. Только сейчас стало видно, что он идет, обняв девушку за талию и опираясь о нее. — И я единственный член экспедиции, оставшийся в живых.

— Значит, все остальное в статье тоже правда, мсье?! — взволнованно воскликнул офицер. — Там говорилось, что американский миллионер Туз Брэнд отправил вас на поиски Озера Жизни, о котором ходят легенды среди диких племен... Вы покинули французские территории, и все думали, что вас перебили дикие туземцы Кирибу. Когда доклад об этом достиг Америки, мсье Брэнд умер, говорят, от разрыва сердца, потому что иных шансов получить воду из волшебного озера не было.

— Так Туз Брэнд мертв? — Лицо Кларка еще более померкло. — И экспедиция, которую он предложил мне возглавить, пусть косвенно, но все же свела его в могилу.

— Это так, — подтвердил офицер. — Но в газете еще говорится, что прежде, чем он умер в раскаянии из-за того, что послал вас на верную смерть, он завещал вашим родным миллион долларов. — Тут Кларк глубоко вздохнул, тень старого страха за свою семью отступила. — Так вы нашли озеро, мсье? — продолжал расспросы бельгийский офицер. — Конечно, вода бессмертия, скорее всего, сказка, но,

быть может, вы обнаружили в тех диких землях что-нибудь интересное? Ходили слухи об ужасном землетрясении, от которого в панике бежали аборигены Кириду...

— Нет, ничего особенного, — отрицательно покачал головой Кларк. — Мои спутники были убиты туземцами. Я не нашел никаких следов легендарного озера. Как вы и говорили, это была всего лишь прекрасная легенда.

— А эта девушка? — удивился офицер, с интересом поглядывая на странное одеяние Лураин. — Откуда... как...

— Это моя жена, — отрезал Кларк. — Она — белая, которую я встретил случайно и взял с собой, — а потом, увидев, что офицер хочет продолжить расспросы, продолжил: — Когда следующая лодка отправится вниз по реке? И не могли бы вы для меня передать одно сообщение по телеграфу?..

Через неделю, когда маленький лайнер покинул порт Бома на побережье бельгийского Конго, Кларк стоял на палубе у фальшборта, а рядом с ним была Лураин. Но выглядела она совершенно по-иному в современном платье. То и дело они оглядывались на низкое зеленое африканское побережье, которое вскоре должно было исчезнуть за горизонтом. Кларк заметил, что на глаза его спутницы навернулись слезы.

— Извини, Стэннارد, — пробормотала она. — Теперь для меня навсегда утрачены и мой народ, и мой город, и моя земля...

— Ты никогда не будешь одна, — заверил ее американец, обняв. — Пока я жив, ничего подобного не случится.

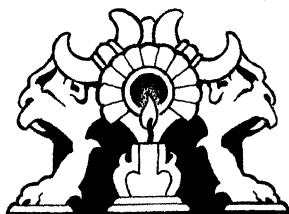
— Но Дордона... — продолжала нашептывать она. — Мне кажется, я вновь вижу свой город, заваленный камнями... Разбитый, изуродованный землетрясением...

Кларк, повернувшись, пристально посмотрел на береговую линию, которая вот-вот должна была растаять за горизонтом, но его мысленный взор скользнул дальше, к странному кольцу гор, которые больше не несли смерти путешественникам. Где-то там остался похороненный под грудой скал древний город, а вместе с ним его пять спутников, которые обрели там безымянные могилы.

И пусть они были всего лишь искателями приключений, которые находились не в ладах с законом, но они

были бесстрашными людьми и верными товарищами. Они нашли могилы в чужой земле, пали, сражаясь в чужом мире. А потом Кларк Стэннард незаметно махнул рукой, то ли отдавая салют погибшим товарищам, то ли прощаясь с ними.

— До свидания, ребята, — прошептал он, а потом повторил слова, которые Майк Шинн не раз говорил о других: — Вы были хорошими, отличными парнями...

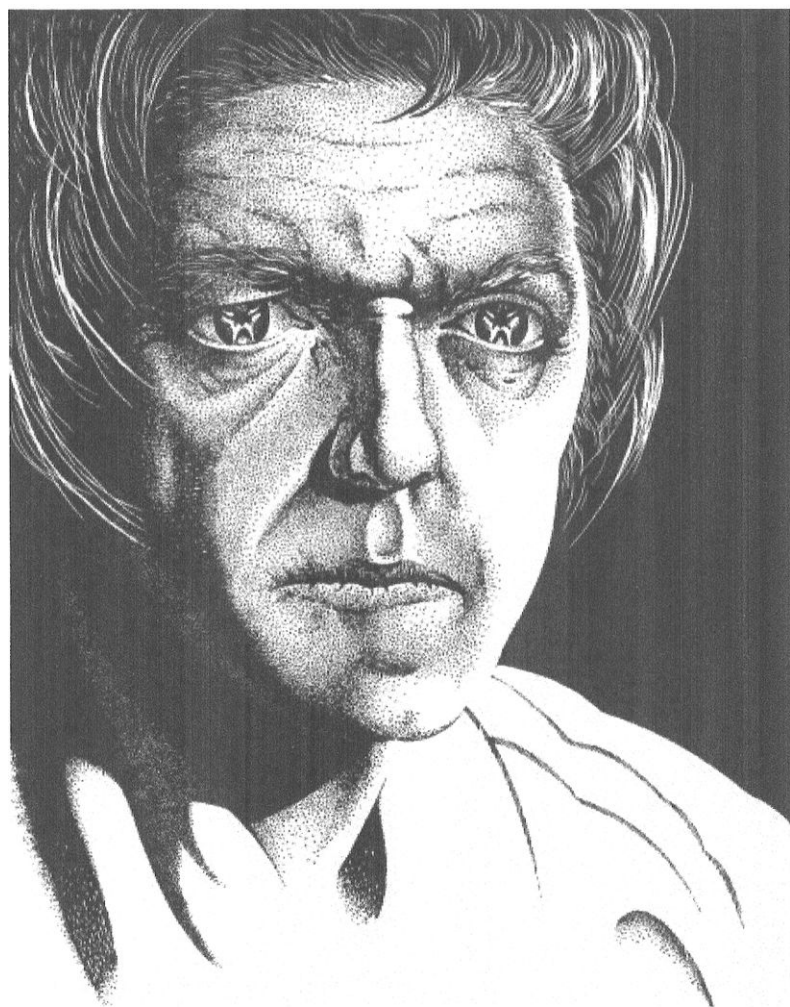

The House of the Evil Eye

журнал «Werd Tales», № 7, 1936

Глава 1

— Доктор Дейл, я пришел к вам, потому что мне сказали, что вы — единственный человек, который может мне помочь.

— Зачем вам моя помощь, господин Карлин?

— Я боюсь, что мой сын погиб от сглаза.

Обратившийся к нам назвался Генри Карлином из Тауристана, штат Массачусетс. Сейчас он навис над доктором Дейлом. Он был человеком средних лет, с тонкими седыми волосами, выразительными чертами лица и мудрыми синими глазами. Только цена его одежды могла подсказать нам, что перед нами богатый человек.

Доктор Джон Дейл являл сильный контраст с Карлином. Ему исполнилось более сорока, и он был аккуратным, крепким. Его волосы и короткая вандейковская борода были аккуратно подстрижены. Кожа у него была гладкой, а из-за больших карих глаз он казался на несколько лет старше меня. Сейчас доктор Дейл сидел за столом, а я, Харли Оуэн, его помощник, расположился на стуле в углу.

— Итак, вашего сына погубил сглаз? — переспросил Дейл, внимательно посмотрев на Генри Карлина.

— Знаю, что звучит глупо, но боюсь, что все именно так! — пробормотал Генри Карлин. — И врачи, занимавшие ся делом моего сына, высказались, что, если дела обстоят именно так, помочь мне можете только вы.

— Они рассказали вам о характере моей работы? — поинтересовался доктор Дейл.

— Да, — ответил Генри Карлин. — Они сказали, что вы специалист в борьбе силами Зла, чьи проявления лежат за пределами обычной медицины. Они сказали, что вы известны среди врачей. Но на самом деле, вы, доктор Дейл, специалист по Злу.

Доктор Дейл кивнул.

— Верно, господин Карлин. Но сглаз... Вы уверены, что знаете, что такое сглаз?

— Некоторые люди обладают силой с помощью простого взгляда наградить людей болезнью или даже убить, не так ли? — ответил Генри Карлин.

— Это основа, но далеко не все, — согласился доктор Дейл. — Сглаз, как вы верно сказали, дарован определенным мужчинам и женщинам, чтобы убивать живые существа, глядя им в глаза. Это сила дарована им силами Зла, которые в итоге полностью завладевали несчастными и влияли на окружающих с помощью взгляда. Это что-то вроде гипноза... Ведь гипноз и подобные вещи работают через взгляд... Мужчина или женщина могут принять на себя удар сглаза, преднамеренно отдавшись силам Зла, которые после овладевают ими и в свою очередь делают их взгляд смертоносным. Когда-то предполагалась, что способность к сглазу передается по наследству, и его дети получают способность к сглазу, пока тот, кто принял этот дар, не откажется от него. А если он никогда не откажется от него, то со временем, переходя из поколения в поколение, этот дар исчезнет. А пока этого не случится, совершенно невинные люди будут рождаться с даром сглаза... Незащищенные люди случайно попадают под такой взгляд, и тогда этот взгляд через глаза жертвы проникает в мозг и может повредить важные жизненные центры нервной системы. Если на несчастного упадет несколько таких взглядов, он может даже умереть. Единственная защита от сглаза — колдовские символы, которые вызывают доброжелательные колдовские силы, чтобы те противостояли злым силам сглаза. Такие символы часто используются, так как боязнь ужасной силы сглаза велика.

— Тогда, — быстро заговорил Генри Карлин, который внимательно слушал доктора Дейла, — если кто-то был поражен сглазом, но оправился, и когда снова подвергся бы сглазу, наверное, заболел бы?

Доктор Дейл кивнул.

— Несомненно. Те, кто когда-то был поражен сглазом, впоследствии уязвимы, пусть даже они носят защитные символы, о которых я упоминал. Первый же удар превратит его в жертву...

— Так я и думал, — пробормотал Генри Карлин. — Вот это, доктор Дейл, похоже, и случилось с моим сыном.

Доктор Дейл откинулся назад на спинку кресла.

— Вы сэкономите много времени, господин Карлин, если расскажете мне о случае вашего сына с самого начала, — тихим голосом посоветовал он.

То, как спокойно держал себя доктор Дейл, укрепило уверенность в себе Генри Карлина, который в свою очередь откинулся на спинку кресла. Когда он приготовился начать рассказ, доктор Дейл взглянул на меня и кивнул, отдав безмолвный приказ. Теперь я должен был записывать все основные детали того, что сказал Карлин, как я поступал, когда у доктора Дейла появлялись клиенты.

— Все началось пару месяцев назад, — начал Генри Карлин. — Именно тогда Дональд — мой сын, встретил Розу Мионэ и её семью. Я должен вам сказать, что Дональду всего двадцать три года, и он всего год назад закончил обучение в Гарвардской школе Делового Администрирования. Вернувшись в Тауристон, он занял должность в Национальном банке в Тауристоне, где я вице-президент... Тауристон — город приличного размера. Там расположен текстильный центр, вы знаете. Но работа в банке для Дональда была весьма скучной после Кембриджа и Бостона... Моя жена умерла через год после рождения Дональда, и большую часть он прожил в доме с экономкой. Он не жаловался, но я видел, что он был немного обеспокоен и недоволен своей жизнью... А пару месяцев назад Дональд пришел домой в отличном настроении. Он сказал мне, что в тот день он встретил самую прекрасную девушку, с какой когда-либо сталкивался. Её звали, по его словам, Розой Мионэ. Она живет в западной части Тауристона со своими отцом и дедушкой Иосифом и Петром Мионэ, там, где проживают американцы итальянского происхождения. Все следующие дни Дональд с дрожью в голосе говорил об этой девушке, а потом неожиданно заявил, что женится на ней, если она согласится... Только тогда я понял, что Дональд действительно серьезно относился к этой Розе Мионэ, и, хотя я предпочел бы, чтобы мой сын женился согласно моему выбору, я, конечно, не собирался мешать ему, тем более, что он описал девушку как очень красивую и культурную. Дональд говорил, что она слишком застенчива, чтобы позвать меня в гости для знакомства. И все же я, вероятно,

поехал бы встретиться с ней, если бы не здоровье Дональда. Через неделю после встречи с этой девушкой Дональд захворал. Но я стал беспокоиться о его здоровье. Я подумал, что он поссорился со своей возлюбленной. Потому что он всякий раз возвращался после их встреч с очень кислой миной. Я уже собирался напрямую поговорить об этом с Дональдом, когда случилось ужасное... Врачи, с которыми я решил проконсультироваться, сказали, что он в тяжелом состоянии и его жизненно важные органы поражены каким-то недугом, а его жизненные силы таят прямо на глазах. Врачи сообщили мне, что причина подобного недомогания озадачила их. А потом госпожа Гарсия рассказала мне ещё кое-что... Так вот госпожа Гарсия сообщила мне, что Дональда сглазили. Конечно, я сказал ей, что такого быть не может. Но она очень серьезно говорила об этом. Заявила, что Дональд должен держаться в стороне от человека, чей злобный взгляд поразил его... Я совершенно не думал о её словах, потому что все мое внимание было направлено на то, чтобы помочь Дональду выздороветь. Потребовалось четыре недели отдыха, прежде чем Дональд смог снова подняться на ноги, прежде чем его силы смогли восстановиться. За все эти дни Роза Мионэ ни разу не навестила его, даже не позвонила и не написала. И я должен признать, её подобное отношение к Дональду заставило меня относиться к ней предвзято... Но отношение Дональда к этой девушке ничуть не изменилось, потому что, как только он набрался достаточно сил, чтобы выйти из дома, он отправился в другой конец Тауристана, чтобы увидеть её. Он ходил к ней три или четыре дня, но каждый раз возвращался все печальнее. Я поинтересовался, в чем дело, и он ответил, что Роза Мионэ, похоже, полностью изменилась в своих чувствах к нему... А потом, через четыре дня после выздоровления, Дональд вновь заболел!.. Как и раньше, врачи согласились, что жизненно важные нервные центры Дональда пострадали от таинственной боли. Они сказали, что он должен отдохнуть. Но теперь госпожа Гарсия была очень взволнована и сказала мне, что, несомненно, дурной сглаз снова поразил Дональда, как она и боялась. И на этот раз я не был уверен, что она ошиблась. Потому что врачи так ничего и не могли объяснить, какой недуг по-

разил Дональда... Когда Дональд снова медленно начал выздоравливать, я увидел, что он буквально заиклен на этой Розе Мионэ, и слышал, как он раз или два произносил её имя во сне... Я решил, наконец, зайти к ней и попросить приехать, посмотреть на Дональда, потому что чувствовал: это пойдет ему на пользу. Итак, два дня назад я с этой целью отправился в западную часть Тауристана... Оказавшись в итальянском квартале, я спросил, где смогу найти дом Петра Мионэ, бабушки Розы. К моему удивлению, те, у кого я навел справки об этом доме, предупредили, чтобы я в тот дом не ходил. При этом они делали странные жесты руками, словно хотели оградить себя от чего-то ужасного. Потом мне сказали, что дом Мионэ — проклятый. Они утверждали, что все трое Мионэ: Петр, его сын Иосиф и его внучка Роза, обладали дурным глазом и уже испортили жизнь не одному человеку в этом районе!.. Я был поражен. Я сразу вспомнил взволнованные речи госпожи Гарсии о том, что Дональд страдал от сглаза. Я вспомнил, что сразу после встречи с этой Розой Мионэ Дональд заболел и ослабел, а потом слег. И после того как он выздоровел, стоило ему увидеться с этой девушкой... три или четыре дня, и он снова слег. Эти люди были уверены, что все Мионэ обладают даром сглаза. Поэтому, вместо того чтобы посетить их, я вернулся домой, надеясь узнать, так ли это. Я переговорил с врачами, которые лечили Дональда, мог ли всему виной был сглаз. Они ответили мне, что это возможно. Но раньше никто из них не сталкивался с таким откровенным и сильным проявлением злых сил. Кроме того, они сообщили мне, что доктор Джон Дейл из Нью-Йорка, известный как специалист по Злу, мог бы наилучшим образом помочь мне в этом случае. Итак, этим утром я поехал из Тауристана в Нью-Йорк, доктор Дейл, и теперь хотел бы, чтобы вы отправились со мной в Тауристон. Я ничего не говорил о своих опасениях Дональду, но хочу, чтобы вы знали: мне кажется, что и в самом деле злой глаз Мионэ порастил его и мпроклятие сглаза медленно убивает, А если все так и есть, я хочу, чтобы вы нашли способ спасти моего сына!

Теперь лицо Генри Карлина стало белым и словно окаменело. Он вытянул руки в бессознательном обращении.

Все это время доктор Дейл внимательно слушал рассказ нашего гостя и изучал Карлина. Когда же тот закончил рассказ, доктор выдержал многозначительную паузу, потом потянул себя за короткую бородку и поинтересовался:

— Вы сказали, что ваш сын после выздоровления при первой волне болезни виделся с этой Розой Мионэ три или четыре раза, прежде чем слечь снова?

— Да, — ответил Генри Карлин. — И скоропалительность этой второй волны болезни поразила меня. — А что за жесты вы видели у итальянцев во время расспросов о Мионэ? Такие?

Доктор Дейл вытянул правую руку, потом изогнул кисть, выставив указательный палец и мизинец.

— Точно такой, — тут же подтвердил Карлин.

— Это знак тех, кто опасается сглаза, — заметил доктор Дейл. А потом он замолчал, задумался и, нарушив собственное молчание, объявил: — Господин Карлин, я собираюсь взяться за это дело. Оуэн и я отправимся с вами в Тауристон, как вы простите. Но мне нужно время, чтобы собрать всё необходимое.

— Конечно. — согласился Генри Карлин. — И должен сказать: я заплачу, сколько потребуется.

— Плату мы сможем обсудить позже, — проговорил господин Дейл. — Если ваш сын действительно пал жертвой сглаза этих Мионэ, то чем скорее мы окажемся там, тем лучше для тех, кого поразил сглаз.

Через два часа мы с доктором Дейлом сидели с Генри Карлином в купе вагона, который ехал на север из Нью Йорка в Тауристон.

Глава 2

Мы добрались до Тауристона только во второй половине дня, и в самом деле убедившись, что цель путешествия — типичный фабричный городок Новой Англии. Текстильные фабрики стали возводить вдоль реки к западу от города. Они росли как грибы, обрастая железнодорожными путями и складами.

А заводы привлекли в Тауристон иностранных рабочих, которые приехали вместе с семьями и заселили ряды грязных каркасных кирпичных домов в западной части города. На юго-восточной стороне протянулись более аккуратные жилые улицы с несколькими затененными и тихими аллеями претенциозных домов. В сторону этих кварталов и направился Генри Карлин, прямо к большому особняку в колониальном стиле, наполовину скрытому за густыми зарослями зеленых вязов.

— Мой дом,— объявил Генри Карлин, любезно помогая доктору Дейлу и мне выбраться из машины. — А вот и миссис Гарсия.

Мы поднялись на крыльцо. При этом доктор Дейл нес маленький черный саквояж с инструментами, а я — наш чемодан. Женщина, одетая во всё чёрное, ждала нас у двери. Её волосы — снежно-белые, но лицо её было гладким, а пронизательные черные глаза ярко сверкали.

— Господин Дональд в порядке? — с тревогой спросил Генри Карлин, когда мы вошли, и миссис Гарсия кивнула.

— По его словам, ему лучше. Он сказал мне, что хочет выйти. Но я ответила, что вам это не понравится.

— Это доктор Дейл и господин Оуэн, миссис Гарсия, — представил нас Карлин. — Пожалуйста, отнесите наверх их вещи.

— Пойдемте и посмотрим на Дональда, если вы не против, — предложил он нам. — Он в Солнечной комнате.

Доктор Дейл и я последовали за ним по коридору со стенами из панельного дерева. Когда мы отправились вглубь дома, я заметил, что домработница пристально смотрит нам вслед.

Генри Карлин открыл нам дверь, и мы вошли в комнату, где три стены были стеклянными, через них помещение заливал слабевший вечерний свет. По всей комнате были расставлены прекрасные плетеные стулья и растения в горшочках. На одном из стульев восседал молодой человек в свободной пижаме. Он откинулся на спинку стула, словно дремал.

Когда мы вошли, он встал. Дональд Карлин оказался привлекательным молодым человеком со светлыми, ржавыми

волосами и голубыми глазами. Однако выглядел он очень усталым. Лицо у него было бледным, и двигался он так, словно испытывал сильную слабость или долго болел.

— Дональд, это доктор Джон Дейл, о котором я тебе говорил, — начал Генри Карлин. — И с ним господин Харли Оуэн, его помощник.

Дональд Карлин приветливо улыбнулся нам, обмениваясь рукопожатием с каждым.

— Но я уже говорил отцу, что врачи мне больше не нужны, — объявил он. — Только вот не смог его убедить. Насколько я понимаю, вы своего рода специалист?

Доктор Дейл кивнул и занял кресло, которое предложил ему Генри Карлин.

— Да, вы можете назвать меня психологом. Мне сказали, что ваша болезнь несколько озадачила местных врачей.

Дональд Карлин сделал нетерпеливый жест.

— Эти врачи пытались сделать целую проблему из того, что я всего лишь почувствовал слабость. Мне нужно было немного отдохнуть, и я почувствую себя почти так же хорошо, как и обычно.

— Вы не чувствуете ничего, кроме слабости? — спросил его доктор Дейл. — Я хочу сказать, что вы сами вовсе не чувствовали себя больным?

— Конечно, — ответил молодой Карлин. — И, как мне кажется, это озадачило их. Особенно они удивились тому, что я обессилел, но при этом не испытывал никакой боли.

— Вы не можете поточнее описать свои ощущения? — попросил доктор Дейл. — Знаете ли, существует много разных вариантов слабости.

Дональд Карлин заколебался.

— Что ж... у меня было ощущение, что внутри меня, какая-то важная часть меня... Не знаю, как описать это неприятное чувство... Но все это было совершенно безболезненно. Звучит глупо? Но это ощущение было ни на что не похоже... Словно боль, но без боли... А потом я почувствовал страшную слабость.

— И когда вы впервые испытали эту безболезненную боль? — продолжал расспросы доктор Дейл. — Можете вспомнить?

Карлин медленно кивнул.

— Да. Пожалуй, это случилось около восьми недель назад. Я запомнил, потому что это был день, когда я познакомился с Розой Мионэ... Той ночью я не мог заснуть, отчасти от волнения, отчасти потому что впервые почувствовал эту безболезненную боль.

Дыхание Генри Карлина участилось, в нем слышались хриплые, надрывные нотки, и доктор Дейл подозрительно посмотрел на него, потом он повернулся к Дональду.

— Вы чувствовали слабость и в последующие дни?

— Да. И с каждым днем становилось все хуже, — объявил Дональд. — Наконец я настолько ослаб, что даже упал. Несколько недель я был сильно болен, но теперь мои силы по большей части вернулись.

— Вы и в самом деле так считаете? — спросил Дейл, и Дональд Карлин кивнул.

— Да, тогда мне определенно стало лучше. Я вышел погулять. Но на следующий день я почувствовал себя хуже. А потом ещё хуже. Сейчас я вроде бы оправился от второй волны этой странной болезни... Полагаю, вам все это уже рассказал мой отец.

— И всякий раз, отправляясь гулять, вы заходили в гости к мисс Мионэ?

Дональд Карлин с удивлением посмотрел на доктора Дейла.

— Да, так и было. Разве эти события связаны?

— Не берите в голову, — отмахнулся, улыбнувшись, доктор Дейл. — У вас не было других ощущений, кроме этой странной безболезненной боли и слабости?

Молодой Карлин снова замялся.

— Да, у меня порой возникала мысль о том, что я вижу галлюцинации. Это было странное ощущение. Когда я спал, мне все время казалось, что кто-то внимательно смотрит на меня.

Услышав эти слова, Генри Карлин побледнел, и доктор Дейл напряженно наклонился вперед, пытаясь поймать взгляд молодого человека.

— Кто смотрит? — спросил он. — У тебя есть предположения о том, кто это может быть?

Дональд Карлин замялся, а потом ещё более неохотно ответил:

— Что ж, похоже, это прозвучит довольно глупо, но это были глаза Розы... Розы Мионэ, о которой я упоминал. Они были темными, красивыми и странными...

— Выходит, глаза этой мисс Мионэ какие-то особенные? Что в них такого?

— Точно не скажу, — объявил Дональд. — Они кажутся такими темными и бездонными. Заглянув в них, вы словно получаете удар тока. Наверное, это у них наследственное, потому что у её отца и деда точно такие же глаза.

Доктор Дейл встал. Его лицо было таким же спокойным и невозмутимым, как всегда, но я знал, что он был взволнован. А потом мой друг неожиданно повернулся к Генри Карлину.

— Думаю, сегодня нам больше не стоит беспокоить вашего сына, — сказал, словно обрезаю, доктор. — Завтра у нас будет много времени, чтобы заняться делами.

Дональд Карлин улыбнулся.

— Надеюсь, у вас нет более срочных дел, — заметил молодой человек. — Сейчас я чувствую себя совершенно здоровым и хотел бы пойти прогуляться.

— Тебе пока не стоит выходить, Дональд, — вмешался его отец. — Не хочу, чтобы рецидив ещё раз повторился.

— Не уверен, что подобное возможно, — проворчал Дональд. — Ты пытаешься представить меня больным, хотя я совершенно здоров...

После доктор Дейл, Генри Карлин и я вышли в общий зал и закрыли за собой дверь в комнату молодого человека. Тут же старик схватил за руку доктора Дейла.

— Вы слышали? Глаза Розы Мионэ... Это именно то, чего я боялся!

— Все это, безусловно, говорит о том, что вашего сына поразил сглаз Мионэ, — заявил доктор Дейл. — Но, чтобы окончательно вынести вердикт, мне, без сомнения, нужно увидеть эту девушку. Думаю, сейчас мне и Оуэну стоит отправиться на прогулку, чтобы познакомиться с этой красавицей.

— Но, если она и в самом деле обладает этой ужасной силой, вы сильно рискуете, отправившись к ней в гости, — проговорил Генри Карлин.

Дейл покачал головой, достал из своего черного саквояжа какие-то штуковины и спрятал их в карман.

— Эти амулеты защитят нас от злой силы. Вы сказали, что эти Мионэ живут в другом конце города?

— Да, нужно пересечь весь Тауристон, — подтвердил Генри Карлин. Улица Карделл... А там любой покажет вам, где живут Мионэ.

— Тогда в путь, — воскликнул доктор Дейл. — Мы вернемся через пару часов.

Мы вышли. Генри Карлин пристально смотрел нам вслед с немым беспокойством, а потом повернулся, видимо, собираясь вернуться к своему сыну. Миссис Гарсия тоже пристально следила за нами, словно знала о наших намерениях.

Ночная тьма уже стала сменять сумерки после заката, когда мы добрались до деловой части города. Вечерние развлекательные заведения — магазины и театры — уже зажгли свои огни. Но нас они не интересовали. Вскоре мы вышли в грязную западную часть города. Теперь к северо-западу от нас вдоль берега реки протянулись безмолвные в этот час заводы. Но на центральных улицах кипела жизнь. Смутлые мужчины и женщины сновали поодиночке и группами, спеша по своим делам после дневной смены. Из толпы доносились крики на итальянском, испанском и португальском, а также ругательства на нескольких балканских языках и смех. Полуобнаженные молодые люди, устроившие игрища под уличными фонарями, пронзительно кричали. А кроме того, сквозь эту шумную атмосферу то и дело прорывался звон гитары и резкие переливы кларнета.

После недолгих расспросов, мы нашли улицу Карделл и обнаружили, что она короткая, темная, спускается по склону прибрежного холма к реке. Тут стояли квадратные, напоминающие коробки каркасные дома. Уличные фонари были только в начале улицы. Тем не менее люди сидели на ступенях своих домов, а некоторые бродили по улице, но тут было много меньше шума, чем на центральных улицах.

Мы остановились на улице, оглядываясь.

— Я бы предпочел не упоминать тут Мионэ, — объявил доктор Дейл. — Но нам нужно каким-то образом выяснить, где они живут.

И доктор направился к крыльцу дома, возле которого мы стояли. В свете, льющемся из окон гостиной, мы увидели пожилую итальянку, которая сидела на крыльце.

Она с неприязнью взглянула на доктора Дейла. Глаза у неё были черными, словно крыло ворона.

— Извините, что беспокою вас, — вежливо начал доктор Дейл, — но мы интересуемся, кто где живёт?

— О ком конкретно вы хотите узнать? — спросила женщина.

— О семействе Мионэ, — скривившись, ответил ей доктор Дейл. — Кажется, глава его Пётр Мионэ?

Глаза женщины расширились от смеси удивления и ужаса. Она сделала знак от дурного глаза, причем так быстро, что я едва рассмотрел её движение, а потом вскочила и бросилась в дом. Оттуда сразу же послышались возбужденные голоса, говорившие по-итальянски. Неожиданно в доме замолчали, и на крыльцо выскочил мужчина, который, казалось, был готов броситься на нас, чтобы разорвать голыми руками.

— Что вам нужно от Мионэ? — поинтересовался он. — Вы их друзья?

— Не то чтобы друзья... — замялся доктор Дейл. — Если говорить откровенно, мы их никогда не встречали.

— Вот и не нужно с ними встречаться! — высунулся из дверей другой. — Они нехорошие люди... Они насылают сглаз! Я, Доменик Миллэра, предупреждаю вас об этом!

— А почему вы думаете, что Мионэ могу навести сглаз? — продолжал расспрашивать доктор Дейл.

— Думаю? Я не думаю... Я знаю! — Тут он схватил доктора Дейла за руку и потащил его за собой в дом. Я, естественно, последовал за ними. Войдя, мы оказались в комнате, освещенной газовой лампой. Тут был ещё один мужчина и две женщины. Одна из женщин была именно той, что раньше сидела на крыльце. Все трое пристально уставились на нас.

В углу комнаты стояла деревянная кровать — единственный предмет мебели в комнате, за исключением нескольких стульев. И в ней лежала девушка лет семнадцати. Лицо у неё было с тонкими чертами, кожа была бледной, а черные глаза широко открытыми. Девушка внимательно, настороженно разглядывала нас.

Миллэра подвел доктора Дейла и меня к кровати, а потом, указав на девушку, объявил:

— Это моя дочь Джулия, — проговорил он трагическим голосом. — Вот откуда мне известно, что Мионэ обладают искусством сглаза.

Взгляд доктора Дейла скользнул от больной девушки к её отцу.

— Вы хотите сказать, что эту девушку сглазили...

— Её сглазил проклятый старик Пётр Мионэ. Да! — воскликнул Доменик Миллёра. — Он колдун и обладает дурным глазом. Точно таким же, как у всех его домашних. И у его сына Иосифа и дочери его сына Розы... Пётр Мионэ сильно рассердился на нас, когда я сказал, что он должен быть наказан за то, что взглядом убил мальчика Сафетти. Он возненавидел меня за это и при случае сглазил мою Джулию. Она никак не могла от него защититься. С тех пор она заболела, а эти проклятые Мионэ до сих пор хотят по улицам безнаказанно.

Рука Миллёра очертила в воздухе защитный знак, а остальные присутствующие торжественно закивали. Больная девушка так и не шевельнулась.

— Говорите, что Пётр Мионэ убил мальчика с помощью сглаза? — переспросил доктор Дейл, и Миллёра кивнул.

— Да, сын вдовы Сафетти, Феликса Сафетти. Мать ребенка разозлила Мионэ, и это была его месть. Разве нельзя, чтобы по повелению Господа эту семью смыло с лица Земли?

Доктор Дейл покачал головой, когда снова вышел на крыльцо с Миллёра.

— Ужасно, — проговорил он. — Но ваша дочь поправится.

— Да, теперь она выздоравливает. Мы держим её там, где взгляд дурного глаза Мионэ не сможет навредить ей, — заметил Доменик Миллёра. — Но она так медленно выздоравливает.

— Но вы все же можете сказать мне, где на этой улице находится дом Мионэ?

— Вам не следует ходить туда. Я ведь предупредил вас о том, кто они такие, — пробормотал Миллёра — Их дом внизу у реки, в самом конце улицы...

А потом он замолчал, уставившись на улицу. Тишина неожиданно воцарилась во всем микрорайоне. Люди, которые раньше сидели на крыльце своего дома, неожиданно

замолчали и поспешно вошли в свои дома. Женщины чуть дальше по улице собирали детей, которые до того играли посреди улицы. Те, кто прогуливался по тротуару, поспешили по своим домам.

А все потому, что со стороны освещенной части улицы в сторону реки по улице брел одинокий человек — высокая, прямая, черная фигура, в мягкой черной шляпе и длинном черном пальто, несмотря на то, что погода была теплой. Незнакомец шел, опираясь на палку. Когда он подошел ближе, Миллёра увлек нас в переплетение теней. Вскоре незнакомец прошествовал мимо нас.

Он казался старым, хотя его лицо едва можно было различить во тьме. Кожа у него была морщинистой, а волосы на висках — седыми. Его глаза прятались в тени шляпы, но мы видели зловещую улыбку, которая играла на его лице. Он неторопливо прошествовал мимо нас, и когда он исчез на другом конце улицы, люди снова начали выходить из своих домов, снова расселись на ступенях, глядя вслед странному человеку, пока его фигура не растаяла в вечернем тумане, поднимавшемся с реки.

— Кто это был? — поинтересовался доктор Дейл, и Доменик Миллёра в чувствах потряс кулаком вслед исчезнувшей фигуре.

— Это и был тот самый злобный негодяй, о котором мы говорили! Да, это был сам Пётр Мионэ, глава этого проклятого семейства.

Глава 3

Миллёра вернулся в дом, а доктор Дейл вместе со мной отправился дальше по улице. В дальнем конце улицы было довольно темно, но мы отлично видели, что там много меньше домов. Чуть дальше тускло блестела река.

— Кажется, Мионэ тут хорошо знают.

Доктор Дейл пожал плечами.

— Как думаете, доктор Дейл, эта девушка действительно стала жертвой глаза? — поинтересовался я.

— У неё были все симптомы жертв сглаза, Оуэн, — ответил мой друг. — И, видимо, дом впереди — именно тот, который мы ищем.

Улица Карделл неожиданно ушла вниз, спускаясь к берегу реки, который был футов на тридцать ниже того места, где мы стояли. Вдоль берега протянулась каменная стена, и последний дом на улице был построен прямо на этой стене.

Этот дом, который, как мы знали, был обителью Петра Мионэ и его семьи. Он казался темной квадратной массой — бесформенным сооружением, чья входная дверь открывалась прямо на тротуар. В щели в жалюзи на окнах пробивались лучи желтого света. Два или три дома из тех, что стояли по соседству, были совершенно темными, что говорило лишь о том, что никто не желал жить рядом с домом Мионэ.

Доктор Дейл и я остановились в темноте неподалеку от дома. Теперь доктор Дейл извлек из кармана два предмета, один из которых передал мне. Я осмотрел его в тусклом свете с улицы. Доктор дал мне двухдюймовый серебряный диск, на котором было отчеканено странное изображение — человеческий глаз, вокруг которого располагались картинки, изображавшие семь меньших фигур: скорпион, собака, олень, стрела, змея, лев и сова. На обратной стороне диска была странная застёжка. Когда я взял этот странный амулет, я почувствовал, что от него исходит какая-то странная энергия, как будто он был заряжен чужеродной мне энергией.

— Прицепи этот амулет себе на лацкан, Оуэн, — распорядился доктор Дейл, прицепив себе точно такой же амулет. — Это самый сильный из амулетов, что могут противостоять злым силам сглаза.

Я прицепил этот амулет себе на пиджак и поинтересовался:

— И вы собираетесь прямо так заявиться к этим Мионе? Доктор Дейл кивнул.

— Мы должны выяснить в самом ли деле они обладают достаточно силой, чтобы навести этот ужасный сглаз. И уж только после этого мы начнем действовать.

Доктор Дейл и я направились к дверям дома Мионэ. А потом мой спутник осторожно постучал в неё. Не было никакого ответа. Доктор Дейл собирался снова постучать, когда

дверь резко распахнулось, и нас на мгновение ослепил яркий свет.

Когда же мы вновь частично обрели способность видеть, то увидели, что перед нами в дверном проеме стоит стройная девушка. Она была среднего роста и одета в простое синее платье. Волосы темным облаком обрамляли овальное лицо, которое в искусственном свете казалось оливковым, с аккуратными чертами и печально изогнутым ртом. Печаль была написана на её прекрасном лице. И во взгляде её, похоже, не было ничего необычного.

Глаза у неё были мягкого бархатистого черного цвета, хотя зрачки казались чересчур большими. В тот момент, когда я впервые встретился с ней взглядом, я как будто ощутил в их темных глубинах какое-то странное движение чего-то ещё более темного, сокрытого за радужной оболочкой глаза. И в то же мгновение я почувствовал, что буквально ошеломлен! Я был буквально потрясен! Казалось, в меня ударила молния, вот только вместо того, чтобы попасть прямоком в мои глаза, она отлета к лацкану пиджака, где был приколот странный амулет. Это странное ощущение длилось лишь мгновение. Потом странное чувство исчезло. Девушка с ужасом уставилась на меня и доктора Дейла, а потом на амулеты у нас на одежде.

— Чтоо вам надо? — довольно грубо поинтересовалась она. Голос у неё был низкий, вибрирующий.

— Вы мисс Роза Мионэ, не так ли? — спросил доктор Дейл, и девушка молча кивнула. — Мы знакомые Дональда Карлина, — продолжал Дейл. — Сейчас я его врач. Я — доктор Джон Дейл, а это мой помощник Оуэн. Я хотел бы посоветоваться с вами относительно болезни Дональда.

Подняв руку, девушка сжала свое горло.

— О Дональде? Но я ничего не могу сказать о его болезни... Я ничего об этом не знаю!

— Значит, вы даже не знаете... — удивился доктор Дейлд. — Почему же Дональд Карлин чувствовал себя хуже и хуже всякий раз, после того как бывал здесь и встречался взглядом с вами?

Прежде чем испуганная Роза Мионэ смогла ответить, кто-то воскликнул у неё за спиной.

— Что там разговор о взглядах Розы?

За спиной девушки стоял Пётр Мионе. Теперь он был без шляпы, и его лицо, обрамлённое серо-стальными волосами, напоминало древнюю маску какого-то злого бога. Он сначала взглянул на амулеты на наших лацканах, а потом быстро оглядел доктора Дейла и меня.

Взгляд Петра Мионэ напоминали глаза девушки, черные и необычно большие, переполненные темной силой. И когда я встретился с ним взглядом, я вновь ощутил потрясение от осознания смертоносных сил, обрушившихся на нас и отхлынувших назад, словно натолкнувшихся на невидимый щит.

Роза Мионэ повернулась и скрылась в доме, оставив Петра Мионэ в дверях разбираться с нами.

— Так какое вам дело до взглядов Розы? — повторил он. — И кто вы такие, чтобы вмешиваться в дела Дональда Карлина?

— Я — доктор Джон Дейл, и я приехал в этот город, потому что проживающий здесь Дональд Карлин заболел, из-за того, что ваша внучка сглазила его, — спокойно ответил доктор Дейл.

Пётр Мионэ холодно рассмеялся, с презрением рассматривая меня и доктора Дейла.

— Ещё один, кто думает, что у нас, бедных Мионэ, есть дар сглаза! — усмехнулся он. — Вы слишком много значения придаёте людским суевериям.

— Разве суеверие поразило дочь Доменика Миллэра? — как бы между делом поинтересовался доктор Дейл, и при этих словах лицо Петра Мионэ стало дьявольским. Его глаза, казалось, источали черное зло.

— Что ты знаешь о дочери Миллэра? — прорычал он.

И тут рядом с Петром в дверном проеме появился ещё один человек, не такой высокий, как Пётр Мионэ, среднего возраста. Его чувствительное лицо больше напоминало лицо девушки, чем Петра. Но его черные глаза были точно такими же, как и у остальных членов этого семейства. Если вглядеться в них, то чувствовалась странная сила — сила, от которой нас оберегали наши амулеты.

— Что происходит, отец? — поинтересовался он у Петра Мионэ. — Роза сказала, то эти люди спрашивали о юном Карлине.

— Молчи, Иосиф, — отрезал Пётр Мионэ. — Эти два дурака так похожи на тех, кто живет здесь.

Он вновь обратил на нас свой взгляд, и его темные глаза казались бесноватыми.

— Кто бы вы ни были, вы обвиняете нас в том, что мы обладаем даром сглаза, — прохрипел он. — На вашем месте я бы сел на поезд и постарался уехать отсюда подальше и больше не появлялся бы в этих краях. Сила сглаза может поразить вас, когда на вас не будет того, что вы надели сейчас.

— Я вас не боюсь, Пётр Мионэ, — обратился к нему доктор Дейл. — Ни твоего сглаза, ни твоего злого дома. Существуют силы более могущественные, чем силы Зла, которые питают вас своей силой. Если нужно, то и их можно использовать против вас!

Лицо Петра Мионэ скривилось, став столь ужасным, что на мгновение мне показалось, что он бросится на нас и попробует разорвать на куски голыми руками. И он вновь устремил на нас свой взгляд, словно хотел пробить щит, которым оградили нас наши амулеты. Потом он быстро оттолкнул Иосифа Мионэ и захлопнул дверь у нас перед носом.

Доктор Дейл повернулся ко мне. Он внимательно огляделся, когда мы отправились назад по темной улице.

— Я так боялся, Оуэн! — воскликнул мой друг. — Пётр Мионэ и его внучка и в самом деле обладают даром сглаза! Ты почувствовал удар, когда встретился с ним взглядом? Оуэн, если бы на нас не было этих амулетов, эти злые взгляды скосили бы нас на месте.

— Но, доктор Дейл, как нам бороться с... — спросил я своего учителя. — Сопротивление дурному взгляду не может его победить.

— Но его можно... — И тут доктор Дейл замолчал, словно пораженный важной мыслью.

Он внезапно остановился, схватил меня за руку и быстро потащил в темный переулок между пустыми домами в хитрое переплетение теней. Машина с ярко включенными фарами промчалась мимо нас по темной улице, потом взвизгнули тормоза, и машина затормозила.

Машина остановилась перед крыльцом Мионэ. Из машины выбралась темная фигура — мужчина, который сразу же

направился к крыльцу дома Мионэ и постучал в их входную дверь. Та немного приоткрылась, и в освещенном дверном проеме мы снова увидели эту девушку — Розу Мионэ. И когда свет упал на лицо позднего гостя, мы увидели, что это не кто иной, как молодой Дональд Карлин!

Роза Мионэ воскликнула, попыталась закрыть дверь, но Карлин не дал ей сделать это. Он, казалось, о чем-то умолял её, а девушка никак не могла принять необходимого решения. Она старалась не смотреть в лицо Дональда Карлина, а потом, когда он попытался зайти в дом, она сама вышла к нему, прикрыв за собой дверь.

— Доктор Дейл, это же молодой Карлин! — прошептал я на ухо моему другу. — Может быть, нам стоит поспешить и оттащить его от неё? Её глаз снова настигнет его...

— Нет, Оуэн, подождите! — пробормотал доктор Дейл. — Она не смотрит на него. Думаю, что в данный момент он в безопасности, хотя я совершенно не понимаю, в чем тут дело.

В темноте Роза Мионэ и Дональд Карлин вышли на улицу и отошли подальше от дома, так что со стороны все выглядело так, словно девушка старается, чтобы её кавалер держался подальше от её дома. Мне показалось, она и в самом деле старается не смотреть ему в лицо. Вскоре они остановились неподалеку от того места, где спрятались мы с доктором Дейлом. И теперь мы могли слышать, о чем они говорят.

Когда они остановились, Дональд Карлин взял девушку за руку.

— Роза, что с тобой? — с тревогой в голосе спросил молодой человек. — Ты так странно себя ведешь и совершенно не слушаешь меня!

— Я слушаю тебя, Дональд! — ответила ему девушка низким голосом. — Я слышала всё, что ты сказал.

— Но ты даже не смотришь на меня! — воскликнул он. — Неужели ты так сердисься на меня, что даже не разу ни пришла взглянуть на меня?

— Я же просила тебя больше не приходить, — отвечала ему Роза Мионэ. — Если бы я хотела, чтобы ты вошел в наш дом, я бы не пошла с тобой сюда.

— Но почему ты не хочешь меня видеть? — требовательно спросил Дональд Карлин. — Роза, я люблю тебя, и я верю,

что ты все еще любишь меня. Что же изменилось? Что пошло не так между нами? Я почувствовал, что нечто произошло за несколько дней до моей болезни... До тех пор мы встречались и были так счастливы. А потом ты неожиданно изменилась, не пожелала видеть меня и даже не объяснила, в чем дело. Что за таинственность, почему ты так странно ведешь себя?

— Я не могу рассказать тебе всего! — объявила Роза Мионэ, рыдая в голос. — Ты должен идти, Дональд. Больше ты не должен видаться со мной.

— Я не стану этого делать! — заявил Дональд Карлин. — Роза, скажи мне, это твой дед и отец возражали мне? Так?

— Нет... Все не так! — воскликнула девушка. — Я не могу сказать тебе, Дональд, но ты должен поступать так, как я говорю.

Даже тогда девушка не повернулась лицом к молодому Карлину. Она говорила механически и смотрела мимо него. Не поднимала взгляда на его лицо, переполненное мольбой.

— Делать, как ты говоришь? Никогда больше не видаться с тобой? — протянул Дональд Карлин. — Но тогда я, без сомнения, погибну! Но прежде я уничтожу то препятствие, которое разделяет нас!

— Ты не сможешь! — воскликнула девушка. — Ты ничего не сможешь с этим поделать, Дональд! Ты должен уйти, вернуться к себе домой... А я... я никогда больше не смогу посмотреть тебе в лицо!

Дональд Карлин с изумлением уставился на девушку. Роза Мионэ все ещё всхлипывала, не глядя на него.

— Пожалуйста, пойдем, Дональд, — попросила она. — Ступай. Прежде чем произойдет что-то страшное.

— И что же такого страшного может случиться? — запротестовал он. — Роза, ты так странно себя ведешь. Может быть, ты заболела? Ты даже ни разу не взглянула на меня. Посмотри мне в лицо и скажи все то же самое!

С этими словами Дональд Карлин развернул девушку, чтобы заставить её взглянуть ему в лицо, но она вырвалась на свободу и вновь отвернулась от него.

— Не надо, Дональд! — надрывный крик Розы Мионэ расколол тьму. — Ты не понимаешь, что делаешь!

— Но я хотел всего лишь, чтобы ты посмотрела на меня, — ошеломленно произнес Дональд Карлин, когда дверь дома Мионэ открылась и на пороге появилась фигура мужчины.

— Дональд, ты должен идти! Пожалуйста, уходи! — воскликнула Роза Мионэ, а потом она добавила скороговоркой: — Они слышали меня... Дед и отец!

— Но я не понимаю... — начал было молодой человек, но тут же осекся. — Хорошо, Роза, сейчас я уйду. Но я вернусь. Независимо от того, что ты или ещё кто-то станет мне говорить... я вернусь.

Он сел в автомобиль. Мотор взревел, и через мгновение машина укатила прочь по темной улице.

Как раз в это время человек, вышедший из дома, побежал к Розе Мионэ. Теперь мы увидели, что это её отец, Иосиф Мионэ.

— Роза, я слышал, как ты кричала, и вышел посмотреть, что тут происходит. С кем ты разговаривала? — Девушка не ответила, но когда её отец снова заговорил, в его голосе зазвучали новые, суровые нотки. — Значит, это и в самом деле был Дональд Карлин? Разве ты не обещала больше с ним не встречаться?

— Он пришел и настоял на том, чтобы поговорить со мной! — всхлипнула она. — Он бы и близко не подошел ни к тебе, ни к деду.

Она, рыдая, прижалась к Иосифу Монэ, и в тусклом ночном свете мы увидели его лицо, странное выражение которого нас сильно удивило. А потом он повел девушку к дому, и вскоре двери захлопнулись у них за спиной...

Доктор Дейл и я простояли какое-то время в полном недоумении. А потом совершенно неожиданно я обнаружил, что все ещё сильно напряжен из-за того, что мы слышали.

— Дейл, что все это значит? — спросил я, когда мы снова выбрались на главную улицу.

Лицо доктора Дейла казалось очень серьезным.

— Хотел бы я знать это, Оуэн, — проговорил он. — Без сомнения, Роза Мионэ обладает силой глаза, точно так же как её отец и дед, и это она обрушила на Дональда Карлина проклятие неделю назад. Однако сегодня ночью она, похоже, пыталась спасти его от своего смертоносного взгляда.

— И прибавь к этому, что Иосиф Мионэ сказал, что юный Карлин больше никогда её не увидит, — прибавил я. — Это все слишком таинственно для меня.

— Ну, а пока единственное, что мы можем сделать, так это прогуляться в ночи, — заметил доктор Дейл. — Тем не менее мы добились своего, убедились, что это Мионэ поразили проклятием юного Карлина... Теперь нам нужно вернуться в дом пострадавшего.

Мы зашагали по улицам, возвращаясь назад через весь Тауристон к дому Генри Карлина. Там мы обнаружили Дональда, который уже давно вернулся, и нам сообщили что отец молодого человека уже ждет нас... Генри Карлин молчал и слушал рассказ доктора Дейла, в то время как лицо его стало белым как мел.

— Выходит, эти Мионэ и в самом деле поразили Дональда проклятием сглаза, как я и подозревал, — произнес он, когда доктор Дейл закончил свой рассказ. — Так что же теперь нам делать?

— Самое главное, нужно сделать так, чтобы Дональд находился подальше от этого семейства, — ответил ему доктор Дейл. — Он спасся этим вечером, но лишь потому, что эта девушка, Роза Мионэ, тщательно избегала смотреть на него.

— Но как я смогу держать его вдали от Розы Мионэ, когда он все ещё любит её? — поинтересовался Генри Карлин. — Он выскользнул в ночь, ничего не сказав ни мне, ни миссис Гарсия. А если я расскажу Дональду всю правду об этой девушке, он решит, что я обманываю его лишь для того, чтобы он порвал с ней.

— Однако если они снова увидятся, если он встретится взглядом с кем-то из этой тройки, это может оказаться фатальным для него, — предупредил доктор Дейл. — Я думаю над тем, что тут можно сделать, но пока самое важное — держать Дональда подальше от семейства Мионэ.

Теперь бледное лицо Генри Карлина было исполнено решимостью.

— Выходит, мне ничего не останется, как следить за тем, чтобы Дональд не увиделся с ними снова, — проговорил он, и взгляд его был непреклонен и решителен. — Думаю, я знаю, каким образом можно это осуществить.

— Ладно, мы обсудим это завтра утром, — поднимаясь со своего места, объявил доктор Дейл. — А сейчас я и Оуэн отправимся спать...

Я и доктор Дейл проснулись после семи утра. Перед тем как спуститься, доктор Дейл заглянул в комнату Дональда Карлина. Молодой Карлин спокойно спал в своей постели. Не задерживаясь, мы отправились вниз по лестнице.

Домохозяйка, миссис Гарсия встретила нас в низком холле, и прежде чем мы заговорили, она крепко взяла за руку доктора Дейла. У неё был испуганный вид.

— Доктор, он ушел... Я имею в виду господина Карлина! Я не смогла остановить его! — сообщила она и заплакала.

— Ушел? Куда ушел господин Карлин? — поинтересовался доктор Дейл.

— В дом колдунов... он отправился к этим Мионэ! Он хочет сказать им, что уничтожит всех Мионэ, если они не оставят Дональда в покое.

Доктор Дейл повернулся ко мне. Он был бледным и сильно взволнованным.

— Оуэн, мы должны опередить его. Генри Карлин без всякой защиты отправился на знакомство с этой смертоносной троицей! Мы должны остановить его!

Глава 4

Мы прошли в гараж, и через несколько мгновений я уже быстро вел длинный автомобиль Дональда Карлина через Тауристон. Движение было не таким оживленным, как утром, и я, подчиняясь просьбе доктора Дейла, гнал машину на полной скорости. Вскоре, в первых лучах восходящего солнца, мы прибыли в западную часть города.

Я повернул машину на улицу Карделл, и мы промчались вниз по улице туда, где над освещенной солнцем рекой возвышался черный квадратный дом Мионэ. В этот момент к дверям дома подошел человек и застыл на ступенях. Это был Генри Карлин, а в дверях, которые только что открылись, маячил Пётр Мионэ.

Наш автомобиль все ещё катил по улице. Мы видели, что Генри Карлин что-то злобно говорил, а лицо Петра Мионэ кривилось от ярости. Я остановил машину, и мы бросились бегом к этой парочке. Но когда мы это сделали, Пётр Мионэ взглянул на Карлина, а потом, повернувшись, скрылся в доме, хлопнув дверью. А Генри Карлин вначале покачнулся, а потом рухнул на тротуар без сознания. К этому времени я и доктор Оуэн были уже рядом с ним.

— Оуэн, мы опоздали! — воскликнул доктор Дейл, когда мы склонились над старшим Карлином. — Пётр Мионэ сразил его!

Несколько людей уже бежало к ним по улице. Среди них был и Доменик Миллэра.

— Мионэ ещё кого-то прикончили! Проклятые колдуны!

Мы погрузили Генри Карлина в машину. Из дома Мионэ не доносилось ни звука, но возбуждение людей быстро росло. Я слышал среди них страстный голос Миллэра.

Я снова взялся за баранку. С огромной скоростью я устремился через весь город на автомобиле назад, к дому Карлина.

Дональд Карлин выбежал навстречу нам, за ним с перекошенным лицом следовала миссис Гарсия. Мы выгрузили из машины старшего Карлина.

— Что случилось с папой? — воскликнул молодой человек, когда мы перенесли господина Карлина в библиотеку.

— Колдуны! — воскликнула миссис Гарсия. — Они убили его, а теперь...

— Но он ещё не мертв! — огрызнулся доктор Дейл. — Помогите нам посадить его на кушетку... Вот так, чтобы он не заваливался.

Когда Генри Карлин усадили на кушетку, бледного и неподвижного, доктор Дейл отправил экономку за своим инвентарем. Однако он не обращал никакого внимания на вопросы Дональда Карлина, он, склонившись, хлопотал над его отцом.

Казалось, Генри Карлин пребывает в странном состоянии. Его пульс самым странным образом замедлился, дыхание едва вырывалось из его горла, как будто какая-то сила парализовала нервные центры его дыхательных путей. Зрачки его глаз сжались в синие точки, как у несчастной Джулии Миллэра.

Доктор Дейл быстро забрал свой саквояж у миссис Гарсия, как только она вернулась. Он выбрал флакон с прозрачной жидкостью и сделал Генри Карлину подкожную инъекцию. Потом он сломал две капсулы под самым носом больного, и Карлин едва заметно пошевелился, его затрудненное дыхание, казалось, стало ровнее. Сердце тоже забилося ритмичнее. Бессознательное состояние Карлина постепенно перешло в более-менее нормальный сон. Зрители отступили, и доктор Дейл поднялся от постели больного.

— Теперь он вне опасности, — проговорил он. — И, вероятно, будет спать всю оставшуюся часть дня, но для полного восстановления ему понадобится неделя.

— Но что с ним случилось? — вновь спросил Дональд Карлин. — У отца был какой-то приступ?

Дейл посмотрел на него и кивнул.

— Худший вид нападения, чем вы думаете. Но я скоро расскажу вам все об этом... я хочу, чтобы вы остались тут со своим отцом, а нам с Оуэном нужно поработать в другом месте.

Мы оставили Дональда Карлина наблюдать за его спящим отцом. Когда же мы сели в машину, лицо Дейла снова стало мрачным.

— Вернитесь на улицу Карделл, Оуэн, — приказал он мне. — Защитный амулет все ещё при вас? Нам снова нужно посетить семейство Мионэ.

— Доктор Дейл! — воскликнул я, повернул свою машину на запад. — Что вы собираетесь сделать?

— Нам нужно сделать то, что станет самым эффективным действием против Петра Мионэ! — объявил доктор Дейл.

Когда мы повернули на улицу Карделл, я неожиданно остановил машину. Вместе с доктором мы застыли, вглядываясь в то, что происходило в противоположном конце улицы.

Перед домом Мионэ собралась толпа сердитых мужчин и женщин. Они возбужденно переговаривались, а к ним постепенно присоединялись другие американцы и итальянцы жившие на этой улице.

Мы вылезли из машины и пешком направились дальше по улице. Теперь мы видели, что впереди всех стоял Доменик Милэра и выкрикивал что-то, указывая на дом Мионэ.

Но ему так никто и не отвечал. Двери и окна дома колдунов были плотно закрыты.

— И сколько ещё нам терпеть эту колдовскую семейку? Сколько ещё людей погубит этот колдовской род! — Миллёра выкрикивал это и плакал — Сколько людей ещё должно погибнуть, прежде чем мы вырвем ваши злые глаза?

— Убить колдунов! — поддержала его дюжина рассвирепевших горожан.

— Смерть негодяям!

— Да, убейте их, потому что Пётр Мионэ убил моего Феликса дурным глазом! — закричала женщина, лицо которой кривилось от ненависти. Это была вдова Сафетти, о которой упоминал Миллёра.

Толпа начала подступать к дому. Доменик Миллёра был в первом ряду, и лицо его кривилось от гнева.

— Смерть колдунам! — кричали они.

— Доктор Дейл, они сейчас устроят самосуд!

— Нет, лучше посмотрим издали, — сказал доктор Дейл, и мы остановились.

Шум резко оборвался. Крики толпы смолкли, как по волшебству. Дверь дома Мионэ открылась.

На пороге появился Пётр Мионэ. На нем была его мягкая черная шляпа и длинное пальто, палка в руке. Он оглядел толпу, и на его лице расплылась злоеющая ухмылка.

Вероятно, с минуту собравшиеся мужчины и женщины смотрели на Петра Мионэ, широко открыв рты, словно перед ними и в самом деле было воплощение древнего зла. А потом одна из женщин надрывно закричала:

— Колдун!

Она повернулась, готовая бежать.

И тут же, словно по мановению волшебной палочки, паника распространилась и на остальных. Они тоже отступили назад, чтобы избежать взгляда Петра Мионэ. Многие из собравшихся ненавидели Мионэ, но они разбежались, и остались лишь Доменик Миллёра и какая-то женщина.

Когда толпа растаяла, доктор Дейл потянул меня за угол ближайшего дома. В это время те, кто раньше толпился у дома колдуна, разбежались по домам. Пётр Мионэ спокойно стоял на пороге своего дома, ожидая, пока улица не очистится.

Потом, спокойно, словно только что разогнал не обезумевшую от ненависти толпу, а стадо баранов, которые случайно перегородили ему путь, Пётр Мионэ закрыл за собой дверь и не спеша отправился по улице. Он прошел мимо дома за углом которого прятались мы с доктором Дейлом, и направился дальше, а скоро и вовсе исчез из виду.

Улица опять стала пустой и безмолвной, когда доктор Дейл снова вынырнул из-за угла.

— Все, как я и ожидал, Оуэн, — сказал мне доктор Дейл. — Их страх перед сглазом сильнее, чем их ненависть.

— Так что, доктор Дейл, мы пойдем в дом колдунов? — спросил я. — Петра Мионэ там не будет.

— Я специально позволил ему пройти так, чтобы он нас не заметил, — пояснил доктор Дейл. — Хочу повидаться с Иосифом и Розой Мионэ, пока старейшего в семействе нет дома... У меня сложилось о них определенное мнение, которое я хочу или подтвердить, или опровергнуть.

Мы прошли по улице, а потом доктор Дейл постучал в дверь дома колдунов. Он вынужден был стучать несколько минут, прежде чем дверь открылась.

На пороге стоял Иосиф Мионэ. Казалось, он был чем-то очень сильно встревожен. И снова, как и при первой встрече, в нас ударила неведомая сила, когда он коснулся нас взглядом. Но силы, защищавшие нас, вновь отразили колдовское нападение.

— Я как раз хотел увидеться с вами и вашей дочерью! — начал доктор Дейл.

— Что вам надо? — чуть ли не простонал Джозеф Мионэ. — Сегодня у нас и так достаточно проблем.

— У меня есть вопросы и, именно поэтому я здесь, — довольно резко ответил доктор Дейл. — Думаю, будет много лучше, если мы поговорим внутри.

Джозеф Мионэ несколько секунд колебался, а потом открыл дверь пошире. Когда мы с доктором Дейлом вошли, он запер дверь за нами.

Мы с Дейлом оказались в уютной комнате с цветами, несколькими милыми репродукциями и старым пианино. Роза Мионэ тоже была в комнате. Она казалась даже бледнее, чем её отец. Я снова почувствовал удар чужеродных сил, когда

встретился с ней взглядом. Иосиф Мионэ положил ей руку на плечо и повернулся лицом к нам.

— Не собираюсь говорить попусту, — начал доктор Дейл. — Вы оба знаете, как у вас на крыльце сегодня рано утром сглазили Генри Карлина.

Джозеф Мионэ кивнул, нахмурившись.

— Мы видели... Мы были здесь, когда он пришел. Он угрозил моему отцу расправой, если молодой Карлин ещё раз придет сюда, а отец...

— Ваш отец наложил на него проклятие, посмотрев дурным глазом! — закончил за него доктор Дейл. — А все потому, что у твоего отца есть этот ужасный дар сглаза. Точно таким же даром обладаете вы с дочерью. Эта способность передается из поколения в поколение... Тем не менее я хочу спросить... — Тут доктор Дейл замялся, словно подбирая нужные слова. — Я должен задать вам несколько вопросов. И в первую очередь: не хотели бы вы и ваша дочь отказаться от дара злого глаза?

— Хотите получить ответ на этот вопрос? — в чувствах воскликнул Иосиф Мионэ. — Как вы думаете, я рад тому, что обладаю подобной силой? Или вы считаете, что нам нравится то, что мы не можем посмотреть на тех, кого любим, не подвергая их смертельной опасности? Мы никогда не хотели обладать этой ужасной силой сглаза, но отец мой заполучил этот дар сил Зла и передал его мне, а моя дочь родилась с ним. Но, даже если бы мы хотели, как мы могли бы избавиться от него?

— Думаю, это возможно, — заверил их доктор Дейл. — Представим, что можно было бы избавить вас от силы сглаза...

— Я бы отдала все на свете. лишь бы избавиться от него, — неожиданно выпалила Роза Меланеэ.

— Однако, боюсь, мы ничего не сможем сделать, — безнадёжно вздохнул Иосиф Мионэ. — Только мой отец, отменив свой договор с силами Зла, мог бы лишить нас дара дурного глаза всех, но он никогда этого не сделает.

— Не будьте в этом так уверены, — посоветовал доктор Дейл. — Но, прежде чем двигаться дальше, я хочу, чтобы вы рассказали мне, где и когда ваш отец обрел способность сглаза.

Иосиф Мионэ указал на стулья, и когда я и доктор Дейл сели, он тоже сел, а Роза встала у него за спиной.

— Мой отец, Пётр Мионэ, в молодости звался Пьером, — начал он. — Тогда он проживал в окрестностях Неаполя. В той части мира мало мужчин и женщин, которые обладали бы силой глаза, а если кто и имел этот дар, их очень боялись. Так что мой отец долго мечтал обладать подобным даром, чтобы стать могущественным и чтобы его боялись те, кто обычно насмехался над ним... Отыскав необходимые заклинания, Пьер Мионэ заключил договор с силами Зла, с тем чтобы его взгляд стал смертоносным. Из-за этого дара дурного глаза Пьер Мионэ вскоре стал известен всем как злой колдун. Его боялись и избегали все, так как тех, кто не нравился ему, он поражал проклятием глаза... Наконец, часть людей в этом районе набралась смелости, чтобы обрушиться на колдуна, и мой отец был бы убит, если бы в последний момент не сбежал в Америку. Здесь, ещё в Бостоне, он сменил имя на Петра Мионэ. Тут он встретил девушку итальянского происхождения, которая вышла за него замуж, не подозревая о его смертоносной силе. Однако сколько он ни пытался уберечь её, она все же была поражена его дурным глазом. Едва родив ему сына, она умерла... Это был я — Иосиф Мионэ. Я с рождения обладал той же силой, что и мой отец, Пётр Мионэ. Мой отец был удивлен, но не пришел в ужас от этого. К тому времени он уже заработал кучу денег. Но ему постоянно приходилось переезжать из города в город, так как рано или поздно те, кто о нем узнавал, понимали в чем тут дело и пытались его убить... Я вырос и прожил почти всю жизнь с отцом. Я никогда не подозревал о наличии дара глаза... В одном городе, где я ходил в школу, у меня был приятель, маленький мальчик по имени Антонио. Мы были близкими друзьями, и однажды, когда другие мальчики стали дразнить меня, кричать, что я злой сын злого отца, Антонио заступился за меня... А чуть позже он заболел и умер. Я и подумать не мог о том, что это именно я стал причиной его смерти... С тех пор сверстники избегали меня. А когда я стал старше, то постоянно слышал за спиной перешептывание о том, что я злой сын злого отца. Я думал, что все эти разговоры про моего отца были клеветой. Однако

из раза в раз повторялось одно и то же... Наконец я узнал правду... Мы переехали в Провиденс, и там я встретил девушку, красивую... нет, я бы даже сказал прекрасную... Мне было двадцать. Я стал за ней ухаживать, а потом убежал из дома. Мы поженились, а мой отец рассмеялся, как будто все это было одной большой шуткой. Моя невеста сказала, что не любит его. Вскоре она заболела. Её слабость росла. И когда родилась моя дочь Роза, она умерла... Умирая, она прошептала, что этой мой дурной глаз и дурной глаз моего отца убили её!.. Я был ошеломлен. Я помнил, что моего отца всегда попрекали злым глазом. Отец, ладно, но я... В тот день я долго крутился перед зеркалом. Я пытался заглянуть в глубину собственных глаз, но не нашел в своем взгляде ничего особенного. Но обладал ли я и в самом деле даром сглаза?.. А потом я вспомнил маленького Антонио. Я вспомнил, как он заступился за меня и все же умер, вспомнил и других, кто был ласков и добр со мной и тоже умер. Выходит, моя жена умерла, потому что я сам же убил её. Я убил ту, кого любил больше всего на свете! Да, к тому же я хорошо помнил, как мой отец смеялся, когда я женился! Я побежал к отцу и задал ему прямой вопрос, и он ответил: «Да!..» Он подтвердил, что у него дурной глаз, и у меня, и у моей дочери точно такой же. Этот дар, по его словам, великое оружие, он дает огромную силу... Так говорил он, хвастая передо мной. Никто не осмелится обидеть колдуна, зная, что в ответ ему ударит смертоносный взгляд. А потом он ещё заявил, что очень рад, что обладает таким взглядом. Но я тогда не слышал его, я схватил отца за горло, чтобы убить. Однако он напомнил мне, что если я убью его, то проклятие дурного глаза никогда не будет снято ни с меня, ни с моей дочери. Только тот, кто принял этот дар, может вернуть его, расторгнув договор со Злом. Тогда я, стоя на коленях, умолял его расторгнуть этот договор, но он отказался. Но теперь я знаю, что подобно отцу, нес людям лишь смерть. Иосиф Мионэ оказался ужасно злобным! Вы хоть понимаете, что означает обладать даром сглаза? Знаете ли вы, что означает выходить на улицы и стараться избегать всех, в то время как все избегают вас, опасаясь вашего смертоносного взгляда? Что такое бояться встретиться взглядом с любым человеком, чтобы не убить

его, и наблюдать, как ваши близкие умирают от вашей любви, а вы сами не в состоянии спасти их? А каково общаться только со злобным созданием, власть которого много больше вашей?.. Такова наша жизнь. Мой отец наслаждается своим даром глаза, и я ненавижу его. Я же вынужден был жить с ним, переезжая из города в город. Я боялся встретиться взглядом с любым человеком, чтобы не убить того. Но я оставался с отцом в надежде, что он смягчится и отменит свой договор, и тогда темная сила оставит меня и мою маленькую дочь Розу... Кстати, с самого рождения Розы я видел у неё в глазах отсветы тех же злых сил, что были дарованы моему отцу и мне. При рождении эта сила досталась ей так же, как и мне! Я проклял судьбу за это. Я сам заботился о Розе, пока она росла, все её детство и юность, и ничего не рассказывал о власти черных сил, во власти которых мы оказались... Я не разрешал Розе ходить в школу, но она сама училась. Я не разрешал ей играть с другими детьми, хотя мало кто решился бы поиграть с ребенком колдуна. Я был уверен, что рано или поздно Роза должна узнать об ужасном даре глаза, хотя бы для того, чтобы избежать новых жертв. Мой отец цинично наблюдал за всеми моими усилиями, словно развлекаясь, не обращая внимания на мои постоянные просьбы пойти мне навстречу и отказаться от странного дара... Итак, Роза выросла, ничего не зная. Иногда она слышала, как нас называли колдунами, но я скрывал от неё правду. Наконец мы переехали сюда, в Тауристон. В Миллпорте стало слишком опасно для нас, так как отец поразил проклятием несколько молодых людей. И вот то, из-за чего я так опасался за Розу, произошло... Роза случайно встретила молодого Дональда Карлина. Он влюбился в неё, а она в него. Несколько дней он приходил к ней, и я видел, как уменьшается его жизненная сила. Что мне делать? Если бы я не сказал Розе, она бы прошла через это и увидела, как её любимый умирает у неё на руках. А потом у неё могли родиться дети с таким же даром глаза! По крайней мере, я сделал все, что мог, чтобы они расстались. Тогда я понял, что придется ей все рассказать, что я и сделал. Роза пришла в ужас, выслушав меня, узнав какое проклятие дед принес в наш дом. Потом она, как и я, умоляла его отменить договор, но он заставил её замолчать, как и меня. Роза была

ошеломлена... Но теперь она поняла, что должна отказаться от встреч с этим молодым человеком, Дональдом Карлином. Она велела ему не возвращаться. Она не могла объяснить ему ужасную правду. Он настаивал день или два, а потом пал жертвой её слеза. Несколько недель он провалялся больным, и Роза не посмела навестить его, потому что вышло бы только хуже. Но, оправившись, молодой человек снова пришел... Ему удалось увидеть Розу лишь на несколько мгновений. Но этого оказалось достаточно, чтобы он снова «заболел»... А вчера вечером Дональд Карлин пришел опять. И Роза вышла к нему, постаралась сделать все, что возможно, чтобы он не зашел в дом и не встретился взглядом со мной или моим отцом. Когда этим утром явился отец Дональда, Генри Карлин... Впрочем, вы это знаете... Мой отец, Пётр Мионэ, наложил на него проклятие в тот самый миг, когда взгляды их встретились... А молодой Дональд Карлин не должен возвращаться, потому что если его ещё раз взглянут, то он, без сомнения, умрет...

Глава 5

Голос Иосифа Мионэ стих. Лицо у него было белым как мел, руки дрожали. Роза положила ладонь ему на плечо, и он подтащил её к себе. Тем не менее голос доктора Дейла зазвучал уверенно, когда он заговорил.

— Я почти сразу понял, что вы двое, как многие другие невинные люди, страдаете от силы злого глаза не желая того.

— Так и есть... Нам нельзя общаться с обычными людьми, — тяжело вздохнул Мионэ. — Это наш рок.

— Но все можно изменить! — объявил доктор Дейл. — Если ваш отец отменит свой договор с силами Зла, вы лишитесь способности глаза.

Вновь наступила долгая пауза. и в этот раз первой заговорила Роза Мионэ:

— Он никогда этого не сделает, — объявила она. — Я умоляла его, но он сказал, что все останется как есть, пока он не умрет.

— И после того как он умрет, проклятие никто не отменит, — добавил её отец. — Вот почему мы, Мионэ, стараемся не выходить из дому. Боюсь, что когда-нибудь через много лет наша жизнь так и закончится в этих стенах.

Доктор Дейл аж зыркнул на него.

— Нет! Пётр Мионе должен отменить этот договор! Даже если он откажется, есть способы, с помощью которых можно это сделать.

— И какие же? — поинтересовался Иосиф Мионэ. — Мой отец умрет под пыткой, но не станет отменять этот договор. Он никогда не откажется от этого дара.

— Я не имею в виду физические способы, — проговорил Дейл. — Вы знаете, что сила дурного глаза происходит от Злых сил, которых преднамеренно пригласили в тело человека, — тут его слушатели молча закивали. — Но во Вселенной существуют и Добрые силы, которые противостоят Злым силам, — продолжал доктор Дейл. — Они такие же могущественные, как и Злые силы. Их тоже можно вызвать, а потом направить их силу должным образом, так как делаем мы с Оуэном. Мы ведь успешно защищаемся от ваших взглядов... Так вот, я хочу использовать эти Добрые силы, чтобы победить Злые, которым служит ваш отец и дед, отменить его договор с этими силами даже против воли заключившего договор. Это вроде того, как гипнотизер заставляет человека что-то делать против собственной воли.

— Вы хотите сказать, что вызовете Добрые силы, и они убедят нашего отца отменить договор? — поинтересовался Иосиф Мионэ.

Доктор Дейл кивнул.

— Да, я, пожалуй, смог бы заставить его отказаться от этого проклятия.

— Но как вы это сделаете конкретно? Как поступите?

— Ну, для начала нужно обездвижить вашего отца, — начал доктор Дейл. — Мы должны иметь гарантию того, что он никуда от нас не денется, чтобы он не мог сопротивляться нам физически. Тогда, усилив свой взгляд с помощью Добрых сил, я бы вступил в поединок с вашим отцом и постарался заставить его расторгнуть договор с силами Зла. В этом случае мы будем иметь гарантию того, что он не пострадает физически, но и он, и вы лишитесь дара дурного глаза.

Иосиф Мионэ внимательно слушал доктора.

— Если бы нам это удалось! — воскликнул он. — Но если мы потерпим неудачу...

— Отец, это ведь и в самом деле шанс избавиться от этого ужасного дара! — воскликнула Роза Мионэ. — И не важно, насколько велик риск. Мы должны попробовать!

— Помните, Пётр Мионэ — старик, — заметил доктор Дейл. — Он может умереть в любое время по вполне естественным причинам, и тогда всякая надежда на то, что договор с силами Зла когда-нибудь будет расторгнут окончательно исчезнет.

— Вы правы. Но мы рискнем! — заявил Иосиф Мионэ. — Осталось решить, как и когда это сделать...

— Чем раньше, тем лучше, — тут же быстро заметил доктор Дейл. — Ваш отец отправится прогуляться сегодня вечером?

— Да. Каждое утро и каждый вечер он на несколько часов выходит из дома.

— Тогда Оуэн и я приедем сюда сегодня вечером, прежде чем он вернется. А потом мы все вместе подождем его возвращения. — Доктор встал, а следом ним и Иосиф Мионэ. — Сейчас мы уедем, так как нам надо подготовиться. Ждите нас вечером, часов в восемь. — Он взял девушку за руку. — Не думайте, что будет легко совладать с вашим отцом. Это будет борьба... но оно и к лучшему...

— Я знаю, — ответила Роза. — Мы будем вас ждать.

Мы оставили дом Мионэ и прогулялись до нашей машины. Я видел, что соседи колдуна наблюдают за нами из окон своих домов.

Когда мы проходили мимо дома Доменика Миллёра, мы увидели его в дверях, но, прежде чем мы собрались заговорить, он быстро сделал знак против дурного глаза, а затем закрыл дверь.

— Эти люди думают, что мы друзья Мионэ, — пояснил доктор Дейл. — Но, если сегодня все пройдет хорошо, им больше нечего будет бояться.

— А если все пойдет плохо? — спросил я. — Доктор Дейл, что произойдет, если Пётр Мионэ окажется много сильнее, чем мы предполагаем?

— В таком случае, я паду жертвой, сраженный ударом его глаза, — медленно протянул доктор Дэйл. — Но думаю, что смогу вызвать силы, с которыми он справиться не сумеет.

— Теперь я всё расскажу Дональду Карлину, — добавил он, когда мы поехали обратно через город. — Он имеет право знать.

Когда мы добрались до дома Карлина, то обнаружили, что Генри Карлин все ещё спит, но теперь он уже не был в полукوماتозном состоянии, как в самом начале. Дональд Карлин внимательно наблюдал за ним и с тревогой встретил нас, когда мы вошли.

— Я хочу знать, что случилось с отцом, — проговорил он, обращаясь к доктору Дейлу. — Кажется, у него был приступ той же болезни, что и у меня.

— На него напали, точно так же, как на вас, — серьезно сказал Дейл, а потом он рассказал Дональду Карлину всю правду о Петре Мионэ, его семье и даре глаза, которым они обладали.

Дональд был сильно изумлен.

— И вы утверждаете, что это Роза глазила меня? Это невероятно!

— Так и есть, — подтвердил доктор Дейл. — Хотя Роза и её отец невиновны, их взгляд может убить. И до тех пор, пока её дед не отменит свой договор с силами Зла, так и будет.

— И поэтому она не хотела меня видеть! — воскликнул Дональд Карлин. — Если бы я знал об этом, господин Дейл! Сегодня, когда вы пойдете туда, я отправляюсь с вами. Я должен быть там, с Розой!

— Ты не можешь! — воскликнул я. — Встретить взгляд Розы и её отца, и бабушки... и никакой символ, вроде тех, что мы носим, не сможет защитить, поскольку вы уже жертва их глаза.

— Однако, Оуэн, есть способ взять с собой Дональда, — протянул доктор Дейл. — Если мы завяжем ему глаза повязкой, подложив в неё слой свинцовой фольги, непроницаемой для сверхъестественных сил. Тогда Дональд не сможет встретиться взглядом ни с кем из Мионэ...

— Пусть так и будет, — согласился Дональд Карлин. — Но ведь, если вам всё удастся, мне уже не нужно будет бояться взглядов Розы.

— Если мы добьемся успеха, да, — заверил его доктор Дейл. — А если нет, то нам всем лучше об этом не думать...

День выдался хлопотным. Убедившись, что спящий Генри Карлин медленно приходит в себя, и дав миссис Гарсиа указания относительно ухода за ним, доктор Дейл начал готовиться к предстоящему вечернему поединку.

Он извлек из своего саквояжа ряд необычных предметов, которые мы привезли с собой. Он выбрал два любопытных серебряных символа, которые были похожи на те, что были на значках, что мы носили на лацканах. На каждом из символов был выгравирован такой же глаз и семь меньших символов, но они были большими, пять дюймов в поперечнике, а вокруг семи маленьких символов шёл четырехстрочный узор кружков и полумесяцев.

Оба символа имели серебряные петли, с помощью которых их можно было одеть на запястья, как браслеты. Доктор Дейл показал, что их можно носить как на левом, так и на правом запястье. По заверениям доктора, они давали своему владельцу ощутимые силы. Именно с помощью этих силон и собирался победить Петра Мионэ...

И еще доктор Дейл приготовил тканевую повязку, в которую вложил свинцовую фольгу — эта повязка предназначалась для Дональда Карлина.

Настал вечер, а Генри Карлин все ещё спал. Доктор Дейл и молодой Карлин пообедали молча.

Когда мы вышли из дому было почти восемь, и уже стемнело. Дональд Карлин сам сел за руль и прокатил нас через Тауристон, остановившись в квартале от улицы Карделл, точно по распоряжению доктора Дейла. Потом в очередной раз мы прогулялись по темной улице до дома Мионэ. Перед тем как постучать, доктор Дейл одел на глаза Дональда Карделла повязку со свинцовой фольгой. Потом он тихо постучал в дверь, и Иосиф Мионэ тут же ему открыл. В тот же миг я ощутил толчок в значок с серебряными символами, который я, как и доктор Дейл, носил на лацкане. Дональд Карлин был с завязанными глазами — он ничего не видел.

— Ваш отец ещё не вернулся? — спросил доктор Дейл.

— Ещё нет, — проговорил, смертельно побледнев, Иосиф Мионэ. — Но он скоро вернется.

Он открыл дверь, и мы вошли внутрь. При этом Дональд Карлин держал меня за руку. Роза Мионэ была в комнате. Она ждала там, и когда повернулась, меня поразил ещё один удар ощутимой силы. А потом она воскликнула, увидев молодого Карлина с завязанными глазами.

— Дональд!

— Все в порядке, — обратился к ней Дейл. — Слепота его защитит.

Дональд Карлин подбежал к девушке, прижал её к себе.

— Роза, — протянул он низким голосом. — Сегодня мне все рассказали... Все, через что ты прошла...

Мы замолчали. Нарушил молчание Иосиф Мионэ:

— Вы собираетесь скрыться, пока отец не вернулся?

— Да, — кивнул доктор Дейл. Он осмотрел комнату, а потом указал на дверные занавеси из темной ткани, отделяющие её от задних комнат. — Оуэн и я спрячемся там, пока не придет Пётр Мионэ. Дональд, тебе с Розой тоже лучше пока спрятаться.

Роза Мионэ заколебалась. Дональд держал её за руку.

— Вы не собираетесь ранить деда? — поинтересовалась она у Дейла.

Доктор Дейл тяжело покачал головой.

— Нет, — он показал ей большие диски на запястье с серебряными символами. — С помощью символов на этих браслетах я попытаюсь заставить твоего деда отозвать его договор сглаза, но это будет настоящим испытанием.

Она вернулась в заднюю часть дома с Дональдом Карлином. Я слышал их приглушенные голоса.

— И что мне теперь нужно сделать? — спросил Иосиф Мионэ. Он весь дрожал.

— Подождите здесь, в комнате, — распорядился доктор Дейл. — Попытайтесь сделать так, чтобы ваш отец повернулся спиной к этим занавескам. Оуэн и я сделаем все остальное.

Иосиф Мионэ кивнул, а потом доктор Дейл и я заняли наши места за дверными занавесками, невидимые для всех, кто вошел бы в дом. Мы приготовили короткие веревки, которые привезли с собой.

Мы ждали в тишине. Это было напряженное ожидание, которое показалось мне очень долгим. Минуты шли, а Пётр

Мионэ все не возвращался. В комнате Иосиф Мионэ становился все более нервным. Он беспокойно дергался. Из задних комнат, где находились Роза и Дональд Карлин, не доносилось ни звука.

Затем, наконец, снаружи раздались уверенные шаги! Я знал, что это идет Пётр Мионэ. Он остановился, и дверь открылась. Взглянув на доктора Дейла, я уставился в щель между занавесками, которые нас скрывали, и увидел, как Пётр Мионэ зашел и закрыл дверь. А потом он засмеялся! Он никогда ещё не казался мне таким злым, потому что теперь его лицо напоминало маску — демоническую маску. Его ужасные глаза казались чуть выпученными, и Зло буквально роилось в них. Нечестивое ликование было в каждой линии его лица.

— Думаю, что теперь пройдет очень много времени, прежде чем этот дурак Миллэра попробует снова поднять против меня толпу, — объявил он. — Очень много времени!

— Что ты имеешь в виду, говоря о Миллэра? — поинтересовался Иосиф Мионэ.

Пётр Мионэ скинул пальто и шляпу, прошелся по комнате в нескольких футах от занавесок, за которыми выжидали мы с доктором Дейлом.

— Я хочу сказать, что Миллэра теперь знает, что значит выступать против меня! — заметил Пётр Мионэ, все ещё злорадуясь.

И тут доктор Дейл и я набросился на него. Он дико выругался, но, прежде чем он смог что-то сделать, мы уже опутали его веревками и усадили на стул, а потом крепко привязали.

После этого в комнату быстро вошли Роза Мионэ и Дональд Карлин. Девушка была очень бледной. Пётр Мионэ посмотрел на неё, потом на её спутника с завязанными глазами, на дрожащего Иосифа Мионэ и только потом на доктора Дейла и меня. Его взгляд был ужасным. Он пытался сразить нас силой, хотя физически не сопротивлялся.

— Значит, ты собираешься заманить в ловушку своего отца, Иосиф? — прошипел он — Ты и этот доктор Дейл!

— Это более, чем ловушка, Пётр Мионэ, — сказал ему доктор Дейл. — Сегодня наступит последняя ночь твоего сглаза!

— Что ты имеешь в виду? — взвился Мионэ. Его ярость была просто дьявольской.

— Я имею в виду, что сегодня ты собираешься отменить свой договор, который придал тебе эту силу, и освободить себя, сына и внучку!

Страшно рассмеявшись, Пётр Мионэ прохрипел:

— Ты дурак! Ты думаешь, что сможешь заставить меня это сделать? Я посланец смерти, а вы пытаетесь меня победить.

— Но сегодня вечером так и будет, — ответил доктор Дейл, при этом голос его звучал уверенно. Он повернулся к нам. — Оуэн, проследи, чтобы нас никто не побеспокоил. Это очень важно.

Потом доктор Дейл поставил стул, чтобы сесть напротив колдуна, глядя в лицо Мионэ.

Доктор Дейл протянул обе руки, сделав серию быстрых жестов, двигаясь слишком быстро, чтобы можно было проследить их взглядом. Пётр Мионэ зарычал в знак протеста, но когда увидел символы на браслетах доктора Дейла изменился в лице. Доктор Дейл положил руки на колени, символами на запястьях вверх, и потом пристально посмотрел в глаза Петру Мионэ.

Так начался этот страшный поединок. Это была тихая, смертоносная борьба взглядов доктора Дейла и Петра Мионэ. Казалось, их глаза были всего лишь каналами, по которым текли силы, которые были намного сильнее, чем любой из двух людей, которые схлестнулись в сверхъестественном смертоносном поединке.

Безмолвно мы наблюдали за этой борьбой. В какой-то момент Иосифа Мионэ затрясло, Роза уткнулась лицом в плечо Дональда Карлина, который стоял рядом с ней с завязанными глазами. Я почувствовал, как мое сердце забилося быстрее, а комната, казалось, пульсировала от переполнявших её странных сил. Мне показалось, что черные глаза Петра Мионэ стали огромными, словно неведомые силы Зла переполнили их сосуд, в то время как глаза доктора Дейла горели ярким рыжеватым светом.

А потом доктор Дейл произнес низким, совершенно спокойным голосом:

— Отмените свой контракт! — приказал он, стараясь по-прежнему смотреть в глаза колдуну.

Питер Мионэ в ответ только фыркнул. Теперь его лицо и руки побелели, да и доктор Дейл казался неестественно бледным.

— Отмените! — повторил доктор Дейл. И Мионэ опять не ответил.

Эти двое, столкнувшись в смертельной борьбе взглядов, и как казалось, забыли о времени. Веки черных глаз Петра Мионэ подрагивали. Силы, сокрытые в пылающем взгляде доктора Дейла, казалось, побеждали.

— Он побеждает! — хрипло прошептал Иосиф Мионэ. — Похоже, победа за доктором Дейлом.

— Отмените!.. — так же монотонно продолжал доктор Дейл.

— Послушайте! — обратился ко мне Иосиф Мионэ, и взгляд его был испуганным.

С улицы донесся пугающий рев, который становился все громче и громче. Мы осторожно подошли к двери и выглянули наружу. По улице в сторону дома колдунов двигалась толпа человек в двести-триста. Во главе вышагивал Доменик Миллэра. У многих в толпе были факелы.

— Отмените!.. — вновь прозвучал голос доктора Дейла. Он и Пётр Мионэ сидели совершенно неподвижно.

— Смерть колдуну! — раздались крики приближающейся толпы.

— Они пришли сюда, чтобы убить вас и вашего отца! — воскликнул я, обращаясь к Иосифу Мионэ.

— Отмените!..

Я оттолкнул сына колдуна себе за спину, когда толпа дошла до дома Мионэ и остановилась перед крыльцом. Только теперь я увидел, что Доменик Миллэра держит на руках свою дочь Джулию. Девочка неподвижно замерла у него на руках, а лицо Миллэра было перекошено от ненависти.

— Миллэра! — обратился я к предводителю толпы. — Что вы тут делаете?

— Мы пришли, чтобы прикончить этого колдуна Петра Мионэ! — ответил мужчина, который выглядел точно сумасшедший. — Я хочу убить Петра Мионэ, точно так же как он этой ночью убил мою дочь!

У меня сердце ёкнуло.

— Убил вашу дочь? Что вы имеете в виду?

Он поднял девушку, и теперь я увидел, что её лицо застыло словно восковая маска.

— Это его рук дело! — воскликнул Миллэра. — Петр Мионэ ещё больше разозлился на меня за то, что сегодня утром к его дому пришла толпа. И сегодня вечером он отомстил, выместив свою злобу на моей Джулии. Да, он поднялся на крыльцо моего дома, когда никто не видел, и ещё раз взглянул на неё. И она, уже ослабленная дурным глазом, умерла, но успела прошептать, что он сделал. Так что мы пришли, чтобы убить Петра Мионэ из-за сглаза, прежде чем ещё кто-то ещё умрет!

— Смерть колдунам! — взревела толпа у него за спиной, надвигаясь.

— Меллэра, ради бога, остановите их! — воскликнул я, но даже сам не услышал свой голос в реве толпы. Люди бросились вперед, в дверь дома полетели камни. Я отскочил назад, хлопнул дверью и запер её.

Толпа снаружи принялась колотить в дверь. Я развернулся и увидел белого как мел Иосифа Мионэ. В центре комнаты, не обращая внимания на происходящее вокруг, доктор Дейл и Пётр Мионэ все ещё продолжали свою дуэль.

— Идите и закройте все двери, придвиньте мебель к окнам! — закричал я Иосифу Мионэ. — Дональд, помогите ему... Если они ворвутся туда, до того как доктор Дейл победит, — все потеряно!

— Отмените!..

Все внимание доктора Дейла было приковано к Петру Мионэ, а голос его звучал теперь много громче, и в нем чувствовалась сила.

Иосиф Мионэ бросился запирать двери и окна в задней части дома. Дональд Карлин, все ещё с завязанными глазами, и Роза Мионэ стали помогать ему. Я тоже принялся баррикадировать двери и окна. Вскоре зазвенели разбитые стекла — в дом полетели камни.

— Смерть колдуну Петру Мионэ! — прокричал кто-то из толпы.

Доктор Дейл и Пётр Мионэ все ещё боролись взглядами в центре комнаты. Взгляд доктора Дейла был таким же ужас-

ным, как и у старшего Мионэ. Комната буквально вибрировала от переполнявших её сверхъестественных сил.

— Отмените! — в очередной раз прозвучал голос доктора Дейла.

— Убейте этого злобного убийцу Петра Мионэ, точно так как он убил моего сына, — закричала какая-то женщина.

— Смерть колдуну! — безумно завопил Миллэра.

Дверь раскололась под ударами, и теперь толпа молотила по тяжелому шкафу, которым я её подпер. Я прижался к шкафу.

— Карлин, они вот-вот тут прорвутся! — закричал я. Дональд Карлин, все ещё с завязанными глазами, подошел из задней части дома, где выжидал вместе с Иосифом Мионэ и Розой.

— Мы не можем дольше их удерживать! — закричал Дональд, когда он и Иосиф Мионэ навалились на шкаф.

— Мы должны! — воскликнул я. — Доктор Дейл побеждает, но если они убьют Петра Мионэ, все шансы снять проклятие сглаза исчезнут!

Дверь и шкаф рухнули внутрь дома одновременно, несмотря на все наши усилия их удержать. Толпа торжествующе взревела...

Доктор Дейл и Петр Мионэ одновременно вскочили со стульев. Морщинистое лицо Мионэ стало поистине ужасно. Он все ещё не мог отвести взгляд от глаз доктора Дейла. Но теперь, казалось, он задыхается.

Толпа пробилась! Теперь они толкались у двери. Безумные крики Миллэра подстегивали их, а их собственные крики резали мои уши. Роза Мионэ закричала и только потом осознала, что всего лишь повторяет слова доктора Дейла.

— Отмените!

Взбешенная толпа бушевала. Доменик Миллэра встал передо мной с неподвижным телом дочери на руках. И потом они неожиданно застыли, увидев Петра Мионэ, который неизвестным способом освободившись от пут, стоял, раскачиваясь посреди комнаты. Лицо его ужасно кривилось, он хватал ртом воздух, словно задыхался, а взгляд его по-прежнему был прикован к доктору Дейлу.

— Я отменяю! — не выдержав, закричал Пётр Мионэ, а потом безвольно рухнул на пол.

Миллёра и его спутники, окаменев, смотрели на колдуна.

Доктор Дейл, покачнувшись, наклонился над Петром Мионэ, в глазах которого больше не было той самой почти осязаемой злой силы! Его глаза стали чистыми, нормальными. Не веря в реальность случившегося, Мионэ -младший переглянулся с дочерью. Потом доктор Дейл повернулся к Доменику Миллёра и тем, кто стоял рядом с ним.

— Пётр Мионэ мертв, и вы слышали, как перед смертью он отменил свой договор со Злом, отказался от своей силы сглаза, — объявил он им. — Так что дар злого глаза оставил и его сына, и его внучку.

Миллёра кивнул, словно пребывал в грезх.

— Все так, — пробормотал он. А потом его взгляд опустился на безвольное тело у него в руках, и из горло его вырвался надрывный крик: — Моя Джулия!

Он покачнулся, и люди, столпившиеся у него за спиной, отступили.

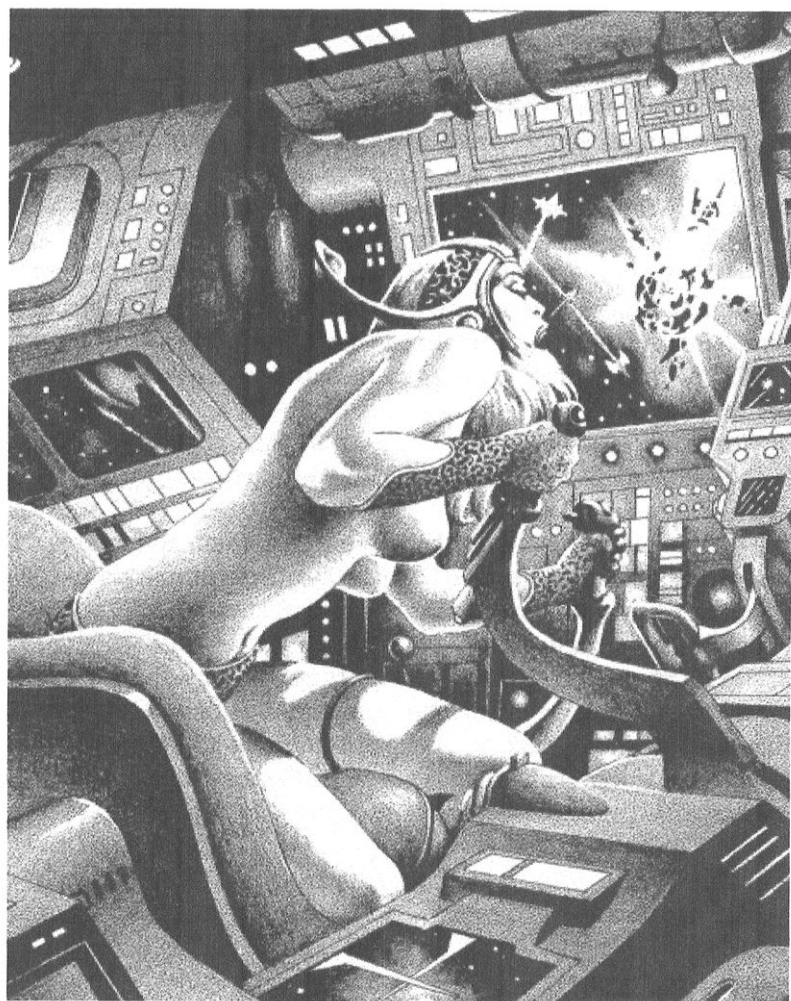
Доктор Дейл обернулся. Дональд Карлин сорвал повязку с глаз и встретился взглядом с Розой Мионэ.

— Роза, — запнулся он. — Моя Роза...

— Дональд, проклятие пало... Теперь ты можешь смотреть на меня сколько пожелаешь! — воскликнула она, а потом заплакала. Дональд обнял её. Иосиф Мионэ все ещё стоял в стороне потрясенный.

— Да, проклятие пало... — протянул доктор Дейл. — Дар дурного глаза, которым Петр Мионэ наградил себя и своих близких, пропал. Надеюсь, на этом род Мионэ не прервется, но ни один из этого рода больше не будет обладать даром сглаза...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мародёры Вселенной <i>(роман)</i>	5
Узник Марса <i>(роман)</i>	175
Обратная сторона Луны <i>(роман)</i>	337
Летающие города <i>(роман)</i>	457
Захватчик из бездны времени <i>(роман)</i>	551
Озеро Жизни <i>(роман)</i>	665
Колдовской род <i>(повесть)</i>	779

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

По всем вопросам книг «СЕВЕРО-ЗАПАДА»
обращайтесь на почту
marina.che.sz@mail.ru

По всем вопросам книг «ТОЙ (СЕВЕРО-ЗАПАД)»
обращайтесь на почту
igoratarin@gmail.com

Часть книг печатается в ознакомительных целях
по просьбе переводчиков
(тираж не превышает 10 экземпляров)

Подробно с содержанием каждого тома можно ознакомиться в
электронном каталоге.
Перед сдачей в печать
издательство имеет право внести частичные изменения
в состав тома

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА

НАПЕЧАТАНО:

Э.Гамильтон «Дверь в иной мир» (*Нет на складе*)

Э.Гамильтон «Космический наемник»

Р.Вильямс «Пропавший Линкор»

А.Спрэг де Камп «Безумный мир» (*Нет на складе*)

Дж.Кэмпбелл «Из мрака ночи» (*Нет на складе*)

Сборник «Метеор Бафомета»

Сборник «Зоны нейтрализации»

Сборник «Искра жизни»

М.Лейнстер «Забытая планета»

Г.Бир «Концерт бесконечности»

Дж. Виндж «Королева лета»

Э.Гамильтон «Пленник Марса»

К.Балмер «Гончие Антареса»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ:

К.Смит «Продавец планет»

Дж.Уильямсон «Камень с зеленой звезды»

К.Балмер «Звезды Скорпиона»

К.Балмер «Армада Антареса»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА:

Дж.Уильямсон «Принцесса легиона»

Сборник «Материнский корабль»

Р.Гуларт «Флэш Гордон»

Д.Писерчия «Земля через миллион лет»

К.Андерсон «Марсианская война»

Э.Гамильтон «Огненная принцесса»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НАПЕЧАТАНО:

Р.Говард «Стервятники Техаса»

Р.Говард «Пески веков»

Жозеф-Анри Рони-ст. «Дикие времена»

Ф.Х.Фармер «Древняя Африка»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ:

Жозеф-Анри Рони-ст. «Неведомый мир»

И.Москвин «Сыщик Иван Путилин»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА:

Ф.Х.Фармер «Темное сердце»

Дж.Драммер «Невеста бога Змей»

Сборник «Герои Говарда»

МЕЧ И МАГНЯ

НАПЕЧАТАНО:

Г.Фокс «Дворец демонов»

Г.Фокс «Мир демонов»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ:

Э.Линн «Хроника Торнора»

Дж.Джейкс «Сокровища идола»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА:

Г.Фокс «Вор с Лларна»

Дж.Коулсон «Крантин»

Сборник «Клинки Востока»

HORROR BOOKS

НАПЕЧАТАНО:

Сборник «Ренегаты»

Сборник «Еще один крик»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ:

Сборник «Смех мертвых»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА:

Сборник «Реликт»

КНИГИ «ТОЙ (СЕВЕРО-ЗАПАД)»

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

НАПЕЧАТАНО:

Сборник «Миры иные»

Сборник «Листая старые страницы»

Виктор Гончаров «Век гигантов»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ:

Сборник «Миры чужие»

Сборник «Затерянные миры»

Сборник «Золото Арсан-Доулая»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА:

Сборник «Война грядущая»

Сборник «Гибель Земли»

Сборник «Тайна нового Парижа»

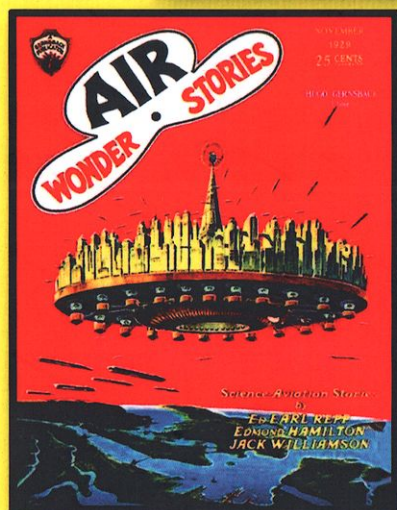
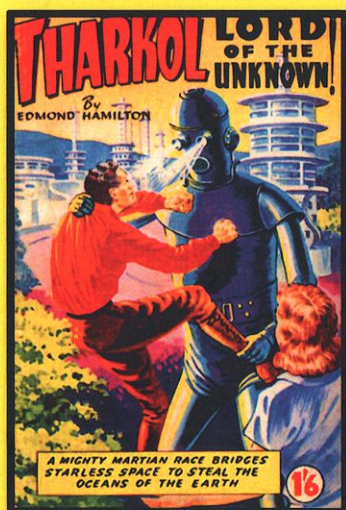
ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН
УЗНИК
МАРСА

+12

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственный редактор *И. Кремнев*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *В. Кудрешов*
Корректор *И. Жигалова*

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА

•Северо-Запад•

ISBN 978-5-93835-637-5

9 785938 356375